STORAGE-ITEM
MAIN LIBRARY

LP9-R34A
U.B.C. LIBRARY

ОТД. I.
СОЧИНЕНІЯ
ГЛАВН. БИБЛІОТЕКИ.
№ 6602

THE LIBRARY
Tuum est
THE UNIVERSITY OF
BRITISH COLUMBIA

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of British Columbia Library

http://www.archive.org/details/moskovskietsarii00savv

В. Савва.

МОСКОВСКІЕ ЦАРИ
и
ВИЗАНТІЙСКІЕ ВАСИЛЕВСЫ.

КЪ ВОПРОСУ

о вліяніи Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
(Рыбная ул., д. № 30-й).
1901.

На основаніи ст. 41 § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Устава печатать разрѣшается.
Харьковъ. 26-го Октября 1901 года.

Ректоръ Университета *Н. Куплевасскій.*

Врядъ ли необходимо оправдывать выборъ своей темы тому, кто ставитъ себѣ задачею изслѣдованіе вліянія Византіи на ту или иную сторону русской жизни. Итоги вѣками длившагося вліянія Византіи на русскую жизнь еще не подведены. Въ 1888 г., когда истекало 900-лѣтіе со времени крещенія Руси и болѣе чѣмъ 900 лѣтъ со времени начала вліянія Византіи на Русь, извѣстный византинистъ академикъ Ѳ. И. Успенскій, въ своей рѣчи „Русь и Византія въ X в.", констатировалъ невозможность „составить себѣ понятіе о количествѣ и качествѣ византійскихъ вліяній на Россію", пока не будетъ „предпринятъ рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій по спеціальнымъ вопросамъ: о вліяніи Византіи на древнюю русскую литературу, о заимствованіяхъ изъ Византіи по части художественныхъ идеаловъ, нашедшихъ примѣненіе въ искусствѣ, объ обмѣнѣ въ области юридическихъ понятій, въ устройствѣ государственности, въ домашнемъ быту и т. п." (стр. 32 и слѣд. Одесса, 1888 г.).

Издаваемый мною трудъ является однимъ изъ такихъ отдѣльныхъ изслѣдованій. Цѣль его—принести посильную лепту для разрѣшенія сложнаго и обширнаго вопроса о вліяніи Византіи на Русь. Задача его—уяснить, на сколько это было въ моихъ средствахъ, одинъ небольшой, но имѣющій свое значеніе, отдѣлъ въ указанномъ вопросѣ: предполагаемое вліяніе Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей.

Неоднократно высказывавшаяся мысль, что виднымъ проводникомъ византійскаго вліянія въ Кремлѣ была Софья Палеологъ, и что бракъ съ нею далъ московскому государю право смотрѣть на себя какъ на наслѣдника византійскихъ императоровъ-василевсовъ и ихъ титуловъ, побудила меня попытаться прежде всего выяснить предполагаемую роль

византійской царевны. Отсюда я перешелъ къ попыткѣ сопоставить московскаго царя съ византійскимъ василевсомъ въ томъ предположеніи, что, если идея власти московскаго царя заимствована изъ Византіи, то московскій царь долженъ быть подобенъ византійскому василевсу. Съ этою цѣлью я собралъ данныя, проливающія свѣтъ на характеръ власти византійскаго императора, и обратилъ вниманіе на нѣкоторые придворные обряды московскіе и византійскіе, потому что въ обрядахъ этихъ наглядно обрисовываются московскій царь и византійскій василевсъ. Предположеніе, что московскіе государи, начиная съ Іоанна III, смотрѣли на себя какъ на наслѣдниковъ византійскихъ василевсовъ и титуловъ ихъ, побудило меня обратить вниманіе на тѣ доказательства, которыя представляли московскіе цари въ пользу правъ своихъ на царскій титулъ, когда требовали признанія за собою этого титула отъ иноземныхъ государей. Такъ, казалось мнѣ, мы можемъ узнать отъ предполагаемыхъ наслѣдниковъ византійскихъ василевсовъ, дѣйствительно ли они считали себя таковыми.

Сознавая сложность и трудность затронутаго мною вопроса, я далекъ отъ мысли, что вопросъ этотъ послѣ моего изслѣдованія перестанетъ быть вопросомъ. Мнѣ кажется, что нельзя говорить о вліяніи Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей, не сопоставляя московскаго царя съ византійскимъ василевсомъ. Такое сопоставленіе въ указанныхъ мною предѣлахъ я и поставилъ главною цѣлью своей работы, полагая, что этимъ могу содѣйствовать разрѣшенію затронутаго мною вопроса.

Считаю долгомъ своимъ выразить искреннюю и глубокую благодарность лицамъ, облегчавшимъ мнѣ мой трудъ своею помощью и указаніями—профессорамъ А. С. Лебедеву, М. С. Дринову, Ѳ. Е. Коршу и Я. А. Денисову, а также историко-филологическому факультету Харьковскаго Университета, давшему средства для напечатанія моего труда.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I. Роль Софьи Палеологъ какъ проводника византійскаго вліянія въ Кремлѣ 1—57.

Взгляды на значеніе брака Іоанна III съ Софьей Палеологъ кн. Щербатова, Карамзина, Полевого, Соловьева, Костомарова, Д. И. Иловайскаго, Бестужева-Рюмина, И. Е. Забѣлина, Вешнякова, проф. В. С. Иконникова, Терновскаго, проф. Дьяконова, Ѳ. И. Успенскаго и о. Пирлинга 1—28. Источники, обрисовывающіе Софью Палеологъ и вліяніе ея на Іоанна III 28—37. Отраженіе неполноты источниковъ на мнѣніяхъ изслѣдователей 37—41. Софья Палеологъ до пріѣзда ея въ Москву 41—46. Отношеніе Іоанна III къ „константинопольскому наслѣдству" 46—48. Сфера вліянія Софьи Палеологъ въ Кремлѣ 48—57.

Глава II. Пространство и характеръ власти византійскаго императора 58—93.

Разные взгляды на характеръ отношеній византійскаго императора къ церкви 58—60. Отношеніе Константина В. къ церкви по свидѣтельству Евсевія 60. Отношенія къ византійскимъ императорамъ отцовъ нѣкоторыхъ вселенскихъ соборовъ и папы Льва В. 61—63. Мнѣнія о власти византійскаго императора въ дѣлахъ церкви Вальсамона и Димитрія Хоматіана 63—65. Взглядъ императора Льва Исавра на свое положеніе въ церкви 65—66. Свидѣтельство Никиты Хоніата о любви византійскихъ императоровъ къ догматствованію 66—67. Отношенія византійскихъ императоровъ къ патріархамъ по свидѣтельству Георгія Акрополита и Никифора Григоры 68. Названіе императоровъ Византіи святыми 68—70, владыками вселенной 71—72. Византійскіе императоры совершали кажденіе въ храмѣ, знаменовали съ трикиріемъ, вели учительныя бесѣды съ христіа-

нами и принимали участіе въ совершеніи богослуженія 72—78. Выходы византійскихъ императоровъ въ праздничные дни въ храмъ св. Софіи 78—89. Отношеніе византійцевъ къ императорамъ своимъ 89—93.

Глава III. Церковно-гражданскіе обряды византійскаго двора сравнительно съ такими же обрядами московскаго двора 94—109.

Императорскіе богомольные выходы въ Византіи сравнительно съ такими же выходами московскихъ государей въ изслѣдованіи г. Марковина 94—104. Выходы византійскихъ императоровъ въ храмъ св. Софіи въ нѣкоторые праздники въ трудѣ г. Каневскаго 104—105. Нѣкоторые церковно-гражданскіе обряды въ Византіи и на Руси въ изслѣдованіи анонима 105—107. Взгляды г. Марковина и анонима на значеніе церковно-придворныхъ обрядовъ московскихъ государей 107—109.

Глава IV. Происхожденіе и развитіе обряда вѣнчанія на царство московскихъ государей 110—157.

Вокняженія древнихъ русскихъ князей 110—112. Взгляды на великокняжеское вѣнчаніе внука Іоанна III прот. Горскаго, Е. В. Барсова, г. Попова и проф. Покровскаго 112—120. Хиротоніи и производства въ гражданскіе чины въ Византіи 120—121. Чинъ великокняжескаго вѣнчанія внука Іоанна III по сравненію съ кесарскою хиротоніею въ Византіи 121—128. Обряды коронованій византійскихъ императоровъ 129—142. Чины вѣнчаній на царство московскихъ государей 142—154. Отличіе позднѣйшаго обряда вѣнчанія на царство византійскихъ императоровъ отъ чина вѣнчанія сыновей царя Алексѣя Михайловича 154—157.

Глава V. Обрядъ въ недѣлю Ваій въ Византіи и на Руси 158—175.

Празднованіе наканунѣ и въ день Вербнаго Воскресенья въ Византіи по De cerimoniis aulae Byzantinae 158—163. Праздникъ Ваій по описанію Кодина 163—164. Московскіе чины дѣйства въ недѣлю Ваій 165—167. Различіе между обрядами Ваій въ Византіи и на Руси 167—169. Время по-

явленія дѣйства въ недѣлю Ваій на Руси 169—172. Значеніе этого дѣйства 172—173. Прекращеніе совершенія его 173—175.

Глава VI. Московскій посольскій обрядъ 176—270.

Взгляды Лешкова, Сахарова, проф. Н. И. Веселовскаго, Рихтера, Рамбо и о. Пирлинга на происхожденіе московскаго посольскаго обряда 176—193. Дипломатическія традиціи и пріемы московскаго посольскаго приказа въ трудѣ Веневитинова 193—196. Опредѣленіе Іоанномъ III мѣста своего среди европейскихъ государей 197—198. Характеръ отношеній московскихъ великихъ князей къ императорамъ Византіи 198—199. Итоги власти византійскихъ императоровъ надъ русскою церковью по опредѣленію проф. Павлова 199—200. Мысли въ Византіи о политической зависимости русскихъ князей отъ византійскаго императора 200—204. Обряды пріема византійскими императорами иноземныхъ пословъ по De cerimoniis aulae Byzantinae 204—208. Пріемъ византійскимъ императоромъ русской вел. кн. Ольги 208—211. Татарскій посольскій обрядъ по извѣстіямъ западныхъ и восточныхъ писателей 212—215. Посольскій обрядъ въ сношеніяхъ Іоанна III и Василія III съ крымскимъ ханомъ 216—230. Посольскій обрядъ въ сношеніяхъ Іоанна III и Василія III съ другими европейскими государями 230—251. Пріемъ пословъ германскаго императора въ Москвѣ по описанію Герберштейна 251—259. Московскій посольскій обрядъ въ XVII в. 259—268. Заключеніе 268—270.

Глава VII. Доказательства, представлявшіяся московскими государями въ пользу правъ ихъ на царскій титулъ 271—400.

Мнѣнія изслѣдователей о происхожденіи слова „царь“ и времени приложенія его къ русскимъ князьямъ 271—273. Случаи усвоенія царскаго титула Іоанномъ III и Василіемъ III 273—284. Требованіе Іоанна IV отъ германскаго императора признать за нимъ царскій титулъ 285—287. Требованіе того же отъ польскаго короля 287—323. Попытки Рима завязать сношенія съ Москвою 324—335. Поссевино въ роли

посредника между Іоанномъ IV и Баторіемъ 336—340. Титулъ Іоанна IV въ сношеніяхъ съ нимъ англійскаго правительства 340—341. Требованіе Өедора Іоанновича къ польскому королю признать за нимъ царскій титулъ 341—345. Умаленіе царскаго титула Өедора Іоанновича со стороны англійской королевы 345—347. Титулованіе Өедора Іоанновича со стороны Рима 347—356. Умаленіе царскаго титула Бориса Годунова со стороны германскаго императора 356—357. Требованіе Бориса Годунова къ польскому королю признать за нимъ царскій титулъ 357—366. Титулованіе Бориса Годунова со стороны Рима 366—367. Требованіе Разстриги отъ польскаго короля признать за нимъ императорскій титулъ 367—373. Требованіе Василія Шуйскаго отъ польскаго короля признать за нимъ царскій титулъ 378—380. Умаленіе титула Михаила Өедоровича со стороны германскаго императора, французскаго и датскаго королей 380—384. Требованіе Михаила Өедоровича отъ польскаго короля признать за нимъ царскій титулъ 384—386. Требованіе того же Алексѣемъ Михайловичемъ отъ папы 386—396. Объясненіе московскаго посланника въ Испаніи, почему Алексѣй Михайловичъ титуловалъ себя царемъ 396—397. Переговоры въ Москвѣ съ гонцомъ германскаго императора о признаніи царскаго титула московскаго государя со стороны папы 397—399. Признаніе папою царскаго титула за Петромъ I 400.

Замѣченныя опечатки.

Страница	Строка	Напечатано	Слѣд. напечатать
45	6 снизу	отецъ	папа
61	3 снизу	159	160
—	9 снизу	159	160
62	22 сверху	porrexitis	porrexistis
63	6 сверху	sacratissimo	sacratissima
208	2 снизу	408	403
236	5 сверху	1594	1514
352	1 сверху	московскихъ	(московскихъ)

Глава I.

Большое значеніе браку Іоанна III съ Софьей Палеологъ придавалъ еще кн. Щербатовъ. Іоаннъ III, по его словамъ, вступилъ въ бракъ съ Софьей, „проникая, что таковымъ супружествомъ можетъ получить нѣкоторое право на Греческій Константинопольскій престолъ, которое, не взирая на отдаленность мѣстъ, помощію самихъ Грековъ надъ неутвержденною властію Отоманскою можетъ въ дѣйство привести, а при томъ можетъ самымъ же симъ бракомъ пріобрѣсти себѣ сообщеніе съ Римскимъ Папскимъ дворомъ, и стараніями онаго имѣть сообщеніе и съ другими европейскими державами, чрезъ что и противу самыхъ Татаръ власть его страшнѣе будетъ; таковыя дальновидныя намѣренія свои объяснилъ онъ митрополиту, матери своей и боярамъ", которые сказали великому князю, что кромѣ политическихъ основаній, слѣдуетъ имѣть въ виду „и самыя достоинства Греческія княжны", которыя могутъ укрѣпить „сей бракъ и щастіе государя и народа", и что слѣдуетъ отправить посла въ Римъ, „который бы видѣлъ княжну Софію и могъ о достоинствахъ ее донести Великому Князю". Великій князь послѣдовалъ этому совѣту и отправилъ посла въ Римъ [1]).

Такую же картину совѣщанія Іоанна III съ матерью, митрополитомъ и боярами рисуетъ и Карамзинъ, только у послѣдняго инціатива отправленія посла въ Римъ для ознакомленія съ качествами Софьи исходитъ не отъ совѣтниковъ, но отъ самого Іоанна III. Великій князь, говоритъ Карамзинъ, очень обрадовавшійся исходившему изъ Рима предложенію вступить въ бракъ съ Софьей Палеологъ, „требовалъ совѣта отъ матери, митрополита Филиппа, знат-

[1]) „Исторія Россійская", т. IV, ч. II, стр. 23.

нѣйшихъ бояръ: всѣ думали согласно съ нимъ, что самъ Богъ посылаетъ ему столь знаменитую невѣсту, отрасль царственнаго древа, коего сѣнь покоила нѣкогда все Христіанство православное, нераздѣленное; что сей благословенный союзъ, напоминая Владиміровъ, сдѣлаетъ Москву какъ бы новою Византіею, и дастъ Монархамъ нашимъ право Императоровъ Греческихъ. Великій князь желалъ чрезъ собственнаго посла удостовѣриться въ личныхъ достоинствахъ Софіи и велѣлъ для того Ивану Фрязину ѣхать въ Римъ"...[1]). Карамзинъ понималъ, что „личныя достоинства" Софьи должны были интересовать Іоанна III не менѣе, чѣмъ совѣтниковъ его.

Щербатовъ приписалъ Іоанну III мысль о завоеваніи Константинополя и намѣреніе вступить въ сношенія съ европейскими государствами чрезъ Римъ, благодаря браку съ цареградской царевной, Карамзинъ же вложилъ въ уста Іоанна III и его совѣтниковъ только разсужденія о полученіи чрезъ этотъ бракъ правъ византійскихъ императоровъ, и увидѣлъ слѣдствіе его въ томъ то, что „Европа съ любопытствомъ и съ почтеніемъ обратила взоръ на Москву, дотолѣ едва извѣстную, что государи и народы просвѣщеннѣйшіе захотѣли нашего дружества"...[2]). Подобно Щербатову, Карамзинъ не указалъ источника, на основаніи котораго онъ изобразилъ сцену совѣщанія Іоанна III съ матерью, митрополитомъ и боярами.

Щербатовъ замѣтилъ, что Іоаннъ III, послѣ брака съ Софьей Палеологъ, старался „сообщенія съ Европейскими странами имѣть"[3]), Карамзинъ говоритъ, что главнымъ слѣдствіемъ этого брака были сношенія Московскаго государства съ западной Европой[4]). Обративъ, сравнительно съ Щербатовымъ, болѣе вниманія на личность Софьи, Карамзинъ расширилъ сферу ея вліянія и прибывшихъ съ нею въ Москву грековъ. Отмѣчая культурное ихъ вліяніе, онъ указываетъ, что Софья способствовала „велелѣпію нашего Двора сообщеніемъ ему пышныхъ обрядовъ Византійскаго"[5]). Какіе об-

[1]) „И. Г. Р.", изд. Эйнерлинга, т. VI, стр. 39.
[2]) Тамъ же, стр. 37.
[3]) Назв. трудъ, т. IV, ч. II, стр. 89.
[4]) Назв. трудъ, т. VI, стр. 45.
[5]) Тамъ же, стр. 45.

ряды появились при Московскомъ дворѣ, благодаря Софьѣ—Карамзинъ не говоритъ. Онъ склоненъ видѣть вліяніе Софьи въ рѣшимости Іоанна III свергнуть татарское иго. „Пишутъ, говоритъ онъ, что вел. кн. Софія, жена хитрая, честолюбивая, не преставала возбуждать супруга къ сверженію ига, говоря ему ежедневно: долго-ли быть мнѣ рабынею Ханскою?“ Благодаря Софьѣ татары были выселены изъ Кремля, и „Іоаннъ III прекратилъ унизительныя для него встрѣчи татарскихъ пословъ“ [1]).

Полевой въ своей „Исторіи русскаго народа“ также говоритъ о совѣщаніи Іоанна III съ „совѣтомъ Святителей и Бояръ“. На этомъ совѣтѣ „говорили, что Богъ посылаетъ Іоанну знаменитую невѣсту, отрасль корени отъ Кесаря Августа“ [2]). У Карамзина:—„всѣ думали согласно съ нимъ (Іоанномъ III), что самъ Богъ посылаетъ ему столь знаменитую невѣсту, отрасль царственнаго древа“... [3]) Но Полевой не вполнѣ слѣдуетъ Карамзину: о думахъ совѣтниковъ великаго князя, будто бракъ съ Софьей Палеологъ сдѣлаетъ Москву какъ-бы новой Византіей, и дастъ Іоанну III и его преемникамъ права византійскихъ императоровъ, авторъ „Исторіи русскаго народа“ умолчалъ. Онъ, подобно Карамзину, приписываетъ Іоанну III иниціативу посольства въ Римъ съ цѣлью познакомиться съ достоинствами Софьи: „Іоаннъ III хотѣлъ еще удостовѣриться въ красотѣ и достоинствахъ невѣсты. Ивана Фрязина назвали посломъ и отправили въ Италію“ [4]). Подобно Щербатову и Карамзину Полевой не указываетъ источника, изъ котораго почерпнуты рѣчи, влагаемыя имъ въ уста говорившихъ на совѣтѣ, созванномъ Іоанномъ III, для обсужденія проекта брака его съ Софьей Палеологъ.

Излагая переговоры о бракѣ съ Софьей и описывая пріѣздъ ея въ Москву, Полевой ссылается на отдѣльное подробное описаніе пріѣзда Софьи въ Москву и переговоровъ, которые предшествовали этому пріѣзду. Въ этомъ описаніи сказано только, что Іоаннъ III, вслѣдствіе предложенія брачнаго союза съ Софьей,

---

[1]) Тамъ же, т. VI, стр. 58.

[2]) „Ист. рус. народа“, т. V, стр. 482—483.

[3]) „И. Г. Р.“ т. VI, стр. 39.

[4]) Тамъ же, стр. 482.

„помысливъ о семъ со отцемъ своимъ Филиппомъ митрополитомъ и съ матерью своею и з бояры“, послалъ Ивана Фрязина видѣть царевну“ [1]). По возвращеніи Ивана Фрязина въ Москву. Іоаннъ III, прежде чѣмъ послать за Софьей, также „обмыслилъ съ отцемъ своимъ Филиппомъ митрополитомъ и съ матерью своею великою княгинею Марьею и з братьею и з бояры“...[2]). Что говорилось на первомъ и на второмъ совѣщаніяхъ Іоанна III съ матерью, митрополитомъ и боярами, въ описаніи, на которое ссылается Полевой, не сказано. Должно быть, молчаніе описанія и лѣтописей относительно того, что именно говорилось на этихъ совѣщаніяхъ при обсужденіи проекта брака съ Софьей, было причиною, почему Полевой не послѣдовалъ вполнѣ Карамзину, и счелъ возможнымъ допустить только, что совѣтники Іоанна III говорили о Софьѣ какъ о знаменитой невѣстѣ, но не приписалъ Іоанну III и совѣтникамъ его мысли, подобно Карамзину, получить права на Византію чрезъ бракъ съ византійской царевной. Полевой не видитъ отъ этого брака такихъ важныхъ политическихъ послѣдствій для московскаго государства, какъ Карамзинъ. „Супружество Іоанна съ Греческою Царевною не принесло Руси собственно ничего, говоритъ Полевой, кромѣ чести — именоваться русскому царю зятемъ греческихъ императоровъ....... Наслѣдства за Софіею не было. Дружбу Султана Іоаннъ, конечно, предпочелъ бы пустому титулу наслѣдника Византійскаго престола. Онъ и не искалъ сего титула... Но Іоаннъ извлекъ важныя выгоды отъ пріѣзда многихъ грековъ въ Москву...... Они привлекали къ нему другихъ иноземцевъ; были послами, чиновниками Іоанна, изъясняли ему политическія связи Европы, учили русскихъ дипломатикѣ... И прежде выѣзжали въ Русь художники Европейскіе: Іоаннъ началъ самъ искать, вызывать ихъ въ Русь“...[3]). О вліяніи Софьи на рѣшимость Іоанна III свергнуть иго татарское Полевой не говоритъ. Онъ упомянулъ имя

[1]) „Продолженіе др. Рос. Вивл.“, ч. III, стр. 50.

[2]) Тамъ же, стр. 52. Эти извѣстія описанія о совѣщаніяхъ Іоанна III заимствованы издателемъ, по словамъ его, какъ и самое описаніе пріѣзда Софьи въ Москву, изъ лѣтописи времени царя Ивана Васильевича; тамъ же, стр. 48 прим. 1 и стр. 52 прим. 7.

[3]) Наз. трудъ, V, стр. 564—566.

ея разсказывая о свержении ига татарскаго: „Софія, боясь неудачи въ битвахъ, поспѣшно ѣхала далѣе и далѣе, говоря, что поѣдетъ до самаго моря Окіяна“ [1]). Полевой отмѣчаетъ ропотъ современниковъ, что Софія „бѣжала отъ страха татарскаго“ [2]).

Соловьевъ, слѣдуя лѣтописи, говоритъ только, что Іоаннъ III предложеніе руки Софьи „взялъ въ мысль и, подумавши съ митрополитомъ, матерью и боярами, отправилъ въ Римъ своего посла“ [3]). Влагаемыя Щербатовымъ и Карамзинымъ въ уста Іоанна III и его совѣтниковъ разсужденія (на совѣщаніи) о значеніи для Московскихъ государей брака съ византійской царевной, Соловьевъ обошелъ молчаніемъ. О вліяніи Софьи на своего супруга онъ говоритъ на основаніи свидѣтельствъ Герберштейна, князя Курбскаго и рѣчей опальнаго боярина Берсеня Беклемишева. Софья, по мнѣнію Соловьева, принесла съ собою преданія имперіи, которыя способствовали укрѣпленію за великимъ княземъ московскимъ высшаго значенія относительно другихъ князей. Современники, говоритъ Соловьевъ, замѣтили, что со времени брака съ Софьей Іоаннъ III возвысился до царственной недосягаемой высоты въ отношеніи князей и дружины, приписали эту перемѣну внушеніямъ Софьи, и мы не имѣемъ никакого права отвергать ихъ свидѣтельство [4]). Ссылаясь на свидѣтельства Курбскаго и Берсеня, Соловьевъ имѣетъ въ виду, что свидѣтельства эти принадлежатъ лицамъ пристрастнымъ, и потому указываетъ на Герберштейна и лѣтописцевъ, подтверждающихъ недовольныхъ князя и боярина [5]). Отмѣчая вліяніе Софьи на перемѣну отношеній Іоанна III къ князьямъ и боярамъ, Соловьевъ указываетъ, что къ половинѣ XV в. „всѣ отношенія духовенства, дружины и остальнаго населенія клонились къ утвержденію въ Москвѣ крѣпкаго самодержавія, что къ этому времени все уже было приготовлено къ тому, чтобы новое государство приняло именно эту форму; но отъ стараго порядка вещей оставались еще нѣкоторыя преданія, обычаи,

---

[1]) Тамъ же, стр. 495.

[2]) Тамъ же, стр. 501.

[3]) „Ист. Рос.“, т. V, стр. 66, изд. 5.

[4]) Тамъ же, стр. 70.

[5]) Тамъ же, стр. 71.

пріемы, отъ которыхъ нужно было освободиться“ [1]). Въ дѣлѣ освобожденія отъ нихъ помогла Софья.

По мнѣнію Соловьева, въ вѣнчаніи Іоанномъ внука своего на царство, сказалось вліяніе мыслей, внушенныхъ своему супругу Софьей, которая, конечно, имѣла въ виду вѣнчаніе сына своего [2]). Вліяніе же Софьи Соловьевъ склоненъ видѣть въ рѣшимости Іоанна III свергнуть татарское иго, причемъ ссылается на „Чтенія Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“ годъ III, № 4“, имѣя въ виду, конечно, исторію Татищева. Въ этой исторіи, подъ 1479 г., находимъ разсказъ, что великій князь повѣдалъ матери, дядѣ, всѣмъ князьямъ и боярамъ требованіе хана Ахмата, чтобы онъ самъ привезъ дань за прежніе годы или прислалъ-бы ее съ сыномъ своимъ; тогда великому князю „мнози реша: лучше ти, княже, умирити дары нечестиваго, неже кровь христіянскую проліяти“. Софья, слыша это, заплакала и сказала Іоанну III, что отецъ ея и она предпочли лишиться отчины своей, чѣмъ платить дань, что она отказала другимъ богатымъ и сильнымъ князьямъ и вышла замужъ за него, а онъ хочетъ ее и дѣтей ея сдѣлать татарскими данниками; ты имѣешь, говорила она мужу, много войска и помощникомъ своимъ Бога, зачѣмъ же ты предпочитаешь слушать рабовъ своихъ вмѣсто того, чтобы стоять за честь свою и за св. вѣру? Какъ прежде, такъ и теперь откажи хану въ платежѣ дани. Іоаннъ III удивился совѣту жены своей, когда же на другой день явился къ нему посолъ съ ханской басмой, бросилъ ее на полъ и отказалъ послу въ платежѣ дани [3]). Вотъ все, что Соловьевъ приписываетъ вліянію Софьи.

Характеризуя дѣятельность Іоанна III, Соловьевъ относится отрицательно къ мнѣнію, образовавшемуся въ XVIII в., будто Іоаннъ III соединилъ до него раздробленную Россію въ одно цѣлое и свергнулъ татарское иго. Относительно послѣдняго Соловьевъ говоритъ, что татары ослабѣвали постепенно, что Димитрій Донской разбилъ Мамая, но былъ принужденъ заплатитъ дань Тохтамышу, Іоаннъ же III Ахмата не разбивалъ, однако по смерти

---

[1]) Тамъ же, стр. 69.

[2]) Тамъ же, стр. 73.

[3]) „Исторія Рос.“, кн. V, стр. 78.

его татары съ Волги не приходили къ Москвѣ за данью, что Димитрій Донской имѣлъ дѣло „хотя съ потрясеннымъ, но еще довольно сильнымъ тѣломъ, а Іоаннъ III—съ одною уже тѣнью“ [1]).

Костомаровъ приводитъ бесѣду опальнаго Берсеня съ Максимомъ Грекомъ, какъ свидѣтельство существовавшаго во времена Василія III мнѣнія, будто образованію единодержавія много помогло вліяніе Софьи. Но Костомаровъ признаетъ несомнѣннымъ, что Софья „могла только укрѣплять своего супруга въ помыслахъ самодержавія, но не зарождала ихъ въ немъ; обстоятельства, къ которымъ привела Русь вся ея предшествовавшая судьба, были достаточны для возбужденія рѣшительныхъ стремленій къ самодержавію безъ постороннихъ чуждыхъ вліяній [2]). Костомаровъ приписываетъ отчасти вліянію Софьи появленіе царственныхъ пріемовъ и придворнаго величія въ жизни московскаго государя, и полагаетъ, что Іоаннъ III, вслѣдствіе брака съ Софьей, сталъ воображать себя преемникомъ славы и величія православныхъ византійскихъ царей. Послѣднее, по мнѣнію Костомарова, выразилось въ томъ, что Іоаннъ III, въ нѣкоторыхъ своихъ грамотахъ, началъ титуловать себя царемъ и вѣнчалъ на царство внука своего [3]).

Д. И. Иловайскій высказалъ мнѣніе, что бракъ Іоанна III съ Софьей имѣлъ разнообразныя и важныя послѣдствія для московскаго государства [4]). Къ извѣстіямъ, будто на рѣшимость Іоанна III свергнуть татарское иго повліяла Софья, Д. И. Иловайскій относится осторожно: „если вѣрить, говоритъ онъ, нѣкоторымъ извѣстіямъ, то на рѣшимость Іоанна III уничтожить самую тѣнь татарской зависимости, т. е. платежъ дани, болѣе всего повліяла его супруга Софья“ [5]). Принимая во вниманіе характеръ и вообще образъ дѣйствій Іоанна III, Д. И. Иловайскій полагаетъ, что „кромѣ внушеній Софьи на рѣшимость Іоанна прекратить данническія отношенія къ Золотой Ордѣ повліяло и общественное мнѣ-

---

[1]) „Ист. Россіи“, т. V, стр. 362.

[2]) „Начало единодержавія въ древн. Руси“, Истор. мон. т. XII, стр. 106.

[3]) Тамъ же, стр. 108.

[4]) „Ист. Рос.“, т. II, стр. 450, изд. I.

[5]) Тамъ же, стр. 467.

ніе московскаго населенія: ненависть къ татарскому ярму, сознаніе его унизительности и презрѣніе къ варварамъ-мусульманамъ... все болѣе и болѣе выступали наружу по мѣрѣ внѣшнихъ успѣховъ и политическаго усиленія московскаго государства. Иванъ Васильевичъ не только не опережалъ въ этомъ случаѣ общественныя стремленія, а напротивъ долженъ былъ бороться съ нетерпѣніемъ значительной части своего народа“ [1]). Въ завязавшихся дипломатическихъ сношеніяхъ Іоанна III съ иноземными государствами Д. И. Иловайскій видитъ слѣдствіе свերженія татарскаго ига и объединенія Руси въ одно сильное государство. Онъ указываетъ, что усилившееся московское государство обратило на себя вниманіе Европы, и нѣкоторые государи сами искали съ нимъ дружбы и союза [2]), что Іоаннъ III на первыхъ порахъ въ своихъ сношеніяхъ съ европейскими державами пользовался нѣкоторыми греко-итальянскими выходцами, знакомыми съ языкомъ и обычаями иноземными, но, вскорѣ подъ руководствомъ великаго князя образовалась собственная русская школа дипломатовъ въ средѣ московскихъ бояръ и дьяковъ [3]). Перемѣну отношеній Іоанна III къ боярамъ Д. И. Иловайскій ставитъ въ связь съ усиліемъ власти московскаго великаго князя и поэтому находитъ естественнымъ, что Іоаннъ III, обладая вообще нравомъ строгимъ, любящимъ повиновеніе, повысилъ тонъ съ боярами сравнительно съ отцомъ, который боролся за великокняжескій столъ большую часть своего княженія и много былъ обязанъ именно боярамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Д. И. Иловайскій считаетъ несомнѣннымъ, что Софья принесла съ собою въ Москву многія преданія и понятія византійскаго двора, и что ея вліяніе еще болѣе подняло и безъ того высокія представленія Іоанна III о своей власти [4]).

Подводя итогъ вліянію Софьи, Д. И. Иловайскій заключаетъ, что Іоаннъ III, благодаря внушеніямъ ея, пришелъ къ намѣренію покончить съ самою тѣнью постыднаго татарскаго ига и подъ ея вліяніемъ старался окружить свой дворъ возможною пыш-

[1]) Тамъ же, стр. 468.

[2]) Тамъ же, стр. 493.

[3]) Тамъ же, стр. 496.

[4]) Тамъ же, стр. 503.

ностью и блескомъ и усилить сторону обрядовую. Но, по мнѣнію Д. И. Иловайскаго, такое вліяніе не слѣдуетъ преувеличивать на томъ основаніи, что впослѣдствіи, при сынѣ и внукѣ Іоанна III, нѣкоторые бояре, сѣтуя на суровость и высокомѣрное обращеніе съ ними московскихъ государей, приписывали эту перемѣну въ обращеніи именно Софьѣ и пріѣхавшимъ съ нею грекамъ. Обвинять въ какомъ-либо непріятномъ общемъ явленіи одно извѣстное лицо, говоритъ Д. И. Иловайскій, слишкомъ обычная черта въ человѣческихъ обществахъ; бояре того времени, конечно, не смотрѣли на событія съ исторической точки зрѣнія, которая обязательна для историка. Особенно ясно, по мнѣнію Д. И. Иловайскаго, выразилось вліяніе Софьи въ вопросѣ о престолонаслѣдіи: Іоанну III наслѣдовалъ не внукъ Димитрій, но сынъ отъ брака съ Софьей — Василій [1]).

Бестужевъ-Рюминъ высказалъ мнѣніе, что на форму московскаго государства и на всю внѣшнюю обстановку власти государей его имѣлъ важное вліяніе бракъ Іоанна III съ Софьей Палеологъ, которая принесла въ Москву обычаи и преданія византійской имперіи [2]). Онъ указываетъ, что большое значеніе этому браку придавали современники, мнѣнія которыхъ находимъ у Герберштейна, кн. Курбскаго и въ рѣчахъ Берсеня Беклемишева, что Іоаннъ III первый окружилъ себя царскимъ величіемъ и первый принялъ внѣшніе знаки этого величія: сталъ употреблять гербъ византійской имперіи, вѣнчалъ своего внука царскимъ вѣнцомъ; что Іоанну же, вѣроятно, принадлежитъ этикетъ, съ которымъ принимали пословъ послѣдующіе московскіе государи, что едва-ли также не ко времени Іоанна III надо отнести большую часть придворныхъ чиновъ [3]). Отмѣчая, что виднѣйшее событіе въ государствованіе Іоанна III—низверженіе татарскаго ига—приводится многими въ соотношеніе съ появленіемъ Софьи въ Кремлѣ, Бестужевъ-Рюминъ говоритъ, что сверженіе ига—старая, завѣтная мысль московскихъ князей,—не можетъ быть объяснено однимъ случайнымъ обстоятельствомъ, хотя допускаетъ, что гордой Софьѣ тяжела

[1]) Тамъ же, стр. 504.

[2]) „Рус. Ист.“, т. II, стр. 156.

[3]) Тамъ же, стр. 157.

была зависимость ея мужа отъ татарскаго хана, и не отрицаетъ нѣкоторой справедливости въ передаваемыхъ по этому случаю разсказахъ [1]).

И. Е. Забѣлинъ полагаетъ, что слѣдствія брака Іоанна III съ Софьей Палеологъ имѣли большое значеніе и въ государственномъ отношеніи и въ частномъ быту московскаго государя. Новое государственное направленіе, говоритъ онъ, возникшее въ концѣ XV в. естественнымъ ходомъ исторіи, было приведено въ полную сознательность и опредѣленность съ пріѣздомъ въ Москву Софьи. Дворъ и дворецъ московскаго государя съ этого времени стали постепенно преобразовываться, заимствуя многое отъ угаснувшей Византіи. При томъ этотъ бракъ завязалъ самыя тѣсныя сношенія Москвы съ европейскими государствами; начались частые пріѣзды иноземныхъ пословъ, пріемъ которыхъ, при новыхъ политическихъ отношеніяхъ московскаго государя, требовалъ бóльшей церемоніальности, бóльшаго помѣщенія [2]). Подъ вліяніемъ византійскихъ идей и обычаевъ, живымъ представителемъ которыхъ была Софья Палеологъ и окружавшіе ее греки, московскій государь не только вполнѣ созналъ свое царственное значеніе, принялъ титулъ царя всея Руси, но и облекъ это значеніе въ соотвѣтственныя царскія формы... Новое устройство двора, установленіе новыхъ придворныхъ обычаевъ и торжественныхъ чиновъ или обрядовъ, по подобію обычаевъ и обрядовъ двора византійскаго, навсегда опредѣлили высокій санъ самодержца и отдалили его на неизмѣримое разстояніе отъ подданныхъ [3]). Но, замѣчаетъ И. Е. Забѣлинъ, при Іоаннѣ III всѣ придворные обряды еще не облекались въ тѣ пышныя формы, какія они получили впослѣдствіи; вообще пышная, великолѣпная обстановка царскаго сана входила постепенно и водворилась окончательно только при его внукѣ [4]).

Въ своей статьѣ: „Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія“ И. Е. Забѣлинъ удѣляетъ болѣе вниманія уясненію

[1]) Тамъ же, стр. 161.

[2]) „Домашній бытъ русск. царей“, стр. 42, изд. 3.

[3]) Тамъ же, стр. 278.

[4]) Тамъ же, стр. 278.

вліянія Софьи на своего супруга. Въ этой статьѣ авторъ ея говоритъ не столько о греческомъ вліяніи, проникшемъ въ Москву съ Софьей, сколько объ итальянскомъ. Онъ указываетъ, что съ Софьей пріѣхали въ Москву многіе итальянцы и многіе греки. „Этотъ наплывъ итальянцевъ и грековъ изъ Италіи, долженъ былъ по словамъ И. Е. Забѣлина, произвести свое вліяніе на московскіе умы, искавшіе въ то время средствъ и способовъ, какъ лучше устроиться въ новосозданомъ государствѣ“. Недовольные русскіе люди очень осуждали Софью за принесенныя ею нововведенія. „Они складывали всю вину на одну личность, потому что это былъ живой символъ вторгнувшагося въ Москву иного порядка мыслей и дѣлъ, но который возникъ изъ обмѣна мыслей, сужденій, совѣтовъ, отъ цѣлаго общества образованныхъ иноземцевъ изъ Италіи“. „Несомнѣнно, что съ Софьей прибыли въ Москву люди избранные, и несомнѣнно, что они-то и принесли совсѣмъ иныя, европейскія, и при томъ итальянскія идеи объ обязанностяхъ и правахъ государя—владыки земли. Въ то время Италія, истощаемая безпутствомъ политическихъ властей, усердно и настойчиво мыслила о разумныхъ способахъ и средствахъ для созданія прочнаго государства. Ей, по ея собственнымъ опытамъ, хорошо были знакомы весьма разнородныя формы государственнаго порядка, поэтому нигдѣ въ Европѣ теорія государственной мудрости не была столько распространена, какъ въ тогдашней Италіи, и, конечно, нигдѣ не было столько знатоковъ и учителей хитростямъ политики, какъ между итальянцами“. И. Е. Забѣлинъ обращаетъ вниманіе, что Маккіавели былъ сынъ того поколѣнія, которое явилось съ своими политическими идеями въ Москву, и „его знаменитое сочиненіе „Государь“ показываетъ, что политическая практика того времени была очень наклонна къ созданію неограниченнаго единовластія, а прибывшіе съ царевной Софьей греки, по своимъ преданіямъ, не могли иначе и разсуждать, какъ о томъ же идеалѣ единовластнаго и самовластнаго царя самодержца“. Многое могъ услышать московскій государь, говоритъ И. Е. Забѣлинъ, отъ прибывшихъ съ царевной итальянцевъ и грековъ, на пользу наибольшаго развитія своей государевой власти, а еще болѣе отъ своей супруги, которая являлась, такъ сказать, посредникомъ между

нимъ и прибывшими съ нею изъ Италіи. Когда новыя государственныя идеи принесли свой плодъ въ новомъ поколѣніи людей, то старые люди объяснили перемѣну въ характерѣ и поведеніи сына Іоанна III именно вліяніемъ Софьи (Берсень). Такимъ образомъ Софьины греки и итальянцы принесли московскому государю, воспитанному на великокняжескихъ отношеніяхъ, идеалъ царя, принесли ученіе о томъ, какъ слѣдуетъ царствовать, какъ относиться къ подданнымъ. Слово „царь" переноситъ мысль государя на новую почву и возстановляетъ передъ нимъ идеалъ римскихъ и византійскихъ царей, очень извѣстныхъ всей тогдашней церковной книжности. Возстановляется неизвѣстная дотолѣ на Руси тираннія по идеалу тиранній, существовавшихъ въ той же Италіи и особенно въ Византіи [1]). Въ заключеніи своей статьи, указывая на постепенность развитія самовластія московскихъ государей, И. Е. Забѣлинъ говоритъ, что государево самовластіе на русской почвѣ, сильно ограниченное старозавѣтными обычаями, быть можетъ, еще не такъ скоро получило окончательную отдѣлку, окончательную уже царскую форму, еслибы не пришли ему на помощь для надлежащаго его воспитанія и образованія Софьины греки и итальянцы [2]).

Большое значеніе вліянію Софьи на своего супруга придалъ Вешняковъ въ своемъ разсужденіи „О причинахъ возвышенія московскаго княжества". Указывая, что „княженіе Іоанна III представляетъ послѣдній, рѣшительный моментъ возвышенія Москвы, представляетъ рѣшеніе великой задачи, предложенной Іоанномъ Калитою, поддержанной Симеономъ Гордымъ, развитой Димитріемъ Донскимъ и доведенной почти до конца двумя Василіями", что Іоанну III „оставалось нанести послѣдній ударъ волѣ Новгородской, довершить собираніе земли Русской и отшатнуться отъ Орды, не говоримъ свергнуть иго, ибо оно не существовало", характеризуя Іоанна III, „воспитаннаго среди важнѣйшихъ дѣлъ государственнымъ отцомъ своимъ, который былъ политикъ хитрый и властолюбивый", какъ „одареннаго отъ природы геніальнымъ тактомъ выбирать благопріятное время, надежныя средства и да-

---

[1]) „Истор. Вѣстникъ", 1881 г., апрѣль, стр. 772—776.

[2]) Тамъ же, стр. 779.

ровитыхъ людей", обнаружившаго въ своей политикѣ благоразуміе, постепенность и ловкую умѣренность [1]), Вешняковъ въ то же время находитъ, что Іоаннъ III, „покоряя Новгородъ, сокрушая удѣлы, безъ сомнѣнія не мало слѣдовалъ въ этихъ случаяхъ совѣтамъ супруги своей, гордой гречанки, послѣдней отрасли Палеологовъ, Софіи... Софія принесла съ собой въ Россію идею о царскомъ величіи, о пышности двора Византійскаго; Іоаннъ III, слѣдуя ея внушеніямъ, окружилъ себя блескомъ и величіемъ, которые затмили князей удѣльныхъ. Рожденный „съ манерами царскими" (Bergeron. Voyage de Contarini. chap. VIII), которыя онъ сохранилъ и во всю жизнь, женатый на гордой принцессѣ, воспитанной въ правилахъ двора Византійскаго, Іоаннъ естественно долженъ былъ стремиться къ утвержденію Единодержавія"... [2]). Благодаря браку Іоанна III съ Софьей, произошло, по мнѣнію Вешнякова, сближеніе Россіи съ Европой. „Софію же, говоритъ онъ, по свидѣтельству современниковъ, имѣемъ мы право считать виновницей свободы Россіи и сверженія постыднаго ига" [3]).

Разсужденія о вліяніи Софьи на своего супруга естественно находимъ въ трудахъ, посвященныхъ выясненію вліянія Византіи на Русь.

Проф. Иконниковъ указывалъ, что въ развитіи политическихъ понятій московской Руси имѣли большое значеніе и политическія преданія Византіи. Какъ родство Владиміра Мономаха по матери съ греческою династіею, говоритъ онъ, высоко поставило русскаго князя въ глазахъ современниковъ, такъ и женитьба Іоанна III на Софьи Палеологъ придала Московскому Государю нравственное значеніе. Проф. Иконниковъ приводитъ мнѣніе Соловьева, что Софья принесла въ Москву преданія имперіи (византійской), и указываетъ, что Карамзинъ считалъ, между прочимъ, слѣдствіемъ брака Іоанна III съ византійской царевной принятіе московскимъ государемъ византійскаго герба и введеніе пышности и недоступности византійскаго двора при дворѣ московскомъ [4]).

[1]) Назв. трудъ, стр. 138—139, Спб. 1851 г.

[2]) Тамъ же, стр. 152.

[3]) Тамъ же, стр. 153.

[4]) „Опытъ изслѣдованія о культурн. знач. Византіи въ русской исторіи", стр. 362—363.

Проф. Терновскій замѣтилъ, что кромѣ Софьи важную политическую роль въ Москвѣ играли греки, пришедшіе туда или вмѣстѣ съ Софьей или немного прежде и послѣ нея. Говоря о вліяніи Софьи, онъ имѣетъ въ виду рѣчи Берсеня и свидѣтельства Герберштейна и Курбскаго. Вліяніе Софьи, по мнѣнію Терновскаго, сказалось въ рѣшимости Іоанна III свергнуть татарское иго; благодаря ея же вліянію въ значительной степени усилился монархизмъ, произошла перемѣна отношеній государя къ окружавшимъ его боярамъ, умножились придворные чины и церемоніи при московскомъ дворѣ по подобію двора византійскаго, вызваны были въ Москву итальянскіе художники [1]).

Проф. Дьяконовъ, разсмотрѣвъ отношеніе Іоанна III къ попыткамъ соблазнить его константинопольскимъ наслѣдіемъ послѣ брака съ Софьей Палеологъ, пришелъ къ заключенію, что Іоаннъ III, повидимому, отрицательно относился къ вопросу о реальномъ наслѣдствѣ константинопольскихъ царей, такъ какъ наслѣдство это предстояло еще добывать у турокъ, борьба съ которыми вовсе не входила въ его планы [2]).

Проф. Успенскій высказалъ мнѣніе, что „бракъ Іоанна III съ Софьей Палеологъ служитъ обоснованіемъ теоріи Константинопольскаго наслѣдства“. „Я имѣю здѣсь въ виду не то, говоритъ проф. Успенскій, что въ силу этого брака Иванъ III могъ себя считать наслѣдникомъ престола византійскихъ царей, а нѣчто болѣе реальное, именно *актъ передачи титула на Византію* со стороны дѣйствительнаго наслѣдника престола Андрея Палеолога“ [3]). Вотъ, по мнѣнію проф. Успенскаго, слѣдствіе брака Іоанна III съ Софіей Палеологъ. Путь, которымъ проф. Успенскій пришелъ къ такому заключенію, выясняется, если имѣть въ виду исторію Палеологовъ послѣ паденія Византіи. Семья эта послѣ 1453 г. состояла изъ двухъ братьевъ: Димитрія и Ѳомы. Старшій—Димитрій—въ 1460 г. попалъ въ плѣнъ къ туркамъ, былъ отведенъ въ Константинополь и умеръ десять лѣтъ спустя; онъ

---

[1]) „Изученіе визант. исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси“, вып. II, стр. 53—54.

[2]) „Власть московскихъ государей“, стр. 83.

[3]) „Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ“, стр. 28.

имѣлъ только одну дочь, которая была взята въ гаремъ султана. Младшій—Ѳома—бѣжалъ на островъ Корфу, откуда переселился въ Римъ. Сюда онъ явился въ качествѣ претендента на византійскій престолъ, дѣятельно хлопоталъ здѣсь и въ Венеціи о возстановленіи своихъ правъ на этотъ престолъ, но умеръ въ 1462 г., не успѣвъ въ своихъ хлопотахъ; нѣсколько ранѣе умерла супруга его. Послѣ него остались два сына: Андрей и Мануилъ и двѣ дочери: Елена и Зоя. Первая умерла въ 1474 году, вторая же, вмѣстѣ съ братьями, воспитывалась на счетъ папы (папа выдавалъ на содержаніе дѣтей Ѳомы 12000 р. въ годъ) въ Римѣ, гдѣ поселились дѣти Ѳомы послѣ смерти его. Мануилъ вскорѣ бѣжалъ изъ Рима въ Константинополь, гдѣ ему пожалованъ былъ гаремъ и приличное содержаніе; отъ него пошла мусульманская вѣтвь Палеологовъ. Андрей и Зоя воспитывались по плану, начертанному кардиналомъ Виссаріономъ. Они имѣли свой дворъ, при нихъ находился медикъ, учитель грекъ, учитель итальянецъ, одинъ или два латинскихъ священника. Желаніе Ѳомы было, по свидѣтельству кардинала Виссаріона, чтобы дѣти его воспитаны были въ лонѣ латинской церкви. Царевна Зоя сосватана была за одного знатнаго венеціанца изъ рода Caraccioli, а Андрей оказался безпутнымъ человѣкомъ, женился на служанкѣ, но дѣтей отъ нея не имѣлъ. Таковы, говоритъ проф. Успенскій, греческія и латинскія извѣстія о послѣднихъ Палеологахъ [1]).

Называя Андрея Палеолога безпутнымъ человѣкомъ и искателемъ приключеній, проф. Успенскій обращаетъ вниманіе на то, что Андрей, породнившись съ Іоанномъ III, не переселился въ Москву, но пріѣзжалъ туда только два раза на короткое время. Это, по мнѣнію проф. Успенскаго, объясняется тѣмъ, что „живой наслѣдникъ титула византійскихъ царей, претендующій на возвращеніе себѣ имперіи, былъ въ Москвѣ не къ мѣсту, самая его личность краснорѣчиво протестовала противъ того литературнаго движенія, въ которомъ выразился подъемъ русскаго національнаго чувства“ [2]). Въ Москвѣ, предполагаетъ проф. Успенскій, съ

---

[1]) Назв. трудъ, стр. 26—27.

[2]) Проф. Успенскій имѣетъ въ виду книжную теорію: Москва — третій Римъ, которую сформулировалъ впервые старецъ одного изъ псковскихъ мона-

Андреемъ Палеологомъ могли вступить въ переговоры, цѣлью которыхъ была передача Андреемъ правъ на византійскій престолъ Іоанну III. Къ такому предположенію проф. Успенскаго привело то, что мысль о принадлежности константинопольскаго наслѣдства московскимъ государямъ впервые высказана не въ русскихъ памятникахъ, а подсказана русскимъ изъ Рима въ началѣ XVI в. [1]). Почему въ Римѣ возникла эта мысль, проф. Успенскій объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „въ Римѣ, конечно, имѣли основаніе приписывать русскимъ князьямъ притязанія на Константинопольскую вотчину, о которыхъ сами русскіе князья, по крайней мѣрѣ, въ подобной формѣ не заявляли еще, ибо легко понять, что съ теоріей о константинопольской вотчинѣ соединяется идея правъ на обладаніе землями Византійской короны. Такъ далеко русскіе не шли въ началѣ XVI в. Они выработаютъ формулу и для этого права, но нѣсколько позже. Въ Римѣ, высказывая теорію о наслѣдіи русскими князьями Константинополя, могли отправляться отъ извѣстныхъ тогда въ папскихъ архивахъ и до нынѣ сохранившихся нѣсколькихъ актовъ передачи или продажи Андреемъ Палеологомъ своихъ царскихъ правъ съ титуломъ и землями византійской короны“ [2]).

Такъ какъ въ первый разъ о константинопольской вотчинѣ московскаго великаго князя заговорили римскіе дипломаты, проф. Успенскій заключилъ: „одинъ изъ подобныхъ актовъ продажи титула и правъ на византійскую имперію (проф. Успенскій указываетъ два акта продажи Андреемъ Палеологомъ своихъ правъ на титулъ и земли византійской имперіи королямъ Франціи и Испаніи) русскому царю долженъ находиться въ архивахъ Ватикана“ [3]).

стырей Филоѳей въ письмахъ къ вел. кн. Василію III и дьяку Мисюрю Мунехину, (назв. тр. стр. 20); проф. Успенскій не придаетъ значенія тому обстоятельству, что теорія эта является домысломъ времени Василія III, но не времени Іоанна III).

[1]) Назв. трудъ, стр. 27 и 29. О. Пирлингъ указываетъ, что о правахъ Іоанна III на византійскую имперію заговорилъ въ 1473 г., ранѣе Рима, венеціанскій сенатъ. „Россія и Востокъ“, стр. 103, 166.

[2]) Тамъ же, стр. 29—30.

[3]) Тамъ же, стр. 31.

Съ такимъ заключеніемъ проф. Успенскаго врядъ ли можно согласиться. Мысль о завоеваніи отдаленнаго отъ Москвы Константинополя, владыка котораго имѣлъ своимъ вассаломъ друга и союзника Іоанна III—крымскаго хана (съ этимъ владыкой въ дружественныя отношенія вступилъ самъ Іоаннъ III), не могла родиться въ головѣ того, кто былъ занятъ думою присоединить къ сѣверовосточной Руси югозападную ея часть. Московская Русь не могла одновременно выполнить двѣ задачи: изгнать турокъ изъ Константинополя и присоединить къ себѣ югозападныя русскія земли. Одно исключало другое. Что Римъ указывалъ московскимъ государямъ на Царьградъ, какъ на отчину ихъ, понятно. Римъ принималъ участіе въ лигѣ противъ турокъ, и московскій государь, связанный узами родства съ императорами Византіи, не могъ не представляться цѣннымъ союзникомъ для борьбы съ завоевателями византійской имперіи. Чтобы сдѣлать его союзникомъ лиги и вовлечь въ борьбу съ турками, ему обѣщали Царьградъ. Вниманіе Рима къ московскому государю привлекалось еще надеждою сдѣлать его вѣрнымъ сыномъ католической церкви. Что въ награду за это Римъ могъ обѣщать московскому государю, какъ не пышные титулы и содѣйствіе въ завоеваніи византійской имперіи? Если московскій государь не думалъ объ этомъ завоеваніи, надо было направить его мысли на это, ибо перспектива видѣть владѣнія нѣкогда византійскихъ императоровъ подъ властью католическаго царя не могла не улыбаться Риму.

Изъ того, что у Андрея Палеолога въ 1494 г. покупалъ его права французскій король Карлъ VIII, а въ 1502 г. Андрей по завѣщанію передалъ свои права на византійскую имперію испанскому королю Фердинанду, слѣдуетъ ли, что Іоаннъ III покупалъ у Андрея права его, или Андрей ему завѣщалъ ихъ? Если акты продажи Андреемъ правъ своихъ на западѣ Европы были извѣстны въ свое время въ Римѣ, откуда заговорили объ Іоаннѣ III, послѣ брака его съ Софьей Палеологъ, какъ объ имѣвшемъ права на Византію, можно ли заключить, что актъ продажи Андреемъ титула и правъ на византійскую имперію московскому государю долженъ находиться въ архивахъ Рима? Если Іоаннъ III купилъ у Андрея Палеолога права его на Византію, актъ купли долженъ

былъ находиться въ Москвѣ, какъ доказательство принадлежности правъ на Византію Іоанну III; если-же допустить мысль, что актъ этой купли долженъ находиться въ архивахъ Ватикана, какъ полагаетъ проф. Успенскій, надо объяснить причину такого мѣстонахожденія этого акта [1]). Странно также, что купивъ у Андрея права на византійскую имперію и соотвѣтствующіе титулы, Іоаннъ III, а также преемники его, не сдѣлали изъ этой купли никакого практическаго примѣненія, и объ этой куплѣ не сохранилось извѣстій въ русскихъ источникахъ.

Когда Іоаннъ III купилъ у Андрея Палеолога права на византійскую имперію, проф. Успенскій не говоритъ. Андрей пріѣзжалъ въ Москву два раза: въ 1480 и 1490 годахъ [2]). Естественно предположить, что онъ продалъ свои права Іоанну III въ одну изъ этихъ поѣздокъ. Если объ этой продажѣ знали въ Римѣ, если ея не скрывали (проф. Успенскій не говоритъ объ этой сдѣлкѣ, какъ о состоявшейся въ тайнѣ), страннымъ представляется, что четыре года спустя послѣ вторичнаго возвращенія изъ Москвы Андрей продавалъ свои права королю французскому, если только состоялась продажа московскому государю. Допустимъ, что Андрей продалъ права свои Іоанну III позже 1494 г., въ такомъ случаѣ какъ объяснить его завѣщаніе своихъ правъ королю испанскому въ 1502 г.? Проф. Успенскій объясняетъ существованіе этого завѣщанія тѣмъ, что актъ продажи французскому королю не полу-

---

[1]) Подлинный актъ продажи правъ на византійскую имперію Андреемъ Палеологомъ Карлу VIII положенъ былъ на храненіе въ капитолійскомъ архивѣ въ Римѣ, откуда впослѣдствіи былъ переданъ Людовику XV; что же касается завѣщанія Андреемъ своихъ правъ королю Фердинанду, то объ этомъ актѣ передачи правъ говоритъ испанскій историкъ Цурита, который могъ видѣть этотъ документъ только въ какомъ либо архивѣ Испаніи, такъ какъ никогда не выѣзжалъ изъ предѣловъ своего отечества (проф. Регель „Хрисовулъ императора Андрея Палеолога", „Виз. Врем.", I, 153). Кромѣ этихъ двухъ актовъ передачи Андреемъ правъ своихъ извѣстенъ еще третій, находящійся въ архивѣ герцоговъ Альба въ Мадридѣ; этимъ актомъ Андрей давалъ Петру Манрику графу Осорно и его наслѣдникамъ права носить оружіе и инсигніи византійскихъ императоровъ, раздавать графскіе титулы и т. д. (Документъ этотъ изданъ проф. Регелемъ въ названномъ трудѣ. „Виз. Врем.", стр. 155).

[2]) П. С. Р. Л. VIII, 205 и 219.

чилъ законной силы; почему же не предположить, что такая же участь постигла актъ продажи московскому государю, если только актъ этотъ былъ совершенъ? Нѣтъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы думать, что Іоаннъ III купилъ у Андрея Палеолога права на византійскую имперію и титулы императоровъ ея; но существуютъ данныя, которыя дозволяютъ думать, что послѣдній Палеологъ не стѣснялся продавать то, что имъ уже было продано. Проф. Регелемъ найденъ еще третій актъ уступки Андреемъ своихъ правъ въ 1483 г. Петру Манрику графу Осорно. Продавъ графу Осорно право носить инсигніи и оружіе византійскихъ императоровъ, Андрей чрезъ 11 лѣтъ продаетъ свои права Карлу VIII, а въ 1502 г. завѣщаетъ ихъ Фердинанду испанскому [1]). Такіе поступки послѣдняго Палеолога даютъ нѣкоторое представленіе о личности его и оправдываютъ мнѣніе о немъ, какъ о человѣкѣ безпутномъ. Быть можетъ, благодаря своимъ личнымъ качествамъ онъ могъ побывать въ Москвѣ только два раза, и то короткое время, но не вслѣдствіе того, что „самая его личность краснорѣчиво протестовала противъ того литературнаго движенія, въ которомъ выразился подъемъ русскаго національнаго чувства", какъ предположилъ проф. Успенскій. Лѣтопись, говоря о первомъ пріѣздѣ Андрея въ Москву, отмѣчаетъ, что сестра его „много истеряла казны великаго князя, давала бо брату, иное же давала за своею племянницею въ приданые князю Василью Михайловичу Верейскому" [2]). Возможно, что кромѣ личныхъ свойствъ самого Андрея и то обстоятельство, что сестра его не мало „истеряла" на него великокняжеской казны, было причиною, почему послѣдній Палеологъ послѣ 1490 г. въ Москву не являлся.

О вліяніи Софьи Палеологъ на своего супруга говоритъ о. Пирлингъ въ своемъ изслѣдованіи „Россія и Востокъ". Ссылаясь на русскихъ лѣтописцевъ, онъ приписываетъ рѣшимость Іоанна III свергнуть татарское иго вліянію Софьи Палеологъ [3]).

---

[1]) Хрисовулъ Андрея, данный графу Осорно въ 1483 г., изданъ проф. Регелемъ въ I т. „Визант. Временника", стр. 155.

[2]) П. С. Р. Л. VI, 225. Непосредственно за этимъ лѣтописецъ говоритъ что великій князь отнялъ у князя Верейскаго все приданое.

[3]) Назв. трудъ, стр. 123—124.

Другимъ слѣдствіемъ брака Іоанна III съ Софьей были, по мнѣнію о. Пирлинга, завязавшіяся сношенія Москвы съ Европой [1]). Кромѣ того, бракъ этотъ, какъ полагаетъ о. Пирлингъ, далъ „реальныя права (по крайней мѣрѣ наружно) на наслѣдство, котораго въ равной степени добивались государь и народъ" [2]). Благодаря этому браку, по мнѣнію о. Пирлинга, возникло настроеніе, проникшее до глубины „низшихъ народныхъ слоевъ и дошедшее потомъ до трона" [3]), которое выразилось въ теоріи инока Филоѳея, сформулированной въ письмахъ къ Василію III и дьяку Михаилу Мунехину: Москва—третій Римъ. Эта теорія Филоѳея, опиравшаяся на народныя симпатіи, воспринята была Іоанномъ IV, когда онъ, вспоминая о своемъ родствѣ съ византійскими императорами, обратился къ восточнымъ патріархамъ за утвержденіемъ воспринятаго имъ титула царя [4]). Таковы, по мнѣнію о. Пирлинга, слѣдствія брака Іоанна III съ византійской царевной.

Но теорія, сформулированная Филоѳеемъ: Москва—третій Римъ, основана не на бракѣ Іоанна III съ Софьей, а на религіозномъ и политическомъ паденіи двухъ Римовъ и на православіи Москвы, не находившейся подъ иноземнымъ игомъ [5]). Нѣтъ также данныхъ, изъ которыхъ вытекало бы, что московскіе государи, вслѣдствіе брака Іоанна III съ Софьей, считали себя наслѣдниками правъ на титулъ византійскихъ императоровъ и ихъ имперію. Іоаннъ IV, обращавшійся къ восточнымъ патріархамъ за утвержденіемъ воспринятаго имъ царскаго титула, вспоминая о своемъ родствѣ съ византійскими императорами не вспомнилъ о своей бабкѣ—византійской царевнѣ.

Указывая, что благодаря браку съ Софьей Іоаннъ III получилъ права на наслѣдство, котораго добивался и онъ самъ и народъ русскій, о. Пирлингъ разсматриваетъ историческое основаніе правъ Іоанна III на византійскую имперію послѣ 1472 г., согласно мнѣнію, господствовавшему въ то время въ Европѣ.

[1]) Тамъ же, стр. 128—130.

[2]) Тамъ же, стр. 165.

[3]) Тамъ же, стр. 158—159.

[4]) Тамъ же, стр. 164.

[5]) „Прав. Соб." 1863 г., ч. I, январь, стр. 344; 1861 г., ч. 2, май, стр. 95.

Онъ отмѣчаетъ, что съ 1473 г. венеціанскій сенатъ, крайне точный и осторожный въ своихъ утвержденіяхъ, призналъ по собственному побужденію права Іоанна III на византійскую имперію за отсутствіемъ мужского потомства линіи Палеологовъ. Но самъ же о. Пирлингъ говоритъ, что въ это время жилъ въ Италіи законный представитель династіи Палеологовъ—Андрей, такъ что признаніе за Іоанномъ III правъ на имперію со стороны венеціанскаго сената при жизни Андрея представляется страннымъ, тѣмъ болѣе, что мы не знаемъ объ отреченіи Андрея отъ своихъ правъ въ пользу московскаго государя. Какъ бы въ объясненіе своихъ словъ, что венеціанскій сенатъ призналъ права Іоанна III на Византію за отсутствіемъ мужского потомства Палеологовъ, о. Пирлингъ замѣчаетъ, что Андрей Палеологъ, повидимому, не думалъ отвоевать имперію, на которую имѣлъ право, и не пытался просить военной помощи у Запада, но объѣзжалъ Европу съ цѣлью зарабатывать деньги продажей своихъ наслѣдственныхъ правъ. Такая торговля, говоритъ о. Пирлингъ, если даже она имѣла законное значеніе, дѣлала передачу правъ Андрея тѣмъ болѣе проблематичною, что Софья никогда не отказывалась отъ византійскаго престола и, быть можетъ, купила у своего брата права его. О. Пирлингъ обращаетъ вниманіе, что Андрей посѣтилъ Москву дважды, и что одно изъ этихъ его путешествій стоило Софьѣ, по свидѣтельству русской лѣтописи, большихъ денегъ; вслѣдствіе этого о. Пирлингъ задается вопросомъ: не продалъ ли Андрей Софьѣ свои права за деньги, о которыхъ говоритъ русская лѣтопись. Указывая, что извѣстные доселѣ источники не даютъ отвѣта на этотъ вопросъ, о. Пирлингъ замѣчаетъ, что дѣйствія Андрея по отношенію къ королямъ французскому и испанскому могутъ оправдать до нѣкоторой степени предположеніе, что Андрей продалъ права свои и Софьѣ [1]).

Рѣшая вопросъ о правахъ Софьи на византійскую имперію, находя, „что въ глазахъ современниковъ государыня московская, оставшаяся одна въ живыхъ изъ всѣхъ Палеологовъ, должна бы-

[1]) Назв. трудъ, стр. 165—172. О. Пирлингъ, повидимому, не нашелъ въ ватиканскомъ архивѣ того акта продажи Андреемъ Іоанну III правъ на византійскую имперію, который, по словамъ проф. Успенскаго, долженъ тамъ находиться.

ла считаться предполагаемой наслѣдницей Восточной имперіи" (Андрей Палеологъ умеръ въ срединѣ 1502 г.), о. Пирлингъ, вполнѣ умѣстно дѣлаетъ попытку выяснить, считала ли себя Софья наслѣдницей этой имперіи [1]): „лишенная средствъ, говоритъ о. Пирлингъ о Софьѣ Палеологъ, и живя нѣкогда милостыней, смотрѣла ли она когда либо на Византію, какъ на свое приданое, и внушала ли своему мужу подобные взгляды?" [2]). Дѣйствительно, если Софья считала себя наслѣдницей византійской имперіи, слѣдуетъ думать, что она, имѣвшая, какъ полагаютъ, большое вліяніе на своего супруга, если и не успѣла убѣдить его попытаться отнять у султана принадлежавшую ей по праву византійскую имперію, то по крайней мѣрѣ дѣлала попытки убѣдить Іоанна III измѣнить его политику. Источники не даютъ права дѣлать подобныя предположенія, и о. Пирлингъ, находя сохранившіяся относительно Софьи данныя обрывочными и незначительными, этимъ объясняетъ отсутствіе положительнаго отвѣта на поставленный имъ вопросъ.

О. Пирлингу представляется несомнѣннымъ, что Софья считала себя наслѣдницей византійскаго престола и имѣла на то право, потому что венеціанскіе дожи и, особенно, римскіе папы внушали московскимъ государямъ, что они наслѣдники византійской имперіи вслѣдствіе брака Іоанна III съ Софьей Палеологъ.

О. Пирлингъ указываетъ, что русскія лѣтописи, отличаясь краткостью извѣстій о Софьѣ, не отличаются нѣжностью къ ней, что Герберштейнъ и Курбскій подтвердили суровые приговоры лѣтописцевъ. Такое отношеніе послѣднихъ къ Софьѣ не можетъ

---

[1]) О. Пирлингъ не ставитъ такого вопроса относительно Іоанна III, потому что, разсматривая отношенія супруга Софьи къ попыткамъ Запада вовлечь его въ войну съ турками, не могъ не замѣтить, что Іоаннъ III преслѣдовалъ не ту политическую задачу, на которую ему указывали съ Запада, но вмѣсто войны съ турками поспѣшилъ на встрѣчу желанію султана завязать съ нимъ мирныя сношенія; такія сношенія съ турецкими султанами поддерживались преемниками Іоанна III до времени Алексѣя Михайловича. („Россія и Востокъ", стр. 149—156). Вслѣдствіе этого о. Пирлингъ не предположилъ, подобно проф. Успенскому, покупки правъ на византійскую имперію Іоанномъ III.

[2]) Назв. трудъ, стр. 173.

служить объясненіемъ умолчанія ихъ о правахъ Софьи на византійскую имперію. Если Софья смотрѣла на себя какъ на наслѣдницу византійской имперіи, и если такой ея взглядъ раздѣлялся современными ей лицами, то умолчаніе ихъ объ этомъ не можетъ быть объяснено непріязненнымъ отношеніемъ къ ней. Самолюбію современниковъ ея могло быть только лестно, что супруга государя ихъ обладаетъ правомъ на византійскую имперію. Но допустимъ, что современники изъ нелюбви къ Софьѣ умолчали о томъ, что возвышало ее, чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить молчаніе московскихъ оффиціальныхъ памятниковъ о правахъ ея на Византію? Чѣмъ объяснить, что Іоаннъ IV предъ іерархами восточными не сослался на унаслѣдованныя имъ отъ бабки права, когда просилъ признанія за нимъ царскаго титула?

О. Пирлингъ указываетъ, что Софья, по крайней мѣрѣ иногда, имѣла большое вліяніе на своего супруга. Оно выразилось въ томъ, что „при патріархальномъ, почти грубомъ московскомъ дворѣ, появляется пышный этикетъ, издали напоминающій византійскій, устраиваются новыя должности, подчиненныя строгой іерархіи; принужденіе замѣняетъ прежнюю свободу; государь становится менѣе доступнымъ, замкнутымъ въ своемъ величіи. Князь Курбскій, бояринъ старинной знати, съ горечью замѣчаетъ, что Иванъ не совѣтовался болѣе со своими окружающими и все дѣлалъ самъ. Очевидно, великій князь московскій подражалъ византійскимъ самодержцамъ. Софья съ своей стороны распахнула широко двери терема, ранѣе недоступныя, давала аудіенціи иностранцамъ и отправляла посланія къ венеціанской сеньоріи,— все неслыханныя новшества“ [1]).

Къ сожалѣнію, о. Пирлингъ не указываетъ въ какихъ новыхъ обрядахъ, появившихся при московскомъ дворѣ подъ вліяніемъ Софьи, выразился пышный этикетъ, напоминающій, хотя бы издали, византійскій. Такое заключеніе о. Пирлинга не оправдывается свидѣтельствомъ венеціанскаго посла Контарини, отправленнаго въ Персію, который былъ въ Москвѣ въ 1476 г. и имѣлъ нѣсколько аудіенцій при московскомъ дворѣ. Изъ описанія Контарини не

---

[1]) Назв. трудъ, стр. 174—175.

видно. что его принималъ Іоаннъ III съ соблюденіемъ этикета, „издали напоминающаго византійскій“, между тѣмъ въ то время исполнялось пять лѣтъ со времени брака Іоанна III съ Софьей, и вліяніе ея въ дѣлѣ введенія обрядности при московскомъ дворѣ по образцу византійскому могло уже проявиться. Послѣднюю аудіенцію, данную ему Іоанномъ III, Контарини описываетъ подробно. „Прибывъ во дворецъ, говоритъ онъ, я былъ введенъ въ особенную комнату, гдѣ находился государь съ Маркомъ и другимъ своимъ секретаремъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ весьма ласковый пріемъ, въ самыхъ привѣтливыхъ выраженіяхъ поручилъ увѣрить свѣтлѣйшую нашу республику въ искреннемъ его дружествѣ..... Когда великій князь говорилъ со мною, я изъ учтивости отступилъ назадъ, но онъ всякій разъ самъ подходилъ ко мнѣ и съ особенною благосклонностію выслушивалъ отвѣты мои и изъявленія моей благодарности. Такимъ образомъ проговорилъ я съ нимъ болѣе часа“... [1]).

О появленіи пышности при московскомъ дворѣ благодаря вліянію Софьи не свидѣтельствуетъ, какъ увидимъ, учрежденіе новыхъ должностей, потому что учреждено было ихъ при Іоаннѣ III далеко не много.

Нельзя также согласиться съ мнѣніемъ о. Пирлинга, что Іоаннъ подъ вліяніемъ Софьи сталъ все дѣлать безъ совѣта съ окружающими [2]) уже потому, что о. Пирлингъ въ доказательство такого заключенія ссылается на Курбскаго, свидѣтельствующаго совсѣмъ иное. Курбскій, который отмѣчаетъ, что въ „предобрый Русскихъ Князей родъ всѣялъ діаволъ злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами, яко и во Израильтскихъ Царѣхъ, паче же которыхъ поимовали отъ иноплеменниковъ“ [3]), и который разражается упреками на Вассіана за его совѣтъ, преподанный Іоанну IV, не держать при себѣ совѣтниковъ мудрѣе себя, дабы самовластно править государствомъ, говоритъ, что Іоаннъ III расширилъ предѣлы своего государства и свергнулъ татарское иго „многаго его совѣта

---

[1]) „Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи“, изд. Калистратова, т. I, путешествіе Амвросія Контарини, стр. 114 и слѣд.

[2]) Назв. трудъ, стр. 174, и его же „La Russie et le Saint-Siège“, I, 237.

[3]) „Сказанія“, ч. I, стр. 2, изд. Устрялова 1833 г.

ради съ мудрыми и мужественными Сигклиты его: бо зѣло, глаголютъ, его любосовѣтна быти, и ничтоже починати безъ глубочайшаго и многаго совѣта"[1]). Курбскій, на котораго ссылается о. Пирлингъ въ доказательство того, что великій князь московскій, подъ вліяніемъ Софьи, подражая византійскимъ самодержцамъ, пересталъ совѣтоваться со своими окружающими, свидѣтельствуетъ, что Іоаннъ III, на котораго могла непосредственно вліять Софья, очень любилъ совѣщаться о дѣлахъ, и выставляетъ его, какъ примѣръ достойный подражанія, Іоанну IV. Такое свидѣтельство Курбскаго объ Іоаннѣ III подтверждается словами Берсеня Беклемишева. Берсень, въ бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ, выражая свое неудовольствіе на Василія III, вспоминаетъ, что Іоаннъ III былъ „добръ и до людей ласковъ", также „противъ себя стрѣчю любилъ, и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали"[2]).

Большинство изслѣдователей, говоря о Софьѣ Палеологъ, приписывали ей большое вліяніе на Іоанна III. Если никто изъ изслѣдователей не говоритъ подобно кн. Щербатову и Карамзину, что Іоаннъ III на совѣтѣ съ матерью, митрополитомъ и боярами думалъ чрезъ бракъ съ Софьей получить права византійскихъ императоровъ[3]), то многимъ представляется несомнѣннымъ, что Софья принесла въ приданое Іоанну III права на византійскую имперію.

Щербатовъ, говоря, что Іоаннъ III на совѣтѣ, обсуждавшемъ выгоды отъ предполагавшагося брака его съ византійской царевной, объявилъ, что этотъ бракъ дастъ ему право отнять у турокъ Константинополь, представитъ возможность завязать сношенія съ Римомъ и при посредствѣ его вступить въ сношенія съ европейскими государствами, не указалъ источника, откуда онъ почерпнулъ сообщаемую имъ рѣчь Іоанна III. Не нашелъ источника этого, повидимому, и Карамзинъ. Карамзинъ не упустилъ изъ виду, что Іоаннъ III не обнаружилъ стремленія къ завоеванію Константинополя, и не видѣлъ, чтобы для Іоанна III сношенія съ Римомъ

[1]) „Сказанія", I, стр. 57.

[2]) „Слѣдственное дѣло Максима Грека", Сборникъ кн. Оболенскаго, № 3, стр. 4 и 8.

[3]) Такое мнѣніе Карамзина было повторено только г. Жигаревымъ въ его изслѣдованіи „Русская политика въ Восточномъ вопросѣ", I, стр. 34, 1896 г.

представлялись средствомъ вступить въ общеніе съ европейскими государствами. У него Іоаннъ III и совѣтники его только думаютъ, что бракъ съ Софьей дастъ Московскому государю права византійскихъ императоровъ. Но и Карамзинъ не указываетъ источника, который далъ ему возможность проникнуть думы Іоанна III и совѣтниковъ его, обсуждавшихъ проектъ брака съ византійской царевной. Источниковъ, послужившихъ Щербатову и Карамзину въ данномъ случаѣ, не находимъ, и никто изъ изслѣдователей, кромѣ г. Жигарева, не повторилъ сцены совѣта Іоанна III съ матерью, митрополитомъ и боярами, изображенной Щербатовымъ и Карамзинымъ. Лѣтопись только говоритъ, что Іоаннъ III, получивъ отъ кардинала Виссаріона предложеніе вступить въ бракъ съ Софьей Палеологъ, „внять си словеса сіа въ мысль, и подумавъ о семь съ своимъ отцемь митрополитомъ Филиппомъ, и съ матерію своею и съ боляры, и тоя же весны, марта 8, послалъ Ивана Фрязина къ папѣ Павлу и къ тому гардиналу Висаріону и царевну видѣти“ [1]). Говоря о посылкѣ Іоанномъ III въ Римъ за Софьей, лѣтопись передаетъ, что „князь велики, обмысливъ съ отцемь своимъ митрополитомъ, и съ матерію своею великою княгинею Маріею, и съ братіею и зъ бояры своими, и послаша Фрязина въ Римъ по царевну Софію“... [2]). Въ описаніи пріѣзда царевны Софьи, выписанномъ, по словамъ издателя, изъ рукописной лѣтописи стариннаго письма, писанной во время царя Іоанна IV, находимъ извѣстіе, какъ въ Воскресенскомъ и Никоновскомъ лѣтописныхъ спискахъ, что Іоаннъ III „мыслилъ“ съ лицами, названными въ этихъ лѣтописныхъ спискахъ, предъ вступленіемъ въ бракъ съ Софьей, но не находимъ изложенія этихъ мыслей [3]).

Ни изъ словъ, ни изъ поступковъ Іоанна III не видно, что онъ послѣ брака съ Софьей считалъ себя наслѣдникомъ Византіи или царственныхъ правъ ея императоровъ. Ни супругъ Софьи, ни сынъ, ни внукъ ея намѣреній завоевать Константинополь не обнаруживали, поглощенные борьбой съ польско-литов-

---

[1]) П. С. Р. Л. VIII, 154; тоже въ Никоновской, ч. VI, стр. 8.

[2]) П. С. Р. Л. VIII, 169; тоже въ Никоновской, ч. VI, стр. 37.

[3]) „Продолженіе Древн. Рос. Вивл.“, ч. III, стр. 50 и 52.

скимъ государствомъ изъ-за русскихъ областей [1]; ни они, ни преемники ихъ въ доказательство правъ своихъ на царскій титулъ не ссылались на бракъ съ византійской царевной изъ дома Палеологовъ, которая будто принесла въ приданое своему супругу царскій титулъ. Казалось бы, Іоаннъ IV, обращаясь къ восточнымъ іерархамъ за утвержденіемъ принятаго имъ царскаго титула и указывая на родственную связь его предковъ съ угасшими династіями Византіи, долженъ былъ вспомнить, что его бабка была византійская царевна; но въ грамотѣ восточныхъ іерарховъ, признавшихъ царскій титулъ Іоанна IV, не находимъ ссылки на Софью Палеологъ. Грамота восточныхъ іерарховъ гласитъ, что патріархъ увѣрился въ томъ, что Іоаннъ IV дѣйствительно происходитъ отъ рода и крови царскихъ, т. е. отъ царицы Анны, сестры самодержца Василія Багрянороднаго, и въ томъ, что императоръ византійскій Константинъ Мономахъ послалъ митрополита вѣнчать на царство великаго князя Владиміра и отправилъ ему царскій вѣнецъ, діадему и прочіе знаки царскаго достоинства [2]). Вотъ два основанія, которыя имѣли въ виду восточные іерархи, признавая за Іоанномъ IV царскій титулъ. Подобно Іоанну IV и другіе московскіе цари не ссылались на какія-либо права, пріобрѣтенныя Іоанномъ III чрезъ бракъ съ Софьей Палеологъ и имъ по наслѣдству доставшіяся [3]).

Если бы самъ Іоаннъ III полагалъ, что супруга его принесла ему права на царскій титулъ, то онъ и себя титуловалъ бы царемъ и внука своего вѣнчалъ бы не на великое княженіе, но на царство. Между тѣмъ въ отношеніи къ своимъ подданнымъ Іо-

---

[1]) Проф. Каптеревъ, „Характеръ отношеній Россіи къ православ. Востоку въ XVI и XVII вв.“, гл. VIII, стр. 348.

[2]) Здѣсь въ текстѣ грамоты затерты слова въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но нѣтъ никакого основанія предположить, что пропущено упоминаніе о родствѣ съ Софьей Палеологъ; фототипическій снимокъ грамоты при трудѣ проф. Регеля „Analecta Byzantino—Russica“. „Соборная грамота, утверждающая санъ царя за Иваномъ IV 1561 г.“, изд. кн. Оболенскаго, стр. 11.

[3]) Одна изъ главъ предлагаемаго изслѣдованія посвящена обзору тѣхъ доказательствъ, которыя представлялись московскими государями въ пользу правъ ихъ на царскій титулъ; изъ этого обзора видно, что никогда московскіе государи не полагали, будто бракъ ихъ предка съ Софьей Палеологъ принесъ царственныя права ему и потомкамъ его.

аннъ III царемъ не писался, не писали его царемъ и русскіе подданные. Царемъ его титуловали, хотя и не всегда, служилые люди греческаго происхожденія, но примѣру этому не подражали русскіе [1]). Только въ сношеніяхъ съ незначительными иноземными владѣтелями и владѣніями Іоаннъ III писалъ себя царемъ [2]). Но и то обстоятельство, что Іоаннъ III въ нѣкоторыхъ случаяхъ писалъ себя царемъ, врядъ ли можетъ представляться слѣдствіемъ брака его съ византійской царевной. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Іоаннъ III послѣ 1480 г. сдѣлался государемъ независимымъ и, какъ государь независимый, именно для показанія своей независимости отъ какой-либо земной власти могъ пользоваться царскимъ титуломъ. Іоаннъ III писался царемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не послѣ 1472 г., когда находился еще въ зависимости отъ золотоордынскаго хана, котораго русскіе называли царемъ, но послѣ 1480 г.

Источники, изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія о Софьѣ Палеологъ и объ ея вліяніи на Іоанна III — русскія лѣтописи, сказанія кн. Курбскаго, слова Берсеня Беклемишева и извѣстія Герберштейна.

Источники эти проливаютъ крайне скудный свѣтъ на личность Софьи. Нелюбовь къ ней современниковъ отразилась на извѣстіяхъ о ней. Судить о вліяніи ея трудно не только потому, что отъ нея, по выраженію о. Пирлинга, едва дошелъ до насъ силуэтъ, но и потому, что ея вліянію можно приписать то, что явилось слѣдствіемъ 1480 г. Прекращеніе зависимости московскаго государя отъ золотоордынскаго хана не могло не имѣть своихъ слѣдствій.

Всего менѣе данныхъ для уясненія вліянія Софьи Палеологъ на супруга ея даютъ лѣтописи. У Татищева находится неизвѣстно откуда почерпнутое имъ извѣстіе, будто, когда Іоаннъ III сообщилъ своимъ матери, дядѣ, князьямъ и боярамъ о требованіи отъ него покорности и дани ханомъ Ахматомъ, многіе посовѣтовали ему умирить хана дарами, Софья же съ плачемъ стала убѣждать

---

[1]) „Пам. Дипл. Снош. Др. Рос.“ I, 64, 105, 115; 100, 102, 104; С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 519.

[2]) „Пам. Дипл. Снош. Др. Рос.“ I, 20—22, 46, 59—61, 87, 96—98; С. И. Р. И. Об. 41, стр. 41, 71, 72; Соловьевъ, „Ист. Рос.“ V. 177, изд. 5.

своего супруга свергнуть постыдное татарское иго. Въ лѣтописяхъ не находимъ подтвержденія этому извѣстію, напротивъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ подчеркивается, что Софья, во время наступленія Ахмата на московскую Русь, находилась въ бѣгахъ [1]). Лѣтописи говорятъ, что когда Іоаннъ III, во время стоянія своего войска у рѣки Угры, прибылъ въ Москву для молитвы и для совѣта съ матерью своею, митрополитомъ и боярами, то въ эти минуты колебаній великаго князя „вси... молиша его великимъ моленіемъ, чтобы стоялъ крѣпко за православное христіанство противу бесерменству“ [2]). Іоаннъ III „послуша моленія ихъ (выше поименованныхъ лицъ) и веемъ благословеніе поиде на Угру“. [3]) Лѣтописи перечисляютъ всѣхъ лицъ, съ которыми совѣтовался Іоаннъ III: мать его, митрополита, дядю и бояръ, но о Софьи не упоминаютъ. [4]) Всѣ эти совѣтники великаго князя и множество народа сѣли въ осадѣ, великій же князь уѣхалъ изъ Москвы, должно быть, въ это время, если только не ранѣе, выславъ Софью изъ Москвы на сѣверъ [5]). Рѣшимость Іоанна III вступить въ бой съ Ахматомъ поколебалась подъ вліяніемъ совѣтовъ „злыхъ человѣкъ сребролюбецъ, богатыхъ и брюхатыхъ, и предателей хрестьяньскихъ“, побуждавшихъ великаго князя бѣжать отъ татаръ [6]). Узнавъ, что великій князь снова колеблется, епископъ Вассіанъ написалъ ему посланіе, въ которомъ побуждалъ его храбро стоять противъ татаръ. Но мнѣнія совѣтниковъ Іоанна III, убѣждавшихъ его бѣжать отъ татаръ, взяли, по словамъ лѣтописи, верхъ: Іоаннъ III поѣхалъ въ Москву, гдѣ населеніе встрѣтило его съ ропотомъ, Вассіанъ съ упреками. Великій князь удалился изъ Москвы и сдѣлалъ даже попытку примириться съ ханомъ [7]). Узнавъ о бѣгствѣ татаръ отъ

---

[1]) Только въ такъ называемой Густинской лѣтописи, извѣстной по спискамъ XVII в., находится извѣстіе, что Іоаннъ III свергнулъ татарское иго „зъ намовы жоны своея Анны Грекини“..... (Софья названа Анной). П. С. Р. Л. II, 364.

[2]) П. С. Р. Л. VI, 20, 224; VIII, 206; Никоновская VI, 112.

[3]) Тамъ же, VI, 224; VIII, 201.

[4]) Тамъ же.

[5]) И. А. Тихомировъ „Обозрѣніе состава Московскихъ лѣтоп. сводовъ“, Лѣтопись зан. Археогр. Ком., X, 33.

[6]) П. С. Р. Л. IV, 154; VI, 224; VIII, 21 и 224; Никоновская, VI, 113.

[7]) П. С. Р. Л. VI, 230—231.

Угры, великій князь возвратился въ Москву, возвратилась и Софья. Нѣкоторыя лѣтописи, говоря о ея возвращеніи, замѣчаютъ: „пріиде изъ бѣговъ, бѣ бо бѣгала за Бѣлоозеро и съ боярынями отъ Татаръ, а не гонима никимъ же“ [1]). Никоновская лѣтопись, говоря о возвращеніи Софьи въ Москву, добавляетъ: „отсылалъ бо ея князь великій на Бѣлоозеро Татарскаго ради нахожения“ [2]).

Принимая во вниманіе только тѣ лѣтописи, въ которыхъ не проглядываетъ непріязненное чувство къ Софьѣ, видимъ, что ея не было въ Москвѣ, когда послѣдняя готовилась къ осадѣ. Не знаютъ также лѣтописи, укрѣпляла ли Софья своего супруга въ рѣшимости вступить въ бой съ Ахматомъ. Во всякомъ случаѣ, когда Іоаннъ III колебался и подпалъ подъ вліяніе совѣтниковъ, желавшихъ уклониться отъ борьбы съ Ахматомъ, Софья находилась далеко и отъ супруга и отъ Москвы. Возможно, что Софья удалилась изъ Москвы по желанію Іоанна III; по крайней мѣрѣ Никоновская

---

[1]) Тамъ же, IV, 154; VI, 21 и 232.

[2]) VI, 115. Въ Софійской 2-й лѣтописи и въ Воскресенской послѣ описанія похода къ Угрѣ помѣщено воззваніе, въ которомъ авторъ его убѣждаетъ русскихъ хранить свое отечество отъ враговъ, дабы не пострадать такъ, какъ „иніи велиціи славніи земли отъ Турковъ, еже Болгаре глаголю и рекоміи Греци, и Транизонь, и Аморія.... и иніи мнозіи земли, иже не сташа мужествени, и погибоша и отечьство свое изгубиша и землю и государьство, и скитаются по чюжимъ странамъ бѣдни во истинну и странни, и много плача и слезъ достойно, укоряеми и поношаеми и оплеваеми, яко не мужественіи; иже избѣгоша которіи со имѣніемъ многимъ, и съ женами и съ дѣтми, въ чюжіе страны.... Тако ми Бога видѣхъ своима очима грѣшныма великихъ государь, избѣгшихъ отъ Турковъ со имѣніемъ и скитающеся яко странніи и смерти у Бога просящихъ яко мздовъздаянія отъ таковыя бѣды“... (П. С. Р. Л. VI, 232; VIII, 207). Былъ ли авторъ этого воззванія дьякъ Курицынъ, какъ полагалъ Соловьевъ, или неизвѣстное лицо, образованное и побывавшее за границею, какъ полагалъ Карповъ, видѣвшее государей и многихъ грековъ и славянъ, потерявшихъ вслѣдствіе недостатка мужества своего отечество, намекъ автора на Ѳому Палеолога и его сыновей очевиденъ (Соловьевъ, „Ист. Р.“, V, 262, изд. 5. Предполагая, что Курицынъ былъ авторомъ этого воззванія, Соловьевъ замѣчаетъ, что религіозное и православное обращеніе въ этомъ воззваніи нельзя приписать Курицыну какъ ересіарху. Карповъ „Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-литовскимъ“ въ „Чтен. въ Моск. об. Ист. и Др.“ 1866 г., кн. 3, стр. 118). И. А. Тихомировъ считаетъ это воззваніе припискою къ лѣтописному разсказу, навѣянною посланіемъ Вассіана къ Іоанну III (Лѣтопись зап. Археогр. Ком. IX, 34).

лѣтопись говоритъ, что Софью отослалъ великій князь на Бѣлоозеро „татарскаго ради нахожения“ [1]), но если бы Софья такъ сильно желала сверженія татарскаго ига, какъ это можно заключить изъ рѣчи ея къ Іоанну III, сообщаемой Татищевымъ, можно думать, что она не стремилась бы подалѣе отъ Москвы, но находилась бы въ ней, чтобы поддержать въ супругѣ навѣянную ея рѣчью рѣшимость вступить въ борьбу съ Ахматомъ.

Кромѣ того, что поведеніе Софьи во время похода Ахмата къ Угрѣ не соотвѣтствуетъ той рѣчи, которую она, по свидѣтельству Татищева, произнесла своему супругу, самая эта рѣчь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея вызываетъ недоумѣніе. Софья говорила: „отецъ мой и азъ не хотѣхомъ дань давати“ [2]). Между тѣмъ она въ то время, когда отецъ ея предпочелъ лишиться своихъ владѣній, чѣмъ стать данникомъ султана, была малолѣтней и врядъ ли могла оказать вліяніе на рѣшимость отца своего. Далѣе, совѣтъ Софьи стряхнуть татарскую неволю вызвалъ, по словамъ приведеннаго Татищевымъ извѣстія, удивленіе Іоанна III: „князь Великій велми удивися совѣту ея“ [3]). Очевидно, Софья никогда до этого времени не убѣждала своего супруга прекратить данническія отношенія къ золотой ордѣ, въ противномъ случаѣ Іоаннъ III не удивился бы ея совѣту. Но Герберштейнъ, который бывалъ въ Москвѣ въ то еще время, когда память о Софьѣ была свѣжа, сообщаетъ, что Софья убѣдила своего супруга притворяться больнымъ всякій разъ, когда пріѣзжали къ нему золотоордынскіе послы, дабы не подвергаться унизительнымъ обрядамъ при встрѣчѣ ихъ, что она упросила ханшу уступить ей домъ въ Кремлѣ, гдѣ жили татары, наблюдавшіе за великимъ княземъ и москвичами, что она ежедневно упрекала своего супруга за данническія его отношенія къ золотой ордѣ [4]). Если сообщаемое Герберштейномъ вѣрно, если Софья тяготилась отношеніями своего супруга къ золотой ордѣ и явно роптала на нихъ, непонятно, почему рѣчь Софьи, побуждавшая выступить противъ Ахмата, вызвала удивленіе Іоана III: иначе

---

[1]) ч. VI, стр. 115.

[2]) Татищевъ, „Ист. Рос.“ V, 78.

[3]) Тамъ же.

[4]) Переводъ Анонимова, стр. 22.

Софья и не могла говорить. Если отрѣшиться отъ нѣкотораго недоумѣнія, которое возбуждаетъ приведенная Татищевымъ рѣчь Софьи къ Іоанну III и, принимая во вниманіе нелюбовь къ Софьѣ современниковъ, этою нелюбовью объяснить молчаніе ихъ о тѣхъ случаяхъ, когда роль ея могла закрѣпить за нею признательность потомковъ, нельзя и въ такомъ случаѣ приписывать рѣшимость Іоанна III свергнуть татарское иго только вліянію Софьи; такъ можно заключить да на основаніи извѣстія Татищева, которое гласитъ, что „мнози" совѣтовали Іоанну III умилостивить Ахмата дарами [1]). Читая лѣтописный разсказъ о походѣ Іоанна III къ Угрѣ, нельзя не замѣтить, что желаніе большинства было, чтобы Іоаннъ III выступилъ противъ Ахмата не съ дарами, но съ оружіемъ. Лѣтописный разсказъ свидѣтельствуетъ, что Іоаннъ III колебался въ рѣшимости помѣряться силами съ Ахматомъ и поддавался вліянію лицъ, совѣтовавшихъ смириться предъ ханомъ, о чемъ лѣтописи говорятъ съ негодованіемъ [2]), но что рѣшимость въ великомъ князѣ старались поддержать и епископъ Вассіанъ, и сынъ самого Іоанна III, отказавшійся повиноваться приказу его удалиться отъ войска, стоявшаго противъ Ахмата, и москвичи, неудовольствіе которыхъ было такъ велико на Іоанна III за его уходъ отъ этого войска, что онъ поспѣшилъ удалиться изъ Москвы [3]). Лѣтописи свидѣтельствуютъ, что мать и дядя великаго князя, митрополитъ и всѣ бояре „молиша его великимъ моленіемъ, чтобы стоялъ крѣпко за православное христіанство противъ бесерменству" [4]). Въ своемъ посланіи къ Іоанну III епископъ Вассіанъ напоминаетъ ему объ обѣщаніи крѣпко стоять противъ Ахмата, которое было имъ дано просившимъ его объ этомъ митрополиту, матери великой княгинѣ, князьямъ и боярамъ:... „и тебѣ убо, государю нашему, пріѣхавшю въ царьствующій ти градъ Москву ко всемилостивѣй Госпожи Богородици и ко святымъ чюдотворцемъ, помощи ради и заступленія, и къ своему отцу митрополиту, и къ своей матери ве-

[1]) Татищевъ V, 78.

[2]) Софійская 2 лѣтопись называетъ такихъ совѣтниковъ: боярина Ивана Васильевича Ощеру и Григорія Андреевича Мамина П. С. Р. Л. VI, 230.

[3]) П. С. Р. Л. VI, 230—231.

[4]) П. С. Р. Л. VI, 20 и 224; VIII, 206; Никоновская VI, 112.

ликой княгинѣ, и благовѣрнымъ княземъ и благочестивымъ бояромъ, добраго ради совѣта и думы, еже како крѣпко стояти за православное хрестьянство и за свое отечьство противу безбожному бесерменству: тебѣ же, государю нашему, повинувшюся ихъ моленію и доброй думѣ и обѣщавшуся крѣпко стояти за благочестивую нашу православную вѣру и боронити свое отечество отъ бесерменства, духовъ же лстивыхъ, шепчущихъ въ ухо твоей державѣ еже предати хрестьянство, не слушати обѣщавшутися...“ [1]) И Вассіанъ, перечисляя въ посланіи къ Іоанну III тѣхъ лицъ, которыя убѣждали его стоять крѣпко противъ Ахмата, и которымъ онъ обѣщалъ поступить по ихъ совѣту, не упоминаетъ въ числѣ ихъ Софьи, но называетъ тѣхъ совѣтниковъ, ободрявшихъ Іоанна III, о которыхъ говорятъ и лѣтописи. Должно быть, Софьи въ это время уже не было въ Москвѣ, и не Софья вліяла на Іоанна III, когда рѣшимость его сразиться съ Ахматомъ поколебалась.

Если допустить, что лѣтописцы, не любя Софьи, умолчали о вліяніи ея на рѣшимость Іоанна III свергнуть татарское иго, что извѣстіе, сообщаемое Татищевымъ, будто Софья своею слезною мольбою склонила своего супруга къ борьбѣ съ Ахматомъ, вѣрно, и что благодаря Софьѣ, какъ говоритъ Герберштейнъ, прекратилось унизительное для достоинства московскаго государя внѣшнее выраженіе данническихъ отношеній къ золотоордынскому хану, все таки нельзя отрицать, что Іоанна III, колебавшагося въ рѣшимости бороться съ Ахматомъ, укрѣпляли и другія лица, о которыхъ говорятъ лѣтописи, что и для этихъ лицъ сверженіе ига было завѣтнымъ желаніемъ.

Соловьевъ, указывая на свидѣтельства, что „по внушеніямъ Софіи Іоаннъ III окончательно разорвалъ съ ордою“ [2]), отмѣчаетъ, дѣлая оцѣнку государствованія Іоанна III, что дѣятельность его представляется слѣдствіемъ дѣятельности предшественниковъ его, что онъ умѣло продолжалъ дѣло ихъ. Связывая дѣятельность Іоанна III съ дѣятельностью предшественниковъ его, указывая на постепенное ослабленіе золотой орды, Соловьевъ говоритъ, что Ди-

[1]) П. С. Р. Л. VI, 225.
[2]) И. Р. т. V, стр. 71.

митрій Донской разбилъ Мамая, но принужденъ былъ заплатить тяжелую дань Тохтамышу, Іоаннъ же III Ахмата не разбивалъ, но по смерти его татары не приходили за данью, изъ чего ясно, что татары постепенно слабѣли, что Димитрій Донской имѣлъ дѣло хотя съ потрясеннымъ, но еще довольно сильнымъ тѣломъ, а Іоаннъ III имѣлъ дѣло съ одною уже тѣнью [1]).

Связывая дѣятельность Іоанна III съ дѣятельностью предшественниковъ его, какъ дѣлаетъ это Соловьевъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что надежда избавиться отъ татарской неволи со времени 1380 г. не только не ослабѣвала въ русскомъ обществѣ, но по мѣрѣ упадка могущества золотой орды все болѣе и болѣе крѣпла. Въ междукняжескихъ договорныхъ грамотахъ и въ духовныхъ завѣщаніяхъ князей послѣ Димитрія Донского обыкновенно читаемъ: „перемѣнитъ Богъ орду“ или „татаръ“ [2]). Очевидно, князья русскіе не теряли надежды на прекращеніе данническихъ отношеній къ золотой ордѣ. Надежда эта не могла не передаться Іоанну III, союзъ котораго съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, врагомъ золотой орды, свидѣтельствуетъ, что сверженіе татарскаго ига было и его думою [3]). Еслибы даже эта дума Іоанна III не была крѣпкою, укрѣпить ее должна была слабость золотой орды, потому что эта слабость естественно порождала мысль о сверженіи татарскаго ига. Такимъ образомъ, не Софья или кто либо иной могъ внушить Іоанну III мысль о прекращеніи зависимости отъ татаръ: мысль эта была не новая, уже цѣлый вѣкъ существовавшая на Руси, которую таилъ цѣлый рядъ князей; она должна была существовать и у Іоанна III, который, не имѣя характера Димитрія Донского, былъ расположенъ скорѣе быть свидѣтелемъ политической смерти золотой орды, предоставивъ добить ее своему союзнику Менгли-Гирею, чѣмъ тратить силы на борьбу съ нею. И онъ остался вѣренъ себѣ: не смотря на внушенія матери, дяди, митрополита,

[1]) Тамъ же, стр. 362.

[2]) С. Г. Г. и Д. т. I, стр. 71, 73, 78, 81, 84, 87, 89, 92, 98, 101, 103, 108, 111, 114, 117, 120, 122, 125, 128, 131, 148, 158, 161, 164, 167, 180, 184, 197, 201, 205, 229.

[3]) Сб. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 3.

князей, бояръ и, быть можетъ, Софьи, дождался бѣгства Ахмата, когда татары, по выраженію лѣтописи, „бѣжаху и никтоже женяше“ [1]).

Прекратившаяся зависимость Іоанна III отъ золотой орды и его политическое могущество не могли не имѣть своихъ слѣдствій. Слѣдствія эти нетрудно выяснить, вся задача въ томъ, чтобы не смѣшать ихъ съ результатами брака Іоанна III съ Софьей Палеологъ, не приписать этому браку такого значенія, какого онъ не имѣлъ.

Никто изъ русскихъ историковъ не отрицаетъ государственнаго ума Іоанна III, его умѣнія продолжать съ успѣхомъ дѣло своихъ предшественниковъ, но, если рѣчь зайдетъ о вліяніи Софьи на супруга ея, вліяніе это изображается столь сильнымъ, что на долю личной инициативы Іоанна III остается очень немногое; оказывается, что все, что дѣлалось Іоанномъ III послѣ брака съ Софьей, дѣлалось подъ ея вліяніемъ и было результатомъ этого вліянія: post hoc—propter hoc [2]). Между тѣмъ Софья Палеологъ не внушила своему супругу стремленій вмѣсто объединенія русскихъ земель подъ властью московскаго государя къ изгнанію султана изъ Константинополя, не положила конца существовавшему и до нея удѣльному порядку [3]), вліяніе ея не выразилось въ вѣнчаніи на царство сына ея Василія Іоанновича, въ усвоеніи имъ царскаго титула подобно Іоанну IV.

Ближайшіе по времени къ Іоанну III Берсень-Беклемишевъ, Герберштейнъ и Курбскій говорятъ о вліяніи Софьи на своего

---

[1]) П. С. Р. Л. VIII, 207.

[2]) Герберштейнъ, говоря о времени смерти Іоанна III, называетъ его великимъ: Moritur autem Ioannes ille magnus, anno... (Изд. 1556 г., стр. 11). Вопросъ конечно, назвалъ ли Герберштейнъ Іоанна III великимъ, какъ государя или послѣ Magnus опущено слово Dux. Татищевъ назвалъ Іоанна III Великимъ (V, 152), Д. И. Иловайскій изъ всѣхъ русскихъ государей отъ Владиміра св. до Петра I считаетъ Іоанна III наиболѣе достойнымъ названія Великаго (Ист. Р. II, стр. 528, изд. I), о. Пирлингъ называетъ Іоанна III „Петромъ Великимъ въ малыхъ размѣрахъ“ („Россія и Востокъ“, стр. 132).

[3]) Іоаннъ III назначилъ удѣлы и младшимъ четыремъ сыновьямъ. С. Г. Г. и Д. I, № 144.

супруга, но показанія ихъ не вполнѣ опредѣленны и не отличаются безпристрастіемъ.

Опальный при Василіи III бояринъ Берсень-Беклемишевъ жаловался Максиму Греку: „какъ пришла сюды Мати Великого Князя, Великая Княгиня Софья съ вашими Греки, такъ наша земля замѣшалася и пришли нестроенія великіе, какъ и у васъ въ Царѣгородѣ при вашихъ Царѣхъ.“ На вопросъ Максима, что Берсень подразумѣвалъ подъ нестроеніями, послѣдній отвѣтилъ: „мнѣ ся мнитъ по моей мысли, какъ бы *несовѣтіемъ и высокоуміемъ*“. „Здѣсь у насъ, говорилъ Берсень Максиму, старые обычаи Князь Великій перемѣнилъ“.... Максимъ сказалъ ему, что „обычаи Царьскіе и Земьскіе Государи перемѣняютъ какъ лутче Государьству его“. „Однако лутче, возразилъ Берсень, старыхъ обычаевъ держатися и людей жаловати и старыхъ почитати; а нынѣ дей Государь нашъ запершыся самъ-третей у постели всякіе дѣла дѣлаетъ“. Не такъ, по словамъ Берсеня, поступалъ отецъ Василія III: тотъ „добръ былъ... и до людей ласковъ.... Противъ себя стрѣчю любилъ, и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали“ [1]). Изъ словъ Берсеня вытекаетъ, что вліяніе Софьи Палеологъ проявилось не на супругѣ ея, но на сынѣ, и что результатомъ этого вліянія было „высокоуміе и несовѣтіе“ Василія III.

Герберштейнъ сообщаетъ о вліяніи Софьи то, что слышалъ въ Москвѣ, должно быть, отъ бояръ. По словамъ его, Іоаннъ III, какъ говорили ему, подъ вліяніемъ Софьи „много дѣлалъ“ [2]). Изъ этого многаго Герберштейнъ говоритъ о заточеніи Іоанномъ III внука Димитрія [3]) и о томъ, что подъ вліяніемъ Софьи Іоаннъ III пересталъ встрѣчать татарскихъ пословъ [4]).

Князь Курбскій находилъ, что въ „предобрый Рускихъ Князей родъ всѣялъ діаволъ злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами..., паче же которыхъ поимовали отъ иноплеменни-

---

[1]) „Слѣдствен. дѣло Максима Грека“, Сборникъ кн. Оболенскаго, 1838 г., № 3, стр. 4—8.

[2]) Пер. Анонимова, стр. 19.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же, стр. 22.

ковъ“ [1]. Называя Софью Палеологъ „чародѣйцей Греческой“ [2], Курбскій говоритъ, что Іоаннъ III вмѣстѣ съ Софьей отравилъ сына своего Іоанна, заключилъ въ темницу сына его Димитрія, брата своего Андрея Углицкаго и двухъ его сыновей, поизгонялъ удѣльныхъ князей [3]). Въ этомъ, по мнѣнію Курбскаго, выразилось вліяніе Софьи на Іоанна III. Какъ Берсень противуполагалъ „несовѣтію“ Василія III любовь къ „встрѣчамъ“ Іоанна III, такъ и Курбскій ставитъ въ примѣръ Іоанну IV дѣда его, далеко расширившаго границы своихъ владѣній и свергнувшаго татарское иго „многаго его совѣта ради съ мудрыми и мужественными Сигклиты его: бо зѣло, глаголютъ, его любосовѣтна быти, и ничтоже починати безъ глубочайшаго и многаго совѣта“ [4]).

Вотъ все, что сообщаютъ о вліяніи Софьи ближайшія къ ней по времени лица. Берсень говоритъ, что Софья была причиною перемѣны „старыхъ обычаевъ“ при сынѣ ея, что благодаря ея вліянію Василій III былъ „несовѣтенъ и высокоуменъ“. Герберштейнъ передаетъ, что, по словамъ говорившихъ ему, вліяніе Софьи на супруга ея проявлялось во многомъ, но сообщаетъ изъ этого многаго немногое. Курбскій пишетъ о „злыхъ нравахъ“, привитыхъ Софьей супругу ея, приписываетъ имъ казни, отравленія, заточенія въ темницы и проч. Изъ этихъ отзывовъ о Софьѣ ясно только, что она далеко не пользовалась расположеніемъ современниковъ, и что это нерасположеніе передалось и потомкамъ.

Извѣстія о Софьѣ кратки, ими сфера вліянія ея на супруга и сына не очерчена, словно современники скорѣе чувствовали ея вліяніе, чѣмъ сознавали. Вслѣдствіе этого, естественно, изслѣдователи, которымъ приходилось говорить о вліяніи Софьи, несогласно опредѣляли сферу этого вліянія. Если Щербатовъ и Карамзинъ приписали браку Іоанна III съ Софьей большое значеніе, а самой Софьѣ большое вліяніе, то уже Полевой не усмотрѣлъ какихъ-либо важныхъ политическихъ послѣдствій отъ появленія

---

1) „Сказанія“, ч. I, стр. 2, изд. 1833 г.

2) Тамъ же, стр. 169.

3) Тамъ же, стр. 112.

4) Тамъ же, стр. 57.

...СКАГО НИКО...

Софьи въ Кремлѣ. Соловьевъ, разсматривая государственную дѣятельность Іоанна III въ связи съ дѣятельностью его предшественниковъ, призналъ, что къ половинѣ XV в. перемѣна отношеній государя московскаго къ духовенству, дружинѣ и остальному населенію московскаго государства была уже подготовлена, что ко времени 1480 г. отъ могущества золотой орды осталась только одна тѣнь. Костомаровъ высказалъ мнѣніе, что Софья могла только укрѣплять своего супруга въ помыслахъ самодержавія, ибо стремленіе къ самодержавію естественно зародилось въ московскихъ государяхъ вслѣдствіе предшествовавшихъ историческихъ событій въ московской Руси безъ всякихъ постороннихъ, чуждыхъ вліяній. Д. И. Иловайскій находитъ, что вліяніе Софьи не слѣдуетъ преувеличивать на томъ основаніи, что при сынѣ и внукѣ Іоанна III нѣкоторые бояре, сѣтуя на суровое и высокомѣрное обращеніе съ ними московскихъ государей, приписывали эту перемѣну въ обращеніи именно Софьѣ и пріѣхавшимъ съ нею грекамъ, потому что обвинять въ какомъ-либо непріятномъ общемъ явленіи одно извѣстное лицо слишкомъ обычная черта въ человѣческихъ обществахъ. Большее значеніе вліянію Софьи Палеологъ придали И. Е. Забѣлинъ, проф. Терновскій и о. Пирлингъ.

Нельзя не замѣтить, что русскіе историки, по мѣрѣ уясненія явленій русской жизни, обнаружили склонность ограничить сферу вліянія Софьи, но на долю этого вліянія все еще отнесено не мало такого, что требуетъ критическаго пересмотра.

Обыкновенно изслѣдователи говорятъ, что слѣдствіемъ брака Іоанна III съ Софьей Палеологъ было появленіе при московскомъ дворѣ въ исходѣ XV в. обрядовъ, заимствованныхъ изъ Византіи, но не указываютъ, какіе именно византійскіе обряды появились въ это время въ Москвѣ, были ли они перенесены цѣликомъ или подверглись измѣненію. Высказывалось мнѣніе, что благодаря браку съ византійской царевной Іоаннъ III сталъ смотрѣть на себя какъ на наслѣдника византійскихъ императоровъ, въ доказательство чего ссылались на то, что Іоаннъ III началъ титуловаться царемъ и позаимствовалъ гербъ византійскій, однако не было обращено вниманія на то, что Іоаннъ III началъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ называть себя царемъ не послѣ брака съ Софьей, но послѣ прекращенія зависи-

мости своей отъ золотой орды, что ни Іоаннъ III, ни Василій III не настаивали на признаніи за ними царскаго титула, что въ отношеніи къ подданнымъ своимъ они не назывались царями, не титуловали ихъ такъ и подданные, что никто изъ московскихъ государей въ доказательство правъ своихъ на царскій титулъ никогда не ссылался на полученіе права на это Іоанномъ III чрезъ бракъ съ Софьей. Говорилось вообще о вліяніи византійскомъ, проникшемъ въ Москву съ появленіемъ тамъ Софьи, но точно не указывалось, въ чемъ оно проявлялось.

Мнѣніе, что Софья принесла супругу своему византійскія политическія идеи объ отношеніи государя къ своимъ подданнымъ, опирающееся на свидѣтельствахъ Берсеня и Курбскаго (перваго — что съ появленіемъ Софьи и грековъ ея въ Москвѣ „пришли нестроенія великіе", и второго—что и чрезъ Софью „въ предобрый Рускихъ Князей родъ всѣялъ діаволъ злые нравы"), не представляется несомнѣннымъ. И. Е. Забѣлинъ усмотрѣлъ въ Софьѣ и грекахъ, явившихся съ нею въ Москву, скорѣе проводниковъ идей Макіавелли, чѣмъ византійскихъ. Предположеніе, что Іоаннъ III, подъ вліяніемъ внушаемыхъ Софьей византійскихъ понятій объ отношеніи государя къ своимъ подданнымъ, измѣнился въ отношеніяхъ къ послѣднимъ, не только не оправдывается показаніями Берсеня и Курбскаго, но противорѣчитъ имъ, потому что и Берсень и Курбскій ставятъ Іоанна III въ примѣръ за любовь его къ совѣтамъ и возраженіямъ, первый—сыну его, второй—внуку. Идеи, принесенныя Софьей и породившія, по выраженію Берсеня, „высокоуміе и несовѣтіе" Василія III, могли не повліять на супруга ея и быть воспринятыми ея сыномъ; но является вопросъ, откуда взглядъ на отношенія государя къ подданнымъ у Іоанна IV, трехъ лѣтъ отъ роду лишившагося отца, который, допустимъ, воспитанъ былъ на политическихъ идеяхъ матери его Софьи, а на восьмомъ году потерявшаго и мать свою.

Мнѣніе, что при дворѣ Іоанна III, благодаря вліянію Софьи, появились обряды и пышный этикетъ по образцу византійскаго двора, не доказано. При дворѣ Іоанна III видимъ обряды посольскій и великокняжескаго вѣнчанія, но обряды эти далеко не представляются копіей съ византійскихъ обрядовъ посольскаго и вѣн-

чанія на царство. И. Е. Забѣлинъ, приписывая вліянію Софьи появленіе при московскомъ дворѣ обрядовъ по подобію византійскихъ, въ то же время говоритъ, что „царственная обстановка московскаго государя, царственныя формы и порядки его быта, какъ и высота его сана, выростаютъ постепенно, по мѣрѣ того какъ усложняются, развиваются наши заграничныя сношенія, по мѣрѣ встрѣчъ, знакомствъ и столкновеній въ общей политикѣ иноземныхъ государствъ, а особенно нашихъ сосѣдей, предъ которыми Москва никогда не думала оставаться въ худыхъ“ [1]). Наблюдая обрядовую жизнь московскихъ царей, И. Е. Забѣлинъ замѣтилъ, что въ обрядахъ московскаго двора выразилось стремленіе „казаться передъ другими въ большемъ достоинствѣ и славѣ. Лишь для чужихъ только нужно было представлять это необыкновенное величіе сана, обставлять азіатскими декораціями, торжественностью, блескомъ каждый шагъ, особенно въ пріемахъ и проводахъ иноземныхъ пословъ и гостей. Только предъ чужими нужно было выситься, являть свое могущество, неисчислимое богатство, однимъ словомъ, являть себя съ достоинствомъ, которое возвышало бы значеніе, силу и славу Земли“ [2]). Если, какъ говоритъ И. Е. Забѣлинъ, царственная обстановка и торжественные обряды московскаго двора выростали постепенно, по мѣрѣ развитія сношеній московскаго государя съ иноземными государствами, если „дома, въ отношеніи къ Землѣ, они (царственная обстановка и торжественные обряды московскаго двора) никогда не могли бы вырости съ такою силою и въ такомъ просторѣ“ [3]), можетъ ли быть рѣчь о томъ, что вліяніе Софьи породило обрядовую обстановку московскаго двора по образцу византійскому? Не сочтемъ ли мы въ такомъ случаѣ слѣдствіемъ вліянія Софьи то, что было слѣдствіемъ развивавшихся при Іоаннѣ III сношеній съ иноземными государствами (развивались же эти сношенія потому, что Іоаннъ III, по прекращеніи зависимости отъ золотоордынскаго хана, сталъ государемъ самостоятельнымъ)?

Опредѣленіе тѣхъ обрядовъ, которые появились во время Іоанна III, укажетъ, какіе обряды можно отнести на долю вліянія

---

[1]) „Дом. бытъ Рус. Царей“, стр. 9—10, изд. 3.

[2]) Тамъ же, стр. 9.

[3]) Тамъ же.

Софьи. Сравненіе этихъ обрядовъ съ такими же обрядами византійскаго двора выяснитъ, имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ простымъ заимствованіемъ изъ Византіи, или съ передѣлкою византійскихъ обрядовъ, или съ творчествомъ московскимъ, а также уяснитъ смыслъ и значеніе московскихъ обрядовъ.

Говоря о Софьѣ, какъ о проводникѣ византійскаго вліянія при московскомъ дворѣ, слѣдуетъ, на сколько позволяютъ источники, всмотрѣться хотя бы въ силуэтъ Софьи, чтобы опредѣлить, могла ли она быть проводникомъ византійскихъ идей.

Софья не была свидѣтельницей блеска и величія византійской имперіи. Дочь деспота Мореи, она провела на родинѣ только ранніе годы дѣтства. Отецъ ея, убѣгая отъ турокъ, въ 1460 г. отправился въ Италію безъ средствъ къ существованію, оставивъ жену и дѣтей своихъ на островѣ Корцирѣ. Въ Римѣ, куда онъ привезъ главу апостола Андрея въ обезпеченіе хорошаго пріема со стороны папы, его приняли любезно, папа далъ ему золотую розу; но пенсія, назначенная ему, не была велика: ежегодно онъ получалъ отъ римской куріи 3600 дукатовъ, отъ коллегіи кардиналовъ 2400 дукатовъ и отъ Венеціи 500 дукатовъ. Назначеннымъ ему содержаніемъ Ѳома не былъ доволенъ. Проф. Успенскій указываетъ, что жалобы довѣреннаго лица Ѳомы Палеолога, историка Франдзи, на недостаточность этой пенсіи, даютъ основаніе заключить, что Ѳома въ Римѣ нуждался въ деньгахъ[1]). О. Пирлингъ замѣчаетъ, что Ѳомѣ достаточно было назначенной ему пенсіи, при нѣкоторыхъ другихъ небольшихъ пособіяхъ, для скромной жизни[2]). Въ Римѣ Ѳома прожилъ нѣсколько лѣтъ и умеръ, не дождавшись результата своихъ хлопотъ о возстановленіи права своего на византійскій престолъ[3]), переживъ свою супругу на нѣсколько

---

[1]) „Какъ возникъ и развивался въ Россіи Восточный Вопросъ“, стр. 26. Общую сумму пенсіи Ѳомы—6500 дукатовъ, проф. Успенскій опредѣляетъ около 20,000 руб.

[2]) „Россія и Востокъ“, стр. 9.

[3]) Проф. Успенскій считаетъ годомъ смерти Ѳомы 1462 г. (назв. трудъ, стр. 27), о. Пирлингъ—1645 г. (назв. трудъ, стр. 10). Георгій Франдзи, византійскій историкъ, показываетъ, что Ѳома умеръ въ 6973 г., т. е. въ 1465 г. отъ Р. Х. (Patr. Cursus Completus., ser. gr., т. 156, стр. 990). О Георгіи Франдзи см. въ „Обозрѣніи трудовъ по византійской исторіи“ проф. Васильевскаго, вып. I., стр. 233.

мѣсяцевъ [1]). Въ то время, когда Ѳома умиралъ, плыли къ Италіи дѣти его: Андрей, Мануилъ и Зоя.

За неимѣніемъ точныхъ данныхъ приходится приблизительно опредѣлять, сколько лѣтъ было Зоѣ, когда она съ своими родными переѣхала на островъ Корциру. Ѳома Палеологъ женился въ 1430 г. на принцессѣ Екатеринѣ, дочери Чентуріоне Захарія II, котораго онъ лишилъ престола, чтобы завладѣть Мореей. Четверо дѣтей было плодомъ этого брака: Елена, старшая дочь (она вышла замужъ въ 1446 г. за сербскаго короля Лазаря II, по смерти котораго удалилась въ монастырь, гдѣ умерла въ 1474 г.), и трое младшихъ: Андрей, Мануилъ и Зоя, которыя послѣ смерти матери отправились къ отцу, скончавшемуся прежде, чѣмъ они вступили на берегъ Италіи [2]). Годъ рожденія Зои неизвѣстенъ. О. Пирлингъ, описывая путь Зои изъ Рима въ Москву, говоритъ на основаніи описаній наружности Зои во время ея проѣзда черезъ Болонью въ 1472 г., что невѣста Іоанна III казалась лѣтъ 24 [3]). Сообщаемый русскими лѣтописями годъ смерти Зои—1503, не говоритъ, конечно, о возрастѣ ея; но зная, что Зоя прожила на Руси 31 годъ, можно предположить, что она пріѣхала въ Москву еще во цвѣтѣ лѣтъ, такъ что извѣстіе, что Зоѣ было около 24 лѣтъ въ 1472 г., не представляется неправдоподобнымъ. Одно обстоятельство подтверждаетъ такое предположеніе. О. Пирлингъ приводитъ описаніе внѣшности Зои, принадлежащее перу флорентійскаго поэта Луиджи Пульчи, который видѣлъ ее во время ея свиданія съ Кларисой Орсини въ 1472 г. Пульчи, въ письмѣ къ другу своему, описываетъ въ карикатурномъ видѣ Зою, называя ее горою жира, жирною масляницею: „два турецкихъ литавра на груди, отвратительный подбородокъ, лицо вспухшее, пара свиныхъ щекъ, шея ушедшая въ эти литавры, два глаза, стоющіе четырехъ“... Вотъ образъ Зои, набросанный перомъ флорентійскаго поэта. Можно думать, что Пульчи не преминулъ бы пройтись и на счетъ возраста Зои, если бы только имѣлъ къ тому поводъ. Не всѣ, видѣвшіе Зою, отнеслись такъ сурово къ внѣш-

[1]) Проф. Успенскій, назв. трудъ, стр. 27.

[2]) Назв. труды о. Пирлинга стр. 10, и проф. Успенскаго стр. 27.

[3]) Назв. трудъ, стр. 77.

ности ея, какъ Пульчи. О. Пирлингъ указываетъ, что Клариса Орсини нашла невѣсту Іоанна III красивою; къ отзыву ея присоединяются многочисленные лѣтописцы, такъ что можно думать, что Пульчи нарисовалъ не столько портретъ Зои, сколько карикатуру на нее [1]). Если Зоѣ въ 1472 г. было около 24 лѣтъ, во время взятія турками Константинополя ей могло быть около пяти лѣтъ. Допустимъ, что Зоя пріѣхала въ Москву на тридцатомъ году жизни своей; при такомъ предположеніи ей могло быть около десяти лѣтъ во время паденія византійской имперіи. Нѣсколько лѣтъ она провела съ матерью и братьями на островѣ Корцирѣ, если, быть можетъ, не въ лишеніяхъ, то во всякомъ случаѣ врядъ ли въ обстановкѣ роскошной, такъ какъ отецъ ея далеко не имѣлъ достаточныхъ средствъ къ жизни. Круглыми сиротами, безъ средствъ къ существованію, явились дѣти Ѳомы Палеолога въ Римъ. Тутъ они жили и воспитывались на счетъ папы, назначившаго имъ ежемѣсячную пенсію въ тысячу рублей [2]).

Свѣдѣнія объ образѣ жизни дѣтей Ѳомы Палеолога и ихъ воспитаніи въ Римѣ почерпаются только изъ одного источника: письма кардинала Виссаріона, въ которомъ начертана программа воспитанія Зои и ея братьевъ; письмо это написано было къ наставнику ихъ, потому что, по словамъ Виссаріона, Зоя и братья ея, по молодости своей, не могли уразумѣть преподаваемыхъ имъ наставленій [3]). Виссаріонъ писалъ неизвѣстному по имени воспитателю дѣтей Ѳомы, что, по желанію папы, двѣ трети пенсіи, опредѣленной Зоѣ и братьямъ ея, должно расходовать на ихъ столъ и одежду, содержаніе находящихся при нихъ слугъ, на покупку и прокормленіе по крайней мѣрѣ четырехъ лошадей; изъ этихъ же двухъ третей должны были дѣлать сбереженіе на случай болѣзни или непредвидѣнныхъ расходовъ; остальная треть пенсіи опредѣлялась на содержаніе немногихъ лицъ, которыя должны были составлять дворъ дѣтей Ѳомы. Виссаріонъ требовалъ отъ наставника Зои и братьевъ ея, чтобы дворъ ихъ не состоялъ изъ многихъ лицъ.

---

[1]) Назв. трудъ, стр. 58—60.

[2]) Проф. Успенскій, назв. трудъ, стр. 27.

[3]) Migne, Patr. Curs. Compl., ser. gr., т. 156, стр. 996.

Онъ опредѣляетъ имъ одного медика, учителя грека и учителя латинскаго языка, переводчика и одного или двухъ латинскихъ священниковъ. Виссаріонъ требуетъ отъ воспитателя принцевъ и принцессы, чтобы они посѣщали латинскую церковь, носили латинскую одежду, жили какъ латиняне, привѣтствовали бы папу, кардиналовъ и прочихъ вельможъ, снимая шляпы, при посѣщеніи кардиналовъ или другихъ подобныхъ имъ сановниковъ преклоняли бы предъ ними колѣни и оставались въ такомъ положеніи до разрѣшенія встать. Виссаріонъ указываетъ, что воля Ѳомы Палеолога была, чтобы его дѣтей воспитали въ лонѣ латинской церкви. Требуя отъ наставника, чтобы онъ внушалъ воспитанникамъ своимъ духъ покорности, Виссаріонъ совѣтуетъ напоминать имъ, дабы они не гордились своимъ происхожденіемъ, но помнили бы, что они изгнанники, сироты, нищіе (*ὁλόπτωχοι*), безъ благодѣянія другихъ не имѣющіе возможности существовать, и что они, если не будутъ добродѣтельны, благоразумны и скромны, впадутъ въ безславіе. Говоря о воспитаніи, Виссаріонъ подчеркиваетъ необходимость для дѣтей Ѳомы изучать науки: они должны заниматься науками и не брезгать ими на томъ основаніи, что они принцы, потому что знатность безъ добродѣтели не имѣетъ цѣны даже при условіи обладанія обширными странами и богатствомъ. Виссаріонъ обѣщаетъ, въ случаѣ соблюденія принцами его наставленій, выдачу имъ пенсіи, всеобщій почетъ и свое содѣйствіе, въ противномъ же случаѣ грозитъ оставить ихъ безъ всякой помощи и предсказываетъ имъ безславіе [1]).

Чему училъ Зою и братьевъ ея учитель грекъ, опредѣлить, за неимѣніемъ данныхъ, нельзя. Неизвѣстно, ознакомилась ли Зоя въ Римѣ съ исторіей Византіи. Если горькая дѣйствительность, окружавшая дѣтей Ѳомы, побуждала учителя грека обращать взоры своихъ учениковъ къ славному прошлому Византіи, врядъ ли дѣйствительность эта располагала Зою къ развитію въ себѣ какихъ-либо гордыхъ помысловъ. Воспитательная программа, продиктованная кардиналомъ Виссаріономъ наставнику дѣтей Ѳомы, ставитъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 991—996. Содержаніе этого письма въ книгѣ о. Пирлинга: „Россія и Востокъ“, стр. 11.

на первомъ планѣ развитіе въ принцахъ и ихъ сестрѣ духа смиренія и сознанія необходимости быть латинянами. Зоѣ и братьямъ ея должно было внушать, что они нищіе, изгнанники, что они должны посѣщать латинскую церковь, молиться, какъ латиняне, подражать ихъ нравамъ, носить латинскую одежду, т. е. олатиниться. Не было ли плодомъ такой воспитательной системы поведеніе Андрея, старшаго брата Зои [1]), недорого продававшаго свои наслѣдственныя права на византійскую имперію? Не отъ такого ли обезличенія бѣжалъ другой сынъ Ѳомы — Мануилъ къ турецкому султану и предпочелъ потурчиться, чѣмъ олатиниться? О. Пирлингъ относительно Андрея и Мануила замѣчаетъ, что ни тотъ, ни другой не оправдали надеждъ кардинала Виссаріона, желавшаго, „чтобы юные принцы достойно носили свое славное имя“ [2]). Не виновенъ ли въ этомъ и самъ Виссаріонъ?

Круглая сирота, безъ средствъ къ существованію, кромѣ щедротъ папы, Зоя не была выгодной невѣстой въ глазахъ Запада. Венеціанская сеньорія, на просьбу кипрскаго короля Якова II указать ему выгодную невѣсту, въ 1466 г. обратила его взоры на племянницу послѣдняго византійскаго императора, но Яковъ II не послѣдовалъ тогда указаніямъ сеньоріи. О. Пирлингъ отмѣчаетъ, что всѣ выгоды брачнаго союза съ Софьей сводились къ блеску ея имени и славѣ ея предковъ—плохому оплоту противъ оттоманскихъ кораблей, крейсировавшихъ въ Средиземномъ морѣ и грозившихъ Якову II [3]). Другое сватовство было болѣе удачно. Франдзи разсказываетъ, что около 1467 года папа предложилъ чрезъ Виссаріона Андрею и Мануилу выдать сестру ихъ замужъ за князя Парачіоло, богатаго и знатнаго. По соглашеніи сторонъ „священнодѣйствіе обрученія, по словамъ Франдзи, совершено было верховнымъ архіереемъ“ [4]). Франдзи говоритъ, что и онъ, въ числѣ слугъ невѣсты, былъ щедро одаренъ женихомъ. Объ этомъ обрученіи Франдзи по-

---

[1]) Андрею отецъ передалъ санъ деспота. Patr. Curs. Compl., ser. gr., т. 156, стр. 997.

[2]) Россія и Востокъ, стр. 167.

[3]) Тамъ же, стр. 16.

[4]) Ἡ τῶν μνήστρων ἱερολογία ὑπὸ τοῦ ἄκρου ἀρχιερέως διετελέσθη. Patr. Curs. Compl. т. 156, стр. 998.

вѣствуетъ, какъ очевидецъ событія [1]). О. Пирлингъ замѣчаетъ, что заподозрѣть извѣстіе Франдзи нѣтъ никакихъ основаній, и на вопросъ, обрученіе Софьи съ княземъ Парочіоло имѣло ли своимъ послѣдствіемъ дѣйствительный бракъ, отвѣчаетъ указаніемъ на молчаніе источниковъ относительно этого [2]). Проф. Успенскій высказываетъ мнѣніе, что Зоя была въ замужествѣ за Парачіоло [3]). Съ такимъ мнѣніемъ проф. Успенскаго врядъ ли можно согласиться, потому что источники не даютъ на то права: Франдзи говоритъ объ обрученіи Софьи съ Парачіоло, но не о бракосочетаніи [4]). Въ 1472 г. видимъ Зою невѣстою московскаго государя. Проектъ этого брачнаго союза, одобренный Іоанномъ III, составленъ былъ въ странѣ, на которую Зоя должна была смотрѣть какъ на свою родину [5]).

Таково, въ общихъ чертахъ, curriculum vitae Зои до отъѣзда ея въ Москву. Здѣсь ее встрѣчаемъ подъ именемъ Софьи. [6]).

Если въ Римѣ проектъ брака византійской царевны съ московскимъ государемъ созданъ былъ въ надеждѣ пріобрѣсти въ супругѣ царевны новаго союзника для борьбы съ турками и, быть можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ новаго члена католической церкви, возможно ли предположить, что московскій государь, принимая предлагаемую ему руку византійской царевны, думалъ извлечь изъ этого брачнаго союза какую-либо практическую выгоду, думалъ этимъ бракомъ возвысить свое достоинство? Щербатовъ и Карамзинъ полагали несомнѣннымъ, что Іоанъ III имѣлъ такія мысли. Мысли эти, если только онѣ дѣйствительно были у Іоанна III, ни въ чемъ имъ не были проявлены. О. Пирлингъ полагаетъ, что проектъ брака Іоанна III съ византійской царевной вызвалъ въ русскихъ скорѣе чув-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) „Россія и Востокъ“ стр. 17—18.

[3]) „Какъ возникъ и развивался въ Россіи Вост. Вопросъ“, стр. 28.

[4]) Μνήστρα, τά, обрученіе, см. Goar'a Εὐχολόγιον, Lutet. Parisiorum, an. 1647, стр. 380.

[5]) О. Пирлингъ, „Россія и Востокъ“, стр. 20 и слѣд.

[6]) Софья названа Зинаидою во второй Софійской лѣтописи въ разсказѣ о посылкѣ за нею въ Римъ Іоанномъ III (П. С. Р. Л. VI, 196). Не было ли извѣстно лѣтописцу, что Софья носила другое имя, и не назвалъ ли ее лѣтописецъ ошибочно Зинаидою вмѣсто Зои?

ство удовлетворенія, чѣмъ удивленія, потому что такой брачный союзъ не былъ первымъ въ лѣтописяхъ русской земли: на византійской царевнѣ былъ женатъ Владиміръ Св.: императоръ Іоаннъ VIII, дядя Зои, женатъ былъ на русской [1]). Такое мнѣніе оправдывается отношеніемъ къ этому браку какъ самого Іоанна III, такъ и преемниковъ его: ни онъ, ни они никакой выгоды изъ этого брака не извлекли, въ доказательство правъ своихъ на царскій титулъ не указывали на этотъ брачный союзъ. Если бывала надобность указать на брачные союзы, возвысившіе родъ московскихъ государей, о Софьѣ не упоминали, будто отъ брака съ нею Іоанна III не было вынесено даже чувство удовлетворенія. Самъ Іоаннъ III, отправляя въ 1489 г. къ „цесарю“ и его сыну посла своего Юрія Грека и двухъ къ нему товарищей русскихъ, наказалъ имъ, въ случаѣ если отъ имени „цесаря“ послѣдуетъ предложеніе выдать его дочь за племянника „цесаря“, отвергнуть такое предложеніе, какъ не соотвѣтствующее достоинству московскаго государя, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „во всѣхъ земляхъ то вѣдомо, а надѣемся, что и вамъ вѣдомо, что Государь нашъ, Великій Государь уроженый изначала отъ своихъ прародителей; а и напередъ того отъ давнихъ лѣтъ прародители его по изначяльству были въ пріятельствѣ и въ любви съ передними Римскими Цари, которые Римъ отдали Папѣ, а сами царствовали въ Византіи, да и отецъ его, Государь нашъ, и до конца былъ съ ними въ братствѣ и въ пріятельствѣ и въ любви, и до своего зятя до Ивана Палеолога Римского Царя; ино такому Великому Государю какъ давати своя дочи за того Маркрабія [2])?“. Почему Іоаннъ III вспомнилъ, что дѣдъ его, великій князь Василій Дмитріевичъ, выдалъ дочь свою Анну за византійскаго царевича Іоанна Палеолога, сына императора Мануила II Палеолога, и указалъ „цесарю“ на этотъ бракъ, какъ на такой брачный союзъ, который соотвѣтствовалъ достоинству московскаго великаго князя, но не упомянулъ о собственномъ брачномъ союзѣ съ византійской царевной? Іоанну III умѣстно было поставить на видъ „цесарю“, что и самъ онъ былъ женатъ на

[1]) Назв. тр., стр. 27.

[2]) Маркграфа, племянника императора. „Пам. дипл. сн. др. Россіи“, I, 17.

византійской царевнѣ, и что поэтому для дочери его маркграфъ былъ не подходящимъ женихомъ [1]).

Вліянію Софьи Палеологъ приписываютъ появленіе обрядовъ при московскомъ дворѣ, устройство пышныхъ великокняжескихъ палатъ, появленіе новыхъ придворныхъ чиновъ. Но и предполагая вліяніе Софьи въ появленіи всѣхъ этихъ новшествъ при московскомъ дворѣ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что сношенія независимаго послѣ 1480 г. московскаго государя съ иноземными государствами требовали просторнаго помѣщенія для пріемовъ иноземныхъ пословъ съ ихъ свитами, что для пріемовъ этихъ требовалась обстановка, соотвѣтствовавшая достоинству государя, которая могла внушить иноземнымъ посламъ представленіе о могуществѣ его. Въ этомъ можно видѣть причину устройства палаты, въ которой принимались иноземные послы, причину образованія особаго порядка, который соблюдался при пріемѣ ихъ; отсюда необходимость имѣть людей, знакомыхъ съ этимъ порядкомъ, которые вводили бы иноземныхъ пословъ къ своему государю и служили бы ему при пріемѣ ихъ.

Еще кн. Щербатовъ отмѣтилъ учрежденіе Іоанномъ III „великаго числа придворныхъ чиновъ, яко въ 1495 г. вдругъ обрѣтаемъ въ спискахъ прежде небывалые чины казначея, постельничего и ясельничего, а въ 1496 г. еще прибавился чинъ конюшего“. Появленіе этихъ новыхъ чиновъ Щербатовъ объясняетъ тѣмъ, что Іоаннъ III „былъ великолѣпенъ въ своемъ дворѣ“ [2]). Карамзинъ, приписывая грекамъ Софьи Палеологъ появленіе пышныхъ византійскихъ обрядовъ при дворѣ московскомъ, возникновеніе новыхъ чиновъ при этомъ дворѣ во время Іоанна III ставитъ въ связь съ усиленіемъ власти государя по отношенію къ подданнымъ: „князья племени Рюрикова и Св. Владиміра служили ему на равнѣ съ другими подданными и славились титломъ Бояръ, Дворецкихъ, Окольничихъ, когда знаменитою, долговременною службою пріобрѣтали

---

[1]) О выдачѣ замужъ вел. кн. Василіемъ I дочери своей Анны за Іоанна Палеолога см. П. С. Р. Л. VI, 139, годъ 6919 и Muralt „Essai de chronographie byzantine“ (1057 –1453), стр. 793. Въ 1489 г. Софья не была подъ опалою своего супруга, опала эта постигла ее позже—въ 1498 г. (П. С. Р. Л. VIII, 234).

[2]) „Исторія Россійская“, т. IV, ч. II, стр. 366.

оное. Василій Темный оставилъ сыну только четырехъ Великокняжескихъ Бояръ, Дворецкаго, Окольничаго; Іоаннъ въ 1480 году имѣлъ уже 19 Бояръ и 9 Окольничихъ, а въ 1495 и 1496 годахъ учредилъ санъ Государственнаго Казначея, Постельничаго, Ясельничаго, Конюшаго“ [1]).

Приписывая вліянію Софьи появленіе пышности и обрядовъ при дворѣ Іоанна III, естественно было этому же вліянію приписать появленіе новыхъ чиновъ, что, какъ мы видѣли, нѣкоторые изслѣдователи послѣ Карамзина и дѣлали. Но такое заключеніе нуждается въ доказательствахъ. Проф. Сергѣевичъ, говоря о чинахъ московскаго двора, замѣтилъ, что давно и не одинъ разъ указывалось на то, что развитіе пышности двора вел. кн. Іоанна III стоитъ въ связи съ его бракомъ на греческой царевнѣ; но „насколько новые московскіе придворные чины отразили на себѣ вліяніе византійскихъ образцовъ, это и по сіе время далеко еще не выяснено“ [2]).

При дворѣ Іоанна III появились, если судить по „Списку старинныхъ бояръ, дворецкихъ, окольничихъ и нѣкоторыхъ другихъ придворныхъ чиновъ“, принадлежавшему М. Н. Шереметевой, слѣдующіе чины: казначея, постельничаго, ясельничаго, учрежденные въ 1495 г., и конюшаго, учрежденный въ 1496 г. [3]). Врядъ ли для учрежденія этихъ четырехъ чиновъ при дворѣ Іоанна III понадобилось вліяніе Софьи, которая, допустимъ, знала византійскую табель о рангахъ.

Чтобы судить, на сколько можно видѣть въ новыхъ московскихъ чинахъ, появившихся при дворѣ Іоанна III, отраженіе византійской табели о рангахъ, просмотримъ эту табель въ изложеніи

[1]) „И. Г. Р.“, изд. Эйнерлинга, т. VI, стр. 214.

[2]) „Рус. юридич. древности“, т. I, стр. 460, прим.

[3]) „Древн. Рос. Вивл.“ Новикова, т. XX, стр. 8, изд. 2; тоже въ „Опытѣ тр. Вольн. Рос. Собр. при Моск. Ун.“, ч. I, стр. 224 и слѣд. При дворѣ Василія III появились новые чины: крайчій, оружничій и ловчій. („Др. Р. В.“, стр. 14, 15 и 17). О чинахъ, появившихся при дворѣ Іоанна III, см. „Историческое извѣстіе о старинныхъ чинахъ въ Россіи“ (тамъ же, стр. 174, 177, 204 и 276) и въ изслѣдованіи „О старинныхъ степеняхъ чиновъ въ Россіи“ и т. д. М., 1784 г., стр. 38, 41 и 48. О казначеѣ, постельничемъ, конюшемъ и ясельничемъ у Котошихина, стр. 31, 80 и 90—91, изд. 3.

Кодина. Она содержитъ въ себѣ названія болѣе семидесяти чиновъ византійскаго двора; нѣкоторые изъ этихъ чиновъ ко времени Кодина не несли никакихъ обязанностей [1]).

Первыми чинами по византійской табели о рангахъ были деспотъ, севастократоръ и кесарь, которые не исполняли какой либо опредѣленной должности, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они назначались для начальствованія надъ другими. За тремя выше упомянутыми чинами слѣдовали великій доместикъ и протовестіарій; изъ нихъ первый былъ начальникомъ сухопутныхъ военныхъ силъ [2]), второй—подавалъ императору вѣнецъ [3]), онъ же носилъ пилатикіи [4]).

Паниперсевастъ не занималъ никакой должности.

Великій дуксъ начальствовалъ надъ флотомъ и имѣлъ подъ своею властью великаго друнгарія флота, амиралія, протокомита, друнгаріевъ и комитовъ.

Протостраторъ, въ случаѣ отсутствія великаго доместика, носилъ императорскій мечъ и проводилъ за узду коня, послѣ того какъ на него сядетъ императоръ, до четвертой или пятой части дворцоваго двора; подводилъ императору коня комитъ императорской конюшни, обязанностью котораго было проѣзжать предназначенныхъ для императора коней; около времени пасхи комитъ императорской конюшни получалъ въ свою пользу императорскія сѣдла и уздечки, которыя ежегодно замѣнялись новыми.

Великій логоѳетъ вѣдалъ сношенія съ иностранными государями.

Обязанность доместикія заключалась въ наблюденіи за исполненіемъ приказаній императора.

Великій стратопедархъ заботился о доставленіи войску съѣстныхъ припасовъ.

Великій примикирій подавалъ императору и принималъ отъ него скипетръ; этотъ чинъ занималъ должность начальника императорской свиты.

---

[1]) De offic., cap. II et V, ed. Bon.

[2]) Тамъ же, стр. 83.

[3]) Тамъ же, стр. 49.

[4]) Тамъ же, стр. 49, 51, 52; пилатикіи — нѣчто въ родѣ императорскаго штандарта (тамъ же, Comment, стр. 289).

Великій контоставлъ былъ начальникомъ находившихся на жалованьѣ франковъ.

Протосевастъ не занималъ никакой должности.

Пинкернъ исполнялъ обязанность чашника императора: подавалъ ему за столомъ чашу съ питьемъ [1]).

Куропалата не занималъ никакой должности.

Паракимоменъ печати исполнялъ должность печатника: запечатывалъ письма императора воскомъ; онъ также, если протостраторъ отсутствовалъ, носилъ императорскій мечъ.

Паракимоменъ китона — покоевъ царя — былъ начальникомъ служившихъ въ этихъ покояхъ.

Должность логоѳета геника неизвѣстна, говоритъ Кодинъ.

Протовестіаритъ служилъ по церемоніймейстерской части.

Доместикъ стола служилъ императору за столомъ вмѣстѣ со стольникомъ (*ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης* — стольникъ).

Великій папія не занималъ никакой должности.

Слѣдующій чинъ въ іерархической лѣстницѣ—епархъ—также не занималъ должности.

Великій друнгарій виглы былъ военноначальникъ, завѣдывавшій сторожевою службою.

Великій этеріархъ служилъ по церемоніймейстерской части.

Логоѳетъ дрома не занималъ никакой должности.

Протоасикритъ былъ первымъ судіею [2]).

Ὁ ἐπὶ τοῦ στρατοῦ долженъ былъ находить мѣста для лагерной стоянки войска.

Служба мистика, говоритъ Кодинъ, понятна по самому названію должности его [3]).

Доместикъ школъ не занималъ никакой должности.

Великій друнгарій флота находился въ такомъ отношеніи къ великому дуксу, въ какомъ великій друнгарій виглы къ великому доместику.

Примикирій двора служилъ по церемоніймейстерской части.

Протоспаѳарій не занималъ должности.

---

[1]) De offic., стр. 55, 58; Comment. стр. 184.

[2]) Comment. стр. 142.

[3]) Mysticus est senator secretioris consilii (Comment. 264).

За нимъ слѣдовали въ табели ранговъ великій архонтъ и тата двора, также должности не имѣвшіе.

Великіе цаусіи подвѣдомственны были великому примикирію; ихъ обязанность заключалась въ назначеніи мѣстъ для императорской свиты.

Преторъ народа не занималъ должности, подобно слѣдующимъ за нимъ въ іерархической лѣстницѣ логоѳету личнаго имущества императора и логаріасту двора.

Протокинигъ обязанностью своею имѣлъ держать стремя, когда императоръ садился на коня; протокинигъ же завѣдывалъ императорской псовой охотой.

Скутерій носилъ за императоромъ знамя и щитъ его.

Амиралій находился подъ властью великаго дукса и начальствовалъ надъ всѣмъ флотомъ.

Ὁ ἐπὶ τῶν δεήσεων принималъ прошенія, которыя подавались императору во время выѣздовъ его.

Квесторъ не занималъ никакой должности.

Великій аднуміастъ долженъ былъ заботиться о снабженіи солдатъ оружіемъ и лошадьми [1]).

Логоѳетъ стратіотика не занималъ никакой должности.

Протоіеракарій завѣдывалъ птичьей охотой.

Логоѳетъ стадъ [2]) не занималъ никакой должности.

Великій драгоманъ начальствовалъ надъ переводчиками.

Аколуѳъ—начальникъ Варяговъ—слѣдовалъ за императоромъ впереди ихъ.

Судья войсковой долженъ былъ разбирать тяжбы солдатъ.

Архонтъ почты числился, во времена Кодина, въ свитѣ императора [3]).

Проталлагаторъ по своей должности слѣдовалъ за свитой императора и находился въ распоряженіи примикирія.

Великій діикитъ не занималъ никакой должности, какъ и слѣдующій за нимъ чинъ—орфанотрофъ.

Протонотарій былъ первый изъ нотаріевъ или секретарей.

[1]) Тамъ же, стр. 85; Comment., стр. 198.

[2]) См. Schlumberger, Sigillographie de l'Empire Byzantin, pag. 324.

[3]) Comment. стр. 200.

Ὁ ἐπὶ τῶν ἀναμνήσεων не занималъ никакой должности, нѣкогда же онъ записывалъ отличившихся и докладывалъ о нихъ императору.

Доместикъ стѣнъ завѣдывалъ ремонтомъ укрѣпленій.

Предсѣдатель императорскаго китона (покоевъ) начальствовалъ надъ китонаріями (ближайшими къ царю служителями) и былъ подчиненъ паракимомену китона.

Предсѣдатель вестіарія находился подъ начальствомъ протовестіарита и вѣдалъ доходы и расходы императора.

Вестіарій несъ морскую службу: когда императоръ предпринималъ морской походъ, вестіарій начальствовалъ надъ кораблемъ, везшимъ царскій гардеробъ.

Этеріархъ служилъ по церемоніймейстерской части.

Логаріастъ двора былъ казначеемъ наемныхъ войскъ.

Стратопедархъ воиновъ, имѣвшихъ по одной лошади, начальствовалъ надъ этими воинами.

Стратопедархъ цангратовъ завѣдывалъ ими точно такъ, какъ мурталами ихъ стратопедархъ [1]).

Стратопедархъ цаконовъ вѣдалъ стражей въ укрѣпленіяхъ, которые назывались цаконами.

Предсѣдатель дворцовъ завѣдывалъ ими.

Предсѣдатель Влахернскаго дворца имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи этотъ дворецъ.

Доместикъ восточныхъ ѳемъ, какъ и доместикъ западныхъ ѳемъ, вѣдалъ государственныя дѣла своихъ ѳемъ.

Служба великаго миртаита неизвѣстна была Кодину.

Протокомитъ служилъ во флотѣ; онъ былъ первый изъ комитовъ въ императорскомъ флотѣ.

Друнгарій также служилъ во флотѣ: друнга—извѣстное число воиновъ, которыми командовалъ друнгарій.

Врядъ ли для объясненія появленія при дворѣ Іоанна III чиновъ: казначея, постельничаго, ясельничаго и конюшаго необходимо имѣть въ виду византійское вліяніе [2]).

[1]) Τζάγγρα — arcus balistarius, balearis (Du-Cange, Glos. Graecitatis).

[2]) Конюшіе и казначеи извѣстны были на Руси ранѣе времени Іоанна III (Проф. Сергѣевичъ „Русск. Юридич. Древн.“ I, 403, 416). Въ „Проектѣ устава о

Говоря о вліяніи Софьи Палеологъ на Іоанна III, слѣдуетъ имѣть въ виду характеръ супруга ея и политику его до брака съ нею. Соловьевъ, подводя итоги государственной дѣятельности Іоанна III, пришелъ къ заключенію, что нельзя ее рѣзко отличать отъ дѣятельности предковъ его, что только въ XVIII в., при первыхъ попыткахъ обработки отечественной исторіи, могло образоваться мнѣніе, что Іоаннъ III соединилъ до него раздробленную Россію въ одно цѣлое и свергнулъ татарское иго [1]). По мнѣнію Соловьева, обширная дѣятельность Іоанна III является слѣдствіемъ дѣятельности предшественниковъ его. Съ такимъ мнѣніемъ Соловьева нельзя не согласиться. Какъ сверженіе татарскаго ига, такъ и присоединеніе удѣловъ Іоанномъ III къ Москвѣ врядъ ли можно приписать вліянію Софьи. Соловьевъ, говоря въ своей магистерской диссертаціи объ отношеніяхъ Іоанна III къ Новгороду, задается вопросомъ, почему Іоаннъ III не сказалъ въ 1471 г. того, что объявилъ новгородцамъ въ 1477 г.: „хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ“. Указавъ, что Софьи Палеологъ еще не было въ 1471 году въ Москвѣ, что Софьѣ современники приписывали внушеніе Іоанну III важнѣйшихъ замысловъ, и что вслѣдствіе этого можетъ казаться, будто Іоаннъ III не былъ способенъ возвыситься до мысли покорить себѣ Новгородъ, Соловьевъ говоритъ, что подобное предположеніе можетъ показаться основательнымъ только съ перваго взгляда. Іоаннъ III дѣйствовалъ медленно, потому что медленность обѣщала однѣ выгоды [2]).

Такую же медленность и такую же осторожность обнаружилъ Іоаннъ III и въ другомъ крупномъ его дѣлѣ—сверженіи татарскаго ига, потому что медленность эта могла принести только пользу. Въ наказѣ, данномъ Іоанномъ III въ мартѣ мѣсяцѣ 1474 года

служебномъ старшинствѣ бояръ“ и проч., составленномъ при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ по византійской табели о рангахъ, находимъ изъ чиновъ двора Іоанна III только постельничаго съ поясненіемъ: „греческихъ *протовестіарій* сирѣчь первой нашего Царского Величества казнѣ хранитель, понеже имѣетъ въ своемъ храненіи нашего Царского Величества одежды и всякіе многоцѣнные вещи, елико нашему Царскому Величеству потребно“... („Архивъ ист.-юридич. свѣд.“, изд. Калачевымъ, кн. I, отд. II, стр. 32).

[1]) „Ист. Рос.“ V, 362, изд. 5.

[2]) „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“, стр. 145 и слѣд.

боярину Никитѣ Беклемишеву, отправленному посломъ къ крымскому хану Менгли-Гирею, читаемъ инструкцію, какъ написать договорную грамоту о союзѣ между Іоанномъ III и Менгли-Гиреемъ. Беклемишевъ долженъ былъ убѣждать Менгли-Гирея, чтобы въ договорной грамотѣ „именно о царѣ Ахматѣ не писати“, но написать, что Іоаннъ III и Менгли-Гирей обязуются имѣть общихъ друзей и недруговъ [1]). Оказывая еще покорность Ахмату, Іоаннъ III, за шесть лѣтъ до того времени, когда Софья побуждала его, по словамъ Татищева, свергнуть татарское иго, заключилъ направленный противъ Ахмата договоръ съ крымскимъ ханомъ, не называя Ахмата въ этомъ договорѣ изъ опасенія, что договоръ этотъ можетъ быть извѣстенъ въ золотой ордѣ [2]). Конечно, возможно и тутъ усмотрѣть вліяніе Софьи, но этому противорѣчитъ прежде всего извѣстіе Татищева, что Іоаннъ III удивился, когда Софья заговорила о сверженіи татарскаго ига, изъ чего видно, что Софья такихъ рѣчей ранѣе не говорила. Далѣе, Софья пріѣхала въ Москву въ ноябрѣ 1472 г.[3]), бояринъ же Беклемишевъ, отправленный въ мартѣ 1474 г. къ крымскому хану, говорилъ о договорѣ съ нимъ московскаго государя на основаніи предложенія, сдѣланнаго ранѣе Іоанну III крымскимъ посломъ Ази-Бабою отъ имени Менгли-Гирея [4]). Такое предложеніе союза со стороны Менгли-Гирея вытекало изъ предшествовавшихъ дружественныхъ сношеній между нимъ и Іоанномъ III, которыя врядъ ли можно отнести на долю вліянія Софьи, около того времени только пріѣхавшей въ Москву и потому не знакомой съ политическими дѣлами настолько, чтобы оказывать вліяніе на характеръ отношеній своего супруга къ крымскому хану. Слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что Іоаннъ III смотрѣлъ на крымскаго хана, какъ на союзника въ борьбѣ своей съ литовскимъ великимъ княземъ [5]). Эта борьба, цѣлью своею имѣвшая присоединеніе къ Москвѣ юго-западныхъ русскихъ областей, должна была отвлечь Іоанна III отъ мысли овладѣть Константинополемъ, которую, полагаютъ, Софья внушила супругу сво-

[1]) С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 3.

[2]) Тамъ же.

[3]) П. С. Р. Л. VIII, 176.

[4]) С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 1—2.

[5]) Тамъ же, стр. 3.

ему, а потому, съ ея точки зрѣнія, союзъ Іоанна III съ крымскимъ ханомъ, хотя бы и направленный противъ Ахмата, не могъ быть желателенъ, тѣмъ болѣе, что крымскій ханъ былъ вассаломъ турецкаго султана. Такой союзъ могъ привести Іоанна III, и привелъ дѣйствительно, къ дружественнымъ сношеніямъ съ турецкимъ султаномъ. Такимъ образомъ договоръ Іоанна III съ Менгли-Гиреемъ, направленный противъ Ахмата, свидѣтельствуетъ, что Іоаннъ III подготовилъ сверженіе татарскаго ига, избравъ союзникомъ для этого крымскаго хана, дѣйствуя и въ этомъ дѣлѣ медленно и осторожно.

Іоаннъ III является крупнымъ собирателемъ удѣловъ сѣверо-восточной Руси. Въ этомъ отношеніи онъ былъ продолжателемъ своихъ предшественниковъ и дѣйствовалъ вполнѣ сознательно, убѣжденный примѣрами изъ русской исторіи, что въ политическомъ раздробленіи земли заключается слабость ея. Соловьевъ приводитъ извѣстіе, что Іоаннъ III сказалъ митрополиту, просившему объ освобожденіи брата его, князя Андрея: „жаль мнѣ очень брата, и я не хочу погубить его, а на себя положить упрекъ; но освободить его не могу, потому что не разъ замышлялъ онъ на меня зло; потомъ каялся, а теперь опять началъ зло замышлять и людей моихъ къ себѣ притягивать. Да это бы еще ничего; но когда я умру, то онъ будетъ искать великаго княженія подъ внукомъ моимъ, и если самъ не добудетъ, то смутитъ дѣтей моихъ, и станутъ они воевать другъ съ другомъ, а Татары будутъ русскую землю губить, жечь и плѣнить, и дань опять наложатъ, и кровь христіанская опять будетъ литься, какъ прежде, и всѣ мои труды останутся напрасны, и вы будете рабами Татаръ“ [1]). Эту же мысль о вредѣ политическаго раздробленія Іоаннъ III высказалъ и при другихъ обстоятельствахъ. Отправляя въ 1496 г. посла къ зятю своему Александру, великому князю литовскому, Іоаннъ III наказалъ послу передать наединѣ великой княгинѣ, дочери своей, слѣдующее: „...еси говорила..., что князь велики (Александръ) да

[1]) „Ист. Рос.“ V, 64, изд. 5. Соловьевъ цитируетъ это извѣстіе: „Чтенія Москов. Истор. Общ. Годъ III, № 4“. Дополняемъ его цитату: въ этой книгѣ „Чтеній“ напечатана пятая книга „Исторіи“ Татищева, и въ ней подъ 1488 г., на стр. 93, находимъ выписанное Соловьевымъ извѣстіе.

и панове думають, а хотятъ Жыдимонту дать въ Литовскомъ въ великомъ княжствѣ Киевъ, да и иные городы. Ино, дочи, слыхалъ язъ, каково было нестроенье въ Литовской землѣ, коли было государей много; а и въ нашей землѣ слыхала еси, каково было нестроенье при моемъ отцѣ; а опослѣ отца моего, каковы были дѣла и мнѣ съ братьею, надѣюся, слыхала еси, а иное и сама помнишъ; и толко Жыдимонтъ будетъ въ Литовской землѣ, ино вашему которому добру быти?" [1]). Такъ, по словамъ самого Іоанна III, исторія земли русской и Литвы привела его къ сознанію, что политическое раздробленіе пагубно для государства. Однако, такой взглядъ на раздробленіе государства между нѣсколькими владѣтелями не помѣшалъ Іоанну III оставить удѣлы своимъ младшимъ сыновьямъ [2]). Не принесла, повидимому, и Софья своему супругу мысли о недѣлимости государства.

Всматриваясь въ памятники, обрисовывающіе личность Іоанна III, нельзя не замѣтить, что этотъ государь былъ выдающимся политикомъ, что его крупныя политическія дѣла не представляются только слѣдствіемъ вліянія на него Софьи; поэтому слѣдуетъ осторожно относиться къ показаніямъ нѣкоторыхъ современниковъ и близкимъ къ нимъ по времени свидѣтельствамъ, широко, но не всегда опредѣленно рисующимъ сферу вліянія Софьи на ея супруга. Въ противномъ случаѣ силуэтъ Софьи затемнитъ обликъ наиболѣе выдающагося политика изъ племени Калиты.

---

[1]) С. И. Р. И. Об. т. 35, стр. 224.
[2]) С. Г. Г. и Д. ч. I, № 144.

Глава II.

Первый императоръ въ Константинополѣ, Константинъ Великій, имѣлъ всю полноту власти предшественниковъ своихъ, римскихъ императоровъ. Перенесеніе столицы имперіи изъ Рима въ Константинополь само по себѣ могло не отразиться на идеѣ власти римскаго императора, но идея этой власти должна была измѣниться по другой причинѣ. Принявъ христіанство, Константинъ Великій и его ближайшіе преемники сохраняли еще званіе языческихъ императоровъ: Pontifex maximus, но христіане не могли видѣть въ императорѣ верховнаго первосвященника, и императоръ, какъ христіанинъ, долженъ былъ отказаться отъ того положенія въ христіанской церкви, какое онъ занималъ въ язычествѣ какъ глава языческаго культа [1]).

Въ какія отношенія къ церкви сталъ восточный римскій императоръ, раскрываетъ исторія Византіи.

Отношенія эти неодинаково понимаются русскими и западноевропейскими изслѣдователями исторіи греко-восточной церкви. Точка зрѣнія послѣднихъ на эти отношенія та, что византійскіе императоры, подобно предшественникамъ своимъ языческимъ императорамъ, продолжали быть царями и первосвященниками. Иначе смотрятъ русскіе изслѣдователи.

Проф. Кургановъ въ своемъ трудѣ, посвященномъ обзору отношеній между церковною и гражданскою властью въ Византіи въ періодъ времени съ 325 г. по 565 г., указываетъ, что „въ византійскомъ законодательствѣ, начиная съ Константина В.

---

[1]) Отъ званія Pontifex maximus императоры стали отказываться со времени Граціана, съ 382 г. (Кургановъ: „Отношеніе между церковн. и гражданск. властію въ Византійской имперіи“, 35; Gasquet: „De l'autorité impériale en matière religieuse à Byzance“, 31, Paris, an. 1879).

и кончая послѣдними императорами изъ фамиліи Палеологовъ, приняты и развиты три главныя положенія, опредѣляющія отношенія государства къ церкви: a) признаніе двухъ властей: духовной и свѣтской и ихъ равноправное положеніе въ государствѣ; b) ихъ взаимное согласіе въ области дѣйствованія на подданныхъ, и c) признаніе за церковными канонами, а тѣмъ болѣе догматами, не только равнозначущей силы съ государственными законами, но и превосходства предъ ними, въ случаѣ враждебнаго столкновенія между государствомъ и церковію“ [1]). Изложенная теорія отношеній между государствомъ и церковію, говоритъ проф. Кургановъ, въ общемъ видѣ соблюдавшаяся въ Византіи, хотя были и нарушенія ея, осуждалась и осуждается западными европейцами, какъ католиками, такъ и протестантами, по мнѣнію которыхъ восточная церковь вполнѣ подчинялась гражданской власти и признала это подчиненіе законнымъ и нормальнымъ [2]).

Проф. А. Лебедевъ называетъ представленія западныхъ европейскихъ писателей объ отношеніяхъ между государствомъ и церковію въ Византіи частью справедливыми, частью несправедливыми. Мнѣнія, что византійскіе императоры были царями и вмѣстѣ первосвященниками, несправедливы, говоритъ проф. Лебедевъ, если „видѣть въ подобныхъ отношеніяхъ (между государствомъ и церковію) какую-то систему, будто-бы принятую и утвердившуюся, какъ законъ, въ Византійской имперіи; но они справедливы, если съ этими представленіями соединяется лишь мысль о томъ, что въ Византіи нормальныя отношенія государства къ церкви весьма часто переходили въ ненормальныя, что здѣсь императоры въ религіозныхъ дѣлахъ брали на себя болѣе, чѣмъ сколько того требовали благо церкви и польза ея, и что забывалось истинное понятіе объ императорѣ, какъ членѣ церкви, подчиненномъ голосу пастырей въ вопросахъ религіи“ [3]).

Проф. М. А. Остроумовъ указываетъ, что идея симфоніи или согласія между императорскою властью и церковною, выраженная

---

[1]) Назв. тр., 90.

[2]) Тамъ же, стр. 91, 93 и слѣд.

[3]) „Очерки исторіи Виз.-вост. церкви отъ конца XI в. до пол. XV в.“, стр. 209—210.

Юстиніаномъ въ одной изъ его новеллъ, высказывалась многократно различными византійскими императорами въ ихъ новеллахъ, такъ что идея эта можетъ быть разсматриваема, какъ господствующая догма права: тѣ же случаи, когда императоры Византіи фактически являлись главою церкви, представляются нарушеніями этой идеи [1]).

Причина несогласія во взглядахъ на отношенія императорской власти къ церкви въ Византіи между русскими и западными европейскими учеными ясна: ненормальное, по мнѣнію первыхъ, разсматривается вторыми, какъ нѣчто законное [2]).

Мы разсмотримъ тѣ случаи, когда императоры византійскіе усвояли себѣ, и имъ усвоялось, такое положеніе въ церкви, какого московскіе государи никогда не занимали.

Біографъ Константина В. Евсевій, характеризуя его отношеніе къ церкви, говоритъ, что „онъ, въ случаѣ взаимнаго несогласія епископовъ въ различныхъ областяхъ, дѣйствовалъ, какъ общій, поставленный отъ Бога епископъ“...[3]). По словамъ Евсевія, однажды и Константинъ В. назвалъ себя епископомъ съ слѣдующею оговоркою: „только вы — епископы внутреннихъ дѣлъ Церкви, а меня можно назвать поставленнымъ отъ Бога епископомъ дѣлъ внѣшнихъ“ [4]).

---

[1]) „Введеніе въ прав. церк. право“, I, стр. 460.

[2]) Проф. Лебедевъ и Остроумовъ указываютъ случаи изъ отношеній въ Византіи власти гражданской къ церкви, когда императоры себѣ усвояли, и за ними признавали нѣкоторые міряне и духовныя лица, такую власть въ дѣлахъ церковныхъ, что получалось представленіе объ императорѣ, родственное, по выраженію проф. Остроумова, съ языческимъ представленіемъ о великомъ первосвященникѣ-императорѣ (назв. тр. А. П. Лебедева, стр. 210 и М. А. Остроумова, стр. 461. Такія представленія объ императорѣ византійскомъ изложены и въ „Курсѣ церк. права“ проф. Суворова, стр. 62). Воззрѣнія византійскихъ канонистовъ и самой церковной власти на императоровъ, какъ на лицъ, имѣющихъ право широкаго участія въ дѣлахъ церкви, указаны проф. Кургановымъ (назв. тр., стр. 84 и его же рѣчь: „Визант. идеалъ царя и царства“ и т. д. „Прав. Соб.“ 1881 г. іюль — августъ, стр. 279) Отношеніямъ власти царской къ патріаршей въ Византіи посвящена часть VIII гл. изслѣдованія пр.-доц. Грибовскаго: „Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ“ (стр 341 и слѣд).

[3]) „Сочин. Евсевія Памфила“, рус. пер., стр. 90.

[4]) Тамъ же, стр. 246. Въ этомъ отношеніи любопытенъ слѣдующій разсказъ въ похвальномъ словѣ равноапостольнымъ Константину и Еленѣ Евѳимія, патріарха Терновскаго: „нѣкогдаже на обѣдѣ епископы призвавъ (рѣчь идетъ о

Называя себя епископомъ, Константинъ В. вѣдѣнію своему опредѣлялъ „дѣла внѣшнія“, преемниковъ же его епископы называли архіереями и іереями безъ опредѣленія сферы ихъ архіерейства или іерейства. Отцы Халкидонскаго (Вселенскаго четвертаго) собора провозгласили императору многолѣтіе, какъ архіерею: *Πολλὰ τὰ ἔτη... τῷ ἀρχιερεῖ βασιλεῖ* [1]), какъ іерею: *Παλλὰ τὰ ἔτη... τῷ ἱερεῖ, τῷ βασιλεῖ* [2]), назвали его учителемъ вѣры: *Τὰς ἐκκλησίας σὺ ὤρθωσας, νικητὰ πολεμίων, διδάσκαλε πίστεως* [3]). Императоръ, провозглашаемый архіереемъ и іереемъ, назывался стражемъ православія, какъ вмѣстѣ съ отцами собора охранявшій чистоту вѣры. Отцы того же Халкидонскаго собора назвали императоровъ стражами вѣры: *Φύλακες πίστεως* [4]) и такимъ же названіемъ почтили императрицу: *Τὴν φύλακα τῆς πίστεως ὁ Θεὸς φυλάξοι* [5]). Стражемъ православія называли императора отцы VI Вселенскаго собора: *Τοῦ φύλακος τῆς ὀρθοδοξίας πολλὰ τὰ ἔτη* [6]). Патріархъ Тарасій въ своей рѣчи (сказанной въ 784 г.) назвалъ императора Константина и импе-

---

Константинѣ В.), сицевое къ нимъ подвиже слово: благодатію всещедраго владыкы Бога таковѣи сподобихся благодати, яко вся иже прежде мене превзыти царя и богоразоумѣнію сподобитися, якоже никто же инъ, къ симже и вашего благословенія насладитися сподобіхся толикыихъ отець, толикыихъ ангелъ, толикыихъ Божіихъ слугъ. Но понеже инъ чинъ по ангелехъ Богови приближающься кромѣ святительскаго нѣсть, посланіе имѣа много сице: можно бы яко да и азъ Богови себе васъ ради приближу и святительска сподобился дара. Они же къ нему тихимъ лицемъ и радостною отвѣщаша душею: ты Богомъ поставленъ еси епископъ“. Отрывокъ этотъ изъ житія равноапостольныхъ Константина и Елены, сообщенный мнѣ проф. М. С. Дриновымъ, заимствованъ изъ копіи, принадлежащей ему и снятой съ рукописи XVI в. Имп. П. Библ. (Отд. I, № 209, по копіи проф. М. С. Дринова л. 35 об.).

[1]) Harduini, Acta Conciliorum II, стр. 159.

[2]) Тамъ же, стр. 489.

[3]) Тамъ же. Въ эдиктѣ императоровъ Валентіана и Маркіана, запрещавшемъ споры о вѣрѣ предъ народомъ, императоры названы Pontifices inclyti, но въ греч. переводѣ этого эдикта, написаннаго на лат. яз., нѣтъ названія императоровъ, соотвѣтствующаго латинскому Pontifices (тамъ же, стр. 659).

[4]) Тамъ же, стр. 159.

[5]) Тамъ же, стр. 488.

[6]) Тамъ же, III, стр. 1164, 1365, 1385.

ратрицу Ирину стражами чистой вѣры: *Οἱ τῆς ἀμωμήτου ἡμῶν πίστεως τῶν χριστιανῶν φύλακες* [1]). Въ чемъ заключалась дѣятельность императоровъ какъ стражей вѣры, опредѣляютъ отцы Вселенскихъ соборовъ. Отцы VI Вселенскаго собора провозгласили: *Σῶσον, Κύριε, τὸν βασιλέα ἡμῶν, τὸν μετὰ σὲ κρατύνοντα τὴν κρηπῖδα τῆς πίστεως* [2]). Отцы того же Вселенскаго собора говорили императору, что Христосъ чрезъ императоровъ даруетъ церквамъ миръ: *Χριστὸς δὲ δι᾽ ὑμῶν ἀγαπᾷ ταῖς ἐκκλησίαις αὐτοῦ τὴν εἰρήνην βραβεύεσθαι* [3]). По словамъ отцовъ пятошестого собора Богъ поручилъ церковь императору: *(βασιλεῖ) Τὴν ἑαυτῆς ἐκκλησίαν παρέθετο* [4]). Отцы седьмого Вселенскаго собора писали императору Константину и императрицѣ Иринѣ: Suo enim decreto et mandato vos in nomine suo convocavit (Christus Deus), ut dogmatum ecclesiasticorum oracula fixa firmaque conservetis. Etenim quemadmodum caput vestrum auro et lapidibus pretiosis exornatum est: ita et mentes vestrae evangelicis patrum doctrinis sunt excultae. Nam quorum sonus in universum terrarum orbem est egressus cum sitis veluti discipuli et consodales, universique christiani populi duces et principes, ad pietatem veritatis sermonem contulistis et orthodoxae fidei pietatisque figuram descripsistis. Unde fidelibus tamquam faces ardentes relucetis et periclitanti ecclesiae manum porrexitis. Nam et sanas doctrinas conservatis et dissidentium unanimem concordiam gubernatis [5]).

Папа Левъ В., въ своихъ посланіяхъ къ іерархамъ церкви и императорамъ, признавалъ за послѣдними священническую ревность, священническій умъ, священническій и апостольскій духъ, священническую святость. Въ посланіи Льва В. къ императору Маркіану читаемъ, что Богъ императору Praeter regiam coronam etiam sacerdotalem conferat palmam [6]); въ другомъ посланіи къ тому же императору папа выражалъ благодарность Богу за то, что

---

1) Тамъ же, IV, стр. 24.

2) Тамъ же, III, стр. 1424.

3) Тамъ же, стр. 1417.

4) Тамъ же, стр. 1653.

5) Тамъ же, IV, стр. 759.

6) Migne, P. C. C., ser. lat., t. 54, стр. 1023.

Онъ: *Ὑμᾶς ἐν τῇ βασιλείᾳ καθίδρυσεν, ἐν οἷς εἰς σωτηρίαν τοῦ παντὸς κόσμου καὶ ἡ βασιλικὴ δύναμις καὶ ἡ ἱερατικὴ ἀνθεῖ σπουδή* [1]); въ посланіи же къ императору Маркіану Левъ В. писалъ, что онъ, папа, и вмѣстѣ съ нимъ всѣ священнослужители утѣшаются Dum in christianissimo principe sacerdotalem experimur affectum [2]); въ другой разъ Левъ В. писалъ Маркіану: De sacratissimo die Paschae sacerdotali me sollicitudine pietas vestra commonuit [3]). Тотъ же папа, въ посланіи къ императрицѣ Пульхеріи, призналъ: Principibus temporis nostri non solum potentiam regiam, sed etiam sacerdotalem cognoscimus inesse doctrinam [4]). Въ посланіяхъ Льва В. къ императору Льву читаемъ... Et per incrementa diligentiae devotionem in vobis animi sacerdotalis experior [5]); ...Sacerdotalem namque et apostolicum tuae pietatis animum... [6]). Патріарху константинопольскому Левъ В. писалъ: ...Religiosissimum principem dilectio tua studeat frequentare, et non solum regiam, sed et sacerdotalem ipsius mentem, precibus meis obsecrare persiste... [7]). Въ посланіи того же Льва В. къ одному изъ восточныхъ епископовъ выражается большая радость, вызванная эдиктомъ императора и отвѣтомъ императрицы относительно монашествующихъ: ...Non ignorans hunc ipsis fervorem fidei divina inspiratione conferri, ut omnibus excelentiam ipsorum non solum regii culminis, sed etiam sacerdotalis esse appareat sanctitatis... [8]). Египетскимъ епископамъ папа Левъ В. писалъ: ...Quia et clementia ejus (императора) pro defendendis sanctae Synodi Chalcedonensis decretis sacerdotali fervet affectu [9]).

Высокаго мнѣнія о власти византійскаго императора въ дѣлахъ церкви были нѣкоторые іерархи. Канонистъ XII в. Вальсамонъ, александрійскій патріархъ, въ толкованіи на XVI канонъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 1034.
[2]) Тамъ же, стр. 1094.
[3]) Тамъ же, стр. 1111.
[4]) Тамъ же, стр. 1036.
[5]) Тамъ же, стр. 1143.
[6]) Тамъ же, стр. 1131.
[7]) Тамъ же, стр. 1126.
[8]) Тамъ же, стр. 1038.
[9]) Тамъ же, стр. 1124.

собора въ Кареагенѣ, запрещающій лицамъ, которыя занимали церковныя должности, и монахамъ вести мірскія дѣла, указываетъ на мнѣнія нѣкоторыхъ лицъ, что канонъ этотъ примѣнимъ въ томъ случаѣ, если духовное лицо займется мірскими дѣлами не по приказанію императора, ибо императоръ не подлежитъ ни законамъ, ни канонамъ. Раздѣляя мнѣніе этихъ лицъ, Вальсамонъ признаетъ, что императоръ не обязанъ слѣдовать канонамъ [1]. Полагая, что императоръ не обязанъ слѣдовать канонамъ, Вальсамонъ находитъ, что власть императорская выше патріаршей: „такъ какъ, говоритъ Вальсамонъ, содѣйствіе самодержцевъ простирается на просвѣщеніе и укрѣпленіе какъ души, такъ и тѣла, авторитетъ же патріарховъ ограниченъ исключительно пользою душевною (ибо забота патріарховъ о благосостояніи тѣлесномъ незначительна), равно какъ попеченіе и забота императрицъ по отношенію къ подданнымъ простираются только на тѣлесное благополучіе, ибо женщины лишены всякой способности къ помощи душевной, то свѣтильни императоровъ обвиваются двумя золотыми вѣнцами, а патріарховъ и императрицъ—однимъ бордюромъ.“ [2])

Подобно Вальсамону, высокаго мнѣнія о власти императора въ дѣлахъ церкви былъ архіепископъ Болгаріи Димитрій Хоматіанъ (XIII в.) [3]). Мнѣніе Хоматіана весьма авторитетно, такъ какъ онъ считается искуснѣйшимъ законовѣдомъ, имѣвшимъ обширнѣйшія свѣдѣнія и въ церковныхъ канонахъ, и въ области свѣтскихъ законовъ [4]). „Императоръ, говоритъ Димитрій Хоматіанъ, какъ общій епистемонархъ [5]) церквей, и на дѣлѣ и по имени, предсѣдательствуетъ при произнесеніи соборныхъ мнѣній и утверждаетъ ихъ, устрояетъ дѣйствія церковныя, вноситъ закономѣрность въ жизнь церковнослужителей и дѣла епископовъ и клириковъ,

---

[1]) Migne, P. C. C., ser. gr., t. 138, стр. 93.

[2]) Тамъ же, t. 119, Μελέτη, стр. 1165.

[3]) О немъ въ статьѣ проф. М. С. Дринова: „О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана“, „Виз. Врем.“, т. I, вып. II, стр. 319; т. II, вып. 1 и 2, стр. 1.

[4]) Назв. тр. проф. М. А. Остроумова, 590.

[5]) Ἐπιστημονάρχης—titulus quem sibi adscribebant imperatores Constantinopolitani, tanquam essent Doctrinae ac Disciplinae Ecclesiasticæ Praesides. Du-Cange указываетъ новеллу императора Исаака Ангела, въ которой Исаакъ приписалъ себѣ званіе епистемонарха церкви (Glos. graecit., s. v.).

а также (устрояетъ) выборомъ во вдовствующія церкви, возводитъ отъ меньшей почести къ большей, т. е. изъ епископіи въ митрополію, воздавая тѣмъ почетъ либо личной заслугѣ, либо городу. Все это легче понять любознательному изъ сборника божественныхъ и священныхъ каноновъ и изъ недавняго законодательства Юстиніана, которое находится во всей 3 книгѣ Василикъ, во всей полнотѣ обнимающей постановленія, относящіяся къ дѣламъ епископскимъ и клириковъ, ихъ привилегій, жизни, устройства, а также тяжбъ какъ жалобныхъ, такъ и имущественныхъ; и, такъ сказать, за исключеніемъ совершенія службъ церковныхъ, прочія привилегіи священства царь устрояетъ опредѣленно, и въ этомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ сообразно съ законами и канонами. Находится въ 19 кн. іудейской древней исторіи Іосифа Флавія царская подпись слѣдующаго содержанія: „Тиверій Клавдій Кесарь августъ, Германикъ, pontifex maximus, въ годъ трибунской власти (указаніе года опущено), избранный консуломъ во второй разъ". Такъ какъ, слѣдовательно, и царь даннаго времени есть помазанникъ Божій вслѣдствіе помазанія своего на царство, а Христосъ и Богъ нашъ вмѣстѣ съ прочими (людьми, т. е. Богъ нашъ и другихъ) и первосвященникъ нашъ, и былъ и провозглашается (таковымъ), то основательно и самъ (царь) украшается и первосвященническими дарами" [1]). Церковный писатель Макарій Анкирскій (XIV в.) доказываетъ авторитетомъ Григорія Нисскаго, Григорія Назіанзена, четвертаго и шестого Вселенскихъ соборовъ и др., что „императоръ, помазанникъ Божій, святъ чрезъ миропомазаніе и принадлежитъ къ числу священнослужителей, есть архіерей, іерей и учитель вѣры" [2]).

Естественно, что нѣкоторые византійскіе императоры высказывали высокое мнѣніе о своей власти и въ дѣлахъ церкви.

Императоръ Левъ Исавръ въ своемъ посланіи къ папѣ Григорію II написалъ о себѣ: Imperator sum et sacerdos, и папа не отрицалъ права императора называться священникомъ въ томъ случаѣ, если онъ не поступалъ противно ученію отцовъ и учите-

[1]) Migne, Patr. C. C., ser. gr., t. 119, стр. 949.

[2]) Leonis Allatii de Ecclesiae occid. atque orient. perpetua consensione, стр. 219, an. 1648.

лей церкви „Но ты послѣдовалъ“, писалъ папа Льву Исавру“, своему упорству и обитающимъ въ тебѣ страстямъ; и въ то же время пишешь: „я императоръ и священникъ“. Да, императоры, бывшіе прежде тебя, доказали это и словомъ, и дѣломъ: они созидали церкви и заботились о нихъ; ревнуя о православной вѣрѣ, они вмѣстѣ съ архіереями изслѣдовали и отстаивали истину, таковы: Константинъ В., Ѳеодосій В., Валентиніанъ В., Константинъ, отецъ Юстиніана, бывшій на шестомъ соборѣ. Эти императоры царствовали благочестиво: они вмѣстѣ съ архіереями, единодушно и единомысленно съ ними, собирали соборы, изслѣдовали истину догматовъ, устрояли и украшали святыя церкви. Вотъ—священники и императоры! они доказали это самымъ дѣломъ. Ты же съ тѣхъ поръ, какъ получилъ власть, не вполнѣ сталъ соблюдать опредѣленія отцовъ“... [1]). Папа увѣщевалъ императора быть Pontifex et imperator [2]).

Императоръ Исаакъ Ангелъ, по словамъ византійскаго историка Никиты Хоніата (XII—XIII в.) [3]), имѣлъ дерзость пользоваться священными сосудами за своимъ столомъ. Когда кто нибудь рѣшался напомнить императору, что такъ поступать неприлично, онъ возражалъ: „царямъ все позволительно дѣлать, и между Богомъ и императоромъ въ управленіи земными дѣлами отнюдь нѣтъ такого несоединимаго и несъютимаго разстоянія, какъ между утвержденіемъ и отрицаніемъ“ (варіантъ: „потому что на землѣ, говорилъ царь, нѣтъ никакого различія во власти между Богомъ и между царемъ: царямъ все позволительно дѣлать и можно нераздѣльно употреблять Божіе на ряду съ своимъ, такъ какъ самое царское достоинство они получили отъ Бога, и между Богомъ и ими нѣтъ разстоянія“ [4]). Тотъ же Хоніатъ смѣло порицаетъ тѣхъ византійскихъ императоровъ, которые считали себя установителями догматовъ. „Для большей части римскихъ царей“, гово-

---

[1]) „Дѣянія Всел. соборовъ“ въ рус. пер. при Каз. Дух. Акад., VII, стр. 40.

[2]) Тамъ же; лат. текстъ посланія папы у Migne, P. C. C., ser. lat. t. 89, стр. 521.

[3]) О немъ монографія проф. Ѳ. И. Успенскаго „Византійскій писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ“, Спб. 1874 г.

[4]) „Никиты Хоніата Исторія“, рус. пер., II, 122.

ритъ названный историкъ, „рѣшительно невыносимо только повелѣвать, ходить въ золотѣ, пользоваться общественнымъ достояніемъ, какъ своимъ, раздавать его, какъ и кому угодно, и обращаться съ людьми свободными, какъ съ рабами. Они считаютъ для себя крайнею обидою, если ихъ не признаютъ мудрецами, людьми подобными богамъ по виду, героями по силѣ, богомудрыми подобно Соломону, богодухновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ, однимъ словомъ—непогрѣшимыми судіями дѣлъ Божескихъ и человѣческихъ. Поэтому-то, вмѣсто того, чтобы обличать, какъ бы слѣдовало, людей неразумныхъ и дерзкихъ, вводящихъ новое и неизвѣстное Церкви ученіе, или даже предоставить это тѣмъ, кто по своему призванію долженъ знать и проповѣдывать о Богѣ, они, отнюдь не желая и въ этомъ случаѣ занимать второе мѣсто, сами бываютъ въ одно и то же время и провозвѣстниками догматовъ, и ихъ судіями и установителями, а часто и карателями тѣхъ, кто съ ними не соглашается“ [1]). Порицая догматствовавшихъ императоровъ, Хоніатъ относитъ къ числу ихъ императора Мануила Комнена, который, по его словамъ, любилъ перетолковывать то, что правильно было уяснено отцами церкви. Однажды, говоритъ Хоніатъ, императоръ Мануилъ Комненъ предложилъ архіереямъ сдѣлать измѣненіе въ чинѣ оглашенія, но встрѣтилъ среди нихъ несочувствіе своему намѣренію, за что „осыпалъ архіереевъ бранью и называлъ ихъ всесвѣтными дураками“ [2]). Интересно, что императоръ Мануилъ, порицаемый Хоніатомъ за вмѣшательство въ дѣла церкви, былъ прославляемъ современникомъ его митрополитомъ ѳессалоникскимъ Евстаѳіемъ. Евстаѳій не осуждалъ Мануила за любовь его вмѣшиваться въ богословскіе споры, но отмѣтилъ въ немъ превосходство надъ всѣми и въ дѣлахъ и въ рѣчахъ [3]).

---

[1]) Тамъ же, I, 271.

[2]) Тамъ же, I, 278.

[3]) Migne, P. C. C., ser. gr., т. 135, стр. 980, § 13. Сужденіе митрополита Евстаѳія о Мануилѣ, не согласное съ мнѣніемъ о немъ Хоніата, отмѣчено было проф. А. Лебедевымъ въ его „Очерк. ист. Виз.-вост. церк. отъ конца XI в. до нач. XV в.“, 232. Евстаѳій прославлялъ императора послѣ смерти его въ словѣ, посвященномъ памяти его, и хотя, по задачамъ рѣчи своей, долженъ былъ хвалить усопшаго императора, однако могъ умолчать о томъ, что считалъ бы достойнымъ порицанія.

Не удивительно, что нѣкоторые византійскіе императоры, любя догматствовать, заботились, чтобы патріаршій престолъ доставался такимъ лицамъ, которые подчинялись бы ихъ авторитету. Проф. Троицкій замѣтилъ, что императоры Византіи, особенно послѣднихъ временъ имперіи, цѣнили необразованность въ своихъ патріархахъ выше ихъ добродѣтелей [1], и такое его мнѣніе подтверждается свидѣтельствами византійскихъ историковъ. Георгій Акрополитъ (XIII в.) говоритъ:... „цари вообще хотятъ, чтобы патріархами были люди смиренные, недалекіе по уму, которые бы легко уступали ихъ желаніямъ, какъ признаннымъ постановленіямъ. А это всего чаще случается съ людьми необразованными: будучи невѣждами въ словѣ, они не способны на смѣлое слово и преклоняются предъ императорскими распоряженіями" [2]). Другой византійскій историкъ, Никифоръ Григора (XIV в.), разсказывая о возведеніи на патріаршій престолъ іеромонаха Герасима, почти совершенно оглохшаго отъ старости и неученаго, говоритъ, что Герасимъ, вслѣдствіе необразованности своей и простоты, былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ императора. „Цари", поясняетъ Григора, „на такія высокія мѣста и выбираютъ такихъ людей, чтобы тѣ безпрекословно подчинялись ихъ приказаніямъ, какъ рабы, и чтобы не оказывали имъ никакого противодѣйствія" [3]).

Еще во времена Вселенскихъ соборовъ іерархи называли императоровъ *θειότατοι* [4]). Съ теченіемъ времени за императорами укрѣпилось названіе „святой", въ качествѣ офиціальнаго ихъ титула [5]). „Святымъ" провозглашался византійскій императоръ во время коронованія, и съ этого времени названіе „святой" дѣлалось титу-

---

[1]) „Арсеній и Арсениты", „Христ. Чтен.", 1867 г. Іюнь, стр. 895.

[2]) „Лѣтопись великаго логоѳета Георгія Акрополита", рус. пер., стр. 121.

[3]) „Римская исторія Никифора Григоры", рус. пер., I, 283.

[4]) Harduini, Acta Conciliorum, II, 273, 351, 424, 432, 449, 464, 485, 487, 489, 492, 496, 501, 508, 564 и слѣд.

[5]) De cer. a. B. ed. Bon., стран. 527, строки 2, 7, 16; 531, 3; 612, 13; 617, 14; 650, 13; 681, 14; 682, 11, 13; 684, 18 и слѣд. Комментаторъ De cer. a. B., Reiske, указываетъ, что названія: Sanctus, Venerabilis, Pius и т. п. прилагались къ именамъ римскихъ императоровъ. Отсюда, должно быть, обычное титулованіе византійскихъ императоровъ „святые".

ломъ императора, принадлежавшимъ священному сану его [1]). Что императоры Византіи назывались „святыми", извѣстно было и на Руси. „Святымъ" назывался византійскій императоръ въ грамотахъ константинопольскихъ патріарховъ къ русскимъ князьямъ [2]), въ патріаршихъ посланіяхъ къ митрополитамъ и епископамъ русскимъ [3]). Названіе „святой" признавалось за византійскими императорами и на Руси. Вел. кн. московскій Василій II такъ называлъ императора Константина Палеолога въ грамотѣ къ нему [4]), причемъ писалъ императору, что онъ, императоръ, получилъ власть „въ утверженіе всему православному христіаньству вашихъ державъ и нашимъ владѣтельствамъ рускія земли" [5]). „Святымъ" названъ императоръ византійскій въ посланіи вел. кн. Василія II къ константинопольскому патріарху [6]). Такъ же назывались византійскіе императоры въ грамотахъ русскихъ митрополитовъ къ русскимъ іерархамъ, русскимъ и литовскимъ князьямъ [7]).

Опущеніе этого титулованія при имени императора могло вызвать неудовольствіе послѣдняго. Византійскій историкъ Георгій Пахимеръ [8]) разсказываетъ, что императоръ Михаилъ VIII Пале-

---

[1]) Проф. Бѣляевъ, Byzantina, II, XXVIII, прим. 2. Такое титулованіе византійскихъ императоровъ, по толкованію Симеона, архіепископа ѳессалоникійскаго, не возвышало ихъ надъ мірянами: „царя архіерей помазуя также называетъ святымъ, и именно называетъ этимъ словомъ ради священнаго помазанія святымъ миромъ, которымъ и всѣ вѣрующіе помазуются, и потому называются святыми" („Писанія св. отцевъ и учителей церкви", II, 264, Спб. 1856).

[2]) Р. И. Б. т. VI, стр. 64, 66; Приложен. стр. 266, 268.

[3]) Тамъ же, стр. 358, 360; Приложен. стр. 36, 40, 46, 48, 54, 68, 74, 76, 82, 84, 88, 92, 182, 190, 212, 216, 218, 222, 224, 226, 280, 312, 314; „Акты Истор." I, № 254.

[4]) Р. И. Б. VI, стр. 576, 578, 583, 584; П. С. Р. Л. VI, 162—164, 167.

[5]) Тамъ же, VI, стр. 577.

[6]) Тамъ же, стр. 528, 529, 534—536.

[7]) Тамъ же, стр. 421, 540, 558; П. С. Р. Л. VI, 145.

[8]) Пахимеръ родился, какъ видно изъ словъ его, около 1240 г. („Георгія Пахимера Исторія", рус. пер., т. I, кн. 1, стр. 1. и Corpus scriptor. hist. Byz., ed. Bon., Georgius Pachymeres, vol. I, pag. 11).

ологъ [1]) разгнѣвался на бывшаго патріарха Іосифа за то, что тотъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи упомянулъ его имя безъ добавленія „святой". „Около того времени" [2]), говоритъ Пахимеръ, „Іосифъ, ожидая скорой смерти, сдѣлалъ духовное завѣщаніе. Въ завѣщаніи нужно было упомянуть и о царѣ и написать молитву за него. Іосифъ дѣйствительно упомянулъ и молился, но не прибавилъ названія ἅγιος (святой), которое обыкновенно носили цари миропомазанные. Когда завѣщаніе въ такой формѣ было прислано, царь, увидѣвъ его и выразивъ негодованіе, тотчасъ написалъ и патріарху, написалъ и начальнику города, чтобы онъ спросилъ и узналъ, какъ это сталось, что отъ царскаго его титула отнято слово ἅγιος. Не считаетъ ли меня Іосифъ недостойнымъ святости, говорилъ царь, что такъ пишетъ? Написано было объ этомъ и Антіохійскому патріарху Принкипсу". По разслѣдованіи дѣла, оказалось, что Іосифъ въ своемъ завѣщаніи назвалъ императора „святымъ", но монахи, которымъ онъ далъ снять копію съ завѣщанія, написали имя императора безъ прибавленія „святой", и въ такомъ видѣ завѣщаніе Іосифа было представлено императору [3]).

Московскіе великіе князья и цари, единственные независимые православные государи послѣ паденія Константинополя и уничтоженія татарскаго ига, не назывались, подобно византійскимъ императорамъ, „святыми". Называли ихъ такъ только христіане православнаго Востока, обращавшіеся къ нимъ за милостынею, но и они не всегда усвояли имъ это названіе [4]). Въ Москвѣ же опускали титулованіе своего царя „святымъ" въ обрядахъ, которые заимствовались изъ Византіи, и въ которыхъ названіе „святой" прилагалось къ имени императора. Когда патріарха Іеремію, въ

---

[1]) Михаилъ VIII Палеологъ умеръ, по показанію Пахимера, въ 1283 г. („Георгія Пахимера Исторія", рус. пер., стр. 508, прим.). Muralt относитъ кончину Михаила VIII къ 1282 г. (Essai de Chronographie Byzantine, I, 445, Спб., 1871 г.).

[2]) Около того времени, когда императоръ запретилъ поминать папу, т. е. въ 1281 г. (Muralt, op. cit., I, pag. 441).

[3]) „Георгія Пахимера Исторія", рус. пер., I, 468.

[4]) „Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церкв.", ч. I, стр. 34, 232, 239—242, 281, 282; ч. II, стр. 241, 249—251, 337, 358; „святѣйшій царь" (тамъ же I, 89, 315); царица Евдокія Лукіановна, супруга Михаила Ѳеодоровича Романова, названа „святою" въ грамотѣ игумена сербскаго Благовѣщенскаго мона-

бытность его въ Москвѣ, просили дать письменный чинъ избранія и нареченія патріарха, Іеремія написалъ просимый чинъ, причемъ, по примѣру такогоже чина великой константинопольской церкви, назвалъ царя „святымъ“, но такое титулованіе московскаго царя не вошло въ чинъ нареченія московскихъ патріарховъ [1]). Тоже замѣтимъ и въ чинахъ вѣнчаній на царство московскихъ государей.

Нося титулъ „святые“, византійскіе императоры назывались владыками вселенной. Въ актологіяхъ, т. е. пѣснопѣніяхъ и возгласахъ, которыми партіи Ипподрома привѣтствовали императоровъ, послѣдніе назывались владыками вселенной [2]). Названіе владыкъ вселенной византійскіе императоры унаслѣдовали отъ императоровъ римскихъ. Это названіе, по отношенію къ византійскимъ императорамъ, имѣло не территоріальное значеніе, ибо они не были владыками вселенной; его слѣдуетъ понимать въ другомъ смыслѣ: императоръ византійскій считался царемъ всѣхъ христіанъ, вселенной христіанской. Такъ смотрѣли на императора въ Византіи, такой взглядъ на него внушался и московскому великому князю Василію Димитріевичу, которому константинопольскій патріархъ Антоній писалъ (въ 1393 г.), что императоръ Византіи „поставляется царемъ и самодержцемъ Ромеевъ, то есть всѣхъ христіанъ“,

---

стыря (тамъ же, II, 282); „святое Твое (Ваше) царство“—въ обращеніи къ московск. государямъ (тамъ же, I, 61, 63, 64, 164, 291, 292, 310, 342; II, 99, 106, 242, 244—246, 248, 267, 272, 281 и т. д.). Не названъ, напр., „святымъ“ Іоаннъ IV въ соборной грамотѣ восточныхъ іерарховъ, утвердившихъ за нимъ царскій титулъ (изд. кн. Оболенскимъ, М. 1850 г.)

[1]) „Сношенія Россіи съ Востокомъ“, I, 204. У Симеона Өессалоникійскаго, въ изложеніи чина поставленія константинопольскаго патріарха, читаемъ: „объявляющіе избраніе (избранному) говорятъ такъ: державный и святый нашъ самодержецъ и царь, и божественный, священный и великій соборъ приглашаютъ святѣйшество твое на высочайшій престолъ патріаршества Константинопольскаго („Сочиненія“, рус. пер., 284). Московскій чинъ нареченія патріарха въ Д. къ А. И., II, № 76; „Древн. Рос. Вивл.“, изд. 2, VI, 125 и слѣд., 223 и слѣд. О поставленіяхъ въ санъ русскаго патріарха въ книгѣ прот. Никольскаго „О службахъ русской церкви“, стр. 7—13.

[2]) De cer. a. B., ed. Bon., стран. 355, строка 1; 356, 7; 418, 20; 419, 7, 16; 427, 3. Императоры властвуютъ надъ вселенной, назначаютъ ей правителей, императоровъ желаетъ міръ — тамъ же, 411, 1; 424, 2, 3; 430, 14; 439, 14; 649, 19.

и что всѣ христіане должны признавать своимъ царемъ только византійскаго императора [1]).

Московскіе государи назывались христіанскими царями, но не въ томъ смыслѣ, что они смотрѣли на себя, какъ на царей всѣхъ христіанъ, а въ отличіе отъ царей мусульманскаго міра. Въ такомъ смыслѣ Іоанна III назвалъ христіанскимъ государемъ ногайскій ханъ Ивакъ: „язъ, писалъ Іоанну III Ивакъ, бесерменскій государь, а ты христіянской государь“ [2]). Іоаннъ III называлъ крымскаго хана и турецкаго султана, въ грамотахъ къ нимъ, „бесерменскими“ государями въ отличіе отъ государей христіанскихъ: „межи бесерменскими государи прехвалной еси государь“, „межи бесерменскихъ государей великой еси государь“ и т. п. [3]). Въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній Іоанна III и Василія III съ польскими королями и литовскими великими князьями христіанскіе государи называются такъ въ отличіе отъ владыкъ мусульманскаго міра [4]). То же находимъ и въ памятникахъ сношеній московскаго государства съ германскими императорами [5]). Іоаннъ IV и польско-литовскій государь, въ сношеніяхъ между собою, называли себя христіанскими государями, какъ въ противоположность мусульманскимъ государямъ, такъ и въ томъ смыслѣ, что они, исповѣдуя ученіе Христа, не желаютъ кровопролитія, но стремятся къ миру [6]).

Императоры Византіи пользовались правомъ кажденія въ храмахъ, знаменовали съ трикиріемъ, какъ архіереи, вели учительныя

---

[1]) Р. И. Б. т. VI, Прилож., стр. 272 и слѣд.

[2]) С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 81.

[3]) Тамъ же, стр. 161, 162, 184, 189, 233.

[4]) Тамъ же, т. 35, стр. 328, 329, 342, 343, 345, 348, 358, 369, 370, 387, 388, 390, 397, 398, 435, 458, 507, 540—542, 562 и т. д.

[5]) „Пам. дипл. сн. др. Рос. съ держ. иностр.“, I, стр. 197—199, 201, 202, 204, 206, 207, 219, 229, 234, 244, 246, 262, 279, 305, 307 и т. д.

[6]) С. И. Р. И. Об. т. 59, стр. 3, 6, 13, 15, 16, 24, 33, 37, 38, 57, 59, 69, 87, 103, 155, 268—273, 279, 290, 293, 310, 313, 315 и т. д.; т. 71, стр. 5, 6, 14, 28, 30—33, 35, 43, 50—53, 59, 63, 70, 79, 80, 101, 104, 106, 122, 126—129, 145, 147, 167, 169, 170, 172 и т. д. Тоже въ сношеніяхъ московскаго государства съ Англіею (тамъ же, т. 38, стр. 252—255, 257, 281, 282, 284, 285, 295, 311, 326, 345, 349, 350 и т. д.).

бесѣды съ христіанами, поучая ихъ истинамъ вѣры, и принимали нѣкоторое активное участіе въ совершеніи богослуженія.

Антіохійскій патріархъ Вальсамонъ, въ толкованіи къ одному изъ каноновъ Трульскаго собора (такъ называемаго пятошестого), запрещавшему мірянамъ входъ въ алтарь, но дозволявшему это императорамъ въ томъ случаѣ, если они желаютъ принести даръ, говоритъ, что нѣкоторые, на основаніи этого канона, допускаютъ входъ императора въ алтарь только тогда, когда императоръ намѣренъ принести даръ. По мнѣнію Вальсамона, „православные императоры, которые производятъ въ патріархи, призывая св. Тройцу, будучи помазанниками Божіими, безпрепятственно, когда пожелаютъ, входятъ въ алтарь и кадятъ, и знаменуютъ съ трикиріемъ, какъ архіереи“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ Вальсамонъ говоритъ, что и императоры, подобно патріархамъ, возвеличены учительнымъ достоинствомъ благодаря силѣ св. помазанія, и что поэтому православные самодержцы ведутъ учительныя бесѣды съ христіанами, воскуряютъ ѳиміамъ какъ іереи, и знаменуютъ съ трикиріемъ [2]).

Въ De cer. a. B. указанъ рядъ случаевъ, когда императоры византійскіе совершали кажденіе въ церкви. Императоръ, совершая съ патріархомъ малый входъ въ храмъ св. Софіи, входилъ въ алтарь, поклонялся распятію на горнемъ мѣстѣ, бралъ у патріарха кадило и кадилъ предъ распятіемъ [3]). Императоръ, получая кадило обыкновенно изъ рукъ патріарха, совершалъ кажденіе вокругъ св. престола [4]), въ ризницѣ [5]) и у гробницъ императоровъ Льва, Василія, Константина В. и св. императрицы Ѳеофано [6]).

---

[1]) Migne, P. G. G., ser. gr., т. 137, стр. 752—753.

[2]) Тамъ же, т. 119, Μελέτη, стр. 1165.

[3]) De cer. a. B., ed. B., стр. 16.

[4]) Тамъ же, стр. 28, 34, 166, 179, 182, 548, 552, 558, 609.

[5]) Тамъ же, стр. 34 и 182.

[6]) Тамъ же, стр. 533. Кромѣ императоровъ, совершали кажденіе нѣкоторые свѣтскіе чины, напр. папія (завѣдывавшій императорскимъ дворомъ), но кажденіе это совершалось не въ храмѣ. Оно, по объясненію проф. Бѣляева, имѣло чисто свѣтскій характеръ и дѣлалось съ цѣлью наполнить извѣстное помѣщеніе благовоніемъ (Byzantina, ч. I, стр. 152). О кажденіи императоромъ предъ принятіемъ св. таинъ во время коронованія говорятъ Кодинъ (De officiis, стр. 96) и Кантакузенъ (Historiarum libri IV, ed. Bon., vol. I., pag. 201).

Императоры, воскурявшіе ѳиміамъ въ храмѣ предъ св. предметами, по словамъ Вальсамона, какъ архіереи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ благословляли народъ. Въ De cer. a. B. указаны такіе случаи благословенія народа императорами. Императоры благословляли народъ и партіи въ Ипподромѣ, что совершалось такимъ образомъ: церемоніарій бралъ кусокъ императорской хламиды, дѣлалъ изъ него особую складку (*ῥωσθέλιον*) и подавалъ ее императору дабы тотъ благословилъ народъ [1]), и императоръ трижды благословлялъ всю массу собравшихся [2]). Послѣ поученія, читаемаго въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста, императоръ благословлялъ присутствовавшихъ [3]). Выѣзжая изъ Константинополя, императоръ трижды благословлялъ городъ [4]). При пріемахъ партій Ипподрома императоръ также благословлялъ присутствовавшихъ [5]).

Вальсамонъ указываетъ, что императоры вели съ народомъ учительныя бесѣды. Въ De cer. a. B. изложенъ обрядъ, которымъ сопровождалось произнесеніе поученія императоромъ народу въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста: „около третьяго часа [6]) объявляется приказаніе перейти [7]), весь синклитъ удаляется, и становятся ниже ступеней магнавры [8]) магистры, патрикіи, всѣ царскіе люди, всѣ горожане [9]), друнгарій виглы [10]) съ

[1]) Императоры не благословляли народъ обнаженною рукою, какъ священнослужители (Reiske, Com. ad De cer. a. B., стр. 89, sub v. κατασφραγίζειν; проф. Бѣляева Byzantina, II, 81, прим. 1, Σφραγίζειν — знаменовать, крестить, благословлять. Этотъ глаголъ служитъ для обозначенія благословенія народа іереемъ (Du-Cange, Glos. Gr., sub v.).

[2]) De cer. a. B., ed. B., стр. 307, 309, 316, 325, 344, 347, 362, 365, 614.

[3]) Тамъ же, стр. 547.

[4]) Тамъ же, стр. 451.

[5]) Тамъ же, стр. 287, 291, 299.

[6]) Въ 9 ч. дня по нашему времени (см. проф. Бѣляева Byzantina, II, 250).

[7]) Въ текстѣ — Δίδοται μεταστάσιμον (см. объясненіе этого выраженія въ Byzantina проф. Бѣляева, II, 250, прим. 3).

[8]) Магнаврою называлась самая большая тронная и пріемная палата императорскаго дворца (тамъ же, I, 120).

[9]) Въ текстѣ — ὁ πολιτικὸς ὄχλος (см. объясненіе этого выраженія тамъ же, I, 69).

[10]) Друнгарій виглы — начальникъ одного изъ гвардейскихъ отрядовъ, начальствовавшій надъ стражею вокругъ дворца (тамъ же, II, 11, прим. 4).

своимъ отрядомъ и съ царскими тѣлохранителями [1]) и друнгарій флота со всѣми своими подчиненными. Императоры же выходятъ въ скарамангіяхъ [2]) и въ обшитыхъ золотой каймой плащахъ, проходятъ чрезъ переходы 40 мучениковъ [3]), сигму [4]), и храмъ Господа, гдѣ возжигаютъ свѣчи; отсюда они идутъ чрезъ сакеллу, оатъ [5]) и узкій переходъ, ведущій въ иліакъ магнавры, [6]) и входятъ въ большой триклинъ [7]) въ предшествіи чиновъ кувуклія [8]), маглавитовъ [9]) и этеріи [10]). Тамъ, въ большомъ триклинѣ, внизу правой боковой камары [11]), къ востоку, стоятъ золоченныя кресла императоровъ. Тутъ императоры сидятъ недолго, пока препозитъ [12]) все хорошо приготовитъ (тѣмъ временемъ императоры сидятъ). Препозитъ же удаляется съ церемоніаріемъ, чтобы разставить асикритовъ [13]) и устроить все по обычаю. По ступенямъ, сверху до

---

[1]) Въ текстѣ: Ἡ βασιλικὴ περιουσία (см. объясненіе Reiske, Com. ad De cer. a. B., стр. 622).

[2]) Скарамангіемъ, по объясненію проф. Бѣляева, называлась верхняя одежда императора — широкій верхній хитонъ (Byzantina, II, 8, прим.).

[3]) Галлерея 40 мучениковъ примыкала къ хрисотриклину—золотой (тронной) палатѣ; почему эта галлерея такъ называлась—неизвѣстно; возможныя объясненія этого названія приведены въ Byzantina проф. Бѣляева, I, 43, прим. 2.

[4]) Сигмою называлась площадка, получившая такое названіе отъ своей полукруглой формы (тамъ же, I, 90).

[5]) Сакелла и оатъ — зданія, которыми магнавра соединялась съ храмомъ Господа (тамъ же, I, 121).

[6]) Иліаками назывались дворы или площадки, прилегавшіе къ большимъ заламъ (тамъ же, I, 17, прим. 1).

[7]) Большой триклинъ — большая палата (тамъ же, I, 111).

[8]) Чины кувуклія состояли при особѣ императора (Reiske, Com., 25; проф. Бѣляева Byzantina, II, 47, прим. 2).

[9]) Обязанностью маглавитовъ было очищать предъ императоромъ путь (Reiske, Com., 53).

[10]) Этерія — отрядъ дворцовой стражи, набранной изъ иноземцевъ (тамъ же, стр. 55).

[11]) Камара — портикъ, пространство подъ сводомъ; камары были почти при всѣхъ залахъ императорскаго дворца (Reiske, Com., 84; проф. Бѣляева Byzantina. I, 112 и прим. 1).

[12]) Препозитъ—церемоніальный чинъ (Reiske, Com., 21).

[13]) Асикриты — чиновники, которые записывали рѣчь императора (Тамъ же, 622).

низу, разстилается коверъ, на которомъ становятся императоры; по одну и по другую сторону, направо и налѣво, отъ первой ступени до послѣдней, становятся рядами асикриты и нотаріи [1]), чтобы слушать рѣчь императора; вверху, на первой ступени, справа, по направленію къ востоку, становится логоѳетъ [2]), первый асикритъ и протонотарій. Слѣдуетъ знать, что пока императоры сидятъ, разстанавливаются всѣ чины кувуклія, маглавіи, этеріи и хрисотриклиниты [3]). Когда все хорошо изготовлено, входитъ препозитъ и падаетъ ницъ (передъ императорами), наклонивъ голову установленнымъ способомъ и слегка приподнявъ свой плащъ. Тогда императоры встаютъ и, выйдя за рѣшетку, становятся вверху на правой ступени, на которой разостланъ коверъ, а народъ, по знаку препозита, возглашаетъ многолѣтіе (императорамъ). Когда всѣ смолкнутъ, императоръ начинаетъ говорить [4]). Слѣдуетъ знать, что когда императоръ, произносящій поученіе, окончитъ говорить, народъ по знаку препозита возглашаетъ: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ царство ваше". Когда народъ произнесетъ это, императоръ благословляетъ его трижды: находящихся въ серединѣ, затѣмъ направо и налѣво. Послѣ этого императоры садятся на золоченныя кресла, гдѣ сидѣли прежде, а чины числа [5]) начинаютъ славословить по обыкновенію, препозитъ же выходитъ и устраиваетъ все въ порядкѣ". Пока императоровъ славословили, чины синклита становились на пути императорскаго шествія въ храмъ св. Софіи, куда, по изготовленіи всего для шествія, направлялись императоры. У св. кладезя св. Софіи [6])

[1]) Нотарій—γραμματεύς, ταχύγραφος (Du-Cange, Glos. Graecit., s. v.).

[2]) Логоѳетъ, государств. канцлеръ (проф. Бѣляевъ, Byzantina, II, 16, прим. 3).

[3]) Хрисотриклиниты—особая почетная стража (тамъ же, I, 32, прим. 1).

[4]) О чемъ императоръ поучалъ, упомянуто въ краткомъ изложеніи этого же обряда въ приложеніи къ обряду, который совершался въ день Срѣтенія (на тотъ случай, если Срѣтеніе пало на понедѣльникъ первой недѣли великаго поста). Императоръ увѣщевалъ въ чистотѣ и страхѣ Божіемъ проводить весь великій постъ (De cer. a. B., стр. 155).

[5]) Число—Ὁ ἀριθμός—гвардейскій отрядъ (Проф. Бѣляевъ, Byzantina, II, 11, прим. 4).

[6]) Св. кладезь—пристройка къ храму св. Софіи, по однимъ извѣстіямъ такъ называвшаяся потому, что здѣсь было изображеніе Христа съ самарянкою у колодца, а по другимъ потому, что въ этой пристройкѣ надъ водоемомъ находились перенесенные сюда изъ Самаріи остатки этого самаго колодца (тамъ же, II, 133).

императоры поклонялись съ зажженными свѣчами въ рукахъ и прикладывались къ нему. У большой двери, ведшей отъ св. кладезя, патріархъ встрѣчалъ императоровъ, кадилъ имъ, а они цѣловали его и входили въ храмъ, направляясь къ алтарю. Стоявшіе тамъ всѣ чины синклита и кувуклія привѣтствовали ихъ. Императоры входили въ св. врата, молились со свѣчами въ рукахъ и совершали все остальное по обычаю (прикладывались къ св. предметамъ на престолѣ), патріархъ же давалъ одному изъ императоровъ кадило и императоръ кадилъ вокругъ св. жертвенника. Послѣ этого императоры выходили изъ алтаря вмѣстѣ съ патріархомъ, который ихъ провожалъ до порфировыхъ колоннъ [1], у которыхъ они откланивались патріарху, цѣловались съ нимъ и отправлялись въ мутаторій. Патріархъ же шествовалъ въ алтарь совершать часы. Прослушавъ часы, императоры, послѣ отпуска, только въ сопровожденіи нѣкоторыхъ чиновъ, удалялись во дворецъ [2].

Императоры Византіи принимали нѣкоторое активное участіе въ совершеніи богослуженія. Такого участія лишенъ былъ императоръ Левъ VI Мудрый за вступленіе въ четвертый бракъ [3]). Совер-

---

[1]) Порфировыя колонны находились въ правой и лѣвой алтарныхъ нишахъ, служившихъ клиросами (тамъ же II, 255, прим. 1).

[2]) De cer. a. B., стр. 545—548. Reiske указываетъ, что императоры обыкновенно произносили поученія въ началѣ великаго поста, и ссылается на свидѣтельства византійскихъ историковъ, при чемъ отмѣчаетъ, что эти поученія произносились самими императорами, въ другихъ же случаяхъ рѣчи читывались отъ ихъ имени к. л. изъ сановниковъ, а иногда и самимъ патріархомъ. Обыкновенно рѣчи, произносимыя императорами или к. л. отъ имени ихъ, составлялись, говоритъ Reiske, какъ видно изъ свидѣтельства византійскаго историка Іоанна Киннама (XII в.), чиновниками. (Com., стр. 231). Проф. Бѣляевъ, указывая факты, свидѣтельствующіе, что императоры въ большихъ собраніяхъ всегда говорили рѣчи чрезъ посредниковъ, считаетъ вѣроятнымъ, что и въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста не самъ императоръ произносилъ рѣчь, но ее читалъ отъ имени его одинъ изъ чиновниковъ (Byzantina, II, 252, прим. 1). Никита Хоніатъ передаетъ объ императорѣ Мануилѣ, сынѣ Алексѣя Комнена, что тотъ любилъ составлять огласительныя слова, которыя называются силенціями, и читать ихъ вслухъ. („Никиты Хоніата исторія“, рус. пер., I, 272)

[3]) Н. Поповъ, „Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе“, стр. 118. М. 1892 г. Объ участіи византійскихъ императоровъ въ совершеніи богослуженія говоритъ о. Іоаннъ („Обрядникъ визант. двора какъ церк.- археолог. источникъ“, стр. 90).

шая въ извѣстныхъ случаяхъ кажденіе въ храмѣ, императоры, во время великаго входа, носили свѣчу предъ св. дарами. Неся эту свѣчу, императоръ исполнялъ обязанности депутата [1]).

Особое положеніе императора Византіи въ церкви наглядно проявлялось съ момента входа его въ храмъ [2]).

Въ праздничные дни, когда императорамъ надлежало совершить выходъ въ храмъ св. Софіи, чины раннимъ утромъ собирались въ большомъ императорскомъ дворцѣ и располагались въ тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ имъ надлежало привѣтствовать императора по пути его шествія въ храмъ св. Софіи. Всѣ чины облачались въ установленныя соотвѣтственно празднику одежды. Когда все было приготовлено для выхода императора, послѣдній выходилъ изъ внутреннихъ покоевъ въ золотую палату, гдѣ облачался въ золотомъ обшитый плащъ и, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ чиновъ, отправлялся въ переходы 40 мучениковъ, гдѣ ему поклонялись и привѣтствовали собравшіеся здѣсь чины кувуклія, которые затѣмъ присоединялись къ свитѣ императора и шли съ нимъ дальше въ такъ называемый дворецъ Дафны [3]), на пути къ которому императора встрѣчали и привѣтствовали высшіе сановники и чины царской свиты и охраны. Предшествуемый и сопровождаемый всѣми этими чинами императоръ заходилъ въ дворцовый храмъ пресв. Богородицы, бралъ восковыя свѣчи у препозита и съ зажженными свѣчами въ рукахъ совершалъ трое-

[1]) Званіе депутата, вмѣстѣ съ званіемъ дефензора церкви (защитника), ставило императора въ разрядъ церковнослужителей и давало ему значительныя преимущества предъ мірянами. Этими званіями мотивируется, между прочимъ, право царя на причащеніе подъ обоими видами отдѣльно и право входить въ алтарь св. вратами (проф. Бѣляевъ, Byzantina, II, 165, прим. 1).

[2]) Проф. Бѣляевъ въ своемъ изслѣдованіи: „Ежедневные и воскресные пріемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X в.“ (Byzantina. кн. II), представилъ изложеніе общаго обряда выходовъ византійскихъ императоровъ въ большіе праздники въ храмъ св. Софіи по тѣмъ матеріаламъ, которые заключаются въ De cer. a. B. Предлагаемый очеркъ праздничнаго выхода византійскаго императора въ храмъ св. Софіи составленъ по изложенію проф. Бѣляева.

[3]) Дворецъ Дафны назывался такъ отъ стоявшей здѣсь статуи Дафны (Проф. Бѣляевъ, Byzantina, I, 96 и прим.).

кратный поклонъ и молился. Отсюда императоръ отправлялся въ дворцовый храмъ св. Троицы, гдѣ также молился и совершалъ три поклона со свѣчами въ рукахъ. После этого императоръ заходилъ въ Крестильницу во дворцѣ Дафны, молился предъ стоявшими тамъ тремя крестами и давалъ знакъ препозиту, а этотъ послѣдній кувикуляріямъ, чтобы они предъ крестами поставили свѣчи. Отсюда императоръ входилъ въ тронную палату Дафны, гдѣ его привѣтствовали находившіеся тамъ чины, заходилъ въ (дворцовый) храмъ св. Стефана, гдѣ также молился съ зажженными свѣчами въ рукахъ и поклонялся кресту св. Константина Великаго [1]). Помолившись тутъ, императоръ уходилъ въ прилегавшій къ храму покой, гдѣ ждалъ того момента, когда отъ патріарха изъ храма св. Софіи придетъ референдарій [2]) съ докладомъ о ходѣ службы въ храмѣ св. Софіи [3]). Здѣсь, въ покоѣ, съ императора снимали плащъ и скарамангій и облачали въ дивитисій, который составлялъ въ IX-XI вв. необходимую принадлежность параднаго царскаго облаченія. Послѣ доклада препозита о прибытіи патріаршаго референдарія съ извѣщеніемъ о ходѣ службы, императоръ направлялся въ октагонъ [4]), препозитъ же громогласно восклицалъ: „веститоры!" [5]). Веститоры входили въ октагонъ и облачали им-

---

[1]) Крестъ этотъ, вмѣстѣ съ жезломъ Моисея, несли впереди императорскаго шествія въ храмъ св. Софіи.

[2]) Референдаріями назывались духовные чины, входившіе въ составъ патріаршаго синклита, обязанностью которыхъ было передавать письменныя и словесныя распоряженія и приглашенія патріарха знатнымъ лицамъ. Въ De cer. a. B. референдарій патріарха фигурируетъ довольно часто въ роли патріаршаго посланника, который приноситъ императору извѣстія отъ патріарха о ходѣ церковной службы и доноситъ патріарху о ходѣ придворныхъ обрядовъ, когда они имѣютъ отношеніе къ патріарху (Проф. Бѣляевъ, Byzantina, II, 58 прим. 1).

[3]) Такой докладъ референдарія былъ необходимъ потому, что императоръ долженъ былъ прибыть въ храмъ св. Софіи ко времени совершенія малаго входа.

[4]) Октагонъ—восьмиугольная зала дворца Дафны (тамъ же, I, 100, 104 и слѣд.).

[5]) Веститоры — чиновники, обязанность которыхъ состояла главнымъ образомъ въ облаченіи императоровъ въ парадныя одежды и разоблаченіи (тамъ же, I, 167).

ператора въ хламиду. послѣ чего препозитъ возглашалъ: „повелите“, и веститоры уходили. Въ октагонѣ съ императоромъ оставались только чины кувуклія: препозитъ бралъ корону, принесенную въ ларцѣ, и надѣвалъ ее на главу императора. Теперь императоръ былъ въ полномъ облаченіи. Сопровождаемый и предшествуемый чинами кувуклія императоръ выходилъ изъ октагона въ августей [1]), гдѣ стояли назначенные для встрѣчи его чины. Пройдя среди нихъ къ двери, ведшей изъ августея въ портикъ его, обыкновенно называемый Золотою Рукою, императоръ останавливался и мылъ руки въ рукомойникѣ, который ему подавали нипсистіаріи [2]). Послѣ этого императоръ входилъ въ Золотую Руку, гдѣ во время самыхъ торжественныхъ выходовъ происходилъ первый пріемъ высшихъ чиновъ имперіи слѣдующимъ образомъ: императоръ занималъ особое возвышенное мѣсто, сзади и по сторонамъ отъ него становились въ извѣстномъ порядкѣ чины кувуклія, а также въ опредѣленномъ мѣстѣ располагалась почетная стража. По знаку императора препозитъ становился предъ нимъ, кланялся ему и, обернувъ руку хламидою, дѣлалъ знакъ одному изъ остіаріевъ, стоявшихъ съ золотыми жезлами, чтобы онъ вводилъ къ императору сановниковъ. Сановники вводились по отдѣламъ, сообразно съ чиномъ и рангомъ должности ихъ. Вводимые падали предъ императоромъ ницъ, если это было не въ воскресенье, и становились на свои мѣста съ двухъ сторонъ, образуя предъ императоромъ два ряда [3]). Когда всѣ чины, поклонившись императору, занимали свои мѣста,

[1]) Августей—большая зала дворца Дафны (тамъ же, I, 100).

[2]) Нипсистіаріи—умывальщики—принадлежали къ кувуклію, т. е. къ евнухамъ. Проф. Бѣляевъ обращаетъ вниманіе на то, что императоры, послѣ облаченія, предъ первымъ торжественнымъ пріемомъ высшихъ чиновъ въ Золотой Рукѣ, мыли руки такъ же, какъ священнослужители и архіереи моютъ ихъ послѣ облаченія, предъ началомъ совершенія службы (тамъ же, II, 60, прим. 1).

[3]) Проф. Бѣляевъ полагаетъ, что наиболѣе наглядное понятіе о разстановкѣ чиновъ предъ императоромъ можетъ дать разстановка духовныхъ чиновъ при соборномъ служеніи, особенно архіерейскомъ. „Судя по довольно многочисленнымъ описаніямъ этой разстановки чиновъ въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго“, говоритъ проф. Бѣляевъ, „можно думать, что въ церковномъ порядкѣ разстановки духовнаго синклита при соборномъ служеніи мы имѣемъ болѣе или менѣе сходную копію съ разстановки чиновъ царскаго син-

препозитъ, сдѣлавъ императору обычный поклонъ, возглашалъ: „повелите“. Всѣ чины хоромъ произносили: „на многія и счастливыя времена да продлитъ Богъ праведное ваше царство!“ Послѣ этого возгласа всѣ шли въ слѣдующее дворцовое помѣщеніе —въ ононодъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ стояли предъ императоромъ: младшіе чины впереди, дальше отъ императора, старшіе—ближе къ нему. Къ чинамъ, вошедшимъ въ ононодъ впереди императора, присоединялись чины, стоявшіе здѣсь съ царскимъ оружіемъ, и другіе. Императоръ, войдя чрезъ мѣдную дверь въ ононодъ, становился на высокомъ порогѣ этой двери, чины же, при появленіи императора, падали ницъ и, послѣ возгласа „повелите“, восклицали: „на многіе и счастливые годы да продлитъ Богъ царство ваше!“ Возгласъ „повелите“ произносилъ здѣсь церемоніарій по знаку препозита, въ свою очередь получавшаго знакъ отъ императора [1]). Послѣ провозглашенія многолѣтія императору всѣ собравшіеся въ ононодѣ чины шли въ консисторію, причемъ одни шли чрезъ правую и лѣвую боковыя двери, другіе—чрезъ среднюю дверь консисторіи. Войдя сюда, чины становились въ іерархическомъ порядкѣ, въ два ряда предъ возвышеніемъ, которое занималъ императоръ. Впереди стоявшихъ чиновъ находились жезлъ Моисея, принесенный изъ храма св. Ѳеодора, и крестъ св. Константина, взятый изъ храма св. Стефана. Когда императоръ становился на возвышеніи, всѣ чины повергались предъ нимъ ницъ; тогда препозитъ, по мановенію императора, дѣлалъ, послѣ поклона ему, знакъ одному изъ силенціаріевъ, и силенціарій,

---

клита, такъ какъ составъ патріаршаго синклита во многомъ напоминалъ царскій синклитъ и церковь усвоила не мало подробностей въ своихъ обрядахъ изъ придворныхъ обрядовъ, которые она уже застала готовыми и сформировавшимися“ (тамъ же, II, 63).

[1]) Проф. Бѣляевъ указываетъ, что въ ононодѣ возгласъ „повелите“ всегда произносился не препозитомъ, но церемоніаріемъ, точно такъ, какъ въ консисторіи, во время выходовъ императора, этотъ возгласъ произносился силенціаріемъ. „Это чередованіе“, говоритъ проф. Бѣляевъ, „дѣлалось всегда въ трехъ послѣдовательныхъ пріемахъ совершенно такъ, какъ при соборномъ служеніи архіерейскомъ возгласы и ектеніи говорятся по-очередно священниками и діаконами, въ іерархическомъ порядкѣ, сперва старшими, потомъ младшими“ (тамъ же, II, 65, прим. 1).

поклонившись императору, возглашалъ: „повелите“. Чины произносили: „да продлитъ Богъ царство ваше на многіе и счастливые годы“, послѣ чего направлялись къ выходу изъ консисторіи и переходили въ триклинъ кандидатовъ [1]), гдѣ императора ожидалъ клиръ храма Господа съ кадиломъ и ризничій съ крестомъ, подносившій его императору для цѣлованія.

Отсюда императоръ, предшествуемый синклитомъ и сопровождаемый кувукліемъ и тѣлохранителями, отправлялся въ помѣщеніе первой школы [2]), гдѣ трижды поклонялся, имѣя зажженную свѣчу въ рукѣ, серебряному кресту, послѣ чего шелъ въ палату экскувитовъ [3]) со всѣмъ синклитомъ, кувукліемъ и тѣлохранителями. Тутъ стояли въ два ряда знаменоносцы съ знаменами и пѣвчіе, которые, при входѣ императора въ палату экскувитовъ, пѣли особыя пѣснопѣнія по-латыни, соотвѣтствовавшія тому празднику, въ который совершался императорскій выходъ. Въ праздникъ Рождества Христова пѣвчіе пѣли: De Maria Virgine natus est et magi de oriente cum muneribus adorant, послѣ чего слѣдовалъ припѣвъ: Christus Deus noster conservet imperium vestrum per multos annos et bonos. Въ праздникъ Крещенія пѣвчіе пѣли: Ioannes in Iordane baptizat Dominum. Secundum illum vocat. De te volo (baptizari), послѣ чего слѣдовалъ тотъ же самый припѣвъ и т. д. Встрѣчаемый и провожаемый соотвѣтствующими празднику пѣснопѣніями и многолѣтіями, императоръ, съ знаменами впереди, предшествуемый синклитомъ, направлялся въ лихны [4]), поклонялся трижды со свѣчами въ рукахъ стоявшему тамъ серебряному кресту и становился такъ, что, окруженный кувукліемъ и тѣлохранителями, виденъ былъ множеству всякаго званія людей, собравшихся въ трибуналѣ: димамъ ипподрома, находившимся въ то время въ Константинополѣ посламъ и знатнымъ иностранцамъ, городскимъ цехамъ, представителямъ города и городского управленія. Предъ тѣмъ какъ импера-

---

[1]) Триклиномъ кандидатовъ назывался покой, сосѣдній съ консисторіей (тамъ же, I, 121).

[2]) Школами назывались помѣщенія для гвардейскихъ отрядовъ (тамъ же, I, 115).

[3]) Экскувиты—гвардейскій отрядъ (тамъ же, II, 11, прим. 4).

[4]) Лихнами называлась зала отъ висѣвшихъ тамъ лампъ (тамъ же, II, 75).

торъ становился въ лихнахъ на свое мѣсто, пѣвчіе дима Венетовъ, если выходъ императорскій совершался въ праздникъ Рождества, пѣли: „звѣзда солнце предвѣщаетъ, въ Виѳлеемѣ Христа, вошедшаго отъ Дѣвы“. Когда же императоръ становился на мѣсто свое въ виду всѣхъ собравшихся въ трибуналѣ, церемоніарій подводилъ къ императору доместика (т. е. главнаго командира) школъ, который падалъ предъ нимъ ницъ и подносилъ ему ливелларій [1]). Императоръ принималъ ливелларій, пѣвчіе возглашали трижды: „многая“, а члены дима Венетовъ пѣли: „многая лѣта, на многая“. Пѣвчіе опять пѣли: „многія вамъ времена, божественное царство“ (т. е. царское величество), и димоты повторяли это трижды. Послѣ этого пѣвчіе пѣли: „многія вамъ времена, служители Господа“, члены же дима Венетовъ возглашали трижды: „многія времена“. Снова пѣвчіе пѣли: „многія вамъ времена, самодержцы Римлянъ“, а члены того же дима трижды возглашали: „многія вамъ времена“. Наконецъ, пѣвчіе пѣли: „многія вамъ времена съ августами (императрицами) и багрянородными (дѣтьми)“, члены же дима Венетовъ возглашали: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство ваше на многія лѣта“.

Во время пѣнія этихъ многолѣтій доместикъ школъ, состоявшій въ должности димократа (т. е. главнаго начальника) дима Венетовъ, стоялъ предъ императоромъ и трижды осѣнялъ его крестнымъ знаменіемъ всякій разъ, когда пѣли члены дима Венетовъ. Для осѣненія императора крестнымъ знаменіемъ доместикъ обвертывалъ руку концомъ своей хламиды.

Такъ происходилъ первый пріемъ императора и въ другіе праздники, съ тѣмъ только отличіемъ, что пѣснопѣнія, которыя пѣли пѣвчіе, когда императоръ подходилъ къ своему мѣсту въ лихнахъ, измѣнялись соотвѣтственно празднику. Такихъ пріемовъ на пути шествія императора въ храмъ св. Софіи было нѣсколько [2]). Четыре партіи ипподрома, которыя славословіями и многолѣтіями встрѣчали и провожали въ опредѣленныхъ мѣстахъ императора, являлись представителями народа.

---

[1]) Ливелларій—книжечка или свертокъ съ приличными празднику поздравленіями, пожеланіями и славословіями (тамъ же, II, 80).

[2]) Тамъ же, II, 81—88.

По совершеніи этихъ пріемовъ императоръ съ синклитомъ, въ предшествіи знаменъ, вступалъ въ храмъ св. Софіи чрезъ красныя врата [1]). Войдя въ нихъ, императоръ заходилъ въ нишу, закрытую завѣсою, гдѣ препозитъ снималъ съ него корону; отсюда императоръ входилъ въ нарѳикъ [2]), гдѣ у самыхъ входныхъ дверей его ждали всѣ священнослужители съ патріархомъ во главѣ, который держалъ крестъ, архидіаконъ же несъ евангеліе, а нѣкоторые изъ діаконовъ кадила и свѣтильники, такъ какъ императоръ входилъ во время совершенія малаго входа. Войдя въ нарѳикъ, императоръ прикладывался къ евангелію и кресту, послѣ чего императоръ и патріархъ кланялись и привѣтствовали другъ друга, патріархъ кадилъ императора, который цѣловалъ патріарха и, взявъ его за правую руку, направлялся съ нимъ къ царскимъ вратамъ, ведшимъ изъ нарѳика въ храмъ. Здѣсь императоръ останавливался, патріархъ читалъ входную молитву, и императоръ, имѣя въ рукѣ свѣчу, совершалъ троекратное поклоненіе предъ царскими вратами. По произнесеніи входной молитвы и положенныхъ возгласовъ, послѣ пѣнія: „пріидите, поклонимся", императоръ отдавалъ свѣчу препозиту, прикладывался къ кресту и евангелію и, взявъ опять патріарха за правую руку, проходилъ посреди храма, мимо амвона, на солею; императору и патріарху предшествовали служившіе съ патріархомъ духовные чины, шествовавшіе посреди чиновъ царскаго синклита и собравшагося въ храмѣ народа. Совершался малый входъ. Носимыя впереди процессіи знамена гвардейскихъ отрядовъ становились въ храмѣ предъ солеею съ обѣихъ сторонъ, а римскіе скиптры [3]) и другія императорскія знамена разстанавливались на солеѣ, крестъ же св. Константина вносился въ алтарь. Когда императоръ съ патріархомъ проходилъ мимо чиновъ, послѣдніе хоромъ произносили обычное многолѣтіе императору: „да продлитъ Богъ святое царство ваше на многія и долгія времена". Взойдя на солею, императоръ и патріархъ подходили къ св. вратамъ, патріархъ прикладывался къ нимъ и входилъ

---

[1]) Красныя врата—главныя, ведшія въ храмъ св. Софіи съ западной стороны (тамъ же, II, 99 и слѣд).

[2]) О немъ см. тамъ же, II, 101.

[3]) Римскіе скиптры—старыя римскія знамена (тамъ же, II, 70, прим. 1).

въ алтарь, императоръ же становился предъ входомъ въ алтарь, бралъ у препозита свѣчу и съ нею въ рукѣ совершалъ троекратное поклоненіе предъ св. вратами, послѣ чего возвращалъ свѣчу препозиту и, входя въ алтарь, прикладывался къ св. вратамъ, которыя придвигалъ къ нему патріархъ или одинъ изъ митрополитовъ или архіепископовъ. Войдя въ алтарь императоръ шелъ къ св. престолу и, помолившись, прикладывался къ покрову его, подносимому патріархомъ, затѣмъ бралъ у препозита принесенные въ даръ воздухи, разстилалъ ихъ на св. престолѣ и ставилъ на нихъ принесенныя въ даръ храму чаши, блюда и другіе сосуды, прикладывался къ стоявшимъ на св. престолѣ чашамъ, блюдамъ и св. пеленамъ Господнимъ, которыя подносилъ ему для цѣлованія патріархъ, и клалъ на разостланныхъ платахъ мѣшочекъ съ деньгами, такъ называемый апокомвій. Послѣ этого императоръ съ патріархомъ, кадя, обходилъ св. престолъ, входилъ въ алтарную нишу, гдѣ находилось серебряное вызолоченное распятіе, молился предъ нимъ со свѣчею въ рукахъ, прикладывался къ нему, бралъ у патріарха кадило и кадилъ св. распятіе. Затѣмъ, императоръ прощался съ патріархомъ, при чемъ оба они кланялись другъ другу и цѣловались, и уходилъ въ мутаторій [1]). Въ мутаторіи императоръ снималъ хламиду и стоялъ безъ нея до большого входа. При императорѣ въ мутаторіи находились только высшіе чины кувуклія.

Когда приближалось время перенесенія св. даровъ съ жертвенника на св. престолъ, церемоніарій докладывалъ препозиту, а послѣд-

[1]) Въ мутаторіяхъ — помѣщеніяхъ возлѣ алтаря — императоры слушали божественную службу, въ опредѣленныхъ случаяхъ выходя изъ нихъ и потомъ снова возвращаясь туда. Мутаторіи устраивались въ тѣхъ храмахъ, гдѣ императоры слушали литургію, и состояли изъ нѣсколькихъ отдѣленій (тамъ же, II, 163). Іеромонахъ Іоаннъ указываетъ, что „почти всѣ моменты нашей встрѣчи епископовъ, являющихся къ совершенію литургіи, совпадаютъ съ подробностями встрѣчъ императоровъ византійскими патріархами, какъ описаны эти встрѣчи въ De cer. a. B. Обстановка малаго входа, за которымъ слѣдуетъ кажденіе епископомъ алтаря и мѣстныхъ иконъ, представляетъ большое сходство съ описаннымъ по De cer. a. B. малымъ входомъ за патріаршей литургіей и при участіи императора“ („Обрядникъ визант. двора какъ церковно-археологическій источникъ“, стр. 145, прим. 29, М. 1895 г.).

ній—императору. Императоръ облачался въ хламиду и шелъ съ чинами кувуклія чрезъ правую сторону храма за амвонъ, въ предшествіи знаменоносцевъ и чиновъ синклита, которые, подходя къ амвону, становились въ два ряда, такъ что императоръ проходилъ среди нихъ. Между амвономъ и царскими вратами стояли уже вышедшіе сюда изъ алтаря священнослужители съ св. дарами въ ожиданіи императора. Здѣсь же находился подсвѣчникъ съ зажженною свѣчею, который предъ св. дарами до св. вратъ долженъ былъ нести императоръ, въ качествѣ депутата и дефензора церкви. Поклонившись св. дарамъ и принявъ отъ препозита подсвѣчникъ, императоръ, предшествуемый знаменосцами и чинами синклита, начиналъ великій входъ. За императоромъ священнослужители несли св. дары и священные предметы. Подходя къ солеѣ, чины останавливались, знамена, бывшія ранѣе на солеѣ, вносились туда же и разстанавливались по обѣимъ сторонамъ солеи. Императоръ съ подсвѣчникомъ въ рукахъ всходилъ на солею и становился предъ алтаремъ, отдавъ свѣтильникъ препозиту. Св. врата въ это время были открыты, и въ нихъ, ожидая св. дары, стоялъ патріархъ. За императоромъ на солею всходили священнослужители. Архидіаконъ кадилъ императора, патріарха и св. престолъ, послѣ чего св. дары вносились въ св. врата, гдѣ ихъ принималъ патріархъ. Священнослужители, проходя мимо императора, при входѣ въ св. врата, возглашали: „царство ваше да помянетъ Богъ во царствіи своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“. По окончаніи входа священнослужителей въ алтарь императоръ и патріархъ кланялись другъ другу и прощались. Патріархъ шелъ къ св. престолу, а императоръ отправлялся по правой сторонѣ солеи въ мутаторій съ чинами кувуклія. Въ мутаторіи императоръ опять снималъ хламиду и продолжалъ слушать литургію до наступленія времени цѣлованія любви [1]).

---

[1]) Проф. Бѣляевъ указываетъ, что въ послѣдніе вѣка существованія византійской имперіи, когда императоры жили во Влахернскомъ дворцѣ и оттуда являлись въ извѣстные праздники въ храмъ св. Софіи, участіе императоровъ въ великомъ входѣ, повидимому, начиналось раньше, насколько можно судить объ этомъ по позднѣйшему коронаціонному обряду. Императоръ, приглашенный къ участію въ великомъ входѣ старшими діаконами предъ самымъ

Когда наступало время цѣлованія любви, патріархъ посылалъ референдарія къ императору съ извѣстіемъ о ходѣ службы; референдарій сообщалъ объ этомъ церемоніарію, церемоніарій препозиту, препозитъ же докладывалъ императору. Императоръ облачался въ хламиду и въ сопровожденіи чиновъ кувуклія, къ которымъ, по выходѣ изъ мутаторія, присоединялись чины синклита, шелъ чрезъ правую сторону церкви на солею и останавливался у алтарной преграды, направо отъ св. вратъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ переносный церковный столикъ, такъ называемый антиминсъ, съ котораго потомъ патріархъ пріобщалъ императора св. Таинъ. Когда императоръ подходилъ къ алтарной преградѣ, патріархъ выходилъ изъ алтаря и совершалъ цѣлованіе любви съ императоромъ. За патріархомъ подходили къ императору для цѣлованія высшіе духовные чины. Совершивъ цѣлованіе любви со всѣми духовными чинами, императоръ, отойдя отъ алтарной преграды, приступалъ къ цѣлованію съ чинами своего синклита. Подводимые референдаріемъ къ императору для цѣлованія кланялись въ землю, кромѣ праздника Пасхи, когда ради воскресенія Христова кланяться или падать въ землю не полагалось, но надлежало кланяться только до колѣнъ [1]).

началомъ входа, въ мантіи, съ короной на головѣ, шелъ въ алтарь къ жертвеннику, на которомъ находятся до перенесенія на св. престолъ св. дары. Когда св. дары передавались патріархомъ священнослужителямъ, долженствовавшимъ нести ихъ, и всѣ духовные чины, участвовавшіе въ великомъ входѣ, занимали свои мѣста, императоръ въ мантіи и коронѣ, съ крестомъ въ правой рукѣ и акакіею въ лѣвой, шествовалъ впереди всей процессіи на средину храма за амвонъ, обходилъ его и шелъ по правой сторонѣ на солею. Съ правой и лѣвой стороны императора шли царскіе тѣлохранители въ парадномъ вооруженіи, а за императоромъ слѣдовали діаконы и іереи съ св. дарами и другими священными предметами, носимыми во время великаго входа. Остальное все совершалось такъ, какъ и въ прежнее время (тамъ же, II, 167).

[1]) Проф. Бѣляевъ указываетъ на отсутствіе данныхъ въ De cer. a. B., изъ которыхъ видно было бы, какъ совершали императоры цѣлованіе любви съ духовнымъ и свѣтскимъ синклитомъ. При христосованіи съ императоромъ духовные и свѣтскіе чины цѣловали его въ колѣна, руки и уста, но тогда императоръ сидѣлъ на тронѣ, поэтому проф. Бѣляевъ считаетъ вѣроятнымъ, что духовные и свѣтскіе чины при цѣлованіи любви цѣловали руки и уста императора, который въ это время стоялъ (тамъ же, II, 171—172 и прим.).

По совершеніи обряда цѣлованія любви императоръ удалялся въ мутаторій, гдѣ снималъ хламиду и слушалъ литургію до наступленія времени пріобщенія св. Таинъ [1]).

Когда это время наступало, императоръ, по докладу референдарія, облачался въ хламиду, выходилъ изъ мутаторія, сопровождаемый кувукліемъ и предшествуемый синклитомъ, и шелъ на солею, гдѣ останавливался предъ алтаремъ у антиминса, т. е. переноснаго столика, на который патріархъ ставилъ вынесенныя изъ алтаря тѣло Христово на дискосѣ и кровь Христову въ чашѣ. Императоръ пріобщался по чину священнослужителей, подъ обоими видами отдѣльно. Послѣ причащенія императоръ возвращался въ мутаторій, снималъ хламиду и входилъ въ прилегавшую къ мутаторію палату, въ которой приготовлялся завтракъ для него и для 12 или 14 высшихъ и ближайшихъ къ нему сановниковъ [2]).

По окончаніи завтрака вкушавшіе съ императоромъ вставали, препозитъ возглашалъ: „повелите", и они хоромъ произносили: „на многія и добрыя времена да продлитъ Богъ царство ваше", послѣ чего удалялись. Послѣ ухода ихъ императоръ облачался въ хламиду и приказывалъ препозиту пригласить патріарха. Патріархъ препозитомъ вводился къ императору, кланялся ему, цѣловалъ его и бесѣдовалъ съ нимъ, послѣ чего оба они отправлялись въ св.

[1]) Проф. Бѣляевъ отмѣчаетъ, что въ восточной церкви обрядъ цѣлованія мірянъ предъ совершеніемъ таинства Евхаристіи соблюдался въ X в., какъ видно изъ De cer. a. B., только императоромъ, но и то не во всѣхъ храмахъ, а только въ храмѣ св. Софіи. Въ послѣдніе вѣка существованія византійской имперіи императоръ, судя по позднѣйшему обряду коронованія, не совершалъ обряда цѣлованія и въ храмѣ св. Софіи (тамъ же, II, 168, прим. 2).

[2]) Проф. Бѣляевъ указываетъ, что царскіе завтраки въ храмахъ являются остатками древнихъ христіанскихъ трапезъ любви, сохранившимися только для императоровъ. Сохраненіе ихъ, говоритъ проф. Бѣляевъ, легко объясняется утомленіемъ и голодомъ, которые долженъ былъ чувствовать императоръ послѣ продолжительныхъ и утомительныхъ процессій въ тяжеломъ облаченіи, стоянія и воздержанія отъ пищи въ виду предстоящаго принятія св. Таинъ. Потому не только въ храмѣ св. Софіи, но и въ другихъ храмахъ, послѣ литургіи, императоры обыкновенно завтракали; иногда къ этимъ завтракамъ приглашался патріархъ (тамъ же, II, 178, прим. 3).

кладезь, сопровождаемые чинами кувуклія. На порогѣ двери, ведшей въ св. кладезь, императоръ и патріархъ останавливались, и императорскій казначей чрезъ препозита передавалъ кошельки съ деньгами императору, который раздавалъ ихъ низшимъ церковнослужителямъ и бѣднымъ. Послѣ раздачи денегъ императоръ съ патріархомъ входилъ въ св. кладезь и заходилъ здѣсь въ нишу, закрытую завѣсою, гдѣ патріархъ возлагалъ на главу императора корону и вручалъ ему просфору и флаконъ съ освященнымъ благовоннымъ масломъ, императоръ же давалъ патріарху апокомвій. Обмѣнявшись этими дарами императоръ и патріархъ кланялись другъ другу, цѣловались и расходились: патріархъ возвращался въ храмъ, а императоръ во дворецъ [1]).

Когда патріархъ возлагалъ на главу императора корону въ нишѣ, находившейся въ св. кладезѣ, пѣвчіе партіи Венетовъ исполняли тѣ же пѣснопѣнія, сообразно празднику, которыя пѣли предъ входомъ императора въ лихны. Когда императоръ, послѣ прощанія съ патріархомъ, выходилъ изъ св. кладезя и, войдя въ примыкавшій къ нему портикъ, становился на обычномъ мѣстѣ, пѣвчіе произносили: „добро пожаловали, защита Троицы", димоты же повторяли трижды: „добро пожаловали". Послѣ этого слѣдовали тѣ же многолѣтія и славословія императора, которыя пѣлись пѣвчими и димотами при встрѣчахъ императора на пути шествія его въ храмъ св. Софіи [2]).

Съ такими выходами византійскихъ императоровъ въ храмъ св. Софіи не имѣютъ ни малѣйшаго сходства богомольные выходы въ храмы московскихъ царей [3]).

Императоры Византіи, являвшіеся предъ своими подданными во время шествія своего въ храмъ св. Софіи и пребыванія тамъ въ обстановкѣ исключительной и великолѣпной, наглядно выставлявшей высоту сана ихъ, какъ имѣвшихъ особое положеніе въ церкви, казалось, должны бы были пользоваться благоговѣйнымъ почитаніемъ со стороны своихъ поданныхъ, такъ что

---

[1]) Тамъ же, II, 40—184.

[2]) Тамъ же, II, 185 и слѣд.

[3]) Обозрѣніе богомольныхъ выходовъ московскихъ государей въ книгѣ И. Е. Забѣлина: „Домашній быть Русскихъ Царей", стр. 376 и слѣд., изд. 3.

другіе народы могли бы поучиться у византійцевъ, какъ относиться къ своимъ государямъ. На самомъ дѣлѣ было не такъ. Византійскій историкъ Никита Хоніатъ упрекалъ жителей Константинополя, предъ которыми императоры являлись въ великолѣпной обстановкѣ, изображавшей всю высоту сана ихъ, въ неуваженіи къ властямъ, отмѣчая, что константинопольцы, „кого сегодня превозносятъ, какъ законнаго властителя, того на другой день поносятъ, какъ злодѣя“.... [1]). Рѣзко и съ негодованіемъ отзывается Хоніатъ о той готовности, съ которою византійцы подчинялись узурпаторамъ. Когда императоръ Исаакъ Ангелъ былъ свергнутъ съ престола братомъ своимъ Алексѣемъ, и вѣсть объ этомъ дошла до Константинополя, нѣсколько ремесленниковъ, говоритъ Хоніатъ, съ случайно приставшими къ нимъ лицами направились къ великой церкви, провозглашая императоромъ астролога Алексѣя Контостефана, давно замышлявшаго захватить въ свои руки царскую власть, и объявляя, „что они не хотятъ болѣе терпѣть правленіе Комниныхъ, которые имъ надоѣли“. Мятежъ этотъ былъ подавленъ, Контостефанъ былъ схваченъ сторонниками Алексѣя, патріархъ, послѣ нѣкотораго колебанія, призналъ Алексѣя императоромъ, и „всѣ, какъ рабы“, повѣствуетъ Хоніатъ, „побѣжали въ большой дворецъ прямо къ царицѣ и прежде, чѣмъ увидѣли новаго властителя или узнали въ точности, что сдѣлалось съ прежнимъ царемъ, перегнулись въ три сгиба передъ женою человѣка, о которомъ имъ сказали, что онъ царь, подложили ей подъ ноги, какъ скамеечку, свои головы, бросались наперерывъ, подобно тявкающимъ собаченкамъ, лизать кожу ея башмаковъ и въ заключеніе стали передъ нею съ тре-

[1]) „Никиты Хоніата Исторія“ I, 301, рус. пер. Какъ на одну изъ причинъ такого отношенія жителей Константинополя къ власти, Хоніатъ указываетъ на разноплеменный составъ населенія города (тамъ же, 300). Такому разноплеменному составу жителей Константинополя соотвѣтствовалъ разноплеменный составъ населенія византійской имперіи. Какъ Хоніатъ въ разноплеменности населенія Константинополя видитъ одну изъ причинъ частыхъ въ немъ мятежей, такъ проф. Скабалановичъ находитъ причину того же явленія въ разноплеменномъ составѣ населенія византійской имперіи. Каждая народность, говоритъ проф. Скабалановичъ, входившая въ составъ византійской имперіи, стремилась посадить свою креатуру на престолъ, отсюда частыя смѣны династій („Византійск. Государство и Церковь въ XI в.“, стр. 19).

пещущимъ видомъ, на вытяжку, руки по швамъ. До такой степени одна молва уже овладѣла бѣдняками! Съ своей стороны царица, хитрая штука, умѣвшая пользоваться обстоятельствами, каждому нашла въ отвѣтъ приличное слово на его рѣчи и своею любезною болтовнею совершенно очаровала византiйскихъ простяковъ, такъ что они, какъ свиньи, которыя отъ услажденiя опрокидываются навзничь, когда имъ почешутъ брюхо, давши пощекотать себѣ уши ласковыми привѣтствiями, нашли, что во всемъ происшедшемъ не было ровно ничего возмутительнаго" [1]).

Въ Византiи не стѣснялись публично заявлять, что вѣрными государю слѣдуетъ быть пока это выгодно подданнымъ. Византiйскiй историкъ Пахимеръ передаетъ, что послѣ объявленiя Михаила Палеолога опекуномъ юнаго императора Iоанна Ласкариса, въ собранiи iерарховъ и свѣтскихъ чиновъ стали раздаваться голоса, что слѣдовало бы почтить императорскаго опекуна: „не для одного ребенка (т. е. юнаго императора)", говорили тогда, „всѣ эти хлопоты о такой имперiи и о такихъ дѣлахъ; мы должны теперь подумать о правительствѣ, чтобы спастись намъ самимъ... У насъ вѣрность престолу почитается, конечно, дѣломъ хорошимъ; хорошо также спасаться подданнымъ, давъ клятву: но если нѣтъ спасенiя, вѣрность становится напрасною" [2]).

Пахимеръ же передаетъ разсужденiя сторонниковъ Михаила Палеолога, характеризующiя отношенiе византiйцевъ къ императорамъ, получившимъ престолъ по праву наслѣдства. „Наилучшее царствованiе", говорили эти сторонники (они составляли, по словамъ Пахимера, большинство въ государствѣ), „есть не наслѣдственное, которое получить, по скользкому жребiю судьбы, можетъ иногда человѣкъ недостойный, и не родовое, которое часто предвосхищается людьми развратными и самыми дурными, какимъ хорошiй правитель не захотѣлъ бы дать мѣсто и въ ряду своихъ подданныхъ, но то, которое предоставляется правительственному лицу испытанной и высокой доблести. Такое только царствованiе и полезно народу, потому что такiе только правители знаютъ, для чего призваны они властвовать.... Есть причины опасаться, что

---

[1]) „Никиты Хонiата Исторiя", II, 142, рус. пер.

[2]) „Георгiя Пахимера Исторiя", стр. 69, рус. пер.

рожденный на престолѣ, имѣя нужду въ очищеніи себя и образованіи для хорошаго царствованія, будетъ особенно нечистъ, потому что въ царскомъ дворцѣ сопровождаютъ его роскошь и нѣга, бесѣдуетъ съ нимъ лесть, закрывается отъ него истина, и самое дурное поддѣлывается для него подъ самое хорошее, такъ что льстецы, по старинной поговоркѣ, могутъ слышать гармонію даже въ кашлѣ больного царственнаго дитяти. А кто осмѣлился бы хрюкнуть какое нибудь наставленіе, того вдругъ назовутъ вольнодумцемъ и самымъ негоднымъ человѣкомъ... Правитель, прикрываясь, будто на сценѣ, различными масками, порукою за наилучшее царствованіе почитаетъ свой родъ, такъ какъ бы уже въ первомъ верженіи сѣмени заключались какія то царскія силы для превосходнѣйшаго управленія“ [1]).

Слѣдствіемъ этихъ разсужденій было провозглашеніе императоромъ Михаила Палеолога, который ослѣпилъ опекаемаго имъ императора Іоанна и заточилъ его въ одну изъ крѣпостей [2]).

Частыя революціи въ Византіи, по словамъ Хоніата, развратили народъ, [3]), унизили высоту сана византійскаго императора, такъ что даже люди незнатные и недостойные помышляли о достиженіи императорскаго престола. Когда, говоритъ Хоніатъ, императоръ Алексѣй Комненъ заболѣлъ, и его жизни грозила опасность, стали называть преемниками его разныхъ лицъ, такъ какъ у него не было сына, причемъ дѣло дошло до того, что „люди, которые вчера, или, словомъ сказать, недавно грызли желуди и еще жевали во рту понтійскую свинину, теперь совершенно открыто изъявляли свои виды и притязанія на царское достоинство, устремляя на него свои безстыдные глаза“.... Съ крайнимъ негодованіемъ отзываясь о недостойныхъ претендентахъ на престолъ, Хоніатъ сравниваетъ византійскую имперію съ блудницею. „О знаменитая римская держава“, восклицаетъ онъ, „предметъ завистливаго удивленія и благоговѣйнаго почитанія всѣхъ народовъ, кто не овладѣвалъ тобою насильно?..... Кого ты не заключала въ свои объятія, съ кѣмъ не раздѣляла ложа, кому не отдавалась и кого затѣмъ не покрывала

[1]) Тамъ же, 82.

[2]) Тамъ же, стр. 174 и слѣд.

[3]) II, 206, рус. пер.

вѣнцомъ, не украшала діадимою и не обувала въ красныя сандаліи? Истинно, твои страданія были гораздо прискорбнѣе тѣхъ, которыя должна была перенести Пенелопа. Тебя можно сравнить съ царственною женщиною, надѣленною всѣми счастливыми дарами природы, внушающею почтеніе строгою красотою, величественною осанкою и благороднымъ взглядомъ, но увлеченною безстыдными развратниками, которые не стоятъ овола по понятіямъ людей благомыслящихъ, которые не въ состояніи понять ея достоинство, уважить ея величіе, почтить ея благородство, между тѣмъ чрезъ извѣстные промежутки времени увлекаютъ и уводятъ ее на беззаконное ложе. О позоръ! Чего ты не вытерпѣла, чего ты не наглядѣлась? При всей своей славѣ, при всей знаменитости ты получила наружность блудницы“... [1]).

---

[1]) Тамъ-же, 210.

Глава III.

Сравненіе церковно-гражданскихъ обрядовъ, соблюдавшихся при дворѣ московскихъ государей, съ такими же обрядами византійскихъ императоровъ имѣетъ значеніе при опредѣленіи вліянія Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей. Какъ въ церковно-гражданскихъ обрядахъ византійскаго двора наглядно выражалась идея власти византійскаго императора, такъ въ такихъ же обрядахъ московскаго двора выражалась идея власти московскаго царя; отсюда сходство между этими обрядами свидѣтельствуетъ о сходствѣ идей власти византійскихъ императоровъ и московскихъ царей и наоборотъ.

Изъ всѣхъ обрядовъ московскаго двора наиболѣе богатую литературу имѣетъ обрядъ вѣнчанія на царство московскихъ государей; менѣе изслѣдованы другіе обряды.

Въ своемъ трудѣ Byzantina проф. Д. Ѳ. Бѣляевъ указываетъ двѣ работы посвященныя изученію богомольныхъ выходовъ византійскихъ императоровъ; авторъ одной изъ нихъ, г. Марковинъ, излагая императорскіе богомольные выходы въ Византіи, сравниваетъ ихъ съ такими же выходами московскихъ государей [1]).

Упрекнувъ названнаго изслѣдователя за пользованіе латинскимъ переводомъ греческаго текста De cerimoniis aulae Byzantinae,

---

[1]) „Byzantina. Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ“, кн. II, стр. XV. 1893 г. Работы эти принадлежатъ гг. Марковину и Каневскому. Проф. Бѣляевъ называетъ г. Марковина Марковичемъ. Это, несомнѣнно, недосмотренная опечатка: проф. Бѣляевъ указываетъ, что въ „Христіанскихъ Древностяхъ“ за 1872 г. изложены были обряды богомольныхъ выходовъ византійскихъ императоровъ въ храмъ св. Софіи и, цитируя этотъ трудъ, называетъ автора его Марковичемъ, между тѣмъ подъ трудомъ этимъ авторъ его подписался Марковинымъ („Христіанск. Древности“, изд. подъ ред. Прохорова 1872 г., стр. 73).

проф. Бѣляевъ указываетъ, что г. Марковинъ, излагая подробно богомольные выходы русскихъ царей по отдѣльнымъ праздникамъ, иногда только привлекаетъ для сравненія обряды выходовъ византійскихъ императоровъ въ соотвѣтствующіе праздники, не представляя полнаго ихъ описанія, не изучивъ предварительно обряды Придворнаго Устава въ Византіи, вслѣдствіе чего, по мнѣнію проф. Бѣляева, попытка г. Марковина изложить обряды этого Устава оказалась неудовлетворительною [1]).

Вторая попытка изложить обрядъ выходовъ византійскихъ императоровъ въ храмъ св. Софіи, указанная проф. Бѣляевымъ, принадлежитъ г. Каневскому. И эту попытку проф. Бѣляевъ признаетъ неудовлетворительною уже потому, что г. Каневскій мало слѣдовалъ главному источнику своего труда—Придворному Уставу въ Византіи [2]).

Отмѣчая промахи и ошибки гг. Марковина и Каневскаго, проф. Бѣляевъ, въ оправданіе ихъ, указываетъ на особенныя трудности при изученіи, переводѣ, объясненіи или изложеніи содержанія Византійскаго Придворнаго Устава [3]).

Трудъ г. Марковина: „Богомольные выходы древнихъ русскихъ царей по сравненію съ такими же выходами византійскихъ императоровъ“ [4]) представляетъ интересъ и по тѣмъ взглядамъ, которые высказалъ авторъ его, говоря о царской власти московскихъ государей. По мнѣнію г. Марковина Іоаннъ III, вступивъ въ бракъ съ Софьей Палеологъ, пріобрѣлъ право на наслѣдство восточною римскою имперіею. Такое мнѣніе г. Марковинъ основываетъ, во первыхъ, на томъ, что германскій императоръ Максимиліанъ I назвалъ московскаго государя Василія III въ договорной съ нимъ грамотѣ императоромъ; во вторыхъ, на представленіи Іоанна IV, что онъ преемникъ кесаря Августа и вообще римскихъ императоровъ, и, наконецъ, на посланіяхъ къ московскимъ государямъ съ православнаго Востока, которыя показываютъ, что Востокъ этотъ

---

[1]) „Byzantina“, II, стр. XVI—XX.

[2]) Тамъ же, II, стр. XX—XXIII.

[3]) Тамъ же, II, стр. XXV.

[4]) „Христіанск. Древности и Археологія“, изд. подъ ред. Прохорова, 1872 г. кн. 1, стр. 1—73.

видѣлъ въ московскомъ государѣ единственнаго православнаго царя, покровителя всѣхъ христіанъ, и называлъ его, какъ нѣкогда византійскаго императора, святымъ, самодержавнымъ и проч. Вслѣдствіе этого, говоритъ г. Марковинъ, русскіе цари стали считать себя возстановителями титула императоровъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ Византіи [1]).

Дѣйствительно, императоръ Максимиліанъ I назвалъ вел. кн. Василія III въ договорной съ нимъ грамотѣ 1514 г. цесаремъ, только цесаремъ не восточной римской имперіи, но „Цесаремъ Всероссійскимъ", и впослѣдствіи Петръ В. ссылался на эту грамоту въ доказательство правъ своихъ на титулъ „Императора Всероссійскаго" [2]). Кромѣ этого случая императоръ какъ до 1514 г. не называлъ цесаремъ ни Василія III, ни отца его, послѣ брака послѣдняго съ Софьей Палеологъ, такъ не титуловалъ цесаремъ Василія III и послѣ 1514 г. Поэтому, кажется, правильнѣе объяснить названіе Василія III цесаремъ со стороны Максимиліана I въ 1514 г. сложившимися около того времени новыми отношеніями между германскимъ императоромъ и польскимъ королемъ Сигизмундомъ I. Отношенія эти сдѣлались враждебными вслѣдствіе того, что Максимиліанъ и Сигизмундъ столкнулись въ стремленіяхъ къ обладанію Венгріей и Богеміей. Постоянно усиливавшееся вліяніе Максимиліана при венгерскомъ дворѣ, проектировавшіеся браки между внуками его и дѣтьми венгерскаго короля съ цѣлью присоединенія Венгріи и Богеміи къ австрійскимъ родовымъ землямъ возбуждали опасенія со стороны Польши. Вслѣдствіе этого король Сигизмундъ въ 1512 г. вступилъ въ бракъ съ сестрою сильнѣйшаго магната Венгріи Іоанна Заполья, бывшаго главою антигабсбургской партіи. Брачная связь съ сильнѣйшимъ аристократическимъ родомъ Венгріи давала королю Польши надежду, по пресѣченіи мужского потомства на престолѣ Венгріи, или самому получить корону Венгріи и Богеміи, или видѣть на престолѣ венгерскомъ и богемскомъ своего шурина Іоанна Заполью. Попытки Максимиліана разстроить противный его видамъ бракъ Сигизмунда съ сестрою Іоанна Заполья

---

[1]) Назв. тр., стр. 1—3.

[2]) „Пам. дипл. сн. др. Россіи", I, 1504; II, 1437.

не увѣнчались успѣхомъ, вслѣдствіе чего Максимиліанъ задумалъ создать королю Польши такія затрудненія, которыя отвлекли бы его вниманіе отъ Венгріи и Богеміи. Для этого онъ вступилъ въ союзъ съ московскимъ государемъ Василіемъ III, желая поддержать его въ борьбѣ съ Польшею и чрезъ то принудить короля послѣдней отказаться отъ плановъ на Венгрію. Договорная грамота 1514 г. Максимиліана съ Василіемъ III говоритъ о польскомъ королѣ, какъ объ общемъ ихъ врагѣ. Дабы еще болѣе затруднить положеніе Сигизмунда, Максимиліанъ въ то же время возбуждалъ противъ Польши гроссмейстера Тевтонскаго ордена, замышлялъ привлечь къ коалиціи противъ Польши датскаго короля и нѣкоторыхъ имперскихъ князей. Императоръ достигъ своей цѣли. Сигизмундъ I, утомленный борьбой съ Василіемъ III, уступилъ: онъ подтвердилъ договоры между дѣтьми короля Венгріи и внуками Максимиліана, что означало отказъ его отъ всякихъ видовъ на Венгрію и Богемію въ свою пользу или въ пользу Заполья. Такимъ образомъ причина вражды Максимиліана къ Сигизмунду была устранена, и Максимиліанъ отступился отъ тѣхъ, кого онъ возбуждалъ противъ Польши [1]). Но въ то время, когда отношенія Максимиліана къ Сигизмунду были враждебны, Максимиліанъ видѣлъ въ московскомъ государѣ могучее орудіе для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ. Думая расположить въ свою пользу московскаго государя, Максимиліанъ назвалъ его въ договорной грамотѣ 1514 г. цесаремъ, когда же нужда въ этомъ цесарѣ миновала, Максимиліанъ пересталъ такъ титуловать московскаго государя [2]).

Врядъ ли также слѣдуетъ ставить въ связь генеалогію Іоанна IV отъ брата кесаря Августа съ правами на восточную римскую имперію, унаслѣдованными Іоанномъ III чрезъ бракъ съ

---

[1]) Проф. Бауеръ: „Сношенія Россіи съ Германіей въ XV и XVI вв.“ Ж. Мин. Н. Пр. 1870 г., № 3, 78 и слѣд.

[2]) „Пам. дипл. сн. др. Россіи“, I, 197, 217, 341, 343, 346, 356, 362, 363, 370. Что Максимиліанъ нѣкоторое время относился враждебно къ Сигизмунду, имѣя виды на Венгрію, и находилъ для себя выгоднымъ союзъ съ московскимъ государемъ, постояннымъ врагомъ (perpetuum hostem) Польши, говоритъ Герберштейнъ (Rerum Moscovit. Commentarii, 17, an. 1556).

Софьей Палеологъ, если только этимъ бракомъ Іоаннъ III пріобрѣлъ какія-либо права. Генеалогія перваго русскаго царя отъ Августова брата можетъ свидѣтельствовать только о томъ, что Грозный велъ и свою династію, и права свои на титулъ и власть изъ того источника, откуда истекала власть византійскихъ императоровъ; быть можетъ онъ сознательно миновалъ преемство власти своей изъ второго Рима, желая выставить Москву, вслѣдствіе происхожденія ея царствующаго дома отъ брата кесаря Августа, преемницей непосредственно перваго Рима [1]).

Что касается православнаго Востока то, несомнѣнно, имъ признавалось за московскими государями право покровительства всѣмъ православнымъ, страдавшимъ отъ невѣрныхъ. Покровительство это должно было выражаться въ щедрой милостынѣ, и православный Востокъ внушалъ московскимъ государямъ, что благотвореніе ему—обязанность ихъ, какъ единственныхъ независимыхъ

[1]) Слѣдуетъ имѣть въ виду, говоря о царственномъ наслѣдіи, принесенномъ Софьей Палеологъ своему супругу въ приданое, что Іоаннъ IV, исчисляя свои права на царскій титулъ предъ іерархами православнаго Востока, не упомянулъ объ этомъ наслѣдіи, полученномъ московскими государями. Объяснить такое умолчаніе забвеніемъ нельзя: унаслѣдованіе правъ на восточную римскую имперію было бы фактомъ крупнымъ, особенно если бы этому наслѣдству придавали значеніе; кромѣ того, Іоаннъ IV былъ внукъ Софьи, поэтому вѣроятнѣе думать, что браку своего дѣда съ цареградской царевной Грозный, такъ страстно доказывавшій права свои на царскій титулъ, не придавалъ того значенія, какое придаетъ г. Марковичъ. Перечень правъ Іоанна IV на царскій титулъ заключается въ грамотѣ восточнаго духовенства, признавшаго этотъ титулъ за нимъ; перечень этотъ, повидимому, повторенъ былъ со словъ дипломатовъ московскихъ, изложившихъ восточнымъ іерархамъ основанія, въ силу которыхъ московскій государь усвоилъ себѣ царскій титулъ. Іоаннъ IV писалъ вселенскому патріарху, что поручилъ митрополиту Іоасафу изложить: „по какой причинѣ приняли мы вѣнецъ царства Русскаго, изволеніемъ и рукоположеніемъ, и соборными молитвами, во Святомъ Духѣ богомольца и отца нашего Макарія, Митрополита всея Руси и всего священнаго Собора митрополіи Русской, и какимъ образомъ, по неизреченному милосердію Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, взяли мы царство Казанское и царство Астраханское“... („Сношен. Россіи съ прав. Востокомъ“, ч. I, стр. 78—79). Царь, излагая основанія, въ силу которыхъ возложилъ на себя царскій вѣнецъ, говоритъ и о завоеваніи имъ царствъ казанскаго и астраханскаго („Соборн. Грамота духовенства прав. вост. Церкви“, 11, изд. кн. Оболенскимъ).

православныхъ царей. Но видѣлъ ли православный Востокъ въ московскихъ царяхъ такихъ государей, какими были византійскіе императоры? Въ грамотѣ, признавшей за Іоанномъ IV царскій титулъ, подписанной православными іерархами Востока, нѣкоторыя строки, какъ полагаютъ, выскоблены рукою московскаго дьяка вслѣдствіе того, что въ нихъ заключалось нѣчто оскорбительное для чести московскаго государя. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что Іоанну IV, судя по многимъ даннымъ, присланъ былъ патріархомъ константинопольскимъ не такой чинъ вѣнчанія на царство, какимъ вѣнчались византійскіе императоры. Въ дѣлѣ учрежденія патріаршества на Руси московскіе цари не могли не видѣть, что іерархи православнаго Востока мѣняли тонъ, когда московскій государь по отношенію къ нимъ принималъ положеніе просителя. Врядъ ли московскіе государи не понимали, что православный Востокъ готовъ былъ усвоять имъ на словахъ, ради милостыни, такую власть, какой на дѣлѣ не призналъ бы.

Мнѣніе г. Марковина, что русскіе цари считали себя возстановителями титула императоровъ въ томъ видѣ, въ какомъ титулъ этотъ существовалъ въ Византіи, фактами не оправдывается.

Говоря о придворныхъ обрядахъ московскихъ государей г. Марковинъ высказываетъ мнѣніе, что „многіе греки, прибывшіе вмѣстѣ съ Софьей во время Іоанна III, ввели у насъ при дворѣ пышные обряды, соотвѣтствующіе власти Императора и титулу Самодержца“ [1]). Объясняя такимъ образомъ появленіе обрядовъ при московскомъ дворѣ, г. Марковинъ отмѣчаетъ, что „царственная обстановка московскаго государя, царственныя формы и порядки его быта“ выростали по мѣрѣ развитія сношеній Москвы съ другими государствами [2]).

Такимъ образомъ, по мнѣнію самого же г. Марковина, обряды московскаго двора началомъ своимъ обязаны не однимъ грекамъ Софьи.

Къ сожалѣнію, г. Марковинъ не подкрѣпляетъ никакими данными высказанное имъ мнѣніе, что съ приходомъ грековъ Софьи появились въ Москвѣ придворные обряды, и притомъ пышные, не

[1]) Назв. тр., 3.

[2]) Тамъ-же, 5.

указываетъ, какіе именно обряды возникли при дворѣ Іоанна III. Между тѣмъ отмѣченная имъ постепенность роста царственной обстановки московскаго государя наводитъ на мысль, что не все въ этомъ отношеніи было сдѣлано греками Софьи, кое что было оставлено и преемникамъ Іоанна III.

Отъ вниманія г. Марковина, ведущаго московскіе придворные обряды изъ Византіи, не ускользнуло, что между обрядами византійскихъ императоровъ и московскихъ царей есть существенное различіе, и что обряды византійскіе и московскіе выражаютъ разныя идеи. Такое различіе г. Марковинъ объясняетъ разными отношеніями царской власти къ духовной въ Византіи и въ Москвѣ, сообразно чему должны были измѣниться въ Москвѣ церковно-гражданскіе обряды, заимствованные изъ Византіи, какъ не соотвѣтствовавшіе московскимъ понятіямъ [1]). Такимъ образомъ, обряды эти не породили въ Москвѣ измѣненія отношеній власти свѣтской къ духовной по образцу Византіи, но сами потерпѣли измѣненіе.

Г. Марковинъ не склоненъ думать, что заимствованные Москвою византійскіе придворные обряды, выражавшіе мысль о священномъ происхожденіи царской власти, породили самодержавіе русскихъ царей. Онъ усматриваетъ въ русскомъ обществѣ сознаніе необходимости создать сильное государство для борьбы съ врагами, и этимъ сознаніемъ объясняетъ быстрый ростъ власти московскихъ государей [2]). Церковно-гражданскіе обряды византійскихъ императоровъ, перенесенные въ Москву, внушили только, полагаетъ г. Марковинъ, „понятія о священномъ происхожденіи царской власти и о значеніи русскаго Царя какъ единаго боговѣнчаннаго Представителя, какъ единаго Намѣстника власти Божіей“ [3]). Вмѣстѣ съ мыслью о священномъ значеніи и происхожденіи царской власти, въ связи съ ученіемъ о единствѣ ея, церковно-придворные обряды византійскаго двора произвели на Руси, по мнѣнію г. Марковина, безусловное повиновеніе царской власти, доходившее въ подданныхъ до полнаго рабства [4]).

[1]) Тамъ же, 5—18.

[2]) Тамъ же, 5—6.

[3]) Тамъ же, 9.

[4]) Тамъ-же, 10.

Отвергая мнѣніе, будто церковно-гражданскіе обряды византійскаго двора породили московское самодержавіе, названный изслѣдователь тѣмъ не менѣе приходитъ къ заключенію, что если бы идея царской власти и ученіе о ней не были принесены изъ Византіи на Русь, государи русскіе не имѣли бы безусловной власти надъ своими подданными, и что, слѣдовательно, безъ византійскихъ идей, тѣми или иными путями внушаемыхъ, московскіе цари въ сущности не были бы самодержцами. Такъ разсуждая, г. Марковичъ упускаетъ изъ виду, что идея о священномъ значеніи и происхожденіи царской власти не была домысломъ Византіи. Идея эта и византійцами взята была изъ св. писанія, и поэтому она не только византійская, но и христіанская, а потому и русское общество, воспринимая ее, восприняло идею не византійскую, но христіанскую, св. писаніемъ внушаемую.

Говоря объ идеѣ единства царской власти, существовавшей въ Византіи и оттуда перенесенной, какъ полагаетъ г. Марковичъ въ Москву, слѣдуетъ имѣть въ виду, что идея эта не могла примѣняться на Руси по отношенію къ князьямъ ея до времени паденія византійской имперіи, потому что единымъ царемъ для русскихъ, какъ для христіанъ, былъ, съ точки зрѣнія Византіи, ея императоръ. Въ грамотѣ патріарха константинопольскаго, написанной вел. кн. московскому Василію Дмитріевичу въ 1393 г., внушалось великому князю, что византійскій царь „поставляется царемъ и самодержцемъ Ромеевъ, то есть всѣхъ христіанъ“ [1]). Въ этой грамотѣ патріархъ указывалъ Василію I. на слова апостола: „Бога бойтеся, царя чтите“ и, требуя отъ великаго князя повиновенія византійскому императору, толковалъ слова апостола въ томъ смыслѣ, что апостолъ указалъ на одного царя для вселенной. Другихъ христіанскихъ государей, усвоившихъ себѣ царскій титулъ, патріархъ назвалъ узурпаторами: „всѣ эти примѣры (т. е. того, что государи христіанскихъ народовъ, кромѣ византійскаго, называли себя царями), суть нѣчто противуестественное, противузаконное, болѣе дѣло тиранніи и насилія“ [2]). Патріархъ

---

[1]) „Рус. Ист. Библ.“ VI, Прил., стр. 272.
[2]) Тамъ же, стр. 276.

какъ бы опасался, чтобы московскій великій князь не назвалъ себя царемъ [1]).

Только послѣ паденія византійской имперіи восточное духовенство могло, и дѣйствительно начало, внушать московскому государю, но не подданнымъ его, въ прошеніяхъ къ нему о милостынѣ, что онъ есть единственный царь всѣхъ православныхъ, изъ чего вытекало, что онъ былъ царемъ и для всѣхъ православныхъ русскихъ [2]).

---

[1]) Внушая Василію I мысль, что русскіе уже имѣютъ царя въ лицѣ византійскаго императора, которому обязанъ повиноваться, какъ христіанинъ, и самъ Василій I, константинопольскій патріархъ запретилъ митрополиту Алексѣю оказывать предпочтительное расположеніе московскому великому князю, т. е. служить дѣлу объединенія русскихъ земель подъ властью московскаго великаго князя. Митрополиту Алексѣю константинопольскій патріархъ писалъ въ 1371 г.: „тебѣ слѣдуетъ... имѣть отеческую любовь и расположеніе ко всѣмъ (русскимъ) князьямъ,—любить ихъ равно и показывать къ нимъ одинаковое расположеніе, благосклонность и любовь, а не такъ, чтобы однихъ изъ нихъ любить какъ своихъ сыновъ, а другихъ не любить, но всѣхъ равно имѣть своими сынами, всѣхъ равно любить“. („Рус. Ист. Библ.“, VI Прил., стр. 160). Константинопольскій же патріархъ призналъ свѣтское многовластіе на Руси явленіемъ, борьба съ которымъ была невозможна. Въ соборномъ опредѣленіи константинопольскаго патріарха о возстановленіи единства русской митрополіи (въ 1389 г.) читаемъ, что единый митрополитъ долженъ быть для русскихъ какъ бы связью, и потому на Руси установлена одна власть духовная „за невозможностію привести къ единству власть мірскую“. Соборное опредѣленіе указываетъ на митрополита Алексѣя какъ на виновника раздѣленія русской митрополіи:... „онъ (митрополитъ Алексѣй) сталъ не одинаково относиться ко всѣмъ князьямъ и не о всѣхъ равно заботиться, какъ бы слѣдовало имѣющему о всѣхъ дать слово въ день суда, но къ однимъ показывалъ отвращеніе, а къ другимъ—расположеніе. Когда же великій князь московскій Іоаннъ, умирая, возложилъ на него попеченіе, заботу и промышленіе о своемъ сынѣ Димитріѣ, то онъ весь предался этому дѣлу и презрѣлъ божественные законы и постановленія, принявъ на себя, вмѣсто пасенія и поученія христіанъ, мірское начальствованіе, вслѣдствіе чего, призванный учить миру и согласію, увлекся въ войны, брани и раздоры“ (тамъ же, VI, Прил., стр. 196 и 198). Такъ въ исходѣ XIV в. соборное опредѣленіе константинопольскаго патріарха признало утопіей политическое единство Руси, осудило государственное служеніе митрополита Алексѣя интересамъ московскаго великаго князя.

[2]) „Снош. Россіи съ прав. Востокомъ“, ч. I, стр. 62, 89, 110, 228, 232, 239—241, 291.

Но въ этомъ направленіи внушеніе православнаго Востока, дѣлаемое московскимъ государямъ, не было для нихъ чѣмъ то новымъ; къ тому, чтобы быть государями всея Руси, они уже стремились и безъ внушеній со стороны православнаго Востока и, занятые задачею національнаго объединенія, благотворили православный Востокъ изъ чувства благочестія и состраданія, но не потому, что стремились быть царями всѣхъ христіанъ, какими считались византійскіе императоры.

Г. Марковинъ придаетъ церковно-гражданскимъ обрядамъ, перенесеннымъ изъ Византіи въ Москву, важное значеніе. По мнѣнію его обряды эти способствовали тому, что московскій государь возымѣлъ надъ своими подданными безусловную власть. Такое значеніе церковно-гражданскихъ обрядовъ тѣмъ болѣе важно, что плодъ этихъ обрядовъ, виновниками появленія которыхъ при московскомъ дворѣ г. Марковинъ считаетъ грековъ Софьи, созрѣлъ очень скоро. Уже Герберштейнъ отмѣтилъ, что сынъ Іоанна III пользовался такою властью надъ своими подданными, что въ этомъ отношеніи превосходилъ едва ли не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра [1]).

Удѣляя столь важную роль церковно-гражданскимъ обрядамъ для царской власти московскихъ государей, г. Марковинъ, къ сожалѣнію, считаетъ достаточнымъ голословное указаніе, что обряды эти появились при Іоаннѣ III.

По мнѣнію г. Марковина церковно-гражданскіе обряды не повліяли на отношенія власти свѣтской къ духовной въ Москвѣ „съ одной стороны вслѣдствіе положенія русскаго царя въ государствѣ, какъ отца семейства государственнаго, а не какъ господина подданныхъ, съ другой—вслѣдствіе тѣхъ правилъ благовѣрія, любомудрія и добродѣтели, которыя византійская педагогія сдѣлала обязательными для всякаго воспитанника“ [2]).

Такимъ образомъ, русскіе цари усвоили себѣ тѣ правила византійской педагогіи, которыя не были усвоены византійскими императорами, вслѣдствіе чего и византійская идея царской власти, при перенесеніи ея на русскую почву и при примѣненіи ея къ

---

[1]) Rerum Moscov. Commentarii, 14, an. 1556.

[2]) Назв. тр., 13.

русской жизни, измѣнилась соотвѣтственно особому строю русской жизни и особому умственному и нравственному направленію ея, и это измѣненіе отразилось и на церковно-придворныхъ обрядахъ византійскаго двора, насажденныхъ въ Москвѣ. Въ примѣненіи къ русской жизни, говоритъ г. Марковинъ, обряды византійскіе потерпѣли измѣненіе не только въ основной, существенной мысли, но и въ частностяхъ [1]).

Слѣдовательно, по заключенію г. Марковина, идея царской власти, выражавшаяся въ московскихъ церковно-придворныхъ обрядахъ, не та, которая усматривается въ такихъ же обрядахъ византійскаго двора. Съ такимъ заключеніемъ Марковина нельзя не согласиться, сравнивая обряды византійскаго и московскаго дворовъ. Различіе въ идеяхъ власти московскаго царя и византійскаго императора, наглядно выражающееся въ церковно-гражданскихъ обрядахъ того и другого, весьма значительно. Въ Византіи обряды эти выражали особое положеніе императора въ церкви, какъ царя всѣхъ христіанъ, въ Москвѣ же въ этихъ обрядахъ выражалась не столько высота власти царя, какъ государя русскаго, сколько глубина его благочестія. Въ Византіи въ этихъ обрядахъ императоръ на первомъ планѣ, особенно въ обрядѣ, который совершался въ недѣлю Вай: онъ затемняетъ даже патріарха, въ Москвѣ наоборотъ—въ тѣни смиренная фигура царя. И народъ русскій, видя царя своего въ церковно-гражданскихъ обрядахъ, скорѣе видѣлъ глубину его смиренія, чѣмъ высоту его сана.

Г. Каневскій поставилъ себѣ не столь широкую задачу, какъ г. Марковинъ. Трудъ его посвященъ изложенію выходовъ византійскихъ императоровъ въ храмъ св. Софіи въ праздники Рождества Христова и Богоявленія. Въ этихъ выходахъ византійскаго царя, говоритъ г. Каневскій, наглядно представлялась взгляду византійца возвышенная идея царя, который, „будучи облеченъ безусловнымъ полновластіемъ въ отношеніи гражданскомъ, какъ помазанникъ Божій и глава христіанскаго народа, былъ высшимъ авторитетомъ и въ дѣлахъ церковныхъ“, съ властью, простиравшеюся на весь христіанскій міръ [2]).

[1]) Тамъ же, 17—18.

[2]) „Труды Кіевск. Дух. Ак.“ 1872 г., августъ, 780.

Опредѣливъ такъ идею власти византійскаго императора, выражавшуюся въ торжественныхъ выходахъ его въ храмъ св. Софіи, г. Каневскій замѣчаетъ, что и въ то время, когда византійская имперія клонилась къ упадку, греки видѣли въ своемъ царѣ „единственнаго помазанника Божія“, отъ котораго одного всѣ прочіе короли и владѣтели могли законно получать свою власть [1]).

Особое вниманіе г. Каневскій удѣляетъ такъ называемымъ актологіямъ, т. е. пѣснопѣніямъ, которыя исполнялись димами во время выходовъ императора Византіи; въ этихъ актологіяхъ, говоритъ г. Каневскій, ясно выражалась „возвышенная идея царя примѣнительно къ празднуемымъ событіямъ [2]).

Кромѣ трудовъ гг. Марковина и Каневскаго, указанныхъ проф. Бѣляевымъ, есть еще одинъ трудъ, который посвященъ сравнительному изложенію церковно-гражданскихъ обрядовъ въ Византіи и на Руси въ праздники Ваій и Пасхи. По мнѣнію автора этого труда [3]), знакомство съ обрядами византійскаго двора имѣетъ особенную цѣнность при изученіи русской жизни, потому что „церемоніи двора византійскаго въ праздники церковные даютъ намъ возможность объяснить то глубокое чувство полной преданности царю русскаго народа, какая замѣчается въ продолженіе всей его исторической жизни и которая въ особенности цѣнна была въ тѣ минуты, когда царь (какъ напр. Іоаннъ IV) являлся не столько отцемъ своего народа, сколько грознымъ судіею, каравшимъ виновныхъ, а можетъ быть и невиновныхъ“ [4]).

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же, 781. Замѣтимъ, что такихъ актологій нѣтъ въ богомольныхъ выходахъ московскихъ царей.

[3]) Такъ какъ авторъ этого труда скрылъ свое имя, будемъ называть его анонимнымъ изслѣдователемъ.

[4]) „Церковно-придворныя церемоніи византійскихъ императоровъ, сравнительно съ подобными же церемоніями древнихъ русскихъ царей“, „Духовная Бесѣда“, 1871 г., № 52, стр. 446. Такъ какъ анонимный изслѣдователь полагаетъ, что перенесенными въ Москву византійскими церковно-придворными обрядами возможно объяснить преданность русскаго народа и такому царю, какъ Іоаннъ IV, умѣстно сравнить отношеніе русскаго народа къ Грозному царю съ отношеніемъ византійцевъ къ императору Андронику Комнену, который по жестокости не уступалъ Грозному. Андроникъ Комненъ (царствовалъ отъ 1183 г. по 1186 г.; см. Muralt, Essai de Chronogr. Byzantine, I, 218, Спб. 1871 г.),

Въ изслѣдованіи анонимнаго автора находимъ мысли, сходныя съ выраженными г. Марковинымъ: и первый, подобно послѣднему (или, быть можетъ, послѣдній подобно первому; трудъ анонимнаго изслѣдователя вышелъ въ 1871 г., а г. Марковина—въ 1872 г.), говоритъ, что „идея о самодержавномъ монархѣ составляетъ наслѣдіе Россіи, полученное ею изъ Византіи, сплотившее ее въ одно цѣлое"; что въ связи съ этой идеей и съ ученіемъ церкви о

свергнутый съ престола возмутившимися жителями Константинополя, былъ подвергнутъ публичному поруганію и побоямъ, лишенъ правой руки и брошенъ въ темницу, гдѣ провелъ нѣкоторое время безъ пищи и питья. „А спустя нѣсколько дней," разсказываетъ Никита Хоніатъ объ умерщвленіи Андроника, „ему выкалываютъ лѣвый глазъ, сажаютъ на паршиваго верблюда и съ торжествомъ ведутъ по площади. Нагая, какъ у стараго дерева, и гладкая, какъ яйцо, голова его была не покрыта, а тѣло прикрыто короткимъ рубищемъ. Жалкое то было зрѣлище, исторгавшее ручьи слезъ изъ кроткихъ глазъ. Но глупые и наглые жители Константинополя, и особенно колбасники и кожевники и всѣ тѣ, которые проводятъ цѣлый день въ мастерскихъ, кое-какъ живутъ починкою сапоговъ и съ трудомъ добываютъ себѣ хлѣбъ иголкою, сбѣжавшись на это зрѣлище, какъ слетаются весною мухи къ подойнику и къ сальнымъ сосудамъ, ни сколько не подумали о томъ, что это человѣкъ, который такъ недавно былъ царемъ и украшался царскою діадимою, что его всѣ прославляли какъ спасителя, привѣтствовали благожеланіями и поклонами, и что они дали страшную клятву на вѣрность и преданность ему. Съ безсмысленнымъ гнѣвомъ и въ безотчетномъ увлеченіи они злодѣйски напали на Андроника и не было зла, котораго бы не сдѣлали ему. Одни били его по головѣ палками, другіе пачкали ему ноздри пометомъ, третьи, намочивъ губку скотскими и человѣческими изверженіями, выжимали ихъ ему на лицо. Нѣкоторые поносили срамными словами его мать и отца, иные кололи его рожнами въ бока, а люди, еще болѣе наглые, бросали въ него камни и называли его бѣшенной собакой... И послѣ того, какъ съ такимъ безчестіемъ въ смѣшномъ тріумфѣ привели его на театръ, его стащили съ жалкаго верблюда, на котораго посадили ради посмѣянія, и, привязавъ веревку, повѣсили за ноги между двухъ столбовъ.... Перенесши такое множество страданій, вытерпѣвъ тысячи и другихъ мученій, о которыхъ мы не упомянули, Андроникъ все еще имѣлъ довольно силы мужественно и съ полнымъ сознаніемъ переносить и новыя страданія... Между тѣмъ безсмысленнѣйшая чернь и послѣ того, какъ его повѣсили за ноги, не оставила страдальца въ покоѣ и не пощадила его тѣла, но, разорвавъ рубашку терзала его... Одинъ злодѣй вонзилъ ему длинный мечь въ горло до самыхъ внутренностей... Наконецъ, послѣ такого множества мученій и страданій, онъ съ трудомъ испустилъ духъ..."
(„Никиты Хоніата Исторія", т. I, 440, рус. пер.).

царѣ, какъ помазанникѣ Божіемъ, церковно-придворные обряды, заимствованные изъ Византіи, „произвели въ русскихъ послушную воспріимчивость къ полновластію правительства". Отъ вниманія анонимнаго изслѣдователя не ускользнуло различіе между церковно-гражданскими обрядами византійскаго двора и московскаго. Это различіе объясняется имъ, какъ и г. Марковинымъ, византійской педагогіей, внушившей московскимъ государямъ смиреніе, сообразно которому византійскіе обряды потерпѣли въ Москвѣ измѣненіе [1]).

И анонимный изслѣдователь и г. Марковинъ полагаютъ значеніе церковно-придворныхъ обрядовъ московскихъ царей въ томъ, что обряды эти внушили русскимъ чувства уваженія и безусловной покорности къ своимъ государямъ. Такой выводъ названные изслѣдователи ничѣмъ не подтверждаютъ, ограничиваясь только предположеніемъ, что обряды московскаго двора, хотя и менѣе пышные чѣмъ византійскіе, должны были возвысить царя въ глазахъ его народа. Къ такому выводу, казалось бы, названныхъ изслѣдователей могло привести подобное же явленіе въ Византіи, но въ Византіи, хотя тамъ церковно-гражданскіе обряды императоровъ были неизмѣримо болѣе великолѣпны, чѣмъ въ Москвѣ, не видно такого уваженія къ особѣ государя, какъ въ московскомъ государствѣ, гдѣ церковно-гражданскіе обряды царей не всегда представляются даже блѣдной копіей съ византійскихъ. Въ изслѣдованіи Сабатье находится перечень причинъ смертей византійскихъ императоровъ, наглядно характеризующій отношеніе византійцевъ къ своимъ императорамъ [2]).

По исчисленію Сабатье оказывается, что изъ 109 императоровъ отъ Аркадія до Константина XI Палеолога, 34 императора умерли на своемъ ложѣ отъ старости или болѣзней; 20 погибло насильственною смертью: зарѣзанные, отравленные, удавленные, обезглавленные, свергнутые съ высоты столба; 18 было кастрировано, ослѣплено, лишено носа, кисти руки и проч.; 3 погибли голодною смертью; 1 былъ пораженъ молніей; 1 умеръ вслѣдствіе раны отъ отравленной стрѣлы; 2 умерло лишившись разсудка;

---

[1]) Тамъ же, 446 и 447.

[2]) Перечень этотъ приведенъ Рамбо въ его изслѣдованіи L'Empire grec au X siècle, 23.

12 погибло въ темницѣ или окончило жизнь свою въ монастырѣ; 12 отказалось отъ престола добровольно или по принужденію, причемъ большая часть изъ нихъ приняла монашество; 3 были убиты на полѣ брани; 1 былъ плѣненъ [1]).

Болѣе трети византійскихъ императоровъ—37 изъ 109—царствовало, по вычисленію Сабатье, отъ одного года до пяти лѣтъ, причемъ многіе изъ нихъ занимали престолъ по нѣсколько мѣсяцевъ [2]).

Это исчисленіе Сабатье не свидѣтельствуетъ объ уваженіи византійцевъ къ своимъ императорамъ, но подтверждаетъ свидѣтельство византійскаго историка Никиты Хоніата, что жители Константинополя отличались особенною склонностью къ мятежамъ и возмущеніямъ, такъ что „кого сегодня превозносили, какъ законнаго властителя, того на другой день поносили, какъ злодѣя“... [3]).

Такимъ образомъ то, чего не могли сдѣлать въ Византіи церковно-гражданскіе обряды, въ которыхъ императоры являлись въ полномъ блескѣ и величіи своей власти въ теченіи многихъ вѣковъ, сдѣлано было на Руси, по мнѣнію анонимнаго изслѣдователя и г. Марковина, скромными, по сравненію съ византійскими, обрядами и богомольными выходами московскихъ царей, и притомъ въ теченіи самаго непродолжительнаго времени: появились церковно-гражданскіе обряды при Іоаннѣ III благодаря грекамъ Софьи, и уже сынъ того же Іоанна III пользуется такою властью надъ своими подданными, что власть эта обращаетъ на себя вниманіе Герберштейна и представляется ему почти исключительною.

Ни анонимный изслѣдователь, ни г. Марковинъ не допускаютъ мысли, что нѣкоторые церковно-гражданскіе обряды византійскихъ императоровъ были въ Москвѣ измѣнены, а нѣкоторые и не были приняты, не только вслѣдствіе правилъ византійской педагогіи, не соблюдавшихся въ самой Византіи, но потому, что идея императорской власти, выражавшаяся въ византійскихъ обрядахъ, не соотвѣтствовала идеѣ царской власти московскихъ государей. Ни

---

[1]) Sabatier, Description générale de monnaies Byzantines, I, 22, Paris, an. 1862.

[2]) Тамъ же, 21.

[3]) „Никиты Хоніата Исторія“, рус. пер., I, 300—301.

анонимный изслѣдователь, ни г. Марковинъ не могли не замѣтить различія между церковно-гражданскими обрядами византійскаго и московскаго дворовъ, различія, которое рѣзко выставляетъ разницу въ идеяхъ власти византійскаго императора и московскаго царя, но это не помѣшало имъ утверждать, что идея царской власти московскаго государя заимствована изъ Византіи. Они только указываютъ, что въ Москвѣ эту византійскую идею передѣлали сообразно своимъ взглядамъ, но если ее передѣлали, то уже изъ этого слѣдуетъ, что въ Москвѣ имѣли по крайней мѣрѣ нѣкоторое представленіе о царской власти, отличное отъ византійскаго, и это представленіе настолько было ясно, что московскій царь не сталъ играть роли византійскаго императора.

Глава IV.

Первый московскій чинъ вѣнчанія на великое княженіе, извѣстный изъ современной записи, былъ совершенъ надъ не государствовавшимъ внукомъ Іоанна III. Чины вокняженій русскихъ князей до времени Іоанна III, если только такіе чины существовали, до насъ въ описаніяхъ не дошли.

Изслѣдователи обрядовъ вѣнчаній на царство московскихъ государей, въ поискахъ начала этихъ обрядовъ въ бытѣ первыхъ русскихъ христіанскихъ князей, находили въ лѣтописяхъ, при извѣстіи о вокняженіи того или другого князя (съ XI в.), выраженія: „сѣде на столѣ", или „на столѣ посадиша" съ добавленіями: „съ честію великою", „весь порядъ положше" [1]).

Собирая лѣтописныя извѣстія о вокняженіяхъ, изслѣдователи начертали такую обычную картину вступленій на престолъ русскихъ князей: князь, при въѣздѣ въ стольный городъ, былъ встрѣчаемъ духовенствомъ и народомъ, отправлялся въ соборный храмъ, садился на княжескомъ столѣ, и митрополитъ или епископъ благословлялъ его крестомъ. Нѣтъ прямыхъ указаній на то, что при посаженіи князя на столъ читались митрополитомъ или епископомъ

[1]) „Лѣт. по Лавр. сп.", изд. 2, стр. 144, 177, 193, 197, 210, 291, 354, 402. Н. Катаевъ: „О священномъ вѣнчаніи и помазаніи царей на царство", 75, 1847 г.; Вельтманъ: „Царскій златой вѣнецъ и царскія утвари, присланныя императоромъ Василіемъ и Константиномъ в. к. Владиміру Кіевскому", въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос., 1860 г. кн. I, 30—31, 36; А. Горскій: „О священнодѣйствіи вѣнчанія и помазанія царей на царство", 15, 1882 г.; Е. Барсовъ: „Древне-русскіе памятники священнаго вѣнчанія царей на царство" и т. д. „въ Чтен. М. Об. Ист. и Др. Р.", 1883 г. кн. I, XI; К. Поповъ: „Чинъ священнаго коронованія", „Богословскій Вѣстникъ", 1896 г., май, 182; проф. Н. Покровскій: „Чинъ коронованія Государей въ его исторіи", „Церковн. Вѣстникъ". 1896 г., № 18, 572).

соотвѣтствующія молитвы, но изслѣдователи русскаго коронаціоннаго обряда полагаютъ, что въ этихъ случаяхъ читалась молитва: „Господи Боже нашъ, Царю царствующихъ“...... [1]).

На вопросъ, возлагались ли на князя, при посаженіи его на столъ, какіе либо знаки княжескаго достоинства, изслѣдователи отвѣчали разно. Горскій говоритъ увѣренно, что на поставляемаго князя возлагались отличія княжескаго достоинства, но, имѣя въ виду лѣтописное извѣстіе о присылкѣ папою королевскихъ инсигній Даніилу Галицкому, заключаетъ, что королевскія инсигніи были отличны отъ тѣхъ княжескихъ, которыя были у Даніила. По мнѣнію Горскаго, отличіями княжескаго достоинства были: мантія или кочь и богато украшенная шапка или клобукъ, не снимавшаяся княземъ и въ церкви [2]). Е. В. Барсовъ находитъ сомнительнымъ предположеніе, что княжескія утвари возлагались на князей при посаженіи ихъ на столъ [3]). Г. Поповъ также считаетъ мало вѣроятнымъ мнѣніе, что посаженіе князей на столъ сопровождалось возложеніемъ на нихъ какихъ либо инсигній, потому что кочь и клобукъ были обычными княжескими одеждами, но не инсигніями [4]).

Такъ какъ наши лѣтописи не говорятъ о возложеніи какихъ либо инсигній на князей при посаженіи ихъ на столъ, мнѣніе Е. В. Барсова и г. Попова представляется наиболѣе вѣроятнымъ.

Нельзя сказать, за неимѣніемъ данныхъ, съ какого времени появился на Руси обрядъ посаженія князя на столъ для означенія вокняженія. Впервые находимъ въ лѣтописи выраженіе „сѣсть на столѣ“ въ разсказѣ объ убіеніи Бориса: дружина Владиміра св. предложила Борису: „поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отни“. Повѣствуя объ Ярославѣ Мудромъ, лѣтопись говоритъ о немъ, что онъ „сѣде Кыевѣ на столѣ отьни и дѣдни“ [5]).

---

[1]) См. назв. труды Горскаго, 16; Барсова, XIII; Попова, тамъ же, 184; Покровскаго, тамъ же, 572.

[2]) Назв. трудъ, 17.

[3]) Назв. трудъ, XIV.

[4]) Назв. трудъ, 185.

[5]) Лавр. сп., изд. 2-е, стр. 129 и 139. Возможно, что лѣтопись такъ говоритъ о Борисѣ и Ярославѣ по аналогіи съ послѣдующимъ временемъ, когда князья сажались на столъ.

Проф. Покровскій начинаетъ свое изслѣдованіе объ обрядѣ коронованія русскихъ государей указаніемъ, что потребность особаго акта царскаго посвященія признавалась почти всѣми культурными народами древности [1]). Указаніями же на обряды, которыми сопровождалось воцареніе государей египтянъ, персовъ и другихъ древнихъ народовъ, начинается и изслѣдованіе Катаева [2]).

Если такой потребности не было въ древней Руси, то особый чинъ вокняженія русскихъ князей могъ появиться, какъ одинъ изъ результатовъ принятія христіанства. Чинъ этотъ, можно думать, соблюдался до времени вѣнчанія внука Іоанна III и въ періодъ монголо-татарскаго ига [3]).

На смѣну древнему обряду вступленія на княжескій столъ при Іоаннѣ III явился обрядъ великокняжескаго вѣнчанія, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усложнявшійся.

Относительно причины совершенія великокняжескаго вѣнчанія надъ внукомъ Іоанна III высказывались разныя мнѣнія, причемъ вѣнчаніе это называлось царскимъ.

Горскій, говоря объ этомъ вѣнчаніи, замѣчаетъ, что короновалъ Димитрія Іоанновича съ царскою торжественностью тотъ, кто свергнулъ татарское иго и былъ супругомъ „послѣдней отрасли православнаго императорскаго дома“ [4]).

[1]) „Церк. Вѣстн.“, 1896 г., апр., № 17, 539.

[2]) Назв. трудъ, 14.

[3]) Отъ времени владычества татаръ надъ Русью сохранились извѣстія, что князья сажались на столъ ханскими послами: лѣтопись говоритъ, что сынъ Донского великій князь Василій I былъ посаженъ во Владимірѣ на столъ отца и дѣда своихъ ханскимъ посломъ (П. С. Р. Л. VIII, 60), тоже читаемъ и о вел. кн. Василіи II (тамъ же, 96); лѣтопись указываетъ мѣсто посаженія на столъ вел. кн. Василія II ханскимъ посломъ: „у Пречистые у золотыхъ дверей“. Горскій высказалъ предположеніе, что, если великіе князья сажались на столъ ханскими послами, обрядъ посаженія долженъ былъ дѣлиться на двѣ части: гражданскую—посаженіе князя посломъ у дверей церкви, и церковную—совершавшуюся въ церкви (назв. трудъ, стр. 19 и прим. 49; Барсовъ, назв. трудъ, XIV). У татаръ былъ обрядъ посаженія на столъ избраннаго хана. Плано-Карпини описываетъ такой обрядъ, очевидцемъ котораго онъ былъ; обрядъ этотъ совершенъ былъ надъ ханомъ Гаюкомъ („Путешествія къ татарамъ“, изд. Языковымъ, 37).

[4]) Назв. трудъ, 20.

Такимъ образомъ Горскій вѣнчаніе Іоанномъ III своего внука на великое княженіе какъ бы ставитъ въ связь съ сверженіемъ татарскаго ига и со вторымъ бракомъ Іоанна III.

Е. В. Барсовъ великокняжеское вѣнчаніе внука Іоанна III связываетъ съ духовнымъ и политическимъ паденіемъ византійской имперіи: вслѣдствіе этого двойного паденія, говоритъ онъ, идея царя, какъ представителя православія, перешла въ Россію, и потому священнодѣйствіе вѣнчанія на государство явилось на Руси только въ концѣ XV в. По мнѣнію названнаго автора мысль о „переходѣ царства съ Византіи на Москву“ проводится въ концѣ XV в. „въ жизни и политикѣ московскаго двора“: Іоаннъ III отказался принять предложенный ему отъ имени императора Максимиліана I королевскій титулъ, потому что считалъ себя, какъ полагаетъ Е. В. Барсовъ, наслѣдникомъ византійскаго царства; бракъ съ Софьей Палеологъ еще болѣе закрѣпилъ думы о Москвѣ, какъ преемницѣ византійской имперіи, поэтому въ первый разъ священнодѣйствіе вѣнчанія на царство совершено было надъ внукомъ Іоанна III. Мнѣніе, говоритъ Е. В. Барсовъ, что Москва—наслѣдница Византіи, вскорѣ послѣ Іоанна III на столько стало всеобщимъ убѣжденіемъ на Руси, выразившимся въ литературѣ того времени, что Іоаннъ IV провозгласилъ „себя Царемъ, какъ преемникъ и наслѣдникъ Цесарской Греко-римской власти“ [1]).

Г. Поповъ видитъ въ вѣнчаніи внука Іоанна III результатъ объединенія къ концу XV в. значительной части русскихъ земель около Москвы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, превращенія московскаго государя въ единодержца и самодержца всея Руси. Въ это время, говоритъ названный авторъ, въ русскомъ обществѣ начинаетъ циркулировать идея, что Москва—прямая преемница павшей византійской имперіи; возникаетъ среди русскихъ мнѣніе, что Софья Палеологъ, послѣдняя представительница исчезавшаго царственнаго дома Палеологовъ, принесла Москвѣ, вступивъ въ бракъ съ государемъ ея, послѣдніе завѣты павшей имперіи. По крайней мѣрѣ, замѣчаетъ г. Поповъ, тогда же Іоаннъ III замѣнилъ русскій гербъ римскимъ

[1]) Назв. трудъ, XI—XXIII.

двуглавымъ орломъ [1]). Вѣнчаніе Димитрія Іоанновича названный изслѣдователь называетъ великокняжескимъ [2]).

Проф. Покровскій указываетъ на важныя перемѣны, которыя въ XV и XVI вв. произошли въ политическомъ и государственномъ строѣ Византіи и Руси: съ одной стороны, Византія пала и императорская власть православнаго государя тамъ уничтожилась, съ другой—Россія объединилась подъ властью московскаго государя, который сталъ именоваться царемъ; къ этому царю, по естественному теченію событій, перешли всѣ тѣ права и привилегіи въ дѣлахъ вѣры и церкви, которыми пользовался императоръ византійскій. Результатомъ такихъ перемѣнъ могло быть появленіе полнаго цареградскаго чина византійскаго коронованія въ Москвѣ въ XV—XVI вв., но, говоритъ проф. Покровскій, ошибочно полагаютъ, что цареградское новое коронованіе у насъ началось съ внука Іоанна III; чинъ вѣнчанія Димитрія Іоанновича „не есть полный чинъ царскаго коронованія самодержца, поставленія на царство, но лишь чинъ поставленія на великое княженіе". Самое заглавіе этого чина и анализъ его состава ясно показываютъ, по мнѣнію проф. Покровскаго, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ явленіемъ древне-русскимъ, но не новымъ. Къ такому заключенію приходитъ проф. Покровскій, во первыхъ, на основаніи рѣчи Іоанна III, сказанной послѣднимъ митрополиту предъ вѣнчаніемъ внука: Іоаннъ говорилъ, что благословеніе дѣтей на княженіе, т. е. чинъ поставленія на великое княженіе внука его, „есть старинный обычай отцовъ, и что въ силу этого именно обычая онъ рѣшается благословить своего внука вмѣсто сына, слѣдовательно, допускаетъ непосредственную связь этого чина съ древнѣйшимъ"; во вторыхъ, на основаніи сравненія чина вѣнчанія внука Іоанна III съ древнимъ обрядомъ поставленія князей. „Какъ этотъ чинъ", говоритъ проф. Покровскій, „такъ и обрядъ древняго вокняженія происходили въ соборномъ храмѣ, на особомъ возвышеніи; тамъ и здѣсь видимъ объявленіе о поставленіи князя, благословеніе крестомъ отъ іерарха и привѣтствія, и съ полною вѣроятностію можемъ предполагать одну общую молитву, хотя она и не обозначена въ

[1]) Назв. трудъ, „Богосл. В.", 1896 г., май, 177.

[2]) Тамъ же, 186.

краткихъ извѣстіяхъ лѣтописей". Только одну особенность этого чина, по сравненію съ древними чинами, готовъ допустить проф. Покровскій: возложеніе шапки и бармъ на Димитрія Іоанновича, но съ оговоркою, что и эта особенность съ достовѣрностью не можетъ быть сочтена таковою вслѣдствіе отсутствія прямыхъ извѣстій, что возложенія шапки и бармъ не было въ древнемъ обрядѣ княжескихъ посаженій на столъ. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію проф. Покровскаго, возложеніе шапки и бармъ не было такою особенностью, которая явилась впервые при поставленіи Димитрія Іоанновича подъ вліяніемъ византійскаго новаго чина. Шапка и бармы, замѣчаетъ названный изслѣдователь, „какъ аттрибуты княжескаго достоинства, извѣстны были гораздо раньше, и во всякомъ случаѣ не въ этой подробности, чуждой Византіи, нужно искать слѣдовъ новаго коронаціоннаго чина, перешедшаго въ Россію изъ Византіи въ эпоху самодержавія". Проф. Покровскій перечисляетъ рядъ отличій чина вѣнчанія Димитрія Іоанновича отъ чина коронованія византійскихъ императоровъ и указываетъ на постепенное уподобленіе русскаго коронаціоннаго чина византійскому [1]).

Вполнѣ вѣрно проф. Покровскій отмѣчаетъ, что внукъ Іоанна III не былъ вѣнчанъ на царство. Іоаннъ III ясно и опредѣленно говорилъ митрополиту предъ совершеніемъ обряда вѣнчанія: „язъ его (внука) благословляю..... великымъ княжьствомъ....., и ты бы его, отче, на великое княжьство благословилъ" [2]); по совершеніи обряда вѣнчанія діаконъ провозгласилъ многолѣтіе нововѣнчанному „великому князю", „княземъ великимъ" назвалъ Димитрія Іоанновича и митрополитъ въ поученіи, произнесенномъ нововѣнчанному [3]).

Такимъ образомъ изъ самаго текста чина вѣнчанія Димитрія Іоанновича ясно, что въ данномъ случаѣ было великокняжеское вѣнчаніе, но не царское [4]).

---

[1]) Назв. трудъ, „Церк. В." 1896 г., № 18, 573 и слѣд.

[2]) Е. В. Барсовъ, назв. трудъ, 34.

[3]) Тамъ же, 36; чинъ поставленія на великое княжество Димитрія Іоанновича и въ П. С. Р. Л. VI, 241 и VIII, 234.

[4]) Не смотря на это, вѣнчаніе внука Іоанна III разсматривалось какъ царское нѣкоторыми изслѣдователями обрядовъ вѣнчаній русскихъ государей

Говоря о вѣнчаніи внука Іоанна III, какъ о поставленіи великокняжескомъ, проф. Покровскій указалъ на связь чина этого вѣнчанія съ предшествующими посаженіями на столъ русскихъ князей и первый увидѣлъ въ этомъ чинѣ явленіе не новое, въ то время перенесенное въ Москву изъ Византіи, но древне-русское. Одно изъ оснований къ такому мнѣнію проф. Покровскій находитъ въ рѣчи Іоанна III къ митрополиту, сказанной предъ совершеніемъ обряда вѣнчанія надъ внукомъ его. Не отрицая связи древне-русскихъ поставленій на княжескіе столы съ вѣнчаніемъ внука Іоанна III, позволимъ себѣ не согласиться съ тѣмъ толкованіемъ рѣчи Іоанна III къ митрополиту, которое предлагаетъ проф. Покровскій. По мнѣнію его, Іоаннъ III говорилъ митрополиту, что „настоящее благословеніе дѣтей на княженіе, т. е. тотъ чинъ, которымъ вѣнчанъ былъ Димитрій Іоанновичъ, есть старинный обычай отцовъ и что въ силу этого именно обычая онъ и рѣшается благословить своего внука вмѣсто сына, слѣдовательно допускаетъ непосредственную связь этого чина съ древнѣйшимъ, не полагая между ними никакого различія и не давая ни единаго намека на новшество этого чина“ [1]). Но назвалъ ли Іоаннъ III старымъ обычаемъ тотъ чинъ, которымъ вѣнчанъ былъ на великое княженіе

(назв. труды Катаева, 76 и Е. В. Барсова, XXVII). Горскій не называетъ вѣнчаніе внука Іоанна III царскимъ, но говоритъ, что „супругъ Софьи Палеологъ, послѣдней отрасли православнаго императорскаго дома, съ царскою торжественностью коронуетъ своего внука вѣнцемъ и бармами, наслѣдованными отъ греческихъ императоровъ“ (назв. трудъ, 20). Но видѣлъ ли Іоаннъ III въ вѣнцѣ и бармахъ, возложенныхъ на внука его, наслѣдіе греческихъ императоровъ? Текстъ чина вѣнчанія не даетъ права такъ думать, и самъ Горскій отмѣчаетъ, что въ духовныхъ завѣщаніяхъ предшественниковъ Іоанна III бармамъ и шапкѣ не усвоялось греческое происхожденіе (тамъ же и прим. 50). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ то время, когда вѣнчался на великое княженіе Димитрій Іоанновичъ, повѣсть объ утваряхъ, полученныхъ Владиміромъ Мономахомъ отъ византійскаго императора, еще не была составлена (Проф. Ждановъ, „Русскій былевой эпосъ“, 93 и слѣд.). О вѣнчаніи внука Іоанна III на царство говорятъ и русскіе историки. (Карамзинъ, „Ист. Г. Р.“ изд. Эйнерлинга, VI, 172; Соловьевъ, „Ист. Рос.“ V, 73, изд. 5; Бестужевъ-Рюминъ, „Рус. Ист.“ II, 172; Щербатовъ видѣлъ въ вѣнчаніи Димитрія Іоанновича поставленіе на великое княженіе („Ист. Рос.“ т. IV, ч. II, 300).

[1]) „Церк. В.“, 1896 г., № 18, 575

внукъ его? Вотъ его рѣчь, сказанная митрополиту: „Божіимь изволеніемъ отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина наша тои и до сѣхъ мѣстъ: отцы великіе князи сыномъ своимъ первымъ давали великое княжство, и отець мой князь велики меня при себѣ еще благословилъ великымь княжьствомъ, и азъ былъ своего сына перваго Іоанна при себѣ же благословилъ великымъ княжьствомъ; Божіа пакы воля състалася, сына моего Іоанна не стало, а у него остался сынь первои Дмитреи, и мнѣ далъ его Богъ въ сына моего мѣсто, и язъ его нынѣ благословляю при себѣ и опосле себя великымъ княжьствомъ володимерьскымъ и новогородцькимъ, и ты бы его, отче, на великое княжьство благословилъ“ [1]). Намъ представляется, что Іоаннъ III назвалъ старымъ обычаемъ передачу великокняжескаго стола старшему сыну: такъ, говорилъ онъ, поступилъ мой отецъ, такъ поступилъ и я, назначилъ и благословилъ быть великимъ княземъ старшаго своего сына, но, вслѣдствіе смерти его, назначаю и благословляю быть великимъ княземъ сына его—внука моего. На основаніи этого рѣшенія Іоаннъ III предложилъ митрополиту вѣнчать внука, но чинъ церковнаго вѣнчанія не назвалъ ни старымъ, ни новымъ.

Сравнивая чинъ вѣнчанія внука Іоанна III съ древнимъ обрядомъ вокняженій, проф. Покровскій находитъ между первымъ и послѣднимъ полное сходство за исключеніемъ одной особенности перваго: возложенія шапки и бармъ на вѣнчаемаго, но и эту особенность признаетъ онъ сомнительною, потому что нѣтъ прямыхъ извѣстій объ отсутствіи ея въ древнихъ обрядахъ вокняженій. Шапка и бармы, говоритъ проф. Покровскій, были извѣстны гораздо раньше вѣнчанія внука Іоанна III, какъ аттрибуты княжескаго достоинства, и „не въ этой подробности, чуждой Византіи, нужно искать слѣдовъ новаго коронаціоннаго чина, перешедшаго изъ Византіи въ Россію въ эпоху самодержавія“ [2]). Между тѣмъ возложеніе инсигній не только при вѣнчаніи царей на царство, но и при хиротоніяхъ и производствахъ государственныхъ сановниковъ, было обычно въ Византіи. При хиротоніи кесаря на хиротони-

---

[1]) Барсовъ, назв. трудъ, 33.

[2]) „Церк. В.“, 1896 г., № 18, 575.

суемаго возлагались хламида и кесарскій вѣнецъ, при хиротоніи новелисима—возлагались хламиды, при производствѣ куропалата на производимаго возлагался дивитисій [1]), на производимаго въ магистры возлагался стихарь и перевязь [2]) и т. д., при чемъ императорами возлагались на кесарей кесарскія инсигніи и на новелисимовъ хламиды, куропалатамъ же и магистрамъ только давались императорами дивитисіи, стихари и перевязи [3]).

Такимъ образомъ торжественное возложеніе знаковъ достоинства на облекаемыхъ въ тотъ или другой санъ существовало въ Византіи, и возложеніе великокняжескихъ инсигній: шапки и бармъ на внука Іоанна III не представляется чѣмъ то чуждымъ съ точки зрѣнія Византіи. Обрядъ вѣнчанія внука Іоанна III, какъ вѣрно замѣтилъ проф. Покровскій, не имѣетъ сходства съ обрядами вѣнчаній византійскихъ императоровъ на царство, но имѣетъ большое сходство, какъ увидимъ далѣе, съ хиротоніями кесарей въ Византіи [4]).

Отмѣчая отличія византійскаго императорскаго коронованія отъ обряда вѣнчанія внука Іоанна III, проф. Покровскій указываетъ на отсутствіе въ этомъ обрядѣ участія коронуемаго лица

---

[1]) Дивитисій—одежда, походившая на стихарь (проф. Бѣляева, Byzantina, II, стр. 51, прим. 1 и стр. 56).

[2]) Βαλτίδιον—перевязь, лежавшая на обѣихъ плечахъ (Reiske, Commentarii ad De cer. a. B., 830).

[3]) De cer. a. B., I, cap. 43—46.

[4]) Говоря о сходствѣ или несходствѣ инсигній, возложенныхъ на внука Іоанна III при вѣнчаніи его на великое княженіе, съ инсигніями византійскими, слѣдуетъ имѣть въ виду мнѣніе проф. Кондакова, что шапка Мономаха—византійскій кесарскій вѣнецъ, („Русскіе клады“, I, 68) и предположеніе о византійскомъ происхожденіи бармъ. Еще Д. И. Прозоровскій доказывалъ, что священное значеніе бармъ заимствовано изъ Византіи, и что царскія бармы „есть не что иное, какъ укороченная императорская священная ризица, и вмѣстѣ съ тѣмъ императорскій лоръ въ сокращенномъ видѣ, передавшій бармамъ названіе „діадимы“. („Объ утваряхъ, приписываемыхъ Владиміру Мономаху“, „Записки Отд. русск. и славянск. Археологіи Имп. Рус. Археол. Общ.“ III, 42). Проф. Бѣляевъ высказалъ мнѣніе, что русскія бармы произошли изъ укороченнаго лора византійскихъ императоровъ. (Byzantina, II, 214—217 и прим.). О византійскомъ происхожденіи бармъ говоритъ и проф. Кондаковъ („Русскіе клады“, I, 159).

въ великомъ входѣ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что такого участія коронуемаго лица нѣтъ и въ русскомъ императорскомъ коронаціонномъ чинѣ; кромѣ того, и въ Византіи оно имѣло мѣсто не въ одномъ обрядѣ вѣнчанія на царство: византійскій императоръ участвовалъ въ великомъ входѣ не только тогда, когда вѣнчался на царство [1]).

Трудъ проф. Покровскаго, посвященный уясненію историческаго развитія чина коронованія русскихъ государей, является большимъ шагомъ впередъ въ изслѣдуемомъ имъ вопросѣ: названный изслѣдователь указываетъ происхожденіе чина вѣнчанія на великое княженіе внука Іоанна III и представляетъ объясненія постепеннаго осложненія чина царскаго вѣнчанія московскихъ государей; но его объясненіе происхожденія обряда вѣнчанія на великое княженіе внука Іоанна III можетъ не удовлетворить изслѣдователя: проф. Покровскій сравниваетъ извѣстное—обрядъ вѣнчанія Димитрія Іоанновича съ неизвѣстнымъ—предполагаемыми обрядами вокняженій русскихъ князей и объясняетъ извѣстное неизвѣстнымъ. Далѣе, если обрядъ вѣнчанія внука Іоанна III не имѣетъ никакого сходства съ обрядами вѣнчанія на царство византійскихъ императоровъ, если обрядъ этотъ есть то же, что обрядъ посаженія на столъ русскихъ князей, какъ полагаетъ проф. Покровскій, является вопросъ, что послужило основою древнихъ чиновъ княжескихъ посаженій на столъ, а слѣдовательно и чина вѣнчанія на великое княженіе внука Іоанна III? г. Поповъ пришелъ къ заключенію, что основа чина вѣнчанія Димитрія Іоанновича греческая, и что составитель этого чина, „взявъ за основу византійскій чинъ вѣнчанія X в., пополнилъ его „стариной“, нѣкоторыми чертами изъ позднѣйшаго византійскаго чина вѣнчанія, какъ онъ совершался въ соединеніи съ миропомазаніемъ, и нѣкоторыми оригинальными чертами“ [2]). Но г. Поповъ не объяснилъ, почему составитель обряда русскаго великокняжескаго вѣнчанія конца XV в. взялъ за основу чинъ вѣнчанія византійскихъ царей X в.; не указалъ, какія черты, и почему, были заимствованы изъ позднѣйшаго византійскаго чина вѣнчанія. Къ византійской основѣ русскаго чина великокняжескаго

[1]) Проф. Бѣляевъ, Byzantina, II, 164 и прим. 2.

[2]) Богосл. В., 1896 г., май, 187.

вѣнчанія конца XV в. г. Поповъ отнесъ поученіе, сказанное митрополитомъ внуку Іоанна III, но въ византійскихъ чинахъ царскихъ вѣнчаній поученій къ нововѣнчаннымъ нѣтъ.

Отказаться отъ мысли, что обрядъ великокняжескаго вѣнчанія Димитрія Іоанновича взятъ изъ Византіи, врядъ ли должно, только слѣдуетъ искать происхожденіе его не въ чинахъ вѣнчаній византійскихъ императоровъ, но въ чинахъ хиротоній и производствъ византійскихъ сановниковъ: тутъ, повидимому, чинъ русскаго великокняжескаго вѣнчанія конца XV в. и, быть можетъ, чинъ посаженій русскихъ князей на столы (быть можетъ, потому что чинъ этихъ посаженій до насъ не дошелъ).

Описанія хиротоній кесаря и новелисима и производствъ въ куропалаты, магистры, патрикіи синклита, стратиги, патрикіи, антипаты, патрикіи зосты, препозиты и др. чины находятся въ I кн. De cerim. aulae Byzantinae [1]). При хиротоніяхъ кесаря и новелисима присутствовалъ патріархъ и совершалъ молитвословіе, на хиротонисуемыхъ знаки ихъ достоинства возлагалъ императоръ; при производствахъ въ чины патріархъ не присутствовалъ, но о нѣкоторыхъ произведенныхъ сказано, что они, послѣ производства, отправлялись въ церковь, гдѣ къ нимъ выходилъ патріархъ, совершалъ молитву и пріобщалъ ихъ [2]).

Во II кн. De cerim. a. B. изложены обряды назначеній императоромъ на разныя должности. Лицо, которое императоромъ назначалось на какую либо должность, вводилось къ императору логоѳетомъ, императоръ дѣлалъ назначаемому наставленіе, соотвѣтствовавшее должности назначаемаго: со страхомъ Божіимъ, нелицемѣрно и неподкупно исполнять свои обязанности и т. д. Послѣ поученія императоръ произносилъ надъ назначаемымъ на должность доместика школъ: „во имя Отца и Сына и Св. Духа производитъ тебя мое отъ Бога царство въ доместики богохранимыхъ школъ“; такая же формула произносилась императоромъ при назначеніяхъ на должности друнгарія флота, ректора, синкелла [3]).

[1]) Cap. 43—59.

[2]) Патріархъ совершалъ молитву и пріобщалъ произведенныхъ въ чины куропалаты, патрикія синклита, стратига, патрикія (De cer. I, cap. 45, 47, 48).

[3]) Cap. 3, pag. 526 — 527; cap. 4, p. 528; cap. 5, p. 530.

При назначеніи стратиговъ, секретиковъ и прочихъ императоръ произносилъ: „Во имя Господа“.... [1]) При производствѣ въ кувикуляріи (мужчинъ и женщинъ) производимыхъ вводили въ евктирій св. Θеодора [2]), гдѣ первый препозитъ читалъ имъ наставленіе и гдѣ возлагались на нихъ соотвѣтствовавшія ихъ должности облаченія [3]).

При чтеніи обрядовъ хиротоній и производствъ въ чины, съ одной стороны, возникаетъ предположеніе, что церковь не могла не принять участія въ обрядахъ вокняженій русскихъ князей, какъ въ актахъ более важныхъ, чѣмъ возведеніе въ тотъ или другой византійскій чинъ, съ другой—представляется сходство предполагаемыхъ обрядовъ княжескихъ поставленій съ обрядами византійскихъ чинопроизводствъ [4]).

Русскіе источники не даютъ намъ полной картины обряда вокняженій, поэтому сравненіе ихъ съ византійскими чинопроизводствами представляется болѣе или менѣе гадательнымъ, но извѣстный въ современной записи обрядъ вѣнчанія внука Іоанна III на великое княженіе даетъ возможность сравнить этотъ обрядъ съ обрядами чинопроизводствъ въ Византіи. Изъ всѣхъ хиротоній и чинопроизводствъ византійскихъ къ обряду вѣнчанія внука Іоанна III всего болѣе подходитъ кесарская хиротонія. Патріархъ присутствовалъ только при хиротоніяхъ кесаря и новелисима, и только на кесарей возлагались вѣнцы.

Для сравненія обряда великокняжескаго вѣнчанія внука Іоанна III съ кесарской хиротоніей приводимъ тексты вѣнчанія и хиротоніи [5]).

---

[1]) Ibid., cap. 3, pag. 527.

[2]) Εὐκτήριον—домовый храмъ (проф. Бѣляева Byzantina, I, 30).

[3]) De cerim. a. B., lib. II, cap. 24 et 25.

[4]) Говоря объ этомъ сходствѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что русскіе князья считались въ Византіи имѣющими чинъ стольника византійскихъ императоровъ (проф. Дьяконовъ, „Власть Московскихъ государей“, стр. 14). Возможно поэтому, что для русскихъ князей составленъ былъ обрядъ вокняженія примѣнительно къ чину, который давался имъ въ византійской іерархіи.

[5]) Переводъ, точнѣе изложеніе, кесарской хиротоніи находится въ „Изслѣдованіяхъ и замѣткахъ кн. Оболенскаго по русск. и славянск. древностямъ“, II, 441, Спб. 1875 г. Переводъ этотъ неудовлетворителенъ, переводчикъ

„Среди церкви оуготовити мѣсто болшее на чемъ и святителеи ставятъ а учинити на томъ мѣстѣ три стоулы. великому князю. да внoуку да митрополитоу. и егда приспѣетъ врѣмя. и облечется митрополитъ. і архіепископь. и епископы. і архімандриты. и игоумены. и весь съборъ. въ священныа одежда. и велять среди церкви поставити налоп. а на немъ положити шапка [1]), да бармы да покрыти ширинкою. и егда внидетъ въ церковь ї князь великы, и съ внoукомъ. и діаки поютъ многолѣтіе одномоу великомоу князю іоанноу по обычаю. и мітрополитъ съ всѣмъ съборомъ начноут молбенъ пре-

„Императоры садятся въ большомъ триклинѣ 19 аккувитовъ [2]), патріархъ же вскорѣ (послѣ этого) отправляется и ждетъ въ храмѣ св. Стефана; императоры, послѣ того какъ сядутъ, принимаютъ секретъ [3]: рангъ первый—магистровъ, и другіе ранги по порядку, какъ обыкновенно; когда войдутъ всѣ ранги, императоры, облеченные въ дивитисіи, хламиды съ коронами на головахъ, приказываютъ (рангамъ чиновъ) говорить относительно (хиротоніи) кесаря; если всѣ согласны на хиротонію кесаря, императоры даютъ знакъ препозиту [4]), послѣдніи возглашаетъ „повелите". и славосло-

---

чикъ, напр. переводитъ: „по приказанію императоровъ, носящіе дибетезіи, хламиды и свои короны высказываютъ мнѣніе о кесарѣ", вмѣсто: „цари въ дивитисіяхъ, хламидахъ и коронахъ приказываютъ чинамъ высказывать мнѣніе о кесарѣ".

[1]) Какъ въ чинѣ поставленія на великое княженіе Димитрія Іоанновича, изданномъ Е. В. Барсовымъ по харатейному синодальному списку XV в., такъ и въ изданномъ Савваитовымъ чинѣ этого же поставленія по двумъ спискамъ XVI в., великокняжеская шапка, возложенная на внука Іоанна III, не называется Мономаховою („Лѣтопись занятій Археогр. Ком.", III, стр. 7, 9, 13, 14). Мономаховою названа она въ чинѣ постановленія Димитрія Іоановича на великое княженіе, внесенномъ въ лѣтописи (П. С. Р. Л. VI, 241; VIII, 234, Никоновская, VI, 152).

[2]) Такъ называлась палата, построенная Константиномъ Великимъ для торжественныхъ пріемовъ и обѣдовъ, получившая свое названіе отъ стоявшихъ въ ней 19 столовъ съ ложами (проф. Бѣляевъ, Byzantina, I, 108 и прим. 1 и 2).

[3]) Секретъ—совокупность чиновъ (проф. Бѣляевъ, Byzantina, II, 135, прим. 3).

[4]) Препозитъ—церемоніальный чинъ (проф. Бѣляевъ, Byzantina, II,88; Reiske, Comm. ad. De cer. a. B., pag. 21).

чистои да чюдтворцю петру. и по достойно есть. и по тресвятомъ. и по тропарех. митрополить. и князь великіи. и внoукь поидоутъ на оуготованное мѣсто. и вшед на мѣсто князь великіи и митрополить сядоуть на своих мѣстѣх. а внoуку стати пред ними оу мѣста на вышнеи степени не въсходя на мѣсто. и великомоу князю в тоу пору говорити своя рѣчи (слѣдуетъ рѣчь, въ которой Іоаннъ объявилъ митрополиту, что даетъ великое княженіе своему внуку). и посем (послѣ рѣчи Іоанна III) велить митрополитъ внoуку въстоупити на мѣсто и благословить его крестом. да велит діакону начяти малаа діаконства (слѣдуетъ малая ектинія, послѣ которой митрополитъ читалъ мо-

вятъ (ранги императоровъ). (Послѣ этого) секретъ выходитъ, патрикіи становятся, какъ въ консисторіи [1]), въ портикѣ 19 аккувитовъ, прочіе же члены синклита выходятъ и становятся на ступени ареи [2]) по обѣ стороны иліака [3]), скипетры же [4]) и лавуры [5]), вся утварь и крестъ помѣщаются въ трибуналѣ, гдѣ находятся партіи Ипподрома [6]). Въ трибуналѣ ставятъ антиминсъ [7]), на которомъ лежатъ хламиды съ застежками и вѣнцы, называемые кесарскими коронами [8]). Императоры выходятъ вмѣстѣ съ патріархомъ, ихъ принимаютъ патрикіи [9]) въ портикѣ, сопровождая ихъ, выходятъ въ трибуналъ и становятся на ступеняхъ по обѣ стороны, императоры же восходятъ въ иліакъ съ патріар-

---

[1]) Т. е., какъ въ торжественныхъ собраніяхъ (проф. Бѣляевъ, Byzantina, II, 31, прим. 1).

[2]) Арея—трибуналъ 19 аккувитовъ, состоявшій, какъ предполагаетъ проф. Бѣляевъ, подобно всѣмъ трибуналамъ, изъ открытой обширной площади и возвышеннаго мѣста—трибуны (тамъ же, I, 113).

[3]) Иліакомъ назывались дворы или площадки, прилегавшіе къ большимъ заламъ (тамъ же I, 17, прим. 1); въ данномъ случаѣ Иліакъ—площадка трибунала 19 аккувитовъ (тамъ же, I, 113—115).

[4]) Скипетры - знамена, родъ хоругвей (тамъ же, II, 70, прим. 1).

[5]) Лавуръ – знамя, сдѣланное Константиномъ Великимъ по образу видѣннаго имъ на небѣ (тамъ же, II, 70, прим. 1).

[6]) О значеніи словъ: Λαός и Δῆμος см. назв. тр. проф. Бѣляева, I, 66—69.

[7]) Антиминсъ—переносный престолъ (тамъ же, II, 174, прим. 1).

[8]) О нихъ см. назв. тр. проф. Бѣляева, II, 21, прим. 2.

[9]) Патрикіи—высшіе чины византійской имперіи (тамъ же II, 11; Schlumberger, Sigillographie de l'Empire Byzantin, pag. 563).

литву: „Господи Боже нашъ, Царю царствующимъ“.....). и по молитвѣ велит к себѣ митрополитъ с налоя принести бармы двѣма архімандритом. да веземъ их дастъ великомоу князю. и знаменаетъ митрополит вноука крестомъ. и князь великы бармы положитъ на внука. и митрополит глаголетъ. миръ всѣмъ и діакон. господу помолимся. и митрополитъ глаголеть молитву сію („Тебѣ единому Царю человѣкомъ“....). и по аминѣ. велитъ къ себѣ митрополит съ налоа принести шапкоу двѣма архимандритомъ. да веземь еѣ дасть великомоу князю. и знаменаеть митрополит вноука крестомъ глаголя. во имя отца и сына и святого духа. и князь велики положит шапкоу на внука. и митрополитъ благословить вноука роукою. і архіепископъ, и епископы въшед на мѣсто да благословять внука роуками. и митрополитъ, и князь велики сядут на своих мѣстѣх. а вноукоу князь велики велит сѣсти подлѣ собя. и сидѣвь мало митрополить. и князь великы. и вноукъ въстаноут. и діаконъ начнет октенію (слѣдуетъ ектинія). по октеніи глаголеть молитву митрополитомъ, и тотчасъ императоръ обращается съ рѣчью къ партіямъ Ипподрома, если пожелаетъ, и партіи Ипподрома, если имѣютъ что сказать, говорятъ. (Затѣмъ) императоръ приказываетъ препозиту и магистру, они удаляются и приводятъ долженствующихъ быть рукоположенными въ дивитисіяхъ и кампотубахъ [1]). Хламиды и пряжки поверхъ нихъ, а по сторонамъ хламидъ кесарскіе вѣнцы, лежатъ на антиминсѣ, предъ которымъ становится патріархъ, императоры же стоятъ по обѣ стороны антиминса, діаконъ сзади патріарха, а долженствующіе быть рукоположенными становятся позади діакона. Императоры и кесари берутъ свѣчи и зажигаютъ (ихъ), діаконъ произноситъ: „миромъ Господу помолимся“, императоръ же, ставъ лицомъ къ востоку, отвѣчаетъ: „Господи помилуй“. Когда діаконъ окончитъ ектинью, и партіи Ипподрома отвѣтятъ: „Тебѣ Господи“, патріархъ начинаетъ молитву „Господи Боже“, и когда дочитаетъ молитву до словъ: „нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“, и партіи Ипподромы отвѣтятъ: „аминь“, беретъ хламиду съ пряжкой, сложенную извѣст-

---

[1]) Καμπότουβα—родъ голенищъ (Reiske, Com. ad De cer. a. B., pag. 265, s. v.).

літ (слѣдуетъ молитва). и по молитвѣ сядутъ митрополит. и великіе князи на своих мѣстѣх. и взыдеть на амбонъ священникъ, или діаконъ на то оуготованный". Съ амвона провозглашалось священникомъ или діакономъ многолѣтіе Іоанну III и его внуку, послѣ чего ихъ поздравляли всѣ присутствовавшіе. По принесеніи поздравленій митрополитъ произнесъ поученіе нововѣнчанному, сошелъ съ великими князьями съ возвышенія, совершилъ отпускъ молебну, благословилъ крестомъ великихъ князей и дѣтей Іоанна III и началъ литургію. Послѣ литургіи Димитрій Іоанновичъ въ шапкѣ и бармахъ обходилъ кремлевскіе соборы, гдѣ при входѣ его священники благословляли крестомъ и произносили ектиніи. У дверей соборовъ, при выходѣ, великаго князя осыпали трижды золотыми и серебряными монетами [1]).

нымъ образомъ, и даетъ ее веститорамъ [2]), которые тотчасъ разворачиваютъ ее и держатъ предъ императорами. (Тогда) препозитъ и магистръ подводятъ производимыхъ и ставятъ ихъ предъ императорами, которые простираютъ руки, берутъ хламиду, возлагаютъ ее на кесарей и цѣлуютъ ихъ, партіи же Ипподрома или пѣвчіе возглашаютъ: „счастливо, счастливо", и партіи Ипподрома возглашаютъ тоже трижды. Тогда патріархъ осѣняетъ народъ по обычаю трижды крестнымъ знаменіемъ и произноситъ: „миръ всѣмъ", партіи же Ипподрома отвѣчаютъ: „и духови твоему"; (послѣ этого) діаконъ возглашаетъ: „главы наша Господу преклонимъ", партіи же Ипподрома (отвѣчаютъ): „Тебѣ Господи" и наклоняютъ немного главы, что дѣлаютъ также патріархъ, императоры и кесари, и читаетъ патріархъ вторую молитву. По окончаніи ея партіи Ипподрома произносятъ „аминь", а патріархъ беретъ кесарскія короны и даетъ императорамъ, которые берутъ эти короны, цѣлуютъ ихъ, приказываютъ кесарямъ тоже цѣловать ихъ, крестообразно осѣняютъ ими главы кесарей, произнося имя св. Троицы, и возлагаютъ корону на главу хиротонисуемаго кесаря; тогда партіи Ипподрома, весь народъ и пѣвчіе возглашаютъ трижды: „счастливо,

[1]) Барсовъ, назв. трудъ, 32—38.

[2]) Веститоры—чиновники, обязанность которыхъ заключалась главнымъ образомъ въ облаченіи императоровъ въ парадныя одежды и разоблаченіи (проф. Бѣляевъ, Byzantina, I, 167).

счастливо. счастливо“; партіи Ипподрома (снова возглашаютъ) трижды „счастливо“, а пѣвчіе (поютъ): „многія лѣта императорамъ, NN великимъ императорамъ многія лѣта, богоизбраннымъ императорамъ“ и прочее по порядку. По окончаніи славословія и нареченія кесарей императоры съ патріархомъ и кесарями отправляются въ триклинъ 19 аккувитовъ, и садятся въ креслахъ, имѣя кесарей по обѣ стороны“ [1]).

Сопоставленіе обряда вѣнчанія внука Іоанна III съ кесарской хиротоніей обнаруживаетъ сходство между этими обрядами при томъ различіи, которое должно быть, если принять во вниманіе разницу, съ одной стороны, между обязанностями государя и византійскаго кесаря, съ другой—между византійскими придворными обычаями и русскими. Какъ великокняжеское вѣнчаніе, такъ и кесарская хиротонія начинались ектиніею, произносимою діакономъ. По произнесеніи ектиніи митрополитъ читалъ молитву, чтеніе молитвы патріархомъ послѣ ектиніи слѣдовало и въ кесарской хиротоніи [2]). Послѣ молитвы архимандриты подносили митрополиту бармы, которыя онъ передавалъ Іоанну III для возложенія на внука, знаменуя послѣдняго крестомъ; по обряду кесарской хиротоніи патріархъ послѣ молитвы бралъ кесарскую хламиду и чрезъ веститоровъ передавалъ императорамъ, которые возлагали ее на кесаря. Какъ митрополитъ, послѣ возложенія Іоанномъ III бармъ на внука, такъ и патріархъ, послѣ возложенія императорами кесарской хламиды на хиротонисуемаго, возглашали „миръ всѣмъ“. Послѣ этого возгласа діаконъ по обряду вѣнчанія внука Іоанна III произносилъ „Господу помолимся“, вмѣсто чего по обряду хиротоніи кесаря діаконъ возглашалъ „главы наша“... За этими возгласами діаконовъ слѣдовало чтеніе вторыхъ молитвъ митрополитомъ и патріархомъ, послѣ чего митрополитъ принималъ поднесенный архимандритами великокняжескій вѣнецъ, передавалъ

[1]) De cer. a. B., ed. B., I, 43, pag. 217. Описаніе обряда хиротоніи кесарей повторено въ той же 43 главѣ I книги въ отдѣлѣ, гдѣ изложены актологіи (возгласы и пѣснопѣнія), произносимыя при хиротоніи кесарей, съ тѣмъ только отличіемъ, то на возгласъ діакона „миромъ Господу помолимся“ отвѣчаетъ не императоръ, но димоты (ibid. pag. 224).

[2]) Разница въ содержаніи этихъ молитвъ должна была существовать, потому что великій князь долженъ былъ государствовать.

его Іоанну III и въ то время, когда тотъ возлагалъ вѣнецъ на внука, знаменовалъ послѣдняго крестомъ произнося: „во Имя Отца"...: также и патріархъ, послѣ чтенія второй молитвы, бралъ кесарскій вѣнецъ, передавалъ его императору, который возлагалъ вѣнецъ на хиротонисуемаго произнося имя св. Тройцы. Возложеніемъ кесарскаго вѣнца на хиротонисуемыхъ и возгласами партій Ипподрома и пѣвчихъ заканчивался обрядъ кесарскаго вѣнчанія. По обряду великокняжескаго вѣнчанія внука Іоанна III, послѣ возложенія на вѣнчаемаго шапки, слѣдовала еще ектинія, послѣ которой митрополитъ читалъ молитву. По окончаніи чтенія молитвы митрополитомъ было провозглашено многолѣтіе Іоанну III и внуку его. Поученіемъ митрополита къ внуку закончился обрядъ великокняжескаго вѣнчанія.

Сличая обряды великокняжескаго вѣнчанія и кесарской хиротоніи видимъ сходство ихъ, при томъ однако отличіи, что обрядъ вѣнчанія заключаетъ въ себѣ ектинію и молитву, которыхъ нѣтъ въ обрядѣ хиротоніи, и поученіе митрополита къ вѣнчанному внуку Іоанна III. Что касается поученія митрополита къ нововѣнчанному, то нѣчто подобое находимъ и въ Византіи. Въ De cer. а. В. изложенъ обрядъ назначенія императоромъ какого либо лица въ доместики школъ [1]), стратиги, друнгаріи [2]) флота или въ другіе какіе либо оффикіаліи (сановники). Здѣсь находимъ поученіе, которое читалъ императоръ назначаемому на ту или другую должность: со страхомъ Божіимъ, по правдѣ и справедливости исполнять свои обязанности, быть неподкупнымъ, нелицепріятнымъ и т. п. [3]). Подобнымъ образомъ и митрополитъ наставлялъ по совершеніи обряда вѣнчанія внука Іоанна III: имѣть страхъ Божій въ сердцѣ, любить правду, милость и судъ правый, оказывать послушаніе дѣду и т. п. [4]). Существующая разница въ

---

[1]) Доместикъ школъ — начальникъ гвардейскихъ отрядовъ (проф. Бѣляева Byzantina, II, 11, прим. 4 и стр. 79).

[2]) Δρουγγάριος — начальникъ, буквально — начальникъ отряда (Schlumberger, Sigillographie de l'Empire Byzantin, 335).

[3]) II, 3, pag. 526.

[4]) Е. В. Барсовъ, назв. трудъ, 36.

содержаніи поученій митрополита къ великому князю и византійскаго императора къ назначаемымъ на должности объясняется тѣмъ, что одно поученіе читалось государю, другое—должностнымъ лицамъ [1]).

Сличеніе обряда вѣнчанія на великое княженіе внука Іоанна III съ чиномъ вѣнчаній на царство византійскихъ царей подтверждаетъ мысль, что первое великокняжеское вѣнчаніе въ Москвѣ не имѣло своимъ источникомъ византійскій чинъ императорскаго вѣнчанія.

Отличіе обряда вѣнчанія внука Іоанна III отъ обряда византійскихъ императорскихъ коронованій отмѣчено было г. Поповымъ и проф. Покровскимъ, причемъ первый изъ названныхъ изслѣдователей, отмѣчая разныя черты обоихъ обрядовъ, указалъ и сходныя [2]). Эти сходныя черты, по нашему мнѣнію, объясняются тѣмъ, что чинъ перваго извѣстнаго намъ великокняжескаго вѣнчанія оброзовался изъ чина кесарской хиротоніи, а обряды императорскихъ вѣнчаній, хиротоній и чинопроизводствъ въ Византіи, при существенно разныхъ чертахъ, имѣли нѣчто и общее: въ нихъ принимала участіе церковь, какъ на коронуемыхъ, такъ и на хиротонисуемыхъ и производимыхъ въ тотъ или иной чинъ возлагались знаки ихъ новаго сана.

Обрядъ императорскаго византійскаго вѣнчанія, рѣзко отличаясь не только отъ чина великокняжескаго вѣнчанія внука

---

[1]) Производимымъ въ кувикуларіи читались поученія въ храмѣ св. Ѳеодора препозитомъ, который указывалъ производимымъ, что ими получается достоинство изъ рукъ Господа, и заповѣдывалъ имъ хранить страхъ Божій въ сердцѣ, вѣрность къ царю и царицѣ. (De cer. a. B. II, 24, pag. 623). Слѣдуетъ имѣть въ виду, что обрядъ кесарскаго рукоположенія упростился, когда, вслѣдствіе постепеннаго сокращенія предѣловъ византійской имперіи и обѣдненія ея, блескъ и роскошь византійскаго двора уменьшились. Кодинъ, сообщая о пониженіи кесарскаго сана (De officiis, cap. II, pag. 7, ed. Bon.) передаетъ, что нареченіе въ кесари происходило подобно нареченію въ деспоты, съ тѣмъ только отличіемъ, что на главу кесаря не возлагался вѣнецъ (ibid. cap. XIX, pag. 101). По описанію Кодина, императоръ только возлагалъ на получающаго санъ деспота вѣнецъ, предварительно произнося: „Царство мое возводитъ тебя въ деспоты“, послѣ чего удалялся въ свои покои (ibid. cap. XVIII, pag. 99).

[2]) Назв. труды г. Попова: „Богосл. В.“, 1896 г. май, 187, и проф. Покровскаго: „Церк. В.“, 1896 г., май, № 18, 575.

Іоанна III, но и отъ чиновъ царскихъ вѣнчаній московскихъ государей, наглядно рисуетъ идею власти византійскаго императора; идея эта, легшая въ основу обряда императорскаго вѣнчанія въ Византіи, придаетъ обряду этому характеръ, какого не имѣли царскія вѣнчанія московскихъ государей.

Обрядъ коронованія византійскихъ императоровъ слагался постепенно, подобно обряду вѣнчаній на царство московскихъ государей [1]).

Обрядъ этотъ возникъ изъ римскаго языческаго обряда провозглашенія императора и постепенно слагавшагося чина церковнаго вѣнчанія. Такія части этого обряда ясно видны въ первыхъ извѣстныхъ намъ коронаціяхъ византійскихъ императоровъ, описанныхъ въ De cer. a. B.; изъ этихъ коронацій древнѣйшею была коронація Льва I Великаго въ 457 г. [2]).

---

[1]) Эта постепенность отмѣчена въ изслѣдованіяхъ г. Попова (назв. тр. „Богосл. В." 1896 г., апр., 62) и проф. Покровскаго (назв. тр. „Церк. В." 1896 г. апр., № 17, 540).

[2]) Горскій и г. Поповъ видятъ указаніе на болѣе раннее участіе патріарха въ императорскомъ коронованіи въ Церковной исторіи бл. Θеодорита (Горскій, назв. тр., 2; г. Поповъ, назв. тр., „Бог. В." 1896 г., апр., 62). Бл. Θеодоритъ передаетъ, что императоръ Θеодосій, будучи еще стратигомъ, видѣлъ во снѣ предстоятеля антіохійской церкви Мелетія, возлагавшаго на него царскую хламиду и царскій вѣнецъ. Вскорѣ послѣ этого сновидѣнія императоръ Граціанъ рукоположилъ Θеодосія въ императоры. „Доблестнѣйшій стратигъ Θеодосій, говоритъ бл. Θеодоритъ, оставаясь тамъ (при императорѣ Граціанѣ), увидѣлъ удивительный сонъ, явленный ему, несомнѣнно, самимъ Богомъ всѣхъ: Θеодосію казалось, будто онъ видитъ божественнаго Мелетія, предстоятеля антіохійской церкви, возлагающаго на него царскую хламиду и украшающаго главу его такимъ же вѣнцомъ. Видѣнное имъ во снѣ онъ повѣдалъ утромъ одному изъ ближнихъ своихъ, который ему сказалъ, что сонъ ясенъ, и не заключаетъ въ себѣ ничего загадочнаго или двусмысленнаго (далѣе разсказывается, что посланные Граціаномъ узнать, дѣйствительно ли Θеодосій отразилъ варваровъ, возвратились и донесли Граціану, что Θеодосій убилъ десять тысячъ варваровъ)... Императоръ, увѣрившись, что онъ не ошибся въ назначеніи Θеодосія полководцемъ, рукоположилъ (κεχειροτόνηκε) его въ императоры и далъ ему власть надъ частью Валента" (Migne, P. C. C., ser. gr., t. 82, lib. V, cap. VI, pag. 1205). Такъ какъ Θеодосію, по свидѣтельству бл. Θеодорита, только снилось, будто онъ вѣнчанъ былъ предстоятелемъ антіохійской церкви, то древнѣйшимъ намъ извѣстнымъ императорскимъ коронованіемъ, въ которомъ

По смерти императора Маркіана, говоритъ описатель этой древнѣйшей коронаціи, выборъ синклита палъ на Льва. Для провозглашенія его императоромъ собрались на полѣ власти, гвардія, солдаты и архіепископъ константинопольскій Анатолій; лавуры и знамена были положены на землю. Послѣ восклицаній собравшихся: „услыши, Господи, Тебя просимъ; услыши, Господи: даруй Льву жизнь, да царствуетъ Левъ; Льва требуетъ вселенная“ и т. п., взошелъ на возвышеніе Левъ, и на главу его возложилъ ожерелье кампидукторъ [1]) Бусалгъ, другое же ожерелье вложилъ ему въ правую руку Олимпій, также кампидукторъ. Тогда лавуры были подняты съ земли при восклицаніяхъ: „Левъ августъ, ты побѣдитель, ты благочестивъ“ и т. д., „Богъ тебя далъ, Богъ тебя сохранитъ“ и т. д. Левъ, закрытый щитами, на возвышеніи облачился въ императорскую одежду, послѣ чего съ діадимой на головѣ, щитомъ и копьемъ въ рукахъ, явился всѣмъ присутствовавшимъ на полѣ, которые привѣтствовали его восклицаніями; привѣтствовавшимъ его онъ произнесъ рѣчь, прерываемую восклицаніями. Въ рѣчи своей Левъ обѣщалъ усердно работать на пользу имперіи и, въ ознаменованіе достиженія имъ священной императорской власти, объявилъ раздачу денегъ. Послѣ новыхъ восклицаній присутствовавшихъ Левъ отправился въ походную церковь, гдѣ находились священники и гдѣ онъ молился, послѣ чего сѣлъ на коня и въ сопровожденіи властей поѣхалъ къ храму св. Іоанна Крестителя; въ мутаторіи этого храма Левъ снялъ вѣнецъ, передалъ его препозиту и направился къ св. жертвеннику, на который возложилъ поданный препозитомъ вѣнецъ и, чрезъ нѣсколько времени, снова взялъ его и передалъ препозиту. Въ мутаторіи Левъ возложилъ на себя вѣ-

приняла участіе церковь, слѣдуетъ считать коронованіе Льва I Великаго. Въ пользу мнѣнія Горскаго и г. Попова, что церковь въ лицѣ патріарха антіохійскаго приняла участіе въ коронованіи Θеодосія, нельзя провести предположенія, что Θеодосію не снилось бы вѣнчаніе его патріархомъ, если бы представители церкви не принимали участія въ императорскихъ коронованіяхъ, потому что, въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы допустить, что представители церкви возлагали вѣнцы на императоровъ, предшественниковъ Θеодосія, и такимъ образомъ, коронованіе Θеодосія не было первымъ, въ которомъ приняла участіе церковь въ лицѣ одного изъ представителей ея.

[1]) Кампидукторъ—авангардный офицеръ, колонновожатый (Проф. Бѣляева Byzantina, II, 70, прим. 1).

нецъ и отправился во дворецъ, гдѣ переоблачился въ кампеи [1]), бѣлый златотканный дивитисій и пурпуровую хламиду. Послѣ этого онъ сѣлъ въ колесницу, предъ которой несли крестъ и кошельки [2]), и отправился на форумъ Константина, гдѣ его встрѣтили ипархъ и синклитъ. Тутъ первый изъ синклита и ипархъ поднесли Льву золотую корону. Съ форума Левъ отправился въ церковь, въ мутаторіи которой снялъ вѣнецъ и возложилъ его на св. жертвенникъ, какъ въ храмѣ св. Іоанна Крестителя, послѣ чего вошелъ въ мутаторій [3]) и слушалъ тамъ чтеніе св. Евангелія. Императоръ, если желалъ, пріобщался св. Таинъ и удалялся, по возложеніи на него вѣнца епископомъ, во дворецъ [4]).

Описавъ обрядъ провозглашенія Льва I, Петръ Магистръ [5]) замѣчаетъ, что въ его время провозглашенія императоровъ происходили въ Ипподромѣ, и излагаетъ цѣлый рядъ провозглашеній императоровъ Византіи, дабы, какъ говоритъ онъ, каждый императоръ, въ случаѣ надобности, выбиралъ такой обрядъ, который ему наиболѣе нравился и казался болѣе подходящимъ [6]).

Петромъ Магистромъ описаны провозглашенія императоровъ: Анастасія I, Юстина I, Льва Младшаго и Юстиніана I [7]). Эти описанія, дополненныя другими извѣстіями о коронованіяхъ византійскихъ императоровъ, даютъ возможность прослѣдить образованіе коронаціоннаго обряда въ Византіи. Процессъ этого образованія заключается въ томъ, что церковь, въ лицѣ константинопольскаго патріарха, принимала все болѣе и болѣе участія въ обрядѣ императорскаго коронованія. Видное мѣсто занялъ патріархъ въ обрядѣ коронованія императора Анастасія I: послѣ гражданскаго обряда вѣнчанія патріахъ Евфимій въ триклинѣ читалъ надъ Анастасіемъ

[1]) Καμπαῖα — genus indumenti, quod crura et genua tegit — покровъ для голеней и колѣнъ (Reiske, Com. ad De cer. a. B., 419).

[2]) О значеніи Περσίκια см. Reiske, Com. ad De cer. a. B., 386.

[3]) Παρατίκλιν — мутаторій (проф. Бѣляева Byzantina, II, 130, прим. 1).

[4]) De cer. a. B. I, 91, pag. 410 sqq.

[5]) Петръ Магистръ — современникъ Юстиніана I; о немъ у Reiske въ Præf. ad De cer. a. B. XVII, и у проф. Бѣляева въ Byzantina, II, XXXI.

[6]) De cer. I, 91, pag. 417.

[7]) Тамъ же, I, 92—96, pag. 417—440. Обрядъ провозглашенія Никифора Фоки присоединенъ былъ къ описаннымъ современникомъ Юстиніана I при позднѣйшей редакціи De cer. a. B. (проф. Бѣляевъ, Byzantina, II, XXXI).

молитву при пѣніи: „Господи помилуй“ и возложилъ на него императорскую хламиду и вѣнецъ [1]).

Изслѣдователи коронаціоннаго чина русскихъ государей отмѣчаютъ еще одну подробность коронованія Анастасія, сообщаемую историкомъ Евагріемъ: патріархъ потребовалъ отъ Анастасія, предъ вѣнчаніемъ его, рукописнаго клятвеннаго обѣщанія, что онъ сохранитъ вѣру чистою и не введетъ ничего новаго въ церковь. Такое обѣщаніе взято былъ съ Анастасія потому, что его подозрѣвали въ ереси [2]).

Примѣру патріарха Евфимія послѣдовали другіе патріархи: Катаевъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ послѣдующихъ коронованій византійскихъ императоровъ, отъ которыхъ патріархи требовали клятвенныхъ обѣщаній сохранять вѣру чистою и не вносить раздора въ церковь [3]). Такимъ образомъ клятвенное обѣщаніе вступающаго на престолъ императора Византіи хранить вѣру въ чистотѣ вошло въ коронаціонный обрядъ, какъ постоянная и составная часть его [4]).

Провозглашеніе Анастасія произошло въ Ипподромѣ, при провозглашеніи Анастасій былъ поднятъ на щитѣ [5]). Предъ провозглашеніемъ высшіе чины и синклитъ потребовали отъ Анастасія клятвеннаго обѣщанія, что онъ ни къ кому не будетъ питать злобы и будетъ справедливо управлять государствомъ [6]).

Обряды коронованій Юстина I, Льва Младшаго, Юстиніана I и Никифора Фоки ничѣмъ существенно важнымъ не отличаются отъ обряда коронованія императора Анастасія I. Петръ Магистръ, говоря о коронованіи Юстиніана I, отмѣтилъ, что коронованіе его произошло не въ Ипподромѣ, но въ дельфакѣ [7]), а описатель провозглашенія императора Никифора Фоки, въ разсказѣ объ этомъ провозглашеніи, упомянулъ, что оно произошло на полѣ при Ке-

[1]) Тамъ же, I, 92, pag. 423.

[2]) Назв. тр. Катаева, 55; г. Попова, „Богосл. В.“ 1896 г., апр., 64; проф. Покровскаго, „Церк. В.“ 1896 г., апр., № 17, 541.

[3]) Назв. тр., 56.

[4]) Назв. тр. Катаева, 57; г. Попова, „Богосл. Вѣст.“ 1896 г., апр., 64.

[5]) Подняты были на щитѣ при провозглашеніи императоры Юстинъ I и Никифоръ Фока (De cer. a. B. I, 93, pag. 427, 429; 96, pag. 434).

[6]) De cer. a. B. I, 92, pag. 422.

[7]) Тамъ же, I, 95, pag. 433. Дельфакъ—дворцовая палата (проф. Бѣляевъ, Byzantina, I, 117, прим. 2).

саріи Каппадокійской, и что провозглашенный императоромъ Никифоръ Фока не возложилъ на себя вѣнецъ и императорскую одежду но сталъ носить только красную обувь [1]).

Провозглашавшіе императоровъ привѣтствовали ихъ восклицаніями. При провозглашеніи Льва I восклицали: „Льва ждетъ вселенная“ и т. п.; при провозглашеніи Анастасія I—„православнаго царя для вселенной; Царь небесный, даруи намъ несребролюбиваго земного царя для вселенной; прекрасная пасха [2]) вселенной“ и т. п.; при провозглашеніи Юстина I—„Богомъ даннаго царя для вселенной (просимъ), да хранитъ Богъ христіанскаго царя—молитвы всей вселенной“ и т. п.; при провозглашеніи Никифора Фоки—„Никифора ждетъ вселенная и т. п.“ [3]).

Кромѣ обрядовъ коронованій императоровъ: Льва I, Анастасія I, Юстина I, Льва Младшаго, Юстиніана I и Никифора Фоки въ De cer. a. B. изложенъ одинъ общій обрядъ коронованія императора подъ заглавіемъ: „что слѣдуетъ соблюдать при коронованіи императора“. Этотъ обрядъ коронованія, какъ первый общій обрядъ, достоинъ особеннаго вниманія. „Когда все изготовлено“, говоритъ описатель этого обряда, „императоръ выходитъ изъ августея [4]) въ скарамангіи [5]) и пурпуровомъ плащѣ, сопровождаемый кувикуляріями, и идетъ въ оноподъ [6]), гдѣ происходитъ первый пріемъ патрикіевъ, и (гдѣ) по возгласу церемоніарія „повелите“ (послѣдніе) восклицаютъ: „на многія добрыя времена“. Затѣмъ (всѣ) отправляются къ большой консисторіи [7]), гдѣ становятся въ должномъ порядкѣ [8]) ипаты [9]) и прочіе синклитики [10]), императоры же

[1]) Тамъ же, I, 96, pag. 434. Красную обувь носили только императоры Византіи (Reiske, Com. ad De cer. a. B., pag. 453).

[2]) Пасха — радость (Reiske, Com., pag. 437).

[3]) De cer. a. B., I, pag. 410, 418, 419, 420, 425, 427, 430, 439.

[4]) Августей — тронная зала (проф. Бѣляевъ, Byzantina, I, 100).

[5]) Скарамангій — верхняя одежда (тамъ же, II, 7, прим. 4).

[6]) Оноподъ — неизвѣстное помѣщеніе дворца (тамъ же, 1, 108).

[7]) Большая консисторія — тронная зала (тамъ же, I, 118).

[8]) Ἵστανται κονσιστώριον — по объясненію проф. Бѣляева — становятся въ должномъ порядкѣ, соотвѣтственно рангу (тамъ же, I, 117).

[9]) Ипатъ — одинъ изъ чиновъ синклита (Schlumberger, op. cit., p. 475).

[10]) Въ составъ синклита, принимавшаго участіе въ церемоніяхъ, входили всѣ чиновники отъ кесаря до стратилата (проф. Бѣляевъ, Byzantina, II, 66, прим. 1 и I, 170, прим. 2).

становятся на тронѣ подъ балдахиномъ, и падаютъ ницъ предъ ними всѣ синклитики вмѣстѣ съ патрикіями; когда они встанутъ, императоры даютъ знакъ препозиту, силенціарій [1]) провозглашаетъ „повелите" и всѣ восклицаютъ: „на многія и благія времена". (Послѣ этого) императоры отправляются въ церковь чрезъ школы [2]), партіи же Ипподрома, переоблачившись, остаются на своихъ мѣстахъ, осѣняя ихъ (императоровъ) только крестнымъ знаменіемъ. Когда императоръ войдетъ въ орологій [3]), поднимается завѣса, и онъ входитъ въ мутаторій, гдѣ облачается въ дивитисій и цицакій [4]), и набрасываетъ на себя плащъ; облачившись, императоръ отправляется съ патріархомъ и зажигаетъ свѣчи у серебряныхъ дверей, (затѣмъ) входитъ во храмъ, всходитъ на солею, молится у св. вратъ и зажигаетъ свѣчи, (послѣ чего) всходитъ на амвонъ вмѣстѣ съ патріархомъ. Патріархъ надъ хламидой произноситъ молитву, по окончаніи которой чины кувуклія поднимаютъ хламиду и облачаютъ въ нее императора. (Затѣмъ) патріархъ опять произноситъ молитву надъ вѣнцомъ императора, послѣ молитвы беретъ вѣнецъ и возлагаетъ его на главу императора, партіи же Ипподрома тотчасъ восклицаютъ трижды: „святъ, святъ, святъ, слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ", затѣмъ— „N великому императору и самодержцу многія лѣта" и проч. [5]). Императоръ, имѣя вѣнецъ на главѣ, сходитъ (съ амвона) и отправляется въ мутаторій, садится (тамъ) въ кресла, (туда) входятъ чины и, падая предъ нимъ ницъ, цѣлуютъ колѣни его (далѣе въ текстѣ слѣдуетъ перечень чиновъ). Препозитъ возглашаетъ: „повелите", (всѣ чины) восклицаютъ: „на многія и благія времена" и выходятъ". Описаніе обряда коронованія заканчивается замѣча-

[1]) Силенціаріи — подчиненные церемоніарія (Reiske, Com. 77).

[2]) Школами назывались помѣщенія для гвардейскихъ отрядовъ (проф. Бѣляевъ, Byzantina, I, 115).

[3]) Орологіемъ назывался портикъ хрисотриклина (золотой палаты—тронной залы), въ которомъ находились часы (проф. Бѣляевъ, Byzantina, I, 21 и 162).

[4]) Цицакій — родъ плаща или хламиды (тамъ же, II, 199 и прим. 1).

[5]) Молитвы, которыя читалъ патріархъ при совершеніи обряда императорскаго коронованія, у Goar'a, Εὐχολόγιον, pag. 924, an. 1647.

ніемъ, что императоръ принималъ св. дары послѣ своего коронованія такъ, какъ пріобщался по праздникамъ [1]).

Этотъ обрядъ вѣнчанія императоровъ Византіи, содержащій въ себѣ только церковную часть коронованія, относятъ къ X в. [2]).

Проф. Покровскій высказалъ предположеніе, что обрядъ этотъ, какъ церковный чинъ, представлялъ собою уже нѣчто цѣльное, но г. Поповъ прибавилъ къ нему одну подробность изъ прежнихъ чиновъ коронованія византійскихъ императоровъ: исповѣданіе вѣры и обѣщаніе хранить православіе, произносимыя императоромъ предъ совершеніемъ обряда коронованія. Такимъ образомъ г. Поповъ не считаетъ этотъ чинъ вполнѣ передающимъ церковный обрядъ вѣнчанія императора въ X в. [3]). Къ такому мнѣнію относительно этого чина можетъ привести отсутствіе упоминанія въ немъ о миропомазаніи императора [4]).

[1]) De cer. a. B. I, 38, pag. 191 sqq. Самое подробное описаніе принятія св. причастія императоромъ находится, какъ вѣрно замѣтилъ проф. Бѣляевъ (Byzantina. II, 175, прим. 1), въ описаніи рождественскаго обряда. Императоръ, по этому описанію, когда наступало время для принятія св. причастія, выходилъ изъ мутаторія въ сопровожденіи находившихся при немъ чиновъ и подходилъ къ патріарху, два остіарія держали развернутый платъ, императоръ принималъ въ руки Тѣло Христово, сходилъ съ возвышенія, трижды крестился и пріобщался; послѣ этого императоръ снова всходилъ на возвышеніе, остіаріи развертывали платъ, и онъ принималъ отъ патріарха Кровь Христову; пріобщившись, императоръ сходилъ съ возвышенія и, помолившись, кланялся патріарху, а патріархъ ему, послѣ чего удалялся въ мутаторій (De cer. a. B. I, 23, pag. 134). Что касается вопроса о мѣстѣ, гдѣ пріобщались обыкновенно императоры, то проф. Бѣляевъ приходитъ къ заключенію, что императоры принимали св. дары не въ алтарѣ, но предъ алтаремъ. Въ алтарѣ пріобщались императоры въ день коронованія (Byzantina, II, 173, 177 и примѣчанія къ этимъ стран.).

[2]) Назв. тр. Горскаго, 6; г. Попова, „Богосл. В.“ 1896 г., апр., 65; проф. Покровскаго, „Церк. В.“ 1896 г., № 17, 541.

[3]) Назв. труды, тамъ же.

[4]) Изслѣдователи коронаціоннаго чина русскихъ государей обращаютъ вниманіе на неупоминаніе о миропомазаніи коронуемаго императора въ чинѣ, относимомъ къ X в. Горскій указываетъ, что упоминаніе о миропомазаніи византійскихъ императоровъ относится ко времени не ранѣе X в. (назв. тр., 8); г. Поповъ на этомъ основаніи относитъ появленіе миропомазанія въ чинѣ вѣнчанія византійскихъ императоровъ ко второй половинѣ X в. (назв. тр., 68); проф. Покровскій, имѣя въ виду указанія на отдѣльные случаи миропомазанія импе-

Краткимъ и несложнымъ представляется изложенный въ De cer. a. B. чинъ императорскаго коронованія, относящійся ко времени не позже второй половины X в., эпохѣ могущества византійской имперіи, сравнительно съ тѣми чинами императорскаго коронованія, которые относятся ко времени послѣ возстановленія византійской имперіи, когда она находилась въ упадкѣ.

Наиболѣе полный чинъ императорскаго вѣнчанія описанъ былъ впервые по времени императоромъ Іоанномъ Кантакузеномъ (перв. полов. XIV в.). Чинъ этотъ, какъ наиболѣе полный, важенъ для сравненія его съ обрядами вѣнчаній на царство московскихъ государей, поэтому представляемъ его въ переводѣ.

„По наступленіи дня, въ который заранѣе назначено было миропомазать императора, не только всѣ состоящіе въ чинахъ, высшіе сановники и войско, но и всѣ лица, имѣющія отношеніе къ церковному управленію этого новаго Рима, а также весь народъ (города) Константинополя—всѣ они съ разсвѣтомъ должны быть у дворца. Не позже второго часа того же дня, императора, котораго надлежитъ миропомазать, стоящаго на щитѣ, поднявъ его какъ можно выше, показываютъ толпѣ, стоящей со всѣхъ сторонъ,

раторовъ ранѣе X в., предполагаетъ, что отсутствіе упоминанія о миропомазаніи въ цѣльныхъ чинахъ заставляетъ думать, что миропомазаніе не составляло необходимаго элемента въ составѣ византійскаго коронаціоннаго чина X в. (назв. тр., стр. 542). Только Катаевъ указалъ на трудность рѣшенія вопроса, когда миропомазаніе вошло въ составъ коронаціоннаго обряда византійскихъ императоровъ (назв. тр., 63). Авторитетное соображеніе по этому вопросу высказалъ проф. А. С. Павловъ. По его мнѣнію миропомазаніе византійскихъ императоровъ совершалось ранѣе X в. Проф. Павловъ указалъ, что въ толкованіи Вальсамона на 12 правило Анкирскаго собора сказано, что патріархъ Полієвктъ, миропомазавъ Іоанна Цимисхія, снялъ съ него грѣхъ убійства императора Никифора Фоки, при чемъ Вальсамономъ добавлено, что какъ цари, такъ и архіереи называются помазанниками Божіими и на самомъ дѣлѣ суть помазанники (Χριστοὶ κύριοι, Patr. C. C., ser. gr., t. 137, стр. 1156). Отмѣтивъ, что императоры Византіи по причинѣ миропомазанія назывались Χριστοὶ κύριοι, проф. Павловъ указалъ, что такое названіе усвоялось императорамъ и до X в. Это мнѣніе высказано было проф. Павловымъ, когда предлагаемое изслѣдованіе обрядовъ вѣнчаній на царство московскихъ государей читано было въ засѣданіи историко-филологическаго общества при Харьковскомъ Университетѣ въ маѣ 1896 г. (см. отчетъ о дѣятельности назв. общества въ „Сборникѣ Харьк. Ист.-Фил. Об.“, т. IX, стр. XI).

императоръ-отецъ провозглашаемаго, если онъ есть, и патріархъ, держа переднія части щита, другія же (части щита) держатъ главнѣйшіе сановники: деспоты и севастократоры, если они находятся, или наиболѣе отличные изъ синклитиковъ. Послѣ привѣтственныхъ кликовъ присутствующихъ щитъ опускаютъ и императора ведутъ во храмъ, гдѣ долженъ совершиться священный обрядъ. Во храмѣ императора, который долженъ быть коронованъ, вводятъ въ деревянную комнату, устроенную для этого (т. е. на случай коронованія), и облекаютъ его въ порфиру и діадиму, ранѣе благословенныя архіереями, на главу же императора не возлагается что либо заранѣе назначенное, но или вѣнецъ или что либо иное, что опредѣлятъ тогда. Тѣмъ временемъ совершается богослуженіе. Около упомянутой комнаты (гдѣ облачается предъ коронованіемъ императоръ) заблаговременно устраивается помостъ, также деревянный, со всѣхъ сторонъ обложенный шелковыми красными покровами. На этомъ помостѣ, сообразно съ числомъ императоровъ, ставятся золотые троны не такъ, какъ обыкновенно, но возвышенные, съ четырьмя или пятью ступенями, по которымъ, выйдя изъ (деревянной) комнаты, всходятъ императоры на троны и садятся на нихъ, если императоръ не одинъ, но нѣсколько ихъ. Вмѣстѣ съ императорами всходятъ также императрицы и садятся на троны: коронованныя ранѣе—въ коронахъ, имѣющая же короноваться—въ вѣнцѣ. Предъ пѣніемъ божественнаго гимна Трисвятого изъ алтаря выходитъ патріархъ и всходитъ на амвонъ вмѣстѣ съ высшими чинами церковной іерархіи, облеченными въ священныя одежды, которыхъ онъ посылаетъ пригласить императоровъ. Тогда императоры встаютъ съ троновъ и идутъ на амвонъ. Глубокое молчаніе и тишину хранятъ всѣ присутствующіе. Патріархъ читаетъ составленныя на помазаніе царей молитвы: однѣ тихо, про себя, другія во всеуслышаніе, умилостивляя Бога къ миропомазуемому. Послѣ этого императоръ, котораго должно миропомазать, снимаетъ съ своей главы вѣнецъ (буквально—то, что на ней находится), для всѣхъ же присутствующихъ во храмѣ обычаемъ установлено стоять также съ непокрытыми головами. Патріархъ священнымъ миромъ крестообразно помазуетъ главу царя, громогласно провозглашая: „святъ“, стоящіе на амвонѣ, тотчасъ послѣ возгласа патріарха,

также возглашаютъ трижды: „святъ", а послѣ нихъ находящіеся въ церкви столько же разъ провозглашаютъ тоже. Послѣ этого корону, которую въ алтарѣ держатъ діаконы, облеченные въ священныя одежды (но не лежитъ корона, какъ нѣкоторые говорятъ, на св. трапезѣ), несутъ на амвонъ. Если находится императоръ ранѣе коронованный, то онъ, вмѣстѣ съ патріархомъ, беретъ корону и, вмѣстѣ съ нимъ, возлагаетъ ее на главу новаго императора, и произноситъ патріархъ: „достоинъ". Стоящіе на амвонѣ, вслѣдъ за тѣмъ, произносятъ тоже трижды, и всѣ находящіеся въ церкви также (возглашаютъ тоже), какъ при миропомазаніи. Послѣ этого патріархъ опять читаетъ молитвы, и императоръ сходитъ съ амвона, но не съ той стороны, съ которой взошелъ, а со стороны обращенной къ солеѣ. Если императоръ еще не женатъ, то всходитъ на помостъ и опять садится на тронѣ, если же у императора есть супруга, должно короновать также и ее. Для этого императрица встаетъ съ трона, и ее сводятъ съ помоста, поддерживая съ двухъ сторонъ, двое родственниковъ, а если ихъ нѣтъ, то столько же евнуховъ, и подведя ее къ солеѣ, останавливаются, императоръ же сходитъ (съ амвона), беретъ корону, которую держитъ одинъ изъ родственниковъ или евнуховъ приготовленною для императрицы, и возлагаетъ ее на главу своей супруги; тогда императрица предъ мужемъ и императоромъ преклоняется, признавая (тѣмъ свое ему) подданство. Патріархъ, стоя около солеи, читаетъ молитву за императора, императрицу и всякаго подданнаго. Такъ императоръ коронуетъ свою супругу. Если же императоръ былъ коронованъ ранѣе, то онъ коронуетъ свою супругу такимъ же образомъ во время таинства бракосочетанія. (Послѣ этого) вмѣстѣ всходятъ (императоръ и императрица) на помостъ и садятся на троны, богослуженіе же продолжается. Когда поется Трисвятое, или читаются апостольскія посланія или священныя писанія, императоръ и императрица встаютъ. По обѣ стороны храма, на деревянныхъ помостахъ, устроенныхъ для этого, становятся первые пѣвцы, называемые доместиками, а также другіе, принадлежащіе къ церковному чину и умѣющіе пѣть, которыхъ обыкновенно называютъ при такомъ священномъ обрядѣ пѣвчими, и поютъ пѣснопѣнія, нарочно сложенныя и соотвѣтствующія торжеству. Когда во время боже-

ственной службы начинается такъ называемый великій входъ. идутъ почтеннѣйшіе изъ діаконовъ церкви приглашать императора. Императоръ идетъ съ ними къ такъ называемому мѣсту предложенія, гдѣ лежитъ святое. Стоя предъ мѣстомъ предложенія, императоръ облачается въ золотую мантію, кромѣ діадимы и порфиры; въ правой рукѣ онъ держитъ крестъ, который обыкновенно держитъ все время, пока носитъ корону, въ лѣвую же руку ему влагаютъ акакію [1]); такимъ образомъ императоръ имѣетъ церковный чинъ такъ называемаго депутата [2]). Имѣя это (крестъ и акакію) въ рукахъ, императоръ идетъ впереди всего священнаго входа. По обѣ стороны императора, справа и слѣва, благолѣпно идутъ съ топорами называемые Варягами и благородные юноши, числомъ около ста, блестяще вооруженные или безоружные. Непосредственно за императоромъ слѣдуютъ въ порядкѣ діаконы и іереи, неся утвари, священные сосуды и самое святое. Обойдя по обычаю храмъ, всѣ подходятъ къ солеѣ и становятся предъ нею, только императоръ всходитъ на нее и подходитъ къ патріарху, стоящему у св. вратъ. Императоръ и патріархъ другъ друга привѣтствуютъ и становятся: патріархъ въ св. вратахъ, императоръ—предъ нимъ. Тогда тотъ, кто за императоромъ идетъ впереди другихъ діаконовъ, имѣя въ правой рукѣ кадило и въ лѣвой такъ называемый омофоръ патріарха, подходитъ къ императору и кадитъ ему. Императоръ наклоняетъ главу,

---

[1]) Подъ Νάρθηξ здѣсь слѣдуетъ разумѣть, повидимому, акакію, какъ и у Кодина въ De officiis, cap. XVII, p. 93 (см. проф. Бѣляева Byzantina, II, 287, прим. 2). Акакіями назывались свертки или мѣшечки, наполненные землею или прахомъ, которые императоры держали въ рукѣ. Позднѣйшіе писатели (Кодинъ и Симеонъ Ѳессалоникійскій) видѣли въ этомъ символъ смиренія императоровъ; императоры, по ихъ мнѣнію, держали въ рукѣ прахъ въ знакъ того, что они также смертные люди, которымъ предстоитъ обратиться въ прахъ (проф. Бѣляева Byzantina, II, 206, прим. 1).

[2]) Проф. Бѣляевъ указываетъ, что обязанность депутата состояла въ ношеніи свѣчи предъ архіереемъ; депутатъ же носилъ свѣчу на маломъ входѣ предъ евангеліемъ, а на большомъ — предъ св. дарами; званіе депутата ставило царя въ разрядъ церковнослужителей и давало ему вмѣстѣ съ званіемъ дефензора (защитника) церкви значительныя преимущества предъ міряками. Этими званіями, говоритъ проф. Бѣляевъ, мотивировалось, между прочимъ, право императора входить въ алтарь св. вратами и право причащенія подъ двумя видами отдѣльно (Byzantina, II, 165, прим. 1).

и діаконъ во всеуслышаніе произноситъ: „да помянетъ Господь Богъ силу царства вашего во царствіи своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“, добавляя и „аминь“. Тотчасъ затѣмъ и другіе діаконы и іереи, проходя мимо (императора), произносятъ тоже. По совершеніи этого императоръ привѣтствуетъ патріарха, снимаетъ мантію, которую уноситъ референдарій церкви [1] (таковъ обычай), всходитъ на возвышеніе и опять садится на тронѣ, вставая только при произнесеніи символа вѣры и молитвы „Отче нашъ“, а также при возношеніи св. Тѣла Христова. По совершеніи же возношенія императоръ, если не готовъ къ принятію св. причастія, сидитъ на тронѣ до окончанія божественной службы, если же готовъ, опять діаконы отправляются пригласить его, и императоръ тотчасъ съ ними входитъ въ алтарь, беретъ кадило и кадитъ св. престолъ, обращаясь сначала на востокъ, затѣмъ на сѣверъ, западъ и въ четвертыхъ на югъ. Покадивъ снова на востокъ, императоръ кадитъ патріарху, который привѣтствуетъ его, беретъ кадило изъ рукъ его и кадитъ ему. Затѣмъ, императоръ снимаетъ съ головы корону и передаетъ ее діаконамъ, патріархъ же кладетъ ему въ руки частицу Тѣла Христова. Вкусивъ его, императоръ пріобщается животворящей Крови, не лжицею, какъ міряне, но изъ самаго потира, по образцу священнослужителей, послѣ чего снова возлагаетъ корону на главу и выходитъ изъ алтаря. По окончаніи (богослуженія) императоръ получаетъ антидоръ во время раздачи его народу, благословляется патріархомъ и присутствующими архіереями, лобзаетъ ихъ десницы и отправляется въ такъ называемыя катихуменіи (верхнія галлереи), дабы его, всѣми издали видимаго, привѣтствовали. Послѣ этого императоръ и императрица сходятъ (съ катихуменій) и на лошадяхъ отправляются во дворецъ, всѣ же остальные слѣдуютъ пѣшкомъ“. Послѣ коронованія императоръ давалъ завтракъ во дворцѣ всѣмъ синклитикамъ. Празднества по случаю коронованія продолжались около десяти дней и сопровождались раздачей денегъ народу и солдатамъ. Одинъ изъ синкли-

[1]) Референдаріями назывались духовные чины, входившіе въ составъ патріаршаго синклита. Объ обязанностяхъ ихъ см. Byzantina проф. Бѣляева, II, 58, прим. 1.

тиковъ бросалъ въ народъ епикомвіи [1]) въ то время, когда императоръ послѣ коронованія выходилъ изъ храма, а на другой день самъ императоръ бросалъ золотыя монеты солдатамъ и своимъ служителямъ. Причиною этихъ денежныхъ раздачъ было, по объясненію Кантакузена, желаніе императора, чтобы вмѣстѣ съ нимъ всѣ ликовали [2]).

Изслѣдователи обрядовъ вѣнчаній на царство въ Византіи и на Руси находятъ, что обрядъ коронованія, описанный Кантакузеномъ, повторенъ Кодиномъ [3]). Сходство между обрядами, описанными Кантакузеномъ и Кодиномъ, даетъ право на такое заключеніе, но при сходствѣ между этими обрядами есть и различіе: Кантакузенъ не упоминаетъ о собственноручно написанномъ символѣ вѣры, который, по словамъ Кодина, императоръ вручалъ патріарху и св. синоду предъ поднятіемъ его на щитѣ [4]).

Нѣкоторыя дополненія къ обрядамъ коронованій въ Византіи, намъ извѣстнымъ, дѣлаетъ смоленскій іеродіаконъ Игнатій, видѣвшій и описавшій коронованіе императора Мануила Палеолога и его супруги (въ концѣ XIV в.). Іеродіаконъ Игнатій передаетъ, что императоръ принималъ участіе и въ маломъ входѣ, имѣя въ рукѣ свѣчу, которую несъ и во время великаго входа, что послѣ коронованія патріархъ читалъ императору поученіе, а затѣмъ къ императору подходили „мраморницы и гробоздателіе" съ вопросомъ, какой изъ показанныхъ ему кусковъ мрамора и камня выбираетъ онъ для приготовленія ему гроба, съ напоминаніемъ о кратковременности человѣческой жизни и увѣщаніемъ быть хорошимъ правителемъ [5]).

Іеродіаконъ Игнатій, дополняя извѣстный изъ описаній Кантакузена и Кодина обрядъ коронованія византійскихъ императоровъ, не говоритъ о миропомазаніи коронуемаго.

[1]) По объясненію Кантакузена епикомвіями назывались кусочки матеріи, въ которые завернуто было нѣсколько золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ (Cantacuzeni Histor. I, 41, pag. 203).

[2]) Cantacuzeni Histor. I, 41, pag. 196 sqq.; ed. Bon.

[3]) Назв. труды Горскаго, 9; г. Попова „Богосл. В." 1896 г., апр., 71; проф. Покровскаго „Церк. В." 1896 г., апр., № 17, 542.

[4]) Codinus, De officiis, cap. 17, pag. 86—87, ed. Bon.

[5]) Описаніе іеродіакона Игнатія издано Е. В. Барсовымъ (назв. тр. 21—24).

Извѣстіе о коронованіи императоровъ Византіи, относящееся къ послѣднимъ временамъ существованія византійской имперіи, принадлежитъ Симеону, бывшему архіепископомъ ѳессалоникійскимъ въ первой половинѣ XV в. Объясняя значеніе разныхъ моментовъ коронованія византійскихъ императоровъ, Симеонъ сообщаетъ, что императоръ, послѣ миропомазанія и возложенія короны на себя, бралъ въ руки крестъ и акакію (мѣшочекъ съ землею)—символъ тлѣнности [1]). Такое значеніе принимаемой императоромъ акакіи соотвѣтствуетъ тому напоминанію о смерти, которое дѣлалось императору по описанію іеродіакона Игнатія.

Около половины XV в. прекратила свое существованіе византійская имперія, прекратились вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе и измѣненіе обряда коронованія императоровъ Византіи.

Прослѣдивъ развитіе коронаціоннаго чина византійскихъ императоровъ, перейдемъ къ чинамъ вѣнчаній московскихъ государей.

Чинъ вѣнчанія московскихъ государей, подобно чину коронованія византійскихъ императоровъ, не вылился сразу въ опредѣленныя формы, но постепенно росъ и осложнялся, не уподобившись вполнѣ византійскому императорскому коронаціонному обряду.

Первый извѣстный намъ въ современной событію записи обрядъ вѣнчанія московскаго государя—великокняжеское вѣнчаніе внука Іоанна III. Что это было только великокняжеское вѣнчаніе, видно, какъ уже было отмѣчено, изъ самаго обряда вѣнчанія. Такъ его понималъ и лѣтописецъ: „князь великый Иванъ Васильевичь всея Руси благословилъ и посадилъ на великое княженье Володимерское и Московское всеа Руси внука своего князя, Дмитрея Ивановича“, читаемъ въ лѣтописи [2]). Въ лѣтописи же находимъ поясненіе, при какихъ обстоятельствахъ произошло вѣнчаніе внука Іоанна III. Лѣтопись, непосредственно за разсказомъ о гнѣвѣ Іоанна III на Софью Палеологъ и сына Василія, говоритъ о казняхъ сторонниковъ опальныхъ, совершенныхъ въ концѣ декабря 1497 г., и вслѣдъ затѣмъ о вѣнчаніи Димитрія Іоанновича на великое княженіе въ началѣ февраля 1498 г. [3]). Такимъ образомъ

[1]) „Писанія св. отцевъ и учителей церкви“, II, стр. 200. 1856 г.

[2]) П. С. Р. Л. VI, 43 и 241; VIII, 234.

[3]) Тамъ же.

вѣнчаніе Іоанномъ III внука своего на великое княженіе представляется слѣдствіемъ опалы Іоанна III на жену и сына отъ брака съ нею: этимъ вѣнчаніемъ Іоаннъ III хотѣлъ закрѣпить великое княженіе за внукомъ.

Торжественный обрядъ великокняжескаго вѣнчанія, имѣвшій мѣсто въ Москвѣ въ исходѣ XV в., если въ немъ видѣть явленіе дотолѣ не бывшее на Руси, можетъ быть разсматриваемъ, какъ результатъ сверженія монголо-татарскаго ига и политическаго усиленія московскаго государя. Преемникъ Іоанна III являлся первымъ московскимъ государемъ, который вступалъ на престолъ независимымъ, хотя бы номинально, отъ воли чужеземнаго государя [1]).

Въ 1502 г. Іоаннъ III наложилъ опалу на вѣнчаннаго внука, запретилъ поминать имя его на ектиніяхъ и называть его великимъ княземъ, а чрезъ нѣсколько дней „пожаловалъ сына своего Василья, благословилъ и посадилъ на великое княженье Володимерьское и Московское и всеа Руси самодержцемъ, по благословенію Симона митрополита всеа Руси“ [2]). Можно ли на основаніи этихъ словъ лѣтописи заключить, что Василій Іоанновичъ былъ вѣнчанъ на великое княженіе, подобно Димитрію Іоанновичу? Чинъ вѣнчанія на великое княженіе сына Іоанна III и Софьи, если только Василій Іоанновичъ былъ вѣнчанъ на великое княженіе, не сохранился, что Катаевъ объяснилъ утратою этого чина наравнѣ съ чинами вѣнчаній Лжедимитрія I и Петра III [3]). Утрата двухъ послѣднихъ чиновъ понятна, но нельзя этого сказать относительно

---

[1]) Если появленіе обряда великокняжескаго вѣнчанія въ Москвѣ ставить въ связь съ вліяніемъ Софьи, придется прибѣгнуть къ такому объясненію: то, что Софья готовила для своего сына Василія, волею Іоанна III выпало на долю внука его. Допустить предположеніе, будто Іоаннъ III унаслѣдовалъ царственныя права чрезъ бракъ съ Софьей Палеологъ, и потому въ концѣ XV в. мы видимъ въ Москвѣ обрядъ вѣнчанія на великое княженіе, врядъ ли возможно, потому что въ исходѣ XV в. въ Москвѣ совершенъ былъ обрядъ великокняжескаго, но не царскаго вѣнчанія, не говоря уже о томъ, что страннымъ явленіемъ была бы передача Іоанномъ III царственныхъ правъ, полученныхъ чрезъ бракъ съ Софьей Палеологъ, не сыну отъ брака съ нею, но внуку.

[2]) П. С. Р. Л. VI, 48; VIII, 242; Никоновск. VI, 167.

[3]) Назв. тр., 76.

чина вѣнчанія Василія Іоанновича. Г. Поповъ замѣтилъ только, что чинъ вѣнчанія Василія Іоанновича не сохранился [1]).

Соловьевъ ссылается на одинъ хронографъ, который онъ видѣлъ въ библіотекѣ Архива М. И. Д. въ Москвѣ; въ этомъ хронографѣ онъ нашелъ слѣдующее извѣстіе о коронованіи Василія III послѣ смерти отца его: „совѣтомъ Симона митрополита и всего освященнаго собора и боляръ своихъ входилъ во св. соборную церковь и со всѣмъ своимъ синклитомъ. И священному собранію сошедшуся и пѣснословиша, якоже обычай имать св. и соборная церковь еже царя поставляти. Преосвященному же Симону митрополиту возложьшу на В. К. Василія Ивановича животворящій крестъ и порфиру и виссонъ и златую гривну и вѣнецъ Мономаховъ возложи на главу его и всѣми царскими утварями украси и царемъ его нарече и съ поклоненіемъ возвеличилъ его и рече: благовѣрному и христолюбивому царю и В. К. Василію Ивановичу Московскому и всея Руси исполаэти деспота“ [2]).

Если это извѣстіе хронографа вѣрно, то чинъ вѣнчанія Василія III отличенъ отъ чина вѣнчанія Димитрія Іоанновича; въ такомъ случаѣ его описали бы, какъ описали вѣнчаніе внука Іоанна III [3]). Помимо этого, нѣкоторыя подробности, которыя встрѣчаются въ описаніи вѣнчанія Василія III на царство, возбуждаютъ сомнѣніе въ достовѣрности извѣстія хронографа, напримѣръ: возложеніе на вѣнчаемаго порфиры и виссона, неопредѣленное выраженіе, что митрополитъ „всѣми царскими утварями украси“ Василія III. Впервые царская одежда при вѣнчаніи возложена была только на царя Ѳедора Алексѣевича. Сомнительно также извѣстіе хронографа, что во время вѣнчанія Василія III, которое должно было совершиться

---

[1]) „Богосл. В.“ 1896 г., май, 188. Карамзинъ полагалъ, что Василій III не былъ коронованъ („И. Г. Р.“, изд. Эйн. VII, 5). Тоже думалъ и Костомаровъ („Ист. мон.“, XII, 108). Такое мнѣніе подтверждается Герберштейномъ, который говоритъ, что Василій Іоанновичъ вступилъ на престолъ Non inauguratus, т. е. не коронованный (Rerum moscovit. Com., 9, an. 1556).

[2]) „Ист. Рос.“ V, прим. 84, изд. 5.

[3]) При предположеніи, что вѣнчаніе Василія III было подобно вѣнчанію Димитрія Іоанновича, можно думать, что именно вслѣдствіе сходства обрядъ вѣнчанія Василія III не былъ описанъ, какъ не представляющій ничего особеннаго по сравненію съ извѣстнымъ уже.

вскорѣ послѣ смерти Іоанна III, вѣнцу, возложенному на главу вѣнчаемаго, усвоялось уже названіе Мономахова. Далѣе, нововѣнчаннымъ московскимъ государямъ не пѣли многолѣтія на греческомъ языкѣ.

Если нѣкоторыя особенности коронованія Василія III объяснимъ греческимъ его происхожденіемъ по матери, чѣмъ въ такомъ случаѣ объяснить, что Василій III, при коронованіи нареченный царемъ, не пользовался этимъ титуломъ въ отношеніяхъ къ подданнымъ своимъ, и тѣ не титуловали его царемъ. Слѣдуетъ также имѣть въ виду утвержденіе Іоанна IV, что отецъ его не былъ вѣнчанъ на царство. Московскимъ посламъ, отправленнымъ въ Польшу въ 1554 г., данъ былъ наказъ требовать отъ короля признанія царскаго титула своего государя. Наказъ предвидѣлъ со стороны короля вопросъ: почему Іоаннъ IV называется царемъ, тогда какъ отецъ его и дѣдъ довольствовались великокняжескимъ титуломъ. На это московскіе послы должны были отвѣтить: „отецъ государя нашего и дѣдъ не вѣнчалися, потому и не писалися; а отъ начала у государей нашихъ въ обычаѣ лежитъ: которой вѣнцомъ вѣнчаетца на царство, тотъ и пишется“ [1]). Не зналъ о вѣнчаніи Василія III и митрополитъ Макарій. Въ грамотѣ своей къ виленскимъ епископу и воеводѣ въ 1555 г. Макарій писалъ:... „цесарь всему римскому закону глава, тотъ въ своемъ писаньѣ докончалномъ за своею печатью то титло царского именованья утвердилъ, которому государю и вѣнчанья отъ насъ не было“... [2]). Митрополитъ имѣлъ въ виду договорную грамоту 1514 г. германскаго императора съ Василіемъ III, въ которой Василій III названъ былъ „цесаремъ“ [3]).

Врядъ ли Іоаннъ IV отрицалъ бы вѣнчаніе на царство своего отца, если бы оно дѣйствительно произошло, потому что онъ

---

[1]) С. И. Р. И. Об., т. 59, стр. 437. Почти буквально тоже читаемъ въ наказѣ другихъ московскихъ пословъ, отправленныхъ къ польскому королю въ 1556 г.: „отецъ государя нашего и дѣдъ не вѣнчалися, потому и не писалися (царями); а отъ начала у государей нашихъ въ обычаѣ лежитъ: который вѣнцомъ вѣнчается на царство, то и пишется“ (тамъ же, стр. 528).

[2]) Тамъ же, стр. 475.

[3]) „Пам. дипл. сн. др. Россіи“, I, 1502 и II, 1437.

могъ доказать польскому королю, что отецъ его и самъ писался царемъ, и другіе государи признавали за нимъ царскій титулъ.

Такимъ образомъ извѣстіе хронографа о царскомъ вѣнчаніи Василія III врядъ ли можетъ быть признано достовѣрнымъ.

Первовѣнчаннымъ царемъ былъ Іоаннъ IV. Сохранились двѣ редакціи чина вѣнчанія его на царство: краткая и пространная [1]). Только краткая редакція чина вѣнчанія Іоанна IV, какъ вѣрно замѣтилъ проф. Покровскій, можетъ быть признана тѣмъ обрядомъ вѣнчанія, который былъ совершенъ надъ Грознымъ [2]).

При сходствѣ чина этой редакціи съ чиномъ вѣнчанія внука Іоанна III замѣчаются и различія: чинъ вѣнчанія Іоанна IV названъ царскимъ вѣнчаніемъ; въ началѣ описанія этого чина пояснено, что Іоаннъ IV вѣнчался на царство крестомъ, вѣнцомъ и діадимою, присланными византійскимъ императоромъ великому князю Владиміру Мономаху, котораго этими утварями вѣнчалъ на царство митрополитъ ефесскій Неофитъ; на Іоанна IV былъ возложенъ еще крестъ, кромѣ вѣнца и бармъ; наконецъ, въ краткой редакціи чина вѣнчанія Іоанна IV нѣтъ поученія митрополита къ нововѣнчанному.

Пространная редакція чина вѣнчанія Іоанна IV, какъ вѣрно замѣтилъ проф. Покровскій, „есть не описаніе чина коронованія Іоанна IV, а лишь общая схема“, составленная послѣ 1547 г., когда Іоаннъ былъ уже вѣнчанъ на царство [3]). Въ этой редакціи говорится объ отцѣ великаго князя, съ добавленіемъ: если онъ есть, упоминается патріархъ (вмѣсто митрополита), царь дважды называется святымъ. Упоминаніе объ отцѣ коронуемаго показываетъ,

---

[1]) Краткая редакція — въ Никоновск. лѣт. (ч. VII, 50) и въ С. Г. Г. и Д. (II, стр. 41). Существеннаго различія между двумя этими записями чина вѣнчанія Іоанна IV въ краткой редакціи нѣтъ, мѣстами только, при буквальномъ сходствѣ вообще, встрѣчаются разночтенія. Пространная редакція—въ „Древн. Рос. Вивл.“ (кн. VII, стр. 4), въ 1 т. „Доп. къ Акт. Ист.“ (стр. 41) и въ назв. тр. Е. В. Барсова (стр. 42). Варіанты указаны издателями.

[2]) „Церк. В.“, 1896 г., май, № 19, 602. Катаевъ замѣтилъ, что чинъ вѣнчанія Іоанна IV совершенно подобенъ чину вѣнчанія внука Іоанна III (назв. тр., 79); Горскій и г. Поповъ полагали, что Іоаннъ IV вѣнчался по чину пространной редакціи (назв. тр. Горскаго, 24 и г. Попова, „Богосл. В.“ 1896 г., май, 188.

[3]) „Церк. В.“, 1896 г., май, № 19, 602

что составитель чина имѣлъ въ виду случай, когда царь будетъ короновать своего сына, упоминаніе же о патріархѣ и названіе царя святымъ обнаруживаетъ, что составитель этого чина былъ грекъ или, если былъ русскій, имѣлъ предъ собою чинъ вѣнчанія византійскихъ императоровъ. Далѣе, пространная редакція говоритъ о врученіи Іоанну IV скипетра, возложеніи на него цѣпи аравійскаго злата, о миропомазаніи вѣнчаемаго, о принятіи имъ св. причастія [1]). Составитель чина вѣнчанія этой редакціи не скопировалъ чинъ византійскаго императорскаго коронованія, но какъ бы сообразовался съ существовавшими уже чинами вѣнчаній Димитрія Іоанновича и Іоанна IV.

Пространная редакція чина вѣнчанія Іоанна IV является первымъ русскимъ чиномъ вѣнчанія, составитель котораго имѣлъ въ виду чинъ византійскаго императорскаго коронованія. Но имѣя въ виду чинъ византійскаго вѣнчанія на царство, составитель чина вѣнчанія Іоанна IV, надъ нимъ не совершеннаго, не скопировалъ византійскій чинъ и не поставилъ вѣнчаемаго на царство московскаго государя на высоту сана византійскаго императора.

Для опредѣленія времени составленія чина вѣнчанія пространной редакціи существуютъ данныя, на которыя обратилъ вниманіе проф. Покровскій [2]). Въ чинѣ этой редакціи упоминаются супруга царя Анастасія и дѣти царскія, между тѣмъ царь вѣнчался на царство до женитьбы своей [3]). Помимо этого, имѣются, какъ кажется, и другія данныя, болѣе точно опредѣляющія время составленія чина этой редакціи. Курбскій, говоря, что патріархъ константинопольскій прислалъ Іоанну IV „книгу Царскаго Величества вѣнчанія всю“, т. е. чинъ царскаго вѣнчанія, опредѣляетъ время этой присылки [3]). Чинъ этотъ, по словамъ Курбскаго, былъ при-

---

[1]) Какъ царь долженъ пріобщаться, по чину ли священнослужителей или подобно мірянамъ, составитель чина пространной редакціи не говоритъ (назв. тр. Е. В. Барсова, 63). Такъ какъ цари московскіе начали пріобщаться во время совершенія надъ ними обряда вѣнчанія на царство по чину священнослужителей только со времени Ѳеодора Алексѣевича, можно думать, что въ чинѣ пространной редакціи рѣчь идетъ о пріобщеніи царя по чину мірянъ.

[2]) „Церк. В.“ 1896 г., май, № 19, 604.

[3]) Назв. тр. Е. В. Барсова, 60.

[4]) „Сказ. кн. Курбскаго“, ч. I, гл. VIII, стр. 183, изд. I.

сланъ патріархомъ Іоанну IV по возвращеніи изъ Константинополя суздальскаго архимандрита Өеодорита, ѣздившаго туда по порученію царя съ цѣлью получить отъ патріарха вселенскаго соборную грамоту, утверждающую царское вѣнчаніе Іоанна IV [1]). Это извѣстіе Курбскаго о присланномъ Іоанну IV чинѣ вѣнчанія, достовѣрность котораго проф. Покровскій не считаетъ несомнѣнною [2]), подтверждается слѣдующимъ показаніемъ лѣтописи: „того жъ августа (7069 г.) приѣхалъ ко царю и великому князю Егрипской митрополитъ Иоасаѳъ да Еѳеской епископъ, а привезъ митрополитъ Егрипской Иоасаѳъ от патриарха Цареградского Иоасаѳа же царю и великому князю грамоты благословленые на царство с патриаршескою подписью и печатью, также и всѣхъ митрополитовъ и архіепископовъ к той грамоте руки приложены благословиніи на царство да и древнихъ царей поставление царскомъ Патриархъ прислалъ“ [3]). Если мы предположимъ, что чинъ вѣнчанія Іоанна IV, извѣстный намъ въ пространной редакціи, и тотъ чинъ вѣнчанія, который, по словамъ Курбскаго и „Лѣтописца Русскаго“, былъ присланъ патріархомъ Іоанну IV, одно и тоже, опредѣлимъ не только время составленія чина вѣнчанія Іоанна IV въ пространной редакціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ найдемъ отвѣтъ на вопросъ: чѣмъ было вызвано составленіе чина вѣнчанія, не совершеннаго надъ Іоанномъ IV? Такое предположеніе, которое приводитъ къ мысли, что константинопольскій патріархъ не смотрѣлъ на Іоанна IV, какъ на преемника византійскихъ императоровъ, могло бы быть доказано сравненіемъ текстовъ того и другого чина. Извѣстный археографъ П. М. Строевъ видѣлъ въ библіотекѣ Кириллова бѣлоозерскаго монастыря переведенный съ греческаго языка чинъ вѣнчанія, который

---

[1]) „Сказ. кн. Курбскаго“, тамъ же. „Сношенія Россіи съ Востокомъ“, I, 75. „Соборная грамота духовенства прав. вост. церкви, утверждающая санъ царя за Іоанномъ IV“, изд. кн. Оболенскимъ, стр. 29.

[2]) „Церк. В.“ 1896 г., май, № 19, 605.

[3]) „Чтен. въ Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1895 г. кн. 3, „Лѣтописецъ Русскій“, стр. 149. О немъ въ „Обозрѣніи состава Московск. лѣтоп. сводовъ“ И. А. Тихомирова („Лѣтоп. зан. Археогр. Ком.“, вып. X, стр. 71). По словамъ Курбскаго чинъ вѣнчанія присланъ былъ Іоанну IV патріархомъ вселенскимъ „съ Митрополитомъ единымъ и со Мнихомъ Презвитеромъ“.... („Сказ.“ изд. I, ч. I, 183).

былъ присланъ Іоанну IV константинопольскимъ патріархомъ, въ рукописи конца XVI в., озаглавленный: „Чинъ и уставъ о вѣнчаніи и о поставленіи царскомъ. Переводилъ, на Москвѣ, митрополитъ егрипьскій Іасафъ, съ патріарша Потребника цареградскаго, лѣта 7070-го мѣсяца декабря 13 день; а прислалъ тотъ Потребникъ къ царю и великому князю патріархъ цареградской Іасаѳъ съ митрополитомъ егрипьскимъ Іасаѳомъ же, со благословенными грамотами вмѣстѣ, что прислалъ патріархъ благословенные грамоты на царство царю и великому князю Ивану" [1]. Рукопись эта не была найдена мною въ библіотекѣ Петербургской Духовной Академіи, куда въ 1859 г. поступили рукописи Кириллова бѣлоозерскаго монастыря [2].

---

[1] „Библіолог. Словарь и чернов. къ нему мат. П. М. Строева". Изд. подъ ред. акад. А. Ѳ. Бычкова въ „Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Н.", т. XXIX, № 4, стр. 141, подъ „Іоасафъ, митрополитъ егрипьскій".

[2] Проф. В. С. Иконниковъ „Опытъ русской исторіографіи", т. I, кн. I, стр. 732. Въ свое время Строевъ, узнавъ о приготовленіяхъ Археографической Коммиссіи къ печатанію I-го тома „Дополненій къ Актамъ Историческимъ", предлагалъ Коммиссіи выписать для напечатанія слѣд. рукописи: изъ Кириллова бѣлоозерскаго монастыря рукопись № 28 (842), въ которой находился чинъ царскаго вѣнчанія, переведенный въ Москвѣ митрополитомъ евгрипскимъ Іоасафомъ; изъ Соловецкаго монастыря (№ 55, in 4°) — чинъ вѣнчанія на царство Бориса Годунова, откуда напечатанъ былъ только отрывокъ въ Актахъ Археографической Экспедиціи (V, 8; недосмотр. опечатка, должно быть: II, 8); изъ Волоколамскаго Іосифова монастыря — № 361 и нѣкоторыя другія рукописи. (Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды П. М. Строева", стр. 436). Предложеніе Строева было выполнено. Въ I томѣ „Дополненій къ Актамъ Историческимъ" напечатанъ былъ „Чинъ вѣнчанія на царство царя Іоанна Васильевича" въ пространной редакціи, т. е. несовершенный надъ Іоанномъ IV, изъ сборника XVI в. библіотеки Іосифова Волоколамскаго монастыря, подъ № 361 („Дополн. къ Актамъ Истор." I, № 30); въ этомъ же томѣ изданъ „Чинъ вѣнчанія на царство царя Бориса Ѳеодоровича" изъ современной рукописи, принадлежавшей Соловецкому монастырю (тамъ же, № 145). Отрывокъ этого чина вѣнчанія дѣйствительно былъ изданъ въ „Актахъ Археографической Экспедиціи" по рукописи Соловецкаго монастыря (II, № 8). Такимъ образомъ Археографическая Коммиссія выполнила часть предложенія Строева. Изъ протоколовъ засѣданій Археогр. Ком., которые во время у меня не были въ рукахъ, видно, что рукопись Кириллова бѣлоозерскаго монастыря подъ № 28 (842) не была доставлена Коммиссіи за ненахожденіемъ этой рукописи. („Проток. засѣд. Археогр. Ком.", II, 193. Предложеніе Строева тамъ же, стр. 177).

Іоаннъ IV, отпуская прибывшаго въ 1557 г. въ Москву митрополита Іоасафа евгрипскаго, посланнаго патріархомъ константинопольскимъ съ просьбою о милостынѣ [1]), отправилъ къ патріарху константинопольскому суздальскаго архимандрита Ѳеодорита съ грамотой, въ которой просилъ патріарха: „намъ о нашемъ Царскомъ вѣнчаніи отпиши свое благословеніе, соборною грамотою, съ нашимъ посланнымъ священноинокомъ Ѳеодоритомъ“ [2]). При этомъ патріарху была послана отъ царя щедрая милостыня [3]). Въ слѣдующемъ 1558 г. Ѳеодоритъ вернулся въ Москву и привезъ грамоту патріарха, въ которой тотъ писалъ царю: „о благовѣрномъ вѣнчаніи твоемъ на царство отъ святѣйшаго митрополита всея Руси, брата нашего и сослужебника, принято нами во благо и достойно твоего царства“. Патріархъ обѣщалъ царю прислать соборную грамоту, подтверждающую его вѣнчаніе на царство [4]). Обѣщанная патріархомъ грамота прислана была Іоанну VI только въ 1562 г. Привезъ ее митрополитъ евгрипскій Іоасафъ [5]).

---

[1]) „Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ“, I, 71.

[2]) Тамъ же, 79.

[3]) Тамъ же, 75.

[4]) Тамъ же, 86—88.

[5]) Тамъ же, стр. 104. Грамота эта издана кн. Оболенскимъ. Е. В. Барсовъ отмѣчаетъ, что въ подлинной грамотѣ цѣлыя выраженія выскоблены дьякомъ и замѣнены новыми словами потому, что нѣкоторыя строки этой грамоты казались возмутительными для русской чести („Древне-русскіе памятники священнаго вѣнчанія царей на царство“, стр. XXIV). Что нѣкоторыя мѣста этой грамоты были выскоблены и нѣкоторыя вырваны, замѣтилъ Вельтманъ. Онъ указалъ, что московскій дьякъ къ имени императора Константина, брата царевны Анны, супруги Владиміра св., прибавилъ слово „Мономахъ“, имя же императора Василія принялъ за Βασιλεύς. („Царскій вѣнецъ и царскія утвари, прислан. Влад. Мон.“, въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1860 г, кн. I, стр. 38). Фототипическій снимокъ съ подлинной грамоты приложенъ къ труду проф. Регеля Analecta Byzantino-Russica. По мнѣнію проф. Регеля подлинны на этой грамотѣ только подписи патріарха константинопольскаго и митрополита евгрипскаго Іоасафа, подписи же остальныхъ іерарховъ грековосточной церкви принадлежатъ той рукѣ, которою написанъ текстъ грамоты (Prooemium, LIII). Въ этомъ, кажется, проф. Регель не правъ: разсматривая подписи іерарховъ, можно видѣть, что однѣ и тѣ же буквы въ подписяхъ разныхъ лицъ писаны разно.

Грамота восточнаго духовенства признала царскій санъ за „благочестивѣйшимъ царемъ Московіи господиномъ Іоанномъ", хотя и указала, что вѣнчать на царство имѣютъ право только патріархи римскій и константинопольскій; поэтому патріархъ предложилъ Іоанну IV повторить надъ собою царское вѣнчаніе чрезъ митрополита евгрипскаго, какъ патріаршаго экзарха [1]). Іоаннъ IV не принялъ этого предложенія. Проф. Каптеревъ замѣчаетъ, что слишкомъ ясно выраженное этимъ предложеніемъ стремленіе константинопольскаго патріарха имѣть для московскихъ государей то же значеніе, какое имѣлъ папа для государей западныхъ, т. е. желаніе только себѣ одному усвоить право вѣнчать на царство московскихъ государей, по понятнымъ причинамъ, никакъ не могло увѣнчаться успѣхомъ, потому что православіе самихъ константинопольскихъ патріарховъ было заподозрѣно въ Москвѣ [2]).

Ѳедоръ Іоанновичъ вѣнчанъ былъ на царство по тому чину, который мы назвали чиномъ пространной редакціи, и который былъ составленъ въ царствованіе Іоанна IV. Первый помазанникъ, Ѳедоръ Іоанновичъ былъ миропомазанъ на челѣ, ушахъ, груди, плечахъ и рукахъ [3]).

Чинъ царскаго вѣнчанія Бориса Годунова [4]) заключаетъ въ себѣ нѣсколько особенностей, отмѣченныхъ изслѣдователями русскаго коронаціоннаго обряда: [5]) 1) патріархъ поднесъ царю, послѣ возложенія на него вѣнца, державу (яблоко), причемъ произнесъ соотвѣтствующія слова [6]); 2) послѣ миропомазанія царя и принятія

---

[1]) „Сношен. Россіи съ правосл. Востокомъ", I, 110.

[2]) „Характеръ отношеній Россіи къ правосл. Востоку въ XVI и XVII вв.", 29—30.

[3]) С. Г. Г. и Д., II, стр. 83. Архидіаконъ, приглашая царя къ миропомазанію, обратился къ приглашаемому съ словами: „Господи святый, Боговѣнчанный царю" (тамъ же, стр. 83). Такое обращеніе къ царю съ названіемъ его святымъ, источникомъ своимъ имѣющее византійскій чинъ императорскаго вѣнчанія, находимъ еще въ чинахъ вѣнчаній Михаила Ѳедоровича Романова (тамъ же, III, стр. 84) и Алексѣя Михайловича („Древн. Рос. Вивл." VII, стр. 288, изд. 2).

[4]) „Доп. къ Акт. Истор." I, № 145.

[5]) Назв. труды Горскаго, стр. 27; Попова, „Богосл. В.", 1896 г., май, 190; Покровскаго, „Церк. В.", 1896 г., май, № 19, 605.

[6]) „Доп. къ Актамъ Истор." I, стр. 242.

имъ св. Таинъ патріархъ во второй разъ возложилъ на главу его корону съ возглашеніемъ Ἄξιος [1]); 3) предъ мiропомазаніемъ царя патріархъ прочелъ двѣ молитвы и столько же молитвъ послѣ [2]).

Чинъ вѣнчанія на царство Разстриги не сохранился [3]).

Изъ отмѣченныхъ особенностей обряда вѣнчанія на царство Бориса Годунова въ чинахъ вѣнчаній преемниковъ его сохранилось только врученіе вѣнчаемому державы. Кромѣ этой особенности чины вѣнчаній Василія Шуйскаго и Михаила Романова подобны чину вѣнчанія Ѳедора Іоанновича [4]).

Въ чинѣ вѣнчанія на царство Алексѣя Михайловича, сравнительно съ чиномъ вѣнчанія Михаила Ѳеодоровича, добавленіемъ является помазаніе царя мiромъ на „брадѣ, и подъ брадою, и на выѣ“ [5]).

---

[1]) „Доп. къ Актамъ Истор.“, стр. 248.

[2]) Тамъ же, стр. 247.

[3]) О вѣнчаніи на царство Разстриги свидѣтельствуютъ: „Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ“ („Рус. Истор. Библ.“ т. XIII, стр. 736), „Повѣсти“ князей Хворостинина и Катырева-Ростовскаго (тамъ же, стр. 540 и 578; тоже и во второй редакціи „Повѣсти“ кн. Катырева-Ростовскаго, стр. 652). Изъ иностранцевъ, современныхъ событію и бывшихъ въ то время въ Москвѣ, о вѣнчаніи на царство Разстриги говорятъ: Масса (въ изд. Археогр. Ком., стр. 61), Буссовъ („Сказ. современ. о Димитріи Самозванцѣ“, ч. I, стр. 48, изд. 3), Паерле (тамъ же, стр. 298), іезуитъ Велевицкій („Записки гетмана Жолкевскаго о моск. войнѣ“, Приложеніе, стр. 133, изд. 2), Станиславъ Борша, ротмистръ Разстриги (въ описаніи „Похода московскаго царя Димитрія въ Москву“, въ „Рус. Истор. Библ.“ I, стр. 398—399). Большинство названныхъ иностранцевъ передаетъ, что Разстрига вѣнчался на царство согласно московскому обычаю, и всѣ они, за исключеніемъ Массы, говорятъ, что Марина также была коронована.

[4]) Чинъ вѣнчанія Василія Шуйскаго въ „Акт. Археогр. Экспед.“ II, № 47; чинъ вѣнчанія Михаила Ѳеодоровича въ С. Г. Г. и Д. III, № 16. Въ рѣчи своей къ митрополиту, произнесенной предъ совершеніемъ обряда вѣнчанія, Михаилъ Ѳедоровичъ говорилъ объ обычаѣ русскихъ государей вѣнчаться на царство со времени Владиміра Мономаха, получившаго вѣнецъ и діадиму отъ греческаго царя Константина Мономаха (тамъ же, стр. 73—74). Ссылки на вѣнчаніе Владиміра Мономаха не находимъ въ рѣчахъ предшественниковъ Михаила Ѳедоровича на московскомъ престолѣ, которыя они произносили предъ совершеніемъ надъ ними обряда вѣнчанія на царство.

[5]) Въ „Древн. Рос. Вивл.“ VII, стр. 290, изд. 2, и „Памятникахъ Древн. Письмен.“, „Чинъ поставленія на царство царя и вел. кн. Алексѣя Михайло-

Такъ чинъ вѣнчанія на царство, составленный при Іоаннѣ IV, но надъ нимъ не совершенный, соблюдался въ существенномъ до воцаренія Ѳедора Алексѣевича, въ обрядѣ вѣнчанія котораго находимъ крупныя дополненія: 1) произнесеніе царемъ символа вѣры предъ совершеніемъ обряда вѣнчанія, 2) возложеніе на царя „царской одежды“ и 3) причащеніе царя въ алтарѣ по чину священнослужителей [1]). Эти дополненія взяты изъ обряда вѣнчаній византійскихъ императоровъ. Кромѣ дополненій, въ чинѣ вѣнчанія Ѳедора Алексѣевича замѣчаются сокращенія. Проф. Покровскій отмѣчаетъ одно: исключеніе молитвы „о, Пресвятая Госпоже“, которая читалась патріархомъ послѣ врученія царю скипетра и державы; этой молитвы нѣтъ въ византійскомъ обрядѣ вѣнчаній на царство [2]). Отмѣтимъ еще, что въ чинѣ вѣнчанія Ѳедора Алексѣевича исключено названіе вѣнчаемаго царя „святый“ въ обращеніи къ нему посланныхъ патріархомъ священнослужителей, которые приглашали царя къ миропомазанію и причащенію [3]).

Проф. Покровскій указалъ на связь этого исправленія русскаго коронаціоннаго чина съ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ [4]). Возможно, что при исправленіи богослужебныхъ книгъ въ Москвѣ обратили вниманіе на разницу въ чинахъ вѣнчаній на царство русскихъ царей и византійскихъ императоровъ, но не были ли дополненія въ чинѣ вѣнчанія Ѳедора Алексѣевича также слѣдствіемъ такъ называемаго дѣла патріарха Никона? Восточные іерархи не одобрили отношеній Никона къ царю и вопросъ объ отношеніи патріаршей власти къ царской рѣшили не въ пользу первой [5]).

вича“, сообщен. архим. Леонидомъ, стр. 32, 1882 г. Это добавленіе въ чинѣ вѣнчанія Алексѣя Михайловича, не перешедшее въ обряды вѣнчаній преемниковъ его, было, вѣроятно, направлено противъ брадобритія.

[1]) „Древн. Рос. Вивл.“ VII, стр. 331, 337, 360, изд. 2; назв. тр. Е. В. Барсова, 102 и 105.

[2]) „Церк. В.“ 1896 г., май, № 19, 607. Сравн. чины вѣнчаній Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича въ „Древн. Рос. Вивл.“, VII, стр. 273—274 и 343—344, изд. 2.

[3]) „Древн. Рос. Вивл.“ VII, стр. 357, изд. 2.

[4]) „Церк. В.“, 1896 г., май, № 19, 607.

[5]) С. Г. Г. и Д., IV, № 27; Гиббенетъ „Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона“, II, стр. 671—674; проф. Каптерева „Сужденіе большаго

Такое разрѣшеніе этого вопроса могло отразиться на чинѣ вѣнчанія московскаго государя: въ этотъ чинъ включили нѣкоторыя подробности, заимствованныя изъ обряда вѣнчаній византійскихъ императоровъ, которыя возвышали царя, именно принятіе вѣнчавшимся на царство св. Таинъ по чину священнослужителей и возложеніе на него царской одежды. Сравненіе обрядовъ вѣнчаній русскихъ царей и византійскихъ императоровъ могло повести къ включенію въ обрядъ вѣнчанія первыхъ произнесенія царемъ символа вѣры. Названіе царя „святый", которое мы видѣли въ обрядахъ вѣнчаній на царство Ѳедора Іоанновича, Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича, было исключено изъ чина вѣнчанія Ѳедора Алексѣевича, потому что русскіе цари не назывались святыми подобно византійскимъ императорамъ.

Чинъ вѣнчанія Ѳедора Алексѣевича и послѣ сдѣланныхъ въ немъ дополненій сохранилъ отличіе отъ позднѣйшаго чина вѣнчаній византійскихъ императоровъ.

Сравнивая чинъ вѣнчанія Ѳедора Алексѣевича съ чиномъ вѣнчанія византійскихъ императоровъ въ изложеніи Кантакузена, находимъ слѣдующія отличія перваго чина отъ второго: 1) русскій царь, предъ совершеніемъ надъ нимъ обряда вѣнчанія на царство, не облачался въ царскія одежды въ особо для того устроенномъ помѣщеніи во храмѣ и не поднимался на щитѣ, какъ византійскій императоръ; 2) на Руси сначала для митрополита, а впослѣдствіи для патріарха, ставилось рядомъ съ царскимъ трономъ сѣдалище, на которомъ іерархъ, совершавшій обрядъ вѣнчанія, сидѣлъ въ опредѣленное время, въ Византіи же этого не было: тамъ патріархъ, совершавшій обрядъ вѣнчанія, не сидѣлъ подлѣ коронуемаго императора; 3) русскій царь, предъ вѣнчаніемъ своимъ на царство, говорилъ рѣчь іерарху, который долженъ былъ вѣнчать его, и тотъ произносилъ царю отвѣтную рѣчь, чего не было въ византійскомъ обрядѣ вѣнчанія на царство; 4) въ византійскомъ обрядѣ миропомазаніе предшествовало возложенію на вѣнчаемаго императорскихъ регалій, по московскому же обряду миропомазаніе совершалось послѣ воз-

моск. собора 1667 г. о власти царской и патріаршей", „Богосл. В.", 1892 г., авг., стр. 171 и слѣд; окт., стр. 46 и слѣд. и 68. Взглядъ Никона на значеніе патріаршей власти — въ статьѣ В. К—ва, „Ж. М. Н. Пр." 1880 г., дек., стр. 233.

ложенія на вѣнчаемаго царскихъ регалій; 5) въ Византіи вѣнчаемому императору помазывали св. миромъ только главу крестообразно, русскому же царю помазывали св. миромъ: грудь, шею, плечи и длани рукъ; 6) при миропомазаніи императора Византіи патріархъ и всѣ находившіеся во храмѣ провозглашали „святъ“, что относилось къ императору, въ чинѣ же вѣнчаній русскихъ царей такого провозглашенія не было; 7) по византійскому обряду вѣнчанія императоръ принималъ участіе въ великомъ входѣ: шелъ впереди всего входа съ крестомъ и акакіей въ рукахъ, окруженный оруженосцами, имѣя чинъ церковнаго депутата, русскій же обрядъ не опредѣлялъ царю участія въ богослуженіи, и русскій царь никакого церковнаго чина не имѣлъ; 8) византійскій императоръ предъ принятіемъ св. Таинъ кадилъ въ алтарѣ вокругъ св. престола, чего русскій царь не совершалъ; 9) по русскому чину вѣнчанія, послѣ возложенія на царя регалій, іерархъ говорилъ нововѣнчанному поученіе, чего не было въ византійскомъ обрядѣ [1]); 10) на Руси не было въ обычаѣ напоминать царю о смерти послѣ совершенія надъ нимъ обряда вѣнчанія на царство [2]). Кромѣ перечисленныхъ отли-

[1]) Г. Лопаревъ указываетъ на византійскій источникъ поученія, которое произносилъ іерархъ вѣнчавшемуся на царство русскому царю. Источникомъ при составленіи этого поученія, по мнѣнію г. Лопарева, послужило наставленіе, которое написалъ византійскій императоръ Василій Македонянинъ для старшаго своего сына Льва. Къ такому заключенію привело г. Лопарева сличеніе текстовъ русскаго поученія и наставленія Василія Македонянина („Ж. М. Н. Пр.“, 1887 г., октябрь, стр. 312—319).

[2]) Еще Горскій высказалъ соображеніе, что византійскій обычай напоминать нововѣнчанному о смерти замѣнялся на Руси тѣмъ, что царь, послѣ совершенія надъ нимъ обряда вѣнчанія, отправлялся изъ Архангельскаго собора для поклоненія гробамъ своихъ царственныхъ предковъ (назв. тр., 31). Такое соображеніе Горскаго было принято г. Поповымъ (назв. тр., „Богосл. В.“, 1896 г., май, 193). Въ справедливости догадки Горскаго усомнился г. Георгіевскій, который замѣтилъ, что московскіе государи при всякомъ новомъ и важномъ дѣлѣ, послѣ молебствій, заходили поклониться гробамъ своихъ предковъ. („Коронованіе русск. государей“, „Русск. Обозрѣніе“, 1895 г., ноябрь, 239). Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что нововѣнчанный царь посѣщалъ не только Архангельскій соборъ, гдѣ молился и, по выраженію чиновъ царскихъ вѣнчаній, „прощался“ у гробовъ своихъ предковъ; изъ Архангельскаго собора царь отправлялся въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ также молился. Чѣмъ въ такомъ случаѣ объяснить посѣщеніе царемъ Благовѣщенскаго собора послѣ вѣн-

чій московскаго царскаго чина вѣнчанія отъ византійскаго императорскаго слѣдуетъ имѣть въ виду, что московскія царицы на царство не вѣнчались, въ Византіи же вѣнчались на царство и супруги императоровъ.

Петръ и Іоаннъ Алексѣевичи были вѣнчаны на царство по чину вѣнчанія Ѳедора Алексѣевича [1]).

Горскій въ своемъ изслѣдованіи обрядовъ вѣнчаній на царство московскихъ государей пришелъ къ заключенію, что „чинъ вѣнчанія царскаго (на Руси), въ концѣ XVII в., совмѣщалъ въ себѣ всѣ учрежденія и обычаи вѣнчанія греческихъ императоровъ и русскихъ великихъ князей и первыхъ царей“ [2]). Отличія чина вѣнчанія на царство сыновей Алексѣя Михайловича отъ обряда византійскаго императорскаго коронованія противорѣчатъ такому заключенію. Г. Поповъ, быть можетъ подъ вліяніемъ Горскаго, также заключилъ, что „лишь во второй половинѣ XVII в. произошло у насъ полное усвоеніе окончательно установившагося греческаго чина коронованія“ [3]), хотя и замѣтилъ, „что усвоеніе греческаго чина совершилось со многими оригинальными измѣненіями и дополненіями“ [4]). Эти, по выраженію г. Попова, „многія оригинальныя измѣненія и дополненія“ московскаго чина вѣнчанія на царство, по сравненію съ такимъ же чиномъ византійскимъ, свидѣтельствують, повидимому, слѣдующее: на Руси сознавалось отличіе царя московскаго отъ византійскаго императора, и обрядъ византійскаго императорскаго вѣнчанія, отражавшій въ себѣ идею власти византійскаго императора, не былъ принятъ въ Москвѣ потому, что идея власти царя русскаго была не та, что въ Византіи идея власти императора Ромеевъ.

чанія на царство? Не было ли такое хожденіе по кремлевскимъ соборамъ благодарственнымъ послѣ вѣнчанія поклоненіемъ святынямъ? Въ Архангельскомъ соборѣ царь поклонялся гробницамъ тѣхъ, вслѣдствіе вѣнчанія которыхъ и самъ онъ былъ вѣнчанъ, на что обыкновенно цари предъ совершеніемъ надъ ними обряда вѣнчанія указывали іерарху, долженствовавшему совершить надъ ними этотъ обрядъ.

[1]) „Др. Рос. Вивл.“ VII, стр. 403, изд. 2.

[2]) Назв. тр., 31.

[3]) Назв. тр., „Богосл. В.“ 1896 г., май, 191.

[4]) Тамъ же.

Обрядъ вѣнчанія русскаго государя, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ совершенъ надъ внукомъ Іоанна III, подобный кесарскому въ Византіи, имѣлъ до XVIII в. два момента въ своемъ развитіи, ясно представляющіеся при чтеніи обрядовъ вѣнчанія на царство русскихъ царей: первый разъ обрядъ этотъ былъ передѣланъ при Іоаннѣ IV, второй—послѣ исправленія богослужебныхъ книгъ и суда надъ патріархомъ Никономъ. И при первой передѣлкѣ и при второй обрядъ вѣнчанія русскихъ царей не уподобился обряду вѣнчанія византійскихъ императоровъ.

Всматриваясь въ обряды вѣнчаній русскихъ государей отъ конца XV в. до XVIII в. видимъ въ обрядахъ этихъ только государей русскихъ; какъ на царей русскихъ смотрѣли на себя тѣ, надъ которыми совершался обрядъ царскаго вѣнчанія въ московскомъ Успенскомъ соборѣ: каждый изъ нихъ, подобно Петру и Іоанну Алексѣевичамъ, предъ совершеніемъ надъ нимъ чина вѣнчанія на царство, въ рѣчи своей къ іерарху говорилъ, чтобы тотъ его „на всѣ великія и преславныя государства Великороссійскаго царствія“ вѣнчалъ бы [1]).

---

[1]) Чинъ вѣнчанія на царство Іоанна и Петра Алексѣевичей въ „Древн. Рос. Вивл.“, VII, стр. 443, изд. 2.

Глава V.

Праздникъ Вай не одинаково совершался во время соблюденія обрядовъ, изложенныхъ въ De cer. a. B., и въ послѣдніе вѣка существованія Византійской имперіи [1]).

Въ I книгѣ De cer. a. B. XXXI гл. посвящена описанію празднованія кануна Воскресенья недѣли Вай, слѣдующая XXXII глава содержитъ въ себѣ описаніе празднованія Воскресенья той же недѣли.

Наканунѣ Вербнаго Воскресенья совершалось слѣдующее: „въ субботу Лазаря, когда дворецъ открывается вечеромъ, входитъ весь синклитъ, магистры, анѳипаты, патрикіи и чины кувуклія только въ скарамангіяхъ, императоръ же стоитъ во храмѣ св. Димитрія предъ литымъ изображеніемъ Богородицы у двери, ведущей въ иліакъ. Когда синклитики выходятъ чрезъ восточныя серебряныя двери [2]), церковь даетъ знакъ [3]), и входятъ они рядами, одинъ за другимъ, во храмъ св. Димитрія и получаютъ изъ руки императора по одной ваіѣ, составленной изъ вѣтвей финиковой пальмы, самисиха [4]) и другихъ душистыхъ цвѣтовъ, какіе бываютъ въ то

---

[1]) Обряды, описанные Константиномъ Багрянороднымъ, соблюдались, какъ полагаетъ проф. Бѣляевъ, приблизительно въ IX—XI вв. (Byzantina, II, 4 и слѣд.). Точно опредѣлить время соблюденія многихъ изъ придворныхъ обрядовъ, изложенныхъ въ De cer. a. B., врядъ ли возможно. Само собою разумѣется, что по мѣрѣ паденія могущества Византійской имперіи уменьшалась пышная обрядность Византійскаго двора, и что послѣ возстановленія Византійской имперіи не всѣ придворные обряды въ прежнемъ видѣ были возстановлены въ Константинополѣ.

[2]) Двери эти вели изъ хрисотриклина, см. Byzantina проф. Бѣляева I. 17.

[3]) Reiske полагаетъ, что этотъ знакъ давался не колоколомъ, но церковнымъ биломъ (Commentarii ad De cer. a. B. pag. 235).

[4]) Σάμψυχα—маіоранъ (ibid., 238, s. v.).

время года. Магистры и препозиты (еще получаютъ) по одному большому серебряному кресту, оффикіаліи [1]) и всѣ другіе по малому серебряному кресту, анѳипаты и патрикіи по большому серебряному кресту. Если малые серебряные кресты имѣются въ большомъ количествѣ, то ихъ даютъ протоспаѳаріямъ евнухамъ [2]). Чрезъ другую дверь (храма) св. Димитрія входятъ во храмъ пресв. Богородицы Фара [3]), и тотчасъ начинается вечерня; на отпускѣ вечерни поютъ: *Ὑπὸ ἔρην συνταφέντες σοί*—одну часть чины кувуклія, другую—императорскіе клирики. Препозиты берутъ большія пальмовыя вѣтви и одѣляютъ ими кувуклій изъ собственныхъ рукъ; по окончаніи вечерни всѣ выходятъ (изъ церкви) чрезъ дверь изъ слоновой кости" [4]).

Вербное Воскресенье праздновалось такъ: „всѣ (назначенные чины) проходятъ чрезъ Ипподромъ ко дворцу, и когда папія [5]) растворяетъ (двери дворца), входятъ препозиты, облеченные въ бѣлыя хламиды, также патрикіи и кувуклій. По пришествіи ихъ, совершается ходъ въ триклинъ (палату) Юстиніана, и тогда орфанотрофъ [6]), подойдя къ ходу, раздаетъ символы (вѣры) тѣмъ, которые ихъ обыкновенно получаютъ, (послѣ чего) удаляется. Затѣмъ, также входятъ димархи и вручаютъ всѣмъ названнымъ выше—магистрамъ, препозитамъ, патрикіямъ и прочимъ досточтимые кресты, каковые требуются уставомъ праздника. Когда наступитъ время, императоръ облекается въ дивитисій и хламиду и садится на тронѣ въ хрисотриклинѣ, всѣ же чины кувуклія становятся по обѣ стороны, какъ обыкновенно. Остіарій, получивъ знакъ отъ препозита

---

[1]) Оффикіаліи—сановники, занимавшіе высшія должности (Byzantina проф. Бѣляева, II, 26, прим. 7).

[2]) Протоспаѳаріи евнухи—чиновники, имѣвшіе чинъ протоспаѳарія (тамъ же, I, 153).

[3]) Фаромъ называлась сигнальная станція, служившая, для передачи сигнальныхъ огней, зажигавшихся на возвышенныхъ мѣстахъ и башняхъ отъ Сарацинскихъ границъ до Цареграда въ случаѣ приближенія Сарацинъ къ границамъ имперіи. (Тамъ же I, 39).

[4]) De cer. a. B., ed. B., pag. 170.

[5]) Папіями назывались сановники, которые завѣдывали дворцовыми палатами и зданіями. О папіяхъ обстоятельно у проф. Бѣляева въ назв. тр. I, 145.

[6]) Орфанотрофъ—попечитель сиротъ, (Reiske, Com., pag. 195, s. v.).

по приказанію (императора), выходитъ, держа (въ рукѣ) золотой съ драгоцѣнными камнями жезлъ, и вводитъ отдѣлъ первый—орфанотрофа, который несетъ императору символъ вѣры и при входѣ поклоняется императору, но не падаетъ ницъ, такъ какъ несетъ символы. Когда дверная завѣса раздвигается и орфанотрофъ показывается предъ императоромъ, императоръ встаетъ съ трона, чтобы принять символъ вѣры; принявъ его и поцѣловавъ, императоръ передаетъ препозиту, орфанотрофъ же, совершивъ три обычныхъ поклоненія, вручаетъ императору символы, поцѣловавъ руку его, и отходитъ, не поворачиваясь спиною (къ императору), становится по срединѣ и, поклонившись императору, падаетъ ницъ, привѣтствуетъ его и уходитъ [1]). Затѣмъ, остіарій также получаетъ знакъ и вводитъ отдѣлъ второй—сакелларія св. Софіи [2]), несущаго императору кресты, находящіеся на лѣвомъ его плечѣ, въ правой же рукѣ имѣющаго одинъ крестъ. Войдя (въ хрисотриклинъ), сакелларій поклоняется трижды, какъ установлено, и вручаетъ императору прежде всего крестъ, который держитъ въ правой рукѣ, цѣлуя руку императора. Императоръ, принявъ крестъ, цѣлуетъ его и передаетъ препозиту, послѣ чего сакелларій вручаетъ и остальные кресты императору, который, принимая ихъ, цѣлуетъ и передаетъ препозиту. (Послѣ этого) сакелларій отходитъ и становится посрединѣ, падая ницъ поклоняется императору и, произнеся привѣтствіе, удаляется. Тоже дѣлаютъ и всѣ другіе, входя съ крестомъ, отдѣлъ за отдѣломъ. Остіарій, снова выйдя, вводитъ по приказанію отдѣлъ третій—ризничаго (храма) пресвятой Богородицы влахернской съ хартуларіемъ св. Гроба; отдѣлъ четвертый—завѣдывающаго странопріимнымъ домомъ Өеофила; отдѣлъ пятый—димократовъ (начальниковъ) загородныхъ димовъ (партій Ипподрома); отдѣлъ шестой—завѣдывающаго странопріимнымъ домомъ Самисовъ [3]); отдѣлъ седь-

[1]) Проф. Мансветовъ указываетъ, что подача символа вѣры орфанотрофомъ императору въ Вербное Воскресенье—„отголосокъ древняго обычая, по которому готовящіеся къ крещенію въ вербное воскресенье начинали учить символъ вѣры, чтобы потомъ изложить его предъ принятіемъ таинства“ („Церковный Уставъ“, стр. 236).

[2]) Σακελλάριος—aerario praefecus (Reiske, Com., pag. 156, s. v.).

[3]) Σαμψῆς, какъ объясняетъ Миклошичъ, „pro самъчий“, т. е. сановникъ (Lexicon Palaeoslovenico-greco-latinum, s. v. самъчий. Cnf. Sophocles, Greek Lexicon., s. v. σαμψῆς).

мой—завѣдывающаго странопріимнымъ домомъ Евбула; отдѣлъ восьмой—завѣдывающаго странопріимнымъ домомъ Ирины; отдѣлъ девятый—завѣдывающаго странопріимнымь домомъ Нарса; отдѣлъ десятый—завѣдывающаго странопріимнымъ домомъ св. Ирины; отдѣлъ одиннадцатый—димарховъ городскаго дима. Всѣ они, при входѣ (въ хрисотриклинъ), неся кресты, дѣлаютъ все то, о чемъ сказано было выше. Затѣмъ императоръ приказываетъ препозиту, препозитъ же церемоніарію, чтобы тотъ установилъ входящихъ по обычаю и получающихъ кресты изъ рукъ императора, дабы каждый изъ нихъ входилъ сообразно рангу и достоинству. И входятъ патрикіи, если они находятся, стратиги, архонты кувуклія, доместики, занимающіе высшія должности и топотириты [1]), обыкновенно входящіе всѣ въ одномъ отдѣлѣ, рядами. Послѣ того, какъ они падутъ ницъ и поклонятся императору, императоръ каждому даетъ по кресту; произнеся императору славословіе, они выходятъ, и затѣмъ, по приказанію, (имъ) объявляется переходъ въ лавзіакѣ [2]). Тогда идутъ всѣ чрезъ однополотенную дверь, ведущую въ идикъ [3]), въ мистическую фіалу триконха [4]), неся процессіональныя свѣчи (т. е. свѣчи, которыя носили во время процессій), а императоръ совершаетъ выходъ въ хрисотриклинѣ; выходятъ также священники изъ церкви фара (т. е. изъ храма пресв. Богородицы, находившагося въ фарѣ), неся крестъ (взятый изъ этой) церкви, и въ это время начинаютъ тропарь крестнаго хода: *Τὴν κοινὴν ἀνάστασιν*. Императоръ, предшествуемый всѣми чинами кувуклія, проходитъ сзади крестнаго хода и выходитъ въ полукругъ фіалы триконха, гдѣ принимаютъ его патрикіи, синклитъ и вся процессія. Отсюда онъ отправляется, участвуя въ процессіи, въ дафну, и входитъ во храмъ пресв. Богородицы, гдѣ помолившись съ зажженными свѣчами, со-

[1]) Τοποτηρήτης—vicarius, loci servator, locum tenens (Du-Cange, s. v.).

[2]) Лавзіакъ—проходная пріемная зала (проф. Бѣляева Byzantina, I, 46).

[3]) Идикъ — помѣщеніе, въ которомъ хранились деньги и разные драгоцѣнные предметы, принадлежавшіе императору (тамъ же, I, 47, прим. 2).

[4]) Фіалами назывались (Φιάλη—чаша) фонтаны съ окружавшими ихъ низкими площадками, а триконхомъ называлась тронная зала, построенная послѣднимъ иконоборческимъ императоромъ Θеофиломъ. Фіала триконха извѣстна была подъ названіемъ мистической или тайной потому, что примыкала къ помѣщенію, которое носило названіе Μυστήριον (тамъ же, I, 35 и 90—91).

вершаетъ тамъ же ектинію, (затѣмъ) отправляется къ крестамъ и, помолившись (тамъ), проходитъ чрезъ триклинъ августея, входитъ во храмъ св. первомученика Стефана и, помолившись тамъ, совершаетъ ектинію. (Послѣ этого), предшествуемый тѣми же (чинами), императоръ проходитъ чрезъ августей и апсидъ (нишу) триконха, „царскіе“ же остаются въ той же самой апсидѣ триконха, славословя императора. Императоръ, предшествуемый архонтами кувуклія, патрикіями, протоспаѳаріями, синклитомъ, спаѳарокандидатами, маглавитами и другими чинами ближайшей (его) свиты, проходитъ чрезъ однополотенныя двери въ идикъ и спускается по ступенямъ лавзіака, а чины синклита, спаѳарокандидаты, маглавиты и прочіе чины ближайшей (императорской) свиты стоятъ въ лавзіакѣ по обѣ стороны, славословя императора. Императоръ, предшествуемый находящимися тамъ чинами, входитъ въ трипетонъ, гдѣ остаются протоспаѳаріи славословя императора, отправляется съ чинами кувуклія и патрикіями въ хрисотриклинъ и, отойдя, становится на правой сторонѣ хрисотриклина, приблизительно у камары, ведущей въ китонъ, а патрикіи становятся на лѣвой сторонѣ того же хрисотриклина, и стоятъ предъ трономъ, имѣя въ рукахъ процессіональныя свѣчи и кресты, священники же идутъ посрединѣ чрезъ хрисотриклинъ и становятся вблизи трона. (Тогда) діаконъ кладетъ евангеліе на тронъ императора, происходитъ обычная ектинія, (послѣ чего) императоръ удаляется съ кувукліемъ и священниками во храмъ пресв. Богородицы въ фарѣ, патрикіи же, произнеся славословіе императору, уходятъ. Затѣмъ, если императоръ прикажетъ, приглашаются патрикіи и слушаютъ литургію вмѣстѣ съ императоромъ во храмѣ пресв. Богородицы, если же не приглашаются (патрикіи), то слушаютъ литургію отдѣльно во храмѣ св. Стефана въ Ипподромѣ. По устройствѣ клиторія (стола), происходятъ отпуски (т. е., не приглашенные къ столу, отпускаются); по окончаніи божественной литургіи выходитъ императоръ и садится за досточтимый свой столъ въ триклинѣ Юстиніана только въ скарамангіи, какъ и всѣ приглашенные, ибо послѣ крестнаго хода переоблачаются. Слѣдуетъ знать, что если этотъ праздникъ совпадаетъ съ Благовѣщеніемъ пресвятой Богородицы, то исполняется (празднество) такимъ образомъ: императоръ совер-

шаетъ крестный ходъ, какъ сказано выше, исполняя все послѣдовательно въ евктиріяхъ (домовыхъ храмахъ) дафны, совершивъ все, что полагается ему совершать въ день Вай. Священники, послѣ исполненія всего послѣдовательно во храмѣ св. Стефана, одни только отправляются во дворецъ крестнымъ ходомъ, а императоръ входитъ въ свой китонъ, выжидая (тамъ) время. По наступленіи времени церемоніаріи даетъ знакъ препозиту, послѣдній же докладываетъ императору. Императоръ, выйдя въ октагонъ дафны, облекается веститорами въ свою хламиду, по обыкновенію, и, предшествуемый архонтами кувуклія, выходитъ чрезъ августей. Пройдя портикъ или золотую руку [1]), императоръ входитъ въ оноподъ, гдѣ его, ставшаго у мѣдной двери онопода, принимаютъ патрикіи и стратиги. Послѣ того какъ они падутъ ницъ и поклонятся, препозитъ, по приказанію, даетъ знакъ церемоніарію, и послѣдній возглашаетъ „повелите". Оттуда императоръ проходитъ, совершая все послѣдовательно такъ, какъ совершаетъ онъ во время крестнаго хода въ праздникъ Благовѣщенія, что вкратцѣ мы изложили выше. Слѣдуетъ знать, что въ тотъ же самый день Вай и императрица принимаетъ чины подобно императору и получаетъ кресты отъ нихъ, входящихъ къ ней такъ же, какъ и къ императору" [2]).

Иначе праздновалъ императоръ Вербное Воскресенье въ послѣднія времена существованія византійской имперіи. „Въ праздникъ Вай", говоритъ Кодинъ, „въ серединѣ недѣли, предуготовляется путь, ведущій отъ покоя императора къ церкви, и въ субботу Лазаря, ночью, усыпаютъ дорогу, по которой происходитъ шествіе, и всѣ колонны украшаютъ вѣтвями миртовыми, лавровыми или оливковыми. По наступленіи Воскресенья дорога представляется сразу украшенной и приготовленной для шествія. Когда совершается утреня, императоръ облачается и выходитъ изъ своего покоя. Въ другіе праздники императоръ носитъ на главѣ и

---

[1]) Золотою рукою назывался портикъ августея. Онъ имѣлъ видъ, по всей вѣроятности, узкой галлереи, потому что довольно часто назывался στενόν (тамъ же I, 107). Не отсюда ли названіе его: золотая *рука?*

[2]) De cer. a. B., I, 32, pag. 171 sqq.

на себѣ [1]) то изъ своихъ одеждъ, что ему угодно, какъ было описано, въ этотъ же праздникъ онъ только имѣетъ на главѣ корону и облаченъ въ саккосъ, имѣя въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой свертокъ съ акакіей, какъ обычно, и свѣтильникъ. Переоблачаются также и сановники въ обычныя ихъ одежды, какъ мы ранѣе сказали.

Открываетъ шествіе свѣщеносецъ со свѣтильникомъ, воспѣвая весь тропарь: *Ἐξέλθετε ἔθνη, ἐξέλθετε καὶ λαοί, θεάσασθε σήμερον τὸν βασιλέα τῶν οὐρανῶν...* За нимъ (слѣдуетъ) императоръ и его сынъ, если онъ есть. Сынъ императора, если онъ уже коронованъ, имѣетъ на главѣ корону, какъ и отецъ его, слѣдуя за императоромъ и отцомъ своимъ, если же онъ еще не коронованъ, то (имѣетъ на главѣ) только вѣнецъ и верхній покровъ его, какъ мы уже сказали. За нимъ идутъ деспоты, затѣмъ архидіаконъ съ евангеліемъ, патріархъ или патріархи, если они находятся (въ столицѣ), облеченные въ свои одежды, а за ними священники, числомъ пять или шесть, неся св. иконы.

Когда всѣ въ такомъ порядкѣ пройдутъ по приготовленному пути до церкви, тамъ оканчивается утреня. Потомъ императоръ возвращается такъ, какъ было описано, въ предшествіи свѣщеносца.

Когда императоръ возвратится по пути (приготовленному отъ покоя его къ церкви), а также патріархъ и императорскіе священники, выходитъ дитя и беретъ вѣтвь, а это означаетъ, что состоялось позволеніе императора, чтобы украшенія пути были всѣми разобраны, что тотчасъ и происходитъ: украшенія эти разбираются Варягами, гвардіей и прочими чинами, при дворѣ (императора) находящимися. Послѣ того какъ это все совершится, императоръ удаляется къ столу, такъ какъ литургіи не бываетъ вслѣдствіе того, что время ея уже миновало; прислуживаетъ же (императору за столомъ) великій доместикъ" [2]).

Такъ праздновали императоры Византіи Вербное Воскресенье. Иначе совершалось празднованіе этого дня московскими царями [3]).

[1]) Въ текстѣ: Ἐπὶ τοῦ σώματος—на тѣлѣ.

[2]) Codini Curopalatae De officiis, cap. X, pag. 67, ed. Bon.

[3]) Г. Марковинъ признаетъ различіе между московскимъ дѣйствомъ Вайи и обрядомъ въ недѣлю Вайи, изложеннымъ въ De cer. a. B. Это различіе онъ объясняетъ обычаемъ византійскихъ императоровъ въ праздникъ Вайи разда-

На Руси были два чина дѣйства въ недѣлю Вай: одинъ, болѣе древній, совершавшійся въ XVI в. и началѣ XVII в., и другой, позднѣйшій, начало совершенія котораго относится приблизительно къ половинѣ XVII в. [1]). Между обоими чинами много сходнаго, различіе заключается лишь въ томъ, что, во-первыхъ, позднѣйшій чинъ указывалъ іерарху шествіе на ослѣ только отъ лобнаго мѣста къ Успенскому собору, подобно тому, какъ Спаситель совершилъ одинъ путь на ослѣ во Іерусалимъ, по древнѣйшему же чину шествіе на ослѣ совершалось отъ Успенскаго собора ко Входо-Іерусалимской церкви и обратно къ Успенскому собору; во-вторыхъ, позднѣйшій чинъ указывалъ читать евангеліе не іерарху, какъ то было по древнему чину, но діакону, іерархъ же долженъ былъ произносить только тѣ слова, которыя произнесъ Спаситель; въ-третьихъ, въ позднѣйшій чинъ введено было доба-

вать жалованье чиновникамъ. (Объ этой раздачѣ жалованья см. Comment. in Codini cap. X, pag. 311 sqq.). Но со времени Кодина, когда уничтожился обычай раздачи жалованья, т. е. роги, „обряды Византійскихъ Императоровъ“, говоритъ г. Марковинъ „были совершенно тѣже, какіе были у насъ при первыхъ русскихъ царяхъ и существуютъ до настоящаго времени со времени Петра I, именно: они состояли въ торжественномъ выходѣ въ Соборную Церковь—въ Византіи въ Софійскую, въ Москвѣ въ Успенскую,—откуда при участіи патріарха и духовенства Царь выходилъ на площадь предъ Соборомъ, гдѣ поставлена была разукрашенная верба, и послѣ освященія вербы патріархомъ, получалъ ее изъ рукъ его и съ нею возвращался во дворецъ“. (Назв. тр., „Христ. Др. и Археологія“, изд. Прохоровымъ, 1872 г., 55). Разобраться въ приведенныхъ словахъ г. Марковина не легко. Ясно только, что самъ г. Марковинъ, признавая различіе между московскимъ дѣйствомъ Вай и обрядомъ въ недѣлю Вай, изложеннымъ въ De cer. a. B., исключаетъ мысль о заимствованіи Москвою этого обряда изъ Византіи. Если даже допустить, что различіе между указанными дѣйствомъ и обрядомъ можно объяснять раздачею византійскимъ императоромъ жалованья своимъ чиновникамъ, нельзя согласиться съ голословнымъ мнѣніемъ г. Марковина, будто обряды византійскихъ императоровъ въ недѣлю Вай со времени Кодина тѣже, что московскіе и существующіе въ Россіи по настоящее время. Указавъ только, что въ Византіи въ недѣлю Вай императоръ выходилъ въ Софійскій соборъ, а въ Москвѣ царь отправлялся въ Успенскій соборъ, г. Марковинъ этимъ и ограничился: онъ говоритъ далѣе о царѣ московскомъ, позабывъ объ императорѣ византійскомъ.

[1]) Прот. Никольскій „О службахъ русской церкви“, 54; И. Е. Забѣлинъ „Дом. бытъ русск. царей, 415, изд. 3.

вленіе: отправленіе іерархомъ двухъ лицъ за осломъ и разговоръ этихъ посланныхъ съ тѣми лицами, которыя находились у привязаннаго осла [1]). Всѣ эти исправленія древняго чина имѣли цѣлью, очевидно, болѣе уподобить дѣйство Ваій шествію Спасителя во Іерусалимъ.

Дѣйство это, въ исправленномъ видѣ, совершалось въ Москвѣ слѣдующимъ образомъ. Въ Вербное Воскресенье царь выходилъ въ соборъ въ праздничномъ выходномъ платьѣ, въ сопровожденіи бояръ и другихъ чиновъ. Изъ собора совершался крестный ходъ въ такомъ порядкѣ: сначала шелъ патріархъ въ предшествіи духовенства, затѣмъ царь, предшествуемый своими чинами. Ходъ останавливался у Покровскаго собора, царь и патріархъ отправлялись въ соборъ, гдѣ на патріарха возлагалось полное облаченіе, если онъ шествовалъ отъ Успенскаго собора въ маломъ облаченіи, и совершалось молебствіе, а царь облачался въ царскій нарядъ въ соборномъ придѣлѣ. Въ это время на лобномъ мѣстѣ, богато убранномъ бархатами и сукнами, ставили налой съ евангеліемъ и иконами. Около лобнаго мѣста стояло осля, у котораго находились патріаршій бояринъ и нѣсколько дьяковъ, и тутъ же ставилась заблаговременно приготовленная большая верба на саняхъ. Царь и патріархъ, выйдя изъ Покровскаго собора, отправлялись къ лобному мѣсту и всходили на него. Патріархъ подносилъ царю ваію и вербу и раздавалъ ихъ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ, митрополиты же раздавали вербу низшимъ свѣтскимъ чинамъ и народу. Послѣ раздачи вербы архидіаконъ читалъ евангельское повѣствованіе о входѣ Спасителя во Іерусалимъ, и когда произносилъ слова евангельскаго текста: „и посла два отъ ученикъ“..., соборный протопопъ и ключаръ подходили къ патріарху, который благословлялъ ихъ и, произнося соотвѣтствующія слова евангельскаго текста, посылалъ по осля. Посланные говорили съ находившимися подлѣ осляти также словами евангельскаго текста и приводили осля къ лобному мѣсту. Тогда патріархъ бралъ въ руки евангеліе и крестъ, благословлялъ крестомъ царя, садился на осля, и шествіе начиналось: впереди шли государевы меньшіе чины, за ними везли на саняхъ вербу, около которой стояли пѣвчіе и пѣли

[1]) Назв. труды прот. Никольскаго, 54, и Забѣлина, 415.

стихиры. За вербою шло духовенство съ иконами, высшіе государевы чины съ ваіями, а за ними царь, въ большомъ царскомъ нарядѣ, поддерживаемый подъ руки ближними людьми, велъ осля за конецъ повода. Предъ царемъ стольники и ближніе люди несли царскіе: жезлъ, вербу, свѣчу и полотенце. За царемъ шли чины его, а за патріархомъ, который сидѣлъ на осляти, духовныя власти. Во время шествія на осляти патріархъ осѣнялъ народъ крестомъ. По пути шествія дѣти стрѣльцовъ стлали предъ царемъ и патріархомъ сукна и кафтаны. Все шествіе, при звонѣ колоколовъ, вступало въ кремль чрезъ спасскія ворота и направлялось къ западнымъ дверямъ Успенскаго собора. Здѣсь патріархъ сходилъ съ осляти и вступалъ въ соборъ, гдѣ архидіаконъ дочитывалъ евангельское повѣствованіе о входѣ Спасителя во Іерусалимъ, послѣ чего иногда произносилась ектинія и слѣдовалъ отпустъ. Послѣ отпуста патріархъ бралъ у царя ваію, благословлялъ его, цѣловалъ въ десницу и мышцу и здравствовалъ ему, пѣвчіе же пѣли царю многолѣтіе. Послѣ дѣйства, если оно совершалось до литургіи, слѣдовала литургія [1]).

Различіе между обрядами Ваій, совершавшимися въ Византіи и на Руси, слишкомъ велико, такъ что не можетъ быть рѣчи о заимствованіи послѣднею обряда Ваій изъ Византіи. И анонимный изслѣдователь византійскихъ и московскихъ церковно-придворныхъ обрядовъ, который въ предисловіи къ своему изслѣдованію говорилъ, что „плѣнительное обаяніе церковно-придворной обрядности, заимствованной Москвою изъ Византіи, произвело въ русскихъ ту послушную воспріимчивость къ полновластію правительства, которая внушила имъ считать своего царя представителемъ Божественной власти“ [2]), и высказалъ мысль „о взаимномъ соотношеніи и сродствѣ обрядовъ византійскихъ съ русскими“ [3]), послѣ краткаго описанія празднованія кануна Вербнаго Воскресенья по De cer. a. B., нашелъ, что изученіе церковно-придворныхъ церемоній византійскихъ императоровъ приводитъ къ заключенію, „что участіе церкви въ этихъ церемоніяхъ ограничивалось только раздаяніемъ таинъ

[1]) Назв. труды прот. Никольскаго, 58—96, и Забѣлина, 406—417.
[2]) „Духовная Бесѣда“, 1871 г., № 52, стр. 446.
[3]) Тамъ же, стр. 447.

Божіихъ: власть церковная является въ нихъ только какъ второстепенная, а никакъ не главная, распорядительная сила. Съ своими службами и таинствами она является здѣсь только для приданія государственной-гражданской церемоніи нѣсколько церковнаго характера, и чтобы выказать чрезвычайное значеніе императора, какъ главы не только строя государственнаго, но нѣкоторымъ образомъ и духовнаго чина" [1]). Указывая, что въ Византіи наканунѣ Вербнаго Воскресенья „процессію совершалъ императоръ, а не патріархъ", что „императоръ также вмѣстѣ съ пальмами раздавалъ своимъ придворнымъ кресты, а не патріархъ, тогда какъ въ Россіи, напротивъ, и то и другое принадлежитъ церкви и церковной власти", анонимный изслѣдователь замѣчаетъ, что императоръ, „раздавая кресты, этимъ самымъ показывалъ себя не только исповѣдникомъ вѣры Христовой, но и обязывалъ къ подобному исповѣданію и высшихъ своихъ придворныхъ чиновниковъ", чѣмъ значеніе предстоятелей церкви, какъ хранителей вѣры, въ глазахъ народа умалялось [2]). Со взглядомъ, который составился у анонимнаго изслѣдователя на характеръ церковно-придворныхъ церемоній византійскихъ императоровъ послѣ ознакомленія съ совершеніемъ обряда Ваій въ Византіи, нельзя не согласиться.

Еще въ большей степени особенное значеніе императора въ церкви выказывалось въ обрядѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Вербное Воскресенье, на что обращается вниманіе и самимъ анонимнымъ изслѣдователемъ. Въ этотъ день императоръ принималъ символы вѣры и кресты отъ чиновъ, этимъ актомъ какъ бы провѣряя ихъ правовѣріе. Послѣ раздачи крестовъ чинамъ императоръ отправлялся во храмъ пресв. Богородицы въ фарѣ, на пути туда совершая поклоненіе иконамъ въ другихъ дворцовыхъ храмахъ. Въ этомъ поклоненіи императора предъ иконами анонимный изслѣдователь усматриваетъ сходство съ тѣмъ поклоненіемъ высшихъ іерарховъ, которое послѣдними совершается при входѣ во храмъ предъ мѣстными иконами и другими священными предметами, съ тѣмъ только отличіемъ, что императоры на пути шествія своего были встрѣчаемы различными привѣтствіями и благожеланіями,

---

[1]) Тамъ же, стр. 452—453.

[2]) Тамъ же, стр. 452.

высшіе же іерархи церкви во время своего шествія сопровождаются пѣніемъ церковныхъ гимновъ [1]).

Въ заключеніе характеристики церковно-придворныхъ церемоній византійскихъ императоровъ въ недѣлю Ваій анонимный изслѣдователь говоритъ, что „въ этихъ церемоніяхъ мы видимъ на первомъ планѣ особу императора, какъ лице, которое соединяетъ въ себѣ и свѣтскую и духовную власть, какъ лице, имѣющее даже церковное значеніе.... Какъ ревнитель православной вѣры, онъ принимаетъ символы и кресты, приносимые ему съ покорностью его подданными; какъ лице священное, въ нѣкоторомъ смыслѣ церковное, онъ раздаетъ кресты своимъ придворнымъ въ награду за подвигъ поста“ [2]).

Въ византійскомъ церковно-придворномъ обрядѣ въ праздникъ Ваій видимъ императора на первомъ планѣ. Онъ наканунѣ Вербнаго Воскресенья раздаетъ ваіи съ крестами во храмѣ св. Димитрія, а въ Вербное Воскресенье, принявъ символы вѣры и кресты, идетъ своею процессіею въ сопровожденіи свѣтскихъ чиновъ во храмъ пресв. Богородицы въ фарѣ, встрѣчаясь съ крестнымъ ходомъ въ фіалѣ триконха, гдѣ крестный ходъ, по выраженію придворнаго устава, принималъ его, и императоръ, принявъ участіе въ крестномъ ходѣ, заходилъ въ дворцовые храмы, гдѣ совершалъ ектиніи. И императрица, подобно императору, принимая чины, должно быть, своего придворнаго штата, принимала отъ нихъ кресты.

Во времена упадка византійской имперіи обрядъ въ недѣлю Ваій совершался иначе, но и тогда императоръ выступалъ въ процессіи впереди патріарха [3]).

Въ иномъ видѣ представляется власть царская въ московскомъ дѣйствѣ въ праздникъ Ваій.

Время появленія этого дѣйства на Руси неизвѣстно въ точности. Его не могли опредѣлить еще въ XVII в. На соборѣ рус-

[1]) Тамъ же, стр. 454.

[2]) Тамъ же, 1872 г., № 3, стр. 41. Анонимный изслѣдователь указываетъ на объясненіе Вальсамона, что въ праздникъ Ваій раздавались кресты въ награду за перенесенный подвигъ поста (тамъ же, стр. 38—39).

[3]) Впереди патріарха шествовалъ въ дѣйствѣ Ваій и московскій царь, но это потому, что царь велъ осла, на которомъ сидѣлъ патріархъ.

скихъ іерарховъ подъ предсѣдательствомъ патріарха въ 1678 г., когда было опредѣлено, чтобы обрядъ шествія на осляти совершался только въ Москвѣ, возникъ вопросъ о времени появленія этого обряда на Руси, іерархами не разрѣшенный. „И бывшу о томъ прежде (до засѣданія собора), и тогда прилѣжну испытанію устному", читаемъ въ актѣ собора, „и въ книгахъ тако церковныхъ, яко лѣтописныхъ досмотрѣнію, ни малѣйшее того дѣйствія обрѣтеся воспоминаніе". Вслѣдствіе этого отцы собора сдѣлали предположеніе, что обрядъ этотъ „не отъ древнихъ вѣкъ, но мало прежде нашего житія во время мятежное, бывшу въ Государствѣ семъ смятенію великому,...введеся въ церковь".... [1]). Къ какому времени отнесли отцы собора появленіе этого обряда, не вполнѣ ясно. Подъ „смятеніемъ великимъ" врядъ ли можно предполагать дѣло патріарха Никона, ибо отцы собора говорятъ, что это смятеніе было „прежде ихъ житія". Вѣроятнѣе думать, что отцы собора подъ „смятеніемъ" разумѣли смутное время московскаго государства, на что даетъ право опредѣленіе, что смятеніе это было „мало прежде житія" отцовъ собора. Но такое опредѣленіе отцовъ собора нельзя признать вѣрнымъ. Дѣйство въ недѣлю Вай, по извѣстію цесарскаго посла Даніила Принца фонъ Бухау, совершалось въ Москвѣ еще въ царствованіе Іоанна IV [2]). Даніилъ Принцъ, бывшій въ Москвѣ дважды: въ 1576 и 1578 гг., передаетъ слѣдующее о совершеніи этого дѣйства: „въ Воскресенье, получившее названіе отъ пальмовыхъ вѣтвей подстилавшихся Христу, входящему во Іерусалимъ, митрополитъ московскій и архіепископы, сѣвши на ослицу, при пѣніи отроками словъ псалма: „Благословенъ грядый...", входятъ во храмъ, которому имя дали отъ города Іерусалима. Ослицу митрополита обыкновенно вводитъ во храмъ (?) самъ великій князь; предъ нимъ, какъ предъ другими

---

[1]) „Древн. Рос. Вивл." VI, стр. 359, изд. 2.

[2]) Прот. Никольскій начинаетъ перечень иностранныхъ писателей, у которыхъ находятся извѣстія о совершеніи дѣйства въ недѣлю Вай въ Москвѣ, съ Флетчера (назв. тр., стр. 48, прим. 1-е). Флетчеръ передаетъ, что въ недѣлю Вай патріархъ ѣхалъ на лошади, узду которой держалъ царь (Ѳедоръ Іоанновичъ) (La Russie au XVI siècle, t. II, chap. XXV, p. 144, an. 1864).

епископами, несутъ деревянный крестъ“ [1]). Прот. Никольскій, указывая, какъ на самое раннее свидѣтельство о существованіи въ Россіи обряда шествія архіерея на осляти въ Вербное Воскресенье, на извѣстіе въ расходныхъ книгахъ Софійскаго дома (новгородскаго архіепископа) за 1548 г., отмѣчаетъ, что извѣстіе это говоритъ не о нововведеніи, но о бывшемъ уже обрядѣ [2]). Такимъ образомъ, самыя раннія извѣстія о существованіи этого обряда въ Россіи относятся ко времени Іоанна IV.

Отсутствіе свидѣтельствъ въ памятникахъ о существованіи этого обряда въ Москвѣ въ болѣе раннее время не оправдываетъ высказаннаго г. Марковинымъ мнѣнія, что церковно-гражданскіе обряды своимъ появленіемъ въ Москвѣ обязаны Софьѣ Палеологъ и пришедшимъ съ нею въ Москву грекамъ. Молчаніе памятниковъ даетъ право заключить, что во время Іоанна III и, быть можетъ, Василія III обрядъ этотъ въ Москвѣ не соблюдался [3]).

Прот. Никольскій указываетъ на мнѣніе, будто появленіе дѣйства въ недѣлю Ваій, какъ и дѣйствъ Пещного и Страшнаго суда, должно быть объяснено желаніемъ царской власти принять участіе въ церковныхъ церемоніяхъ [4]). Мнѣніе это, какъ вѣрно замѣтилъ прот. Никольскій, основано на неправильно понятомъ мѣстѣ соборной грамоты 1678 г. Въ этой грамотѣ отцы собора говорятъ, что обрядъ въ недѣлю Ваій, въ томъ видѣ, въ какомъ соблюдался онъ въ Москвѣ, „благочестія ради Вѣнценосцевъ попустися“ [5]), т. е., что цари не ввели этотъ обрядъ, но допустили соблюденіе его [6]).

---

[1]) „Начало и возвышеніе Московіи“ въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1876 г., кн. III, стр. 40.

[2]) Назв. тр., 48.

[3]) Весьма важно молчаніе объ этомъ обрядѣ Герберштейна. И. Е. Забѣлинъ, задававшійся вопросомъ о времени появленія обряда Ваій въ Москвѣ, указываетъ, что извѣстія о существованіи этого обряда на Руси не восходятъ ранѣе XVI в. („Дом. бытъ рус. царей“, 406, изд. 3).

[4]) Прот. Никольскій имѣетъ въ виду мнѣніе г. Сахарова, высказанное имъ въ „Очеркахъ церковныхъ дѣйствъ въ древне-восточной Руси“ въ „Чтен. въ Об. люб. духовн. просв.“, 1880 г., апр., стр. 538.

[5]) „Древн. Рос. Вивл.“ VI, стр. 360.

[6]) Прот. Никольскій, назв. тр., 45—46.

Въ этомъ обрядѣ, который появленіемъ своимъ обязанъ „попущенію Вѣнценосцевъ благочестія ихъ ради", можно ли видѣть, подобно г. Марковину, одинъ изъ пышныхъ обрядовъ, „соотвѣтствовавшій власти императора и титулу самодержца"? [1]). Можно ли думать, вмѣстѣ съ г. Марковинымъ, что въ этомъ обрядѣ „Византія передала русскимъ понятіе о царѣ православномъ, какъ объ единомъ представителѣ божественной власти въ православномъ государствѣ, къ которому всѣ другія человѣческія власти и достоинства относятся какъ къ своему главѣ"? [2]). Возможно ли принять мнѣніе г. Марковина, что церковно-придворные обряды византійскаго двора, перенесенные въ Москву, въ томъ числѣ и обрядъ Вайй, столь возвысили царя въ глазахъ его подданныхъ, что произвели на Руси „безусловное повиновеніе царской власти, доходившее въ подданныхъ до полнаго рабства"? [3]).

Вѣрнѣе предположить, что смиреніе царя, проявляемое имъ въ обрядѣ Вайй, было примѣромъ смиренія и для подданныхъ его, но это было смиреніе предъ властью духовною, которое могло только лишь способствовать усиленію авторитета этой власти, а отнюдь не свѣтской, предъ нею смирявшейся. Такое предположеніе можетъ быть оправдано взглядомъ самихъ отцовъ собора 1678 г. на ту роль, которая отведена была царю въ обрядѣ Вайй: ...„благочестивѣйшіи Самодержцы наши благоволятъ въ немъ (въ дѣйствѣ Вайй), *показанія ради народу православному образа смиренія своего*, и благопокоренія предъ Христомъ Господемъ, ибо *обычай всесмиренный пріяша*, еже возсѣдшу Патріарху на жребя, въ память въѣханія Господня во Іерусалимъ, *смиряти высоту свою Царскую*, и скипетрокрасныма рукама си уздѣ того осляти прикасатися". Отцы собора хвалятъ такое смиреніе царя земного: „ибо мнози толикимъ смиреніемъ Царя земнаго предъ Царемъ небеснымъ умиляются, и внутрь себе духъ сокрушенія стяжавше отъ Бога, ко глубинѣ душеспасеннаго смиренія низходятъ"... [4]).

Говоря объ обрядахъ Вайй, совершавшихся въ Византіи и на Руси, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ Византіи только импе-

[1]) Назв. тр., 3.

[2]) Тамъ же, 6.

[3]) Тамъ же, 10.

[4]) „Древн. Рос. Вивл." VI, стр. 359—360.

раторъ въ праздникъ Ваій раздавалъ чинамъ кресты и принималъ ихъ вмѣстѣ съ символами вѣры, между тѣмъ на Руси, въ Вербное Воскресенье, осля, на которомъ сидѣлъ іерархъ, водилъ не одинъ царь. Въ томъ, что совершалъ византійскій императоръ въ обрядѣ въ недѣлю Ваій, выражалась идея власти его; совершаемое императоромъ было отличіемъ его отъ всякой другой мірской власти, и никакое другое лицо въ византійской имперіи не исполняло того, что совершалъ императоръ наканунѣ Вербнаго Воскресенья и въ день этого Воскресенья. На Руси же, гдѣ царь, участвуя въ обрядѣ въ недѣлю Ваій, не воплощалъ въ себѣ идеи такой власти, какою была власть императора Византіи, обрядъ этотъ совершался и по другимъ городамъ: тамъ епископъ садился на осля, которое велъ высшій гражданскій чинъ; такимъ образомъ царя замѣнялъ бояринъ, патріарха—митрополитъ или епископъ, и идея обряда сохранялась: власть свѣтская выражала свое смиреніе предъ властью духовною. Совершеніе дѣйства въ недѣлю Ваій по другимъ городамъ запрещено было только московскимъ церковнымъ соборомъ 1678 г. Въ актѣ этого собора было сказано, что архіереи совершаютъ дѣйство Ваій по другимъ городамъ, „идѣже Царское лице образующе, и не великія чести Начальницы осляти предводителіе сотворяются. Его же мы честь хранящe, и не по уставу дѣло сущее, и ни во единомъ Государствѣ Христіанскихъ бывшее...., судъ изнесохомъ сицевъ: да то дѣйствіе, яко ни что же противное церкви и уставомъ святыхъ Апостолъ и богодухновенныхъ отецъ имущее, во славу Христа Бога нашего, и за благоговѣйнство благочестивѣйшихъ Вѣнценосцевъ, точію въ самомъ царствующемъ градѣ Москвѣ присущу Скипетроносцу, отъ самаго патріарха дѣйствуемо будетъ, а не отъ иныхъ Архіерей.... Нѣсть бо лѣпо, едва самому Патріарху соизволяемое дѣло, нижшимъ Архіереемъ совершати“ [1]).

Прот. Никольскій совершенно вѣрно замѣчаетъ, что это опредѣленіе собора указало на такія причины запрещенія совершать дѣйство Ваій въ другихъ городахъ, кромѣ Москвы, которыя вызываютъ рядъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему архіерею не подобало совершать въ своемъ городѣ хожденіе на осляти въ праздникъ Ваій, когда такое хожденіе совершалось патріархомъ въ

[1]) Тамъ же, 360—361.

Москвѣ? Если каждый архіерей въ службѣ литургіи, говоритъ прот. Никольскій, изображаетъ Господа, то прилично ему изобразить Господа и въ хожденіи въ недѣлю Ваій. Далѣе, возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ охранялась честь царскаго сана чрезъ то, что запрещено было боярамъ по городамъ вести осля за узду, подобно царю, когда въ этомъ выражалось только смиреніе царя, долженствовавшее служить примѣромъ для подданныхъ? Дѣйствительно ли церковный соборъ 1678 г. имѣлъ въ виду возвышеніе чести царя? Опредѣленіе собора, какъ вѣрно заключаетъ прот. Никольскій, не желало прямо указать истинную причину запрещенія архіереямъ совершать въ Вербное Воскресенье шествіе на осляти, но въ этомъ опредѣленіи отчасти проглядываетъ настоящее побужденіе къ такому запрещенію. Оно цѣлью своею имѣло возвышеніе достоинства патріарха: „нѣсть бо лѣпо, едва самому Патріарху соизволяемое дѣло, нижшимъ Архіереемъ совершати" [1]).

Совершеніе дѣйства Ваій прекратилось вмѣстѣ съ патріаршествомъ. Говоря о прекращеніи этого обряда, преосв. Иннокентій указываетъ, какъ вѣроятную, такую причину этого прекращенія: „стали смотрѣть въ немъ (дѣйствѣ) болѣе на внѣшность, нежели на духъ, выражаемый внѣшностію; и видѣть болѣе униженіе царя предъ іерархомъ, нежели разительное напоминаніе о благодатномъ Христовомъ царствіи и іудейской превратности" [2]). Это объясненіе преосв. Иннокентія прот. Сулоцкій понялъ въ томъ смыслѣ, что патріархъ или митрополитъ, ѣхавшій на осляти, представлялъ „лицо Іисуса Христа, или что то же благодатное Царство Христово", а царь или воевода, водившіе осля, на которомъ сидѣлъ іерархъ, „изображали іудейскую превратность" [3]). Такъ понялъ объясненіе преосв. Иннокентія и прот. Никольскій, прибавивъ, что водившіе за узду осля, на которомъ сидѣлъ іерархъ, изображали собою, по мнѣнію современниковъ совершенія этого дѣйства, іудейскую превратность [4]). Къ сожалѣнію, прот. Николь-

---

[1]) Назв. тр., 53.

[2]) „Начертаніе Церковн. исторіи", отд. 2, стр. 511, изд. 7-е, М. 1849 г.

[3]) „Крестный ходъ на осляти въ Тобольскѣ", „Чтен. въ Моск. Об. Ист. и Др. Рос.", 1870 г., кн. III, стр. 20 и прим. 10.

[4]) Назв. трудъ, 53—54.

скій не называетъ современниковъ совершенія этого обряда, на мнѣніе которыхъ онъ ссылается.

Врядъ ли объясненіе смысла дѣйства въ недѣлю Ваій, предложенное преосв. Иннокентіемъ, даетъ право понимать его такъ, какъ поняли прот. Сулоцкій и Никольскій. Преосв. Иннокентій говоритъ, что веденіе царемъ за поводъ осля, на которомъ сидѣлъ іерархъ, напоминало „о благодатномъ Христовомъ царствіи и іудейской превратности", и это его толкованіе, кажется, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что іудеи, оказавшіе царскія почести Христу, шествовавшему во Іерусалимъ, вскорѣ потребовали смерти Его. Шествіе іерарха на осляти напоминало въѣздъ Христа во Іерусалимъ, привѣтствовавшіе и преклонявшіеся предъ іерархомъ изображали іудеевъ, которые нѣкогда привѣтствовали Христа, но какъ они могли изображать тѣхъ іудеевъ, которые требовали смерти Христа, когда дѣйство напоминало только въѣздъ Христа во Іерусалимъ? Врядъ ли царь московскій и его православные подданные согласились бы изображать іудейскую превратность, т. е. перемѣну настроенія іудеевъ, которые, послѣ оказанныхъ привѣтствій и почести Христу, потребовали смерти Его. Обрядъ шествія патріарха на осляти, изображавшій въѣздъ Христа во Іерусалимъ, давалъ царю одну роль: выразить свое смиреніе предъ Христомъ, Котораго въ обрядѣ этомъ изображалъ патріархъ. Такъ понимали роль царя въ этомъ обрядѣ отцы московскаго собора 1678 г.

Московское дѣйство, совершавшееся въ Вербное Воскресенье, не могло быть заимствовано изъ Константинополя. На вопросъ, откуда оно было заимствовано, прот. Никольскій и проф. Красносельцевъ отвѣчаютъ согласно: изъ Іерусалима [1]).

---

[1]) Назв. трудъ прот. Никольскаго, 46 и 75, и проф. Красносельцева „Къ исторіи православнаго Богослуженія", 58.

Глава VI.

Литература вопроса о происхожденіи московскаго посольскаго обряда не велика.

Проф. Н. И. Веселовскій въ своемъ рефератѣ: „О татарскомъ вліяніи на русскій посольскій церемоніалъ до Петра Великаго", читанномъ на IX Археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ, указалъ на двухъ изслѣдователей, высказавшихъ мнѣніе о происхожденіи московскаго посольскаго обряда: Лешкова и Сахарова [1]).

Лешковъ въ своей рѣчи: „О древней русской дипломатіи" разсматривалъ „составные элементы древней русской дипломатіи: направленія внѣшней политики, орудія дипломатіи и законы ея" [2]). Называя орудіями дипломатіи посольства и результаты посольской дѣятельности—трактаты, названный изслѣдователь говоритъ о формахъ пріема и отправленія посольствъ на Руси въ періоды ея: „варяжскій, удѣльный, монгольскій и московскій" [3]). Разсматривая сношенія Руси съ Греціей въ періодъ походовъ князей первой на Константинополь, Лешковъ отмѣчаетъ, на основаніи русской лѣтописи, слѣдующія „формы" пріема пословъ: послы вручали государю, къ которому они посылались, вѣрительныя грамоты (со времени вел. кн. Игоря), на аудіенціи излагали предметъ своего посольства, вели переговоры, заключали договоры, приводили государя къ присягѣ

[1]) См. Протоколы въ „Трудахъ IX Археол. съѣзда", II, 113. Рефератъ проф. Веселовскаго, сколько мнѣ извѣстно, еще не напечатанъ. Краткое содержаніе его изложено и въ „Археолог. Изв. и Замѣткахъ", изд. Импер. Моск. Археол. Обществомъ, 1893 г. №№ 9—10, 386.

[2]) „Рѣчи и отчетъ, произнесенные въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета 17-го іюня 1847 г.", 4. Критическая оцѣнка рѣчи Лешкова, неблагопріятная для него, въ „Сочиненіяхъ К. Кавелина", II, 432, изд. I.

[3]) Назв. тр., 13.

на храненіе ихъ [1]). Такія „орудія и формы, посольства и договоры", говоритъ Лешковъ, „частію выходили изъ жизни народа и состава Руси, частію заняты были нами изъ обычаевъ Греціи" [2]).

Въ періодъ удѣльный, по мнѣнію названнаго изслѣдователя, „частыя личныя свиданія князей помогали развитію посольскаго права, служа образцомъ для формъ посольства и началомъ для установленія посольскаго права и посольскихъ обычаевъ того времени" [3]). Говоря объ обычаѣ князей при съѣздахъ на сеймы располагаться по отдѣльнымъ шатрамъ, Лешковъ замѣчаетъ, что по образцу князей впослѣдствіи составлялись и посольскіе съѣзды, на которыхъ послы размѣщались въ разныхъ шатрахъ, часто не сходясь даже для переговоровъ, но оставаясь на такомъ разстояніи, что должны были громко переговариваться между собою. „Такой обычай размѣщенія пословъ по шатрамъ", по мнѣнію названнаго изслѣдователя, „остался въ русской дипломатіи до XVII в." [4]). Далѣе Лешковъ отмѣчаетъ, что подобно князьямъ, дарившимъ другъ друга при личномъ свиданіи и другъ друга содержавшимъ въ своихъ владѣніяхъ, послы отдаривались между собою и содержались на счетъ того князя, въ странѣ котораго они находились. Указавъ, что въ періодъ удѣльный послами могли быть братья князей, дѣти ихъ и, особенно, духовныя лица, какъ грамотныя, названный изслѣдователь излагаетъ на основаніи лѣтописи посольскій обрядъ этого времени: посолъ спрашивалъ о здоровьѣ то лицо, къ которому былъ посланъ, и передавалъ ему поклонъ отъ своего князя, послѣ чего излагалъ предметъ посольства и присутствовалъ при присягѣ на храненіе договора [5]). Говоря о междукняжескихъ сношеніяхъ, Лешковъ отмѣчаетъ расширеніе дипломатіи Руси въ удѣльный періодъ благодаря сношеніямъ съ иностранными державами, но, употребимъ его выраженіе, объ орудіяхъ этихъ сношеній не говоритъ за отсутствіемъ къ тому данныхъ [6]).

[1]) Тамъ же, 15—16.

[2]) Тамъ же, 26.

[3]) Тамъ же, 33.

[4]) Тамъ же, 34.

[5]) Тамъ же, 33—35.

[6]) Тамъ же, 32.

Разсмотрѣвъ дѣятельность русской дипломатіи въ удѣльный періодъ, названный изслѣдователь пришелъ къ заключенію, что „дипломатія получила развитіе въ орудіяхъ и формахъ сношеній, по ихъ связи съ войною, и осталась почти безъ движенія въ своихъ законахъ и началахъ“ [1]).

Монгольскій періодъ, по мнѣнію Лешкова, не отразился на русскомъ посольскомъ обрядѣ: и въ этотъ періодъ, по обычаямъ старины, пословъ наряжаютъ въ большомъ количествѣ, каждому члену посольства даютъ опредѣленную роль, назначаютъ рѣчь, которую каждый долженъ произнести предъ иностраннымъ государемъ; посольства состоятъ изъ пословъ и товарищей ихъ съ особыми дьяками [2]).

Приступая къ обозрѣнію дипломатической дѣятельн остимосковскаго государства, названный изслѣдователь дѣлаетъ характеристику дипломатическихъ сношеній до-московской Руси и отмѣчаетъ, „что сношенія эти ограничивались небольшимъ кругомъ ближайшихъ сосѣдей, что въ этихъ сношеніяхъ Русь дѣйствовала одна и безъ соперниковъ, что предметъ сношеній не былъ ни сложенъ, ни общиренъ, и не обнималъ собою Руси въ цѣломъ ея составѣ“ [3]). Въ московскій періодъ, говоритъ названный изслѣдователь, кругъ сношеній московскаго государства съ иностранными державами расширился, появилось дѣленіе пословъ на три ранга: собственно пословъ, посланниковъ и гонцовъ; при отправленіи къ иностранному государю послы получали вѣрительную грамоту и наказы, опредѣлявшіе ихъ дѣятельность [4]). Вотъ и все отличіе, по мнѣнію Лешкова, московскаго посольскаго обряда отъ такого же обряда древней Руси.

Какъ вѣрно замѣтилъ проф. Веселовскій въ своемъ рефератѣ, Лешковъ пришелъ къ заключенію, что московскій посольскій обрядъ былъ въ сущности повтореніемъ такого же обряда древней Руси.

Считаться съ такимъ выводомъ едва ли возможно, потому что авторъ рѣчи: „О древней русской дипломатіи“ говорилъ о томъ

[1]) Тамъ же, 45.

[2]) Тамъ же, 57—58.

[3]) Тамъ же, 60.

[4]) Тамъ же, 85—86.

посольскомъ обрядѣ, который соблюдался въ между-княжескихъ сношеніяхъ, посольскаго же обряда, практиковавшагося въ сношеніяхъ Руси до-петровской съ иностранными государствами, за исключеніемъ извѣстій лѣтописи о послахъ между греками и русскими, авторъ названной рѣчи не имѣлъ въ виду. Между тѣмъ важность изученія посольскаго обряда, соблюдавшагося въ сношеніяхъ московской Руси съ иностранными государствами, для сужденія объ образованіи этого обряда, видна и изъ того, что самъ Лешковъ отмѣтилъ вліяніе грековъ на посольскій обрядъ древней Руси.

Не обративъ вниманія на дипломатическія сношенія московской Руси съ иностранными государствами, Лешковъ предположилъ, что отъ временъ князей удѣльныхъ до XVII в. русскіе дипломаты хранили обычай переговариваться на съѣздахъ съ иностранными послами въ разныхъ шатрахъ, но на такомъ, конечно, разстояніи, чтобы можно было слышать другъ друга. Между тѣмъ такой обычай существовалъ и въ XVII в., и врядъ ли въ немъ можно видѣть традицію временъ князей удѣльныхъ, тѣмъ болѣе, что обычай этотъ соблюдался и иностранными дипломатами. Изъ отчета нидерландскихъ посланниковъ, отправленныхъ въ 1615 г. въ Россію и Швецію для посредничества при заключеніи мира между этими державами, узнаемъ, что на съѣздѣ русскихъ и шведскихъ уполномоченныхъ послѣдніе изъявили нежеланіе обсуждать условія заключенія мира въ палаткахъ русскихъ, но предложили поставить палатки посредниковъ и уполномоченныхъ на такомъ разстояніи, чтобы находящіеся въ палаткахъ могли слышать другъ друга. Русскіе уполномоченные на это не соглашались, но требовали, чтобы шведы являлись для переговоровъ къ нимъ, потому что такъ велось изстари. Шведскіе уполномоченные отвѣчали, что королю ихъ подобаетъ не менѣе чѣмъ царю имѣть свою палатку для своихъ пословъ, и что русскіе напрасно ссылаются на старину, ибо во время переговоровъ, поведшихъ къ заключенію Тявзинскаго трактата, русскіе и шведскіе уполномоченные, находясь въ своихъ палаткахъ, сидѣли за однимъ и тѣмъ же столомъ, бо́льшая часть котораго помѣщалась въ палаткѣ русскихъ [1]). Споръ

---

[1]) С. И. Р. И. Об., XXIV, стр. 191—196.

окончился тѣмъ, что шведскіе уполномоченные согласились поставить палатки для себя и для русскихъ такъ, чтобы одинъ конецъ стола находился въ палаткѣ посредниковъ, остальная же часть его была бы въ шатрахъ русскихъ и шведовъ, причемъ послѣдніе сдѣлали уступку: большую часть стола оставили подъ палаткою русскихъ [1]). И русскіе и шведскіе уполномоченные полагали, что та сторона, которая являлась въ палатку другой для совѣщаній, унижала тѣмъ достоинство своего государя.

Врядъ ли также можно согласиться съ Лешковымъ, что обычай давать содержаніе иностранному послу существовалъ благодаря тому, что князья русскіе во время съѣздовъ содержались на счетъ того князя, въ странѣ котораго они находились. Самъ же Лешковъ отмѣтилъ, что этотъ обычай существовалъ еще ранѣе, именно въ періодъ сношеній Руси съ Византіей, когда послы содержались на счетъ того государя, къ которому они являлись [2]).

Кромѣ Лешкова проф. Н. И. Веселовскій указываетъ на мнѣніе И. П. Сахарова о заимствованіи московскаго посольскаго церемоніала изъ Византіи.

Не соглашаясь съ мнѣніями ни Лешкова, ни Сахарова, проф. Веселовскій доказываетъ, что русскіе приняли цѣликомъ татарскій посольскій церемоніалъ. Указавъ, что во время господства татаръ русскіе князья должны были принимать татарскихъ пословъ и отправлять своихъ къ ханамъ такъ, какъ этого требовали послѣдніе, проф. Веселовскій разбиралъ отдѣльныя явленія въ русскомъ посольскомъ обиходѣ и сравнивалъ ихъ съ подобными же, существовавшими у татаръ, а отчасти существующими на Востокѣ и теперь. Заимствованный русскими отъ татаръ посольскій церемоніалъ съ теченіемъ времени, по мнѣнію проф. Веселовскаго, нѣсколько измѣнился: отмѣнены были земные поклоны, отмѣнено было цѣлованіе ноги и замѣнено цѣлованіемъ руки.

Къ сожалѣнію, судить о степени убѣдительности доводовъ проф. Веселовскаго въ пользу мнѣнія его о заимствованіи московскою Русью посольскаго обряда отъ татаръ нельзя, такъ какъ рефератъ его не напечатанъ еще.

---

[1]) Тамъ же, стр. 200.

[2]) Назв. тр., 16.

Мысль о вліяніи Востока чрезъ татаръ на московскій посольскій обрядъ была высказана еще въ 1825 г. А. Рихтеромъ въ его „Изслѣдованіи о вліяніи монголо-татаръ на Россію“ [1]). Отмѣтивъ, что нѣкоторые восточные обычаи появились на Руси вслѣдствіе татарскаго ига, Рихтеръ говорилъ, что московскіе цари, подобно азіатскимъ властителямъ, заставляли пословъ говорить предъ ними рѣчи, стоя на колѣняхъ, и повергаться предъ трономъ ихъ на землю, отчего произошло выраженіе: „бью челомъ“. Въ доказательство своего мнѣнія Рихтеръ указывалъ, что въ 1565 г. послы крымскаго хана говорили предъ Іоанномъ IV рѣчи, стоя на колѣняхъ, и что казанскіе ханы, престоломъ своимъ обязанные московскимъ царямъ, на слова послѣднихъ отвѣчали земными поклонами [2]). Но доказательства Рихтера только могутъ свидѣтельствовать, что татарскіе послы стояли на колѣняхъ предъ московскими государями и били предъ ними земные поклоны; о томъ московскомъ посольскомъ обрядѣ, который соблюдался въ сношеніяхъ съ западными европейскими державами, Рихтеръ не говоритъ [3]).

Мысль о вліяніи Византіи на образованіе московскаго посольскаго обряда, кромѣ Сахарова, на котораго указываетъ проф. Веселовскій, было высказана Рамбо и о. Пирлингомъ.

Первый изъ названныхъ изслѣдователей, указавъ, что послѣ паденія Константинополя, благодаря браку Іоанна III съ Софьей Палеологъ, въ Москву явились греки, между которыми были и дипломаты, говоритъ о византійской дипломатіи на основаніи De cerimoniis aulae Byzantinae и Excerpta de legationibus gentium ad Romanos [4]).

Въ De cerim. a. B. находимъ церемоніалы пріема византійскими императорами чужеземныхъ пословъ не позже XI в., Excerpta же представляютъ сборникъ свѣдѣній о сношеніяхъ византійскаго двора съ разными народами, составленный на основаніи

[1]) „Отечествен. Записки“, 1825 г., ч. XXII, № 62, стр. 333.

[2]) Назв. тр., стр. 334—335.

[3]) Еще ранѣе Рихтера, въ 1739 г., мнѣніе о вліяніи вообще Востока на московскій посольскій обрядъ, ничѣмъ не обоснованное, было высказано Руссе; съ мнѣніемъ этимъ мы встрѣтимся далѣе.

[4]) Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France, VIII, Russie, I, pag. 1 sqq.; Paris, an. 1890.

извѣстій различныхъ писателей. Сборникъ этотъ появленіемъ своимъ обязанъ императору Константину Багрянородному [1]). Въ началѣ сборника, находится небольшая статья, озаглавленная: *Πῶς δεῖ πρεσβεύεσθαι καὶ πρεσβεύειν*. Въ этой статьѣ излагаются наставленія, какъ слѣдуетъ принимать чужеземныхъ пословъ въ Константинополѣ, перечисляются тѣ качества, которыми должны обладать византійскіе послы, отправляемые въ чужія земли. Чужеземныхъ пословъ, говоритъ составитель этой статьи, слѣдуетъ принимать съ почетомъ и щедростью, со слугами ихъ слѣдуетъ быть осторожными, дабы они путемъ разспросовъ не пріобрѣли какихъ либо свѣдѣній отъ кого нибудь. Далѣе рекомендуется посламъ могущественныхъ и многочисленныхъ народовъ, если они сопредѣльны Византіи, показывать не богатства свои и красоту женщинъ, но свою многочисленность и свои боевыя и оборонительныя средства. Посламъ, отправляемымъ отъ византійскаго императора къ иноземнымъ народамъ, надлежитъ быть, по словамъ автора этихъ наставленій, благочестивыми, съ незапятнаннымъ прошлымъ, разумными, готовыми подвергаться опасностямъ подобно Регулу; послы должны быть привѣтливыми, щедрыми, на сколько позволятъ средства, по отношеніи къ тѣмъ, къ кому ихъ посылаютъ. Предъ отправленіемъ пословъ рекомендуется устроить имъ испытаніе, съ цѣлью убѣдиться, что они твердо знаютъ свои инструкціи [2]). Что касается Excerpta, то въ сборникѣ этомъ, по сравненію съ De cerim a. B., мало данныхъ для сужденія объ обрядахъ пріемовъ византійскими императорами иноземныхъ пословъ, напр., подъ 571 г., у одного изъ приведенныхъ въ Excerpta историковъ находимъ извѣстіе, что къ византійскому императору явился отъ персидскаго царя посолъ, который, привѣтствуя императора, такъ палъ предъ нимъ ницъ, что съ головы его упала шапка [3]). Тамъ же находимъ извѣстіе, что одинъ изъ пословъ персидскаго царя палъ ницъ предъ разгнѣваннымъ византійскимъ императоромъ [4]).

Дѣлая характеристику византійской дипломатіи на основаніи статьи, которая предшествуетъ Excerpta, Рамбо отмѣчаетъ, что ви-

[1]) Migne, P. C. C., Ser. gr., t. 113, стр. 633 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 636 и 637.

[3]) Тамъ же, стр. 821—824.

[4]) Тамъ же, стр. 804, подъ 566 г.

зантійскій императоръ былъ бѣденъ и, за неимѣніемъ денегъ, давалъ своимъ посламъ на покрытіе издержекъ по отправленію посольства разныя произведенія своихъ мануфактуръ и мѣха или другіе товары изъ своихъ кладовыхъ, вслѣдствіе чего византійскіе послы, продававшіе товары своего императора, должны были совмѣщать въ себѣ качества дипломатовъ и купцовъ. Обычай, замѣчаетъ названный изслѣдователь, который мы находимъ у русскихъ, татаръ, персовъ и др. восточныхъ народовъ [1]). Но не проще ли думать, что обычай этотъ возникъ въ Москвѣ независимо отъ Византіи по той же причинѣ, по которой явился онъ и въ послѣдней: московское государство было не богато золотою и серебряною монѐтою, но богато мѣхами, ихъ и давало оно своимъ посламъ на покрытіе издержекъ ихъ миссій.

Сдѣлавъ характеристику византійской дипломатіи на основаніи статьи, предшествующей Excerpta, Рамбо говоритъ, что отъ византійской дипломатіи происходятъ непосредственно венеціанская и русская. Процессъ происхожденія русской дипломатіи отъ византійской названный изслѣдователь не выясняетъ, онъ только дѣлаетъ краткій очеркъ развитія сношеній московскаго государства съ западными европейскими державами при Іоаннахъ III и IV, отмѣтивъ, что при Іоаннѣ III первыми послами изъ Москвы на Западъ были русскіе: Толбузинъ и Голохвастовъ, и грекъ Димитрій Рало. Это было время, по словамъ Рамбо, организаціи русской дипломатіи. Далѣе онъ говоритъ въ немногихъ словахъ о возникновеніи московскаго посольскаго приказа и переходитъ къ указанію дипломатическихъ пріемовъ, заимствованныхъ Москвою изъ Византіи. Московскіе обычаи, соблюдавшіеся при пріемѣ иноземныхъ пословъ, вполнѣ напоминаютъ, по мнѣнію французскаго ученаго, такіе же обычаи, практиковавшіеся въ Византіи: иностранный посолъ освобождался отъ всякихъ издержекъ на свое содержаніе; къ послу, котораго содержали какъ плѣнника, назначали пристава для наблюденія за нимъ; во время торжественной аудіенціи посолъ цѣловалъ руку царя, говорилъ ему привѣтствіе, царь же, сообразно съ обрядомъ своего двора, а обрядъ этотъ былъ во всемъ обрядомъ византійскимъ, спрашивалъ посла о здоровьѣ государя, представителемъ котораго былъ

---

[1]) Назв. изд., стр. 2.

посолъ, освѣдомлялся также о здоровьѣ самого посла, спрашивалъ его, благополучно ли онъ совершилъ свое путешествіе въ Москву; принявъ грамоту отъ посла, царь угощалъ его изъ своихъ рукъ виномъ и, послѣ новыхъ привѣтствій, отпускалъ его. Такова была торжественная аудіенція. Нѣсколько дней спустя царь принималъ посла въ простой аудіенціи и запросто бесѣдовалъ съ нимъ. Отмѣтивъ, что торжественныя аудіенціи при московскомъ дворѣ отличались большою пышностью, Рамбо говоритъ, что торжественный обѣдъ, даваемый царемъ послу, былъ такъ же продолжителенъ, и церемоніалъ его былъ такъ же сложенъ, какъ и при византійскомъ дворѣ [1]).

Рисуя обрядъ пріема иностраннаго посла московскимъ царемъ, Рамбо упускаетъ изъ виду, что въ этотъ обрядъ въ XVII в. не входили нѣкоторыя явленія посольскаго обихода XVI в. Тѣ случаи бесѣдъ московскаго государя съ иностраннымъ посломъ во время простыхъ аудіенцій, о которыхъ говоритъ французскій ученый, имѣли мѣсто въ концѣ XV в., но и тогда они были скорѣе исключеніемъ изъ обычая, чѣмъ обычаемъ. Далѣе, уже Олеарій (секретарь голштинскаго посольства къ царю Михаилу Ѳедоровичу) замѣтилъ, что прежде посланники, послѣ торжественнаго представленія московскому государю, всегда обѣдали во дворцѣ его, при царѣ же Михаилѣ Ѳедоровичѣ обычай этотъ вывелся, и жалованныя государемъ кушанья обыкновенно приносились къ посланникамъ на ихъ квартиры [2]). Извѣстіе Олеарія подтверждается другими иностранными писателями о Россіи XVII-го в.: въ ихъ сочиненіяхъ рѣдко встрѣчаются описанія обѣдовъ, даваемыхъ иноземнымъ посламъ во дворцѣ [3]). Затѣмъ, Рамбо смѣшиваетъ обрядъ пріема въ Москвѣ христіанскихъ пословъ съ обрядомъ пріема мусульманскихъ пословъ. Во время аудіенціи московскій государь потчевалъ напиткомъ только татарскихъ пословъ [4]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 4 и 5.

[2]) „Олеарій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію“, въ „Чтен. М. Об. Ист. и Др. Р.“, 1868 г., кн. III, стр. 225.

[3]) Проф. В. О. Ключевскаго „Сказанія иностранцевъ о московскомъ государствѣ“, 61.

[4]) Котошихинъ, стр. 77, изд. 3.

По мнѣнію названнаго изслѣдователя обычай содержать иноземнаго посла на свой счетъ заимствованъ былъ московскими государями изъ Византіи, оттуда же было позаимствовано отношеніе въ Москвѣ къ послу какъ къ плѣннику.

Находя сходное въ отношеніяхъ къ посламъ въ московскомъ государствѣ и въ Византіи, Рамбо объясняетъ сходство заимствованіемъ перваго изъ второй, не указывая, какимъ образомъ произошло такое заимствованіе. Между тѣмъ указанныя французскимъ ученымъ сходныя явленія въ посольскихъ обрядахъ московскомъ и византійскомъ могутъ быть объяснены иначе. Московскіе государи содержали иноземныхъ пословъ на свой счетъ потому, что смотрѣли на нихъ какъ на гостей своихъ, держали же ихъ какъ плѣнниковъ вслѣдствіе того, что не желали, чтобы посолъ провѣдалъ то, что отъ него скрывали. Московскіе государи, отправляя своихъ пословъ и гонцовъ къ иностраннымъ государямъ, обыкновенно наказывали имъ собирать всякія тайныя вѣсти, и въ рѣдкомъ изъ наказовъ московскихъ пословъ не находится такое порученіе. Подозрѣвая, что и иностранные послы являлись въ предѣлы московскаго государства съ порученіемъ развѣдывать государственныя тайны, въ Москвѣ обыкновенно держали пословъ какъ плѣнниковъ. Московскіе государи опасались излишней болтливости своихъ подданныхъ предъ иностранцами; это видно, напр., изъ наказа, даннаго князю Тюфякину и дьяку Емельянову, посламъ царя Ѳедора Іоанновича въ Персію: „а нѣчто будетъ въ Асторохани которые торговые люди, а похотятъ съ ними зъ государевыми послы ѣхати съ торгомъ въ Кизылбашскую землю, и посломъ... торговыхъ людей съ собою въ Кизылбаши отнюдь никакова человѣка не имати, потому что... вѣсти многіе московскі(е) розсказываютъ“ [1]).

Вопросы, которые предлагались московскимъ государемъ на аудіенціи иноземному послу (о здоровьѣ приславшаго его государя и самого посла, о путешествіи его и т. д.), Рамбо считаетъ заимствованіемъ изъ посольскаго обряда византійскаго двора. Но привѣтствія, которыя произносили византійскому императору инозем―――――

[1]) „Памятники дипломатич. и торгов. сношеній московской Руси съ Персіей“, изд. подъ ред. проф. Н. И. Веселовскаго, I, 341, въ „Трудахъ вост. отд. Имп. Рус. Археол. Об.“, т. XX.

ные послы, и вопросы, предлагавшіеся послѣднимъ отъ имени императора логоѳетомъ, не соотвѣтствуютъ вполнѣ привѣтствіямъ, которыя говорили иноземные послы московскимъ государямъ, и вопросамъ, предлагавшимся московскими государями иноземнымъ посламъ. Въ De cerim. a. B. цѣлая глава посвящена изложенію привѣтствій, произносившихся иноземными послами предъ византійскимъ императоромъ, и вопросамъ, которые предлагались имъ логоѳетомъ отъ имени императора. Послы болгарскіе спрашивали на аудіенціи о здоровьѣ императора, императрицы, ихъ дѣтей, патріарха, двухъ магистровъ, сената и четырехъ логоѳетовъ. Логоѳетъ задавалъ имъ вопросы: „какъ поживаетъ духовный внукъ святого нашего императора, Божіею милостью владѣтель Болгаріи? какъ поживаетъ Божіею милостью владѣтельница?“. Затѣмъ логоѳетъ спрашивалъ о дѣтяхъ болгарскаго владѣтеля, о шести великихъ болярахъ, о прочихъ внутреннихъ и внѣшнихъ болярахъ и о всемъ болгарскомъ народѣ [1]). Послы изъ Египта, Персіи произносили императору слѣдующія привѣтствія: „миръ тебѣ и милосердіе, радость и слава отъ Бога высокому и великому императору Ромеевъ; благополучіе, здравіе и многолѣтняя жизнь (да будутъ) отъ Бога тебѣ, миротворецъ и благой императоръ; да взойдутъ въ дни твои справедливость и полный миръ, миролюбивѣйшій и человѣколюбивый императоръ“. Логоѳетъ спрашивалъ пословъ: „какъ поживаетъ благороднѣйшій эмиръ Египта? какъ поживаетъ совѣтъ старцевъ и весь народъ его? какъ поживаешь ты? какъ ты совершилъ твой путь? не постигло ли тебя на пути что либо непріятное или нехорошее? не произошло ли что либо дурное съ тобою? иди въ радости и веселіи, сегодня ты будешь соучастникомъ въ трапезѣ нашего святого императора“ [2]).

Не такъ велось въ московскомъ государствѣ. Въ Москвѣ самъ государь спрашивалъ иноземныхъ пословъ, въ Константино-

[1]) De cer. a. B., II, 47, pag. 681. Внутренними болярами, по объясненію проф. М. С. Дринова, назывались въ Болгаріи лица, занимавшія должности при дворѣ и при главномъ управленіи, внѣшними же болярами назывались тѣ, которые были областными правителями („Южные славяне и Византія въ X в.“, стр. 83, въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1875 г., кн. 3).

[2]) De cer. a. B., II, 47, pag. 685.

полѣ—логоѳетъ въ присутствіи императора. Кромѣ того, логоѳетъ спрашивалъ пословъ не только о здоровьѣ главы государства и ихъ самихъ, какъ было въ обычаѣ у московскихъ государей, которые предлагали иноземнымъ посламъ вопросъ о здоровьѣ ихъ государей подобно тому, какъ европейскіе государи освѣдомлялись у московскихъ пословъ о здоровьѣ царя. Принимая во вниманіе, что московскіе государи, дабы не унизить свое достоинство, оказывали иноземнымъ посламъ такой же пріемъ, какой оказывался ихъ посламъ при иностранныхъ дворахъ, можно думать, что вопросы посламъ о здоровьѣ ихъ государей предлагались московскими государями не потому, что такъ велось при византійскомъ дворѣ, но потому, что такой обычай въ то время существовалъ при европейскихъ дворахъ, какъ актъ вѣжливости по отношенiи къ государю, приславшему своего посла. Въ наказѣ, данномъ московскимъ посламъ, отправленнымъ въ 1492 г. къ королю римскому, находимъ приказъ не передавать королю поклоновъ отъ великаго князя, великой княгини и сына ихъ Василія „того дѣля, что королевъ посолъ Юрьи великому князю и великой княгинѣ отъ короля поклона не правилъ“... [1]). Такъ не спрашивалъ бы Іоаннъ III иноземнаго посла о здоровьѣ государя его, если бы подобный вопросъ не предлагался его послу иноземнымъ государемъ. Даже бѣглый просмотръ памятниковъ дипломатическихъ сношеній московскихъ государей съ иностранными государствами обнаруживаетъ существованіе обычая при дворахъ западной Европы не только спрашивать пословъ о здоровьѣ ихъ государей, но предлагать такой же вопросъ и самимъ посламъ, а также освѣдомляться у нихъ, какъ совершили они свое путешествіе и довольны ли даваемымъ имъ содержаніемъ. Въ 1667 г. отправлены были стольникъ Потемкинъ и дьякъ Румянцевъ посланниками къ королямъ Испаніи и Франціи. Это было первое русское посольство къ испанскому королю [2]). На

---

[1]) „Пам. диплом. сн. др. Россіи“, I, 82.

[2]) „А чаять“, говорили въ Испаніи русскимъ посланникамъ, „что вамъ Посланникомъ отъ Королевскаго Величества честь будетъ свыше иныхъ Государствъ Пословъ, по тому, присланы вы отъ Великого Государя, отъ Его Царскаго Величества впервые: какъ и Государство Испанское стало, Пословъ и Посланниковъ изъ великого Россійскаго Царства никогда не бывало...“ („Древн. Рос. Вивл.“, т. IV, стр. 365, также 367, 368, изд. 2).

аудіенціи, данной русскимъ посланникамъ шестилѣтнимъ королемъ Испаніи, присутствовала мать его. Когда король, при произнесеніи имени царя, не снялъ шляпы и не спросилъ о здоровьѣ его, Потемкинъ выразилъ неудовольствіе. Ему объяснили, что въ Испаніи не въ обычаѣ, чтобы король былъ безъ шляпы предъ иноземнымъ посломъ, „а что де Королевское Величество не спросилъ о здоровьѣ Великого Государя вашего, Его Царского Величества, и то безъ хитрости учинилъ, а не презираючи чести Великого Государя вашего, Его Царского Величества, по тому что не въ срослыхъ лѣтѣхъ Королевское Величество"... Послѣ этого объясненія король спросилъ московскихъ пословъ о здоровьѣ царя, и аудіенція продолжалась [1]). Когда московскіе посланники передали поклонъ отъ царя и царицы королевѣ, послѣдняя спросила о здоровьѣ ихъ [2]). Изъ объясненія, даннаго московскимъ посланникамъ, очевидно, что при испанскомъ дворѣ было въ обычаѣ, чтобы король не снималъ шляпы на аудіенціи, даваемой иноземнымъ посламъ, но не было въ обычаѣ не спрашивать иноземнаго посла о здоровьѣ государя его; обыкновенно также спрашивали иностранныхъ пословъ о здоровьѣ ихъ: московскихъ пословъ спросили о здоровьѣ отъ имени испанскихъ короля и королевы; такой вопросъ предложенъ былъ имъ предъ въѣздомъ ихъ въ Мадридъ [3]).

Во Франціи, предъ въѣздомъ въ Парижъ, московскіе посланники были спрошены отъ имени короля о здоровьѣ, а также о благополучіи совершеннаго ими пути [4]). Во время аудіенціи король, въ отвѣтъ на переданный ему посланникомъ поклонъ отъ царя, спросилъ о здоровьѣ его [5]).

[1]) Тамъ же, стр. 391.

[2]) Тамъ же, стр. 392.

[3]) Тамъ же, стр. 377.

[4]) Тамъ же, стр. 479.

[5]) Тамъ же, стр. 490. Сохранилось описаніе пріема Потемкина королемъ Франціи во французской редакціи. Сравнительно съ статейнымъ спискомъ Потемкина редакція эта отличается краткостью. Во французскомъ описаніи сказано, что Потемкинъ произнесъ королю привѣтствіе, на которое отвѣтилъ король, но самый отвѣтъ не переданъ („Supplement au corps universel diplomatique du droit des gens", t. IV, „Le ceremonial diplomatique des cours de l' Europe", recueil. par Mr. Du Mont, mis en ordre par Mr. Rousset, t. I, p. 96, an. 1739). Можно думать, что на переданный отъ царя поклонъ король отвѣтилъ вопросомъ

Отправленный въ 1687 г. въ Венецію посланникомъ дьякъ Волковъ доносилъ въ своемъ статейномъ спискѣ, что дожъ изъявилъ ему нежеланіе спросить о здоровьѣ царя стоя и безъ шапки на томъ основаніи, что „и Папы де Римского, и Цес. Вел-ва и иныхъ государей христіянскихъ про здоровье, при послехъ и посланникахъ ихъ, спрашиваетъ онъ сидя и въ шапкѣ“... [1]). Изъ этого отвѣта дожа очевидно, что въ Венеціи былъ обычай, въ силу котораго дожъ спрашивалъ иноземныхъ пословъ о здоровьѣ ихъ государей.

Такъ было въ XVII в., тоже соблюдалось и въ XVI в., по крайней мѣрѣ, по отношеніи къ московскому царю и его посламъ. Въ первомъ до насъ дошедшемъ статейномъ спискѣ Писемскаго, посланника къ англійской королевѣ Елизаветѣ, отправленнаго изъ московскаго государства въ 1582 г., читаемъ, что на аудіенціи королева спрашивала посланника о здоровьѣ царя и сыновей его [2]). Также изъ перваго дошедшаго до насъ статейнаго списка московскаго посланника Васильчикова, отправленнаго къ персидскому шаху въ 1588 г., узнаемъ, что шахъ на аудіенціи спросилъ посланника о здоровьѣ царя и его самого [3]). Въ первомъ подробномъ статейномъ спискѣ Владиміра Племянникова, московскаго посланника къ германскому императору, правившаго посольство въ 1518 г., читаемъ, что на встрѣчѣ у одного изъ нѣмецкихъ городовъ московскій посланникъ былъ спрошенъ отъ имени императора о здоровьѣ великаго князя, послѣ чего посланнику предложенъ былъ

о здоровьѣ его, какъ сказано въ статейномъ спискѣ Потемкина, заподозрѣть показаніе котораго нѣтъ основаній, такъ какъ онъ отмѣчаетъ, когда въ оказываемыхъ ему пріемахъ при дворахъ королей Испаніи и Франціи усматривалъ недостатокъ уваженія къ достоинству пославшаго его царя.

[1]) „Пам. дипл. сн. др. Россіи“, X, 1274.

[2]) С. И. Р. И. Об. т. 38, стр. 31. Встрѣтившій московское посольство на англійской территоріи отъ имени королевы спросилъ посланниковъ: „здорово ли вы до Аглинские земли доѣхали? и какъ ѣхали Аглинскою землею, нужи какие и бещестья вамъ отъ кого не было ли?“ (тамъ же, стр. 23).

[3]) „Памятники диплом. и торгов. снош. московской Руси съ Персіей“, изд. подъ ред. проф. Н. И. Веселовскаго въ „Трудахъ вост. отд. Имп. Рус. Археол. Об.“ т. XX, стр. 87 и слѣд. Если бы шахъ не спросилъ Васильчикова о здоровьѣ царя, Васильчиковъ отмѣтилъ бы это, какъ замѣтилъ, что „шахъ противъ государева поклона не всталъ“... (тамъ же, 87).

вопросъ отъ имени императора же: не встрѣтилъ ли онъ какія либо непріятности во время пути своего [1]). Во время аудіенціи императоръ спросилъ московскаго посланника о здоровьѣ царя [2]).

Изъ приведенныхъ случаевъ видно, что вопросъ послу о здоровьѣ его государя предлагался на аудіенціи не только московскимъ государемъ, но что такой вопросъ былъ обычнымъ при дворахъ западной Европы. Если, по мнѣнію Рамбо, московскій государь спрашивалъ иноземныхъ пословъ о здоровьѣ ихъ государей только потому, что такъ велось въ Византіи, является вопросъ, какъ возникъ при дворахъ западной Европы обычай, заимствованный московскими государями изъ Византіи? Не оттуда-ли, откуда, по мнѣнію Рамбо, проникъ онъ въ Москву?

Въ задачу предлагаемаго изслѣдованія не входитъ рѣшеніе этого вопроса. Имѣлось въ виду только указать, что врядъ ли можно заключить на томъ основаніи, что московскій государь самъ спрашивалъ иноземныхъ пословъ о здоровьѣ ихъ государей, подобно тому, какъ въ Византіи этотъ вопросъ предлагался чрезъ логоѳета, будто московскіе государи заимствовали посольскій обрядъ изъ Византіи, тѣмъ болѣе, что явленіе приписываемое Рамбо исключительно московскому двору, существовало при дворахъ западной Европы къ тому времени, какъ московскіе государи стали вступать съ ними въ сношенія.

Въ заключеніе своего мнѣнія о происхожденіи московскаго посольскаго обряда Рамбо приводитъ взглядъ Руссе, который описанію пріемовъ иностранныхъ пословъ въ Россіи въ первой половинѣ XVII и въ XVIII вв. предпослалъ небольшую статью, посвященную московскому посольскому обряду. По мнѣнію Руссе, высказанному въ этой статьѣ, русскій дворъ, имѣвшій нѣкогда мало связи съ другими государствами западной Европы, кромѣ Швеціи и Польши, принималъ европейскихъ пословъ подобно дворамъ восточныхъ государствъ, не слѣдуя опредѣленнымъ правиломъ извѣстнаго обряда, но принимая во вниманіе значеніе государя, который присылалъ пословъ; всякій разъ, какъ пріѣзжалъ иностранный посолъ въ Москву, тамъ справлялись съ прежде

[1]) „Пам. диплом. снош. др. Россіи" I, 343.

[2]) Тамъ же, 346.

бывшими случаями пріемовъ и сообразно съ ними установляли обрядъ пріема [1]). Съ такимъ мнѣніемъ Руссе врядъ ли можно согласиться. Отмѣчая давность сношеній московскаго государства съ Польшею и Швеціей, Руссе не принимаетъ во вниманіе, что эти государства могли оказать вліяніе на московскій посольскій обрядъ. Утверждая, что московскіе государи принимали пословъ подобно восточнымъ владѣтелямъ, Руссе дѣлаетъ крупную ошибку; мы увидимъ далѣе, какъ принимали пословъ при дворахъ крымскаго хана, турецкаго султана и персидскаго шаха, увидимъ также, что московскіе государи скорѣе были насадителями европейскаго посольскаго обряда при дворахъ восточныхъ, чѣмъ послѣдователями посольскаго обряда послѣднихъ. Что касается предположенія Руссе, будто въ Москвѣ не слѣдовали опредѣленнымъ правиламъ посольскаго обряда, то и съ этимъ согласиться нельзя, потому что обрядъ пріема иноземныхъ пословъ, сложившійся въ Москвѣ при Василіи III, почти въ томъ же видѣ въ основныхъ своихъ чертахъ соблюдался и въ XVII в. Указаніе Руссе на то, что въ Москвѣ принимали пословъ сообразно могуществу и значенію ихъ государей для московскаго государства, подтверждается свидѣтельствомъ Котошихина [2]). Другое замѣчаніе Руссе, что въ Москвѣ, принимая пословъ, справлялись съ прежде бывшими случаями подобныхъ же пріемовъ, можетъ быть принято съ оговоркой, что такія справки дѣлались въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но далеко не всегда [3]).

Византію учительницею московскихъ дипломатовъ считаетъ и о. Пирлингъ. Въ своемъ трудѣ „Un nonce du pape en Moscovie“ онъ высказываетъ убѣжденіе, что „въ международныхъ сношеніяхъ московскаго государства господствовалъ византійскій элементъ. Со времени брака Іоанна III съ наслѣдницей Палеологовъ пышный этикетъ Византіи проникъ въ Кремль; пышность недо-

[1]) „Supplement au corps universel diplomatique du droit des gens“, V, Le cérémonial diplomatique des Cours de l'Europe“ recueil. par Mr. Du Mont, mis en ordre par Mr. Rousset, II, pag. 635, an. 1739; указанное мнѣніе Руссе приведено у Рамбо въ назв. изд., стр. 8.

[2]) „О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича“, стр. 76, статья 16, изд. 3.

[3]) См., напр., „Пам. дипл. снош. др. Россіи“ V, 61 и слѣд., 102 и слѣд., 187, 297 и слѣд., 335 и слѣд., 343 и слѣд.

вѣрчивыхъ предосторожностей, которыми недавно иностранцы окружались на берегахъ Босфора, возрождается теперь въ Москвѣ; послы являются только знатными плѣнниками, которыхъ лучше охраняли и за которыми лучше наблюдали, чѣмъ за другими" [1]. Въ другомъ своемъ трудѣ о. Пирлингъ отмѣчаетъ особенность московскихъ дипломатовъ, имъ объясняемую заимствованіемъ изъ Византіи: они занимались не только исполненіемъ своихъ обязанностей, но и торговлей, „и въ этомъ заключалась византійская традиція"; „дипломаты Кремля", поясняетъ о. Пирлингъ, „не получали содержанія отъ царя, и торговля обыкновенно покрывала ихъ издержки; такъ они добросовѣстно посвящали себя и дѣламъ государственнымъ и торговымъ, работая въ униссонъ купцамъ своей свиты. Вслѣдствіе этого говорили, что у Киверовой Горы [2] была скорѣе праздничная ярмарка, чѣмъ съѣздъ пословъ" [3]. Указывая еще одну особенность московскихъ дипломатовъ Іоанна III, о. Пирлингъ колеблется, признать ли ее оригинальною или заимствованною, такъ какъ считаетъ грековъ учителями русскихъ въ дипломатическомъ искусствѣ; особенность эту онъ усматриваетъ въ послахъ Іоанна III къ папѣ Александру VI—Ралевѣ и Карачаровѣ, которые строго соблюдали данный имъ наказъ, какъ вести себя во время аудіенцій. „Было ли то остаткомъ варварства или признакомъ прогресса, воспоминаніемъ Византіи или прихотью Кремля", говоритъ о. Пирлингъ, „но эти импровизированные послы выказали себя неумолимыми на счетъ этикета. Они всюду добивались перваго мѣста, предпочитали не появляться вовсе, чѣмъ быть ниже другихъ, и защищали свои притязанія съ настойчивостью, доходившею до смѣшного" [4].

Отмѣченные о. Пирлингомъ пріемы московской дипломатіи, объясняемые имъ, какъ и Рамбо, заимствованіемъ изъ Византіи, могутъ быть разсматриваемы не только какъ заимствованіе. О. Пирлингъ исходитъ изъ того убѣжденія, что пышный придворный этикетъ Византіи проникъ въ Москву съ Софьей Палеологъ, и съ

---

[1]) 107 sq., Paris, an. 1884.

[2]) Въ 15 верстахъ отъ Запольскаго яма, въ 1581—2 гг.

[3]) „Papes et Tsars", 275, Paris, an. 1890.

[4]) „Россія и Востокъ" 135 и слѣд.

этой точки зрѣнія смотритъ на нѣкоторые пріемы московской дипломатіи, между тѣмъ мнѣніе о появленіи византійскаго придворнаго этикета въ послѣдней четверти XV в. въ Москвѣ нуждается въ доказательствахъ, которыхъ о. Пирлингъ не представилъ. Онъ такъ увѣренъ въ томъ, что Византія была учительницею московскихъ дипломатовъ, что даже въ строгомъ соблюденіи московскими послами посольскаго обряда склоненъ видѣть „воспоминаніе Византіи“, тогда какъ эта черта московскихъ дипломатовъ легко объясняется тѣмъ, что въ Москвѣ всему, съ чѣмъ была связана государева честь, придавали огромное значеніе, и вслѣдствіе этого отступленіе отъ наказа даже въ мелочахъ считалось великимъ проступкомъ для посла.

Въ недавно вышедшемъ трудѣ М. А. Веневитинова часть одной изъ главъ посвящена изложенію дипломатическихъ традицій и пріемовъ московскаго посольскаго приказа [1]).

Указавъ, что характеръ международныхъ сношеній и оффиціальные дипломатическіе пріемы въ древней Россіи опредѣлились, развились и окончательно установились въ теченіе 150 лѣтъ со времени учрежденія посольскаго приказа, и что историческія условія, при которыхъ образовалось московское государство, а также отчужденность его отъ западной Европы, наложили особый отпечатокъ на основной характеръ международныхъ сношеній древней Руси, г. Веневитиновъ говоритъ о начальной школѣ московской дипломатіи. Почвою для этой школы, крайне трудной и тяжелой, служили, по мнѣнію названнаго изслѣдователя, отношенія Руси къ ея насильникамъ: татарамъ и Литвѣ. Сосѣдство съ Востокомъ отразилось на характерѣ русской дипломатіи: для достиженія желаемаго въ сношеніяхъ съ дикими народами приходилось или употреблять грубую силу или хитрить, унижаться, ради выгоды въ будущемъ временно забывать свое достоинство; страхъ предъ врагами пріучалъ къ скрытности предъ ними, ихъ корыстолюбіе и алчность пріучали къ подкупамъ. Таковы были пріемы русской дипломатіи, говоритъ г. Веневитиновъ, когда она стремилась къ сверженію татарскаго ига. Когда иго было свергнуто и Іоаннъ III женился на Софьѣ Палеологъ, „тогда пріемы русской дипломатіи освѣжились новою ви-

[1]) „Русскіе въ Голландіи“, гл. X. М. 1897 г.

зантійскою струею, но струя эта была также полувосточнаго происхожденія: византійская имперія пала отъ народовъ, близкихъ по племени къ татарамъ, владычествовавшимъ на Руси. Однако византійскія преданія отличались отъ пріемовъ русской дипломатіи тѣмъ, что въ нихъ жила память о свѣтломъ прошломъ, и память эта отразилась надеждами на третій Римъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ", заключаетъ г. Веневитиновъ свои разсужденія, „на характеръ первыхъ сношеній московскаго государства съ западною Европою главнымъ образомъ повліяли съ одной стороны отношенія русскихъ къ татарамъ, какъ побѣжденныхъ къ покорителямъ, а съ другой—воспоминанія о прежнемъ блескѣ восточной римской имперіи, изгнанныя изъ Стамбула и нашедшія въ Москвѣ пріютъ и новую почву для мечты о возстановленіи прошлаго". Когда посольскій приказъ появился въ Москвѣ, задачею его стало „обезпечить московскому царю и въ Европѣ то значеніе, которое уже признали за нимъ народы Азіи, и тотъ яркій блескъ могущества, который завѣщала ему Византія" [1]).

Таковы, по мнѣнію М. А. Веневитинова, условія, которыя опредѣлили характеръ московской дипломатіи. Онъ правильно указываетъ, что офиціальные дипломатическіе пріемы московской Руси опредѣлились и установились послѣ сверженія татарскаго ига на почвѣ сношеній съ западной Европой. Естественно, что новыя отношенія требовали новыхъ дипломатическихъ пріемовъ, выразились въ новыхъ формахъ. Московскіе дипломаты, готовые унижаться предъ татарами, оказались чрезвычайно щепетильными въ сношеніяхъ съ западной Европой: натерпѣвшіеся униженій предъ татарами, они всячески остерегаются, какъ бы въ чемъ либо не унизить себя предъ западной Европой, придаютъ огромное значеніе всякой мелочи въ посольскомъ обрядѣ, опасаясь не соблюденіемъ ея унизить достоинство своего государя. Характеръ жизни московскаго государства отразился и на посольскомъ обрядѣ, многія мелочи котораго тщательно и въ неприкосновенности охранялись и въ XVII в.; обрядъ этотъ соотвѣтствовалъ пріемамъ московскаго посольскаго приказа, которые М. А. Веневитиновъ называетъ рутинными. Не понятно только, въ чемъ видитъ названный изслѣдо-

[1]) Назв. тр., 141 и слѣд.

ватель византійскую струю, освѣжившую московскую дипломатію послѣ брака Іоанна III съ Софьей Палеологъ. Если, говоря объ этой струѣ, онъ имѣлъ въ виду Софью Палеологъ или грековъ, прибывшихъ съ нею въ Москву, слѣдовало выяснить то вліяніе, которое они имѣли на московскую дипломатію. Проф. Терновскій, перечисляя тѣхъ грековъ, которые явились въ Москву съ Софьей Палеологъ и дѣйствовали нѣкоторое время при московскомъ дворѣ, говоритъ о нихъ, какъ о дипломатахъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „употреблялись они сначала по дипломатической части—въ качествѣ пословъ; но потомъ и это пресѣклось. Вѣроятно и въ этомъ отношеніи они обнаружили хотя болѣе изворотливости, но менѣе твердости и ясности въ пониманіи московскихъ интересовъ, чѣмъ природные москвичи, у которыхъ—по пословицѣ *алтыннаго за грошъ не выторгуешь*“ (курсивъ подлин.) [1]). Не понятно также, на основаніи чего М. А. Веневитиновъ заключаетъ, что задачею учрежденнаго въ Москвѣ посольскаго приказа было обезпечить московскому царю въ Европѣ „яркій блескъ могущества, завѣщанный ему Византіей“. Паденіе татарскаго ига способствовало подъему духа московской дипломатіи врядъ ли въ меньшей степени, чѣмъ бракъ Іоанна III съ Софьей Палеологъ. Первое было реальное, а со вторымъ могли быть соединены только мечты, но были ли способны Іоаннъ III и его дипломаты предаваться имъ? Памятники дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ иностранными державами обнаруживаютъ, что едва татарское иго пало, какъ московское правительство, памятуя о томъ времени, когда вся русская земля принадлежала потомкамъ Владиміра св., стало упорно стремиться присоединить къ Москвѣ русскія земли, отошедшія къ литовскому государству. Эта задача національнаго объединенія всецѣло поглотила вниманіе московскихъ дипломатовъ, и памятники дипломатическихъ сношеній московскаго государства не даютъ данныхъ для заключенія, будто московская дипломатія предавалась мечтамъ о возстановленіи третьяго Рима въ Москвѣ, будто задачею ея было обезпечить московскому государю могущество, якобы завѣщанное ему Византіей. Усилія западной Европы втолкнуть москов-

[1]) „Изученіе визант. исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси“ II, 63.

ское государство въ борьбу съ турками, ея напоминанія, что московскій государь имѣетъ право на павшую имперію, оставались тщетными: московская дипломатія стремилась присоединить юго-западныя русскія земли къ Москвѣ и въ этомъ соединеніи всѣхъ русскихъ земель подъ властью московскаго государя видѣла желаемое могущество.

Сводя вмѣстѣ мнѣнія изслѣдователей московскаго посольскаго обряда, видимъ, что Руссе игнорировалъ западное вліяніе на образованіе этого обряда. Лешковъ, говоря о посольскомъ обрядѣ московскаго двора, не воспользовался необходимымъ при изученіи этого обряда матеріаломъ, заключающимся въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ иностранными державами, почему и не пришелъ къ правильному заключенію. Рихтеръ имѣлъ въ виду только вліяніе татарское на Россію, поэтому и отмѣтилъ тѣ лишь черты московскаго посольскаго обряда, которыя, по его мнѣнію, заимствованы были чрезъ татаръ изъ Азіи. О. Пирлингъ мимоходомъ указалъ нѣкоторыя черты московской дипломатіи, которыя представлялись ему заимствованными изъ Византіи. Рамбо, быть можетъ подъ вліяніемъ о. Пирлинга (заговорившаго о византійскомъ вліяніи на московскую дипломатію въ 1884 г., когда вышло его изслѣдованіе „Un nonce du pape en Moscovie“, Рамбо же свой взглядъ развилъ въ 1890 г.), имѣлъ въ виду только византійское вліяніе на московскихъ дипломатовъ, игнорируя другія, могущія быть, вліянія. На сколько можно судить по отчету о рефератѣ проф. Н. И. Веселовскаго, референтъ сравнивалъ русскій посольскій обрядъ только съ татарскимъ.

Вниманіе изслѣдователей московскаго посольскаго обряда, обращенное при объясненіи образованія этого обряда только на Востокъ, останавливалось то на Византіи, то на татарахъ. Ни одинъ изъ изслѣдователей, говоря о московскомъ посольскомъ обрядѣ, не находилъ нужнымъ считаться съ европейскимъ на него вліяніемъ. Между тѣмъ драгоцѣнный матеріалъ для изученія московскаго посольскаго обряда представляютъ памятники дипломатическихъ сношеніи московской Руси съ западными европейскими государствами: Котошихинъ, которому хорошо былъ извѣстенъ московскій посольскій приказъ, посвящаетъ двѣ главы (IV и V) описанію по-

сольскаго обряда; объ этомъ же обрядѣ говорятъ въ своихъ описаніяхъ московскаго государства и иностранцы, которые пріѣзжали въ Москву въ качествѣ пословъ или лицъ посольской свиты. Весь этотъ матеріалъ, который не принимался во вниманіе изслѣдователями московскаго посольскаго обряда, дастъ возможность прослѣдить образованіе его сравнительно не только съ такими же обрядами Византіи и татаръ, но и съ тѣми обрядами, которые соблюдали западныя европейскія государства при пріемѣ московскихъ пословъ. Имѣя въ виду вліяніе Византіи или татаръ на образованіе московскаго посольскаго обряда, необходимо считаться и съ тѣмъ вліяніемъ, которое имѣла западная Европа на развитіе этого обряда, потому что росъ онъ на почвѣ дипломатическихъ сношеній и съ западными европейскими государствами.

Сношенія московскаго государя съ нѣкоторыми западными европейскими державами начались вскорѣ послѣ паденія татарскаго ига. Тогда предъ этими державами предсталъ государь независимый отъ какой либо земной власти, равный другимъ независимымъ государямъ. Въ такомъ смыслѣ опредѣлилъ мѣсто свое въ семьѣ европейскихъ государей самъ Іоаннъ III. Когда въ 1489 г. вторично появился въ Москвѣ Николай Поппель, въ этотъ разъ въ качествѣ посла императора германскаго, и между прочимъ предложилъ Іоанну III свои услуги для исходатайствованія ему королевскаго титула отъ императора, Іоаннъ III велѣлъ отвѣтить Поппелю на это предложеніе:... „мы Божіею милостію Государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, а просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и нашимъ дѣтемъ и до вѣка въ томъ быти, какъ есмя нынѣ Государи на своей землѣ, а поставленія, какъ есмя напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ“ [1]). Этимъ отвѣтомъ Іоанна III, полнымъ сознанія собственнаго достоинства, опредѣлялись отношенія московскаго государя къ иностраннымъ государямъ, какъ государя независимаго, имъ равнаго. Такія отношенія, основанныя на равенствѣ государей, должны были внѣшнимъ образомъ выражаться въ посольскомъ обрядѣ, который соблюдался въ дипломатическихъ

---

[1]) „Пам. дипл. снош. др. Россіи съ державами иностран.“ I, 12.

сношеніяхъ московскаго государя съ западными европейскими государствами. Исходя изъ такой точки зрѣнія, въ разсужденіи о вліяніи Византіи или татаръ на московскій посольскій обрядъ, слѣдуетъ считаться съ тѣми отношеніями, въ которыхъ стояла Русь къ Византіи и татарамъ, потому что отношенія эти должны были отразиться на посольскомъ обрядѣ, который соблюдался въ сношеніяхъ московской Руси съ первою и послѣдними, и сравнить отношенія московскихъ государей къ Византіи и татарскому хану съ отношеніями этихъ же государей къ западнымъ европейскимъ государствамъ. Разныя отношенія московскихъ государей къ первымъ и послѣднимъ должны были отразиться на посольскомъ обрядѣ, который практивался въ сношеніяхъ Москвы какъ съ Византіей и татарами, такъ и съ западными государствами Европы. Опредѣленіе характера отношеній московскихъ государей къ византійскимъ императорамъ тѣмъ болѣе необходимо, что памятники сношеній между ними очень бѣдны указаніями на практиковавшійся въ этихъ сношеніяхъ посольскій обрядъ.

Византійскій императоръ пользовался извѣстною властью по отношеніи къ русской церкви, какъ царь всѣхъ христіанъ, какъ верховный покровитель вселенской церкви, и власть его въ этомъ смыслѣ признавалось на Руси. Изъ хрисовула императора Іоанна Кантакузена о присоединеніи галицкой митрополіи къ кіевской (датированнаго 1347 г.) видно, что вел. кн. московскій Симеонъ Іоанновичъ, вмѣстѣ съ другими русскими князьями, просилъ императора подчинить кіевской митрополіи нѣкоторыя епископіи малой Руси, и что императоръ, во исполненіи этой просьбы великаго князя, котораго онъ назвалъ „сродникомъ“ (ἀνεψιός) своимъ, издалъ соотвѣтствующее повелѣніе [1]). Симеонъ же Іоанновичъ, когда умеръ митрополитъ Өеогностъ, отправилъ своего посла въ Константинополь къ императору и патріарху съ просьбою поставить митрополитомъ русскимъ Алексѣя [2]). О томъ же ходатайствовалъ предъ византійскими императоромъ и патріархомъ вел. кн. московскій Іоаннъ Іоанновичъ [3]). Вел. кн. московскій Василій II Темный въ

[1]) „Рус. Истор. Библ.“ т. VI, Прилож., стр. 16.

[2]) П. С. Р. Л. X, 226—227.

[3]) „Рус. Истор. Библ.“ т. VI, Прилож., стр. 44—46.

посланіи своемъ къ византійскому императору (о поставленіи митрополита Іоны) называетъ его „непорочныя православныя христіаньскыя вѣры“ теплымъ, непреклоннымъ и истиннымъ поборникомъ и правителемъ, себя скромно именуя сватомъ императора: „сватъ святого ти царства“ [1]). Въ этомъ же посланіи Василій II пишетъ императору: „... въспріялъ еси свой великый царьскый скипетръ, свое отчество, въ утверженіе всему православному христіяньству вашихъ державъ и нашимъ владѣтельствамъ рускія земли, всему нашему благочестью, въ великую помощь...“ [2]). Василій II молитъ императора: „...просимъ святое ти царьство, да не помолвиши о томъ на насъ, яко дерзостнѣ сіе сътворихомъ, еже сътворихомъ (возведеніе на митрополичій престолъ Іоны), не обославъ великого вашего господьства“... [3]). Посланіе это, не отправленное по назначенію, писано было Василіемъ II около 1451 г., т. е., послѣ флорентійской уніи.

Право византійскаго императора на участіе въ избраніи митрополита для русской церкви признавалось московскими великими князьями, и это видно изъ того, что они принимали митрополитовъ, избираемыхъ съ соизволенія императоровъ Византіи [4]).

Когда вел. кн. московскій Василій I запретилъ митрополиту русскому поминать имя византійскаго императора въ диптихахъ, сказавъ: „мы имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и знать не хотимъ“, то патріархъ константинопольскій Антоній, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ выразить Василію I порицаніе за такое отношеніе къ византійскому императору—царю всѣхъ христіанъ [5]).

Проф. А. С. Павловъ, подводя итоги власти византійскихъ императоровъ надъ русскою церковью, указалъ, что власть эта выражалась, во-первыхъ, въ томъ, что при самомъ учрежденіи русской митрополіи императоры указали ей мѣсто или „чинъ“ въ ряду другихъ митрополій, подчиненныхъ константинопольскому патріар-

---

[1]) Тамъ же, VI, стр. 575—576.

[2]) Тамъ же, стр. 577.

[3]) Тамъ же, стр. 583.

[4]) „Рус. Истор. Библ.“ VI, стр. 539—540 и Прил. стр. 48, 54, 68, 182; „Акты Истор.“ I, № 254, стр. 482 и П. С. Р. Л., VI, 145.

[5]) „Рус. Истор. Библ.“ т. VI, прил. стр. 272—276.

шему престолу, и затѣмъ повышали или понижали ее въ этомъ чинѣ; во-вторыхъ, издавали законы, какъ о раздѣленіи русской митрополіи на двѣ, такъ и о возстановленіи ея прежняго единства; въ-третьихъ, утверждали избранныхъ патріархомъ и его синодомъ, или присланныхъ изъ Руси, кандидатовъ на тамошнюю митрополію [1]). Право византійскаго императора на участіе въ управленіи русскою церковью основывалось въ теоріи на идеѣ христіанской міродержавной римской имперіи, глава которой являлся верховнымъ покровителемъ вселенской церкви во всѣхъ ея частяхъ, хотя бы онѣ находились за предѣлами имперіи, осуществлялось же это право на практикѣ благодаря тому, что вселенскій патріархъ, во многихъ отношеніяхъ, находился подъ властью императора [2]).

Признавая власть византійскихъ императоровъ въ дѣлахъ русской церкви, какъ царей всѣхъ христіанъ, московскіе государи обращались къ нимъ по дѣламъ этимъ какъ просители, какъ низшіе къ высшимъ; этимъ и ограничивалась зависимость ихъ отъ византійскихъ императоровъ, но послѣдніе притязали на бо́льшее. Въ Византіи была мысль о политической зависимости отъ нея тѣхъ народовъ, которые принимали отъ нея христіанство и подчинялись ей въ церковномъ отношеніи, и съ этой точки зрѣнія Русь представлялась какъ бы частью византійской имперіи, а русскіе князья—политически зависимыми отъ нея [3]). Когда въ IX в. таврическіе руссы приняли христіанство, патріархъ Фотій причислилъ ихъ къ подданнымъ византійской имперіи:... „такъ называемые Руссы, которые, поработивъ находящихся кругомъ себя и отсюда помысливъ о себѣ высокое, подняли руки и противъ Римской державы,—въ настоящее время даже и сіи промѣняли эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную вѣру христіанскую, съ любовію поставивъ себя въ чинѣ подданныхъ *(ἐν ὑπηκόων τάξει)* и друзей (нашихъ)“... [4]). Сохра-

---

[1]) „Теорія восточнаго папизма“, 44—45.

[2]) Назв. тр., 44.

[3]) О политической зависимости славянъ восточныхъ и южныхъ отъ Византіи см. въ изслѣдованіи проф. Ламанскаго: „Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV, XVI и XVII вв.“ въ „Славянскомъ сборникѣ“, I, 457 и слѣд.

[4]) Проф. Голубинскаго „Ист. рус. церкви“ I, 1, 32.

нились данныя, которыя свидѣтельствуютъ, что мысль о политической зависимости Руси отъ Византіи существовала среди византійцевъ до XV в. [1]). Мысль эта проглядываетъ въ посланіи константинопольскаго патріарха Антонія къ великому князю московскому Василію I, котораго патріархъ въ 1393 г. упрекалъ за произнесенныя имъ слова: „церковь мы имѣемъ, а царя неимѣемъ и знать не хотимъ“. Указавъ на исключительно высокое мѣсто въ церкви, занимаемое византійскимъ императоромъ, патріархъ писалъ великому князю: „власть его (византійскаго императора), въ сравненіи со всѣми прочими, такова, что и самые латиняне, не имѣющіе никакого общенія съ нашею церковію,—и тѣ оказываютъ ему такую же покорность, какую (оказывали) въ прежнія времена, когда находились въ единеніи съ нами. Тѣмъ болѣе обязаны къ этому православные христіане... Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя. Ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собою, и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга... Послушай верховнаго апостола Петра, говорящаго въ первомъ соборномъ посланіи: „Бога бойтеся, царя чтите“, не сказалъ „царей“, чтобы кто не сталъ подразумѣвать именующихся царями у разныхъ народовъ, но—„царя“, указывая на то, что одинъ только царь во вселенной. И какого это (царя

[1]) Данныя эти, собранныя проф. Дьяконовымъ, слѣд.: во-1, отъ половины XII в. свидѣтельство византійскаго историка Киннама, что императоръ Византіи Мануилъ смотрѣлъ на галицкаго князя Владимірка какъ на своего вассала; во-2, византійскій же историкъ XIV в. Никифоръ Григора сообщаетъ, что „при Великомъ Константинѣ правитель россійскій получилъ титулъ и санъ стольника“; въ-3, писатель того же вѣка, Максимъ Планудисъ, передаетъ, что Августъ, отличая правителей порабощенныхъ римлянами народовъ, почтилъ и правителя руссовъ саномъ стольника, поэтому, когда нѣкій посолъ явился отъ руссовъ къ императору Андронику Палеологу, то привѣтствовалъ его отъ имени своего государя въ такихъ выраженіяхъ: „мой независимый государь, царь руссовъ, стольникъ святого твоего величества, рабски преклоняется предъ твоимъ величествомъ“; въ-4, египетскій султанъ въ письмѣ своемъ (около половины XIV в.) къ византійскому императору называетъ послѣдняго царемъ и руссовъ („Власть московскихъ государей“, 14 и слѣд.; проф. Голубинскій основательно заключаетъ, что египетскій султанъ въ данномъ случаѣ только лишь повторилъ титулъ, который себѣ усвоялъ византійскій императоръ („Ист. р. ц.“, I, 1, 139, прим. 1).

повелѣваетъ чтить апостолъ)?—Тогда еще нечестиваго и гонителя христіанъ! Но какъ святой и апостолъ, провидя въ будущемъ, что и христіане будутъ имѣть одного царя, поучаетъ чтить царя нечестиваго, дабы отсюда поняли, какъ должно чтить благочестиваго и православнаго. Ибо если и нѣкоторые другіе изъ христіанъ присвоивали себѣ имя царя, то всѣ эти примѣры суть нѣчто противуестественное, противузаконное, болѣе дѣло тиранніи и насилія (нежели права). Въ самомъ дѣлѣ, какіе Отцы, какіе соборы, какіе каноны говорятъ о тѣхъ (царяхъ)? Но все, и сверху и снизу, гласитъ о царѣ природномъ, котораго законоположенія, постановленія и приказы исполняются по всей вселенной, и его только имя повсюду поминаютъ христіане, а не чье либо другого“ [1]). Патріархъ не опредѣляетъ, въ какихъ дѣлахъ московскій вел. князь долженъ былъ повиноваться византійскому императору. Онъ пишетъ, что даже латиняне, не имѣющіе никакого общенія съ восточною церковью, оказываютъ императору византійскому такую же покорность, въ какой находились до раздѣленія церкви. Какую покорность имѣлъ въ виду патріархъ? Латиняне, какъ не имѣющіе общенія съ восточною церковью, не могли оказывать повиновенія императору византійскому въ дѣлахъ церковныхъ (въ данномъ случаѣ не важно, на сколько патріархъ былъ далекъ отъ дѣйствительсти, важно то, что внушалось московскому вел. князю). Далѣе, указавъ на тѣсный союзъ и общеніе церкви и царства въ такой степени, что невозможно ихъ отдѣлить другъ отъ друга, патріархъ ссылается на апостола, повелѣвшаго чтить одного только царя, въ его время нечестиваго (которому, вслѣдствіе этого, въ дѣлахъ церковныхъ повиноваться не должно было), на Отцовъ, на соборы и каноны, гласящіе о царѣ, котораго законоположенія, постановленія и приказы исполнялись по всей вселенной.

Наставляя вел. князя московскаго оказывать покорность византійскому императору, патріархъ Антоній пишетъ, что онъ и византійскій императоръ оказываютъ ему, Василію I, „въ своихъ грамотахъ, извѣщеніяхъ и чрезъ своихъ пословъ ту же честь, какую имѣли прежніе великіе князья“ [2]). Патріаршая грамота не

[1]) „Рус. Ист. Библ.“ VI, Прил., стр. 274 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 274.

разъясняетъ, въ чемъ заключалась эта честь, и проф. А. С. Павловъ (редакторъ VI т. Р. И. Б.), для представленія о ней по византійскимъ государственнымъ теоріямъ, приводитъ отрывокъ изъ сочиненія полиграфа XIV в. Максима Планудиса такого содержанія: „когда Ромеями были порабощены народы и ихъ цари, Августъ почтилъ изъ названныхъ царей однихъ одними, другихъ другими достоинствами, показывая этимъ, что они подвластны ему, и что онъ удостоиваетъ ихъ соотвѣтствующими почестями; правителя Руссовъ онъ почтилъ должностью стольника, поэтому одинъ посолъ, явившійся отъ Руссовъ къ царю Андронику Палеологу [1]), обратился къ нему съ такимъ привѣтствіемъ: мой независимый царь Руссовъ, стольникъ святого твоего величества, рабски преклоняется предъ святымъ твоимъ величествомъ *(προσκυνεῖ δουλικῶς)*" [2]). „Итакъ", заключаетъ проф. Павловъ, „на долю русскаго великаго князя выпадала честь быть *стольникомъ* византійскаго императора" [3]).

Врядъ ли кто изъ русскихъ князей передавалъ чрезъ своего посла византійскому императору, что рабски предъ нимъ преклоняется. Извѣстіе Планудиса важно для характеристики существовавшаго въ Византіи взгляда на русскихъ князей, соотвѣтственно которому принимали тамъ и пословъ ихъ [4]).

---

[1]) Палеологи царствовали: Андроникъ II отъ 1282 по 1328 г.; Андроникъ III отъ 1321—1341; Андроникъ IV отъ 1377—1379. (Muralt, Essai de chronographie Byzantine, I, 445, 528, 575, 706, 710, Спб. 1871 г.).

[2]) „Рус. Ист. Библ.", Прил., стр. 273, прим.

[3]) Тамъ же.

[4]) Проф. Дьяконовъ, разсмотрѣвъ отношенія между Византіей и Русью, пришелъ къ заключенію, что „по воззрѣніямъ грековъ положеніе русскаго князя носитъ оттѣнокъ приниженности по отношенію къ императору" („Власть московск. государей", 20). Къ такому заключенію приводитъ проф. Дьяконова, между прочимъ, одна изъ двухъ грамотъ византійскаго императора Михаила Дуки, которыя были написаны, по мнѣнію проф. Васильевскаго, русскому князю Всеволоду Ярославичу около 1072 или 1073 г. Въ одной изъ этихъ грамотъ императоръ говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ другимъ государямъ: „что касается другихъ властителей народовъ, то я полагаю, достаточно будетъ, если я засвидѣтельствую имъ любовь письменно; они должны почитать за великое счастіе, что я захотѣлъ быть съ ними въ согласіи, такъ чтобы относиться къ нимъ миролюбиво и не желать войны и раздора". Русскому князю императоръ рѣшилъ оказать

Въ De cerim. aulae Byzantinae изложено нѣсколько обрядовъ пріема византійскими императорами иноземныхъ пословъ [1]). Въ этихъ обрядахъ вполнѣ отразились византійскія политическія теоріи и преданія, опредѣлявшія отношенія византійскаго императора къ другимъ государямъ. Мысль объ исключительномъ положеніи византійскаго императора, развитая константинопольскимъ патріархомъ Антоніемъ въ грамотѣ къ вел. князю московскому Василію Димитріевичу, лежитъ въ основѣ обрядовъ пріема иноземныхъ пословъ въ Царьградѣ.

Въ LXXXVII гл. I книги De cer. a. B. изложенъ пріемъ пословъ отъ императора западной части римской имперіи, еще не признаннаго византійскимъ императоромъ. Послѣдній принималъ пословъ не окруженный стражею, такъ какъ это не были послы-варвары: послы, введенные къ императору, цѣловали ноги его. Въ слѣдующей LXXXVIII гл. той же книги изложенъ пріемъ императоромъ тѣхъ же пословъ въ прощальной аудіенціи, а въ LXXXIX—обрядъ пріема великаго посла персидскаго, который привѣтствовалъ императора, трижды падая предъ нимъ ницъ, и цѣловалъ ноги его [2]).

такую милость, которая должна была вызвать въ немъ удивленіе, такъ что императоръ предупреждаетъ его: „не удивляйся, что я тебя возвышаю изъ среды другихъ властителей и удостоиваю бо́льшей чести“. Предлагая русскому князю выдать дочь его за брата своего, императоръ говоритъ о той высокой чести, которая выпадетъ на долю князя въ томъ случаѣ, если предположенный бракъ состоится: „тебѣ, конечно, небезызвѣстно, что̀ такое есть императорская власть у нашихъ Римлянъ и что даже тѣ, которые вступаютъ въ дальнее родство съ нами, почитаютъ такой союзъ величайшимъ благополучіемъ; а я сватаю твою дочь не за чужого мнѣ родомъ и не за какого-нибудь родственника изъ дальнихъ, но за брата... Вотъ мое благожеланіе, а твое благополучіе, вотъ верховное божественное домостроительство, обоимъ намъ полезное, ибо твоя власть сдѣлается отсюда болѣе почтенною и всѣ будутъ удивляться и завидовать тебѣ, получившему такое отличіе“ (Ж. М. Н. Пр. 1875 г., декабрь, стр. 275). Грамота испещрена выраженіями: „я тебя возвышаю, я тебя удостоиваю“ и т. п. Такъ равный не пишетъ равному. Тонъ этой грамоты, въ которой проф. Васильевскій видитъ отраженіе византійскихъ политическихъ теорій и преданій, опредѣлявшихъ отношенія имперіи къ другимъ государствамъ (тамъ же, стр. 309), характеризуетъ отношеніе византійскаго императора къ русскому князю.

[1]) Lib. I, cap. 87—90 и lib. II, cap. 15.

[2]) Эти описанія пріема пословъ принадлежатъ, по мнѣнію Reiske и проф. Д. Ѳ. Бѣляева, современнику Юстиніана I Петру Магистру (Reiske, Praef. ad De cer. a. B., ed. Bon., pag. XVIII и Бѣляева Byzantina, II, XXXIII, прим. 1).

Въ XV гл. II кн. De cer. a. B. изложенъ общій обрядъ пріема иноземныхъ пословъ византійскимъ императоромъ въ большомъ триклинѣ магнавры. Обрядъ этотъ, записанный въ X в., заключался въ слѣдующемъ: „въ исходѣ второго часа [1]), когда все приготовится, входятъ (въ лат. переводѣ пояснено: in Dominorum cubiculum) препозиты [2]) и всѣ чины кувуклія [3]) чрезъ храмъ Господа, императоры же, одѣтые въ дивитисіи [4]) и плащи, обшитые золотой каймой, выходятъ чрезъ галлерею 40 мучениковъ и сигму [5]), сопровождаемые чинами кувуклія, маглавитами и этеріей [6]), и входятъ во храмъ Господа, зажигаютъ тамъ свѣчи, откуда направляются чрезъ сакеллу, оатъ [7]) и поднимающійся переходъ въ иліакъ [8]) магнавры. (Отсюда) они вступаютъ въ большой триклинъ [9]), гдѣ находится соломоновъ тронъ. Тамъ, съ правой стороны, по направленію къ востоку, ниже конхи [10]) стоятъ золо-

[1]) По нашему счисленію — въ исходѣ 8-го часа утра (Проф. Бѣляева Byzantina, II, 47, прим. 1.).

[2]) Препозитами назывались въ IX—X вв. завѣдующіе всѣми придворными торжествами и обрядами (Byzantina проф. Бѣляева II, 21; Reiske, Commentarii ad Constant. Porph. de cerim. a. B., ed. Bon., pag. 21).

[3]) Чинами кувуклія назывались лица, часть которыхъ находилась и служила въ покояхъ императора или постоянно, или поочередно, часть же, не состоявшая постоянно при особѣ императора, являлась во дворецъ только днемъ или по особымъ повѣсткамъ для отправленія разныхъ обрядовъ (Byzantina проф. Бѣляева II, 47 и прим. 2; Reiske, Com., pag. 25).

[4]) Неизвѣстно точно, какая парадная одежда называлась дивитисіемъ. Проф. Бѣляевъ, разобравъ мнѣнія о покроѣ дивитисія, приходитъ къ заключенію, что дивитисіемъ называлась длинная одежда съ широкими рукавами, надѣвавшаяся чрезъ голову и походившая на стихарь (Byzantina, II, 51 и слѣд.).

[5]) О галлереѣ 40 мучениковъ и сигмѣ см. выше на стр. 75 прим. 3 и 4.

[6]) О маглавитахъ и этеріи см. выше на стр. 75 прим. 9 и 10.

[7]) О сакеллѣ и оатѣ см. выше на стр. 75 прим. 5. Магнаврою или манаврою называлась самая большая тронная и пріемная палата дворца (Byzantina проф. Бѣляева, I, 120)

[8]) Объ иліакахъ см. выше на стр. 75 прим. 6.

[9]) Большой триклинъ — отдѣленіе такъ называемой палаты (триклина) 19 аккувитовъ, получившей свое названіе отъ 19 столовъ съ ложами, которые находились въ ней и были предназначены для угощенія чиновъ, приглашенныхъ императоромъ (Byzantina проф. Бѣляева, I, 108 и 111).

[10]) Конха — ниша (тамъ же, I, 12—13).

ченыя кресла и лежатъ хламиды [1]) и вѣнцы, и входятъ императоры въ находящійся тамъ китонъ [2]) съ лѣвой стороны. Когда все хорошо изготовлено церемоніаріемъ [3]), препозитами и логоѳетомъ дрома [4]), препозиты входятъ (въ китонъ) и докладываютъ императорамъ. Императоры тотчасъ выходятъ и отправляются туда, гдѣ лежатъ вѣнцы и хламиды, и препозитами облекаются въ нихъ, послѣ чего всходятъ и садятся на троны, народъ же (димоты), стоящій внѣ двухъ раздвижныхъ завѣсъ къ западу, громко провозглашаетъ многолѣтіе. Послѣ этого препозиты удаляются и вводятъ чины кувуклія [5]) съ двухъ сторонъ, справа и слѣва, какъ обыкновенно. Когда они станутъ, препозитъ даетъ знакъ остіарію [6]), имѣющему золотой жезлъ, и остіарій выходитъ и вводитъ отдѣлъ [7]) первый—магистровъ [8]); затѣмъ, опять по знаку препозита, выходитъ другой остіарій и вводитъ такимъ же образомъ отдѣлъ второй—патрикіевъ [9]); потомъ, снова по знаку препозита, выходитъ третій остіарій и вводитъ такимъ же образомъ третій отдѣлъ—

[1]) Хламиды — плащи, обыкновенно одѣваемые императорами при выходахъ въ большіе праздники (тамъ же, II, 211; о хламидахъ у Reiske, Com., pag. 467).

[2]) Китонъ — царскій покой (Byzantina проф. Бѣляева, I, 176, прим. 4).

[3]) Церемоніарій — церемоніймейстеръ, обязанностью котораго было слѣдить за ходомъ и правильнымъ исполненіемъ придворныхъ обрядовъ (тамъ же, II, 22, прим. 1).

[4]) Логоѳетъ дрома не только вѣдалъ государственную почту, но былъ также министромъ иностранныхъ и отчасти внутреннихъ дѣлъ (тамъ же, II, 16, прим. 3).

[5]) Въ текстѣ: Εἰσάγουσι τοῖς τοῦ κουβουκλείου вм. τοὺς τοῦ κουβουκλείου: idiotismus ille est novae Graeciae, поясняетъ Reiske, dativum pro accusativo usurpantis (Commentarii, pag. 642.).

[6]) Остіарій — привратникъ; обязанностью его было стоять при завѣсѣ и вводить приглашенныхъ къ императору (Reiske, Comment., pag. 66).

[7]) Сановники и чиновники вводились для поклоненія императору по отдѣламъ, каждый классъ чиновниковъ особо. Эти отдѣлы называются „завѣсами"— βῆλα, потому что для каждаго, отдѣльно отъ другихъ вводимаго класса чиновниковъ, поднималась завѣса входной двери и, по входѣ этого класса въ залу, опускалась (Byzantina проф. Бѣляева, II, 61 и I, 22, прим. 1).

[8]) Магистры — одинъ изъ высшихъ чиновъ имперіи (Reiske, Com., pag. 66).

[9]) О патрикіяхъ см. выше на стр. 123 прим. 9.

чины синклита [1]), и вводится вообще столько отдѣловъ, сколько того требуется обычаемъ и обрядомъ пріемовъ. Потомъ входитъ катепанъ [2]) съ доместикомъ [3]) и хрисотриклинитами [4]) и становятся справа и слѣва предъ двумя западными раздвижными завѣсами. Когда они станутъ, препозитъ даетъ знакъ остіарію, имѣющему золотой жезлъ, и тотъ вводитъ чужеземнаго посла, котораго ведутъ катепанъ „царскихъ", или комитъ ставла [5]), или протостраторъ [6]) въ сопровожденіи толмача, впереди же нихъ идетъ логоѳетъ дрома. При входѣ посолъ поклоняется императорамъ, падая ницъ, и тотчасъ играютъ органы. Послѣ этого онъ идетъ далѣе и становится на нѣкоторомъ разстояніи отъ императорскаго трона; органы же опять играютъ. Слѣдуетъ знать, что когда дружественный посолъ приближается къ императору, входятъ наиболѣе почетныя лица его свиты и, павъ ницъ (предъ императоромъ), становятся внутри раздвижныхъ завѣсъ. Когда логоѳетъ дѣлаетъ обычные вопросы послу, львы начинаютъ рычать и птицы, находящіеся на тронѣ и деревьяхъ, начинаютъ гармонично пѣть, звѣри же поднимаются со ступеней на тронѣ. Въ это время вносится протонотаріемъ дрома [7]) даръ посла, и снова, немного времени спустя, играютъ органы, львы же умолкаютъ, птицы перестаютъ пѣть, и звѣри садятся на свои мѣста. Посолъ, послѣ

---

[1]) Ἡ σύγκλητος и οἱ συγκλητικοί употребляются въ De cerim. a. B. въ различныхъ значеніяхъ. Большею частію названія эти означаютъ: 1) совокупность чиновъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ; 2) всѣ чины, кромѣ высшихъ; 3) только чины синклита — гражданскихъ чиновниковъ (Byzantina проф. Бѣляева, I, 170, прим. 1 и Reiske, Com., pag. 160).

[2]) Катепанъ — начальникъ такъ называемыхъ „царскихъ" хрисотриклинитовъ, составлявшихъ почетную стражу во время пріема императоромъ чиновъ (Reiske, Com., pag. 26 и проф. Бѣляева Byzantina, II, 26).

[3]) Доместикъ — omnis praefectus maior, primus sui generis (Reiske, Com., pag. 27 sub v. βασιλικῶν).

[4]) Хрисотриклиниты — особаго рода почетная стража (Byzantina проф. Бѣляева, I, 32, прим. 1). Хрисотриклинъ — золотая палата императорскаго дворца (тамъ же, I, 10 и слѣд.).

[5]) Комитъ ставла—конюшни (о немъ см. выше на стр. 50).

[6]) О протостраторѣ см. выше на стр. 50.

[7]) Протонотарій дрома — protonotarius publici cursus, primicerius notariorum (Du-Cange, s. v).

осмотра (императоромъ) дара, побужденный логоѳетомъ, падаетъ ницъ (предъ императоромъ) и выходитъ. Въ то время, когда посолъ дѣлаетъ движеніе, чтобы уйти, органы играютъ, львы и птицы издаютъ свойственные имъ звуки, звѣри поднимаются съ своихъ мѣстъ. Когда посолъ выходитъ за завѣсу, органы играютъ, птицы(же) и звѣри садятся на свои мѣста. Если есть еще другой дружественный посолъ, императоры приказываютъ войти и ему, и опять, при входѣ и выходѣ его, соблюдаются тѣ же обрядъ и порядокъ, какъ нами изложено. Вообще, сколько бы ни было дружественныхъ пословъ, по отношеніи къ каждому изъ нихъ соблюдается все изложенное. Слѣдуетъ знать, что когда дружественные послы удаляются, препозитъ громко возглашаетъ: „повелите“, и выходятъ магистры, патрикіи и чины синклита, возглашая (императору): „на многія времена“. Послѣ ихъ ухода препозитъ снова провозглашаетъ: „повелите“, и выходятъ хрисотриклиниты и чины кувуклія, провозглашая: „на многія времена“. Когда всѣ выйдутъ, императоры сходятъ съ троновъ, снимаютъ свои вѣнцы и хламиды, облачаются въ плащи обшитые золотою каймою, и отправляются тайно въ богохранимый дворецъ тѣмъ путемъ, которымъ пришли, сопровождаемые чинами кувуклія, которые, ставъ у хрисотриклина, при прохожденіи императора возглашаютъ: „на многія времена“ и (прочее) по порядку“ [1]).

Непосредственно за этимъ общимъ обрядомъ пріема иноземныхъ пословъ въ Византіи, составленнымъ въ X в., въ De cer. a. B. изложенъ обрядъ пріема сарацинскихъ пословъ съ указаніями на церемоніалъ аудіенціи испанскихъ пословъ, послѣ чего описанъ пріемъ, оказанный въ Константинополѣ русской великой княгинѣ Ольгѣ. Описаніе того пріема, тѣмъ болѣе цѣнное, что это единственный извѣстный намъ обрядъ пріема члена русскаго княжескаго дома византійскимъ императоромъ, имѣется въ переводѣ на рус. яз., поэтому ограничимся указаніемъ лишь существенныхъ чертъ его [2]).

Вел. кн. Ольга принята была императоромъ въ магнаврѣ такъ, какъ приняты были сарацинскіе послы. Когда пріемъ послѣд-

[1]) De cer. a. B., II, 15, pag. 566—570.

[2]) Русскій переводъ у Шлецера „Несторъ“, III, 408 и въ „Ист. рус. ц.“ проф. Голубинскаго, I, 1, 86.

нихъ окончился, великой княгинѣ дана была аудіенція въ триклинѣ Юстиніана [1]). Во время этой аудіенціи императрица сидѣла на большомъ тронѣ императора Ѳеофила, а невѣстка ея—подлѣ нея на золоченомъ императорскомъ креслѣ. При пріемѣ присутствовалъ весь кувуклій и придворныя дамы. Великой княгинѣ, введенной препозитомъ и двумя остіаріями, былъ предложенъ вопросъ препозитомъ отъ имени императрицы, чѣмъ пріемъ и закончился. Послѣ этого великая княгиня принята была въ семейномъ кругу императоромъ и императрицею: ее вызвали изъ кенургія [2]), гдѣ она находилась послѣ аудіенціи у императрицы, къ императору, бывшему съ императрицей и багрянородными дѣтьми. Во время этого пріема великая княгиня сидѣла, по приказанію императора, и бесѣдовала, о чемъ желала. Въ тотъ же день въ триклинѣ Юстиніана данъ былъ парадный обѣдъ, къ которому пригласили великую княгиню; она сидѣла во время обѣда подлѣ трона императрицы и ея невѣстки вмѣстѣ съ зостами [3]), пѣвчіе же храмовъ св. Софіи и Апостоловъ пѣли гимны, сложенные въ честь императорской фамиліи. Послѣ обѣда поданъ былъ десертъ въ столовой, гдѣ за золотой малый столъ сѣли императоры Константинъ Багрянородный и Романъ, багрянородныя дѣти ихъ, супруга Романа и великая княгиня. Сорокъ дней спустя снова былъ данъ при дворѣ парадный обѣдъ, за которымъ присутствовала и великая княгиня. Это было послѣднее свиданіе ея съ императорской семьей [4]). Нельзя сказать, чтобы русской великой княгинѣ былъ оказанъ при византійскомъ дворѣ почетный пріемъ. Императоръ офиціально принялъ ее такъ, какъ принималъ сарацинскихъ пословъ, такой же пріемъ оказанъ былъ ей и императрицею; аудіенція у императрицы была непродолжительна: великой княгинѣ предложенъ былъ вопросъ отъ имени императрицы, и отвѣтомъ на него закончился пріемъ. Багрянородный, который принималъ великую княгиню и которому принадле-

[1]) Триклиномъ Юстиніана называлась зала, выстроенная императоромъ Юстиніаномъ Безносымъ (Byzantina проф. Бѣляева, I, 56).

[2]) Кенургіемъ называлась зала, выстроенная императоромъ Василіемъ Македоняниномъ (тамъ же, I, 42).

[3]) Зосты — свитскія дамы императрицъ (Reiske, Com., pag. 166).

[4]) De cer. a. B., II, 15, pag. 591—598.

житъ подробное описаніе пріемовъ ея при императорскомъ дворѣ, не говоритъ, что во время торжественныхъ аудіенцій, данныхъ имъ и императрицею великой княгинѣ, послѣдняя сидѣла, изъ чего можно заключить, что она стояла, потому что въ описаніи пріемовъ ея отмѣчается, когда она сидѣла въ присутствіи императорской семьи. Далѣе, когда былъ данъ первый парадный обѣдъ въ честь великой княгини, ее посадили не за столомъ императрицъ, но съ придворными дамами [1]). Не безъ основанія, вмѣстѣ съ памятью о пре-

[1]) Проф. Голубинскій высказалъ мнѣніе, что Ольга, во время перваго параднаго обѣда, сидѣла за однимъ столомъ съ императрицами и придворными дамами—зостами („Ист. р. ц.", I, 1, стр. 88, прим. 3). Но въ описаніи пріема Ольги ясно сказано, что императрица и невѣстка ея сѣли на тронѣ, великая же княгиня стала сбоку и, послѣ того какъ ввели княгинь, сѣла на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла, за однимъ столомъ съ зостами: Ἐκαθέσθη ἐν τῷ προῤῥηθέντι θρόνῳ ἡ δέσποινα καὶ ἡ νύμφη αὐτῆς, ἡ δὲ ἀρχόντισσα ἐκ πλαγίου ἔστη· ὑπὸ δὲ τοῦ τῆς τραπέζης κατὰ τὸν εἰωθότα τύπον εἰσελθουσῶν τῶν ἀρχοντισσῶν καὶ προσκυνησάντων, ἡ ἀρχόντισσα..., ἐν ᾧ τόπῳ ἵστατο, ἐκαθέσθη εἰς τὸ ἀποκοπτὸν μετὰ τῶν ζωστῶν κατὰ τὸν τύπον (De cer. a. B., II, 15, pag. 596). Не согласно съ проф. Голубинскимъ понимаетъ это мѣсто и проф. Бѣляевъ. Говоря о триклинѣ императора Юстиніана II Безносаго, онъ замѣчаетъ, что въ этомъ триклинѣ, въ день торжественныхъ пріемовъ Ольги императоромъ и императрицею, данъ былъ парадный обѣдъ, „во время котораго Ольга сидѣла съ патрикіями зостами за отдѣльнымъ столомъ" (Byzantina, I, 61). Не въ обычаѣ было въ Византіи, чтобы императоры ея относились къ иностраннымъ государямъ какъ равные къ равнымъ и возвышали ихъ до той царственной высоты, на которой сами находились. Reiske замѣчаетъ, что императоры византійскіе вообще не допускали, чтобы какой либо иностранный государь сидѣлъ предъ ними подобно имъ, но требовали, чтобы иностранные государи предъ ними стояли и, въ то время какъ тѣ къ нимъ подходили, не только не вставали, но даже не привѣтствовали ихъ наклоненіемъ головы (Com., pag. 700). Не удостоившаяся чести сидѣть за императорскимъ столомъ во время перваго параднаго обѣда, русская вел. княгиня посажена была за одинъ столъ съ императорской семьей только тогда, когда былъ поданъ послѣ обѣда десертъ въ другой столовой — аристеріи (въ текстѣ ἐν τῷ ἀριστητηρίῳ (pag. 597) вмѣсто ἐν τῷ ἀριστηρίῳ; объ аристеріи см. Byzantina проф. Бѣляева, I, стр. 28 и прим. 3). Краткость описанія прощальнаго обѣда, даннаго 18 октября 957 г. въ императорскомъ дворцѣ вел. княгинѣ, даетъ нѣкоторое право предположить, что въ этотъ разъ Ольга сидѣла за однимъ столомъ съ императрицей, ея невѣсткой и императорскими дѣтьми: ...Ἐκαθέσθη ἡ δέσποινα μετὰ τῶν πορφυρογεννήτων αὐτῆς τέκνων καὶ τῆς νύμφης καὶ τῆς ἀρχοντίσσης (De cer. a. B., pag. 598), но противъ такого предположенія говоритъ

быванін Ольги въ Константинополѣ, сохранилась память, что она осталась недовольна оказаннымъ ей пріемомъ, какъ не соотвѣтствовавшимъ ея достоинству.

Мысль, что императоръ Византіи занималъ исключительное положеніе, и что государи другихъ народовъ ниже его по достоинству своему, нашла себѣ отраженіе въ византійскомъ посольскомъ обрядѣ, который вслѣдствіе этого не могъ быть принятъ въ Москвѣ.

Находясь въ церковной зависимости отъ византійскаго императора, какъ царя всѣхъ христіанъ, а съ точки зрѣнія византійскаго правительства и въ политической, московскій государь, одновременно съ этимъ, находился въ политической зависимости отъ татарскаго хана до 1480 г.

Какъ церковная зависимость московскаго государя отъ византійскаго императора породила неравныя между ними отношенія, такъ и политическая зависимость московскаго государя отъ татарскаго хана поставила перваго въ зависимыя отношенія отъ послѣдняго. Эти зависимыя отношенія отразились на обрядахъ, которыми сопровождались аудіенціи русскихъ князей у татарскихъ хановъ, и на пріемахъ русскими князьями ханскихъ пословъ. Объ обрядахъ этихъ русскіе источники умалчиваютъ по понятной при-

---

извѣстіе Багрянороднаго объ обѣдѣ, который давалъ онъ въ тотъ же день мужской свитѣ Ольги. По словамъ Багрянороднаго: Ἐγένετο κλητώριον ἐν τῷ χρυσοτρικλίνῳ, καὶ ἐκαθέσθη ὁ βασιλεὺς μετὰ τῶν Ῥῶς (ibid.), т. е. императоръ сидѣлъ съ русскими, но это выраженіе можно понять не въ томъ смыслѣ, что Багрянородный сидѣлъ съ русскими за однимъ столомъ, но что русскіе сидѣли въ одной залѣ съ императоромъ, хотя и за разными столами. Врядъ ли можно думать, что Ольга была довольна оказаннымъ ей пріемомъ; всѣ данныя за то, что и ей этотъ пріемъ не могъ показаться почетнымъ, хотя проф. Голубинскій утверждаетъ противное („Ист. р. ц.“, I, 1, стр. 85 прим. 2 и стр. 89 прим. 1). Продолжительное пребываніе Ольги въ гавани Царьграда, чѣмъ она осталась недовольна, проф. Голубинскій объясняетъ подозрительностью византійскаго правительства и не видитъ тутъ никакого пренебреженія къ личности русской вел. княгини. Если даже допустить мысль, что византійское правительство боялось впустить въ Царьградъ русскую вел. княгиню со свитой, въ которой могло быть не болѣе 200 мужчинъ, и что имперія была на столько слаба, что опасалась за свою цѣлость, еслибы эта горсть русскихъ обнаружила вражду къ грекамъ въ самомъ городѣ, въ такомъ случаѣ пріемъ, оказанный Ольгѣ соотвѣтственно достоинству ея, заставилъ бы ее забыть долгое выжиданіе разрѣшенія высадиться на берегъ.

чинѣ, но создать представленіе о нихъ можно по извѣстіямъ иностранцевъ, писавшихъ о татарахъ.

Вскорѣ послѣ татарскаго погрома русской земли отправлено было папою Иннокентіемъ IV къ монголо-татарскому хану посольство, во главѣ котораго стояли монахи Плано-Карпини и Асцелинъ [1]). Первый изъ нихъ, оставившій описаніе быта татаръ, разсказываетъ о пріемахъ, которые были оказаны ему и товарищамъ его темникомъ Коррензою, Батыемъ и великимъ ханомъ. Корренза принялъ папскихъ пословъ слѣдующимъ образомъ: „принявъ подарки", говоритъ Плано-Карпини, „повели насъ въ его (Коррензы) орду или шатеръ, наказавъ, чтобы предъ дверьми ставки три раза преклонили мы лѣвое колѣно и всячески остерегались наступить ногою на порогъ. Вошедъ въ шатеръ, должны мы были, стоя на колѣняхъ, передъ воеводою (Коррензою) и всѣми вельможами, для сего созванными, говорить то же, что говорили ранѣе" (т. е., чьи они послы и какая цѣль ихъ посольства [2]). Точно также принято было посольство и Батыемъ: предъ его шатромъ послы должны были поклониться и, войдя въ шатеръ, говорить Батыю рѣчь стоя на колѣняхъ [3]). О пріемѣ у великаго хана Плано-Карпини сообщаетъ слѣдующее: „Чингай, первый секретарь его (вел. хана), записавъ наши имена, а также тѣхъ, отъ кого мы присланы, равно герцоговъ Соланжскихъ и другихъ, громогласно прочиталъ ихъ предъ императоромъ и всѣми воеводами. Послѣ этого каждый изъ насъ четырежды преклонилъ лѣвое колѣно, и намъ напомнили, чтобы мы не наступали на порогъ. Обыскавъ тщательно, нѣтъ ли при насъ ножей, и не нашедъ ничего, ввели насъ восточными дверьми (ставки)... Такимъ образомъ, въ первый разъ предстали мы предъ нимъ въ его ставкѣ... Въ тоже время принималъ онъ и всѣхъ другихъ пословъ" [4]). Считая хана своего „повелителемъ всѣхъ людей" [5]), татары не дѣлали различія между подданными хана и представителями непокорен-

[1]) „Путешествія къ татарамъ", изд. Языкова, стр. XVII.

[2]) Назв. изд., 15.

[3]) Тамъ же, 21.

[4]) Тамъ же, 49.

[5]) Тамъ же, 45.

ныхъ ими народовъ: какъ ханскіе подданные, такъ и послы отъ послѣднихъ, должны были говорить предъ ханомъ стоя на колѣняхъ. Плано-Карпини, говоря о правахъ поработителей Руси, между прочимъ отмѣчаетъ ихъ высокомѣріе по отношеніи къ другимъ народамъ и ихъ государямъ. По словамъ его, татары не только не оказывали должнаго уваженія великому князю русскому Ярославу, сыну царя грузинскаго и другимъ знатнымъ лицамъ, но „опредѣленные къ нимъ татары, какъ подлы (въ лат. текстѣ viles) ни были, однако же ходили впереди ихъ и всегда занимали первое и верхнее мѣсто, даже часто сажали ихъ позади себя" [1]). Монахъ Асцелинъ, бывшій у татарскаго воеводы, передаетъ, что отъ него и спутниковъ его татары потребовали троекратнаго колѣнопреклоненія предъ воеводою: „если вы хотите видѣть лице нашего государя", говорили татары посламъ папы, „и вручить ему грамоту вашего государя, то должны поклониться ему какъ сыну Божію, царствующему на землѣ, преклоняя предъ нимъ три раза колѣно; ибо ханъ, сынъ Божій, царствующій на землѣ, повелѣлъ намъ, чтобы всѣ, сюда приходящіе, поклонялись князьямъ его Байотною и Батыю, какъ самому ему, что мы до сихъ поръ исполняемъ и навсегда твердо наблюдать намѣрены" [2]). Извѣстія Плано-Карпини и Асцелина объ обрядѣ пріема иноземныхъ пословъ татарскими ханами и ихъ намѣстниками подтверждаются разсказами о томъ же монаха Рубриквиса, посланнаго французскимъ королемъ Людвикомъ IX къ хану Мангу. Говоря объ аудіенціи, данной ему Батыемъ, Рубриквисъ передаетъ, что онъ и его спутники вошли въ ставку Батыя непринужденные преклонить предъ нимъ колѣни, какъ то обыкновенно дѣлали съ послами, къ нему допускаемыми; его только предупредили не произносить рѣчи предъ Батыемъ, пока послѣдній не велитъ. Когда же Батый велѣлъ Рубриквису говорить, тогда ему и его спутникамъ приказали стать на колѣни; монахъ преклонилъ одно колѣно, но ему сдѣлали знакъ преклонить и другое [3]). Призванный въ другой

[1]) Тамъ же, 103.

[2]) Тамъ же, 229.

[3]) Deux voyages en Asie aux XIII siècle, Guillaume de Rubruquis, pag. 65. Paris, an. 1888.

разъ къ хану, Рубриквисъ также долженъ былъ говорить съ нимъ стоя на колѣняхъ [1]).

Извѣстія европейцевъ объ отношеніяхъ татарскихъ владыкъ къ иноземнымъ посламъ подтверждаются восточными писателями. Арабскій писатель Ибнабдеззахыръ (XIII в.), служившій секретаремъ у египетскаго султана, описываетъ пріемъ, оказанный золотоордынскимъ ханомъ Берке посламъ его государя въ 1264 г. Египетскіе послы предварительно были ознакомлены съ обрядами, которые соблюдались при представленіи хану и „заключались въ томъ, что (послы) всходили съ лѣвой стороны (палатки), а по отобраніи отъ нихъ посланія, переходили на правую сторону и припадали на оба колѣна. Никто не входитъ къ нему въ шатеръ ни съ мечемъ, ни съ ножомъ, ни съ (другимъ) оружіемъ, и не топчетъ ногами порога шатра его“...[2]). У китайскаго лѣтописца XIII в. Мэнъ-хуна находимъ описаніе пріема, который оказывался ханскимъ посламъ. „Не разбирая“, говоритъ Мэнъ-хунъ, „имѣетъ ли онъ (ханскій посолъ) высшій или низшій чинъ, всѣ наперерывъ ему кланяются, ставятъ почетный караулъ у воротъ, сажаютъ на высшее мѣсто; правители сами чинятъ колѣнопреклоненіе и оказываютъ всевозможное усердіе“ [3]). Извѣстіе Мэнъ-хуна о раболѣпіи предъ ханскими послами подтверждается сообщеніями другихъ пи-

---

[1]) Ibid., pag. 126.

[2]) В. Тизенгаузенъ: „Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи золотой орды“, I, 63. Этотъ разсказъ Ибнабдеззахыра о пріемѣ ханомъ Берке египетскихъ пословъ повторенъ арабскимъ писателемъ Эльмуфаддалемъ, у котораго заимствованъ Катрмеромъ въ его Hist. des sult. mamlouks de l'Egypte I, 1, 213—216 (В. Тизенгаузенъ, назв. трудъ, I, 176 и 192). Отсюда разсказъ этотъ заимствованъ былъ въ переводѣ съ франц. яз. на русскій Ф. Бруномъ въ „Зап. Одесск. Об. Ист. и Др.“, VI, 612.

[3]) Проф. Васильевъ: „Исторія и Древности восточной части средней Азіи“ въ „Зап. Имп. Археол. Об.“, XIII, 231. Объ обрядахъ пріема кипчакскими ханами побѣжденныхъ ими нѣсколько словъ въ статьѣ проф. Саблукова: „Очеркъ внутренняго состоянія кипчакскаго царства“. Проф. Саблуковъ говоритъ: „обряды пріема при мусульманствующихъ ханахъ не извѣстны, но обыкновенное въ семъ случаѣ было: надменность, тщеславіе, пышность на сторонѣ принимающихъ, и уничиженіе, знаки рабской покорности — поклоны, колѣнопреклоненія на сторонѣ порабощенныхъ своевольнымъ деспотамъ“ („Изв. Об. Археол., Ист. и Этногр.“ т. XIII, вып. 3, стр. 123. Казань, 1895).

сателей. Длугошъ разсказываетъ, что московскіе государи должны были унижаться, встрѣчая ханскихъ пословъ и выслушивая чтеніе ханскихъ грамотъ [1]). Герберштейнъ передаетъ, что Іоаннъ III Васильевичъ, „когда приближались татарскіе послы, выходилъ къ нимъ на встрѣчу за городъ и выслушивалъ ихъ стоя, тогда какъ они сидѣли“ [2]). Михалонъ Литвинъ сообщаетъ о встрѣчахъ, которыя оказывались московскими князьями ханскимъ посламъ, слѣдующее: „прежде москвитяне были въ такомъ рабствѣ у татаръ заволжскихъ, что, между прочимъ, ихъ князь выходилъ за городъ на встрѣчу всякому послу ханскому и ежегодно пріѣзжавшему сборщику податей, и пѣшій велъ его лошадь подъ устцы до дворца. Посолъ садился на княжескомъ престолѣ, а князь, преклонивъ колѣни, выслушивалъ посольство“ [3]).

Длугошъ, Герберштейнъ и Михалонъ Литвинъ подтверждаютъ извѣстіе Мэнъ-хуна, что ханскихъ пословъ должны были раболѣпно встрѣчать тѣ правители, которые находились въ зависимости отъ хановъ. Несомнѣнно, что татары, высокомѣрно относившіеся къ другимъ народамъ и заставлявшіе пословъ даже непокоренныхъ ими государей преклонять колѣни предъ ханами и ихъ намѣстниками, на правахъ побѣдителей требовали униженія со стороны русскихъ князей предъ ханами и ихъ послами. Политическая зависимость русскихъ князей отъ татарскихъ хановъ выражалась и въ обрядахъ пріемовъ ханами русскихъ князей и ихъ пословъ, и въ пріемахъ русскими князьями ханскихъ пословъ. Вслѣдствіе этого татарскій посольскій обрядъ, практиковавшійся въ сношеніяхъ между золотоордынскими ханами и русскими князьями, какъ отражавшій на себѣ отношенія побѣдителей къ побѣжденнымъ, не могъ примѣняться московскими великими князьями въ сношеніяхъ съ западными европейскими государствами.

Первыя свѣдѣнія о посольскомъ обрядѣ московскихъ государей относятся ко второй половинѣ XV в. Только отъ этого времени

---

[1]) Joannis Dlugossi Historiae Polonicae t. II, lib. XIII, pag. 588. Lipsiae, an. 1712; срf. извѣстіе густинской лѣтописи (П. С. Р. Л., II, стр. 364).

[2]) Перев. Анонимова, 22.

[3]) „Архивъ истор.-юр. свѣд. отн. до Рос.“, изд. Н. Калачовымъ, кн. II, пол. 2, отд. V, 33.

дошли до насъ отдѣльныя записи дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ другими государствами. Въ этихъ записяхъ находятся наказы московскимъ посламъ, какъ править посольства предъ иностранными государями, отчеты пословъ объ исполненіи ими посольствъ, а также описанія обрядовъ пріема иноземныхъ пословъ московскими государями [1]).

Отъ времени Іоанна III дошли до насъ посольскія книги, заключающія въ себѣ изложеніе дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ крымской и ногайской ордами, съ Турціей [2]), съ польско-литовскимъ государствомъ [3]), съ римской имперіей [4]).

Древнѣйшая посольская книга — крымская, начинается съ 1474 г. [5]). Подъ этимъ годомъ описано посольство отъ Іоанна III къ крымскому хану Менгли-Гирею. Іоаннъ III чрезъ своего посла благодаритъ хана за то, что послѣдній его пожаловалъ: „братомъ собѣ и другомъ назвалъ“ [6]).

Посольскій обрядъ, практиковавшійся при Іоаннѣ III въ сношеніяхъ съ крымскимъ ханомъ, былъ не сложенъ. Посолъ великаго князя передавалъ хану поклонъ отъ своего государя: „князь великій Иванъ челомъ бьетъ“, послѣ чего излагалъ порученное ему

---

[1]) „Памятники дипл. сношеній др. Россіи“, I, стр. I. „Сборникъ Имп. Рус. Истор. Об.“, XXXV, стр. I. Бантышъ-Каменскій: „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи“, ч. I, II и III. С. А. Бѣлокуровъ: „Сношенія Россіи съ Кавказомъ“ въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р.“ 1888 г., кн. III, стр. XII.

[2]) „Сборникъ Имп. Рус. Ист. Об.“, т. 41.

[3]) Назв. изд., т. 35.

[4]) „Памятники дипл. снош. древн. Россіи“, т. I.

[5]) „Сборникъ Имп. Рус. Ист. Об.“, т. 41, стр. 1.

[6]) Тамъ же, срав. С. И. Р. И. Об., т. 35, стр. I. Іоаннъ III въ 1474 г. поручилъ своему послу заключить съ Менгли-Гиреемъ договоръ, въ которомъ относительно пословъ было сказано: „а коли мой посолъ отъ меня пойдетъ къ тобѣ къ великому князю Ивану, и мнѣ его къ тобѣ послати безъ пошлинъ и безъ пошлинныхъ людей; а твой посолъ ко мнѣ придетъ, и онъ идетъ прямо ко мнѣ“ (С. И. Р. И. Об., т. 41, стр. 4). Съ этого времени начинаются записи дипломатическихъ сношеній Москвы съ Крымомъ, въ которыхъ заключаются данныя для представленія того посольскаго обряда, который практиковался въ этихъ сношеніяхъ (о сношеніяхъ московскаго государства съ крымскимъ ханствомъ въ статьѣ проф. Бережкова: „Планъ завоеванія Крыма, составленный Крижаничемъ“. Ж. М. Н. Пр. 1891 г., октябрь, стр. 486 и слѣд.).

дѣло [1]) или, послѣ передачи великокняжескаго поклона, говорилъ хану: „князь велики послалъ видѣти твое здоровье“ [2]). Обыкновенно, послѣ передачи поклона и вопроса о здоровьѣ хана отъ имени вел. князя, московскій посолъ подавалъ хану великокняжескій „поминокъ“ и излагалъ порученное ему дѣло [3]).

Менѣе данныхъ для представленія обряда пріема пословъ крымскаго хана въ Москвѣ. Принятый вел. княземъ въ 1504 году крымскій посолъ „правилъ отъ царя поклонъ“ ему и высказалъ пожеланіе хана, чтобы великій князь и старшій сынъ его были здоровы, послѣ чего подалъ великому князю ханскія грамоты [4]). Отпуская крымскихъ пословъ, великій князь велѣлъ имъ передать отвѣтъ и челобитье его хану, а царевичамъ, царицамъ, уланамъ и князьямъ — поклонъ [5]).

Передавая хану челобитье, Іоаннъ III посылалъ поклоны крымскимъ царевичамъ, царицамъ, князьямъ. Тоже соблюдалось и въ наказахъ московскимъ посламъ, отправляемымъ въ Крымъ: они должны были передавать челобитье великаго князя только хану, царевичамъ же, царицамъ, князьямъ — поклоны [6]). На челобитья великаго князя ханъ отвѣчалъ поклонами [7]).

Краткія записи крымской посольской книги за время Іоанна III не представляютъ полной картины посольскаго обряда, соблюдавшагося въ сношеніяхъ между московскимъ княземъ и крымскимъ ханомъ. Въ наказахъ московскихъ пословъ въ Крымъ не находимъ указаній, какъ они держали себя предъ ханомъ послѣ договора Іоанна III съ Менгли-Гиреемъ въ 1474 г., вслѣдствіе чего можно думать, что „братство и дружба“, пожалованныя Іоанну III Менгли-Гиреемъ, не измѣнили посольскаго обряда, соблюдавшагося послами ихъ во взаимныхъ сношеніяхъ.

---

[1]) С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 1, 9.

[2]) Тамъ же, стр. 13, 15, 17, 25, 28, 35, 37, 45, 62 и т. д.

[3]) Тамъ же, стр. 32, 52, 59, 61, 98, 135, 157, 200, 223, 249, 258, 301, 315 336, 340, 372, 383, 434, 453, 487, 525.

[4]) Тамъ же, стр. 539.

[5]) Тамъ же, стр. 556.

[6]) Тамъ же, стр. 142—144, 202, 203, 226, 251, 252, 311, 312 и т. д.

[7]) Тамъ же, стр. 104, 106, 107, 110, 122—125, 150, 153—155 и т. д.

Наказы, какъ править посольство, которые давались московскимъ посламъ, отправляемымъ въ иностранныя государства, далеко не страдали неопредѣленностью и неточностью: послу дѣлались самыя точныя указанія, какъ держать себя на аудіенціи у иноземнаго государя, что отвѣчать, какіе вопросы предлагать и т. п. Въ крымской же посольской книгѣ за время Іоанна III находятся записи сношеній его съ турецкимъ и кафинскимъ султанами, и въ этихъ записяхъ помѣщены наказы московскимъ посламъ, какъ держать себя предъ султанами: „поклонъ правити стоя, а на колѣни не садитися“ [1]. Такіе наказы давались московскимъ посламъ къ султанамъ потому, что отъ иностранныхъ пословъ требовали, чтобы они становились на колѣни предъ султанами [2]. Въ наказахъ московскихъ пословъ къ крымскимъ ханамъ не находимъ обычныхъ въ другихъ случаяхъ инструкцій, какъ держать себя предъ ханами. Вслѣдствіе этого, принимая во вниманіе отношенія крымскаго хана къ московскому государю до 1474 г. и унизительный обрядъ пріема иноземныхъ пословъ, практиковавшійся при дворахъ татарскихъ хановъ, въ томъ числѣ и крымскаго, можно думать, что московскіе послы преклоняли колѣни предъ крымскими ханами во время аудіенцій какъ до договора 1474 г., такъ и послѣ [3]. Договоръ этого года, установившій отношенія братства и равенства между Іоанномъ III и Менгли-Гиреемъ, въ силу этихъ отношеній, повидимому, давалъ только московскому государю право принимать крымскихъ пословъ такъ, какъ послы его принимались ханами. Такое предположеніе можетъ быть оправдано однимъ эпизодомъ изъ сношеній вел. кн. Василія III съ крымскимъ ханомъ. Эпизодъ этотъ внесенъ въ крымскую посольскую книгу благодаря одному исключительному обстоятельству.

---

[1]) Тамъ же, стр. 231, 232, 282, 293, 398.

[2]) А. В. Неклюдовъ: „Начало сношеній Россіи съ Турціей“ въ „Сборникѣ Моск. Гл. Арх. Мин. И. Д.“, вып. 3 и 4, стр. 35 и слѣд.

[3]) Мнѣніе, что крымскіе татары унаслѣдовали обряды при пріемѣ иноземныхъ пословъ отъ золотоордынскихъ, высказано было еще Малиновскимъ („Историч. и Диплом. собраніе дѣлъ, происходившихъ между Россійскими вел. князьями и бывшими въ Крымѣ Татарскими царями съ 1462 по 1533 г.“ въ „Зап. Об. Ист. и древн.“ V, 191.

Въ 1519 г. пріѣхалъ въ Москву крымскій посолъ Аппакъ съ Ахметъ-пашею и товарищами. Аппакъ ѣхалъ въ Москву въ чалмѣ, о чемъ доведено было до свѣдѣнія великаго князя; московскій встрѣчникъ, по великокняжескому приказу, встрѣчая Аппака подъ Москвою, спросилъ его, почему онъ носитъ чалму, которой не носилъ до отъѣзда въ Москву? Аппакъ отвѣтилъ, что крымскій ханъ возложилъ на него чалму въ знакъ того, что отпуститъ его на поклоненіе гробу магометову тогда, когда онъ выполнитъ возложенное на него посольство, „и язъ того дѣля нынѣ положилъ на себя челму, а не иного для дѣла“, добавилъ Аппакъ, понимая, повидимому, почему его спросили о головномъ его уборѣ. Великій князь не удовлетворился такимъ объясненіемъ Аппака; посылая къ нему, по водвореніи его въ Москвѣ на подворьѣ, князя Палецкаго съ подарками, великій князь приказалъ послѣднему не снимать шапки предъ Аппакомъ, когда будетъ говорить ему рѣчь. Палецкій, исполняя приказаніе своего государя, началъ говорить Аппаку рѣчь „ставъ на колѣнкахъ, а колпака не снявъ“, но Аппакъ замѣтилъ ему: „рѣчь государскую говоришь, а колпака съ себя не соймешь“. Палецкій возразилъ Аппаку, что и у него голова покрыта вопреки обыкновенію, потому что прежніе послы крымскаго хана въ такихъ случаяхъ обнажали головы. Аппакъ объяснилъ ему, почему не можетъ снять чалмы. Тогда Ахметъ-паша, товарищъ Аппака по посольству, замѣнилъ Аппака: онъ сталъ предъ Палецкимъ на колѣни, снявъ съ головы колпакъ, и Палецкій, тоже стоя на колѣняхъ съ обнаженною головою, произнесъ ему рѣчь отъ имени великаго князя. Послѣ этого Аппакъ просилъ великаго князя чрезъ казначеевъ его, „чтобъ государь пожаловалъ, не подержалъ на меня себѣ мнѣнія никоторого, что язъ въ чалмѣ ѣду“. Великій князь разрѣшилъ Аппаку быть въ чалмѣ, велѣвъ передать ему: „доколѣ еси намъ о томъ не билъ челомъ, и мы себѣ на мысли были о томъ подержали, что... нынѣ еси положилъ на себя челму; а коли нынѣ намъ о томъ бьешь челомъ, а такъ сказываешь, что на тебя братъ нашъ челму положилъ, ино то на твоей волѣ“. Принятый великимъ княземъ, Аппакъ сталъ предъ нимъ на колѣни и въ такомъ положеніи говорилъ рѣчь отъ имени хана [1]).

---

[1]) С. И. Р. И. Об., т. 95, стр. 632—633.

Изъ описанія этого эпизода не видно, чтобы стояніе посла на колѣняхъ входило въ посольскій обрядъ какъ нѣчто исключительное въ данномъ случаѣ. Колѣнопреклоненіе не возбуждаетъ никакихъ споровъ между московскими дипломатами и крымскими послами, оно совершается какъ нѣчто обычное. Въ Москвѣ показалось подозрительнымъ, что глава крымскаго посольства пріѣхалъ въ чалмѣ, снимать которую онъ не могъ въ тѣхъ случаяхъ, когда установившійся посольскій обрядъ требовалъ, чтобы посолъ обнажалъ голову. Аппака заподозрѣли, что онъ явился въ чалмѣ съ цѣлью нарушить обычай, поэтому и князю Палецкому велѣно было не обнажать головы предъ ханскимъ посломъ, дабы не унизить достоинство великаго князя. Когда объясненія Аппака разсѣяли подозрѣнія, возбужденныя его чалмою, посольство было принято великимъ княземъ. О колѣнопреклоненіи ханскихъ пословъ предъ великимъ княземъ московскимъ мы узнаемъ только благодаря тому, что глава крымскаго посольства явился въ необычномъ головномъ уборѣ.

Памятники дипломатическихъ сношеній съ Крымомъ за время государствованія Василія III даютъ болѣе матеріала для представленія посольскаго обряда, практиковавшагося въ сношеніяхъ московскаго государя съ крымскимъ ханомъ. Наказы московскимъ посламъ, какъ держать себя при ханскомъ дворѣ, становятся болѣе подробными, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ отчетахъ московскихъ пословъ объ исполненіи ихъ миссій находимъ описанія пріемовъ, оказанныхъ имъ при ханскомъ дворѣ. Такіе болѣе подробные наказы московскимъ посламъ къ крымскому хану и соотвѣтствующіе наказамъ отчеты пословъ, проливающіе свѣтъ на посольскій обрядъ времени Іоанна III и Менгли-Гирея, могутъ быть объяснены отчасти измѣненіемъ отношеній Василія III къ крымской ордѣ, отчасти и тѣмъ, что по мѣрѣ расширенія дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ иностранными державами въ Москвѣ стали подробнѣе описывать въ посольскихъ книгахъ какъ пріемы иноземныхъ посольствъ и переговоры съ нимъ, такъ и отправленія московскихъ пословъ за границу.

Василій III не измѣнялъ посольскаго обряда въ сношеніяхъ съ крымскимъ ханомъ и не обнаруживалъ желанія прекратить мир-

ныя сношенія съ Крымомъ, но только не удовлетворялъ алчности крымскаго хана, многочисленныхъ царевичей, князей и ихъ женъ. Іоанну III союзъ съ крымскимъ ханомъ былъ болѣе нуженъ, чѣмъ сыну его: Іоаннъ III имѣлъ двухъ враговъ—золотую орду и Литву, для борьбы съ которыми нуждался въ помощи крымскаго хана, при сынѣ Іоанна III золотая орда не существовала. Если мы не видимъ измѣненія отношеній между Іоанномъ III и Менгли-Гиреемъ, который добивалъ золотую орду въ началѣ XVI в., то это объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что конецъ золотой орды почти совпалъ съ концомъ государствованія Іоанна III и царствованія Менгли-Гирея. Съ новымъ государемъ московскимъ установились новыя отношенія къ крымской ордѣ; пословъ не тароватаго на поминки Василія III стали грабить въ Крыму, и возникшія вслѣдствіе этого столкновенія московскихъ пословъ съ крымцами открываютъ намъ нѣкоторыя подробности пріемовъ московскихъ посольствъ въ Крыму. Съ другой стороны и крымскій ханъ измѣняетъ свои отношенія къ Москвѣ подъ вліяніемъ польскаго короля, которому онъ былъ нуженъ для борьбы съ московскимъ великимъ княземъ [1]).

Въ наказѣ перваго извѣстнаго намъ московскаго посла въ Крымъ за время государствованія Василія III, боярина Василія Григорьевича Морозова, отправленнаго къ хану въ 1509 г., находимъ инструкціи, которыя проливаютъ болѣе свѣта на обращеніе съ московскими послами при дворѣ крымскаго хана и во времена Іоанна III. Морозову наказывалось, по пріѣздѣ въ Крымъ, дать встрѣчавшимъ его отъ имени хана съ подарками „что будетъ пригоже, потомуже, какъ прежніе послы великого князя тѣмъ людемъ царевымъ на встрѣчѣ что давали, которые бывали у царя до Василья до Наумова и до Костянтина до Заболотцкого. А нѣчто у Василья имутъ просити потомужъ, какъ Василей Наумовъ давалъ и какъ на Костянтинѣ имали, и Василью по тому не давати“... [2]).

---

[1]) Соловьевъ: „Исторія Россіи“, V, 281, изд. 5. Проф. Бережковъ, назв. тр. въ Ж. М. Н. Пр., октябрь, стр. 494 и слѣд.

[2]) С. И. Р. И. Об., т. 95, стр. 60. Бояринъ Константинъ Григорьевичъ Заболотскій былъ отправленъ къ крымскому хану въ 1492 г. съ извѣстіемъ о смерти польскаго короля Казиміра и съ цѣлью убѣдить хана напасть на литовскія земли (С. И. Р. И. Об., т. 41, стр. 156—165). Василій Наумовъ упоми-

Далѣе, Морозову наказано было, по пріѣздѣ на подворье, отводимое послу, „со царемъ обослатися потомуже, какъ напередъ того великого князя послы съ нимъ обсылалися: [1]) какъ ему велитъ царь быти у себя, и рѣчь отъ великого князя говорити, при всѣхъ ли царевичевъ и князехъ, или наодинѣ; да и о поминкѣхъ велѣть ему царя вспросити, какъ велитъ къ себѣ поминки принести“ [2]). По полученіи отвѣта отъ хана Морозовъ долженъ былъ отправиться къ нему на аудіенцію. Если, говорилось въ наказѣ Морозова, его встрѣтятъ на пути къ хану крымскіе князья и станутъ требовать пошлинъ, то онъ, не исполняя ихъ требованій, долженъ продолжать свой путь къ хану, какъ прежніе великокняжескіе послы, которые пошлинъ не давали. Наказъ разрѣшаетъ Морозову давать „поминки“, кромѣ указанныхъ лицъ, только тѣмъ, которые въ чемъ либо услужили ему, „а въ пошлину ему однолично ни царевичемъ, ни княземъ, ни царевымъ людемъ, ни царевичевымъ никому ничего не дати, опроче того, что нѣчто имутъ силно имати“. Въ случаѣ насилія отъ перечисленныхъ лицъ Морозовъ долженъ былъ заявить хану, что тотъ обязанъ по шертной грамотѣ не дозволять взимать пошлинъ съ московскихъ пословъ. Наказъ Морозову не давать пошлинъ крымскимъ царевичамъ, князьямъ и другимъ свидѣтельствуетъ, что договоръ о послахъ, заключенный еще Іоанномъ III съ Менгли-Гиреемъ, нарушался въ Крыму. И дѣйствительно, въ донесеніи Морозова Василію III, въ которомъ онъ давалъ отчетъ о томъ, какъ правилъ посольство въ Крыму, между прочимъ говорится о попыткахъ взять съ него пошлины. Это донесеніе любопытно въ томъ отношеніи, что Морозовъ подробно излагаетъ, какъ его приняли въ Крыму. Сначала онъ былъ принятъ ханомъ въ тайной аудіенціи и спрошенъ о здоровьѣ великаго князя; затѣмъ ханъ принялъ Морозова въ торжественной аудіенціи

настся, какъ находившійся въ Крыму московскій посолъ, въ 1521 г. (С. И. Р. И. Об. т. 95, ст. 675); въ данномъ случаѣ можетъ быть рѣчь о посольствѣ Наумова отъ Василія III къ хану до 1509 г., запись котораго до насъ не дошла (тамъ же, Предисловіе).

[1]) Въ изданномъ текстѣ въ С. И. Р. И. Об. поставлена здѣсь точка, но такъ какъ слѣдующія слова поясняютъ то, о чемъ надо было обослаться, лучше поставить двоеточіе (т. 95, стр. 60).

[2]) Тамъ же.

при царевичахъ, князьяхъ и другихъ лицахъ. Приглашенный къ этой аудіенціи мурзою, который пріѣхалъ за нимъ, московскій посолъ ѣхалъ до воротъ ограды ханскаго дворца, гдѣ сошелъ съ коня. Тутъ сидѣли крымскіе князья, которые съ посломъ карашевались [1]) по обычаю, за исключеніемъ только мурзы Кудояра, который съ посломъ не карашевался, но велѣлъ толмачу сказать послу, что онъ—посолъ—холопъ. Когда посолъ шелъ отъ воротъ ко дворцу, Кудояръ отнялъ у подьячего посла шубу, а у дверей ханскихъ есаулы бросили посохи [2]) и потребовали отъ посла пошлины. Посолъ перешелъ чрезъ посохи не давъ пошлины. На аудіенціи ханъ спросилъ посла о здоровьѣ великаго князя и его самого „жаловалъ“ (какъ—не сказано), жаловали посла также царевичи и звали его карашеваться. Послѣ этого посолъ изложилъ порученныя ему дѣла, а ханъ посла „жаловалъ чашею и останокъ [3]) подалъ; и царевичи жаловали, останки подавали“. Немного спустя ханъ велѣлъ послу чашу подать, и посолъ подавалъ ее хану, царевичамъ и князьямъ. Когда очередь дошла до Кудояра, посолъ отказался подать ему чашу за насиліе надъ подьячимъ и названіе холопомъ, а „холопъ есми, государь“, говорилъ хану посолъ, „твой, да брата твоего государя нашего великого князя Василья Ивановича всеа Русіи“.

---

[1]) В. Д. Смирновъ объясняетъ глаголъ карашеваться въ смыслѣ „видѣться“, вопреки мнѣнію другихъ ученыхъ, объяснявшихъ этотъ глаголъ въ смыслѣ „привѣтствовать, цѣловаться“; такое толкованіе Смирновъ признаетъ невѣрнымъ на томъ основаніи, что въ одной изъ грамотъ Менгли-Гирея къ Іоанну III глаголъ карашеваться употребленъ въ смыслѣ „видѣться“ (С. И. Р. И. Об., т. 41, стр. 222). Г. Смирновъ объясняетъ глаголъ карашеваться изъ турецко-татарскаго „кöрмäкъ, гöрмекъ = видѣть, откуда „кöрюшмäкъ, гöрюшмекъ“ въ значеніи „видѣться“ („Крымское ханство“, 363, прим. 1). Баронъ Тизенгаузенъ, чрезъ посредство проф. Е. К. Рѣдина, за что приношу имъ глубокую благодарность, объяснилъ мнѣ глаголъ карашеваться въ значеніи „здороваться“ (такое значеніе усвояется этому глаголу и въ „Матеріалахъ для словаря др.-рус. яз.“ Срезневскаго съ ссылкою на Академ. Словарь). Это объясненіе барона Тизенгаузена подтверждается и тѣмъ, что какъ въ статейномъ спискѣ Морозова, такъ и въ другихъ мѣстахъ крымской посольской книги глаголъ карашеваться употребляется въ значеніи „здороваться, привѣтствовать“.

[2]) По объясненію барона Тизенгаузена посохи — булавы, которыя носили есаулы.

[3]) Останокъ—остатокъ („Матеріалы для словаря др.-рус. яз.“ Срезневскаго).

Ханъ сталъ „покрашивать" (обѣлять) Кудояра, но посолъ возразилъ, что Кудояръ сказалъ ему „не вѣжливое слово" и шубу отнялъ у подьячаго. Давъ послу выпить, ханъ отпустилъ его и отправилъ къ нему на подворье медъ. По разсказамъ, дошедшимъ до посла, ханъ потомъ призвалъ къ себѣ Кудояра, бранилъ его за оскорбленіе посла и отнялъ у него шубу подьячаго. Ханъ остался недоволенъ поминками, которые привезъ ему Морозовъ, находя ихъ незначительными [1]). Царевичъ Ахматъ-Гирей, требуя додачи къ тому, что было ему подарено, грозилъ послу, что велитъ его привести къ себѣ на веревкѣ въ случаѣ неисполненія его требованія [2]).

Какъ наказъ, данный Морозову, такъ и отчетъ его представляютъ данныя, на основаніи которыхъ можно представить обрядъ пріема московскаго посла при дворѣ крымскаго хана. Посла во владѣніяхъ хана встрѣчали съ подарками отъ имени послѣдняго, а посолъ, въ свою очередь, отдаривалъ встрѣчниковъ. По пріѣздѣ въ резиденцію хана, посолъ освѣдомлялся, какъ хану угодно будетъ принять его: въ тайной или публичной аудіенціи. Приглашенный къ публичной аудіенціи посланнымъ отъ хана, посолъ ѣхалъ до воротъ ограды ханскаго дворца, гдѣ сходилъ съ коня и карашевался съ находившимися тамъ царевичами, князьями, назначаемыми, повидимому, для встрѣчи его. Отъ воротъ посолъ шелъ къ хану. Случалось, что стоявшіе тутъ ханскіе есаулы, вопреки договору 1474 г., бросали предъ посломъ посохи и требовали съ него пошлины. Ханъ спрашивалъ представшаго предъ нимъ посла о здоровьѣ его государя, „жаловалъ" посла, присутствовавшіе же татарскіе царевичи также „жаловали" посла и звали его карашеваться. По наказу посолъ передавалъ хану челобитье своего государя, спрашивалъ хана о здоровьѣ его и передавалъ ему подарки великокняжескіе, послѣ чего излагалъ предъ ханомъ порученное ему дѣло. Когда посолъ кончалъ рѣчь свою, ханъ жаловалъ его чашею, что дѣлали и царевичи, присутствовавшіе на аудіенціи. Затѣмъ, по приказанію хана, посолъ подавалъ чашу ему, царевичамъ и князьямъ. Давъ послу выпить, ханъ отпускалъ его.

---

[1]) С. И. Р. И. Об. т. 95, стр. 81—82.

[2]) Тамъ же, 83.

Такой же наказъ правитъ посольство, какъ и Морозову, данъ былъ боярину Ивану Мамонову, отправленному посломъ въ Крымъ въ 1515 г. [1]); съ подобнымъ наказомъ въ 1518 г. князь Юрій Пронскій отправленъ былъ посломъ къ крымскому хану.

Обширный отчетъ боярина Мамонова о пріемѣ, оказанномъ ему при дворѣ хана Махметъ-Гирея, сына Менгли-Гирея, даетъ менѣе данныхъ, сравнительно съ отчетомъ Морозова, для представленія объ обрядѣ пріема московскихъ пословъ крымскими ханами. Отчетъ Мамонова главнымъ образомъ заключаетъ въ себѣ перечень обидъ и насилій, которымъ онъ подвергся въ Крыму [2]).

Представляя болѣе данныхъ для обряда пріема московскихъ пословъ въ Крыму, крымская посольская книга за время Василія III, сравнительно съ временемъ Іоанна III, даетъ болѣе матеріала и для обряда пріема крымскихъ пословъ при московскомъ дворѣ.

Послы, отправленные крымскимъ ханомъ въ Москву въ 1508 г., встрѣчены были посланнымъ отъ великаго князя подъ Москвою, на Поклонной горѣ. Встрѣчникъ спросилъ пословъ о здоровьѣ ихъ и поѣхалъ съ ними въ отведенное имъ подворье. Сюда явился другой посланецъ великаго князя съ вопросомъ о здоровьѣ хана и пословъ и съ кормомъ для нихъ. Пословъ, приглашенныхъ на аудіенцію къ великому князю, встрѣтили у лѣстницы окольничій и дьякъ. На аудіенціи глава крымскаго посольства передалъ поклонъ отъ хана великому князю и спросилъ его отъ имени хана о здоровьѣ, великій же князь спросилъ посла о здоровьѣ хана. Послѣ этого глава посольства подалъ великому князю ханскую грамоту, и великій князь, подозвавъ къ себѣ членовъ посольства, клалъ на нихъ свою руку, спросилъ ихъ о здоровьѣ и пригласилъ къ столу [3]). Точно также встрѣченъ былъ подъ Москвою на Поклонной горѣ посланнымъ отъ великаго князя крымскій посолъ Янчура въ 1515 г. Встрѣчникъ передалъ послу поклонъ великаго князя и спросилъ его о здоровьѣ. Посолъ, принятый великимъ княземъ, передалъ ему поклонъ хана и грамоту, великій же князь пригласилъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 193 и 203—204.

[2]) Тамъ же, стр. 269—294.

[3]) Тамъ же, стр. 19.

посла и товарищей его къ столу и посылалъ угощать ихъ медомъ [1]). Объ отпускѣ Янчуры съ товарищами въ посольской книгѣ заключаются слѣдующія данныя: великій князь пригласилъ пословъ къ столу, послѣ чего далъ имъ „ихоиръ“ [2]) и назначилъ день ихъ отъѣзда изъ Москвы. Отпуская крымское посольство изъ Москвы, великій князь наказалъ главѣ его передать свое челобитье хану [3]).

Немного данныхъ для представленія объ обрядѣ пріема крымскихъ пословъ въ Москвѣ заключается въ посольской книгѣ по поводу пріема ханскаго посла Абдылъ-Авелъ-Шиха въ 1517 г. Посолъ „правилъ великому князю отъ хана поклонъ“, но великій князь не звалъ его къ рукѣ и карашеваться, потому что посолъ пріѣхалъ изъ мѣстъ, гдѣ было моровое повѣтріе. По этой же причинѣ посолъ не былъ приглашенъ великимъ княземъ къ столу. На аудіенціи посолъ говорилъ великому князю рѣчь и подалъ ханскія грамоты [4]). Въ томъ же 1517 г. къ великому князю прибылъ ханскій посолъ князь Кудояръ съ посланцами отъ ханши и крымскихъ царевичей. На аудіенціи Кудояръ „правилъ великому князю отъ царя челобитье“, произнесъ рѣчь и вручилъ грамоты [5]). Сравнительно подробнѣе описанъ въ посольской книгѣ пріемъ крымскаго посла мурзы Кудояра въ 1518 г. На встрѣчу послу отправленъ былъ великимъ княземъ ясельничій, проводившій посла на подворье. Сюда, на подворье, великимъ княземъ отправленъ былъ посланецъ, который передалъ великокняжескій подарокъ послу и спросилъ его о здоровьѣ хана. Въ назначенный для аудіенціи день мурза Кудояръ пріѣхалъ ко дворцу и встрѣченъ былъ по приказу великаго князя Ѳедоромъ Карповымъ. Явившись предъ великимъ княземъ, Кудояръ „правилъ отъ царя великому князю поклонъ“ и подалъ грамоты отъ хана, ханши, царевичей и князей крымскихъ [6]). Послѣ аудіенціи Кудояръ былъ

[1]) Тамъ же, стр. 151.

[2]) Въ изданномъ текстѣ въ С. И. Р. И. Об. „и хоиръ“; по объясненію барона Тизенгаузена, „ихоиръ“ — отпускная грамота, т. е. разрѣшеніе послу вернуться домой. Тамъ же, стр. 191.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же, стр. 385—386.

[5]) Тамъ же, стр. 442.

[6]) Тамъ же, стр. 513.

приглашенъ великимъ княземъ къ столу. Послѣ стола „подавалъ князь великій чашу цареву, да послѣ того и свою чашу велѣлъ подавати“ [1]). Объ отпускѣ Кудояра съ товарищами его по посольству сказано въ посольской книгѣ, что послы были позваны къ великому князю, который „имъ и хаѣръ учинилъ“ [2]).

Самое подробное описаніе пріема Василіемъ III крымскаго посольства относится къ 1519 г. Въ этомъ году въ Москву пріѣхалъ ханскій посолъ князь Аппакъ съ товарищами. Крымскіе послы на пути къ Москвѣ были встрѣчены посланнымъ отъ великаго князя, чтобы доставлять имъ кормъ. Вторая встрѣча была оказана крымскимъ посламъ, когда они пріѣхали къ Москвѣ. Встрѣчникъ долженъ былъ проводить пословъ на подворье, куда прибылъ князь Палецкій съ великокняжескимъ „жалованіемъ: съ ѣствою и съ шубою“. Князь Палецкій говорилъ отъ имени великаго князя рѣчь ханскому послу на колѣняхъ и съ обнаженною головою, посолъ выслушалъ рѣчь въ такомъ же положеніи. Въ назначенный для аудіенціи день ханскій посолъ явился во дворецъ, гдѣ его встрѣтили окольничій съ дьякомъ. Введенный къ великому князю, князь Аппакъ, по приглашенію послѣдняго, подошелъ къ нему карашеваться и, „отошедъ, сталъ на колѣнехъ, да правилъ отъ царя великому князю поклонъ, да подалъ грамоту“. Послѣ аудіенціи князь Аппакъ былъ приглашенъ великимъ княземъ къ столу [3]).

Описанныя въ крымской посольской книгѣ пріемы ханскихъ пословъ въ Москвѣ представляютъ черты, по которымъ можно представить обрядъ пріема посла крымскаго хана московскимъ государемъ.

Крымскаго посла встрѣчалъ въ предѣлахъ московскаго государства посланный великимъ княземъ; встрѣчникъ долженъ былъ доставлять кормъ послу и его свитѣ. Подъ Москвою къ послу выѣзжалъ другой встрѣчникъ, который спрашивалъ посла отъ имени великаго князя о здоровьѣ и проводилъ посольство на подворье въ Москвѣ. Сюда являлся великокняжескій посланецъ съ вопро-

---

[1]) Тамъ же, стр. 528.

[2]) Тамъ же, стр. 561.

[3]) Тамъ же, стр. 630—633.

сами о здоровьѣ хана и посла и съ жалованьемъ великаго князя: кормомъ и подаркомъ: посланецъ великаго князя произносилъ рѣчь послу, стоя на колѣняхъ, и съ обнаженною головою. Въ такомъ же положеніи выслушивалъ рѣчь и посолъ. Въ назначенный для аудіенціи день посолъ пріѣзжалъ къ великокняжескому дворцу, гдѣ его встрѣчалъ посланный отъ великаго князя. Представъ предъ великимъ княземъ, посолъ становился на колѣни, правилъ великому князю поклонъ отъ хана, спрашивалъ великаго князя о здоровьѣ его, отвѣчалъ на вопросъ великаго князя о здоровьѣ хана, подавалъ великому князю ханскія грамоты и говорилъ наказанныя ему рѣчи, послѣ чего великій князь карашевался съ нимъ: клалъ на голову его руку, спрашивалъ о здоровьѣ и звалъ къ столу (въ описаніи пріема князя Аппака сказано, что великій князь сначала звалъ его карашеваться, а потомъ посолъ правилъ посольство). Послѣ стола великій князь „подавалъ чашу цареву“, приказывалъ „и свою чашу подавати“. Отпускъ крымскихъ пословъ заключался въ слѣдующемъ: въ назначенный день посолъ являлся къ великому князю, который давалъ ему „ихоиръ“ и наказывалъ передать поклонъ хану.

Какъ крымскихъ пословъ приняли въ Москвѣ въ 1519 г., такъ, слѣдуетъ думать, принимались московскіе послы крымскими ханами.

Обрядъ пріема московскихъ пословъ крымскими ханами, который можно представить на основаніи крымской посольской книги, подтверждается и дополняется извѣстіемъ о пріемѣ иноземныхъ пословъ въ Крыму, которое находится въ описаніи Крыма, составленномъ польскимъ дворяниномъ Мартиномъ Броневскимъ. Броневскій отправленъ былъ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ въ качествѣ посланника къ крымскому хану въ 1578 г. и провелъ въ Крыму болѣе девяти мѣсяцевъ. По словамъ Броневскаго, крымскій ханъ принималъ пословъ государей московскаго и польскаго и господаря молдавскаго иногда довольно снисходительно и ласково, иногда же болѣе чѣмъ варварски. Когда посолъ какого либо изъ названныхъ государей пріѣзжалъ въ Перекопъ, его встрѣчалъ одинъ изъ ханскихъ чиновниковъ. По пріѣздѣ посла въ назначенное ему для жительства мѣсто, являлся туда ханскій сановникъ съ поздравленіемъ отъ имени хана. Ханъ давалъ послу аудіенцію въ

присутствіи важнѣйшихъ своихъ сановниковъ. До дверей ханской пріемной посла провожалъ одинъ чиновникъ, вводили же посла къ хану двое ханскихъ совѣтниковъ. „Вошедши къ хану", говоритъ Броневскій, „они (послы московскіе, польскіе или молдавскіе) отвѣшиваютъ ему поклонъ, по древнему народному обычаю, потомъ, ставъ на колѣни, излагаютъ дѣло и, по окончаніи, приглашаются къ ханскому столу. Во время обѣда особеннымъ знакомъ благоволѣнія и милости считается то, когда ханъ собственноручно подастъ имъ бокалъ или чашу вина съ медомъ, позолоченную и украшенную драгоцѣнными камнями, которую они выпиваютъ преклонивъ колѣна. Передъ отъѣздомъ ханъ вторично приглашаетъ ихъ къ столу". Послѣ обѣда, посолъ, подождавъ нѣкоторое время у воротъ ханскаго дворца, получалъ подарки: одежду, коней, иногда нѣсколько рабовъ. Облекшись въ подаренную одежду, посолъ снова являлся къ хану благодарить за подарки и прощаться. Уѣзжавшаго посла снабжали небольшимъ количествомъ припасовъ, и одинъ изъ ханскихъ чиновниковъ сопровождалъ его до Днѣпра [1]).

Кромѣ колѣнопреклоненія въ обрядѣ пріема крымскихъ пословъ въ Москвѣ обращаетъ на себя вниманіе еще другая особенность этого обряда: возложеніе руки великимъ княземъ на голову крымскаго посла. Такое возложеніе руки практиковалось только въ отношеніи къ посламъ мусульманскихъ государей, какъ это видно, между прочимъ, изъ статейнаго списка посланника царя Θедора Іоанновича въ Персію Григорія Васильчикова. Васильчиковъ, предъ аудіенціей у персидскаго шаха, спросилъ грузинскаго посла о пріемѣ, оказанномъ послѣднему шахомъ. Грузинскій посолъ, разсказывая, какъ его принялъ шахъ, упомянулъ, что послѣдній протянулъ ему ногу для цѣлованія. Васильчиковъ по поводу этого сказалъ грузинскому послу: „у государя нашего въ обычае ведетца, коли бываютъ у государя нашего царьского в. отъ хрестьянскихъ государей послы и посланники отъ цесаря римскаго и отъ короля литовского и отъ иныхъ хрестьянскихъ государей, и государь нашъ ц. в. тѣмъ посломъ и посланникомъ даетъ целовать свою царьскую руку, а на

[1]) „Зап. Од. Об. Ист. и Др." VI, 357. О Броневскомъ и запискахъ его у Аделунга въ „Критико-литератури. обозрѣніи путешественниковъ по Россіи" въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.", 1863 г. кн. 2, № 83.

бусурманскихъ государей пословъ кладетъ руку, а государя нашего пословъ хрестьянскіе государи даютъ по тому жѣ руки целовать, а бусурманскіе государи кладутъ руки. А того нигдѣ не ведетца, что государей целовать въ ногу, то посломъ бещестье великое“ [1]).

Посольскій обрядъ, практиковавшійся въ сношеніяхъ Іоанна III и Василія III съ крымскимъ ханомъ, не былъ примѣненъ въ сношеніяхъ съ другимъ мусульманскимъ государемъ — турецкимъ султаномъ, потому что отношенія московскаго государя къ послѣднему были иныя, чѣмъ къ крымскому хану.

Въ то время какъ наказы московскимъ посламъ къ крымскому хану, отчеты ихъ о пріемахъ, оказываемыхъ имъ при ханскомъ дворѣ, и записи крымской посольской книги о пріемахъ крымскихъ пословъ московскими государями не даютъ вполнѣ яснаго представленія объ обрядѣ пріема пословъ въ Москвѣ и въ Крыму, наказъ перваго посла отъ московскаго государя къ турецкому султану ясно рисуетъ картину того пріема, который султанъ долженъ былъ оказать московскому послу. Послѣднему не велѣно передать челобитье своего государя султану, и Іоаннъ III не бьетъ челомъ султану въ грамотѣ къ нему; московскому послу всего прежде наказывается „поклонъ правити стоя, а на колѣни не садитися“. Султанъ — не ханъ, его не надо убѣждать воевать со „всѣми воппчими недругами“, не надо откупаться поминками отъ нашествій его, вотъ почему наказъ московскому послу, какъ держать себя предъ султаномъ, является предметомъ особенной важности, между тѣмъ какъ обрядъ пріема московскаго посла крымскимъ ханомъ блѣднѣетъ предъ заботою имѣть хана своимъ союзникомъ. Московскаго посла татаринъ, обозленный за малые поминки, называетъ холопомъ, бросается на него съ ножомъ, снимаетъ шубу съ подьячаго посла, посольскихъ людей сажаютъ въ темницу, дабы допра-

---

[1]) „Памят. диплом. и торгов. сношен. московской Руси съ Персіей“, I, изд. подъ ред. проф. Н. И. Веселовскаго въ „Трудахъ вост. отд. Имп. Русск. Археол. Об.“ XX, 65—66. Этотъ эпизодъ изложенъ въ статьѣ проф. Н. И. Веселовскаго: „Пріемъ въ Россіи и отпускъ среднеазіатскихъ пословъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1884 г. іюль, стр. 98). О возложеніи руки московскимъ государемъ на головы пословъ мусульманскихъ государей говоритъ и Котошихинъ („О Россіи въ царств. Алексія Михайловича“ 77, изд. 3-е).

вить поминки съ посла, но изъ за этого сношеній съ крымскимъ ханомъ не прерываютъ. Иное отношеніе къ турецкому султану: послу московскому наказывается говорить съ султаномъ, но не съ пашами его, во время аудіенціи у султана поклонъ отъ великаго князя править стоя, и въ случаѣ, если въ тоже время будутъ принимаемы султаномъ послы другихъ государей, не садиться ниже ихъ.

Начало дипломатическимъ сношеніямъ между Турціей и московскимъ государствомъ положено было отправленіемъ турецкаго посла въ Москву въ 1493 г. изъ Кафы, правителемъ которой былъ сынъ султана Баязета II. Но посолъ этотъ не достигъ Москвы, его задержали въ Кіевѣ по приказанію великаго князя литовскаго Александра [1]). Извѣщенный объ этомъ, Іоаннъ III отправилъ въ 1496 г. своего посла къ турецкому султану Баязету и къ сыну его кафинскому правителю. Первому московскому послу къ турецкому султану — Михаилу Плещееву, данъ былъ слѣдующій наказъ, какъ держать себя на аудіенціи у султана и сына его: прежде всего передать султану поклонъ своего государя и „править поклонъ стоя, а на колѣни не садитися", послѣ чего посолъ долженъ былъ подать султану подарки и, если султанъ велѣлъ бы сѣсть, немного посидѣвъ встать и изложить цѣль посольства [2]). Послу наказывалось въ случаѣ, еслибы султанъ не пожелалъ выслушать его, но велѣлъ бы ему говорить рѣчи государевы пашамъ, не исполнять приказанія султана и передать пашамъ только написанныя рѣчи. Еслибы султанъ одновременно съ московскимъ посломъ принималъ и другихъ иноземныхъ пословъ, Плещеевъ не долженъ былъ занимать мѣста ниже ихъ [3]). Какъ первый московскій посолъ въ Константинополѣ выполнилъ данный ему наказъ, узнаемъ изъ писемъ Менгли-Гирея къ Іоанну III. Султанъ въ отвѣтной грамотѣ къ Іоанну III выразилъ сердечную радость по поводу завязавшихся съ нимъ сношеній и высказалъ только похвалу Пле-

---

[1]) С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 47, 51, 64, 74, 163, 210, 221, 224. А. В. Неклюдовъ: „Начало сношеній Россіи съ Турціей" въ „Сборникѣ Моск. Главн. Арх. М. Ин. Д.", вып. 3 и 4, стр. 11.

[2]) С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 231—233.

[3]) Тамъ же, стр. 233—234.

щееву [1]), тогда какъ Плещеевъ точнымъ исполненіемъ даннаго ему наказа, какъ держать себя въ Константинополѣ, возбудилъ тамъ противъ себя неудовольствіе, о чемъ московскій государь извѣщенъ былъ крымскимъ ханомъ.

Въ Константинополѣ, какъ видно изъ писемъ Менгли-Гирея къ Іоанну III, остались недовольны тѣмъ, что Плещеевъ отказался „отъ доброй чести и подчиванья"; паши, желая оказать московскому послу особенный почетъ, пригласили его до аудіенціи у султана на пиръ и рѣшили подарить ему платье и деньги. На приглашеніе пашей Плещеевъ отвѣтилъ: „мнѣ съ пашами рѣчи нѣтъ; язъ пашино платье не вздѣваю и даныхъ денегъ ихъ не хочю, съ салтаномъ мнѣ говорити..." [2]), чѣмъ, по выраженію Менгли-Гирея, „невѣжство и непригожее дѣло учинилъ" [3]). Посолъ Іоанна III отказался отъ приглашенія пашей потому, что не въ обычаѣ было у московскихъ пословъ предъ аудіенціей у государя, къ которому они посылались, посѣщать сановниковъ его и вести съ ними переговоры о дѣлахъ посольства. У турокъ былъ иной обычай: иноземный посолъ долженъ былъ сначала посѣтить великаго визиря, послѣ чего допускался къ султану. Вслѣдствіе такой разницы въ обычаяхъ возникали пререканія между московскими послами и великимъ визиремъ, которыя оканчивались уступкою со стороны первыхъ [4]).

Плещеевъ остался доволенъ пріемомъ, оказаннымъ ему въ Константинополѣ: онъ донесъ великому князю, что обоими султанами (турецкимъ и кафинскимъ) ему были оказаны „честь и жалованіе" [5]).

Отправляя въ 1499 г. въ Кафу и Константинополь другого посла—Александра Голохвастова, Іоаннъ III предполагалъ, что въ Кафѣ или въ Константинополѣ будутъ жаловаться послу его на Плещеева. Въ такомъ случаѣ Голохвастовъ долженъ былъ отвѣчать, что

---

1) Тамъ же, стр. 244—247.

2) Тамъ же, стр. 264 и слѣд.

3) Тамъ же, стр. 285.

4) И. Е. Забѣлина: „Русскія посольства въ Турцію въ XVII в." въ „Рус. Старинѣ", 1877 г. сентябрь, стр. 19 и слѣд.

5) С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 291 и 293.

„государь нашъ не велѣлъ своему послу никоторово лиха чинити; а тово государь нашъ не вѣдаетъ, которое будетъ непригожство посолъ его учинилъ“ [1]). Говоря о „непригожствахъ“ Плещеева Іоаннъ III имѣлъ въ виду отнюдь не стойкость Плещеева въ соблюденіи даннаго ему наказа, выразившуюся и въ отказѣ посѣтить пашей до аудіенціи у султана, но жалобы на Плещеева за то, что онъ выдавалъ товары бывшихъ съ нимъ купцовъ за принадлежавшіе ему, дабы не платить пошлинъ [2]).

Вслѣдствіе „непригожствъ“ Плещеева султаны отвѣтили Іоанну III грамотами, но посла своего не прислали [3]).

Изъ грамотъ Менгли-Гирея не видно, чтобы въ Константинополѣ выражали неудовольствіе на то, что Плещеевъ во время аудіенціи у султана (если только эта аудіенція состоялась) держалъ себя не по-азіатски: поклонъ правилъ стоя, а на колѣни не становился. Плещеева, повидимому, не принуждали исполнить азіатскій посольскій обрядъ: московскій посолъ не только не жалуется на оказанный ему пріемъ султанами, но доноситъ, что его приняли съ честью. Очевидно, въ Константинополѣ иначе отнеслись къ московскому послу, чѣмъ къ другимъ европейскимъ посламъ, которыхъ принуждали преклонять колѣни предъ султаномъ и подвергали иногда не только оскорбленіямъ, но и побоямъ [4]). Султанъ, которому принадлежала инниціатива въ завязавшихся дипломатическихъ сношеніяхъ Турціи съ московскимъ государствомъ, не смотря на „непригожства“ Плещеева, отозвался о немъ съ похвалой, не желая возбуждать противъ себя неудовольствіе московскаго государя.

Продолжая дипломатическія сношенія съ султанами кафинскимъ и константинопольскимъ, Іоаннъ III давалъ своимъ къ нимъ посламъ такіе же наказы, какъ и Плещееву. Въ этихъ наказахъ на первомъ планѣ стоитъ приказъ: „правити поклонъ стоя, а на колѣни не садитися“ [5]). И второй посолъ Іоанна III къ султанамъ —

---

[1]) Тамъ же, стр. 282.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, стр. 265, 282, 285.

[4]) Неклюдовъ, назв. статья, стр. 35—39.

[5]) С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 282, 293, 398.

Александръ Голохвастовъ, отправленный изъ Москвы въ 1499 г., донесъ своему государю, что оба султана оказали ему „честь и жалованіе“ [1]), третій же посолъ въ Турцію — Андрей Кутузовъ, удостоился похвалъ со стороны султана. Послѣдній въ грамотѣ къ Іоанну III назвалъ Кутузова „добрымъ и умнымъ“ [2]).

Объ обрядѣ пріема турецкихъ пословъ въ Москвѣ великимъ княземъ, на основаніи краткихъ описаній этихъ пріемовъ, можно составить такое представленіе: турецкій посолъ передавалъ великому князю поклонъ отъ султана и подавалъ султанскую грамоту; по окончаніи аудіенціи посолъ приглашался великимъ княземъ къ столу, а послѣ стола послу посылался медъ. Послу давался отвѣтъ великаго князя чрезъ назначенныхъ для того лицъ, послѣ чего посолъ приглашался къ отпускной аудіенціи и великій князь наказывалъ ему передать его государю рѣчи, которыя были ему сказаны [3]).

Въ государствованіе Василія III, въ разное время, отправлено было нѣсколько посольствъ къ турецкому султану. Въ наказѣ перваго посла отъ Василія III читаемъ запрещеніе становиться на колѣни или бить челомъ въ землю предъ султаномъ. Посолъ долженъ былъ прежде всего передать султану поклонъ отъ великаго князя и поклониться, „руки пригнувъ къ себѣ выше пояса, по ихъ (турецкому) обычаю“. Послѣ поклона послу надлежало передать султану великокняжескіе подарки, затѣмъ вручить грамоту; послу было приказано не спрашивать султана о здоровьѣ его отъ имени великаго князя, въ случаѣ же, еслибы султанъ спросилъ посла о здоровьѣ его государя, посолъ долженъ былъ отвѣтить: „государь нашъ добръ здоровъ“ [4]). Василію Коробову, второму послу отъ Василія III къ султану, наказано было прежде всего передать султану поклонъ отъ великаго князя, затѣмъ спросить султана о здоровьѣ его отъ имени великаго князя, подать подарокъ, вѣрительную грамоту и изложить цѣль посольства [5]). Кромѣ того Коробову было наказано до

[1]) Тамъ же, стр. 291 и 294.

[2]) Тамъ же, стр. 391.

[3]) Тамъ же, стр. 283, 290, 292, 390, 395, 397.

[4]) С. И. Р. И. Об. т. 95, стр. 84.

[5]) Тамъ же, стр. 106.

аудіенціи у султана не посѣщать пашей и не говорить съ ними о дѣлахъ посольства, а также не отправляться на аудіенцію, если султанъ одновременно съ московскимъ посломъ будетъ принимать какихъ либо другихъ иноземныхъ пословъ: предъ султаномъ Коробовъ долженъ былъ „поклонъ и посолство правити стоя, а на колѣни не садитись“ [1]). Коробовымъ, которому данъ былъ такой наказъ, султанъ остался доволенъ. Въ грамотѣ къ Василію III султанъ называетъ Коробова „вѣрнымъ, знаменитымъ и ближнимъ слугою“ великаго князя и извѣщаетъ его, что Коробовъ „до царства ми дошедъ посольскій путь, какъ есть урядно по закону наполнѣ доправилъ“ ... [2]).

Въ наказахъ послѣдующихъ московскихъ пословъ къ турецкому султану не находимъ приказанія не становиться на колѣни предъ султаномъ, должно быть потому, что въ Константинополѣ перестали принуждать къ этому московскихъ пословъ, дозволивъ имъ соблюдать европейскій посольскій обрядъ.

Въ 1517 г. посланъ былъ къ султану турецкому гонцомъ боярскій сынъ Степановъ, убитый татарами на пути въ Константинополь. Степанову наказано было передать султану отъ великаго князя поклонъ, подарокъ, грамоту и требовать аудіенціи у султана [3]). Въ 1519 г. отправленъ былъ къ султану бояринъ Борисъ Голохвастовъ, которому наказано было передать султану отъ великаго князя поклонъ, подарокъ, грамоту и произнести рѣчь, излагавшую цѣль посольства. Голохвастову велѣно было требовать аудіенціи у султана и до аудіенціи этой у пашей не быть, грамоты великокняжеской имъ не давать и о посольскихъ дѣлахъ съ ними не говорить [4]). Такой же наказъ данъ былъ боярскому сыну Василію Третьяку-Губину, посланному къ султану въ 1521 г., съ тѣмъ только отличіемъ, что Третьяку-Губину велѣно было уступить пашамъ въ томъ случаѣ, если они настойчиво будутъ требовать, чтобы онъ предъ аудіенціей у султана посѣтилъ ихъ; затѣмъ,

[1]) Тамъ же, стр. 110 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 236 и 237.

[3]) Тамъ же, стр. 428—430.

[4]) Тамъ же, стр. 620—621.

Третьяку-Губину наказано было не соглашаться, чтобы султанъ вмѣстѣ съ нимъ принималъ другихъ пословъ [1]).

Нѣтъ данныхъ для полнаго представленія обряда пріема турецкихъ пословъ въ Москвѣ. Извѣстенъ только одинъ случай такого пріема. Въ 1594 г. въ Москву прибылъ посолъ турецкаго султана грекъ Камалъ. Къ Камалу, на пути его въ Москву, посланы были встрѣчники. По пріѣздѣ Камала въ Москву великимъ княземъ отправленъ былъ къ нему посланецъ, который спросилъ турецкаго посла о здоровьѣ султана и его самого. Когда Камалъ явился во дворецъ на аудіенцію, выставлены были встрѣчники въ разныхъ мѣстахъ дворца на пути посла къ палатѣ, въ которой находился великій князь. Къ великому князю ввелъ—„явилъ“ посла князь Петръ [2]). Великій князь подалъ послу руку для цѣлованія, послѣ чего велѣлъ послу сѣсть на скамьѣ, вблизи него находившейся. Посидѣвъ нѣкоторое время, Камалъ передалъ великому князю султанскую грамоту и произнесъ рѣчь, въ которой изложилъ цѣль своего посольства. Когда окончилась аудіенція Камалъ былъ приглашенъ къ великокняжескому столу, послѣ котораго ему посланъ былъ медъ. Для переговоровъ съ Камаломъ, а переговоры эти велись въ великокняжескомъ дворцѣ, великій князь высылалъ бояръ. Послѣ переговоровъ съ боярами и нѣсколькихъ аудіенцій у великаго князя, Камалу назначена была отпускная аудіенція, на которой великій князь приказалъ послу передать поклонъ его султану, послу поданъ былъ медъ, писанные же отвѣты на рѣчи его вручены были ему на подворьѣ [3]).

Тотъ посольскій обрядъ, который предписывалось соблюдать московскимъ посламъ на аудіенціяхъ у турецкихъ султановъ, и который мы назвали европейскимъ, соблюдался московскими послами на аудіенціяхъ и у западныхъ европейскихъ государей. Читая наказы московскихъ пословъ къ турецкимъ султанамъ, нельзя не замѣтить сходства этихъ наказовъ съ наказами тѣхъ пословъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 683—685 и 699.

[2]) Князь Петръ, по прозванію Великій, изъ семейства Шестуновыхъ-Ярославскихъ (см. указатель личн. именъ къ 95 т. С. И. Р. И. Об., стр. 30.

[3]) С. И. Р. И. Об. т. 95, стр. 96—102.

которые отправлялись изъ Москвы къ западнымъ европейскимъ государямъ.

Первое посольство отъ московскаго государя къ германскому императору состоялось въ 1489 г. Посломъ былъ отправленъ грекъ Юрій Траханіотъ, которому данъ былъ наказъ, какъ править посольство. Сравнимъ этотъ наказъ съ тѣмъ наказомъ, который данъ былъ въ 1496 г. первому московскому послу къ турецкому султану—Плещееву.

Наказъ Траханіоту:

„Первое, поклонъ: Іоаннъ Великій Государь всеа Руси Твоему Величеству велѣлъ поклонитись. А опослѣ поклона о здоровіѣ вспросити: Государь всеа Руси Твоее Свѣтлости велѣлъ здоровіе видѣти. А опослѣ того, за поминки поклонитися: Государь всеа Руси за поминки Твоей Высотѣ велѣлъ поклонитися. Да послѣ того поминки подати: Государь всеа Руси Твоей Свѣтлости поминается... (слѣдуетъ перечень подарковъ). А опослѣ поминковъ подати грамота... (слѣдуетъ текстъ грамоты). А опослѣ того рѣчь говорити [1]).

Наказъ Плещееву:

„Первое, пришедъ, поклонъ правити стоя, а на колѣни не садитися. Іоанъ, Божіею милостію государь всея Русіи и великій князь, велѣлъ тебѣ поклонитися. А опослѣ поклона поминки явити. А опослѣ поминковъ велитъ сѣсти, ино, поседѣвъ мало да ставъ, грамота подати вѣрющая. А се грамота... (слѣдуетъ текстъ грамоты). А опослѣ грамоты рѣчь говорити [2]).

Плещееву, сравнительно съ Траханіотомъ, не было только наказано спросить султана о здоровьѣ и благодарить его за подарки. Такое различіе объясняется тѣмъ, что Траханіотъ былъ посланъ къ императору съ отвѣтомъ на его посольство и съ изъявленіемъ благодарности за присланные имъ подарки, посолъ же султана до Москвы не доѣхалъ; затѣмъ, вопросъ о здоровьѣ, предложенный московскимъ посломъ императору отъ имени Іоанна III, должно

[1]) „Пам. диплом. спош. др. Россіи съ державами иностран." I, 14—15.

[2]) С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 232—233.

быть, вызванъ былъ такимъ же вопросомъ, предложеннымъ Іоанну III германскимъ посломъ отъ имени своего государя.

Вполнѣ сходнымъ съ вышеприведеннымъ наказомъ Трахаеніоту представляется наказъ, данный въ 1502 г. московскому послу, отправленному къ кафинскому правителю, сыну турецкаго султана: „первое, пришедъ, поклонъ правити стоя, а на колѣни не садитись. А молвити: Іоаннъ, Б. м., государь всеа Руси и великій князь, велѣлъ твое здоровье видѣти. А опослѣ поклона поминки явити. А опослѣ поминковъ велитъ сѣсти; ино посидѣвъ мало да вставъ, грамота вѣрющая подати. А се грамота... (слѣдуетъ текстъ грамоты). А опослѣ грамоты рѣчь говорити... (слѣдуетъ текстъ рѣчи) [1]). Такой же наказъ данъ былъ послу Василія III, отправленному къ турецкому султану въ 1515 г. [2]).

Такимъ образомъ, московскіе послы получали наказы держать себя предъ турецкимъ султаномъ такъ, какъ предъ германскимъ императоромъ. Ни Іоаннъ III, ни Василій III не признавали турецкаго посольскаго обряда. Тоже самое замѣчается и въ сношеніяхъ московскихъ государей съ персидскими шахами. И послѣдніе, подобно турецкимъ султанамъ, должны были принимать московскихъ пословъ такъ, какъ принимались послы европейскими государями. Московскіе послы, какъ при дворѣ турецкихъ султановъ, такъ и при дворѣ персидскихъ шаховъ, дѣйствуя по наказамъ государей своихъ, являются насадителями европейскаго посольскаго обряда.

Въ первомъ статейномъ спискѣ московскаго посланника Григорія Борисовича Васильчикова, отправленнаго къ персидскому шаху въ 1588 г., читаемъ наказъ, которымъ Васильчикову предписывалось править посольство на аудіенціи у шаха такъ, какъ московскіе послы и посланники правили посольства предъ европейскими государями. Посланникъ долженъ былъ передать шаху поклонъ отъ царя, спросить шаха о здоровьѣ его отъ имени царя же, подать шаху царскую грамоту, представить подарки и, наконецъ, произнести рѣчь [3]). Въ Персіи отъ грузинскаго посла Васильчи-

[1]) С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 398—399.

[2]) С. И. Р. И. Об. т. 95, стр. 106.

[3]) „Памятн. дипл. и торг. снош. моск. Руси съ Персіей“ изд. проф. Н. И. Веселовскимъ, I, 4—5; въ „Трудахъ вост. отд. Имп. Рус. Археол. Об.“, т. XX.

ковъ узналъ, что шахъ посламъ на аудіенціи давалъ цѣловать свою ногу. Смущенный такимъ обычаемъ, Васильчиковъ спросилъ о немъ персовъ, встрѣтившихъ его по приказанію шаха. Ему отвѣтили, что такой обычай издавна существуетъ въ Персіи, и что цѣловать ногу шаха удостоиваются послы только дружественныхъ государей, „а тебя“, говорили Васильчикову, „государь нашъ приметъ съ великою любовью для государя вашего братцкіе любви, велитъ тебѣ быти у себя, и будешь у государя нашего у ноги“... Московскому послу такая честь не показалась честью: „то первая нелюбовь государя вашего ко государю нашему“, сказалъ онъ, „что мнѣ, пришедъ отъ великого государя своего и быть у государя вашего у ноги, язъ того и слухомъ не слыхалъ, что государя нашего посломъ и посланникомъ государей въ ногу целовать“. Онъ указалъ на пріемы, которые оказывались московскими царями посламъ и посланникамъ христіанскихъ и мусульманскихъ государей: посламъ и посланникамъ первыхъ цари давали цѣловать руку, на пословъ вторыхъ возлагали ее; также и московскимъ посламъ и посланникамъ христіанскіе государи давали руку для цѣлованія, а мусульманскіе государи возлагали на нихъ руку, „а того нигдѣ не слыхано“, добавилъ московскій посолъ, „что въ ногу целовать“. Въ доказательство словъ своихъ онъ сослался на персидскаго посланника, который былъ въ Москвѣ и зналъ, что царь „никоторыхъ великихъ государей посломъ и посланникомъ *такіе почестивости и жалованья* никому не показалъ“... Отказываясь поцѣловать на аудіенціи ногу шаха, Васильчиковъ не согласился выѣхать на встрѣчу шаху и передать ему царскіе грамоты и подарки въ то время, когда шахъ сидѣлъ бы на конѣ. Ему замѣтили: „ты пріѣхалъ въ государство государя нашего и тобѣ дѣлать не по своей воле, по государя нашего воле; а обычаевъ тебѣ въ чюжой землѣ не уставить“... [1]). Но московскій посланникъ, ссылавшійся на посольскій обрядъ, практиковавшійся въ то время при дворахъ европейскихъ, упорно отказывался отступиться отъ даннаго ему наказа и подчиниться обычаю пріема пословъ персидскими шахами. Настойчивость его увѣнчалась успѣхомъ, онъ былъ принятъ шахомъ такъ, какъ желалъ: шахъ принялъ его въ

[1]) Тамъ же, стр. 83—86.

шатрѣ и, вмѣсто того, чтобы дать цѣловать свою ногу, возложилъ руку на московскаго посла [1]). Тоже было и на отпускной аудіенціи, данной шахомъ Васильчикову [2]). Подобно Васильчикову правилъ посольство предъ шахомъ и другой посланникъ царя Ѳедора Іоанновича—князь Звенигородскій; и онъ отказался цѣловать ногу шаха [3]). Такой же наказъ получилъ князь Тюфякинъ, отправленный изъ Москвы посланникомъ къ персидскому шаху въ 1595 г. [4]).

Соблюдая особый посольскій обрядъ, практиковавшійся въ сношеніяхъ съ крымскими ханами только по отношенію къ послѣднимъ, московскіе государи наказывали своимъ посламъ и посланникамъ, отправляемымъ къ турецкому султану и персидскому шаху, держать себя на аудіенціяхъ у нихъ такъ же, какъ предъ европейскими государями.

Наказы первыхъ московскихъ пословъ къ императору и турецкому султану, сходные между собою, подобны наказу, который былъ данъ въ 1488 г. Михаилу Еропкину, послу Іоанна III къ польскому королю Казиміру. Вотъ этотъ первый, извѣстный намъ, наказъ: „Первое поклонъ правити королю: Государь нашъ князь велики Иванъ Васильевичь велѣлъ тобѣ поколонитися. Да королевичемъ отъ великого князя, которые тутъ будутъ у короля. А послѣ того подати грамота вѣрющая... А послѣ того рѣчь правити...“ [5]) Еропкину не было только наказано спросить польскаго короля о здоровьѣ его. Посольство Еропкина было отвѣтнымъ на посольство князя Мосальскаго, присланнаго въ Москву королемъ Казиміромъ въ 1487 г. Какъ правилъ посольство польскій посолъ предъ Іоанномъ III, неизвѣстно, потому что не достаетъ первыхъ двухъ листовъ описанія этого посольства въ посольскихъ книгахъ польскаго двора. Въ 1488 г. король отправилъ въ Москву посломъ того же князя Мосальскаго, который былъ въ качествѣ посла въ Москвѣ въ 1487 г. Пра-

---

[1]) Тамъ же, стр. 87.

[2]) Тамъ же, стр. 95.

[3]) Тамъ же, стр. 258—259, 279—281.

[4]) Тамъ же, стр. 344—347. Подобный же наказъ относительно церемоніала аудіенціи данъ былъ посламъ царя Алексѣя Михайловича, отправленнымъ въ Индію (проф. Улянпцкаго „Сношенія Россіи съ Индіей и средней Азіей“ въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р.“, 1888 г. кн. 3, стр. 29).

[5]) С. И. Р. И. Об. 35, стр. 6.

вилъ Мосальскій въ этотъ разъ посольство предъ Іоанномъ III слѣдующимъ образомъ: „первое поклонъ правилъ великому князю отъ короля, а отъ королевичевъ челобитье правилъ великому князю; а послѣ того подалъ листъ вѣрющий... А послѣ того рѣчь правилъ...“ [1]). Нѣтъ данныхъ думать, что Мосальскій иначе правилъ посольство свое въ 1487 г. Редакторъ I т. „Памятниковъ дипломатическихъ сношеній“ московскаго государства съ польско-литовскимъ приводитъ описаніе посольства Мосальскаго къ Іоанну III въ 1487 г., находящееся въ „Выпискѣ изъ посольскихъ книгъ“ польскаго двора. Въ этой „Выпискѣ“ читаемъ, что Мосальскій „на посолствѣ правилъ великому князю отъ короля поклонъ, а отъ королевичевъ... челобитье“, послѣ чего, какъ можно заключить изъ описанія „Выписки“, польскій посолъ подалъ великому князю вѣрительную грамоту и произнесъ рѣчь, излагавшую цѣль посольства [2]). „Выписка“ излагаетъ посольство Мосальскаго такъ, какъ правилось оно посломъ: послѣдній передалъ поклонъ отъ короля великому князю, вручилъ ему вѣрительную грамоту и изложилъ въ рѣчи цѣль посольства. Такъ правилъ посольство тотъ же Мосальскій предъ Іоанномъ III и въ 1488 г., такъ же правилъ посольство предъ польскимъ королемъ въ томъ же 1488 г. посолъ Іоанна III Михаилъ Еропкинъ:

Посольство Еропкина къ королю Казиміру 1 января 1488 г.: „Первое поклонъ правити королю: Государь нашъ князь велики Иванъ Васильевичь велѣлъ тобѣ поклонитися. Да королевичемъ отъ великого князя, которые тутъ будутъ у короля. А послѣ того подати грамота вѣрющая... А послѣ того рѣчь правити... [3]).

Посольство Мосальскаго къ Іоанну III 18 марта 1488 г.: „Первое поклонъ правилъ великому князю отъ короля, а отъ королевичевъ челобитье правилъ великому князю; а послѣ того подалъ листъ вѣрющий... А послѣ того рѣчь правилъ“... [4]).

[1]) Тамъ же, стр. 14.

[2]) Тамъ же, стр. 1, прим.

[3]) Тамъ же, стр. 6.

[4]) Тамъ же, стр. 14.

Какъ польскій посолъ не спросилъ Іоанна III отъ имени короля о здоровьѣ и не передалъ ему подарковъ отъ короля же, такъ и московскій посолъ не получилъ наказа спросить короля о здоровьѣ отъ имени своего государя и не привезъ подарковъ отъ него.

Въ 1487 г. Мосальскому далъ отвѣтъ на его рѣчи посольскія окольничій Плещеевъ, великій же князь, отпуская посла, велѣлъ ему передать королю и королевичамъ поклонъ [1]). Еропкинъ, отправленный великимъ княземъ въ качествѣ посла къ королю въ 1488 г., выслушалъ отвѣтъ на посольскія рѣчи отъ короля, но послѣдній поклона къ великому князю не передалъ [2]). Іоаннъ III, въ томъ же 1488 г. отпуская Мосальскаго, самъ передалъ ему отвѣтъ на его посольскія рѣчи, но поклона къ королю въ этотъ разъ не передалъ [3]). Наказывая своему послу такъ править посольство предъ польскимъ королемъ, какъ посолъ послѣдняго правилъ посольство предъ нимъ, Іоаннъ III оказывалъ польскимъ посламъ такой же пріемъ, какой оказывался московскимъ посламъ при дворѣ короля. Тоже соблюдалось и въ сношеніяхъ съ германскими императорами.

Въ посольской книгѣ, содержащей въ себѣ описаніе сношеній Іоанна III съ германскимъ императоромъ, не достаетъ начала, заключающаго въ себѣ изложеніе посольства рыцаря Поппеля отъ императора къ Іоанну III въ 1488 г. Сохранился только конецъ грамоты императора, написанной къ Іоанну III [4]). Грамота эта, судя по концу ея, въ которомъ рѣчь идетъ о Поппелѣ, была вѣрительной которую Поппель вручилъ Іоанну III. Послѣ конца вѣрительной грамоты въ посольской книгѣ снова слѣдуетъ пропускъ въ описаніи посольства Поппеля: не достаетъ описанія аудіенціи, данной германскому послу великимъ княземъ. Прекращается пропускъ изложеніемъ рѣчей, которыя Поппель говорилъ великому князю. Попытаемся возстановить пропускъ. Изъ того, что Іоаннъ III, отправляя своего посла Траханіота къ императору, на-

[1]) Тамъ же, стр. 4—5.

[2]) Тамъ же, стр. 12

[3]) Тамъ же, стр. 17.

[4]) „Пам. дипл. снош. древн. Россіи съ державами иностран." I, 1.

казалъ благодарить послѣдняго за подарки, видно, что Поппель поднесъ на первой аудіенціи Іоанну III подарокъ отъ императора, что подтверждается словами вѣрительной грамоты Іоанна III, которую Траханіотъ долженъ былъ вручить императору: „...посолъ твой Николай Поплевъ, рицеръ двора вашего и листъ намъ вѣрющій отъ Твоей Высоты подалъ съ дары Вашіе Свѣтлости“... [1]). Слѣдовательно, Поппель на аудіенціи подалъ Іоанну III вѣрительную грамоту, подарокъ и изложилъ цѣль своего посольства. Можно думать, что Поппель еще передалъ Іоанну III во время аудіенціи поклонъ отъ императора, потому что Траханіотъ получилъ наказъ передать императору поклонъ отъ великаго князя. Такое предположеніе возможно потому, что московскіе государи остерегались оказывать иноземнымъ государямъ больщій почетъ сравнительно съ тѣмъ, какой оказывался имъ со стороны послѣднихъ. Отправляя, напр., въ 1492 г. пословъ своихъ къ королю римскому Максимиліану, Іоаннъ III приказалъ имъ не передавать королю поклоновъ отъ него, великой княгини и сына ихъ Василія „того дѣля, что королевъ посолъ Юрьи Великому Князю и Великой Княгинѣ поклона не правилъ“... [2]). Возможно поэтому, что Траханіотъ получилъ отъ Іоанна III наказъ править посольство предъ германскимъ императоромъ такъ, какъ Поппель правилъ посольство въ Москвѣ предъ великимъ княземъ; въ такомъ случаѣ слѣдуетъ думать, что на аудіенціи Поппель передалъ Іоанну III поклонъ отъ императора, отъ имени послѣдняго спросилъ его о здоровьѣ, передалъ ему императорскіе подарки и вѣрительную грамоту, послѣ чего изложилъ въ рѣчи цѣль посольства.

Вмѣстѣ съ Траханіотомъ въ Москву пріѣхалъ въ 1490 г. посолъ отъ короля римскаго, сына германскаго императора Фридриха III, Георгъ фонъ-Турнъ, въ записяхъ посольской книги именуемый Юрьемъ Делятopомъ. Доѣхавъ съ фонъ-Турномъ до Новгорода, Траханіотъ поспѣшилъ въ Москву съ цѣлью опередить королевскаго посла. Великому князю Траханіотъ донесъ, что императоръ и сынъ его король оказали ему „великую честь“: на аудіенціяхъ императоръ и король „сами встрѣчали его, съступивъ съ

---

[1]) Тамъ же, 15.

[2]) Тамъ же, 82.

своего мѣста ступени три, четыре, да руку подавали стоя"; на первой аудіенціи императоръ, по словамъ Траханіота, „посадилъ его противъ себя на скамейкѣ близко, а опослѣ того сажалъ его всегды подлѣ себя". На встрѣчу ему, доносилъ Траханіотъ, императоромъ были посланы „бояре... верстъ и за пять и за шесть отъ того города, гдѣ его (императора) наѣхалъ (Траханіотъ); а встрѣчалъ его Цесарь и садилъ у себя и честь ему чинилъ по тому жъ, какъ и сынъ его Максиміанъ Король". Непосредственно за этимъ донесеніемъ Траханіота о почетномъ пріемѣ, оказанномъ ему императоромъ и сыномъ его, въ посольской книгѣ записано: „и Князь Великій послалъ противъ Максиміанова посла Юрья Хозюка Повадина съ коньми на усть Шоши къ Волзѣ. И Хозюкъ его встрѣтилъ въ Клинѣ"... Затѣмъ, въ описаніи аудіенціи фонъ-Турна, данной послѣднему великимъ княземъ, сказано, что въ отвѣтъ на переданный посломъ поклонъ отъ короля великій князь всталъ и спросилъ посла о здоровьѣ короля, стоя подалъ руку послу и велѣлъ ему сѣсть „на скамейкѣ противу себя близко"...[1]). Когда фонъ-Турнъ явился къ великому князю во второй разъ, „Князь Великій, съступивъ съ своего мѣста, да подалъ ему руку; да велѣлъ ему сѣсти на скамейкѣ противъ себя"... [2]). Очевидно, Іоаннъ III принималъ фонъ-Турна такъ, какъ его посла принимали императоръ и сынъ его, и отчетъ Траханіота объ оказанномъ ему со стороны послѣднихъ пріемѣ вставленъ въ описаніе пріема фонъ-Турна потому, что при пріемѣ послѣдняго руководствовались тѣмъ, какъ принятъ былъ Траханіотъ, который, повидимому, по приказанію великаго князя опередилъ фонъ-Турна вслѣдствіе того, что великій князь желалъ принять королевскаго посла сообразно съ тѣмъ, какъ принятъ былъ его посолъ.

Послѣ первой аудіенціи фонъ-Турнъ обѣдалъ у великаго князя, а послѣ обѣда на подворье къ нему посланъ былъ окольничій съ медомъ и виномъ „чтити его". По окончаніи переговоровъ съ посломъ великій князь далъ ему отпускную аудіенцію и отвѣтъ на сдѣланныя имъ предложенія отъ имени короля, наказавъ передать свой поклонъ его государю [3]).

---

[1]) Тамъ же, 24—26.

[2]) Тамъ же, 27.

[3]) Тамъ же, 31, 33 и 34.

Посольство фонъ-Турна выдѣляется изъ ряда другихъ посольствъ въ Москву тѣмъ, что фонъ-Турнъ принятъ былъ вел. кн. Софьей. Быть можетъ, фонъ-Турнъ удостоился этой аудіенціи потому, что явился въ Москву и по такому дѣлу, которое касалось Софьи не менѣе, чѣмъ супруга ея: фонъ-Турну король Максимиліанъ поручилъ спросить великаго князя, не выдастъ ли онъ свою дочь за него. Когда къ Іоанну III явились послы отъ великаго князя литовскаго Александра съ предложеніемъ руки его великой княжнѣ Еленѣ Іоанновнѣ, пословъ принимала и вел. кн. Софья [1]).

Іоаннъ III, желавшій занять среди европейскихъ государей мѣсто, соотвѣтствовавшее достоинству его, какъ государя независимаго, обращалъ большое вниманіе на ту честь, которую оказывали ему въ лицѣ его пословъ европейскіе государи. Такъ какъ отношенія московскаго государя къ государямъ западной Европы основаны были на иныхъ началахъ, чѣмъ отношенія къ татарскимъ ханамъ, Іоаннъ III не могъ соблюдать татарскій посольскій обрядъ въ сношеніяхъ съ западной Европой. Не желая предъ государями ея унижаться, но за честь воздавая честью, Іоаннъ III принимаетъ пословъ ихъ такъ, какъ они принимаютъ его пословъ. Такимъ путемъ созидался новый посольскій обрядъ, основанный на братствѣ и равенствѣ государей между собою; отличаясь другъ отъ друга степенью могущества, государи эти были равны между собою, какъ независимые отъ какой либо земной власти. Такія отношенія между государями, выражавшіеся въ посольскомъ обрядѣ, извѣстны были въ Москвѣ. За годъ до появленія императорскаго посла въ

---

[1]) С. П. Р. И. Об. т. 35, стр. 117. Аудіенція фонъ-Турна у великой княгини описана въ посольской книгѣ кратко: „правилъ великой княгинѣ отъ Максиміана короля поклонъ. Да и поминки подалъ великой княгинѣ птицу папагалъ (попугай?), да сукно сѣро“ („Пам. дипл. сн. др. Р.“, I, 30). Послѣ отпускной аудіенціи у великаго князя фонъ-Турнъ отправился въ покои великой княгини, но послѣдняя не приняла его по болѣзни. Отъ имени вел. княгини посла встрѣтилъ и „къ королю Максиміану приказалъ поклонъ Дмитрей Грекъ Старой. Да и за поминки отъ великіе княгини королю велѣлъ поклонитися...“ (тамъ же, 34).

Объ аудіенціяхъ у великой княгини Софьи пословъ германскихъ императоровъ и королей послѣ фонъ-Турна „Памятники дипломатическихъ сношеній“ московскаго государства съ римскою имперіею умалчиваютъ.

Москвѣ видимъ тамъ посла польскаго короля; посолъ этотъ, посольство котораго является первымъ записаннымъ въ посольской книгѣ, пріѣхалъ въ Москву съ требованіемъ управы на московскихъ служебныхъ князей, нападавшихъ на пограничныя области и грабившихъ ихъ. Въ началѣ слѣдующаго 1488 г. видимъ московскаго посла въ Польшѣ; на жалобы польскаго короля онъ отвѣчаетъ, что не московскіе пограничные князья, но литовскіе разворяютъ московскія волости [1]). При такомъ положеніи дѣлъ отношенія между московскимъ государемъ и польскимъ королемъ не могли отличаться дружественнымъ характеромъ, тѣмъ болѣе, что Іоаннъ III стремился присоединить къ московскому государству русскія земли, вошедшія въ составъ литовскаго государства, но отношенія эти, при враждебности ихъ, были отношеніями равнаго къ равному. Это равенство выражалось въ посольскомъ обрядѣ, который соблюдался въ сношеніяхъ между московскимъ и польскимъ государями. Польша, не отрѣзанная отъ западной Европы, имѣвшая съ нею сношенія, была знакома съ посольскимъ обрядомъ, который практиковался въ государствахъ западно-европейскихъ, и съ этимъ обрядомъ знакомъ былъ московскій государь, бывшій въ сношеніяхъ съ польско-литовскимъ государствомъ.

Отправляя во второй разъ въ 1490 г. своихъ пословъ къ королю римскому, Іоаннъ III далъ имъ такой же наказъ править посольство, какой былъ данъ первому московскому послу къ императору германскому и къ королю римскому [2]). Только въ этотъ, второй, разъ вмѣстѣ съ Трахaніотомъ былъ отправленъ въ качествѣ второго посла дьякъ Василій Кулешинъ. Онъ долженъ былъ на первой аудіенціи передать королю поклонъ и благодарность великой княгини за присланные ей подарки, спросить короля о здоровьѣ отъ имени великой княгини и передать ему ея подарки. Исполняя миссію посла великой княгини, Кулешинъ имѣлъ наказъ говорить королю рѣчи отъ великаго князя попеременно съ Траханіотомъ [3]). Пріѣхавшему въ 1492 г. въ Москву послу римскаго короля Максимиліана фонъ-Турну, который былъ въ Москвѣ въ

[1]) С. И. Р. Об. т. 35, №№ 1 и 2.

[2]) „Пам. дипл. сн. др. Россіи“ I, 16 и 34—35.

[3]) Тамъ же, 35—36.

1490 г. въ качествѣ посла Максимиліана, оказанъ былъ такой же пріемъ, какъ и въ первый его пріѣздъ: къ нему былъ назначенъ тотъ же приставъ Иванъ Берсень, который находился при немъ въ 1490 г. и который посла „стрѣчалъ по тому жъ, какъ напередъ того", т. е. въ 1490 г. Когда посолъ явился на аудіенцію, великій князь „вставалъ противъ его и чтилъ его по тому жъ, какъ напередъ того" [1]).

Такъ образовались основныя черты московскаго посольскаго обряда на почвѣ сношеній московскаго государства съ западной Европой. Этотъ посольскій обрядъ, назовемъ его европейскимъ, не вмѣщалъ въ себѣ чертъ того обряда, который соблюдался въ Москвѣ при пріемахъ пословъ крымскаго хана и на аудіенціяхъ у послѣдняго московскихъ пословъ. Посольскій обрядъ, въ противоположность азіатскому не унижавшій въ лицѣ посла пославшаго его, на столько воспринятъ былъ московскими государями, что соблюденія его они требовали въ сношеніяхъ съ турецкими султанами, персидскими и индѣйскими шахами [2]).

Первый подробный статейный списокъ московскихъ пословъ къ императору германскому относится къ 1518 г. Въ этомъ году былъ отправленъ къ императору въ качествѣ посла дьякъ Владиміръ Племянниковъ. Въ своемъ отчетѣ Племянниковъ подробно описалъ пріемъ, оказанный ему при дворѣ императорскомъ. За полъ версты отъ Инспрука, на встрѣчу ему, императоромъ были посланы: „маршалокъ дверной цесаревъ", Сигизмундъ Герберштейнъ (пріѣхавшій изъ Москвы вмѣстѣ съ Племянниковымъ), докторъ Павелъ и съ ними „многіе люди". Докторъ Павелъ представилъ Племянникову встрѣчавшихъ его лицъ, спросилъ его о здоровьѣ великаго князя и освѣдомился о благополучіи путешествія посла. Послѣ отвѣта Племянникова московское посольство вмѣстѣ съ встрѣтившими его лицами отправилось въ городъ. Племянниковъ въ своемъ отчетѣ отмѣчаетъ, что „маршалокъ ѣхалъ у Володимера (т. е. у него) съ правую сторону, а докторъ Павелъ съ лѣвую, а Истома (толмачъ) ѣхалъ за Володимеромъ, а съ нимъ

[1]) Тамъ же, 69.

[2]) Московскіе государи наказывали своимъ посламъ, отправляемымъ къ римскимъ папамъ, не цѣловать ихъ въ ногу; въ этомъ они могли видѣть черту восточнаго посольскаго обряда („Пам. дипл. сн." IV, 792 и VIII, 680).

ѣхалъ Жигимонтъ: и проводили Володимера до подворія". Приглашать Племянникова на аудіенцію къ императору явилось нѣсколько лицъ, которыя и проводили его во дворецъ (Племянниковъ записалъ, кто изъ нихъ и по какую сторону отъ него и толмача ѣхалъ къ императорскому дворцу). У лѣстницы, ведшей во дворецъ, Племянниковъ и сопровождавшіе его сошли съ коней. На верху лѣстницы Племянниковъ былъ встрѣченъ императорскимъ маршалкомъ. Войдя въ залу, гдѣ находился императоръ, Племянниковъ съ толмачомъ, по приглашенію императора, подошли къ рукѣ его „и Володимеръ Цесарю Великого Государя здоровье сказалъ, и Цесаря о его здоровьѣ спросилъ, и Цесарь къ Великого Князя имени шапку снималъ; и Володимеръ грамоту подалъ, и Цесарь самъ сѣлъ, а Володимеру да Истомѣ велѣлъ сѣсти же". Отъ имени императора „бискупъ Тергинсескій Петръ" сказалъ Племянникову, что императоръ радъ слышать о здоровьѣ великаго князя и съ любовью къ нему принимаетъ грамоту его. По приказанію императора Племянниковъ произнесъ рѣчь, излагавшую цѣль посольства, сидя и въ шапкѣ, толмачъ же его, хотя также получилъ приказаніе сидѣть, переводилъ рѣчь стоя. Выслушавъ Племянникова, императоръ велѣлъ тому же епископу Петру выразить его сожалѣніе, что великій князь, несмотря на всѣ его усилія, не помирился съ польскимъ королемъ. Племянниковъ хотѣлъ вручить списокъ рѣчи, произнесенной имъ, но ему сказали, что списокъ этотъ возьмутъ у него послѣ. Затѣмъ, императоръ, вставъ „и съ мѣста сступивъ", подозвалъ къ себѣ Племянникова съ его толмачомъ и спросилъ, снявъ шляпу, о здоровьѣ великаго князя. Послѣ отвѣта Племянникова императоръ сказалъ, что великій князь приглашалъ посла его Герберштейна на охоту „и въ великой чти дръжалъ", и что въ благодарность за это и онъ, императоръ, приглашаетъ Племянникова на охоту и намѣренъ подарить великому князю и его послу охотничьихъ собакъ или что либо иное, что будетъ угодно великому князю. Сказавъ это, императоръ сѣлъ, велѣвъ сѣсть Племянникову и толмачу, послѣ чего отпустилъ ихъ на подворье, гдѣ они остановились, и куда ихъ проводили тѣ же лица, которыя пріѣзжали приглашать ихъ на аудіенцію [1]). Переговоры съ московскимъ

[1]) Тамъ же, 343 и слѣд.

посломъ вели у него на подворьѣ назначенныя для того императоромъ лица. По окончаніи переговоровъ къ послу пріѣхали докторъ Павелъ и Герберштейнъ съ приглашеніемъ на аудіенцію. Посолъ и толмачъ отправились вмѣстѣ съ ними къ императору. Представъ предъ нимъ, они, по приглашенію его, сѣли и выслушали рѣчь, которую имъ произнесъ тотъ же епископъ Петръ по приказанію императора. Послѣ этого императоръ спросилъ посла, не имѣетъ ли онъ еще что либо передать ему. Когда посолъ далъ отрицательный отвѣтъ, докторъ Павелъ вручилъ ему императорскую грамоту къ великому князю, императоръ же всталъ, снялъ шляпу и, обратившись къ послу, велѣлъ передать его благопожеланія великому князю. Этимъ закончилась аудіенція. Тѣ же лица, съ которыми московскій посолъ явился на аудіенцію, сопутствовали ему до его подворья [1]).

Вмѣстѣ съ Племянниковымъ въ Москву отправились послы императора.

Въ посольской книгѣ, непосредственно за отчетомъ Племянникова, слѣдуетъ описаніе пріема, оказаннаго въ Москвѣ императорскому посольству. Когда въ Москвѣ была получена вѣсть, что ѣдетъ императорское посольство, великій князь назначилъ приставовъ къ имѣвшимъ прибыть въ Москву посламъ и квартиры, гдѣ посольство должно было размѣститься. Въ приставы къ императорскимъ посламъ назначенъ былъ и Племянниковъ, какъ знакомый съ церемоніей встрѣчи посольства въ Германіи. Послѣ описанія этихъ предварительныхъ распоряженій великаго князя въ посольской книгѣ помѣщенъ отчетъ Племянникова и толмача его о встрѣчѣ, которая была имъ оказана по приказанію императора предъ Инспрукомъ. Непосредственно за этимъ отчетомъ слѣдуетъ описаніе встрѣчи, оказанной императорскимъ посламъ подъ Москвою [2]). Очевидно, что когда императорскіе послы приблизились къ Москвѣ и возникъ вопросъ, какъ встрѣтить ихъ, рѣшено было сообразоваться съ тою встрѣчею, которая была оказана Племянникову. И дѣйствительно, императорское посольство подъ Москвою было встрѣчено подобно тому, какъ Племянниковъ и Истома встрѣ-

---

[1]) Тамъ же, 352.

[2]) Тамъ же, 356.

чены были предъ Инспрукомъ: одинъ изъ московскихъ встрѣчниковъ назвалъ посламъ лицъ, явившихся по приказанію великаго князя для встрѣчи ихъ, другой—спросилъ ихъ отъ имени великаго князя о здоровьѣ императора, третій—спросилъ пословъ, благополучно ли они совершили свой путь и отрекомендовался какъ приставъ ихъ, обязанный водворить ихъ на подворьѣ и доставлять имъ все необходимое для нихъ. Встрѣчники провожали пословъ до подворья ихъ [1]). То же самое происходило и у Инспрука при встрѣчѣ Племянникова, съ тѣмъ только отличіемъ, что одинъ изъ встрѣчниковъ—докторъ Павелъ—и представлялъ московскому послу себя и другихъ двухъ встрѣчниковъ и спрашивалъ его о здоровьѣ великаго князя и о путешествіи посольства, трое же московскихъ встрѣчниковъ говорили то же самое и задавали тѣ же самые вопросы поочередно [2]). Кромѣ указаннаго есть еще одно отличіе: подъ Москвою Племянниковъ опередилъ встрѣчниковъ и объявилъ императорскимъ посламъ, что для встрѣчи ихъ „послалъ Великій Государь своихъ великихъ людей“ (князя Ивана Кубенскаго, Шигону Поджогина и Ѳедора Борисова), отчетъ же Племянникова умалчиваетъ о такомъ предупрежденіи посольства о готовящейся ему встрѣчѣ [3]). Къ императорскимъ посламъ, извѣщеннымъ чрезъ пристава о времени аудіенціи у великаго князя, явились тѣ же лица, которыя встрѣчали ихъ подъ Москвою (князь Кубенскій, Шигона Поджогинъ и Ѳедоръ Борисовъ); каждый изъ нихъ ѣхалъ во дворецъ съ однимъ изъ членовъ посольства. При послѣднихъ находился и Племянниковъ, котораго точно также сопровождали на аудіенцію къ императору Герберштейнъ и еще двое лицъ. Посламъ были устроены двѣ встрѣчи: одна у паперти Благовѣщенскаго собора, другая же на верхнемъ крыльцѣ дворца. Послѣдняя встрѣча ввела пословъ къ великому князю и представила ему ихъ. Одинъ изъ пословъ подалъ великому князю вѣрительную грамоту, произнесъ рѣчь и предъявилъ письменное изложеніе ея [4]); въ рѣчи

---

[1]) Тамъ же, 357 и слѣд.

[2]) Сравн. 347.

[3]) Тамъ же.

[4]) Такое же письменное изложеніе рѣчи своей, сказанной на аудіенціи у императора, подавалъ и Племянниковъ (тамъ же, 346).

своей императорскій посолъ „правилъ Великому Князю отъ Максимьяна поздравленіе“. Великій князь велѣлъ посламъ сѣсть близъ себя на скамейкѣ и пригласилъ ихъ къ столу, послѣ чего велѣлъ имъ отправиться въ другую палату, гдѣ они должны были изложить цѣль своего посольства назначеннымъ для того боярамъ и дьякамъ [1]).

Первое обстоятельное описаніе иностранцемъ обряда пріема пословъ въ Москвѣ принадлежитъ барону Сигизмунду Герберштейну, дважды пріѣзжавшему въ Москву въ качествѣ посла: въ 1517 г. отъ императора германскаго Максимиліана и въ 1526 г. отъ брата императора Карла V—эрцгерцога Фердинанда—вмѣстѣ съ посломъ Карла V—графомъ Нугаролемъ. Въ своемъ описаніи Герберштейнъ не отмѣчаетъ какого либо различія въ пріемахъ, оказанныхъ ему въ 1517 и 1526 гг., но рисуетъ одну картину пріема и обхожденія съ нимъ въ Москвѣ.

Подъѣзжая къ границамъ московскаго государства, посолъ, говоритъ Герберштейнъ, даетъ знать начальнику ближайшаго московскаго города о своемъ пріѣздѣ. Начальникъ города, собравъ свѣдѣнія о прибывшемъ послѣ, высылаетъ для встрѣчи и сопровожденія его чиновника со свитою, принимая во вниманіе не только достоинство государя, представителемъ котораго являлся посолъ, но и самого посла. Всѣ свѣдѣнія о послѣ немедленно отсылались въ Москву. Встрѣчу, оказанную посольству у московской границы, Герберштейнъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: посланный встрѣтить посольство отправилъ гонца извѣстить пословъ, что приближается „большой (т. е. сановный) человѣкъ“, который приметъ ихъ въ извѣстномъ мѣстѣ. Пріѣхавъ къ этому мѣсту, „большой человѣкъ“ сталъ, чтобы посольство приблизилось къ нему. Когда посольство подъѣхало къ „большому человѣку“, послѣдній чрезъ гонца потребовалъ, чтобы члены посольства сошли съ лошадей и вышли съ повозокъ, потому что нельзя слушать слова отъ имени великаго князя сидя. Оберегая честь своего государя, „большой человѣкъ“ тщательно наблюдалъ, чтобы послы сошли съ лошадей прежде него. Герберштейнъ разсказываетъ, что въ первый его пріѣздъ въ предѣлы московскаго государства онъ заявилъ встрѣтившему

---

[1]) Тамъ же, 358 и слѣд.

его подъ Москвою, что вслѣдствіе усталости не можетъ сойти съ коня и предложилъ выполнить весь церемоніалъ встрѣчи, не сходя съ лошадей, но московскій встрѣчникъ былъ неумолимъ. Тогда Герберштейнъ, замѣтивъ, что встрѣчникъ не хотѣлъ сойти первымъ съ коня, опасаясь этимъ унизить честь своего государя, сказалъ, что сойдетъ на землю, но только въ томъ случаѣ, если встрѣтившій его сдѣластъ тоже прежде него. Видя, говоритъ Герберштейнъ, что они такъ высоко цѣнятъ это, я самъ не хотѣлъ унизить моего государя и уменьшить его значеніе. Когда московскій встрѣчникъ отказался исполнить требованіе Герберштейна, послѣдній, желая положить конецъ возникшимъ пререканіямъ, прибѣгнулъ къ хитрости: вынулъ ногу изъ стремени, какъ бы въ намѣреніи сойти, что замѣтивъ, соскочилъ съ коня встрѣчникъ, послѣ чего, къ не малому его огорченію, сошелъ на землю Герберштейнъ. Обрядъ встрѣчи иноземнаго посла у границы заключался въ слѣдующемъ: „большой человѣкъ“ съ непокрытою головою говорилъ, что государевъ намѣстникъ и воевода послалъ его встрѣтить посла и проводить его въ городъ, и отъ имени намѣстника спрашивалъ посла, благополучно ли онъ совершилъ свой путь. Затѣмъ, встрѣчникъ протягивалъ послу руку, наблюдая, чтобы тотъ обнажилъ голову, и спрашивалъ его на этотъ разъ отъ себя, благополучно ли онъ ѣхалъ, послѣ чего давалъ знакъ ѣхать далѣе, по дорогѣ распрашивая о послѣ и его свитѣ. Всѣ эти свѣдѣнія отсылались немедленно въ Москву. Далѣе на пути посла встрѣчалъ кто либо изъ служилыхъ людей и объявлялъ, что намѣстникъ поручилъ ему доставлять для посольства все необходимое. За полъ мили отъ Москвы посольству готовилась новая встрѣча. О ней послы были извѣщены чрезъ дьяка, который сказалъ имъ, что они должны выслушать рѣчи встрѣчниковъ стоя. Когда посольство приблизилось къ ожидавшимъ его встрѣчникамъ, послѣдніе сошли съ лошадей, что сдѣлали и члены посольства. Одинъ изъ встрѣчавшихъ сказалъ посламъ, что выѣхали они къ нимъ на встрѣчу по приказанію государя, и спросилъ отъ имени его о здоровьѣ императора и эрцгерцога. Другой—объявилъ графу Нугоролю, что великій князь приказалъ ему встрѣтить его, проводить до назначенной ему квартиры и доставлять все для него нужное. Третій изъ встрѣчавшихъ то же самое передалъ Гербер-

штейну. Затѣмъ, первый встрѣчникъ спросилъ графа Нугороля отъ имени великаго князя, а второй Герберштейна, благополучно ли они совершили свое путешествіе, послѣ чего сказали, что государь прислалъ имъ осѣдланныхъ коней изъ своей конюшни. Когда послы изъявили имъ свою благодарность, они подали имъ руки и спросили ихъ отъ себя, благополучно ли они ѣхали. Послѣ этого послы сѣли на подаренныхъ имъ лошадей и въѣхали въ Москву по дорогѣ, запруженной стекавшимся отовсюду народомъ. Приставы, назначенные состоять при послахъ, посѣщали ихъ почти ежедневно и доставляли имъ все необходимое, не допуская ихъ покупать что либо для себя. Когда Герберштейнъ пожелалъ купить кровати для нѣкоторыхъ членовъ посольства, приставъ не допустилъ его до этого, сказавъ ему, что совѣтники великаго князя обѣщаютъ обходиться съ послами такъ, какъ въ ихъ странахъ обходятся съ московскими послами. Отдохнувъ послѣ дороги, послы заявили приставамъ о своей готовности быть на аудіенціи у великаго князя. Назначенъ былъ день аудіенціи, о которомъ посламъ напоминали нѣсколько разъ; за ними, чтобы сопровождать ихъ къ великому князю на аудіенцію, явились назначенныя для того лица въ сопровожденіи многихъ дворянъ. О приближеніи ихъ пословъ извѣстили, при чемъ приставы убѣждали ихъ выйти на встрѣчу пріѣхавшимъ за ними и оказать имъ въ этомъ честь. Несмотря на убѣжденія приставовъ, графъ Нугороль и Герберштейнъ, не желая, по словамъ послѣдняго, предпочесть великаго князя своимъ государямъ въ оказаніи почести, дѣлали видъ, что ихъ задерживаетъ то одно, то другое, и встрѣтили пріѣхавшихъ за ними ровно на срединѣ лѣстницы. Одинъ изъ пріѣхавшихъ сказалъ посламъ, что великій князь велѣлъ имъ явиться къ нему. Сѣвъ на лошадей, послы отправились къ дворцу, на пути къ которому стояли огромныя толпы народа, затруднявшія ихъ проѣздъ. Такое многолюдство, говоритъ Герберштейнъ, должно было, по мнѣнію московскаго правительства, внушить иностранцамъ высокое понятіе о могуществѣ великаго князя. Въ кремлѣ шедшіе впереди пословъ войска остановились и воспрепятствовали имъ доѣхать до лѣстницы дворца и тамъ сойти съ коней. Это было сдѣлано, по замѣчанію Герберштейна, съ тою цѣлью, чтобы казалось, что великому князю ока-

зано болѣе чести. На серединѣ лѣстницы пословъ встрѣтило нѣсколько привѣтствовавшихъ ихъ лицъ, поведшихъ ихъ далѣе. Когда послы прошли лѣстницу, ихъ встрѣтили знатнѣйшіе сановники, которые подали имъ руки. Во дворцѣ пословъ привѣтствовали первостепенные совѣтники великаго князя. Когда послы вошли въ палату, гдѣ находился великій князь, одинъ изъ совѣтниковъ его, обратясь къ нему, произнесъ: „великій государь, графъ Леонардъ (Нугороль) бьетъ челомъ", „великій государь, графъ Леонардъ бьетъ челомъ за твою великую милость". То же было сказано и отъ имени Герберштейна. Великій князь сидѣлъ съ непокрытою головою на возвышенномъ мѣстѣ, противъ котораго поставлена была скамья, на которую послы сѣли по приглашенію великаго князя. Когда они привѣтствовали великаго князя, послѣдній при произнесеніи именъ императора и его брата вставалъ, сходилъ съ возвышенія и, выслушавъ привѣтствіе, спрашивалъ о здоровьѣ императора и брата его, послѣ чего снова садился. Затѣмъ, подозвавъ къ себѣ графа Нугароля и Герберштейна, великій князь подалъ имъ руку и спросилъ ихъ, благополучно ли они совершили свой путь, на что послы [1]) отвѣтили пожеланіями здоровья великому князю на многія лѣта, о себѣ же сказали, что они здоровы. Послѣ этого великій князь велѣлъ посламъ сѣсть, но они, прежде чѣмъ исполнить его приказаніе, поклонились ему и вставшимъ боярамъ, выражая этимъ, говоритъ Герберштейнъ, свою благодарность по московскому обычаю. Герберштейнъ же замѣчаетъ, что послы другихъ государствъ, преимущественно литовскіе, ливонскіе, шведскіе и нѣкоторые другіе во время первой аудіенціи обыкновенно подносили дары великому князю. Дары подносились, по описанію Герберштейна, слѣдующимъ образомъ: по изложеніи послами причины посольства, вставалъ тотъ изъ совѣтниковъ великаго князя, который вводилъ пословъ на аудіенцію, и произносилъ: „великій государь, такой то посолъ бьетъ челомъ такимъ то подаркомъ". То же повторялось о каждомъ членѣ посольства, подносившемъ великому князю подарокъ. Въ Москвѣ напоминали Нугаролю и Герберштейну о такомъ обычаѣ

[1]) Герберштейнъ замѣчаетъ: Juxta illorum morem, т. е., по московскому обычаю (Rerum Moscoviticarum Commentarii, pag. 127, ed. an. 1556).

подносить подарки великому князю, но они отвѣтили, что у нихъ нѣтъ такого обычая. Послѣ поклоновъ великому князю и присутствовавшимъ боярамъ, продолжаетъ Герберштейнъ свое описаніе, мы немного посидѣли и великій князь пригласилъ насъ обоихъ обѣдать, сказавъ каждому: „обѣдай со мной". Въ первое мое посольство, замѣчаетъ Герберштейнъ, великій князь пригласилъ меня къ обѣду по московскому обычаю слѣдующимъ образомъ: „Сигизмундъ, откушай нашего хлѣба—соли вмѣстѣ съ нами". Пригласивъ пословъ къ столу, великій князь подозвалъ къ себѣ приставовъ ихъ и о чемъ то говорилъ съ ними, толмачи же, по приказанію, предложили посламъ перейти въ другую палату, гдѣ они излагали порученныя имъ дѣла предъ совѣтниками и дьяками, назначенными великимъ княземъ, пока не были окончены приготовленія къ столу. Герберштейнъ подробно описываетъ данный въ честь пословъ обѣдъ, послѣ котораго тѣ же лица, которыя провожали пословъ на аудіенцію, отправились съ ними въ отведенныя для нихъ помѣщенія, гдѣ угощали ихъ разными напитками. Отмѣтивъ, что великій князь имѣетъ обыкновеніе угощать иноземныхъ пословъ и при отъѣздѣ ихъ, Герберштейнъ вспоминаетъ, что еще въ первое его посольство въ Москву, послѣ обѣда, великій князь всталъ у стола, потребовалъ себѣ чашу и сказалъ, что пьетъ ее за здоровье императора, а затѣмъ подалъ чашу Герберштейну съ приказаніемъ выпить за здоровье императора же, также и всѣмъ присутствовавшимъ за столомъ даны были чаши великимъ княземъ съ приказаніемъ пить за здоровье императора. Послѣ этого великій князь подозвалъ къ себѣ Герберштейна, подалъ ему руку и отпустилъ его. По окончаніи переговоровъ съ послами, великій князь обыкновенно приглашалъ ихъ на охоту. Герберштейнъ подробно описываетъ великокняжескія охоты, на которыхъ онъ присутствовалъ и въ которыхъ принималъ участіе какъ въ первый такъ и во второй пріѣзды въ Москву. Объ отпускной аудіенціи, данной въ 1526 г. графу Нугаролю и Герберштейну, въ описаніи послѣдняго сказано немного. Оба они были приглашены съ почестями, какъ къ первой аудіенціи, къ обѣду во дворецъ великаго князя. Въ подарокъ имъ обоимъ даны были разные мѣха и почетныя одежды, подбитыя соболями, въ которыя они облачились и

за которыя отъ ихъ имени благодарилъ великаго князя одинъ изъ его придворныхъ [1]).

Въ „Памятникахъ дипломатическихъ сношеній“ московскаго государства съ германскими императорами сохранилось описаніе только перваго посольства Герберштейна, но и то не въ полномъ видѣ: до насъ дошло начало описанія первой аудіенціи, данной Герберштейну великимъ княземъ. Такимъ образомъ, описанный Герберштейномъ обрядъ пріемовъ, оказанныхъ ему въ Москвѣ, пополняетъ пробѣлъ въ посольскихъ книгахъ. Въ вѣрности описанія Герберштейна врядъ ли можно сомнѣваться: оно подтверждается описаніями посольскаго обряда московскаго двора, заключающимися и въ посольскихъ книгахъ и въ извѣстіяхъ иностранныхъ пословъ и посланниковъ, бывшихъ въ Москвѣ [2]).

[1]) „Записки о Московіи“ барона Герберштейна, стр. 180 и слѣд., пер. Анонимова. Въ такомъ облаченіи пословъ въ подаренныя имъ одежды можно видѣть татарскій обычай.

[2]) „Пам. дипл. сн.“ I, стр. XI. Въ посольскихъ книгахъ цесарскаго двора не находимъ описаній дипломатическихъ сношеній за время отъ 1519 г. по 1576 г. („Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи“ Бантышъ-Каменскаго, I, 6, прим. 1-е). Въ 1576 г. къ Іоанну IV прибыли послы германскаго императора: Кобенцель и Даніилъ Принцъ изъ Бухова. Описаніе пріема ихъ въ „Памятникахъ дипломатическихъ сношеній“ московскаго государства съ германскими императорами вполнѣ соотвѣтствуетъ тому описанію, которое принадлежитъ Даніилу Принцу („Пам. дипл. снош.“ I, 481—487, 502—515; Даніила Принца изъ Бухова: „Начало и возвышеніе Московіи“ въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1876 г., кн. 4, стр. 47). Въ началѣ III главы своего описанія, трактующей о пріемѣ и содержаніи пословъ, Даніилъ Принцъ говоритъ, что хотя Герберштейнъ пространно описалъ, какъ его принималъ Василій III, однако, „такъ какъ съ того времени произошла большая перемѣна во многомъ, то я и рѣшился вкратцѣ представить, какъ насъ приняли и содержали“ (Назв. описаніе, стр. 47). Но, при сравненіи описанія пріема Іоанномъ IV Кобенцеля и Принца съ описаніемъ того пріема, который былъ оказанъ Василіемъ III графу Нугаролю и барону Герберштейну, нельзя усмотрѣть какого либо существеннаго измѣненія въ московскомъ посольскомъ обрядѣ. Кобенцеля и Принца принимали въ Москвѣ такъ же, какъ нѣкогда Герберштейна, только Кобенцель и Принцъ на аудіенціи поднесли царю подарки отъ императора, отъ себя и отъ свиты, Герберштейнъ же ихъ не подносилъ Василію III, и Іоаннъ IV, спрашивая пословъ о здоровьѣ императора, только вставалъ, но не сходилъ съ возвышенія трона, на которомъ сидѣлъ, что дѣлалъ Василій III. Вотъ и вся разница, которую можно усмотрѣть при сличеніи описаній пріемовъ, оказанныхъ Герберштейну и Принцу.

Описанный барономъ Герберштейномъ пріемъ, оказанный ему и его товарищамъ по посольству, даетъ представленіе объ обрядѣ пріема иноземныхъ пословъ, который сложился въ Москвѣ во время Василія III. Но этимъ значеніе описанія Герберштейна не исчерпывается, оно важно и въ другомъ отношеніи: въ немъ отражается впечатлѣніе, которое вынесъ наблюдательный иностранецъ отъ пріемовъ, оказанныхъ ему въ московскомъ государствѣ. При первой же встрѣчѣ съ русскими Герберштейнъ замѣтилъ, что тѣ даже въ мелочахъ опасались унизить достоинство своего государя [1]). Любопытно, что и самъ Герберштейнъ скоро усвоилъ себѣ эту точку зрѣнія русскихъ: онъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что въ первый свой пріѣздъ въ московское государство перехитрилъ встрѣчавшаго его русскаго и сошелъ съ коня послѣ него; говоря о второмъ своемъ пріѣздѣ въ московское государство, Герберштейнъ отмѣчаетъ, что лица встрѣчавшія его и графа Нугароля подъ Москвою первые сошли съ лошадей. Герберштейнъ же разсказываетъ, какъ онъ и графъ Нугароль прибѣгли къ хитрости, чтобы встрѣтить пріѣхавшихъ за ними московскихъ сановниковъ на срединѣ лѣстницы [2]). Такимъ образомъ, и московскіе люди и Герберштейнъ съ Нугаролемъ сошлись въ понятіяхъ о томъ, что возвышало или унижало честь ихъ государей. Какъ на особенность обхожденія московскаго государя съ иностранными послами Герберштейнъ указываетъ на дошедшій до него слухъ, что великій князь, отпустивъ посла римской вѣры, мылъ руки, потому что католики считались въ московскомъ государствѣ людьми нечистыми; онъ говоритъ, что видѣлъ во время аудіенціи около великаго князя лохань съ двумя рукомойниками и ручными утиральниками [3]). Извѣстіе Герберштейна, что московскіе бояре передали ему о своемъ намѣреніи обходиться съ нимъ и съ прочими членами посольства такъ, какъ обращались съ московскими послами во владѣніяхъ германскаго императора, свидѣтельствуетъ, что московское правительство

---

[1]) Такая черта русскихъ замѣчалась и другими иностранцами, посѣщавшими московское государство въ качествѣ пословъ; о ней говоритъ и Даніилъ Принцъ (назв. соч., стр. 49).

[2]) Пер. Анонимова, 181, 185 и 187.

[3]) Тамъ же, 189.

въ своемъ отношеніи къ иноземнымъ посламъ руководствовалось отношеніемъ западной Европы къ московскимъ посламъ [1]).

Подробно описывая оказанные въ Москвѣ пріемы императорскимъ посламъ, Герберштейнъ отмѣчаетъ нѣкоторыя особенности этихъ пріемовъ по сравненію съ практиковавшимися пріемами иностранныхъ пословъ при дворѣ императорскомъ, но самый обрядъ пріема пословъ при московскомъ дворѣ, безъ отмѣченныхъ имъ особенностей, не показался ему отличающимся отъ такого же обряда его страны и не могъ показаться. Сравнивая пріемъ, оказанный императоромъ Племянникову, какъ описанъ онъ въ статейномъ спискѣ послѣдняго, видимъ только. что Василій III держалъ себя предъ Нугаролемъ и Герберштейномъ такъ, какъ императоръ предъ Племянниковымъ.

Московскій посольскій обрядъ, сложившійся во время Василія III, оставался въ существенномъ неизмѣннымъ въ теченіе XVI и XVII вв. [2]). Обрядъ этотъ съ теченіемъ времени сталъ только

---

[1]) Тамъ же, 187.

[2]) Антоній Поссевино, котораго въ качествѣ папскаго посла принималъ Іоаннъ IV, въ началѣ одной изъ главъ своего описанія Moscovia, излагающей, какъ въ московскомъ государствѣ принимали иноземныхъ пословъ, говоритъ: Et vera sunt, et antiquum obtinent, quae scripsit Herbersteinus de ratione, qua Moscus externorum Principum Legatos excipit (Histor. Ruthen. Scriptores exteri, ed. Starczewski, II, 293). Секретарь голштинскаго посольства, бывшаго въ Москвѣ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, Олеарій, въ описаніи своего путешествія въ Москву отмѣтилъ только двѣ перемѣны въ отношеніи къ посламъ, происшедшія сравнительно съ прежнимъ временемъ въ Москвѣ. Одна перемѣна заключалась въ томъ, что иноземныхъ пословъ перестали содержать какъ плѣнниковъ. Прежде, говоритъ Олеарій, къ воротамъ двора, гдѣ жили иноземные послы, приставляли сильную стражу и такъ строго содержали пословъ, „что никого изъ принадлежащихъ къ посольству не выпускали со двора, равно и къ нимъ никого не впускали, и вообще содержали ихъ какъ плѣнниковъ; въ настоящее же время, послѣ перваго торжественнаго представленія (царю), каждый можетъ свободно выходить, куда хочетъ, и Москвичи говорили намъ“, добавляетъ тотъ же авторъ, „что въ первое наше посольство мы были первые, которымъ предоставлена была такая свобода выхода и входа“. Другая перемѣна заключалась въ слѣдующемъ: „въ прежнее время посланники, послѣ торжественнаго представленія, всегда обѣдывали въ покояхъ великаго князя, а иногда и за его столомъ; теперь же жалованныя царскія кушанья и напитки приносятся обыкновенно къ посланникамъ на домъ“ („Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію, составленное Олеаріемъ“,

болѣе пышнымъ. Продолжая принимать иноземныхъ пословъ по старинѣ, московское правительство, отправляя въ XVII в. своихъ пословъ на Западъ Европы, заботилось только, чтобы московскіе послы принимались при дворахъ западной Европы такъ, какъ принимали ихъ тамъ въ XVI в.

Михаилъ Ѳедоровичъ, по вступленіи своемъ на престолъ, отправилъ въ 1613 г. къ германскому императору посланника Степана Ушакова съ дьякомъ Заборовскимъ. Посланнику данъ былъ наказъ: передать императору поклонъ отъ царя и спросить императора о здоровьѣ отъ имени царя же; если императоръ спросилъ бы о здоровьѣ царя, посланникъ долженъ былъ отвѣтить, что царь здоровъ, затѣмъ представить императору царскіе подарки, вручить царскую грамоту и говорить императору рѣчи поперемѣнно съ дьякомъ [1]. По возвращеніи посланника въ Москву обнаружилось изъ донесенія толмача, бывшаго при посланникѣ, что тотъ въ отчетѣ своемъ не донесъ, что императоръ во время аудіенціи „къ Государеву имяни маленко приклонялся и шляпу сымалъ", а отпуская посланника „приказывалъ къ государю челобитье сидя" [2]. Толмачъ показалъ, что Ушаковъ такое нарушеніе императоромъ прежнихъ обычаевъ оставилъ безъ замѣчанія [3]. Въ Москвѣ Ушакову и Заборовскому поставили въ вину не донесеніе своему правительству, „что Цесарь учинилъ мимо прежней обычей, противъ Царского имяни не всталъ; а прежніе Цесари Римскіе прежнихъ Великихъ Госу-

въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.", 1868 г., III, 225). Объ отмѣнѣ прежняго обычая при московскомъ дворѣ приглашать иноземныхъ посланниковъ къ столу послѣ первой аудіенціи упомянуто и въ „Донесеніи" Майерберга, императорскаго посла въ Москву въ царствованіе Алексѣя Михайловича („Донесеніе Августина Майерберга импер. Леопольду I о св. посольствѣ въ Московію", въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.", 1882 г., II, 44). Корбъ, секретарь императорскаго посольства къ Петру I въ 1698 г., описывая оказанный посольству пріемъ въ Москвѣ, отмѣчаетъ какъ новость лишь то, что московскій коммиссаръ, встрѣтившій посольство, удержался отъ спора о первенствѣ и первый вышелъ изъ экипажа на встрѣчу послу, изъ за чего въ прежнее время возникали пререканія между русскими и иноземными послами („Дневникъ поѣздки въ московское государство" и т. д. въ „Чтен. Моск. Об.", 1867 г., IV, 45 и слѣд.).

[1] „Пам. дипл. сн.", II, 925.

[2] Тамъ же, 1065.

[3] Тамъ же.

дарей, Царей Російскихъ, при послѣхъ всѣ стояли, и принимали Государевыхъ пословъ всѣ стоя, и о ихъ Государскомъ здоровьѣ спрашивали и на отпускѣ поклоны приказывали стоя, а не сидя,— и имъ было Степану и Семому (Заборовскому), видя то, что Цесарь принимаетъ ихъ не по прежнему обычаю, Цесарю и его думнымъ людемъ о Государской чести говорити и за то стояти накрѣпко, чтобъ они мимо прежніе обычеи, какъ у нихъ Государей въ ихъ Царскихъ чинѣхъ при послѣхъ прежнихъ Государей, Царей Російскихъ велось, новыхъ причинъ не всчинали...“ [3]). Въ Москвѣ желали только соблюденія императоромъ прежняго обряда пріема московскихъ пословъ. Вслѣдствіе этого отправленному къ императору въ 1614 г. гонцу Ивану Ѳомину наказано было требовать, чтобы императоръ принялъ его такъ, какъ принимались предшественниками его московскіе послы и гонцы. Если, читаемъ въ наказѣ Ѳомина, во время аудіенціи императоръ, слыша царское имя изъ устъ гонца, не всталъ бы, или о здоровьѣ царя не спросилъ бы, или задалъ бы этотъ вопросъ сидя, Ѳоминъ долженъ былъ говорить императору, что въ прежнее время, когда послы, посланники и гонцы московскихъ государей являлись къ предшественникамъ императора, послѣдніе, при передачѣ имъ царскаго поклона, вставали и стоя спрашивали о здоровьѣ царскомъ. Наказъ предвидѣлъ возраженіе, которое могли сдѣлать Ѳомину при императорскомъ дворѣ, именно, что московскіе цари принимали иноземныхъ пословъ, посланниковъ и гонцовъ сидя. На это Ѳоминъ долженъ былъ отвѣтить, что у московскихъ государей „такъ въ поведеньяхъ ведется“, но что царь всегда встаетъ, когда посланные къ нему отъ императора произносятъ на аудіенціи имя его и передаютъ царю поклонъ отъ него, и что царь стоя спрашиваетъ о здоровьѣ императора, „а вы, Великій Государь“, долженъ былъ говорить императору Ѳоминъ, „то нынѣ учинили мимо прежней обычей, не по тому какъ велось у предковъ твоихъ, Великихъ Государей, Цесарей Римскихъ“... Въ случаѣ, еслибы императоръ, несмотря на настоянія Ѳомина, не исполнилъ его требованій, Ѳоминъ долженъ былъ послѣ аудіенціи говорить „Цесаревымъ думнымъ людемъ или

---

[1]) Тамъ же, 1068.

приставомъ, что то Цесарское Величество учинилъ мимо прежней обычей, чего николи при его Государевыхъ предкахъ такъ не бывало"...[1]). Ѳомину было наказано требовать аудіенціи у императора и вручить ему царскую грамоту, въ случаѣ же, еслибы его требованіе не было удовлетворено, онъ долженъ былъ передать царскую грамоту присланнымъ отъ императора, но при этомъ заявить, что императоръ, не давъ ему аудіенціи и не принявъ отъ него царской грамоты, „учинилъ то мимо прежней обычей"... [2]). Ѳоминъ, какъ видно изъ его статейнаго списка, добился того, что принятъ былъ императоромъ [3]), только, когда онъ на аудіенціи передавалъ императору поклонъ царя, императоръ, „сидя на мѣстѣ, тронулъ у себя на головѣ шляпы немного, а противъ... Царского Величества именованья не всталъ". Тогда Ѳоминъ, исполняя данный ему наказъ, сослался на прежніе пріемы императорами царскихъ посланцевъ и указалъ императору допущенныя имъ уклоненія отъ сложившагося порядка этихъ пріемовъ. На приказаніе императорскаго канцлера продолжать говорить, Ѳоминъ отвѣтилъ, что ждетъ, чтобы императоръ всталъ и спросилъ о здоровьѣ царя. Императоръ велѣлъ канцлеру передать Ѳомину, что не можетъ вспомнить, вставали ли во время аудіенцій предшественники его на престолѣ, когда московскіе послы передавали имъ царскіе поклоны, и такъ какъ онъ, Ѳоминъ, приказываетъ императору встать, то пусть отправится къ себѣ на квартиру и ждетъ императорскаго указа. Тогда Ѳоминъ сказалъ, что дѣйствуетъ по царскому наказу, и предложилъ императору принять царскую грамоту. Когда къ нему подошелъ канцлеръ, чтобы взять эту грамоту, Ѳоминъ отказался передать ее ему, и вручилъ ее императору [4]). На разсказъ пристава, назначеннаго къ Ѳомину, какъ Степанъ Ушаковъ и Заборовскій учились у него кланяться императору и на аудіенціи предъ императоромъ преклонялись до земли, Ѳоминъ, выразивъ порицаніе такому поведенію Ушакова и Заборовскаго, отвѣтилъ, что „...во всей вселенной у Великихъ Государей нигдѣ того не ведется, которые посланники

---

[1]) Тамъ же, 1119 и слѣд.

[2]) Тамъ же, 1123.

[3]) Тамъ же, 1151 и слѣд.

[4]) Тамъ же, 1154 и слѣд.

и гонцы отъ Великихъ Государей къ Великимъ Государемъ посыланы бываютъ, что имъ до земли кланяться; подобаетъ то дѣлати подданымъ; а Великій Государь нашъ, Царь и Великій князь Михайло Ѳедоровичь, всеа Русіи Самодержецъ, Великій Государь, какъ и Цесарь, и свое великое Російское Царство и иные многіе розные мусульманскіе Государства держитъ подъ своею Царскою рукою въ покорномъ послушаньѣ, паче Цесаря“ [1]).

Ѳомину предписывалъ данный ему наказъ настаивать, чтобы его принялъ императоръ такъ, какъ того требовалъ обрядъ пріема, выработанный въ XVI в., соблюдавшійся при императорскомъ дворѣ по отношенію къ московскимъ посламъ и практиковавшійся, по выраженію Ѳомина, „во всей вселенной“. Такія же предписанія требовать пріемовъ, подобныхъ прежнимъ, встрѣчаются въ наказахъ, которые давались московскимъ посламъ въ XVII в.

Въ 1654 г. царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ были отправлены къ императору посланниками Иванъ Баклановскій и дьякъ Иванъ Михайловъ. Имъ наказано было до аудіенціи у императора не являться ни къ кому изъ императорскихъ сановниковъ для объясненія цѣли ихъ посольства. Въ случаѣ, если бы къ нимъ было предъявлено не соотвѣтствовавшее такому наказу требованіе, они должны были указать, что „ни въ которыхъ христьянскихъ Государствахъ того не бываетъ, чтобъ, небывъ у того Государя, къ которому кто посланъ, ходить напередъ и дѣла объявлять думнымъ людемъ“... Затѣмъ, посланники должны были указать, что прежде бывавшіе у императоровъ московскіе посланники и гонцы излагали цѣль своего посольства самимъ императорамъ [2]). То, что предвидѣлъ наказъ, произошло: Баклановскому и Михайлову предложили предъ аудіенціей у императора явиться къ сановникамъ его и имъ объяснить цѣль ихъ посольства, на что посланники отвѣтили по наказу мотивированнымъ отказомъ. Одинъ изъ ихъ доводовъ былъ опровергнутъ: имъ сказали, что турецкіе, испанскіе и французскіе послы и посланники посѣщаютъ предъ аудіенціей у императора совѣтниковъ его и имъ объявляютъ дѣла, ради которыхъ пріѣхали.

---

[1]) Тамъ же, 1161 и слѣд.

[2]) Тамъ же, III, 103.

Московскіе посланники, только что сославшіеся на обычаи всѣхъ христіанскихъ государей при пріемѣ иноземныхъ пословъ, отвѣтили: „иныхъ Государствъ послы и посланники намъ не образецъ“ [1]). Настойчивость Баклановскаго и его товарища по посольству увѣнчалась успѣхомъ: имъ уступили. Предъ аудіенціей у императора ихъ спросили: „какъ вы будете у Цесарскаго Вел—ва, какую ему честь воздадите и какъ учнете кланятца?“ При этомъ воспользовались ихъ же способомъ доказательствъ: сказали имъ, что всѣ иноземные послы и посланники воздаютъ на аудіенціяхъ императору такую честь, какую имъ укажутъ, и „Царскаго Вел—ва посланники у предковъ Цес. Вел—ва также чинили и Цес. Вел—ву честь воздавали, какъ имъ указывали думные люди“. Баклановскій и его товарищъ отвѣтили: „какъ мы будемъ у Цес. Вел—ва на посольствѣ, и Цес. Вел—ву учнемъ честь воздавать по достоинству, а кланятца учнемъ какъ въ посолскихъ обычаехъ ведетца, а учитца мы у думныхъ людей не будемъ и негодитца; а буде предковъ Великого Государя нашего, Е. Цар. Вел—ва, посланники и училисъ, и то они учинили простотою“ [2]). И въ этомъ случаѣ московскіе посланники сослались на посольскій обычай, по ихъ мнѣнію, нарушенный нѣкоторыми ихъ предшественниками. Когда императоръ вслѣдствіе болѣзни не могъ дать отпускной аудіенціи Баклановскому и Михайлову, и имъ предложили получить отвѣтную грамоту къ царю отъ императорскихъ сановниковъ, посланники не согласились, настоятельно требуя, чтобы императоръ далъ имъ отпускную аудіенцію и лично передалъ грамоту къ царю, „какъ бываетъ и у всѣхъ Великихъ Государей“. Императоръ и въ этомъ уступилъ московскимъ посланникамъ: далъ имъ отпускную аудіенцію и вручилъ грамоту къ царю [3]).

Вообще московскіе дипломаты XVII в., требуя отъ иностранныхъ государей, чтобы послѣдніе оказывали царскимъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ пріемы соотвѣтственно достоинству посылавшаго ихъ царя, самымъ вѣскимъ доводомъ въ пользу своихъ

---

[1]) Тамъ же, 196—198.

[2]) Тамъ же, 199.

[3]) Тамъ же, 237—239.

требованій считали ссылки на ранѣе установившіеся и практиковавшіеся въ сношеніяхъ между государями посольскіе обычаи [1]).

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія продолжительныя пререканія между царскими и императорскими дипломатами, возникшія вслѣдствіе отказа императора вручать на отпускныхъ аудіенціяхъ московскимъ посланникамъ и гонцамъ отвѣтныя грамоты къ царю. Стольникъ Потемкинъ, отправленный въ 1674 г. посланникомъ къ императору, донесъ, что на отпускной аудіенціи императоръ не вручилъ ему грамоты къ царю, но велѣлъ передать ее одному изъ своихъ сановниковъ, и что ему объяснили, будто при дворѣ императора всегда посылали и посылаютъ посламъ всѣхъ государствъ отвѣтныя ихъ государямъ императорскія грамоты на квартиры, но не передаютъ такихъ грамотъ посламъ во время отпускныхъ аудіенцій; обычай этотъ, говорили Потемкину, нарушается только по отношенію къ московскимъ посламъ: имъ передаетъ императорскую грамоту къ царю сановникъ во время отпускной аудіенціи [2]). Въ слѣдующемъ 1675 г. отправлены были къ царю императорскіе посланники, которымъ въ Москвѣ не замедлили объявить неудовольствіе на то, что императоръ отказался передать Потемкину свою грамоту къ царю. Московскіе дипломаты говорили императорскимъ посланникамъ, что всѣ московскіе посланники доносили въ своихъ отчетахъ о полученіи императорскихъ грамотъ къ царю изъ рукъ императоровъ, въ бытность же посланникомъ Потемкина обычай этотъ былъ нарушенъ. Московскіе дипломаты предложили посланникамъ возстановить его, грозя, что въ противномъ случаѣ и царь будетъ поступать такъ же, какъ императоръ. Посланники отвѣтили, что императоръ, снисходя къ просьбамъ Потемкина, велѣлъ передать во время аудіенціи свою грамоту къ царю, поступивъ „мимо древнихъ своихъ обычаевъ". И московскіе дипломаты и императорскіе посланники спорили, ссылаясь на установившійся обычай: первые въ доказательство словъ своихъ указывали на

---

[1]) „Пам. дипл. снош." III, 590, 595, 598, 615, 897; IV, 632, 699, 702, 782, 822, 839, 843—844, 1110—1111, 1198 и т. д.; V, 196—198, 431, 434 и т. д., 450, 483, 490—491, 493, 499, 514—519, 984, 1115, 1168—1169, 1215—1216; VI, 32, 35—36, 38, 59—63 и т. д.

[2]) Тамъ же, IV, 1275.

статейные списки московскихъ посланниковъ, вторые же утверждали, что при дворѣ императорскомъ никогда не было такого обычая, о какомъ доносили московскіе посланники, и отрицали достовѣрность показаній послѣднихъ [1]). Заявленіе бояръ по этому дѣлу было изложено письменно и вручено императорскимъ посланникамъ. Въ этомъ заявленіи было, между прочимъ, указано, что всѣ христіанскіе и мусульманскіе государи сами передаютъ царскимъ посланникамъ и гонцамъ свои грамоты къ царю; заканчивалось заявленіе угрозою, что если императоръ не будетъ вручать московскимъ посланникамъ и гонцамъ своихъ грамотъ къ царю, то и царь императорскимъ посламъ свои грамоты къ императору „изволитъ впредь отдавать чрезъ ближняго своего человѣка для того, чтобъ они обои В. Г—ри въ чести своей государской были равны“ [2]). Императорскіе посланники въ своемъ письменномъ отвѣтѣ боярамъ настаивали на томъ, что московскіе посланники въ своихъ статейныхъ спискахъ „неправдою объявили“, будто они получали грамоты къ царю изъ рукъ императорскихъ, и увѣряли, что при дворѣ императорскомъ существуетъ изстари, болѣе ста лѣтъ, обычай, въ силу котораго императоры всегда отсылали иноземнымъ посланникамъ свои грамоты къ ихъ государямъ чрезъ секретарей, но не передавали ихъ сами на аудіенціяхъ; посланники указывали, что изъ за такого обычая никогда не бывало споровъ, и что перемѣнить его нельзя. На угрозу бояръ, что и царь не передастъ своей грамоты къ императору посланникамъ его, послѣдніе отвѣтили, что предпочтутъ не быть на отпускной аудіенціи и уѣхать безъ царской грамоты, чѣмъ получить ее изъ рукъ кого либо другого, а не царя [3]).

Оказалось, такимъ образомъ, что московскіе государи, руководствуясь статейными списками своихъ посланниковъ и гонцовъ къ германскимъ императорамъ, установили у себя такой обычай при пріемѣ императорскихъ посланниковъ, какой, если вѣрить послѣднимъ, при императорскомъ дворѣ никогда не соблюдался [4]).

---

[1]) Тамъ же, V, 267 и слѣд.

[2]) Тамъ же, 290—294.

[3]) Тамъ же, 323 и слѣд.

[4]) Тѣнь на достовѣрность донесеній въ статейныхъ спискахъ московскихъ пословъ и посланниковъ набросилъ и Котошихинъ въ своемъ сочиненіи (стр. 58, изд. 3-е).

Переговоры объ этомъ между царскимъ и императорскимъ дворами возобновились въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича. Московскимъ посламъ, отправленнымъ къ императору въ 1682 г., данъ былъ наказъ, чтобы они, если императоръ „во отданіи грамоты своей учинитъ противъ прежняго обыкновенія и пришлетъ къ нимъ свою Цес. Вел-ва грамоту на дворъ или прикажутъ то, что отдастъ имъ великимъ и полномочнымъ посломъ Цес. В-во грамоту свою на отпускѣ чрезъ ближняго своего человѣка", настаивали, дабы императоръ во время отпускной аудіенціи вручилъ имъ свою грамоту къ царю [1]).

Московское правительство, повидимому, болѣе вѣрило донесеніямъ своихъ посланниковъ и гонцовъ, чѣмъ утвержденіямъ императорскихъ дипломатовъ, продолжая требовать возстановленія „прежняго обыкновенія", т. е., чтобы императоры вручали московскимъ посламъ свои грамоты къ царямъ. Этой чертѣ посольскаго обряда придавали большое значеніе не только московскіе цари, но и германскіе императоры: первые упорно требовали включенія ея въ посольскій обрядъ императорскаго двора, соблюдавшійся по отношенію къ ихъ посламъ, вторые не менѣе упорно отказывали въ этомъ. Первые указывали на давность существованія того, чего требовали, вторые утверждали, что требуемаго отъ нихъ не было и въ XVI в.

Вообще московскіе послы тщательно слѣдили, чтобы ихъ принимали за границею такъ, какъ принимались иноземные послы въ Москвѣ. Отправленные въ 1679 г. къ императору московскіе послы потребовали, чтобы за ними присылали карету всякій разъ, какъ имъ надлежало ѣхать къ императорскому двору для переговоровъ, подобно тому, какъ императорскіе послы въ Москвѣ ѣздили во дворецъ для переговоровъ съ боярами въ присылаемыхъ отъ царскаго двора каретахъ. Московскимъ посламъ на такое требованіе отвѣтили, что „у всякого де Государя имѣются нѣкоторые особыя съ (въ?) посольскихъ поведеніяхъ чины, Цес. де Вел-во при великихъ всѣхъ Государей послѣхъ и посланникахъ стоитъ, а Цар. Вел-во сидитъ; Цес. Вел-во къ братье своей къ В. Г—ремъ свои Цес. Вел-ва грамоты подписываетъ своею рукою, а Цар. Вел-во

---

[1]) „Пам. дипл. сн." V, 651 и слѣд.

не подписываетъ"... Впрочемъ, о требованіи пословъ обѣщано было довести до свѣдѣнія императора. Послы, замѣтивъ, что иные великіе государи имѣютъ обычай сидѣть во время аудіенцій, а императоръ стоитъ по своей волѣ, отвѣтили, что „въ присылкѣ тѣхъ коретъ пристойно быть ихъ государской чести равенственной, какъ у Цар. Вел-ва Цес. Вел-ва посломъ бываетъ" [1]).

Соблюденіе въ Москвѣ такихъ обрядовъ при пріемѣ иноземныхъ пословъ, какіе практиковались въ западной Европѣ, естественно создало среди московскихъ дипломатовъ убѣжденіе, что московскій посольскій обрядъ подобенъ такому же обряду, соблюдавшемуся въ западной Европѣ. Въ 1658 г. въ Москву прибыли посланники венгерскаго короля, которые, послѣ аудіенціи у царя, заявили неудовольствіе на то, что царь спросилъ ихъ о здоровьѣ короля не снявъ короны, тогда какъ всѣ европейскіе государи спрашивали на аудіенціяхъ пословъ о здоровьѣ ихъ государей, снимая шляпы. Посланникамъ отвѣтили, что царь принимаетъ иноземныхъ пословъ и посланниковъ въ вѣнцѣ, котораго не снимаетъ даже въ церкви во время богослуженій, но если бы онъ принималъ пословъ въ шляпѣ, то, конечно, снималъ бы ее, спраспрашивая пословъ о здоровьѣ ихъ государей; васъ, говорили посланникамъ венгерскаго короля, царь принималъ такъ же, какъ императорскихъ пословъ, „ни чѣмъ не умаляя, и чинъ В. Г—ря Е. Цар. Величества таковъ же, какъ Цес. Величества при послѣхъ" [2]). Когда посланниковъ царя Алексѣя Михайловича въ Венеціи спросили, какъ они будутъ править посольство, „чтобы де намъ... вашъ московской чинъ вѣдать", посланники отвѣтили спросившему ихъ: „мы слова твои ставимъ себѣ въ подивленье, что ты говоришь: князя вашего и владѣтелей честныхъ городъ преславной и премудрой, изо всѣхъ окрестныхъ государствъ и немецкихъ рѣшъ приходятъ къ вамъ послы и посланники..., а ты намъ теперь говоришь такіе рѣчи, и спрашиваешь насъ искушаючи". Тщетно спросившій увѣрялъ московскихъ посланниковъ, что онъ предложилъ имъ вопросъ только потому, что московскіе послы и посланники въ Венеціи не бывали, и тамъ „нравовъ

[1]) Тамъ же, 1011.

[2]) Тамъ же, III, 835.

рускихъ и посолскихъ... чиновъ“ не знаютъ. Московскіе посланники ему „сказали тожъ противъ прежняго“ [1]). Вопросъ о московскомъ посольскомъ чинѣ показался московскимъ посланникамъ страннымъ, потому что свой посольскій обрядъ они считали тождественнымъ съ такими же обрядами другихъ государствъ, которы ене могли быть неизвѣстны въ Венеціи.

Какъ въ исходѣ XV в. въ Москвѣ было два посольскихъ обряда: одинъ—практиковавшійся въ сношеніяхъ съ государствами западной Европы, другой—для сношеній съ мусульманскими государями, такъ и въ XVII в. при московскомъ дворѣ по одному обряду принимались представители западно-европейскихъ государей, по другому—послы мусульманскихъ владѣтелей. Подьячій московскаго посольскаго приказа Котошихинъ, нарисовавъ одну картину пріема московскимъ государемъ пословъ западно-европейскихъ государей, рисуетъ иную картину пріема пословъ крымскихъ, ногайскихъ и калмыцкихъ. Послѣднихъ встрѣчалъ на границѣ приставъ, который сопровождалъ ихъ въ Москву, другихъ же встрѣчъ, какія устраивались для западно-европейскихъ пословъ, имъ не полагалось. Въ Москвѣ къ посламъ приставляли дворянина, и соотвѣтственно числу ихъ и свиты, пріѣхавшей съ ними, готовили шубы, кафтаны, однорядки, шапки и сапоги. Въ назначенный для аудіенціи у царя день къ посламъ отправляли съ царской конюшни лошадей и заготовленное платье, въ которое одѣвались послы и ихъ люди, послѣ чего ихъ отвозили въ посольскій приказъ. Здѣсь ихъ спрашивалъ думный дьякъ о причинѣ пріѣзда, осматривалъ привезенныя ими грамоты и докладывалъ о нихъ царю. По приказанію царя послы шли съ приставомъ во дворецъ. Царь ихъ принималъ въ повседневномъ одѣяніи и спрашивалъ о здоровьѣ ихъ государя сидя и не снимая шапки, послы же предъ нимъ кланялись въ землю и подавали грамоту, которую отъ нихъ принималъ и говорилъ имъ рѣчь отъ имени царя думный дьякъ. По приказанію царя съ пословъ снимали однорядки и возлагали на нихъ золотныя шубы. Послы подходили къ рукѣ царя, который не давалъ имъ ее цѣловать, но возлагалъ ее на головы ихъ. Посламъ давались кубки романеи и ковши меду, они пили и удалялись. Нѣкоторые послы, добавляетъ Котошихинъ,

[1]) Тамъ же, X, 1031.

выпивъ романею и медъ, забирали съ собою и кубки, поэтому „для такихъ безстыдныхъ пословъ“ нарочно въ Англіи заказывались мѣдные кубки и ковши, только посеребряные и позолоченные [1]).

Такимъ образомъ, въ московскомъ государствѣ практиковались два обряда пріема иноземныхъ пословъ: одинъ—при пріемѣ пословъ западно-европейскихъ государей, другой—для мусульманскихъ пословъ. Первый создался и развился на почвѣ сношеній московскаго государства съ европейскими державами, и въ основу его легла идея равенства и братства между государями. Въ этомъ заключалось его основное отличіе отъ посольскаго обряда азіатскихъ народовъ, въ которомъ выражалась другая идея—подчиненности и неравенства между государями. Не признавая подчиненности между независимыми государями, московскіе государи не только не представляются послѣдователями восточнаго посольскаго обряда въ томъ видѣ, какъ онъ практиковался у татаръ, персовъ и другихъ восточныхъ народовъ, но наоборотъ, насадителями западно-европейскаго посольскаго обряда, потому что соблюдали его въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми мусульманскими государями.

То обстоятельство, что въ числѣ первыхъ пословъ Іоанна III на Западъ Европы видимъ грековъ, прибывшихъ въ Москву съ Софьей Палеологъ, не свидѣтельствуетъ о византійскомъ вліяніи на образованіе московскаго посольскаго обряда. Прибывшіе въ Москву съ Софьей греки не были въ этомъ отношеніи проводниками византійскаго вліянія; московскій посольскій обрядъ, практиковавшійся въ сношеніяхъ съ западною Европою, не заключалъ въ себѣ чертъ византійскаго посольскаго обряда, но включалъ въ себѣ черты того обычая принимать пословъ, который существовалъ на Западѣ Европы. Греки, явившіеся въ Москву съ Софьей, играли роль московскихъ дипломатовъ болѣе чѣмъ 30 лѣтъ спустя послѣ паденія византійской имперіи. Они могли быть только свидѣтелями упадка ея и униженія; только лишь уроженцы второго Рима, они жили и, можно сказать, воспитались въ первомъ Римѣ; Софьины греки не сыграли видной роли въ Москвѣ, въ которой не они—представители павшаго второго Рима—увидѣли возрождавшійся третій Римъ. Ихъ видимъ

[1]) „О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича“, стр. 76 и слѣд., изд. 3.

только на первыхъ порахъ въ роли пословъ московскаго государя въ Италію, Германію, но и тутъ, на дипломатическомъ поприщѣ, ихъ вскорѣ замѣнили московскіе дипломаты.

Татарское иго, вообще отразившееся на жизни русской, и сношенія московской Руси съ народами Востока наложили только лишь извѣстный колоритъ на московскій посольскій обрядъ, который практиковался въ сношеніяхъ съ европейскими державами, но основныя черты этого обряда были такія же, какъ и на Западѣ Европы. Вліяніе татарское можно видѣть въ установившемся обычаѣ при московскомъ дворѣ, въ силу котораго послы западной Европы не допускались на аудіенцію къ царю при оружіи, равно какъ и московскіе послы, отправлявшіеся на Западъ Европы, получали приказаніе являться на аудіенціи къ государямъ безъ сабель [1]).

[1]) Плано-Карпини говоритъ, что пословъ предъ аудіенціей у хана обыскивали съ цѣлью убѣдиться, что они не имѣли при себѣ ножей („Собраніе путеш. къ татарамъ", 49, изд. Языкова); свидѣтельство Плано-Карпини подтверждается извѣстіемъ Рубруквиса (Deux voyages en Asie au XIII s., Guill. de Rubruquis, pag. 90, Paris, a. 1888). О существованіи при московскомъ дворѣ запрещенія являться на аудіенцію къ царю при оружіи говоритъ Петрей („Исторія о вел. княж. Моск.", стр. 358 и слѣд.). Его извѣстіе подтверждается Майербергомъ („Путешествіе въ Московію", стр. 63). О запрещеніи московскимъ посламъ являться на аудіенціи къ государямъ при сабляхъ говоритъ Котошихинъ (стр. 54, изд. 3); такія извѣстія подтверждаются „Памятниками дипломатическихъ сношеній" московской Руси съ иностранными государствами.

Глава VII.

Титулъ *царь*, впервые усвояемый себѣ Іоанномъ III, дѣлается постояннымъ титуломъ московскихъ государей при Іоаннѣ IV. Называя самихъ себя царями, московскіе государи, съ Іоанна IV, требовали, чтобы ихъ такъ титуловали и иностранные государи, съ которыми у нихъ были сношенія, указывая, въ случаяхъ непризнанія за ними кѣмъ либо изъ иностранныхъ государей царскаго титула, тѣ основанія, въ силу которыхъ ими былъ принятъ этотъ титулъ. Такимъ образомъ, отъ самихъ московскихъ царей мы узнаемъ, на чемъ основывали они свои права на царскій титулъ.

Слово *царь*, въ значеніи государь, извѣстно было на Руси значительно ранѣе того времени, когда стало титуломъ московскаго государя.

Однимъ изъ первыхъ изслѣдователей какъ происхожденія этого слова, такъ и времени приложенія его къ русскимъ князьямъ, можно назвать Д. И. Прозоровскаго. Указавъ на несостоятельность сужденій Татищева, Болтина, митрополита Евгенія, Карамзина и Лакіера о происхожденія слова *царь*, Прозоровскій высказалъ мнѣніе, что слово это образовалось изъ слова *Цесарь* [1]). Затѣмъ названный изслѣдователь отмѣтилъ случаи наиболѣе ранняго титулованія болгарами и сербами государей своихъ царями и указалъ, что русскіе князья называются царями въ памятникахъ значительно старѣе времени Іоанна III [2]). Въ 1892 г. проф. Соболевскій, по поводу мнѣнія проф. Дьяконова, будто названіе *царь* стало примѣняться къ московскимъ государямъ во второй половинѣ XV в. вслѣдствіе принятія греками флорентійской уніи и паденія Константино-

---

[1]) „О значеніи царскаго титула“ и т. д. въ „Извѣстіяхъ Имп. Рус. Археол. Об.“, т. VIII, вып. 3, стр. 197 и слѣд. Спб. 1877 г.

[2]) Тамъ же, вып. V, стр. 449 и слѣд.

поля, высказалъ свой взглядъ на происхожденіе слова *царь* и причину употребленія русскими памятниками второй половины XV в. этого слова какъ титула въ примѣненіи къ московскимъ государямъ [1]). Проф. Соболевскій подтверждаетъ мнѣніе Д. И. Прозоровскаго. Онъ говоритъ, что „слово *цѣсарь, цьсарь*, откуда у южныхъ Славянъ и у насъ *царь*,—слово, бывшее уже въ IX в. народнымъ болгарскимъ и означавшее вообще государя. Переводчики евангелія и другихъ церковныхъ книгъ постоянно употребляли это слово, когда рѣчь шла о государѣ, примѣняя его къ государямъ византійскимъ, еврейскимъ, персидскимъ и т. д. Вмѣстѣ съ книгами слово *царь*, въ значеніи государя, перешло отъ Болгаръ къ Сербамъ и къ Русскимъ и у тѣхъ и у другихъ быстро вошло въ живое употребленіе". Проф. Соболевскій указываетъ, что русскіе, по меньшей мѣрѣ съ XIII в., кромѣ византійскаго императора, называли царями почти всѣхъ тѣхъ государей, для которыхъ у нихъ не было изстари установившихся названій (король, князь): хановъ золотоордынскихъ, крымскихъ, казанскихъ, астраханскихъ, шемахинскихъ, сибирскихъ, турецкихъ султановъ, персидскихъ шаховъ, владѣтелей Грузіи и т. д.; царями же называли русскіе поселенныхъ въ Россіи (служилыхъ) татарскихъ хановъ. Вообще, по словамъ названнаго изслѣдователя, съ названіемъ *царь* въ старой Руси вовсе не связывалось представленіе о православномъ государѣ. Указавъ на наиболѣе ранніе по времени случаи примѣненій названія *царь* къ русскимъ князьямъ въ русскихъ памятникахъ XII в., проф. Соболевскій отмѣчаетъ, что русскіе памятники второй половины XV в. употребляютъ часто титулъ *царь* въ примѣненіи къ московскимъ великимъ князьямъ. Это обстоятельство, по мнѣнію его, находится въ связи не съ принятіемъ греками флорентійской уніи и не съ паденіемъ Византіи, но съ усиленіемъ у насъ южно-славянскаго вліянія черезъ посредство Аѳона. Въ южно-славянскихъ памятникахъ, говоритъ названный изслѣдователь, тотъ титулъ, которымъ русскіе стали съ XV в. надѣлять своихъ князей, примѣняется къ южно-славянскимъ государямъ: болгарскіе властители, начиная съ Симеона, именуются постоянно

[1]) Мнѣніе проф. Дьяконова въ диссертаціи его: „Власть московскихъ государей", 56 и слѣд.

царями; сербскіе государи, хотя не всѣ, пользуются этимъ же названіемъ; богослужебныя книги, исправленныя у южныхъ славянъ въ XIV в., въ молитвахъ о государѣ и въ другихъ мѣстахъ постоянно называютъ его царемъ. Первымъ писателемъ XV в., рѣшившимся назвать московскаго великаго князя царемъ, былъ, говоритъ проф. Соболевскій, кажется, Пахомій Сербъ; авторитетъ его, какъ писателя, въ глазахъ современниковъ былъ великъ, и примѣненіе названія *царь* къ московскому великому князю, сдѣланное имъ и подкрѣпленное богослужебными книгами, не могло быть оставлено безъ вниманія [1]).

Ни послѣ флорентійской уніи, ни послѣ паденія Византіи московскій великій князь не усвоилъ себѣ названія *царь*, хотя русская письменность, по мѣрѣ возростанія могущества его, все чаще и чаще примѣняла къ нему этотъ титулъ. Названіе *царь* сталъ усвоять себѣ впервые Іоаннъ III въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми иностранными государствами, однако не въ смыслѣ царя—хранителя православія, наслѣдника византійскихъ императоровъ, но государя по праву наслѣдства, независимаго отъ какой либо земной власти послѣ паденія татарскаго ига, властью своею никому, кромѣ Бога, не обязаннаго. Къ такому заключенію приводитъ взглядъ самого Іоанна III на свою власть, имъ самимъ высказанный.

Въ 1488 г. въ Москву явился съ дипломатическими порученіями отъ германскаго императора Фридриха III рыцарь Поппель, который говорилъ, будто слышалъ, что Іоаннъ III отправлялъ пословъ къ папѣ съ просьбой дать ему титулъ короля, но польскій король, узнавъ объ этомъ, просилъ папу не удовлетворять ходатайству московскаго государя. Поппель пояснилъ, что право давать титулъ короля принадлежитъ не папѣ, но римскому императору, причемъ предложилъ ходатайствовать предъ императоромъ о дарованіи королевскаго титула московскому государю; кромѣ этого Поппель предложилъ Іоанну III выдать дочь его за племянника императора. На первое предложеніе дьякъ Ѳедоръ Курицынъ отвѣтилъ Поппелю отъ имени Іоанна III: „Государь нашъ, Князь Великій, велѣлъ тебѣ говорити:... что еси намъ говорилъ о королевствѣ, если намъ

[1]) „Чтен. въ ист. Об. Нестора лѣтописца“, кн. VI, стр. 7 и слѣд.

любо отъ Цесаря хотѣти Кралемъ поставлену быти на своей землѣ, и мы Божіею милостію Государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, а просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и нашимъ дѣтемъ и до вѣка въ томъ быти, какъ есмя нынѣ Государи на своей землѣ, а постановленія, какъ есмя напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ" [1]). Отправляя въ слѣдующемъ 1489 г. посла своего грека Юрія Траханіота къ германскому императору, Іоаннъ III титулуетъ себя: „Божіею милостію Великій Государь всеа Руси, Володимерскій и Московскій" и т. д. На предложеніе, сдѣланное Поппелемъ Іоанну III, выдать дочь за императорскаго племянника маркграфа Альбрехта баденскаго, московскій посолъ получилъ наказъ дать такой

---

[1]) „Памятники дипл. сн." I, 10—12. Что слухамъ, будто Іоаннъ III просилъ у папы королевскій титулъ, въ Европѣ вѣрили, видно изъ грамоты папы Сикста IV, написанной въ 1484 г. королю польскому. Папа писалъ королю, что посолъ польскій передалъ ему слѣдующее: король знаетъ, что московскій государь отправилъ въ Римъ пословъ съ намѣреніемъ испросить для себя титулъ императора или короля всея Россіи (...Imperialem sive regalem dignitatem in tota Ruthenica natione...), поэтому король, обращая вниманіе папы на то, что дарованіе такого титула московскому государю представляется дѣломъ весьма важнымъ, проситъ папу отложить обсужденіе просьбы Іоанна III до тѣхъ поръ, пока не прибудутъ въ Римъ послы короля, спеціально для этого посылаемые; польскій посолъ передалъ Сиксту IV увѣренность своего государя въ томъ, что папа, отечески расположенный къ королю, отнесется къ домогательству московскаго государя, если оно дѣйствительно проявлено было (...Si ad nos (къ папѣ) ille (Іоаннъ III) miserit pro huiusmodi impetratione), вполнѣ обдуманно и выслушаетъ въ этомъ дѣлѣ всего прежде королевскихъ пословъ (Theiner, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, t. II, № 257. Romae, an 1861). Извѣстій о посольствѣ Іоанна III къ папѣ съ подобнымъ порученіемъ нѣтъ (Бантышъ-Каменскій, „Обзоръ внѣшн. снош. Россіи", II, 233; Pierling, La Russie ect. I, 202). И король польскій, какъ видно изъ словъ его посла, переданныхъ папѣ, не былъ увѣренъ, что Іоаннъ III обращался въ Римъ съ просьбой о пожалованіи его какимъ либо титуломъ. Нѣтъ основаній думать, что Іоаннъ III просилъ у папы императорскій или королевскій титулъ. Папская грамота, свидѣтельствующая, что слухамъ объ искательствѣ королевскаго титула Іоанномъ III въ Римѣ вѣрили и въ Польшѣ, обнаруживаетъ опасеніе польскаго короля, чтобы папа не далъ московскому государю титула императора или короля *всея Россіи*, что являлось бы санкціей собиранія московскимъ государемъ русскихъ земель.

отвѣтъ: „за того Маркрабія Государю нашему дати (свою дочи) не пригоже; занже Государь нашъ многимъ землямъ Государь есь Великій“ [1]). Въ случаѣ увѣреній со стороны дипломатовъ германскаго императора, что бракъ дочери московскаго государя съ маркграфомъ Альбрехтомъ не унизителенъ для чести ея отца, московскій посолъ долженъ былъ отвѣтить; „Государь нашъ, Великій Государь уроженый изначала отъ своихъ прародителей; а и наперед того отъ давнихъ лѣтъ прародители его по изначяльству были въ пріятельствѣ и въ любви съ передними Римскими Цари, которые Римъ отдали Папѣ, а сами царствовали въ Византіи, да и отецъ его, Государь нашъ, и до конца былъ съ ними въ братствѣ и въ пріятельствѣ и въ любви, и до своего зятя до Ивана Палеолога Римского Царя; ино такому Великому Государю какъ давати своя дочи за того Маркрабія?“ [2]). Въ случаѣ вопроса со стороны дипломатовъ императорскихъ, не выдастъ ли Іоаннъ III свою дочь за сына императора, московскій посолъ долженъ былъ подать надежду на успѣхъ такого сватовства: „Цесарь и сынъ его Максиміанъ Государеве Великіе, а нашъ Государь Великій жъ Государь; и коли пошлетъ Цесарь къ нашему Государю о томъ дѣлѣ своего человѣка, и язъ надѣюся, что Государь нашъ съ Цесаремъ то дѣло хочетъ дѣлати“ [3]).

Смыслъ рѣчей, наказанныхъ Іоанномъ III своему послу, ясенъ: московскій государь такой же могущественный государь, какъ и императоръ, потому что владѣетъ многими землями по наслѣдству отъ предковъ своихъ; предки Іоанна III были въ дружбѣ еще съ тѣми римскими императорами, которые, отдавъ Римъ папѣ, царствовали въ Византіи, и дружба эта продолжалась между отцомъ Іоанна III и зятемъ его Іоанномъ Палеологомъ, византійскимъ императоромъ [4]), поэтому бракъ дочери московскаго государя съ маркграфомъ унизителенъ для чести перваго.

---

[1]) „Пам. дипл. сн.“ I, 17.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, 18.

[4]) Дочь вел. кн. московскаго Василія I Димитріевича Анна, выданная въ 1411 г. замужъ за Іоанна Палеолога, сына византійскаго императора Мануила Палеолога, скончалась въ 1417 г. Іоаннъ вступилъ на византійскій престолъ послѣ ея смерти въ 1420 г. (Muralt „Essai de chronographie Byzantine“, pag. 793, 800, 804, Спб. 1871 г.).

Іоаннъ III не написалъ себя царемъ въ грамотѣ къ германскому императору, и сынъ послѣдняго, король римскій Максимиліанъ, не называлъ Іоанна III царемъ [1]); также и Іоаннъ III въ сношеніяхъ съ Максимиліаномъ не усвоялъ себѣ царскаго титула [2]). На подписи грамоты эрцгерцога Филиппа, сына короля римскаго Максимиліана, Іоаннъ III и сынъ его Василій названы царями, но въ текстѣ грамоты Іоаннъ III царемъ не названъ [3]); въ своихъ отвѣтныхъ грамотахъ Филиппу Іоаннъ III и сынъ его также не титулуютъ себя царями [4]). Въ записанныхъ въ посольской книгѣ рѣчахъ пословъ короля Максимиліана къ Іоанну III послѣдній нѣсколько разъ названъ царемъ [5]), но въ отвѣтахъ на эти рѣчи отъ имени его царемъ не называется [6]). Въ нѣкоторыхъ дипломатическихъ донесеніяхъ грека Юрія Траханіота съ товарищемъ, писанныхъ къ Іоанну III, послѣдній названъ царемъ [7]), въ нѣкоторыхъ же только великимъ княземъ [8]). Называлъ себя царемъ Іоаннъ III въ сношеніяхъ съ Любекомъ, Нарвою, Ревелемъ и магистромъ Ливоніи [9]), но не усвоялъ себѣ царскаго титула въ грамотахъ къ герцогамъ мекленбургскому и саксонскому [10]). Въ договорной грамотѣ датскаго короля Іоанна, писанной въ 1493 г., Іоаннъ III названъ императоромъ (Cum illustrissimo et potentissimo domino Iohanne totius Rutzsie imperatore, magno Duce Validmorie, Moscovie...) [11]). Въ сношеніяхъ съ польскими и литовскими го-

---

[1]) „Пам. дипл. сн.“ I, 27, 66, 68, 70, 108, 110, 116, 117, 118, 127, 140.

[2]) Тамъ же, I, 35, 37, 38, 78—81, 83—86, 110, 119, 122, 123.

[3]) Тамъ же, I, 128—129.

[4]) Тамъ же, I, 135, 137.

[5]) Тамъ же, I, 73, 77, 129, 131.

[6]) Тамъ же, I, 78—82.

[7]) Тамъ же, I, 64, 105, 115.

[8]) Тамъ же, I, 49, 62, 99, 102, 104. Названъ также царемъ Іоаннъ III въ донесеніи другого его дипломата грека—Димитрія Ларева (С. Р. И. Об. т. 41, стр. 519).

[9]) Тамъ же, I, 46, 47, 59—61, 87, 96—98, 114.

[10]) С. Г. Г. и Д. V, №№ 19 и 20.

[11]) Тамъ же, V, стр. 129. Быть можетъ, названіе Imperator въ данномъ случаѣ переводъ слова „обладатель“ (повелитель); объ этой грамотѣ см. у Ю. Н. Щербачева „Датскій Архивъ“, въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др.“, 1893 г., кн. I, стр. 1.

сударями Іоаннъ III называлъ себя великимъ княземъ [1]); такой же титулъ давался и ему со стороны названныхъ государей [2]). Отправляя въ 1493 г. посла своего Димитрія Загряжскаго къ великому князю литовскому Александру, Іоаннъ III впервые въ грамотѣ своей къ нему назвалъ себя великимъ княземъ „всея Русіи“ и велѣлъ послу своему такъ титуловать себя въ рѣчахъ къ литовскому великому князю. Въ случаѣ вопроса со стороны кого либо при литовскомъ дворѣ, почему Іоаннъ III титулуетъ себя такъ, какъ никто изъ его предковъ и какъ самъ онъ не титуловалъ себя ранѣе въ сношеніяхъ съ литовскимъ великимъ княземъ, московскому послу наказано было отвѣтить: „государь мой со мною такъ приказалъ, а хто хочетъ то вѣдати, и онъ поѣдь на Москву, тамъ ему про то скажутъ“ [3]). Іоаннъ III упорно добивался признанія новаго его титула со стороны великаго князя литовскаго [4]). Право называться государемъ всея Руси Іоаннъ III основывалъ на томъ, что „вся Русскаа земля, Божьею волею, изъ старины, отъ нашихъ прародителей, наша отчина“ [5]). Въ сношеніяхъ съ княземъ Конрадомъ мазовецкимъ Іоаннъ III называетъ себя только государемъ всея Руси и великимъ княземъ [6]), также не назвалъ его царемъ и князь мазовецкій въ грамотѣ своей къ нему, но посолъ мазовецкій въ рѣчи своей къ Іоанну III титуловалъ его царемъ [7]). Въ сношеніяхъ съ крымскимъ ханомъ Іоаннъ III писалъ себя „князь великій“ [8]) или „Б. м. единъ правой государь всеи Русіи отчичь и дѣдичь и инымъ многимъ землямъ отъ сѣвера и до востока государь“ [9]), и крымскій ханъ титуловалъ Іоанна III великимъ кня-

---

[1]) С. И. Р. И. Об. т. 35, стр. 6—9, 13, 18, 22—25, 40—43, 52 и т. д.

[2]) Тамъ же, стр. 14, 19, 34, 47, 53, 57, 72 и т. д.

[3]) Тамъ же, стр. 80—82 и слѣд.

[4]) Тамъ же, №№ 22, 24, 31, 36, 40, 53, 56, 61, 63, 67, 75. См. изслѣдованіе Г. Ѳ. Карпова „Исторія борьбы Московскаго Государства съ Польско-литовскимъ“ въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р.“ 1866 г., кн. IV, стр. 10 и слѣд. 115 и слѣд., 153.

[5]) Тамъ же, стр. 380.

[6]) Тамъ же, стр. 95 и слѣд.

[7]) Тамъ же, стр. 90 и 91.

[8]) С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 1—5, 12, 15 и т. д.

[9]) Тамъ же, стр. 161, 184, 189, 212.

земъ [1]). Въ сношеніяхъ съ ногайскимъ и казанскимъ царями Іоаннъ III также титуловалъ себя великимъ княземъ [2]), и ногайскій и казанскій цари называли Іоанна III великимъ княземъ [3]). Не усвоялъ себѣ Іоаннъ III царскаго титула въ сношеніяхъ съ турецкимъ и кафинскимъ султанами, называясь „государемъ всея Руси и великимъ княземъ" [4]), и султаны турецкій и кафинскій не называли Іоанна III царемъ [5]). Въ грамотѣ къ князю таманскому Захарію Іоаннъ III называетъ себя царемъ [6]), но Захарій въ грамотѣ къ Іоанну III не титулуетъ его царемъ [7]).

Далеко не всегда писался царемъ и Василій III. Въ 1506 г. пріѣхалъ въ Москву посолъ римскаго короля Максимиліана съ грамотою на имя Іоанна III [8]). Грамота отъ Максимиліана возбудила неудовольствіе Василія III только потому, что въ написанномъ въ ней титулѣ Іоанна III не были перечислены всѣ подвластныя ему земли [9]). Іоаннъ III въ этой грамотѣ названъ былъ „великимъ княземъ и господиномъ всея Русіи" [10]), но посолъ Максимиліана титуловалъ Василія III царемъ [11]). Московскіе дипломаты, ведшіе съ названнымъ посломъ переговоры отъ имени Василія III, называли послѣдняго „Б. м. государемъ всея Русіи и великимъ княземъ" [12]), также и Василій III въ грамотѣ своей къ Максимиліану не титуловалъ себя царемъ [13]), какъ и въ грамотахъ, писан-

---

[1]) Тамъ же, стр. 104—107, 110, 121—125, 150 и т. д.

[2]) Съ первымъ—тамъ же, стр. 83, 84, 95, 96, 199; со вторымъ—тамъ же, стр. 85—86, 92, 93, 96, 97, 130 и т. д.

[3]) Первый—тамъ же, стр. 81, 198, одинъ разъ—только княземъ (стр. 94); второй—тамъ же, стр. 92, 131, 207.

[4]) Съ первымъ—тамъ же, стр. 162, 233, 281; со вторымъ—тамъ же, стр. 231, 232, 280, 290, 293, 399, 429.

[5]) Первый—тамъ же, стр. 244, 245, 247, 289, 391; второй—289, 391, 452.

[6]) Тамъ же, стр. 41, 72; безъ царскаго титула—стр. 77.

[7]) Тамъ же, стр. 72.

[8]) По объясненію королевскаго посла имя Іоанна III вписано было въ грамоту писцомъ по ошибкѣ, такъ какъ Максимиліану было извѣстно, что Іоаннъ III уже скончался („Пам. дипл. сн." I, 145).

[9]) „Пам. дипл. сн." I, 145.

[10]) Тамъ же, 140.

[11]) Тамъ же, 141.

[12]) Тамъ же, 144—146; только государемъ—147.

[13]) Тамъ же, 148.

ныхъ Максимиліану же по избраніи послѣдняго императоромъ [1]). Въ грамотѣ, написанной Василію III въ 1514 г, императоръ Максимиліанъ назвалъ послѣдняго цесаремъ [2]). Вслѣдствіе этого, повидимому, когда въ 1517 г. явился въ Москву посолъ Максимиліана баронъ Герберштейнъ, московскіе дипломаты стали называть въ рѣчахъ къ нему своего государя царемъ [3]); упоминая отца Василія III, московскіе дипломаты и его титуловали царемъ [4]). Герберштейнъ въ рѣчи къ Василію III и въ запискахъ, имъ поданныхъ московскимъ боярамъ, называлъ его и царемъ [5]), и только государемъ, часто съ прибавленіемъ „великій" [6]), и „наияснѣйшимъ начальникомъ" [7]), но императоръ въ этотъ разъ въ своихъ грамотахъ къ Василію III назвалъ его только „наияснѣйшимъ начальникомъ" [8]). Тѣмъ не менѣе, отправляя своего посла въ 1518 г. къ императору Максимиліану, Василій III впервые снабдилъ посла наказомъ титуловать себя царемъ въ рѣчахъ, которыя посолъ долженъ былъ говорить императору [9]), и въ грамотѣ къ императору назвалъ себя царемъ [10]). Но императоръ и въ этотъ разъ въ отвѣтной грамотѣ къ Василію III не написалъ его царемъ [11]), и, какъ видно изъ статейнаго списка московскаго посла, ни императоръ, ни дипломаты его въ рѣчахъ къ послу не называли государя его царемъ [12]). Изъ послѣдующихъ

---

[1]) Тамъ же, 152, 156.

[2]) Тамъ же, 1504—1506, 1508; объ этой грамотѣ въ „Пам. дипл. сн." II, 1431 и слѣд. Причина названія Василія III цесаремъ со стороны германскаго императора изъяснена въ статьяхъ проф. Бауэра (Ж. М. Н. Пр. 1870 г. № 3, стр. 78 и слѣд.) и г. Писаревскаго („Къ исторіи сношеній Россіи съ Германіей въ началѣ XVI в." въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос." 1895 г., кн. II, стр. 4 и слѣд.

[3]) „Пам. дипл. сн." I, 194, 195, 203—205, 208, 214—216, 223—226, 233—237 и т. д.

[4]) Тамъ же, 209, 213, 214, 225, 286, 287 и т. д.

[5]) Тамъ же, 216, 220, 222, 229, 230, 232.

[6]) Тамъ же, 206, 208—210, 212 и т. д.

[7]) Тамъ же, 243—245, 252, 253 и т. д.

[8]) Тамъ же, 217, 310.

[9]) Тамъ же, 315, 316, 320, 322.

[10]) Тамъ же, 316.

[11]) Тамъ же, 341.

[12]) Тамъ же, 343—356.

по времени памятниковъ дипломатическихъ сношеній Василія III съ германскимъ императоромъ видно, что хотя московскій государь продолжалъ называть себя царемъ [1]), однако императоръ не титуловалъ его такъ [2]), равнымъ образомъ и императорскіе послы только нѣсколько разъ назвали Василія III царемъ [3]), обыкновенно же называли его: государемъ, великимъ государемъ, великимъ княземъ, напяснѣйшимъ начальникомъ [4]), на что Василій III не изъявлялъ никакого протеста и признанія за собою царскаго титула со стороны императора не требовалъ.

Въ сношеніяхъ съ польско-литовскимъ государствомъ Василій III не называлъ себя царемъ [5]) и, какъ онъ не усвоялъ себѣ царскаго титула въ сношеніяхъ съ польско-литовскимъ государемъ, такъ и послѣдній не называлъ его царемъ [6]).

Въ сношеніяхъ съ крымскимъ ханомъ Василій III, подобно отцу своему, не употреблялъ царскаго титула [7]), и крымскій ханъ въ своихъ грамотахъ къ Василію III не называлъ его царемъ [8]).

---

[1]) Тамъ же, 357—359, 361, 374—381, 390—393, 399, 402 и т. д.

[2]) Тамъ же, 362, 370.

[3]) Тамъ же, 388, 414, 439.

[4]) Тамъ же, 381, 382, 384, 387, 388, 394—400, 406, 408, 415, и т. д., 457—462, 465, 466, 470, 471, 476.

[5]) С. И. Р. И. Об. т. 35, стр. 500, 507, 555, 592, 601, 606, 611, 618, 637, 643, 678 и т. д. Подъ 1517 г. въ посольской книгѣ польскаго двора записаны рѣчи московскихъ бояръ, сказанныя отъ имени Василія III Герберштейну, въ которыхъ Василій III называется царемъ; непосредственно за этими рѣчами вписаны рѣчи московскихъ же бояръ къ польскимъ посламъ, но въ этихъ рѣчахъ Василій III не называется царемъ (тамъ же, стр. 506 и слѣд.). Въ 1526 г. послѣ аудіенціи, данной Василіемъ III одновременно посламъ папы, императора и польско-литовскимъ, бояре говорили всѣмъ имъ поочередно рѣчи, въ которыхъ называли Василія III царемъ (тамъ же, стр. 718 и слѣд.). Это единственный разъ, когда въ отвѣтѣ польско-литовскимъ посламъ Василій III названъ былъ боярами его царемъ, потому, должно быть, что боярами передавался отвѣтъ Василія III при послахъ папы и императора, предъ которыми, въ присутствіи польско-литовскихъ, Василій назывался царемъ.

[6]) Тамъ же, стр. 505, 575, 598, 605, 608, 624, 674 и т. д.

[7]) С. И. Р. И. Об. т. 95, стр. 56, 132, 178, 180, 191, 255, 256 и т. д., 456, 459, 477, 480 и т. д.

[8]) Тамъ же, стр. 19, 21, 22, 25—30, 70, 75, 76 и т. д., 148—150 и т. д. 509, 521 и т. д.

Точно также въ грамотахъ къ турецкому султану Василій III не писалъ себя царемъ [1]), и турецкій султанъ не титуловалъ его такъ [2]). Въ сношеніяхъ съ ногайскими мурзами Василіемъ III не употреблялся царскій титулъ [3]), и мурзы не называли его царемъ [4]).

Въ грамотахъ къ датскому королю Василій III писалъ себя царемъ [5]), и датскій король признавалъ за нимъ этотъ титулъ [6]). Въ сношеніяхъ съ магистромъ прусскаго ордена Василій III писалъ себя въ грамотахъ къ нему царемъ, и московскіе дипломаты въ рѣчахъ къ магистру и посланникамъ его титуловали государя своего царемъ [7]). Также и магистръ въ своихъ грамотахъ къ Василію III и посланники его въ рѣчахъ, которыя говорили московскому государю, называли его царемъ [8]). Въ 1519 г. магистръ прусскаго ордена сообщилъ Василію III чрезъ своего посла Дитриха Шонберга, что у него былъ папскій посолъ, который говорилъ о миссіи своей составить союзъ изъ всѣхъ христіанскихъ государей для борьбы съ турецкимъ султаномъ [9]). Папа, доносилъ со словъ папскаго посла магистръ Василію III, желаетъ „его и всѣхъ людей Русскіе земли приняти въ единачство и согласье римскіе церкви, не умаляя и не премѣняя ихъ добрыхъ обычаевъ и законовъ... А наяснѣйшаго и непобѣдимѣйшаго царя всеа Русіи хочетъ короновати въ кристьянского царя, и того папа отъ серца желаетъ... А отъ того папа не проситъ ничего прибытка, но толко хочетъ хвалы Божьей и соединеніе христовѣрныхъ, и чтобы свершеннѣе то дѣло противъ турскаго впередъ шло“ [10]). Въ случаѣ, писалъ

---

1) Тамъ же, стр. 85, 106, 335, 426, 619, 683.

2) Тамъ же, стр. 95, 236, 673.

3) Тамъ же, стр. 1, 3—6, 9, 10, 15, 16.

4) Тамъ же, стр. 10, 11—14.

5) „Рус. Ист. Библ.“ т. XVI, №№ 1, 3, 5, 6, 7, 8 и т. д.

6) Ю. Н. Щербачева „Датскій Архивъ“ въ „Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др.“ 1893 г., кн. I, стр. 4.

7) С. И. Р. И. Об. т. 53, стр. 7, 11, 19—21, 25—27, 37—39, 41, 50, 51, 52 и т. д., 220, 229, 237, 240, 251, 252.

8) Тамъ же, стр. 6—10, 15—17, 21—23, 34, 35, 37, 42, 43—50 и т. д., 192—194, 204, 226, 231, 245.

9) Объ этомъ посольствѣ у Pierling'a въ La Russie et le Saint-Siège, I, 265

10) С. И. Р. И. Об. т. 53, стр. 85 и слѣд.

магистръ Василію III, если бы онъ пожелалъ „за свою отчину костянтинополскую стояти и онъ имѣетъ нынѣ пригоденъ путь да и помочь, что ни за сто лѣтъ отъ сѣхъ мѣстъ наслѣдники костянтинополскіе не имѣли“... [1]). Василій III отвѣтилъ чрезъ своихъ бояръ Шонбергу, что императоръ германскій, извѣстивъ его о союзѣ, имъ заключенномъ со многими государями для борьбы противъ турецкаго султана, предложилъ ему заключить перемиріе съ польскимъ королемъ, на что онъ далъ уже отвѣтъ императору; кромѣ этого Василій III велѣлъ сказать Шонбергу, что намѣренъ быть и впредь союзникомъ магистра [2]). Не получивъ отвѣта на всѣ переданныя Василію III предложенія, Шонбергъ сказалъ боярамъ: „въ моемъ посолствѣ много статей было, а вы отъ великого князя говорили мнѣ двѣ главизны, да много язъ говорилъ“ [3]). Не получивъ опять отвѣта, Шонбергъ заявилъ, „что онъ свое посолство говорилъ совѣтникомъ, да на то на все отъ совѣтниковъ отвѣта не воспринялъ, ни пакъ разумѣти можетъ, что великому князю мѣшаетъ взяти перемирье (съ польскимъ королемъ) для общаго христіянского добра противу христіянского врага Турка, *кой држитъ наслѣдіе царя всеа Русіи*“ [4]). Ему отвѣтили бояре, что „*князъ велики хочетъ вотчины своее земли Русскіе*... [5]). Шонбергъ указываетъ московскому государю на его „костянтинополскую отчину“, [6]), а бояре московскіе ему говорятъ, что Василій III „хочетъ вотчины своее земли Русскіе“... Отвѣта на предложенную церковную унію и на выраженное папою желаніе вѣнчать на царство московскаго государя Шонбергъ въ Москвѣ не получилъ. Въ томъ же 1519 году было отправлено посольство Василіемъ III къ магистру прусскому съ отвѣтомъ на предложенія Шонберга. Въ случаѣ, если бы магистръ спросилъ московскаго посла, не пожелаетъ ли Василій III „съ папою быти въ единачествѣ и въ согласьѣ о законѣ“, посолъ долженъ былъ ска-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же, стр. 88 и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 89.

[4]) Тамъ же, стр. 91.

[5]) Тамъ же, стр. 92.

[6]) Тамъ же, стр. 86.

зать, что государь его „и впередъ, зъ Божіею волею, законъ свой греческой хочеть крѣпко держати“ [1]). Соглашаясь помириться съ польскимъ королемъ, если послѣдній возвратитъ ему его „отчину“— русскую землю, и примкнуть къ союзу христіанскихъ государей, направленному противъ турецкаго султана, Василій III не только не называетъ Византію своимъ наслѣдіемъ или отчиною, но и совсѣмъ не упоминаетъ о ней; онъ не думаетъ, кому должна она достаться въ случаѣ успѣшной войны противъ турокъ; одна у него забота: возвратить себѣ, кромѣ отвоеваннаго Смоленска, другіе русскіе города—„отчину“ свою, которые принадлежали еще въ то время литовскому государю [2]).

Посолъ Василія III къ магистру прусскому, отправленный въ началѣ апрѣля 1519 г. изъ Москвы, долженъ былъ на вопросъ магистра, желаетъ ли московскій государь быть въ сношеніяхъ съ папою, отвѣтить утвердительно [3]). Въ сентябрѣ того же 1519 г. изъ Рима была послана грамота папы Льва X къ Василію III. Въ этой грамотѣ великій князь названъ: Nobilis vir, dux Moscoviae et Russiae princeps [4]). Такъ же титулуется московскій государь въ

1) Тамъ же, стр. 118.

2) Тамъ же, стр. 105 и слѣд.

3) Тамъ же, стр. 118. Очеркъ сношеній Рима съ Москвою при вел. кн. Василіи III въ статьѣ Ѳ. И. Успенскаго: „Сношенія Рима съ Москвой“ въ Ж. М. Н. Пр., 1884 г., августъ, стр. 374.

4) Histor. Rus. monum., собран. А. И. Тургеневымъ, I, стр. 128 и въ изд. прот. Григоровича: „Переписка папъ съ рос. государями въ XVI в.,“ стр. 3, Спб. 1834. Прот. Григоровичъ приводитъ въ русскомъ переводѣ болѣе раннюю по времени грамоту папы Льва X къ Василію III, написанную въ 1518 г., и наказъ, данный папскому легату Шонбергу, напечатанные имъ по списку изъ библіотеки графа Н. П. Румянцева. Въ грамотѣ московскій государь титулуется: „благородный мужъ Василій, великій и державнѣйшій князь всея Руссіи и Московіи“, а въ наказѣ папскому легату велѣно было передать Василію III, что за принятіе флорентійской уніи ему будетъ данъ папою королевскій титулъ (назв. изд., прим. 1 на стр. 95). Прот. Григоровичъ, указавъ на отсутствіе извѣстій объ этомъ посольствѣ въ лѣтописяхъ русскихъ, замѣчаетъ, что посольство это не имѣло никакого успѣха и предполагаетъ, что Василій III не отвѣтилъ папѣ (тамъ же, стр. 99). О. Пирлингъ говоритъ, что доминиканецъ Шонбергъ, на котораго была возложена въ Римѣ миссія въ Москву, задержанъ былъ въ Польшѣ, выполнилъ же ее отецъ его—тевтонскій рыцарь Шонбергъ (Papes et Tsars, 12. Посольство къ Василію III рыцаря Шонберга изложено выше).

грамотѣ къ нему отъ папы Климента VII въ 1524 г. [1]). Въ отвѣтной грамотѣ къ папѣ, написанной въ 1525 г., Василій III титуловалъ себя: Magnus Dux Basilius, Dei gratia Imperator et Dominator totius Russiae... [2]). Такъ же написанъ титулъ Василія III и въ другой его грамотѣ къ папѣ Клименту VII [3]).

---

[1]) Назв. изд. прот. Григоровича, стр. 9. Папа между прочимъ писалъ Василію III: Intelliges, et re ipsa experiere, nos tantam gerere Tui honoris et Tuae amplificandae dignitatis curam... (тамъ, стр. 15). На это обѣщаніе Василій III ничего не отвѣтилъ (тамъ же, стр. 19—21; объ этомъ посланіи Климента VII см. у Pierling'a, La Russie et le Saint-Siège, I, стр. 291). Только съ княжескимъ титуломъ написано было въ ноябрѣ 1525 г. папское бревэ къ Василію III; въ этомъ бревэ Климентъ VII обѣщалъ Василію III, „если состоится желаемое соединеніе (desiderata conjunctio)", позаботиться о возвеличеніи его сана и достоинства (Theiner, Vetera mon. Poloniae et Lithuaniae, t. II, № 460). Передача этого бревэ Василію III возложена была на епископа Іоанна Франциска (объ этой миссіи см. у о. Пирлинга, La Russie ect. I, 298).

[2]) Прот. Григоровичъ переводитъ: „Великій государь Василій, Б. м. царь и самодержецъ"... (назв. изд. стр. 19).

[3]) Назв. изд. прот. Григоровича, стр. 25. Герберштейнъ передаетъ, что Василій III въ сношеніяхъ съ папою называлъ себя царемъ: Se Regem et Dominum totius Russiae vocat (Rerum Moscoviticarum Commentarii, ed. 1556 an., pag. 18; подъ „regem" Герберштейнъ разумѣлъ „царь", но не король, что видно изъ его словъ: Czar Rhutenica lingua regem significat (ibid., pag 16). Опровергая существовавшее мнѣніе, будто московскій государь домогался царскаго титула отъ папы или отъ императора, Герберштейнъ пришелъ къ заключенію, что московскій государь самъ Se et regem et imperatorem facit (ibid., pag 18). Онъ же говоритъ, что тщательно разыскивалъ причину названія московскаго государя „бѣлымъ царемъ" и часто, при удобномъ случаѣ, говорилъ московскимъ боярамъ, что императоръ не признаетъ за нихъ государемъ царскаго титула. Причины названія московскаго государя „бѣлымъ царемъ" Герберштейну не могли указать, но *Plerique* (въ числѣ нихъ и московскіе бояре?) *hanc Regii nominis rationem esse putabant, quod sub imperio suo reges haberet: Albi vero rationem nullam habebant*.. (ibid., pag 16). Интересный взглядъ на причину усвоенія царскаго титула сыномъ Софьи Палеологъ! Такой же взглядъ на причину усвоенія царскаго титула, но только другимъ государемъ—Іоанномъ IV, высказалъ въ XVII в. Котошихинъ: „Великій князь Иванъ Васильевичъ Московскій, Гордый, со многими своими князи и зъ боляры, ходилъ войною со многими войски подъ Казанское, и Астараханское, и Сибирское царствы; и Божіимъ изволеніемъ, плѣнилъ тѣхъ царствъ царей, съ ихъ государствы и зъ землями... И съ того времени учинился онъ великій князь надъ Московскимъ государствомъ, и надъ тѣ[ми] взятыми царствы, и надъ прежними княжствы, царемъ и великимъ княземъ Иваномъ

Ни дѣдъ, ни отецъ Іоанна IV не требовали признанія за ними царскаго титула со стороны тѣхъ государей, съ которыми имѣли сношенія. Первый потребовалъ такого признанія Іоаннъ IV. Въ 1576 г. въ Москву явилось посольство германскаго императора; Іоанна IV, короновавшагося царскимъ вѣнцомъ и впервые начавшаго усвоять себѣ царскій титулъ по отношенію къ своимъ подданнымъ, бояре и приставленныя къ императорскимъ посламъ лица титуловали въ рѣчахъ, которыя держали къ посламъ, царемъ [1]), между тѣмъ въ грамотахъ императора Максимиліана II и брата его Карла австрійскаго Іоаннъ IV не былъ названъ царемъ [2]). Въ письменномъ изложеніи цѣли своего посольства, поданномъ Іоанну IV, послы германскіе также не называли его царемъ [3]). Цѣль посольства заключалась въ томъ, чтобы склонить царя оказать содѣйствіе сыну императора въ достиженіи польской короны и привлечь его къ союзу христіанскихъ государей противъ Турокъ. За это императоръ обѣщалъ Іоанну IV содѣйствіе свое, папы и другихъ государей въ томъ, чтобы „все Цесарство Греческое на всходъ солнца" принадлежало ему, такъ что московскій государь „за всходного Цесаря отъ Его Цесарскіе Милости и святаго папы Римского, а на досталь ото всего Хрестьянства навѣки былъ честенъ и славенъ..." [4]). Іоаннъ IV принялъ предложеніе императора присоединиться къ союзу съ нимъ и другими государями, дабы „на всякихъ недруговъ стоять всѣмъ имъ заодинъ" [5]), изъявилъ согласіе помогать сыну императора въ достиженіи имъ не только польской ко-

Васильевичемъ всеа Русіи; и таковымъ обычаемъ въ Російской землѣ началося царствованіе" (стр. 1, изд. 3-е. См. объ этомъ извѣстіи Котошихина въ изслѣдованіи проф. Маркевича „Г. К. Котошихинъ и его сочиненіе о московскомъ государствѣ", стр. 92 и слѣд.; сравн. мнѣніе А. Н. Пыпина въ „Вѣстникѣ Европы", 1896 г., сентябрь, стр. 278). Другой современникъ царя Алексѣя Михайловича—архидіаконъ Павелъ Алеппскій—передаетъ, что Іоаннъ IV принялъ царскій вѣнецъ по совершеніи „славныхъ дѣяній", въ числѣ которыхъ называетъ завоеваніе Казани и Астрахани („Чтен. Моск. Об. Ист. и Др.", 1898 г., кн. 3, стр. 62).

[1]) „Пам. дипл. сн.", I, 485, 490, 492, 495, 496 и т. д.

[2]) Тамъ же, стр. 515 и 517.

[3]) Тамъ же, 518—532.

[4]) Тамъ же, 529.

[5]) Тамъ же, 565.

роны, но и великаго княжества литовскаго, если только послѣднее не пожелаетъ быть подъ его властью, и если послы императорскіе въ Москвѣ заключатъ договоръ о нѣкоторыхъ порубежныхъ дѣлахъ [1]), но отвѣта на предложеніе „Цесарства Греческаго" и титула „всходного Цесаря" не далъ. Въ отвѣтѣ императорскому посольству московскіе дипломаты, по обыкновенію, повторили всѣ предложенія императора, сдѣланныя Іоанну IV, въ числѣ ихъ и предложеніе „Царства Греческаго на всходъ солнца" [2]), но отвѣта на это предложеніе не дали, если не считать косвеннымъ согласіемъ на него изъявленную Іоанномъ IV готовность примкнуть къ союзу съ германскимъ императоромъ и другими государями. Императорское посольство просило у Іоанна IV охранной грамоты для толмача, который привезъ бы царю отъ императора „царская коруна и иные дорогіе узорочья" [3]), но Іоаннъ IV оставилъ и это предложеніе безъ отвѣта.

Отправляя въ 1576 г. отвѣтное посольство къ императору (князя Сугорскаго и дьяка Арцыбашева), Іоаннъ IV наказалъ своимъ посламъ въ случаѣ, если совѣтники императора не будутъ называть его царемъ, говорить, что еще въ грамотахъ отъ императора Максиміліана I къ Василію III послѣдній именованъ былъ царемъ, Іоанну же IV „свыше того многіе великіе особные Царства... Богъ поручилъ, и Государю нашему какъ своего имяни отступиться?—и Цесарь бы Максиміліянъ имяни Государя нашего Царскаго Величества тѣмъ не безчестилъ, а велѣлъ писать съ Царскимъ имянемъ по прежнему обычаю, какъ въ прежнемъ докончаньѣ было дѣду Государя вашего Максиміліяну Цесарю со Государя нашего, Царя и Великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи, отцомъ, блаженные памяти съ Великимъ Государемъ, Царемъ Васильемъ Ивановичемъ, и вы того посмотрите въ Государя своего въ прежнюю, въ докончалную грамоту, и вамъ про то будетъ извѣстно; а Государь нашъ, Царь и Великій Князь цесарева имени ни чѣмъ не уменшиваетъ, пишетъ къ нему о всемъ по его маистату" [4]). Ссылаясь на договорную грамоту между императоромъ

---

[1]) Тамъ же, 566.

[2]) Тамъ же, 554.

[3]) Тамъ же, 539.

[4]) Тамъ же, 604 и слѣд.

Максимиліаномъ I и отцомъ его, Іоаннъ IV имѣлъ въ виду грамоту 1514 г., въ которой Максимиліанъ I называлъ Василія III цесаремъ, и на которую впослѣдствіи ссылался Петръ I въ доказательство правъ своихъ на титулъ императора [1]). Доказательства правъ Іоанна IV на царскій титулъ, которыя должны были представить московскіе послы, являются вполнѣ убѣдительными: если отецъ Іоанна IV признанъ былъ царемъ со стороны германскаго императора, то Іоаннъ IV, имѣвшій еще болѣе правъ на царскій титулъ по сравненію съ отцомъ его вслѣдствіе завоеванія имъ царствъ казанскаго и астраханскаго, имѣлъ несомнѣнныя права и на признаніе за нимъ требуемаго титула со стороны императора. Наказавъ своимъ посламъ „стояти накрѣпко, чтобъ имъ отвѣтъ дали съ царскимъ именемъ", Іоаннъ IV разрѣшилъ имъ въ крайнемъ случаѣ взять отвѣтную грамоту императора безъ царскаго титула, но при этомъ заявить, что требованія признанія со стороны императора царскаго титула за московскимъ государемъ будутъ возобновлены [2]). Императоръ уступилъ московскимъ посламъ: въ грамотѣ своей къ Іоанну IV назвалъ его царемъ [3]), а въ письменномъ отвѣтѣ императора на рѣчи московскихъ пословъ сказано было, что императоръ ради братской дружбы къ московскому государю велѣлъ писать его царемъ [4]).

Преемникъ императора Максимиліана II, Рудольфъ II, въ сношеніяхъ своихъ съ Іоанномъ IV титуловалъ его царемъ [5]).

Въ сношеніяхъ съ польско-литовскимъ государствомъ Іоаннъ IV не назывался царемъ до 1545 г. [6]). Такъ какъ посольская книга польскаго двора кончается 1544 г., слѣдующая же начинается дипломатическими сношеніями съ 1549 г., неизвѣстно, какъ титуловалъ себя Іоаннъ IV въ сношеніяхъ съ польско-литовскимъ государствомъ въ промежутокъ времени отъ 1544 г. по 1549 г. [7]). На

---

[1]) Назв. изд., II, 1431 и слѣд.

[2]) Назв. изд., I, 605.

[3]) Тамъ же, 661.

[4]) Тамъ же, 663. Отчетъ московскихъ пословъ о переговорахъ при императорскомъ дворѣ по поводу царскаго титула въ статейномъ спискѣ ихъ (тамъ же, 688, 690, 692—694).

[5]) Тамъ же, 714, 743—748, 754, 759, 818, 820, 835, 840 и т. д.

[6]) С. И. Р. И. Об., т. 59, стр. 7, 8, 25, 43, 47, 50... 223—225, 256, 257, 261.

[7]) Тамъ же, прим. 263 стр.

основаніи записей сношеній польско-литовскаго государства съ московскимъ, находящихся въ „Книгѣ посольской метрики великаго княжества литовскаго“ можно заключить, что Іоаннъ IV не писался царемъ по крайней мѣрѣ до времени вѣнчанія своего на царство въ 1547 г. Московскій посланникъ Загряжскій, пріѣхавшій къ литовскому государю въ 1548 г. съ предложеніемъ возобновленія перемирія, вызвалъ отправленіе въ Москву литовскаго посольства въ 1549 г., которое возобновило перемиріе на пять лѣтъ [1]). Изъ Москвы, для подтвержденія заключеннаго перемирія, отправлено было въ томъ же году посольство, которое, какъ видно изъ записи „Книги посольской метрики вел. княж. литовскаго“, потребовало, чтобы польскій король титуловалъ Іоанна IV царемъ, потому что Іоаннъ IV вѣнчался на царство подобно предку своему Владиміру Мономаху [2]). Король на это требованіе отвѣтилъ отказомъ на томъ основаніи, что, во-первыхъ, никто изъ предковъ Іоанна IV, а также и самъ онъ ранѣе, царями не назывались, во-вторыхъ, кіевское княжество, которое нѣкогда принадлежало предку Іоанна IV Владиміру Мономаху, по примѣру котораго вѣнчался царемъ Іоаннъ IV, находилось подъ властью короля, вслѣдствіе чего „никому бы тымъ именемъ и тытуломъ Царства Киевъского не было пристойно писатися, одно его Королевъской милости, а не Великому князю Московъскому“... [3]). Послы московскіе должны были принять отъ короля грамоту, въ которой государь ихъ не былъ названъ царемъ [4]), но Іоаннъ IV не отказался отъ мысли быть признаннымъ царемъ со стороны короля.

Когда въ 1549 г. въ Москву пріѣхали послы короля и заключили перемиріе, писарь посольства отказался написать въ перемирной грамотѣ московскаго государя царемъ на томъ основаніи, что прежде король такъ не титуловалъ Іоанна IV. Писарю отвѣтили, что „въ то время государь нашъ на свои государства царемъ не вѣнчался, а нынѣ, съ Божьею волею, государь нашъ на свои государства царемъ вѣнчался по прежнимъ обычаемъ, какъ

---

[1]) „Книга посольская метрики вел. княж. литовскаго“, т. I, стр. 50.

[2]) Тамъ же, стр. 51.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же, стр. 52.

былъ на государствахъ Рускихъ царемъ и великимъ княземъ прародитель его Владимеръ Манамахъ Всеволодичъ, и то имя государь нашъ не чюжее взялъ, отъ своего прародителя“ [1]). Такъ какъ писарь этимъ доводомъ не былъ склоненъ къ тому, чтобы написать въ грамотѣ Іоанна IV царемъ, попробовали убѣдить его примѣромъ изъ литовской исторіи: „Ягайло, князь великій литовской, короновался короною и написался къ государемъ нашимъ „королемъ“, и государи наши писали его королемъ же; а нынѣ тому дѣлу по тому жъ быти, какъ государь нашъ, съ Божьею волею, на свои государства царемъ вѣнчался, по тому ему и писатись“ [2]). Писарь отвѣтилъ, что безъ разрѣшенія пословъ не можетъ сдѣлать то, что требуютъ отъ него. Вслѣдствіе этого бояре потребовали отъ пословъ, чтобы тѣ велѣли писарю написать Іоанна IV царемъ въ перемирной грамотѣ. Послы отвѣтили, что Іоаннъ IV не извѣстилъ короля о принятіи имъ царскаго титула, и они не могутъ титуловать его царемъ безъ разрѣшенія на то короля. Бояре имъ возразили, что послѣ царскаго вѣнчанія Іоаннъ IV началъ титуловать себя царемъ, о чемъ извѣстно было королю, потому что посланный къ нему боярскій сынъ Ѳедоръ Загряжскій въ рѣчахъ своихъ отъ царя къ королю называлъ государя своего царемъ; затѣмъ, въ вѣрительной грамотѣ къ королю, данной Загряжскому, а также и въ охранной грамотѣ, которую Загряжскій отвезъ для пословъ короля, и съ которою тѣ пріѣхали въ Москву, Іоаннъ IV написанъ былъ царемъ, „и вы“, спросили бояре пословъ, „по которой грамотѣ ѣхали къ государю нашему, смотрили ли есте тое грамоты?“ [3]). Послы сказали, что король въ отвѣтѣ, данномъ Загряжскому, не титуловалъ Іоанна IV царемъ, и они, послы, подавъ Іоанну IV вѣрительную королевскую грамоту, въ которой тотъ не былъ написанъ царемъ, говорили рѣчи, не называя Іоанна IV царемъ, изъ чего и заключили, что если бы Іоанну IV было неугодно, что его не титулуютъ царемъ, то онъ не принялъ бы ихъ. Бояре, убѣждая пословъ, „припоминали Ягайла короля и иные дѣла многіе, и уговорити ихъ

---

1) С. И. Р. И. Об. т. 59, стр. 287.

2) Тамъ же, стр. 288.

3) Тамъ же, стр. 289.

не могли“ [1]). Вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній въ Крыму и Казани царемъ и боярами рѣшено было уступить посламъ и принять отъ нихъ перемирную грамоту безъ царскаго титула, такъ какъ эта грамота должна была остаться въ Москвѣ, въ грамотѣ же къ королю написать имя государя съ царскимъ титуломъ; вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, уладивъ дѣла съ Крымомъ и Казанью, „впередъ съ королемъ за то (царскій титулъ) крѣпко стояти и дѣла съ нимъ никакова не дѣлати“ [2]). О такомъ рѣшеніи посламъ не было объявлено, но сказано было отъ имени царя: „и намъ нынѣ которое име Богъ далъ отъ нашего прародителя, царя и великого князя Владимера Манамаха, и намъ въ томъ своемъ имени и быти, а безъ того намъ своего имени ни въ миру ни въ перемирьѣ быти нелзѣ“. Посламъ было предложено или вписать въ перемирную грамоту имя государя съ царскимъ титуломъ или отправиться къ королю и передать ему, чтобы онъ прислалъ другихъ пословъ, пока не истекъ срокъ перемирія, которые были бы уполномочены титуловать Іоанна IV царемъ [3]). Послы предпочли просить отпускной аудіенціи, къ которой были допущены, и начали готовиться въ обратный путь, но, не желая возвращаться къ королю, не заключивъ перемирія, предложили заключить его на годъ, въ теченіе котораго царь могъ бы обослаться съ королемъ относительно своего титула. Бояре отвѣтили, что безъ царскаго титула нельзя писать перемирной грамоты даже на одинъ день, а относительно переговоровъ съ королемъ о царскомъ титулѣ сказали: „...государю нашему которого для дѣла о томъ своемъ имени съ вашимъ государемъ обсылатись? вѣдь государь нашъ то свое царское имя отъ предковъ своихъ взялъ, а не отъ королей, и ему о томъ чего для къ королю посылати?“ Послы утверждали, что пока государь не переговоритъ съ королемъ чрезъ пословъ о своемъ новомъ титулѣ, титулъ этотъ королемъ не будетъ признанъ, а бояре говорили, что „та рѣчь бездѣлная, государю о своемъ (дѣлѣ) чего для обсылатися, не у короля ему того просити, то имъ госуда-

[1]) Тамъ же, стр. 290.
[2]) Тамъ же, стр. 291.
[3]) Тамъ же, 292.

ремъ дано отъ Бога и отъ ихъ прародителей"... [1]). Видя непреклонность государя, послы попросили назначить имъ пристава, который проводилъ бы ихъ до границы. Бояре доложили объ этомъ царю, который опредѣлилъ имъ пристава, а также донесли о просьбѣ посольскаго писаря дать ему „выпись о царьскомъ поставленiѣ, которымъ обычаемъ государь на царьство вѣнчался и какъ предки его то царьское имя взяли" [2]). Обсудивъ съ боярами просьбу писаря, царь велѣлъ отказать ему въ выдачѣ такой выписи „того для: толко имъ писмо дати, ино впередъ о томъ отвѣты умыслятъ, и тогды будетъ въ рѣчахъ говорити о томъ тяжелѣ, коли о томъ отвѣты составятъ" [3]). Не смотря на состоявшееся ранѣе рѣшенiе принять въ крайнемъ случаѣ перемирную грамоту отъ королевскихъ пословъ безъ царскаго титула, царь снова подвергъ обсужденiю вопросъ: „пригоже ли въ королевѣ грамотѣ наше имя не сполна писати?" Бояре „приговаривали и били челомъ" царю принять перемирную грамоту отъ пословъ безъ царскаго титула, ибо „та грамота будетъ у тебя государя въ казнѣ, ино ее кому смотрити?" Бояре указывали царю, что въ томъ спискѣ перемирной грамоты, который данъ будетъ отъ него королю, имя его прописано съ царскимъ титуломъ, и что вслѣдствiе враждебныхъ отношенiй къ крымскому и казанскому ханамъ слѣдуетъ пока ладить съ королемъ, когда же обстоятельства сложатся болѣе благопрiятно, тогда требованiя признанiя царскаго титула со стороны короля можно будетъ возобновить. Царь согласился съ боярами, только рѣшено было не показывать посламъ и виду, что имъ уступаютъ: приставу пословъ велѣно было передать имъ, чтобы они ѣхали изъ Москвы, не обмѣнявшись перемирными грамотами, и если даже „нарядятца послы совсѣмъ и возы хоти поспускаютъ и сами въ сани пойдутъ, ино и приставомъ не говорити ничего"... [4]). Только тогда, когда послы сѣли бы въ сани, приставы должны были объявить посламъ, что бояре прислали сказать, чтобы они еще не ѣхали, потому что надо еще поговорить съ ними о дѣлѣ. „А допустити ихъ до са-

[1]) Тамъ же, стр. 295 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 296.

[3]) Тамъ же, стр. 297.

[4]) Тамъ же.

ней“, приговорено было царемъ и боярами, „того для: нѣчто будетъ у пословъ наказъ отъ короля стояти о томъ крѣпко и у послѣдняго дѣла спуститись, ино ужъ посломъ вся крѣпость отойдетъ, какъ въ сани сядутъ ужъ у нихъ болши того крѣпости не чаяти, что ни будетъ наказу, и то тутъ все явится“ [1]). Надежда, что послы имѣли наказъ уступить въ случаѣ твердости царя, не оправдалась, они сѣли въ сани, намѣреваясь уѣхать. Пришлось приставамъ, по наказу, удержать пословъ. Бояре предложили имъ послать къ королю за разрѣшеніемъ вписать въ перемирную грамоту имя государя съ царскимъ титуломъ и ждать отвѣта въ Москвѣ. Послы на это не согласились. Донесли объ этомъ царю, который снова предложилъ боярамъ обсудить, слѣдуетъ ли принять грамоту отъ имени короля безъ царскаго титула. Бояре опять отвѣтили утвердительно, послѣ чего царь велѣлъ передать посламъ, что согласенъ принять отъ нихъ грамоту безъ царскаго титула, но что „впередъ ожъ Богъ дастъ о томъ хочетъ къ брату своему Жигимонту Августу королю приказати съ своими послы“ [2]).

Такъ упорно домогался Іоаннъ IV признанія за нимъ царскаго титула со стороны польско-литовскаго государя, указывая на то, что онъ вѣнчался на царство подобно предку своему Владиміру Мономаху, и что возложеніе на себя царской короны давало ему право на царскій титулъ, который носилъ названный предокъ его, подобно тому, какъ коронованіе польскою короною великаго князя литовскаго Ягайла дало послѣднему право на титулъ короля.

Рѣшеніе царя не прекращать требованій признанія за нимъ царскаго титула со стороны короля было приведено въ исполненіе. Отправляя въ томъ же 1549 г. своихъ пословъ въ Литву для присутствія при обрядѣ крестнаго цѣлованія короля на перемирныхъ грамотахъ, Іоаннъ IV наказалъ имъ передать королю: „милостію Бога вседержителя и родитель нашихъ благословеніемъ, на свои государства царемъ есмя вѣнчались прежде бывшимъ вѣнчаніемъ прародителя нашего царя и великого князя Владимера Манамаха“... Послы должны были изъявить королю неудовольствіе царя на то, что король, хотя царскіе посланники и приво-

[1]) Тамъ же, стр. 298.

[2]) Тамъ же, стр. 298 и слѣд.

зили ему грамоты отъ своего государя, въ которыхъ имя его написано было съ царскимъ титуломъ, въ грамотахъ своихъ къ нему не писалъ его царемъ и не приказалъ такъ титуловать его своимъ посламъ, отправленнымъ въ Москву [1]). Московскіе послы должны были требовать, чтобы король велѣлъ въ перемирной грамотѣ написать имя государя съ царскимъ титуломъ, какъ самъ себя царь пишетъ [2]). Въ случаѣ отказа короля титуловать Іоанна IV царемъ московскіе послы получили наказъ говорить: „не напишетъ нынѣ король государя нашего имени сполна, и государю нашему впередъ королева имени сполна не писати; а вѣдь дѣло знаменитое, всѣ государи христіанскіе име свое пишутъ по вѣнчанью, а короли по коронованью. Прежде Ягайла вашимъ государемъ коронованья не было, а Ягайловъ отецъ Олгердъ и не писался королемъ; а Ягайло какъ короновался, и отъ того времени учелъ и писатись. А государь нашъ пишетъ свое име царемъ по своему царскому вѣнчанію и по прародителя своего достоинству царя и великого князя Владимера Манамаха"... [3]).

Попытки Іоанна IV добиться признанія его царскаго титула со стороны короля и въ этотъ разъ не увѣнчались успѣхомъ [4]), но царь отъ нихъ не отказался. Отправляя въ 1550 г. къ королю своего посла Якова Остафьева, Іоаннъ IV далъ ему наказъ, въ случаѣ вопроса, почему онъ титулуетъ себя царемъ, тогда какъ предшественники его именовали себя великими князьями, отвѣтить: „нашъ государь учинился на царствѣ по прежнему обычаю: какъ прародитель его, великій князь Владимеръ Манамахъ вѣнчанъ на царство Русское, коли ходилъ ратью на царя греческаго Костянтина Манамаха, и царь Костянтинъ Манамахъ тогды прародителю государя нашего, великому князю Володимеру, добилъ челомъ и прислалъ къ нему дары, вѣнецъ царьскый и діядиму, съ митрополитомъ ефесскимъ киръ Неофитомъ, и иные дары многіе царьскіе прислалъ, и на царство митрополитъ Неофитъ вѣнчалъ, и отъ (того) времени именованъ царь и великій князь Владимеръ Мана-

[1]) Тамъ же, стр. 309 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 311.

[3]) Тамъ же, стр. 313.

[4]) Тамъ же, стр. 331—333, 335.

махъ; и государя нашего нынѣ вѣнчалъ на царство Русское тѣмъ же вѣнцомъ отецъ его Макарей митрополитъ, занже нынѣ землею Русскою владѣетъ государь нашъ одинъ" [1]). Въ 1550 г. впервые устами своего посла Іоаннъ IV передалъ польско-литовскому государю повѣсть о вѣнчаніи на царство Владиміра Мономаха [2]); съ этого времени повѣсть эта дѣлается однимъ изъ доказательствъ правъ московскихъ государей на царскій титулъ. Ссылаясь на нее впервые, Іоаннъ IV указалъ причину своего вѣнчанія на царство вѣнцомъ Мономаха: „занже нынѣ землею Русскою владѣетъ онъ... одинъ". Такъ какъ Якову Остафьеву королемъ дана была грамота къ Іоанну IV безъ царскаго титула, Остафьевъ отказался принять ее. Четыре недѣли держали его въ Краковѣ; тѣмъ временемъ король совѣщался, какъ писать титулъ московскаго государя. Рѣшено было писать титулъ по прежнему. Вслѣдствіе отказа Остафьева принять грамоту безъ царскаго титула, король отправилъ къ царю съ грамотою своего посланника. По прибытіи послѣдняго въ Москву царь совѣщался съ боярами, слѣдуетъ ли принимать королевскую грамоту безъ царскаго титула. Рѣшено было грамоту принять, но въ грамотѣ къ королю написать имя его безъ королевскаго титула, въ томъ разсчетѣ, что если посланникъ королевскій и не возьметъ такой грамоты, то во всякомъ случаѣ донесетъ королю о приведеніи въ исполненіе угрозы умалять его титулъ за умаленіе царскаго титула [3]). Королевскій посланникъ, принявъ отъ царя грамоту къ своему государю безъ королевскаго титула, покинулъ ее лишь только выѣхалъ изъ Москвы, пояснивъ сопровождавшему его московскому приставу, что такой грамоты не можетъ везти къ королю, принялъ же ее отъ царя изъ страха [4]). Въ 1552 г. король опять отправилъ къ Іоанну IV посланника съ грамотой безъ царскаго титула [5]). Царь принялъ грамоту, но снова рѣшилъ на совѣщаніи съ боярами отвѣтить королю грамотой безъ написанія королевскаго титула,

---

[1]) Тамъ же, стр. 345.

[2]) Проф. Ждановъ относитъ составленіе ея ко времени не позже 1523 г. („Русскій Былевой эпосъ", I—V, 93).

[3]) С. И. Р. И. Об. т. 59, стр. 349 –350.

[4]) Тамъ же, стр. 354.

[5]) Тамъ же, стр. 358.

при чемъ постановлено было на случай, если бы литовскій посланникъ отказался принять такую грамоту, во избѣжаніе большаго раздора, не посылать грамоты чрезъ московскаго гонца, но удовлетвориться тѣмъ, что посланникъ донесетъ королю, что ему написана была грамота съ умаленіемъ его титула. Королевскій посланникъ отказался принять грамоту, прочтя въ ней неполный титулъ своего государя, и уѣхалъ безъ грамоты [1]). Дипломатическія сношенія между царемъ и королемъ прекратились. Между тѣмъ истекалъ срокъ перемирія, вслѣдствіе чего паны радные отправили отъ себя въ Москву къ митрополиту и боярамъ посланника. Паны извѣщали бояръ, что они, въ виду истеченія срока перемирія, склонили короля къ заключенію мира съ царемъ и предлагали боярамъ склонять къ тому же и царя [2]). Бояре отвѣтили панамъ посольствомъ, извѣщая ихъ, что царь только тогда согласится заключить миръ съ королемъ, когда король станетъ писать имя его съ царскимъ титуломъ [3]). Король прислалъ къ Іоанну IV посланника своего съ увѣдомленіемъ, что шлетъ въ Москву великихъ пословъ для переговоровъ о мирѣ, но въ грамотѣ своей къ царю написалъ имя его безъ царскаго титула [4]). Царь королевскую грамоту принялъ, но отпустилъ посланника безъ отвѣтной грамоты къ королю, на словахъ поручивъ ему передать *великому князю* Сигизмунду Августу, чтобы тотъ прислалъ пословъ своихъ [5]). Въ томъ же 1553 г. въ Москву пріѣхали послы отъ короля для переговоровъ о мирѣ. На аудіенціи они подали царю вѣрительную грамоту короля безъ царскаго титула и въ рѣчахъ къ царю называли его только великимъ княземъ. Іоаннъ IV велѣлъ возвратить имъ вѣрительную грамоту, приказалъ не принимать списка ихъ рѣчей [6]), и передать, что если король желаетъ мира, пусть признаетъ его царскій титулъ [7]). Послы отвѣтили, что царю слѣдуетъ сначала

---

[1]) Тамъ же, стр. 359.
[2]) Тамъ же, стр. 367.
[3]) Тамъ же, стр. 373.
[4]) Тамъ же, стр. 380.
[5]) Тамъ же, стр. 381.
[6]) Тамъ же, стр. 387.
[7]) Тамъ же, стр. 392 и слѣд.

заключить миръ съ королемъ, а затѣмъ король переговоритъ относительно титула его съ папою, императоромъ и братомъ послѣдняго, и если они признаютъ новый титулъ московскаго государя, „государь нашъ то дѣло учинитъ славно, шедъ въ церковь, да съ собора то име государю вашему опишетъ“ [1]). Бояре, между прочимъ, сказали, что папа и императоръ Максимиліанъ писали въ своихъ грамотахъ еще дѣда и отца Іоанна IV царями, и что если послы не имѣютъ наказа титуловать государя царемъ, то „государю нашему съ вашимъ государемъ дѣла дѣлати никоторого не починыватп“ [2]). Такъ какъ послы такого наказа не имѣли, Іоаннъ IV отпустилъ ихъ къ королю, объявивъ имъ, что хочетъ „за свое безчестье стояти, сколко милосердый Богъ поможетъ“ [3]). Послы на другой день выѣхали изъ Москвы, но въ тотъ же день царь объявилъ боярамъ, что слѣдуетъ, по его мнѣнію, заключить съ королемъ перемиріе на годъ или на два, такъ какъ еще нельзя было считать завоеваніе Казани прочнымъ, „чтобъ Богъ далъ въ то время Казань укрѣпити; а впередъ бы стояти за свое имя крѣпко“ [4]). Бояре съ царемъ согласились, и послы были возвращены въ Москву. Перемирная грамота и въ этотъ разъ написана была отъ имени короля безъ царскаго титула [5]), но Іоаннъ IV не отказался отъ намѣренія склонить короля къ признанію его новаго титула. Отправляя къ королю въ 1554 г. пословъ: боярина Василія Юрьева, казначея Ѳедора Сукина и дьяка Ивана Бухарина для присутствія при крестномъ цѣлованіи короля на перемирныхъ грамотахъ, Іоаннъ IV далъ имъ наказъ пытаться склонить короля къ признанію его царскаго титула. Въ случаѣ вопроса, почему Іоаннъ IV называетъ себя царемъ, послы должны были отвѣтить: „государь нашъ зоветца царемъ потому: прародитель его, великій князь Владимеръ Святославичь, какъ крестился самъ и землю Русскую крестилъ, и царь греческой и патріархъ вѣнчали ево на царство Русское, и онъ писался царемъ; а какъ преставился, ино и образъ ево на иконахъ пишутъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 395.

[2]) Тамъ же, стр. 397.

[3]) Тамъ же, стр. 400.

[4]) Тамъ же.

[5]) Тамъ же, стр. 411.

царемъ. А послѣ того правнукъ ево, великій князь Владимеръ Манамахъ Всеволодичь, пошелъ былъ ко Царюграду ратью за нѣкоторые неисправленья царей греческихъ; и царь Костянтинъ Манамахъ прислалъ къ нему Неофита, митрополита ефесского зъ двѣма епископы, да стратига своего Августалія, а прислалъ къ великому князю Владимеру Манамаху поминка: крестъ, животворящее древо Христово, да вѣнецъ свой царской и діадиму, и тѣмъ вѣнцомъ прародитель государя нашего Владимеръ Манамахъ и вѣнчался на царство Русское митрополитомъ ефесскимъ киръ Неофитомъ, и отъ того времени на своихъ государьствахъ писался царемъ и великимъ княземъ. И послѣ того времени, обычай въ Русскомъ государьствѣ и по се время: которой государь тѣмъ вѣнцомъ вѣнчаетца, то и пишетца царемъ русскимъ и великимъ княземъ". Такъ какъ нашъ государь, должны были говорить послы, вѣнчался на царство царскимъ вѣнцомъ своего прародителя, то и самъ сталъ называть себя царемъ, и такъ его титулуютъ иноземные государи. Если бы московскихъ пословъ спросили, почему дѣдъ и отецъ Іоанна IV, будучи такими же государями, какъ и онъ, не писали себя царями, послы должны были отвѣтить, что дѣдъ и отецъ Іоанна IV на царство не вѣнчались, почему и не титуловали себя царями, „а отъ начала у государей нашихъ въ обычаѣ лежитъ: которой вѣнцомъ вѣнчаетца на царство, тотъ и пишется. А ваши государи отъ начала писалися великіе князи; а какъ Ягайло короновался на Полскую землю, и онъ учалъ писатися королемъ; а нынѣ государи ваши пишутца короли потому же, которой коронованъ будетъ на королевство". Если бы посламъ возразили, что короли польскіе пишутся королями потому, что имъ принадлежитъ королевство, послы должны были отвѣтить: „а наши государи отъ начала по своему государству по Русскому зовутца цари, которые вѣнчаютца; а и опричь Русскіе земли нынѣ государю нашему Богъ далъ царьство Казанское, и что ему государю нашему Богъ далъ, и то хто у него отставитъ? и государь нашъ нынѣ, зъ Божьею волею, пишетца царемъ Русскимъ и Казанскимъ, и то, панове, мѣсто Казанское и сами знаете извѣчное царьское потомужъ, какъ и Русское" [1]). Московскіе послы должны были

---

[7]) Тамъ же, стр. 437.

королю и панамъ напомнить, что литовскій великій князь не желалъ признать Іоанна III „государемъ всея Руси", „а опослѣ и слишкомъ дали и отцемъ ево писали; а нынѣ тотъ же Богъ и государя нашего правда". Въ случаѣ возраженій, которыхъ наказъ не предвидѣлъ, московскимъ посламъ велѣно было говорить „какъ пригоже и какъ ихъ Богъ вразумитъ" [1]).

Желая убѣдить короля, Іоаннъ IV чрезъ пословъ своихъ представилъ два доказательства правъ его на царскій титулъ: царское вѣнчаніе Владиміра Святославича и завоеваніе казанскаго царства, но король велѣлъ отвѣтить московскимъ посламъ: „мы новыхъ справъ у кристьянство уводити не звыкли, и надъ звычаи предковъ нашихъ ничого нового чинити не хочемъ, кедыжъ по цесари кристьянскомъ никоторый государь у кристьянствѣ тымъ именемъ не называетца, кромь бусурманскихъ царей; а онъ братъ нашь есть государемъ кристьянскимъ" [2]).

Такой отвѣтъ короля исключалъ всякую надежду склонить его къ признанію царскаго титула московскаго государя. Не опровергая доказательствъ Іоанна IV, король заявилъ, что не намѣренъ вводить новый обычай: писать его царемъ, при чемъ упрекнулъ московскаго государя за желаніе носить титулъ мусульманскихъ владыкъ. Но Іоаннъ IV не пересталъ домогаться признанія своего царскаго титула со стороны короля. Отправляя къ нему въ томъ же 1554 г. своего посланника съ извѣщеніемъ, что астраханское царство завоевано московскими воеводами, Іоаннъ IV наказываетъ посланнику напомнить королю, что миръ между ними возможенъ только въ случаѣ признанія его царскаго титула [3]). Наказъ, данный московскому посланнику, предвидитъ вопросъ, почему Іоаннъ IV присвоилъ себѣ царскій титулъ, тогда какъ предки его довольствовались великокняжескимъ титуломъ. Какъ и прежде, посланнику приказано было говорить, что предокъ царя—Владиміръ Мономахъ—вѣнчался на царство, и царь вѣнчался, слѣдуя его примѣру, что кромѣ этого „нынѣ государю нашему Богъ далъ къ его

---

[1]) Тамъ же, стр. 438.

[2]) Тамъ же, стр. 446; тоже въ „Книгѣ посольская метр. вел. княж. литовскаго", I, стр. 96.

[3]) С. И. Р. И. Об. т. 59, стр. 451.

государству великіе два мѣста царскіе (казанское и астраханское), на которыхъ государствахъ и вѣчно цари же были; и что государю нашему Богъ далъ, то у насъ кто возметъ? А ваши государи и неизвѣчные короли," долженъ былъ замѣтить московскій посланникъ, „да досталось мѣсто королевское по женѣ, и они нынѣ короли зовутца и пишутца, и то у нихъ отняти же ли? что кому Богъ далъ, тотъ то и держитъ". Король отвѣтилъ Іоанну IV, не касаясь вопроса объ его титулѣ и не называя его царемъ [1]).

Между тѣмъ истекалъ срокъ перемирія, заключеннаго между королемъ и царемъ. Вслѣдствіе этого виленскій епископъ и князь Николай Радивилъ послали въ 1555 г. грамоту къ митрополиту Макарію и князю Ивану Васильевичу Шуйскому съ предложеніемъ похлопотать о продленіи перемирія, въ теченіе котораго состоялось бы соглашеніе относительно новаго титула Іоанна IV [2]). Митрополитъ сообщилъ эту грамоту царю и далъ такой отвѣтъ епископу виленскому и князю Радивилу: хотя онъ, митрополитъ, отрекся отъ дѣлъ мірскихъ, однако, не желая кровопролитія, рѣшился, вопреки прежнему обычаю, принять на себя дѣло, не подлежащее его вѣдѣнію, и просить царя заключить миръ съ королемъ, на что царь отвѣтилъ ему, что „онъ титло царского именованья на себя положилъ по своему прародителству, якожъ отъ начала первый въ хрестіянѣхъ вѣнчанъ бысь князь великій Владимеръ, егда крестилъ Русскую землю, и нынѣ съ всѣми Святыми поминаемъ есть, и на иконахъ воображаемъ въ томъ вѣнцѣ, якоже въ дни живота своего пребываа, отнележе вѣнчанъ бысть. И послѣ того святаго блаженнаго Владимера, вѣнчанъ бысть на царство Русское правнукъ его, Владимеръ Манамахъ Всеволодовичь; а нынѣ зъ Божьею благодатію онъ на свои государьства Русскые вѣнчался, и тое титло царского именованья на себя положилъ, не укоряя иншихъ государей, или чести ихъ убавливая, но всѣмъ окольнимъ государемъ по ихъ достоинству почесть ихъ имъ исправляетъ; а окольные всѣ государи не токмо хрестьянскые, но и бусурманскые, имени его не убавливают, но и свыше прибавливаютъ на-

---

[1]) Тамъ же, стр. 452—454, 459, 460; „Книга пос. метр. вел. кн. лит." I, стр. 96 и 97.

[2]) С. И. Р. И. Об. т. 59, стр. 467.

зываючи его Бѣлымъ Русскымъ царемъ. А Максимиліянъ цесарь еще отцу его, блаженные памяти великому государю Василью, въ докончалныхъ своихъ грамотахъ то титло царского именованья записалъ и златою своею печатью ту грамоту утвердилъ; а Сюлейманъ, салтанъ турскый, завсе въ своихъ грамотахъ царемъ его описуетъ; но одно видитъ непріятелство брата своего Жигимонта Августа короля и воспретителство о своемъ царскомъ именованьѣ отъ него пріемлетъ"... [1]). Въ грамотѣ отъ имени книжнаго митрополита, слѣдуетъ думать, составленной при участіи книжнаго царя, послѣ изложенія правъ московскаго государя на царскій титулъ, повѣствуется, что царь, передавъ митрополиту охранную грамоту для королевскихъ пословъ, вручилъ вмѣстѣ съ тѣмъ грамоты султана и другихъ государей, писавшихъ имя его съ царскимъ титуломъ, и договорную грамоту императора Максимиліана I съ отцомъ его. Посылая охранную грамоту для литовскихъ пословъ, митрополитъ приложилъ къ ней грамоты султана и другихъ государей, какъ доказательство, что всѣ государи, кромѣ польско-литовскаго, титулуютъ Іоанна IV царемъ. „И вы сами себѣ о томъ разсудите гораздо", читаемъ въ грамотѣ митрополита къ епископу виленскому и князю Радивилу, „пишете въ своемъ писаньѣ, что о имени царскомъ договариватись, обсылаяся съ иншими государи, занже имъ также належитъ, какъ вашему государю; ино цесарь всему римскому закону глава, тотъ въ своемъ писаньѣ докончалномъ за своею печатью то титло царского именованья утвердилъ, которому государю и вѣнчанья отъ насъ не было; а мусулманскаго закона глава Сюлейманъ, салтанъ турской, тотъ въ своихъ грамотахъ описуетъ жо; а всемогущая превышняя сила Божіа не токмо на своихъ государьствахъ устроила его царя, но и на иншихъ мѣстѣхъ царскыхъ, на Казани и на Азторхани прославила его царемъ; и противу всемогущіе воли Божіей что постоитъ?Никтоже бо о себѣ пріемлетъ честь, но званный отъ Бога, Богъ возложитъ,— кто сняти можетъ?..." [2]). Князь Радивилъ отвѣтилъ митрополиту посланіемъ, въ которомъ, между прочимъ, относительно правъ Іоанна IV на царскій титулъ писалъ, что, во-первыхъ, о договорной

[1]) Тамъ же, стр. 474.

[2]) Тамъ же, стр. 475 и слѣд.

грамотѣ между императоромъ Максиміліаномъ и великимъ княземъ Василіемъ III, въ которой первый написалъ второго царемъ, не было извѣстно королю, тѣмъ болѣе, что Василій III не писался царемъ, и что самъ Іоаннъ IV первое время по вступленіи своемъ на престолъ не титуловалъ себя царемъ, вслѣдствіе чего королю, не переговоривъ съ другими христіанскими государями, не слѣдуетъ писать имя Іоанна IV съ царскимъ титуломъ; во-вторыхъ, изъ присланныхъ къ нему грамотъ мусульманскихъ государей, написанныхъ къ Іоанну IV, онъ усмотрѣлъ, что государи эти, всегда думая о томъ, чтобы сѣять раздоры между государями христіанскими, давали свои названія имъ, дабы сравнять себя съ ними. Такъ какъ, писалъ князь Радивилъ, не спросивъ мнѣнія другихъ государей король не можетъ признать за московскимъ государемъ царскаго титула, и такъ какъ переговоры объ этомъ титулѣ будутъ неудобны въ случаѣ войны между польско-литовскимъ и московскимъ государствами, то онъ, посовѣтовавшись съ другими близкими совѣтниками короля, пришелъ къ заключенію, что пока слѣдуетъ просить короля отправить пословъ въ Москву для заключенія мира [1]).

Какъ и прежде, чтобы заключить миръ, давалась надежда на признаніе королемъ царскаго титула московскаго государя. Для заключенія мира въ 1556 г. въ Москву явилось королевское посольство, которое передало царю отъ имени короля слѣдующее: „будучи въ братствѣ и доброй пріязни,... зъ нашими государи хрестьянскыми поразумѣваючися, учьстивости тобѣ брату нашему, яко государю хрестіянскому, зычити и мыслити о томъ будемъ, становячи дѣла наши, якобы въ передніе часы братская пріязнь межи насъ множилася и твердо держана...“ [2]). Королевскимъ посламъ отъ имени царя изложена была боярами исторія прежнихъ переговоровъ о заключеніи мира между королемъ и государемъ, не имѣвшихъ благополучнаго исхода потому, что король не хотѣлъ признать государя царемъ, что свидѣтельствовало о нежеланіи короля заключить вѣчный миръ съ государемъ для спокойствія христіанъ, ибо императоръ, сынъ его, другіе короли и мусульманскіе владыки въ грамотахъ своихъ къ государю титулуютъ его царемъ, въ доказа-

[1]) Тамъ же, стр. 482 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 495; „Кн. пос. метрики вел. кн. лит.“ I, стр. 119.

тельство чего литовскимъ посламъ были предъявлены эти грамоты [1]). Послы представили возраженія, которыя и прежде дѣлались со стороны короля: царями не писались отецъ и дѣдъ Іоанна IV; царскій титулъ принадлежитъ только цесарю (императору), поэтому титулъ этотъ за московскимъ государемъ безъ переговоровъ съ другими государями не можетъ быть признанъ королемъ: „толко государя вашего тѣмъ титломъ описывати, ино съ всѣми государи про то заратитись“. Если Іоаннъ IV заключитъ вѣчный миръ съ королемъ, говорили послы, король переговоритъ съ другими государями о новомъ титулѣ московскаго государя и тогда признаетъ его царемъ, чтобы не было того, что „иншіе государи никоторые не пишутъ (московскаго государя царемъ), а государь бы нашъ одинъ писалъ“... Затѣмъ послы опять заявили, что король не знаетъ, почему московскій государь назвалъ себя царемъ: „а государь нашъ о томъ и не слыхалъ, которымъ обычаемъ то титло государь вашъ на себя положилъ, обсылка о томъ къ государю нашему не бывала: и коли жъ бы то было старое дѣло и пристойное, и государь бы вашъ о томъ обослалъ государя нашего и иншихъ государей христьянскихъ, какъ есть обычай государей христьянскыхъ“ [2]). Бояре возразили посламъ, что Іоаннъ IV принялъ титулъ, принадлежавшій его предкамъ: Владиміру Святославичу, который былъ вѣнчанъ на царство русское царемъ греческимъ Василіемъ, и Владиміру Всеволодовичу Мономаху, который также вѣнчанъ былъ на царство русское царемъ греческимъ Константиномъ Мономахомъ, обсылаться же съ другими государями относительно царскаго титула Іоанну IV не къ чему, ибо всѣ другіе государи, кромѣ польско-литовскаго, пишутъ его царемъ; „одинъ вашъ государь“, говорили посламъ московскіе бояре, „намъ ся видитъ, не хотя доброго пожитія, того для писати не хочетъ“. Бояре указали посламъ, что они невѣрно говорятъ, будто королю неизвѣстно, что Іоаннъ IV писалъ себя царемъ, и назвали посланниковъ, какъ королевскихъ, такъ и московскихъ, которые вели переговоры о царскомъ титулѣ и которые могли свидѣтельствовать объ этомъ; бояре говорили также, что никакія войны съ другими государями не грозятъ польскому

[1]) С. И. Р. И. Об. т. 59, стр. 498—502.

[2]) Тамъ же, стр. 503 и слѣд.

королю, если онъ признаетъ царскій титулъ Іоанна IV, ибо другіе государи, на которыхъ онъ указываетъ, пишутъ и писали московскаго государя царемъ, и въ доказательство словъ своихъ показали посламъ грамоты этихъ государей [1]). Послы отвѣтили, что государь ихъ не далъ имъ наказа писать въ договорной грамотѣ имя Іоанна IV съ царскимъ титуломъ, поэтому не для чего имъ смотрѣть грамоты другихъ государей: „то вѣдаютъ“, говорили послы, „иные государи, какъ хотятъ такъ и пишутъ, а намъ какъ наказано, по тому намъ и дѣлати“. Однако, послѣ такого заявленія, послы „посмотрили маленько дву грамотъ, датцкого короля докончалные съ великимъ княземъ Васильемъ, да англинского короля Филиповы“ (сына императора Карла V, короля испанскаго), грамотъ же императора и другихъ государей не смотрѣли, заявивъ боярамъ, что имъ „тѣхъ грамотъ смотрити ненадобѣ того для: государю нашему тѣ грамоты невѣдомы, и намъ что здѣлати, коли намъ о томъ наказу нѣтъ?“ Относительно грамотъ мусульманскихъ государей послы сказали, что государи эти пишутъ московскаго государя царемъ „того для: сорячи государей христьянскихъ“ [2]). Бояре непремѣннымъ условіемъ мира между королемъ и своимъ государемъ поставили исполненіе требованія писать имя его съ царскимъ титуломъ. Послы отвѣтили отказомъ и предложили заключить вмѣсто мира перемиріе. Ихъ предложеніе было принято боярами.

Въ томъ же 1556 г. Іоаннъ IV отправилъ посольство къ королю для присутствія при крестномъ цѣлованіи его на договорныхъ грамотахъ. Московскимъ посламъ наказано было отвѣтить королю на сдѣланное имъ царю предложеніе заключить миръ для борьбы съ Татарами, что и царь „для добра христьянского“ неоднократно дѣлалъ подобное предложеніе королю, но король „того дѣла съ нами не дѣлалъ будтось за нашимъ титломъ царскимъ, что есмя на себя ново положили“, между тѣмъ царь, должны были говорить московскіе послы, часто разъяснялъ королю чрезъ своихъ пословъ, что онъ принялъ титулъ не новый, но такой, который носили его предки, чрезъ то не возвышая себя надъ другими государями и не унижая ихъ чести: „занже государьство

---

1) Тамъ же, стр. 504 и слѣд.

2) Тамъ же, стр. 506.

наше Русское отъ начала особнѣ съдержится нами, извѣчными государи русскими, почень отъ Августа, кесаря римского, и до Рюрика, ижъ былъ государемъ въ Великомъ Новѣгородѣ, и отъ Рюрика правнуку его, блаженному, во святыхъ поминаемому, Владимеру Святославичю, иже крести Русскую землю и титло царского именованья на себя положилъ, имъже и нынѣ на святыхъ иконахъ вообразуется; и отъ великого Владимера внука его, Владимеру Манамаху Всеволодичю, иже титломъ царского именованья вѣнчанъ бысть, съ прошеньемъ мира греческаго царя Костянтина Манамаха; и отъ славнѣйшаго Владимера Манамаха государьство Русское по колѣнству доиде намъ, на немъ же, съ Божьею волею, отъ пресвященнаго Макарія, митрополита всеа Русіи, и всего священнаго собора Русскые земли титломъ царского именованья вѣнчаны есмя, по прародителей нашихъ вѣнчанью, якоже отъ начала было въ родѣ нашемъ: потому и иншіе государи всѣ насъ тѣмъ нашимъ титломъ описуютъ". Въ доказательство послѣдняго, должны были говорить королю московскіе послы, царь приказалъ показать королевскимъ посламъ грамоты отъ императоровъ, султановъ турецкихъ, многихъ другихъ государей и четырехъ патріарховъ, въ которыхъ имя московскаго государя написано было съ царскимъ титуломъ, дабы королю извѣстно было, какъ другіе государи титулуютъ его. Московскіе послы должны были указать королю, что Іоаннъ IV увеличилъ права свои на царскій титулъ тѣмъ, что завоевалъ царства казанское и астраханское, и что „съ иншыми государи въ нашемъ титлѣ обсылатися нечево для, и иншіе государи всѣ насъ тѣмъ титломъ описуютъ...". Посламъ наказано было заключить свою рѣчь къ королю предложеніемъ, чтобы онъ, если желаетъ вѣчнаго мира съ царемъ для избавленія христіанъ отъ власти магометанъ, прислалъ своихъ пословъ въ Москву для заключенія мира, котораго царь какъ прежде желалъ для борьбы съ мусульманскимъ міромъ, такъ желаетъ и теперь [1]).

Московскимъ посламъ наказывалось въ случаѣ вопроса, почему Іоаннъ IV титулуетъ себя царемъ, тогда какъ ни отецъ его, ни дѣдъ такъ себя не титуловали, указать, что, во-первыхъ, пра-

[1]) Тамъ же, стр. 519 и слѣд. „Кн. пос. метр. вел. кн. лит." 1, стр. 121 и слѣд.

родитель его Владиміръ Святославичъ послѣ крещенія вѣнчанъ былъ на царство греческимъ царемъ и патріархомъ, и носилъ царскій титулъ, во-вторыхъ, Владиміръ Мономахъ, правнукъ Владиміра св., совершившій походъ на Царьградъ, также вѣнчанъ былъ на царство присланнымъ отъ греческаго царя царскимъ вѣнцомъ, и вслѣдствіе этого назывался царемъ; съ тѣхъ поръ, должны были говорить московскіе послы, стало обычаемъ на Руси, чтобы государь, вѣнчавшійся присланнымъ Владиміру Мономаху вѣнцомъ, назывался царемъ, и Іоаннъ IV, вслѣдствіе вѣнчанія на царство вѣнцомъ прародителя своего, началъ писать себя царемъ, и пишутъ его такъ другіе государи. Если бы пословъ спросили, почему отецъ и дѣдъ Іоанна IV не называли себя царями, послы должны были отвѣтить: „отецъ государя нашего и дѣдъ не вѣнчалися, потому и не писалися“; посламъ при этомъ велѣно было указать, что литовскіе государи писались только великими князьями пока Ягайло не короновался польскимъ королемъ, „а нынѣ государи ваши пишутся короли потому же, которой коронованъ будетъ на королевство“. Въ случаѣ возраженія, что королю принадлежитъ „мѣстьцо королевское“, и потому онъ титулуется королемъ, послы должны были отвѣтить, что кромѣ русской земли Богъ далъ Іоанну IV царства казанское и астраханское, „и то мѣсто Казанское и Астороханское... извѣчное царское, потомужъ, какъ и Русское“..., при чемъ посламъ наказано было замѣтить: „намъ ся ...видить, нечего вамъ и ново вставити на роздоръ, и вы того для непригожіе слова вставливаете, чѣмъ бы межъ государей дѣло разодрати“ [1]).

Изъ статейнаго списка посольства не видно, чтобы король далъ отвѣтъ Іоанну IV на представленныя имъ чрезъ пословъ доказательства правъ его на царскій титулъ; въ дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ царемъ король продолжалъ писать его государемъ и великимъ княземъ [2]).

Переговоры о царскомъ титулѣ возобновились въ 1563 г., когда въ Москву прибыло отъ короля посольство, во главѣ кото-

[1]) Тамъ же, стр. 527 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 533, 554, 567, 603, 616, 623, 627; С. И. Р. И. Об. т. 71, стр. 20, 21, 26, 27, 49.

раго стоялъ Юрій Ходкѣвичъ, для переговоровъ о заключеніи мира. Бояре, излагая предъ королевскими послами причины, вслѣдствіе которыхъ царь воевалъ съ королемъ, подробно пересказали имъ переговоры, которые велись между московскими и королевскими дипломатами относительно царскаго титула Іоанна IV со времени 1549 г. [1]). Ставя однимъ изъ условій мира признаніе королемъ царскаго титула Іоанна IV, бояре предложили посламъ посмотрѣть грамоты иноземныхъ государей, писанныя къ царю и къ отцу его, чтобы убѣдиться, что одинъ только польскій король отказываетъ царю въ томъ, что признано за нимъ другими государями [2]). На вопросъ бояръ, имѣютъ ли послы отъ короля „приказъ о царьскомъ имени", Ходкѣвичъ отвѣтилъ, что если Іоаннъ IV обнаружитъ пріязнь къ королю, король склонится къ признанію за нимъ царскаго титула, и что посольство имѣетъ соотвѣтствующій наказъ отъ короля [3]). То же заявилъ Ходкѣвичъ и самому царю, упрекавшему короля за нежеланіе титуловать его царемъ: „государь нашъ милостивый король", говорилъ царю Ходкѣвичъ, „о томъ о твоемъ царьскомъ титулѣ хотѣлъ обослатись съ кровными своими и тую почестливость хотѣлъ тебѣ брату своему описовати сполна, и не описовалъ потому, что межи васъ государей нелюбье движетца, а нынѣ съ нами наука о томъ отъ государя нашего есть: будетъ межи васъ государей можетъ постановитись доброе дѣло, и государь нашъ за ту почестку не будетъ стояти". Царь, прежними переговорами убѣжденный, что король не желаетъ внимать доказательствамъ правъ его на царскій титулъ, отвѣтилъ: „братъ нашъ (король), не хотя съ нами быти въ любости, наше имя описуетъ не сполна, и о томъ говорите, что брату нашему обослатися о томъ съ кровными своими; восе еще братъ нашъ не учнетъ насъ писати всеа Русіи или учнетъ насъ писати Иваномъ, какъ простого человѣка; ино то братъ нашъ, наше имя безчествуя, тѣмъ братъ нашъ себя безчеститъ, ино онъ самъ вѣдаетъ" [4]). Послы короля уѣхали изъ Москвы, не заключивъ мира и не признавъ царскаго титула Іоан-

[1]) С. И. Р. И. Об. т. 71, стр. 199 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 260 и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 269.

[4]) Тамъ же, стр. 292 и слѣд.

на IV. Два года спустя, въ 1566 г., въ Москву снова явилось посольство отъ короля, во главѣ котораго и въ этотъ разъ стоялъ Юрій Ходкѣвичъ, для заключенія мира. Вслѣдствіе невозможности для обѣихъ сторонъ прійти къ соглашенію рѣшено было вести рѣчь о перемиріи. Послы заявили боярамъ, что въ случаѣ принятія предложенныхъ королемъ условій король будетъ титуловать Іоанна IV царемъ. Бояре, отказываясь принять предложенныя имъ условія перемирія, отвѣтили, что царь не проситъ царскаго титула у короля, ибо получилъ титулъ этотъ отъ своихъ прародителей, „и тое честь кто у нево государя возметъ?“ [1]). И это посольство не заключило мира; рѣшено было, что царь отправитъ къ королю своихъ пословъ для заключенія перемирія [2]).

Во исполненіе этого рѣшенія царь отправилъ къ королю въ 1567 г. посольство, во главѣ котораго былъ поставленъ бояринъ Ѳедоръ Колычевъ-Умного. Московскіе послы получили наказъ требовать, чтобы въ перемирной грамотѣ со стороны короля имя царя было написано съ царскимъ титуломъ, „а не напишутъ царского имяни сполна, и имъ (посламъ) безъ царского имяни никакъ не дѣлати“ [3]). Въ случаѣ, если бы московскихъ пословъ спросили, почему государь ихъ называется царемъ, посламъ наказано было отвѣтить: „что о томъ много рѣчей плодити? вѣдь вамъ государевы бояре и государя нашего послы неодинова извѣщали, почему государь нашъ царь и великій князь зоветца царемъ: то государю вашему и вамъ всѣмъ вѣдомо. А то государю нашему невелико, что государь вашъ государя нашего напишетъ царемъ, ни пакъ то безчестно, что государь вашъ царемъ государя нашего не напишетъ, и что государю нашему Богъ далъ, и то у него кто можетъ взяти? А болши того рѣчей неплодити. А нѣчто учнетъ про то укоряти, и Ѳедору съ товарыщи противъ того говорити: въ Литовской землѣ были великіе князи, а нынѣ государи ихъ короли и въ Литовскую землю они пришелцы, а не искони вѣчные были короли, а королевство имъ досталося въ приданые для женитбы, что королевну Едвигну понялъ Ягайло, а та королевна

---

[1]) Тамъ же, стр. 381.

[2]) Тамъ же, стр. 430.

[3]) Тамъ же, стр. 456.

не пошлого короля дочь, родъ ихъ князки были въ Гнѣзднѣ, и потому вновѣ учинилися на королевствѣ, да и зватися учали короли. И то не искони вѣчное королевство, а сажаютъ на королевство короля панове по своей волѣ и держать его, какъ захотятъ; и кто укоряетъ государя, тотъ самъ себѣ укоризну приноситъ. Да болши того боярину Ѳедору Ивановичу съ товарыщи рѣчей о томъ не плодити, а отговаривати, посмотря по ихъ рѣчемъ, какъ пригоже и какъ ихъ Богъ вразумитъ". Посламъ наказывалось „говорити про сѣ дѣла по вспросу, о чемъ ихъ вспросятъ, а самимъ имъ о тѣхъ дѣлѣхъ не говорити...[1])" . Посольство это было безплодно, и царскіе послы уѣхали не заключивъ перемирія и не взявъ написаннаго отвѣта короля на ихъ рѣчи, потому что въ этомъ отвѣтѣ царь не былъ написанъ даже „великимъ государемъ", но только „государемъ" [2]).

Въ концѣ 1568 г. къ Іоанну IV пріѣхалъ королевскій гонецъ, который, по приказу литовскихъ пановъ радныхъ, назвалъ его въ привѣтстіи отъ имени короля царемъ. По приказу царя приставъ долженъ былъ гонца „вспросити въ розговорѣ, а не нарокомъ, что прежъ того королевы послы и посланники и гонцы отъ короля государю царю и великому князю царьского имени въ посолствѣ не говаривали, и онъ почему царьское имя говорилъ, по приказу ли, ино отъ себя говорилъ". Гонецъ отвѣтилъ, что назвалъ онъ Іоанна IV царемъ по приказу пановъ радныхъ, которые „велѣли государю тѣмъ почесть учинити" [3]). Въ грамотѣ ко-

[1]) Тамъ же, стр. 474.

[2]) Тамъ же, стр. 552.

[3]) Тамъ же, стр. 578 и слѣд. Этой „почести" предшествовала грамота Іоанна IV къ королю, отправленная имъ чрезъ королевскаго гонца Юрія Быковскаго, пріѣзжавшаго въ Москву въ 1567 г. Въ этой грамотѣ Іоаннъ IV предлагалъ королю или назначить время и мѣсто для свиданія съ нимъ, или прислать гонца за охранной грамотой для пословъ, которые заключили бы миръ между ними (тамъ же, стр. 569). С. М. Соловьевъ отмѣчаетъ, что въ Литвѣ очень обрадовались предложенному царемъ возобновленію сношеній, потому что состояніе здоровья короля заставляло думать о важныхъ перемѣнахъ („Исторія Россіи", VI, 239, изд. 5). Слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что въ это время военныя дѣйствія со стороны короля не отличались сколько нибудь значительнымъ успѣхомъ. Проф. Форстенъ указываетъ на носившіеся тогда среди дипломатовъ

роля къ Іоанну IV, привезенной гонцомъ, титулъ царскій не былъ написанъ [1]). Іоаннъ IV отпустилъ гонца съ охранной грамотой для королевскихъ пословъ. Послѣдніе прибыли въ Москву въ 1570 г. Іоаннъ IV принялъ ихъ и произнесъ имъ обширную рѣчь, въ которой изложилъ сношенія свои съ Сигизмундомъ II Августомъ и его отцомъ со времени вступленія своего на престолъ, перечисляя „неправды“ ихъ, въ томъ числѣ непризнаніе его царскаго титула [2]). О послѣднемъ съ послами не было рѣчи; вслѣдствіе споровъ о границахъ вмѣсто мира было заключено перемиріе на три года съ тѣмъ, чтобы въ теченіе этого времени вести переговоры о мирѣ. Въ перемирной грамотѣ со стороны короля имя Іоанна IV было написано безъ царскаго титула [3]).

Для подтвержденія заключеннаго перемирія Іоанномъ IV отправлено было къ королю посольство. Посламъ данъ былъ наказъ, какъ отвѣчать, если ихъ спросятъ, почему Іоаннъ IV называетъ себя царемъ. Отвѣтить они должны были то же самое, что наказывалось посламъ, отправленнымъ къ королю въ 1567 г. [4]).

Съ вступленіемъ на польскій престолъ короля Стефана Баторія возобновились со стороны Іоанна IV требованія признанія царскаго его титула, такъ какъ Стефанъ Баторій писалъ имя его безъ этого титула.

Въ отвѣтной грамотѣ московскихъ бояръ къ польскимъ и литовскимъ панамъ раднымъ, извѣщавшимъ бояръ объ избраніи на престолъ Стефана Баторія, находимъ, между прочимъ, упрекъ по адресу новоизбраннаго короля за ненаписаніе Іоанна IV царемъ. Указывая,

---

слухи, что шляхта воспротивилась намѣренію короля въ 1567 г. идти во главѣ приготовленнаго войска противъ русскихъ, не желая войны, и что между польскими и литовскими вельможами происходили крупныя несогласія („Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII вв.“ I, 488 и слѣд. О военныхъ дѣйствіяхъ короля, русскихъ и шведовъ у Соловьева въ „Ист. Рос.“ VI, 237 и слѣд. и въ назв. трудѣ проф. Форстена стр. 487 и слѣд.).

[1]) Грамоты этой нѣтъ въ посольской книгѣ (см. прим. къ 71 т. С. И. Р. И. Об. на стр. 579), находится она въ „Книгѣ посольской метрики вел. кн. литовскаго“ (I, № 175).

[2]) С. И. Р. И. Об. т. 71, стр. 680 и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 729.

[4]) Тамъ же, стр. 790 и 474.

что Баторій занималъ невысокое положеніе до избранія его королемъ („а Господаръ вашъ учинился на Королевстве Полскомъ с невеликого местца з воеводства Седмикгродского, а воеводство Седмикгродское подданое было Угорскому Господарству), бояре ставили на видъ панамъ, что Іоанна IV титуловали царемъ всѣ великіе государи, императоръ же германскій и султанъ турецкій писали царемъ еще Василія III, „а тые Господари во всихъ Королевствахъ першие Господари...“. Бояре писали панамъ, что миръ между королемъ и царемъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если король признаетъ Іоанна IV царемъ и будетъ писать полный территоріальный его титулъ [1]).

Съ извѣстіемъ о своемъ избраніи на польскій престолъ Стефанъ Баторій отправилъ къ Іоанну IV посланниковъ Юрія Груденскаго и Льва Буховецкаго въ 1576 г. Грамота отъ короля къ царю была написана безъ царскаго титула [2]), что посланникамъ поставлено было на видъ: „..государь вашъ въ первомъ словѣ пишетъ на разлитье крови христіанской, что нашего царьскогоименованья сполна не описуетъ...“ Посланникамъ указано было, что императоръ германскій и султанъ турецкій писали царемъ еще отца Іоанна IV, а „поляки и литва безумнымъ обычаемъ насъ укоряютъ, а къ намъ царьского имени не пишутъ“, что короля шведскаго Густава съ польской стороны титулуютъ королемъ, а у него нѣтъ „венца, какъ у насъ царьскій венецъ, и ни отъ кого ему не дано и не можетъ того утвердити, откудова у нихъ королевъство взялось. А мы, какъ есть государи христьянские, не смотря на ихъ уродство, для своего имени розлитие крови христьянские не учинили, будучи по христьянскому обычею въ терпѣнии до сего времени...“ Іоаннъ IV противополагаетъ себя Баторію, который, „съ такова съ семиграцсково княжства, которое поддано было угорскому королевству, сѣлъ на такое великое государство на коруну полскую и на великое княжство литовское, и его Богъ почтилъ свыше не по его достоинъству, а онъ насъ великихъ государей извѣчныхъ безчествуя нашимъ достоинствомъ, въ нашемъ царьскомъ титулѣ не описуетъ нашего царьского имени...,; Въ упрекъ ставилось Баторію и то, что онъ не написалъ царя

---

[1]) „Кн. пос. метр. вел. кн. лит.“ II, стр. 10 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 1.

„великимъ княземъ смоленскимъ и полоцкимъ". „И то есть" сказано было посланникамъ, „первая причина государя вашего Стефана короля на пролитье крови крестьянские" [1]). Въ отвѣтѣ Баторію на его посланіе Іоаннъ IV писалъ, что шлетъ по его предложенію охранную грамоту для пословъ его, которые должны были прибыть въ Москву для заключенія мира, и „которие бы послы великие могли доброе дело о всихъ о тыхъ делехъ постановити" [2]). Отправляя въ 1577 г. своихъ пословъ въ Москву, Баторій далъ имъ наказъ не титуловать Іоанна IV царемъ [3]). Если, гласилъ королевскій наказъ посламъ, со стороны Іоанна IV будутъ предъявлены требованія, чтобы король призналъ его царемъ, послы должны отвѣтить, что король „такъ всего хочеть стеречы, што здавна бывало с Паны суседы, границамъ прилеглыми, также и з Великимъ Княземъ Московскимъ хочется заховати не змнейтаючи ни в чомъ тытулу его..." [4]). Послы должны были указать царю, что король, изъ уваженія къ его достоинству, въ обращеніяхъ къ нему не пишетъ: *ты*, *тебѣ*, какъ прежніе короли, но болѣе учтиво: *вы* [5]). Посольство это, вслѣдствіе болѣзни одного изъ членовъ его, остановилось на пути въ Москву, о чемъ извѣстило царя и бояръ. Царь, отвѣчая на грамоту пословъ, выразилъ имъ свое неудовольствіе на то, что они написали „непопригожу" имя его и не точно территоріальный титулъ его. Послы, находившіеся въ то время въ Оршѣ, отписали королю, между прочимъ, и объ этомъ. Тогда король отправилъ въ Москву гонца своего Полуяновича и велѣлъ посламъ до возвращенія этого послѣдняго оставаться въ Оршѣ [6]). Полуяновичъ долженъ былъ вручить царю грамоту отъ короля безъ

---

[1]) Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Д., Книга польскаго двора № 10, лл. 251 об.—253. Отвѣтъ отъ имени царя посланникамъ короля дали Афанасій Нагой и дьяки Щелкаловы. Описаніе отпускной аудіенціи, данной посланникамъ царемъ, въ „Донесеніи" Буховецкаго („Сборникъ" кн. Оболенскаго, № 6, стр. 8 и слѣд.).

[2]) „Книга пос. метр. вел. кн. лит." II, № 9.

[3]) Тамъ же, стр. 21.

[4]) Тамъ же, стр. 22.

[5]) Тамъ же, см. стр. 17, 24.

[6]) Бантышъ-Каменскій: „Переписка между Россіею и Польшею", въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др.", 1860 г. кн. IV, стр. 152 и слѣд.

царскаго титула [1]) и, излагая предъ царемъ рѣчи отъ имени короля, передать отвѣтъ его на генеалогію царя отъ Августа („почалъ выличать рожай свой от створеня света, отъ Адама и сыновъ его, потомъ за грехъ потопъ припоминаючи, а по потопе Аөета сына Ноевого рожай выличаючи до Несирота и по немъ до цесара Августа, мянуючи Августа Цесара, братомъ Пруса, который обернулсе до Прусъ...“), въ которой, по мнѣнію короля, ничего не заключалось „крунтовного и правдивого“ [2]).

Прибывшее въ Москву въ началѣ 1578 г. королевское посольство не могло выработать съ боярами условій мира. Требуя территоріальныхъ уступокъ со стороны короля, бояре вмѣстѣ съ тѣмъ предъявили посламъ требованіе, чтобы король призналъ царскій титулъ государя [3]). Вмѣсто мира между царемъ и королемъ было заключено перемиріе на три года. Послы въ перемирной грамотѣ отъ имени короля не написали имя Іоанна IV съ царскимъ титуломъ, и царь назвалъ короля не „братомъ“, но „сосѣдомъ“ [4]).

Заключенное перемиріе не было прочно. Въ концѣ іюня 1579 г. король отправилъ къ царю гонца съ заявленіемъ, что считаетъ перемиріе нарушеннымъ съ его стороны. Король, между прочимъ, критиковалъ генеалогію царя отъ Августа: „а чимъ того доходити хочешъ яко передъ послы нашими от тебе успоминано, народъ твой величаючи от Пруса, менуючи его братомъ Августа Цесара и в томъ непевную ведомость маешъ, кгдыжъ Августъ Цесаръ брата и потомства не мелъ, и Прусъ если естъ въ якомъ писме тогды змышленымъ братомъ Августови описанъ, чого малая потреба ширшимъ писаньемъ вспоминати...“ [5]).

Военные успѣхи Баторія побудили Іоанна IV отодвинуть споръ съ нимъ изъ-за царскаго титула на задній планъ и искать

---

[1]) „Кн. пос. метр. вел. кн. лит.“ II, № 15.

[2]) Тамъ же, стр. 27 и слѣд. Содержаніе отвѣтной грамоты царя къ королю въ назв. трудѣ Бантышъ-Каменскаго („Чтен.“ за 1860 г., кн. IV, стр. 153) и въ „Ист. Рос.“ Соловьева, VI, 313, изд. 5-е.

[3]) Бантышъ-Каменскій, назв. трудъ, въ „Чтен.“ за 1860 г., кн. IV, стр. 154

[4]) „Кн. пос. метр. вел. кн. лит.“ II, стр. 29 и 34.

[5]) Тамъ же, стр. 44. Существованіе Пруса Іоаннъ IV доказывалъ названіемъ земли *Прусскою* (см. списокъ отвѣтной рѣчи царя, данный Антонію Поссевино, въ „Пам. дип. сн.“ X, 231: „а что пишетъ о Прусѣ, будто мы то

мира. Тяжелыя для московскаго государства условія мира, предлагавшіяся Баторіемъ, возбуждали въ Грозномъ гнѣвныя вспышки. Подъ вліяніемъ одной изъ такихъ вспышекъ онъ написалъ въ 1581 г. Баторію грамоту, полную укоризнъ, въ которой, называя себя „смиреннымъ", противопоставилъ королю — государю избранному — себя — „отчича и дедича, и наследника по Божью изволенью, а не по многомятежному чоловечества хотенью" [1]). Баторій не замедлилъ отвѣтомъ, въ которомъ, между прочимъ, опровергалъ происхожденіе Іоанна IV отъ Августа: „чтеши правдивыхъ летописцовъ", писалъ король царю, „а не тверди басенъ бахоровъ твоихъ; або собе того несмышляй, чого в речы не было николи, яко еси змыслилъ о Прусе, брате Авкгустовомъ [2])"!

Безуспѣшные переговоры о мирѣ и неудачная борьба съ Баторіемъ принудили Іоанна IV отправить гонца Истому Шевригина „постучать", по выраженію о. Пирлинга, „въ дверь папскаго дворца" [3]). Царскій гонецъ везъ грамоту, въ которой царь предлагалъ папѣ Григорію XIII свое участіе въ союзѣ христіанскихъ государей противъ султана и хана, изъявлялъ желаніе быть въ сношеніяхъ съ папой, излагалъ „неправды" Баторія и просилъ папу приказать „Стеѳану королю отъ своего пастырства и учителства, чтобъ Стеѳанъ король съ бесерменскими государи не складывался, и на кроворозлитье крестьянское не стоялъ... [4])".

Папа отвѣтилъ царю посольствомъ Антонія Поссевино, который выступилъ въ роли посредника между Іоанномъ IV и Баторіемъ [5]).

не гораздо пишемъ, что онъ не былъ, и Стеѳанъ бы король то намъ указалъ, коли ужъ Пруса на семъ свѣтѣ не было, почему нынѣча называется Прусская земля, отъ ково она то прозвище взяла...").

[1]) Кн. пос. метр. вел. кн. лит. стр. 140—141.

[2]) Тамъ же, стр. 189. Въ другомъ мѣстѣ этой же отвѣтной грамоты Баторій упрекнулъ Іоанна за то, что тотъ велъ свой родъ отъ Августа: „...албо для лакомства албо для пыхи до Пруса якогось ѳалшивого, а николи на свете небывалого брата Цесара Августа родъ свой выводишъ" (тамъ же, стр. 204).

[3]) Un nonce du pape en Moscovie, pag. 6, Paris, an. 1884. Ходъ борьбы между Іоанномъ IV и Баторіемъ и переговоры о мирѣ въ 1580 г. у Соловьева въ „Ист. Рос." VI, 322 и слѣд., изд. 5 и въ изслѣдованіи проф. Форстена „Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII вв." I, 690 и слѣд.

[4]) „Пам. дипл. снош." X, 11.

[5]) Pierling, La Russie et le Saint-Siège II, 21.

Въ исходѣ 1581 г. царскіе и королевскіе уполномоченные начали переговоры въ деревнѣ Киверова Гора, близъ Яма Запольскаго. Уполномоченными со стороны царя были князь Елецкій и печатникъ Алферьевъ, со стороны короля—Янушъ Збаражскій, князь Радзивилъ и Гарабурда.

Московскіе уполномоченные требовали, чтобы имя Іоанна IV въ мирной грамотѣ было написано съ царскимъ титуломъ. Въ Дневникѣ переговоровъ ихъ съ королевскими послами, подъ первымъ январемъ 1582 г., читаемъ: „московскіе послы, проведя большую часть ночи у Антонія (Поссевино), просили его, дабы онъ всячески старался, если желаетъ оказать ихъ Великому Государю самую пріятную для него услугу, чтобы въ грамотахъ, въ которыхъ должны быть изложены условія мира, Государь былъ написанъ Царемъ Казани и Астрахани: по сравненію съ этимъ для Великаго Князя ничего не значатъ крѣпости, которыя онъ готовъ уступить королю. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Антоній толковалъ имъ многое объ единомъ Императорѣ христіанъ, титулъ котораго, перенесенный на Западъ съ Востока, гдѣ Византійскіе Императоры оказались менѣе вѣрными Католической Церкви, надлежало утверждать Апостольскому Престолу. Если Великій Князь (Moscus) пожелаетъ имѣть этотъ титулъ и пользоваться слѣдуемыми по закону почестями, пусть обратится къ верховному Первосвященнику такимъ же образомъ, какъ обращаются другіе христіанскіе Государи, которые прекрасно знаютъ, что Казань и Астрахань не имѣютъ столь важнаго значенія, чтобы (ради нихъ) данъ былъ новый титулъ какъ бы другого Царя, т. е. Императора. Если Цесарь это сдѣлаетъ (т. е., дастъ московскому государю царскій титулъ), то извѣстно, что слово „Царь“ означаетъ не Цесаря, но употребляемое Татарами [означаетъ нѣчто въ родѣ королевскаго титула]. На это Московскіе послы отвѣтили, что Гонорій и Аркадій изъ Рима прислали Владиміру, первому Московскому Князю, императорскую корону, верховный же Первосвященникъ чрезъ нѣкоего епископа Кипріана то подтвердилъ, и прочее въ этомъ родѣ говорили. Когда имъ Антоній возразилъ, что Гонорій и Аркадій жили болѣе чѣмъ за 500 лѣтъ до Владиміра, сказали [не вѣдая, что говорятъ], что были другіе Гонорій и Аркадій, которые жили въ то время, и снова стали на-

стойчиво просить Антонія, чтобы, такъ какъ называютъ верховнаго Первосвященника пастыремъ всего христіанства, приложилъ онъ стараніе, дабы Король не лишалъ ихъ Князя этого титула, и затѣмъ, дабы не былъ опущенъ титулъ (государя) Ливоніи". Поссевино похвалилъ московскихъ уполномоченныхъ за названіе папы пастыремъ всего христіанства, но сказалъ, что Іоанну IV нельзя удержать за собою титулъ государя Ливоніи [1]). Пять дней спустя послѣ этой бесѣды московскіе уполномоченные снова заговорили о титулѣ своего государя. „Сначала исподволь, потомъ открыто и настойчиво, Московскіе уполномоченные потребовали, чтобы ихъ Князь въ грамотахъ прежде всего былъ названъ слѣдующими титулами: „Великій Государь Императоръ, Великій Князь и проч." Въ этомъ королевскіе уполномоченные имъ рѣшительно отказали. Антоній же, съ которымъ Московскіе уполномоченные часто, и не далѣе, какъ прошлою ночью, объ этомъ говорили, съ своей стороны совѣтовалъ имъ отказаться отъ этого требованія на томъ основаніи, что признаютъ одного только христіанскаго Императора, и что титулъ этотъ не можетъ быть признанъ безъ утвержденія верховнаго Первосвященника, который никогда не допуститъ, чтобы Цесарю Римскому была нанесена такая обида. Московскіе уполномоченные отказались отъ этого требованія, но упорно домогались, чтобы государь ихъ былъ написанъ Царемъ Казани и Царемъ Астрахани. Однако они и въ этомъ потерпѣли неудачу, хотя утверждали то, что отрицали королевскіе уполномоченные, именно, будто государь ихъ былъ такъ титулованъ Сигизмундомъ Августомъ. Когда Антоній спросилъ Московскихъ уполномоченныхъ, почему они не привезли съ собою тѣ грамоты Сигизмунда Августа, ибо это было бы наиболѣе важнымъ доказательствомъ истины ихъ словъ, уполномоченные отвѣтили, что упустили это изъ виду, но Михаилъ Гарабурда показалъ старинныя и скрѣпленныя печатями грамоты, въ которыхъ не было тѣхъ титуловъ (о которыхъ говорили московскіе уполномоченные)" [2]). На слѣдующій день засѣданіе московскихъ и королев-

---

[1]) Supplementum ad hist. Rus. mon., изд. Археогр. Ком., стр. 91 и слѣд., тоже у Старчевскаго: Historiae Ruthen. scriptores exteri, II, 59 sq.

[2]) Supplem., pag. 96, у Старчевскаго стр. 63.

скихъ уполномоченныхъ возобновилось, возобновились вмѣстѣ съ тѣмъ и требованія со стороны первыхъ, чтобы царскій титулъ Іоанна IV былъ признанъ королемъ. „Когда Московскіе уполномоченные стали настойчивѣе требовать, чтобы Великій Князь по крайней мѣрѣ признавался „Царемъ Казани и Царемъ Астрахани", требованіе это было представлено Антонію; королевскіе уполномоченные говорили, что въ наказѣ Короля объ этомъ ничего не сказано, и предложили, чтобы Антоній сначала переговорилъ (о титулѣ) съ Московскимъ государемъ, къ которому онъ намѣренъ былъ возвратиться, а затѣмъ съ Королемъ. Антоній, обратившись къ Московскимъ уполномоченнымъ, сказалъ, что имѣются три способа, которыми, по его разумѣнію, можно что либо сдѣлать въ этомъ дѣлѣ. Одинъ (способъ), чтобы королевскіе послы называли Московскаго государя Господиномъ Казани и Астрахани, о чемъ, повидимому, Московскіе уполномоченные не заботятся, но на что, возможно допустить, согласятся королевскіе уполномоченные, которые говорили, что никогда нельзя будетъ внушить Королямъ Польши, чтобы Татарскимъ или Турецкимъ титуломъ, какимъ представляется титулъ Царь, христіанскій Государь называлъ бы христіанскаго (государя). Другой (способъ), чтобы московскіе уполномоченные заявили на это (отказъ признать Іоанна IV царемъ) протестъ, который намѣренъ допустить Антоній безъ обиды для того или другого государя и безъ препятствія для мира, уже почти заключеннаго. На это Московскіе уполномоченные возразили, что имъ протесты не извѣстны и не въ обычаѣ у нихъ. Третій (способъ), о чемъ онъ (Антоній) уже обѣщалъ, похлопотать объ этомъ (царскомъ титулѣ) предъ Королемъ и (если окажется необходимость) верховнымъ Первосвященникомъ, что прилично вѣрному христіанину. Послѣ этого Антоній высказалъ сожалѣніе предъ Московскими уполномоченными (между тѣмъ, какъ они въ высшей степени настойчиво докучали ему объ этомъ), что Великій Князь ни о чемъ подобномъ не давалъ ему порученія ни въ Старицѣ, хотя о многомъ другомъ тщательно велъ съ нимъ переговоры чрезъ своихъ думныхъ людей, ни тогда, когда послалъ къ нему письмо въ лагерь у Пскова, хотя писалъ о другихъ важнѣйшихъ дѣлахъ, касавшихся мира; (высказывалъ также сожалѣніе) и по по-

воду того, что Московскіе уполномоченные до сего времени относительно титула молчали, а потому сами они виноваты, если время переговоровъ объ этомъ уже миновало. Вслѣдствіе этихъ убѣжденій Московскіе уполномоченные согласились, чтобы мирная грамота со стороны Короля была написана безъ тѣхъ титуловъ (ихъ государя), которыхъ они требовали [1])“.

О попыткахъ московскихъ уполномоченныхъ склонить королевскихъ уполномоченныхъ къ признанію царскаго титула Іоанна IV находится извѣстіе въ отчетѣ Гарабурды [2]). И Гарабурда передаетъ, что королевскіе уполномоченные отказали московскимъ въ ихъ требованіи на томъ основаніи, что ни Стефанъ Баторій, ни его предшественники, короли польскіе и великіе князья литовскіе, никогда не титуловали московскаго государя царемъ. Московскіе уполномоченные утверждали, что имя ихъ государя писано было польскимъ королемъ съ царскимъ титуломъ, и въ доказательство словъ своихъ ссылались на Гарабурду, который это долженъ былъ знать. Гарабурда показалъ, что, сколько ему извѣстно, Сигизмундъ II Августъ, Генрихъ и Баторій не титуловали московскаго государя царемъ, но не отрицалъ, что какой нибудь писарь могъ написать имя Іоанна IV съ царскимъ титуломъ. Тогда московскіе уполномоченные попросили дать имъ десятидневный срокъ, обѣщая въ теченіе его представить грамоту, въ которой Сигизмундъ II Августъ, писавшій Іоанну IV вскорѣ по завоеваніи имъ Казани, называлъ его царемъ; королевскіе уполномоченные отрицали существованіе подобной грамоты, московскіе же предлагали имъ, пока представятъ ее, написать Іоанна IV царемъ казанскимъ и царемъ астраханскимъ. Королевскіе послы отвѣтили, что они не желаютъ и однажды написать Іоанна IV царемъ (т. е., царемъ всея Руси), а имъ предлагаютъ писать его царемъ дважды, при чемъ добавили, что не имѣютъ наказа отъ короля о царскомъ титулѣ и потому говорить объ этомъ не желаютъ [3]).

---

[1]) Supplem. pag. 97, у Старчевскаго, стр. 63.

[2]) „Кн. пос. метр. вел. кн. лит.“ II, № 81.

[3]) Тамъ же, стр. 228—229. Изъ Памятниковъ дипломатическихъ сношеній между московскимъ и польско-литовскимъ государствами не видно, чтобы Іоаннъ IV когда либо названъ былъ царемъ со стороны короля, но заподо-

Болѣе обстоятельно переговоры о признаніи королемъ царскаго титула Іоанна IV излагаетъ статейный списокъ московскихъ уполномоченныхъ.

Изъ этого списка видно, что королевскіе уполномоченные готовы были написать въ мирныхъ грамотахъ имя Іоанна IV съ царскимъ титуломъ въ случаѣ уступки королю областей смоленской и части сѣверской, но Поссевино заявилъ московскимъ уполномоченнымъ, что безъ разрѣшенія папы королевскіе уполномоченные не могутъ писать московскаго государя царемъ, и что указанія, будто завоеваніе казанскаго и астраханскаго царствъ даютъ Іоанну IV право на царскій титулъ, не имѣютъ значенія потому, что царства эти принадлежали магометанскимъ царямъ. Мысль, что безъ разрѣшенія папы король не можетъ признать Іоанна IV царемъ, усердно внушалась Поссевино московскимъ уполномоченнымъ.

Когда Гарабурда началъ читать договорную запись между московскими и королевскими уполномоченными, первые замѣтили, что имя Іоанна IV написано было безъ царскаго титула. „И мы холопи твои", доносили уполномоченные царю, „о томъ съ послы стояли накрепко и говорили, что не хотя доброго пожитья и покою въ христьянствѣ, такъ государя нашего пишете, а государю нашему царьское имя Богъ далъ отъ прародитель его не чюжое, а нѣ отъ колкихъ лѣтъ государи наши государили, болши шестисотъ лѣтъ, и что Богъ далъ государемъ нашимъ, и то у государей нашихъ хто можетъ отняти? Да и Онтонью (Поссевино) мы, холопи твои, говорили: и тебѣ Онтонью то вѣдомо, что государя нашего прародителей и его грамоты у цесаря и у папы съ царьскимъ именованьемъ есть, и тебѣ посломъ пригоже о томъ говорити и розсужати, чтобъ межъ государей въ такихъ причинахъ кровь крестьянская не лилась. И послы литовскіе говорили: намъ деи государя

зрѣть московскихъ уполномоченныхъ въ умышленномъ обманѣ врядъ ли возможно, потому что они предлагали представить королевскую грамоту съ царскимъ титуломъ Іоанна IV. Извѣстно, что въ 1568 г. пріѣзжалъ къ Іоанну IV гонецъ Сигизмунда II Августа, по приказанію литовскихъ пановъ въ рѣчи къ нему отъ имени короля называвшій его царемъ, но онъ привезъ съ собою грамоту короля безъ царскаго титула. Не это ли ввело въ заблужденіе московскихъ уполномоченныхъ?

вашего съ царьскимъ именованьемъ и смоленскимъ и лиѳлянскимъ не писывати, да и у васъ деи намъ записи съ царьскимъ именемъ и съ тѣми титлы не имывать: а прежъ деи сего государь нашъ посылалъ ко государю вашему пословъ своихъ Станислава Крыйского съ товарищи о братцкой любви и о доброй пріязни, а царемъ ко государю вашему и смоленскимъ не писалъ же. И государь вашъ государю нашему въ тѣ поры братства не далъ, [а просилъ на братствѣ многихъ городовъ] [1]), и мы нынѣ по томужъ отъ государя своего наукъ маемъ: будетъ государь вашъ поступитца государю нашему Смоленска, да Сѣверы всее, да Лукъ Великихъ, и мы за то государя вашего въ титлѣ царемъ казанскимъ и царемъ асторохансккимъ напишемъ. Да учели послы съ Антонемъ межъ себя говорити по латыни. И говоря съ послы Антоней говорилъ намъ холопемъ твоимъ: посломъ деи Стеѳана короля царемъ государя вашего безъ папина повелѣнья писать не доведетца, а царство казанское и астороханское было за бусурманскими цари, и вы дѣлаите безъ тѣхъ тителъ, а Смоленскъ деи взялъ государь вашъ у короля его вотчину, и того деи писати не доведетца жъ". Московскіе уполномоченные сказали Поссевино, что въ качествѣ посредника онъ не долженъ быть пристрастенъ къ одной сторонѣ, „а государю нашему что Богъ далъ отъ прародитель его, и то хто можетъ отняти? и вамъ нынѣ пригоже такіе высокіе мѣры отставить, а говорити на покой крестьянской; а розсудите себѣ и то: обрали еста Стеѳана короля съ Семиградъ на коруну полскую и на великое княжство литовское, да и пишете его въ титлѣ королемъ полскимъ и великимъ княземъ литовскимъ, и толко вамъ государя нашего царя и великого князя не писати въ титлѣ съ царьскимъ именемъ и смоленскимъ и лиѳлянскимъ, ино потому розсудя и государя вашего Стефана короля королемъ полскимъ и великимъ княземъ литовскимъ не писати жъ. И послы литовскіе говорили, только деи вамъ государя нашего королемъ полскимъ и великимъ княземъ литовскимъ не писати, ино деи вамъ съ кѣмъ миритися, тому деи ссматися нелзя. И говорили мы, холопи твои, съ Онтонемъ и съ послы о томъ много и

[1]) Фраза въ скобкахъ изъ Книги польскаго двора; этой фразы нѣтъ въ изданномъ проф. Ѳ. И. Успенскимъ текстѣ.

стояли накрѣпко. И генваря въ 7 день съ нами литовскіе послы на томъ розъѣхались и розорвали, а уговорити Антоня и пословъ не могли, чтобъ тебя государя въ титлѣ писали съ царскимъ именованьемъ и смоленскимъ и лиолянскимъ. И у Онтоня мы, холопи твои, и послѣ пословъ наединѣ были и говорили ему о твоемъ государевѣ имени и о титлѣ много, чтобъ Антоней тебѣ государю послужилъ, пословъ литовскихъ уговорилъ, и уговорити, государь, Антоня отнюдь не могли. А говорилъ Антоней: литовскимъ деи посломъ никакъ того не писывати, а безъ папина повелѣнья королю литовскому какъ государя вашего царемъ писати?“ На другой день утромъ Поссевино явился къ московскимъ уполномоченнымъ съ заявленіемъ, что онъ уже дважды посылалъ къ королевскимъ уполномоченнымъ, убѣждая ихъ не уѣзжать, не заключивъ мира, и выразилъ готовность еще разъ попытаться удержать королевскихъ пословъ, если только московскіе уполномоченные откажутся отъ требованія, чтобы имя государя ихъ было написано съ царскимъ титуломъ. Московскіе уполномоченные, не смотря на категорическій отказъ Поссевино содѣйствовать имъ въ этомъ, снова стали убѣждать его, чтобы онъ склонялъ королевскихъ уполномоченныхъ исполнить ихъ требованіе относительно царскаго титула. Но папскій посолъ отказалъ имъ: „безъ папина повелѣнья“, говорилъ онъ, „никакъ королю государя царемъ не писывати, а мнѣ деи того здѣлати не мочно, а литовскіе деи послы говорятъ вамъ по дѣлу, и прежніе деи короли литовскіе государю вашему съ царьскимъ именемъ и смоленскимъ не писывали, и вамъ деи то пригоже отставити...“. Московскіе уполномоченные отвѣтили Поссевино, что „прежніе короли литовскіе къ государю нашему писали титла всѣ, какъ при предкѣхъ бывало, а какъ государь нашъ взялъ царство казанское и астороханское, и король Жигимонтъ Августъ ко государю нашему и присылалъ на тѣхъ царствахъ съ поздравленьемъ Юрья Тишкѣевича, а нынѣ межъ государей дѣло новое стало, чего и съ предковъ не бывало, столько городовъ государь нашъ царь и великій князь поступаетца Стеѳану королю даромъ безъ кровопролитья для покою христьянского, и коли такое доброе дѣло сстанетца межъ государей, и государя нашего съ царьскимъ именемъ какъ не писати, что ему государю Богъ далъ,

а не напишутъ послы государя нашего въ титлѣ съ царьскимъ именемъ, ино и покою не быть". Что отвѣтилъ Поссевино московскимъ уполномоченнымъ, несмотря на его настояніе не отказавшимся отъ своего требованія, изъ статейнаго списка не видно. Московскіе уполномоченные, непосредственно за вышеприведеннымъ своимъ отвѣтомъ польскому послу, вписали въ статейный свой списокъ, что часа за два до вечера того же дня, когда у нихъ былъ Поссевино, къ послѣднему пріѣхали королевскіе уполномоченные князь Янушъ Збаражскій и писарь Михаилъ Гарабурда, о чемъ Поссевино извѣстилъ и ихъ, пригласивъ явиться къ нему. Московскіе уполномоченные явились и снова, по словамъ ихъ, „говорили посломъ много, чтобъ они... государя написали въ записи въ договорной царемъ и великимъ княземъ и царемъ казанскимъ и царемъ асторохансвимъ, да и смоленскимъ и лиѳлянскимъ", представляя тѣ же основанія, какія ими были изложены утромъ того же дня предъ Поссевино. Польскіе уполномоченные отвѣтили имъ, что не имѣютъ отъ короля наказа исполнить ихъ требованіе, а Поссевино—что безъ повелѣнія папы Іоаннъ IV не будетъ написанъ царемъ. „И уговорити, государь, пословъ и Антонья никакъ не мочно", доносили царю московскіе уполномоченные, „Антоней стоитъ съ послы заодинъ". Вслѣдствіе этого они согласились, чтобы королевскіе уполномоченные написали имя Іоанна IV безъ царскаго титула, но заявили, что въ перемирной грамотѣ со стороны своего государя напишутъ имя его со всѣми титулами, на что королевскіе уполномоченные изъявили согласіе послѣ продолжительныхъ споровъ. Покончивъ эти споры, московскіе уполномоченные стали читать текстъ договора, въ которомъ Григорій XIII былъ названъ только папою, а Поссевино не посломъ, но посланникомъ, что возбудило гнѣвъ въ послѣднемъ: „и Антоней то услышевъ учелъ сердитовать", отмѣтили въ своемъ статейномъ спискѣ московскіе уполномоченные. Папскій посолъ упрекалъ ихъ, что Іоаннъ IV не пишетъ папу „намѣстникомъ Христовымъ и учителемъ всего христьянства", а его—Поссевино—посломъ. Отмѣчая неоднократно, что папскій посредникъ не соблюдалъ должнаго безпристрастія и оказывалъ поддержку королевскимъ уполномоченнымъ, московскіе послы въ заключеніи своего донесенія о ходѣ перего-

воровъ на съѣздѣ у Киверовой Горы сдѣлали такую характеристику посредничеству Поссевино: „а стоитъ, государь, Онтоней съ королевы стороны, говорилъ съ литовскими послы на съѣздехъ въ одни рѣчи“ [1]).

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1582 г. въ Москву были отправлены королемъ послы для подтвержденія заключеннаго договора. Они получили такой наказъ относительно царскаго титула: отказать московскому государю въ титулѣ царя всея Руси на томъ основаніи, что король имѣетъ подъ своею властью не только столицу русскихъ земель, но и бóльшую часть окраинъ ихъ, если же государь изъявитъ готовность вернуть королю Смоленскъ и сѣверскую землю со всѣмъ тѣмъ, что было завоевано у короля Сигизмунда, въ такомъ случаѣ подать надежду, что король, быть можетъ, согласится писать его царемъ русскимъ, но не всея Руси; если бы Іоаннъ IV не согласился уступить королю за признаніе царскаго титула Смоленскъ и сѣверскую землю, послы должны были предложить ему отказаться въ пользу короля отъ правъ на Лифляндію [2]). Королевскіе послы въ Москвѣ предложили уступить королю Смоленскъ и права на Лифляндію за признаніе царскаго титула [3]), но на это бояре отвѣтили посламъ: „государь нашъ царь и великій князь велѣлъ вамъ говорити, чтобъ вы въ перемирной грамотѣ государя нашего титло описали, какъ въ своихъ грамотахъ государь нашъ описуетца царемъ и великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи и великимъ княземъ Смоленскимъ, а государь нашъ государя вашего Стеѳана короля напишетъ братомъ и съ полнымъ именованьемъ и лифлянскимъ въ титлѣ учнетъ писать государя вашего, а въ томъ бы межъ государей нашихъ любовь множилась; коли ужъ государи помирились, ино бъ и впередъ во всемъ досады ни о чемъ не было съ обѣ стороны“. Послы отвѣтили боярамъ, что написать въ договорной грамотѣ Іоанна IV

[1]) „Переговоры о мирѣ между Москвой и Польшею въ 1581—1582 годахъ“, изд. проф. Ѳ. И. Успенскимъ въ „Зап. Имп. Нов. Унив.“ т. 45, стр. 406 и слѣд.; гл. Архивъ М. И. Д. въ Москвѣ, Книга польскаго двора № 13, лл. 583—590. Переговоры о царскомъ титулѣ въ трудахъ о. Пирлинга: Papes et Tsars, p. 286 sqq.; la Russie et le Saint-Siège, II, p. 142 sqq.

[2]) „Кн. пос. метр. вел. кн. лит.“ II, стр. 249.

[3]) Кн. польск. дв. № 14, лл. 182—183 и об.

царемъ всея Руси не могутъ, но „есть ли государь вашъ поступитца государю нашему Ругодива и иныхъ городовъ лифлянскихъ, что за свѣйскимъ королемъ, и титулу лифлянского, и мы въ перемирной напишемъ государя вашего царемъ русскимъ, а не всеа Русіи, а всея Русіи писать намъ государя вашего не умѣть, потому что государь нашъ держитъ за собою главу русскихъ городовъ Кіевъ и иные городы, и намъ какъ государя вашего царемъ всеа Русіи писать; а хоти-бъ и король Стеѳанъ похотѣлъ такъ сдѣлати, что государя вашего царемъ всеа Русіи писать, ино бъ мы того не сдѣлали; намъ государь нашъ пануетъ такъ, на чемъ посполито на радѣ приговорятъ, то и дѣлать, а чего всею землею не прирадятъ, то государю нашему недѣлати“. Бояре сказали посламъ, что „они всчинаютъ новое дѣло, что къ доброму дѣлу не пристоитъ“, что „король Стеѳанъ во всѣхъ грамотахъ пишетъ великому государю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, да и прежніе короли полскіе и великіе князи литовскіе потомужъ писали: государю всеа Русіи, а нынѣ почему государя царемъ всеа Русіи не писать? И говорили о томъ съ послы рѣчи спорные“. Послы отвѣтили, что имъ „такова наука дана отъ короля“, и если Іоанну IV угодно не принять предложенныя ими условія, то они напишутъ въ договорной грамотѣ имя его безъ царскаго титула [1]. Іоаннъ IV условій этихъ не принялъ, и въ договорной грамотѣ со стороны короля имя его написано было безъ царскаго титула [2].

Не менѣе упорно, чѣмъ польско-литовскіе государи, и Римъ отказывалъ Іоанну IV въ признаніи его царскаго титула [3].

---

[1]) Кн. польск. двора № 14, лл. 185 об.—187 об.

[2]) „Кн. пос. метр. вел. кн. лит.“ II, № 98.

[3]) Въ этомъ отношеніи князья древней Руси, не требовавшіе признанія за ними какого либо новаго титула, были болѣе счастливы: великій князь Изяславъ въ буллѣ папы Григорія VII (въ 1075 г.) названъ былъ Rex, а супруга его—Regina (Hist. rus. mon., извл. А. И. Тургеневымъ, I, стр. 1; гр. Д. Толстой „Римскій католицизмъ въ Россіи“, I, стр. 4 и слѣд.; Pierling, La Russie ect. I, pag. XII sqq); въ буллѣ папы Гонорія III (написанной въ 1227 г.) всѣ русскіе князья названы были Reges (Hist. rus. mon. I, pag. 20); королями были названы: вел. кн. Георгій Всеволодовичъ въ буллѣ папы Григорія IX (въ 1231 г., ibid. pag. 30), вел. кн. Даніилъ галицкій въ буллахъ папы Иннокентія IV

Съ воцареніемъ Іоанна IV возобновились попытки папъ склонить московскаго государя обѣщаніемъ королевскаго титула къ церковной уніи. Этому способствовали до нѣкоторой степени Шлитте и Штейнбергъ. Гансъ Шлитте, саксонецъ, отправленный царемъ въ 1547 г. за границу съ порученіемъ набрать тамъ ученыхъ и ремесленниковъ, сообщилъ императору Карлу V о мнимомъ намѣреніи царя присоединиться къ католической церкви [1]). Въ 1550 г. въ головѣ Шлитте созрѣлъ планъ: исходатайствовать у папы королевскій титулъ для московскаго государя и устроить церковную унію между Римомъ и Москвою. Съ цѣлью выполненія этого плана Шлитте избралъ австрійца Штейнберга, котораго съ титуломъ московскаго канцлера отправилъ въ Римъ для осуществленія своего проекта, не уполно-

---

(ibid. №№ 62, 67, 68, 69, 72, 74, 75, 77) и въ буллѣ папы Александра IV (въ 1257 г., ibid. № 95) и Василько, князь владимірскій на Волыни, въ буллѣ папы Иннокентія IV (въ 1247 г., ibid pag. 67; Александръ Невскій названъ былъ въ буллѣ папы Иннокентія IV княземъ—Dux (ibid. № 78, въ 1248 г.). Титулъ Rex, даваемый папами русскимъ князьямъ, находитъ себѣ объясненіе въ стремленіи римскаго престола присоединить ихъ къ церкви католической. Тоже стремленіе побуждало папъ къ сношеніямъ съ московскими государями, но кромѣ этого было и другое побужденіе: озабоченные мыслію о борьбѣ противъ Турокъ, папы видѣли въ московскихъ государяхъ могущественныхъ союзниковъ для этой борьбы. Такимъ образомъ къ первой, давнишней, причинѣ сношеній папскаго престола съ князьями еще древней Руси, присоединилась новая. Сношенія эти не легко было поддерживать: на пути между Римомъ и Москвою находилась Польша. Занятая борьбою съ московскими государями, изъ которыхъ наиболѣе выдающійся собиратель земли русской Іоаннъ III объявилъ, что вся русская земля его отчина, Польша не желала уніи Москвы съ Римомъ: между ею и Москвою яблокомъ раздора были русскія земли, вошедшія въ составъ литовскаго государства, почему Польша ревниво слѣдила за сношеніями Рима съ преемниками Іоанна III и налагала на нихъ, по выраженію о. Пирлинга, свое veto (Papes et Tsars, p. 12; о томъ положеніи, которое занимали короли Польши между московскими государями и папами, см. op. cit. p. 7). Вслѣдствіе этого далеко не всѣ миссіи, снаряжавшіяся изъ Рима въ Москву, достигали своего назначенія, но и онѣ представляютъ интересъ, потому что грамоты папъ къ московскимъ государямъ и инструкціи папскимъ посламъ открываютъ, чего Римъ желалъ отъ московскихъ государей и какимъ путемъ думалъ достичь желаемого.

[1]) Проф. Форстенъ „Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII вв.“ I, стр. 43; Pierling, Rome et Moscou, p. 7; Papes et Tsars, p. 33; La Russie et le Saint-Siège, I, p. 324.

моченный на то Іоанномъ IV [1]). Въ Римѣ, гдѣ готовы были дать Іоанну IV королевскій титулъ за подчиненіе папскому престолу [2]), составлена была инструкція графу Герберштейну и Штейнбергу, которые должны были вести переговоры отъ имени папы съ Іоанномъ IV [3]), и написана была грамота отъ папы же къ московскому государю, въ которой выражалась радость по поводу желанія его съ подданными своими присоединиться къ католической церкви; въ надписи къ грамотѣ Іоаннъ IV былъ названъ: Universorum Ruthenorum Imperator [4]). Миссія эта не состоялась вслѣдствіе энергичнаго протеста короля Сигизмунда II Августа. По приказанію папы кардиналъ Маффеи передалъ представителю польскаго короля въ Римѣ копіи съ нѣкоторыхъ документовъ, имѣвшихъ прямое отношеніе къ миссіи Штейнберга, и посланіе къ Сигизмунду II Августу, въ которомъ тотъ извѣщался о намѣреніи папскаго двора пріобрѣсти новаго члена римской церкви и даровать Польшѣ мирнаго сосѣда [5]). Результатомъ этого извѣщенія было отправленіе королемъ двухъ пословъ: одного къ императору германскому Карлу V и къ королю римскому Фердинанду I, другого—къ папѣ. Первый посолъ долженъ былъ прежде отправиться къ Фердинанду I съ просьбою убѣдить императора, дабы послѣдній не только не содѣйствовалъ московскому государю въ полученіи отъ папы короны и королевскаго титула за присоединеніе къ католической церкви, но отклонилъ бы папу отъ намѣренія почтить такимъ даромъ московскаго государя [6]). Король исполнилъ желаніе Сигизмунда II Августа; отъ императора получено было обѣщаніе поддержать въ Римѣ польскаго посла [7]), гдѣ послѣдній долженъ былъ употребить всѣ усилія,

---

[1]) Проф. Форстенъ, назв. тр., I стр. 46; Pierling, Rome ect p. 12, Papes ect. p. 38, La Russie ect I p. 328. Ѳ. И. Успенскій высказываетъ соображенія, что миссія Штейнберга была дѣломъ не только Шлитте, но и императора Карла V (Ж. М. Н. Пр. 1884 г. августъ, 396).

[2]) Hist rus. mon. I, № 131.

[3]) Ibid. № 132.

[4]) Ibid. № 133.

[5]) Pierling, La Russie et le Saint-Siège, I, 339. Ѳ. И. Успенскій смотритъ на это извѣщеніе Сигизмунда II Августа какъ на актъ неосторожности Маффеи (Ж. М. Н. Пр. 1884 г. августъ, 397).

[6]) Hist. rus. mon. I, № 134. Pierling, op. cit. p. 343.

[7]) Pierling, op. cit. p. 346.

чтобы воспрепятствовать миссіи графа Герберштейна и Штейнберга. Польскому послу въ Римѣ наказано было передать увѣренность короля, что послѣ полученія королевскаго титула отъ папы московскій государь и думать не будетъ о соединеніи церквей: такъ поступилъ Даніилъ галицкій съ папою Иннокентіемъ III, Василій же II едва не убилъ кардинала Исидора за принятіе флорентійской уніи; посолъ долженъ былъ указать, что папы Александръ VI и Левъ X не дали короны Василію II, послы котораго явились въ Римъ просить ее для своего государя [1]). Въ случаѣ, если бы корона уже была отправлена Іоанну IV, польскій посолъ долженъ былъ представить протестъ, въ которомъ король изливалъ горькія жалобы на папу: дать московскому государю королевскій титулъ значило вступиться за враговъ Польши и нанести ударъ безопасности польскаго королевства, вслѣдствіе чего король отнынѣ не поручится за традиціонную покорность Польши св. престолу и готовъ будетъ даже на союзъ съ Турками. Но до такого протеста дѣло не дошло: корона не была отправлена въ Москву [2]). Іоаннъ IV и не зналъ, что изъ за королевской короны, которой онъ не просилъ, но которую папа намѣренъ былъ возложить на него, едва не произошелъ разрывъ между Римомъ и Польшею [3]).

Въ 1561 г. сдѣлана была попытка въ Римѣ завязать сношенія съ Москвою. Папа Пій IV рѣшилъ послать Іоанну IV приглашеніе принять участіе въ тридентскомъ соборѣ. Передача царю папскаго бреве возложена была на болонскаго уроженца Франциска Канобіо. Въ надписи папскаго бреве Іоаннъ IV названъ былъ „великимъ княземъ Московіи“ [4]). Канобіо не доѣхалъ до Москвы: въ

---

[1]) О. Пирлингъ отмѣчаетъ, что нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя свидѣтельствовали бы, что Василій III просилъ въ Римѣ королевской короны (La Russie ect. I, 350, 1). Подробно изложена инструкція польскаго посла въ Римѣ Крыйскаго Ѳ. И. Успенскимъ. Посолъ долженъ былъ передать папѣ отъ имени короля слѣд.: „нашъ спеціальный и народа нашего интересъ—чтобы Московитъ никогда не получилъ королевскаго титула“ (Ж. М. Н. Пр. 1884 г. августъ, 400).

[2]) La Russie ect. I, 353.

[3]) Ibid., 357.

[4]) Hist. rus mon., I, № 140; Theiner, Vetera monum. Poloniae et Lithuaniae, II, № 699. Въ бреве посломъ папы къ царю названъ епископъ фаросскій Захарій Делфино, который вмѣстѣ съ Канобіо былъ кандидатомъ на исполне-

Польшѣ не смотрѣли благосклонно на сношенія Москвы съ Западомъ, и Сигизмундъ II Августъ не пропустилъ папскаго посла къ царю [1]).

Неудача, постигшая миссію Канобіо, побудила Римъ снарядить новое посольство въ Москву, но на этотъ разъ тайно отъ Польши. Задача пробраться къ царю возложена была на Джіованни Джиральди, знакомаго съ польскимъ и нѣмецкимъ языками. Джиральди долженъ былъ вручить царю буллу о созваніи собора въ Тридентѣ и бревэ Пія IV. Послѣднее пока не найдено, но инструкціи, данныя Джиральди, дошли до насъ [2]). Онѣ помѣчены сентябремъ 1561 г.; въ нихъ Іоаннъ IV названъ „королемъ" и титулуется „Величествомъ" [3]). О. Пирлингъ обращаетъ вниманіе на такое титулованіе московскаго царя. Въ глазахъ Рима, говоритъ онъ, королевскій титулъ былъ могущественнымъ средствомъ, чтобы сдѣлать московскаго государя послушнымъ св. престолу, поэтому удивительно, что титулъ этотъ давался безъ всякаго побужденія, безъ взаимныхъ уступокъ; инструкціи Джиральди представляются исключительными потому, что въ послѣдующихъ по времени документахъ со стороны Рима московскій государь королемъ не называется [4]). Обстоятельства, при которыхъ готовилась миссія Джиральди въ Москву, выяснены о. Пирлингомъ; объ этой миссіи не знали ни императоръ, ни польскій король. Не въ этомъ ли одна изъ причинъ, почему папа назвалъ Іоанна IV королемъ? Извѣстно, какъ польскій король противился, чтобы Римъ не давалъ московскому государю новаго титула даже въ томъ случаѣ,

---

ніе миссіи посла въ Москву; вслѣдствіе этого изготовлены были два одинаковыхъ по содержанію бревэ: одно съ именемъ Канобіо, какъ посла папы, другое—съ именемъ Делфино. Выборъ одного изъ этихъ кандидатовъ предоставленъ былъ кардиналу Гозію, представителю папы въ Вѣнѣ. (Pierling, La Russie ect, I, 362). По словамъ о. Пирлинга бревэ къ Іоанну IV съ именемъ Канобіо, нигдѣ не напечатанное, тождественно по содержанію съ бревэ съ именемъ Делфино (Rome et Moscou, p. 138, II).

[1]) Pierling, La Russie ect., I 368.

[2]) Ibid. I, 374. Взглядъ Ѳ. И. Успенскаго на посольство Джиральди въ Ж. М. Н. Пр., 1884 г., августъ, 403.

[3]) Hist. rus. mon., I, № 141.

[4]) La Russie ect. I, 375; Rome et Moscou, p. 139, III.

если бы царь призналъ папу главою церкви. Такъ какъ миссія Джиральди должна была совершиться втайнѣ, въ Римѣ могли думать, что король польскій не узнаетъ, что московскій государь названъ былъ королемъ. Съ другой стороны, папа, приказывая Джиральди называть Іоанна IV королемъ, что не обязывало римскій престолъ такъ титуловать московскаго государя и въ будущемъ, могъ видѣть въ этомъ средство пріобрѣсти расположеніе Іоанна IV. Римъ уже пробовалъ предлагать московскому государю королевскую корону подъ условіемъ присоединенія къ католической церкви, но не достигъ своей цѣли. Отправляя Джиральди въ Москву, Римъ могъ измѣнить свою политику въ томъ разсчетѣ, что королевскій титулъ долженъ былъ польстить самолюбію московскаго государя, расположить его въ пользу папы и возбудить въ немъ желаніе сохранить этотъ титулъ за собою навсегда. Въ Римѣ могли знать, какъ Іоаннъ IV упорно домогался признанія его новаго титула со стороны другихъ государей.

Миссія Джиральди имѣла участь, подобную миссіи Канобіо: его не пропустила Польша въ Москву, и бревэ папы къ Іоанну IV вмѣстѣ съ шифрованными депешами попало въ руки польскаго короля [1]).

Неудачныя попытки Рима вступить въ сношенія съ Москвою не заставили его отказаться отъ надежды достичь своей цѣли. Въ 1565 г. въ Римѣ опять было изготовлено бревэ отъ Пія IV къ Іоанну IV. Передача этого бревэ возложена была на нѣкоего епископа Бонифація, отличавшагося „апостольскою ревностью“, который долженъ былъ узнать отношеніе Іоанна IV къ лигѣ христіанскихъ государей. Въ своемъ бревэ папа, упомянувъ сначала о неудачныхъ миссіяхъ Канобіо и Джиральди, рекомендовалъ московскому государю Бонифація. Но и эта миссія, повидимому, не состоялась [2]).

Папа Пій V не отказался отъ видовъ своихъ предшественниковъ на Москву. Въ 1570 г. въ Римѣ отъ имени папы было на-

---

[1]) Ibid. I, 375.

[2]) Ibid., I, 378. О. Пирлингъ не приводитъ документовъ, относящихся къ этой миссіи; онъ говоритъ, что документы эти столь ветхи, что ихъ не выдаютъ. Объ этой миссіи нѣтъ упоминанія въ предшествующихъ по времени трудахъ О. Пирлинга: Rome et Moscou и Papes et Tsars.

писано Іоанну IV бревэ и изготовлены инструкціи папскому нунцію въ Польшѣ Портико, которому поручалось, если окажется возможнымъ, отправиться въ Москву. Приглашая Іоанна IV принять участіе въ союзѣ христіанскихъ государей противъ Турокъ, папа писалъ царю, что до него дошло извѣстіе о бывшемъ нѣкогда въ немъ желаніи присоединиться къ католической церкви; если это желаніе исполнится, гласило бревэ, то Іоаннъ IV испытаетъ отеческое къ нему расположеніе папы, который, чѣмъ только сможетъ, проявитъ свою къ нему благосклонность; о послѣднемъ поручалось обстоятельнѣе изложить послу Портико. Бревэ заканчивается просьбою папы вѣрить словамъ его посла. Написано оно безъ царскаго титула [1]. Нунцію предписывалось передать Іоанну IV, что папа недавно узналъ о посольствахъ отъ „его высочества" къ папамъ Павлу III [2] и Юлію III (посольство Штейнберга), что эти посольства оставили въ Римѣ наилучшее воспоминаніе и т. д. Нунцій долженъ былъ предложить московскому государю присоединиться къ лигѣ христіанскихъ государей, направленной противъ Турокъ. Къ этой инструкціи было добавлено шифрованное post-scriptum: папа слышалъ, что московскій государь изъявилъ желаніе получить слѣдующія милости и привилегіи: королевскій титулъ, священниковъ для наставленія его народа въ римскихъ обрядахъ, мастеровъ и проч. [3]. Но, съ одной стороны Портико не раздѣлялъ надеждъ Рима на успѣхъ возложенной на него миссіи [4], съ другой—польскій король далеко не выразилъ одобренія новой попыткѣ Рима завязать сношенія съ Москвой. Король писалъ кардиналу Гозію въ Римъ, что не можетъ допустить отправленія папскаго нунція въ Москву по двумъ причинамъ: во-первыхъ, Іоаннъ IV станетъ болѣе высокомѣрнымъ и несговорчивымъ, если увидитъ иностранцевъ въ Кремлѣ, во-вторыхъ, обращеніе Московитовъ есть химера; король добавилъ, что Русскаго труднѣе обратить, чѣмъ Іудея, хотя упорство сыновъ Авраама

---

[1]) Theiner, Vetera mon. Poloniae et Lithuaniae, II, № 796.

[2]) О. Пирлингъ замѣчаетъ, что сколько ему извѣстно, нѣтъ никакихъ слѣдовъ посольства отъ Іоанна IV къ названному папѣ (La Russie ect. I, p. 384, 1).

[3]) La Russie ect. I, 383; инструкція Портико впервые издана о. Пирлингомъ въ его же трудѣ: Rome et Moscou p. 140, V.

[4]) La Russie ect. I, 385.

вошло въ пословицу. Басня Эзопа заключала письмо короля: онъ выражалъ опасеніе, чтобы, нужды нѣтъ кто, не имѣлъ участи эзоповой собаки, которая выпустила изъ зубовъ добычу погнавшись за тѣнью, отраженною въ водѣ. Смыслъ былъ ясенъ: благопріятствовать Москвѣ значило посориться съ Польшею [1]). Портико, не сочувствовавшій возложенной на него миссіи, прежде чѣмъ выполнить ее, отправилъ двухъ емиссаровъ въ Москву, чтобы позондировать тамъ почву. Имена ихъ неизвѣстны, неизвѣстно также, выполнили ли они возложенное на нихъ порученіе. О. Пирлингъ считаетъ вѣроятнымъ, что они не имѣли возможности совершить путешествіе въ Москву [2]). Съ цѣлью отклонить Римъ отъ намѣренія вступить въ сношенія съ Москвою Портико воспользовался записками бѣжавшаго изъ московскаго плѣна солдата Альберта Шлихтинга, который въ мрачныхъ краскахъ изобразилъ Іоанна IV и посвятилъ свои мемуары польскому королю, а также донесеніями польскихъ пословъ, бывшихъ въ Москвѣ въ 1570 г. Портико достигъ своей цѣли: папа извѣстилъ польскаго короля и его, что отказывается отъ мысли вступить въ сношенія съ московскимъ государемъ [3]).

Такому рѣшенію Пія V не послѣдовалъ его преемникъ. Въ 1576 г. въ Римѣ опять возрождается мысль о сношеніяхъ съ московскимъ государемъ. Начавшіяся въ этомъ отношеніи попытки О. Пирлингъ ставитъ въ связь съ донесеніемъ объ Іоаннѣ IV Кобенцеля, бывшаго въ Москвѣ въ 1576 г. въ качествѣ посла императора Максимиліана II [4]). Кобенцель полагалъ, что обратить на-

[1]) Ibid. I, 392.

[2]) Ibid. I, 393.

[3]) Ibid. I, 394.

[4]) Кобенцель переѣхалъ московскую границу, направляясь въ Москву, въ началѣ декабря 1576 г. („Пам. дипл. снош. др. Рос.“ I, 486). Отпущенъ былъ Кобенцель царемъ изъ Можайска въ концѣ января 1576 г. (тамъ же, 568). Въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др.“ (1876 г. кн. II) напечатанъ съ предисловіемъ Бодянскаго переводъ „Донесенія о Московіи Іоанна Перштейна, посланника нѣмецкаго императора Максимиліана II при московскомъ дворѣ въ 1575 г.“ О. Пирлингъ высказалъ мнѣніе, что „Донесеніе,“ приписываемое Перштейну, принадлежитъ на самомъ дѣлѣ Кобенцелю. Такое мнѣніе о. Пирлингъ основываетъ, во-первыхъ, на томъ, что въ Москвѣ, въ царствованіе Іоанна IV, не было императорскаго посла, который назывался бы Перштейномъ, и во-вторыхъ, на сравненіи „Донесенія“ съ русскимъ описаніемъ посольства Кобенцеля („Пам. дипл. сн.“.

селеніе московскаго государства въ католицизмъ легко, и такъ какъ его донесеніе, судя по дошедшимъ до насъ спискамъ, было

I, 481) О. Пирлингъ указываетъ, что имена, даты и т. п. въ „Донесеніи“ и въ русскомъ описаніи посольства Кобенцеля вполнѣ сходны (Rome et Moscou, p. 149, IX) Послѣднее замѣчаніе о. Пирлинга оправдывается сравненіемъ „Донесенія“ съ русскимъ описаніемъ посольства Кобенцеля. Въ первомъ говорится, что авторъ его отправилъ извѣщеніе о своемъ пріѣздѣ изъ Орши въ Смоленскъ, у котораго его встрѣтилъ князь Дмитрій, объяснившій ему, что назначенъ сопровождать его къ царю („Чтен. въ Моск. Об. Ист. и Д. Р.“ 1876 г. кн. II, стр. 9). Авторъ „Донесенія“ называетъ этого князя Дмитрія по отчеству „Телопичемъ“; по мнѣнію Бодянскаго—это князь Дмитрій Петровичъ Елецкій (тамъ же, стр. 4 и прим. 10). Въ русскомъ описаніи посольства Кобенцеля и его товарища Даніила Принца сказано, что царь, извѣщенный о прибытіи императорскихъ пословъ къ московской границѣ, выслалъ къ нимъ въ качествѣ пристава князя Дмитрія Елецкаго („Пам. дипл. сн. др. Р.“ I, 481). Авторъ „Донесенія“ показываетъ, что къ нему въ Дорогобужъ присланы были царемъ для переговоровъ князь „Никита Романовичъ“ и съ нимъ другой князь изъ „Тайнаго его Совѣта“ и „канцелярскій“ со многими при нихъ „Боярами“ („Чтен.“, стр. 10), и въ русскомъ описаніи сказано, что въ Дорогобужъ къ императорскимъ посламъ отправлены были бояре: Никита Романовичъ Юрьевъ и князь Василій Сицкій-Ярославскій съ дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ („Пам. дипл. сн.“ I, 490). Въ „Донесеніи“ сказано, что авторъ его получилъ, по отъѣздѣ присланныхъ къ нему бояръ, отъ царя письмо, въ которомъ царь объяснялъ причину задержанія посольства въ Дорогобужѣ и обѣщалъ дать аудіенцію, какъ только представится къ тому возможность („Чтен.“, стр. 10), и въ русскомъ описаніи приведенъ текстъ царской грамоты къ посламъ, тождественный съ тѣмъ царскимъ письмомъ, содержаніе котораго передано въ „Донесеніи“, за исключеніемъ обѣщанія великихъ подарковъ послу („Пам. дипл. сн. I, 500), о которыхъ упомянуто въ „Донесеніи. Показанія автора „Донесенія“, что на нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣстопребыванія царя посланный царемъ подарилъ ему сани и бѣлую лошадь („Чтен.“, стр. 10), затѣмъ, что принятъ онъ былъ царемъ чрезъ день послѣ его пріѣзда („Чтен.“, стр. 11), и на аудіенціи поднесъ царю подарокъ императора: ожерелье съ императорскою короною на верху украшенное 62 довольно крупными брильянтами („Чтен.“, стр. 12), вполнѣ подтверждаются русскимъ описаніемъ („Пам. д. с.“ I, 504 и 511, 513). Слова автора „Донесенія“, что царь на отпускной аудіенціи объявилъ ему объ отправленіи къ императору своихъ пословъ: князя Захарія Суборскаго и Андрея Арцыбашева, („Чтен.“, стр. 15) вполнѣ подтверждаются русскимъ описаніемъ, въ которомъ только фамилія посылаемаго Сугорскаго написана правильно („Пам. д. с.“ I, 545). Авторъ „Донесенія“ говоритъ о своемъ пріѣздѣ въ Московію въ началѣ рождественскаго поста („Чтен.“, стр. 7), и такое показаніе не противорѣчитъ русскому описанію, по которому Кобенцель съ посольствомъ пріѣхалъ 1 декабря къ московскому рубежу. Не

очень распространено и извѣстно въ высшихъ сферахъ, то о. Пирлингъ склоняется къ мысли, что въ Римѣ, благодаря Кобенцелю,

---

сходится „Донесеніе" съ русскимъ описаніемъ въ опредѣленіи времени, прожитаго посломъ въ Дорогобужѣ: авторъ „Донесенія" говоритъ, что онъ прожилъ въ Дорогобужѣ 53 дня („Чтен.", "стр. 10), по показанію же русскаго описанія Кобенцель находился тамъ съ 6 декабря („Пам. д. с " I, 487) по первый четвергъ послѣ Крещенія (тамъ же, 502)—менѣе 53 дней. Въ пользу того, что Кобенцель былъ авторомъ „Донесенія", говоритъ еще слѣдующее: авторъ передаетъ, что во время обѣда у царя ему подносилъ блюда съ кушаньями и чаши съ виномъ главный кравчій со словами: „Jwane (называя меня по имени)! weliki czar" и т. д. („Чтен.", стр. 13), имя же Кобенцеля—Гансъ (Аделунгъ, „Критико-литерат. обозр. путеш. по Россіи", „Чтен., 1863 г. кн. II, № 78; Предисловіе къ русскому переводу „Донесенія" въ „Чтен.", 1876 г. кн. II; въ русскомъ описаніи Кобенцель названъ Яномъ). Въ пользу того, что авторомъ „Донесенія" былъ Кобенцель или кто либо изъ его свиты, говоритъ также сходство показаній „Донесенія" съ сочиненіемъ о Московіи, которое принадлежитъ товарищу Кобенцеля по посольству—Даніилу Принцу изъ Бухова. По словамъ Принца на встрѣчу посольству, во главѣ котораго находились Кобенцель и онъ, подъ Смоленскомъ посланъ былъ князь Дмитрій Елецкій („Чтен." ,1876 г. кн. III, стр. 49); шесть недѣль посольство провело въ Дорогобужѣ, куда царемъ были отправлены для переговоровъ съ послами „главные вельможи" (тамъ же, стр. 49)—Никита Романовичъ, князь Василій Сицкій и дьякъ Щелкаловъ (тамъ же, стр. 50); по отъѣздѣ названныхъ лицъ изъ Дорогобужа Кобенцель и Даніилъ Принцъ получили царскую грамоту, текстъ которой приведенъ Даніиломъ Принцомъ, и которая тождествена по содержанію съ грамотою, внесенною въ русское описаніе пріема Кобенцеля и Даніила Принца (тамъ же, стр. 50 и „Пам. дипл. сн. др. Р." I, 500; содержаніе царской грамоты вѣрно передано и въ „Донесеніи", приписываемомъ Перштейну); Кобенцель и Даніилъ Принцъ приняты были царемъ въ Можайскѣ („Чтен.", 1876 г., кн. III стр. 51); отъ императора они передали царю подарокъ: „золотую букву М, верхняя часть оторой представляла видъ императорской діадемы, украшенной алмазами..." (тамъ же, стр. 54); съ отвѣтомъ царя отправлены были къ императору русскіе послы: Захарій Сугорскій и Андрей Арцыбашевъ (тамъ же, 57).

Еще Карамзинъ считалъ авторомъ „Донесенія" Кобенцеля (И. Г. Р., изд. Эйнерлинга, къ т. IX прим. 440). Съ мнѣніемъ Карамзина не согласился Аделунгъ, приписавшій „Донесеніе" Филиппу Пренистану, который, по его словамъ, проѣзжалъ посломъ въ Россію въ 1579 г. („Критико-литер. обозр. пут. по Россіи", въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р.", 1863 г., кн. II, № 77). Бодянскій не считалъ авторомъ „Донесенія" ни Іоанна Перштейна, ни Филиппа Пренистана, но высказалъ предположеніе, что „Донесеніе" составлено кѣмъ либо не бывавшимъ въ московскомъ государствѣ, источникомъ же для составителя могло быть и описаніе путешествія въ московское государство, принадлежащее Кобен-

было забыто мнѣніе Портико [1]). Вслѣдствіе этого папскій нунцій въ Германіи кардиналъ Морони, воспользовавшись пріѣздомъ московскаго посольства къ императору Максимиліану II въ 1576 г., предложилъ князю Сугорскому и дьяку Арцыбашеву отвезти его письмо къ Іоанну IV, но московскіе послы отказались принять это письмо на томъ основаніи, что присланы они не къ папѣ, но къ императору [2]). О. Пирлингъ говоритъ, что московскимъ посламъ предлагалась грамота къ царю написанная не папою, но Морони [3]), и это ясно видно изъ грамоты послѣдняго, написанной позже къ Іоанну IV: Морони извѣстилъ царя, что онъ предложилъ московскимъ посламъ отвезти его письмо (litteras meas) къ ихъ государю, на что они отвѣтили отказомъ [4]).

Вслѣдствіе полученныхъ изъ Рима инструкцій кардиналъ Морони въ томъ же 1576 г. предложилъ доктору богословія Рудольфу Кленхену отправиться въ качествѣ посла въ Москву [5]). Кленхенъ охотно принялъ на себя эту миссію. Морони далъ ему

целю („Чтен. въ Моск. Об. и Др. Р.", 1876 г. кн. II, Предисловіе къ русскому переводу „Донесенія"). Въ защиту мнѣнія Карамзина выступилъ проф. Д. И. Багалѣй въ своей студенческой работѣ, въ которой представилъ новыя соображенія, приведшія его къ мнѣнію, что авторомъ „Донесенія" былъ Кобенцель. Къ такому же заключенію пришелъ и о. Пирлингъ (Rome et Moscou, p. 149, IX). Проф. Вержбовскій, разъясняя обстоятельства миссіи Кобенцеля, обѣщаетъ вполнѣ и окончательно выяснить вопросъ объ авторѣ „Донесенія", которое, говоритъ онъ, не принадлежитъ ни Кобенцелю, ни Перштейну, но есть ни что иное, какъ меморандумъ, составленное впослѣдствіи съ особою цѣлью, а отнюдь не то подробное донесеніе о выполненной миссіи, которое было представлено Кобенцелемъ императору по возвращеніи изъ Россіи, и которое до сихъ поръ не издано. Изданіе этого подлиннаго донесенія Кобенцеля обѣщано проф. Вержбовскимъ („Матеріалы къ ист. московск. госуд. въ XVI и XVII вв.", вып. I, 18). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что „Донесеніе" (итальянскій текстъ котораго изданъ въ Hist. rus. mon. I, № 179) составлено было на основаніи описанія Кобенцеля.

[1]) La Russie ect. I, 407.

[2]) Op. cit., 408. Объ отказѣ московскихъ пословъ принять папскую грамоту къ царю см. въ статейномъ ихъ спискѣ („Пам. дипл. сн." I, 695).

[3]) Rome et Moscou, 98.

[4]) „Переписка папъ съ рос. государями", изд. прот. Григоровичемъ, стр. 29 и у Старчевскаго: Hist. Ruthen. scriptores exteri II, pag. 3.

[5]) Pierling, La Russie ect. I, 409.

папское бревэ съ своимъ письмомъ къ Іоанну IV и инструкціи, цѣлью его миссіи ставившія слѣдующія задачи: убѣдить московскаго государя признать главенство папы и принять участіе въ войнѣ противъ Турокъ [1]). Кленхену наказывалось внушить московскому государю, что дружба и союзъ съ „Его Святѣйшествомъ, самимъ апостольскимъ престоломъ и св. Римскою Церковью“ будутъ для него и полезны и почетны, такъ что онъ можетъ ожидать отъ папы все то, что возвеличитъ его достоинство. Кленхенъ долженъ былъ указать Іоанну IV, что римскимъ первосвященникомъ было украшено титулами и соотвѣтствующими знаками достоинства не мало государей за добродѣтель и вѣру ихъ [2]). Морони предвидитъ, что Іоаннъ IV можетъ почувствовать себя обиженнымъ вслѣдствіе того, что бревэ не перечисляетъ всѣхъ его титуловъ, и наказываетъ Кленхену въ такомъ случаѣ объяснить государю, что въ краткой формѣ написанія его имени не заключается ничего обиднаго для его достоинства [3]). Въ письмѣ своемъ къ Іоанну IV Морони называетъ его „свѣтлѣйшимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ“ [4]). Но и эта попытка Рима вступить въ сношенія съ Москвою при содѣйствіи императора не увѣнчалась успѣхомъ. Максимиліанъ II, относившійся благосклонно къ намѣренію Рима отправить своего посла въ Москву, наканунѣ отъѣзда этого посла изъ Регенсбурга сообщилъ Морони, что нашелъ несвоевременнымъ отправленіе Кленхена къ московскому государю [5]).

Однако и эта неудача не заставила Римъ отказаться отъ мысли вступить въ сношенія съ московскимъ государемъ. Успѣшная борьба Персовъ съ Турками побудила папу хлопотать о соста-

[1]) Инструкціи Кленхену въ изд. прот. Григоровича: „Переписка папъ съ рос. госуд.“ стр. 35 и у Старчевскаго: Hist. Ruthen. scriptor. exteri II, pag. 4.

[2]) Назв. изд. Григоровича 52 и Старчевскаго 6.

[3]) Назв. изд. Григоровича 72 и Старчевскаго 9.

[4]) Назв. изд. Григоровича 29 и Старчевскаго 3.

[5]) Pierling, La Russie ect. I, 412. Императоръ писалъ Морони, что считаетъ необходимымъ предварительное соглашеніе между государями о тѣхъ дѣлахъ, которыя долженъ былъ трактовать въ Москвѣ Кленхенъ (Pierling, Rome et Moscou, p. 154, XII). О. Пирлингъ указываетъ на мнѣніе Антонія Поссевино, что Максимиліанъ II наложилъ свое veto на отправленіе Кленхена въ Москву вслѣдствіе боязни новаго успѣха папскаго престола (La Russie ect. I, 412).

вленіи союза христіанскихъ государей для войны съ Турками на балканскомъ полуостровѣ. Враждебныя отношенія между Іоанномъ IV и Стефаномъ Баторіемъ были главнымъ препятствіемъ къ осуществленію этого проекта, вслѣдствіе чего усилія Рима направляются на устраненіе этого препятствія. Въ 1579 г. кардиналъ ди-Комо отправилъ депешу нунцію въ Варшавѣ Андрею Калигари, возлагая на него задачу примиренія Іоанна IV съ Баторіемъ для борьбы съ Турками. Калигари долженъ былъ раскрыть предъ Баторіемъ перспективу завоеванія не только Молдавіи и Валахіи, но и самаго Константинополя, и уполномочивался отправить въ Москву посла съ однимъ или двумя экземплярами постановленій флорентійскаго собора. Посолъ долженъ былъ преслѣдовать задачу присоединенія Іоанна IV какъ къ союзу христіанскихъ государей, направленному противъ Турокъ, такъ и къ католической церкви [1]. Но Баторій не былъ расположенъ къ миру съ Іоанномъ IV, вслѣдствіе чего Калигари не могъ вступить въ сношенія съ Москвою [2].

Давнишнія желанія папъ завязать сношенія съ Москвою осуществились въ 1580 г. Въ этомъ году Іоаннъ IV отправилъ въ Римъ гонца своего Истому Шеврилина съ грамотой къ папѣ. Царь писалъ, что желаніе его быть въ союзѣ съ папой и императоромъ для борьбы съ мусульманскими государями не можетъ осуществиться вслѣдствіе войны съ Баторіемъ, почему и предлагалъ папѣ велѣть Баторію „отъ своего пастырства и учителства“, чтобы тотъ отказался отъ союза съ мусульманскими государями и пересталь проливать христіанскую кровь [3].

---

[1]) Pierling, La Russie ect. I, 413 sqq., 419; Rome et Moscou p. 156, XIII Содержаніе депеши ди-Комо на рус. яз. у проф. Успенскаго въ Ж. М. Н. Пр., 1884 г., августъ, 409.

[2]) Pierling, La Russie ect. I, 421 sqq. О. Пирлингъ указываетъ, что существовала мысль отправить посла въ Москву съ папскимъ бревэ чрезъ Стокгольмъ, но она не была осуществлена (ibid. 430).

[3]) „Пам. дипл. сн.“ X, 5. О. Пирлингъ указываетъ, что Іоаннъ IV тонко прикрылъ желаніемъ участвовать въ анти-оттоманской лигѣ настоящій мотивъ своего обращенія къ папѣ (La Russie ect. II, 3). Въ данномъ случаѣ Іоаннъ IV выставилъ такой же мотивъ обращенія къ папѣ, какой выставлялся Римомъ для объясненія его желаній вступить въ сношенія съ Москвою: анти-оттоманскій союзъ. Какъ Римъ прикрывалъ свое желаніе присоединить московское го-

Давно Римомъ желанный посолъ московскаго государя былъ принятъ съ почетомъ [1]). Миссія Шевригина увѣнчалась успѣхомъ: для примиренія Іоанна IV съ Баторіемъ отправленъ былъ Антоній Поссевино [2]). Въ инструкціи, данной ему, видное мѣсто занимаетъ наставленіе склонить московскаго государя къ церковной уніи [3]): Поссевино долженъ былъ внушить Іоанну IV, что апостольскій престолъ награждаетъ тѣхъ государей почестями и великими титулами, которые заслужатъ ихъ благочестіемъ и храбростью, и что „Его Высочество, если окажется склоннымъ совершить то, о чемъ была рѣчь (рѣчь была о церковной уніи),

---

сударство къ католической церкви стремленіемъ включить московскаго государя въ союзъ, направленный противъ мусульманскихъ государей, такъ и Іоаннъ IV стремленіемъ къ тому же союзу прикрылъ свое желаніе прекратить борьбу Баторіемъ.

[1]) Статейный списокъ Шевригина въ „Пам. дип. сн." X, 17; Pierling, op. cit., II, 17. Въ консисторіи папа выразился, что по поводу прибытія московскаго посла Sunt magnae gratiae agendae Deo... (Hist. rus. mon. I, pag. 389).

[2]) Проф. Успенскій указываетъ, что Римъ воспользовался обращеніемъ къ нему царя, чтобы возбудить вопросъ о церковной уніи, и приводитъ рядъ документовъ, которые обнаруживаютъ римскіе виды при снаряженіи въ Москву Поссевино. Что въ Римѣ на первомъ планѣ ставили вопросъ религіозный, ясно видно изъ словъ папы, сказанныхъ кардиналамъ въ консисторіи еще въ то время, когда Шевригинъ находился въ Римѣ и исполненіе желанія Іоанна IV было предметомъ обсужденія. Папа говорилъ, что хотя въ грамотѣ царя не было никакого упоминанія о церковной уніи, тѣмъ не менѣе и ему, папѣ, и другимъ казалось, что посланный къ московскому государю долженъ прежде начать дѣло присоединенія московскаго населенія къ римской церкви, а затѣмъ уже примирять Іоанна IV съ польскимъ королемъ (Hist. rus. mon. I, pag. 389. Это заявленіе папы имѣлось въ виду и о. Пирлингомъ (La Russie ect. II, 21). Мнѣніе, что миссія Поссевино имѣла главнѣйшею своею цѣлью церковную унію, подтверждается описаніемъ этой миссіи, которое въ 1584 г. издано было въ Римѣ въ Annuae litterae ордена іезуитовъ, и недавно переиздано о. Пирлингомъ подъ заглавіемъ: Antonii Possevini missio Moscovitica, Parisiis, an. 1882. Missio Moscovitica, говоритъ въ предисловіи о. Пирлингъ, компиляція, составленная на основаніи письма Поссевино къ генералу ордена іезуитовъ Аквавивѣ и писемъ одного изъ спутниковъ Поссевино въ Старицу (Préface, IX). На одной изъ страницъ этой компиляціи читаемъ: De religione autem (quod unum maximo ex hac missione petebatur) nihil summo P. Possevini studio confectum est (49).

[3]) Hist rus. mon. I, № 212.

кромѣ награды, заключающейся въ вѣчномъ спасеніи, можетъ пріобрѣсти еще бо́льшія почести и государства чрезъ посредство этой, благочестивой и любви преисполненной, матери" [1]). Поссевино долженъ былъ также изъяснить Іоанну IV, что въ случаѣ участія его въ анти-оттоманской лигѣ христіанскихъ государей онъ, какъ ближайшій къ Турціи и могущественнѣйшій государь, можетъ завладѣть многими ей принадлежащими землями [2]).

Папскій посолъ, везя Іоанну IV грамоту отъ папы, написанную безъ царскаго титула, долженъ былъ обѣщать царю титулы за повиновеніе апостольскому престолу, но самъ онъ въ своихъ грамотахъ, судя по русскому ихъ переводу, еще до пріѣзда своего въ Москву называлъ Іоанна IV царемъ [3]).

Исполняя данныя ему инструкціи, Поссевино обратилъ вниманіе Іоанна IV на Востокъ, указывая, что предки его воевали съ успѣхомъ въ Азіи и на балканскомъ полуостровѣ, хотя и не имѣли той мощи, какою обладалъ Іоаннъ IV, и обѣщалъ ему отъ имени папы вмѣстѣ съ великою честью и титулами земли на Востокѣ: „которые на восходъ солнца, чтобъ за тобою вѣчно были, а твои предкове, которые были, не одержали за собою тѣхъ Государствъ и люда, сколко ты имѣешь, и тѣ ходили воевать въ Азѣю, и въ Греки и въ Царьгородъ счастливѣе, для чего навышшій Папа и святый столецъ апостолскій отъ сходу солнца и до заходу всѣ прямые притчи сказалъ, чтобъ твое государство всегда было на восходъ солнца, и тебяб Государя великою честію и титлами умножить, которые пригодятца къ твоему величеству, а тобѣ было по Божьему велѣнью, такъ какъ Святому Петру и его

---

[1]) Ibid. pag. 303.

[2]) Ibid. 303. О миссіи Поссевино въ Москву у Д. Толстаго: „Римскій католицизмъ въ Россіи", I, 33 и слѣд.

[3]) Папская грамота къ царю въ „Пам. дипл. сн." X, 80; царемъ названъ былъ Іоаннъ IV въ грамотѣ Поссевино, отправленной къ нему изъ Праги чрезъ Шевригина; на подписи этой грамоты Іоаннъ IV былъ написанъ только царемъ казанскимъ. Въ грамотѣ къ боярину Никитѣ Романовичу Юрьеву Поссевино также называлъ Іоанна IV царемъ („Пам. дипл. сн." X, 35 и слѣд.). По прибытіи своемъ въ Москву Поссевино титуловалъ Іоанна IV царемъ какъ въ рѣчахъ своихъ къ нему (тамъ же, 72, 98, 299) и въ грамотѣ къ нему же (тамъ же, 183), такъ и при переговорахъ съ боярами (тамъ же, 75, 77, 79, 267, 272).

намѣстникомъ Богъ далъ; таковожъ бы твоего царства титлу съ розмноженіемъ ся писало и на небесѣхъ утвержено было... А въ тѣхъ дѣлѣхъ навышшій Папа накладу своего не пытаетъ..." [1]). Отъ имени царя сказано было Поссевино, что онъ радъ воевать вмѣстѣ съ христіанскими государями противъ мусульманъ, но что для этого необходимо прежде всего установить миръ между христіанскими государями [2]). Соглашаясь помириться съ Баторіемъ и итти на Востокъ, царь не желалъ отвернуться отъ Запада: „...и потому намъ нелзя поступитися королю всее Лиѳлянскіе земли,—толко намъ ее всее поступитись, и намъ не будетъ ссылки ни съ Папою, ни съ Цесаремъ ни съ которыми съ иными государи съ Италѣйскими и съ Поморскими мѣсты, развее намъ какъ король Полской захочетъ пропускъ учинити, а не захочетъ король Полской пропуску учинити, ино намъ ни съ которыми государи ссылки не будетъ..." [3]).

Въ другой разъ Поссевино за присоединеніе къ католической церкви обѣщалъ Іоанну IV не только „прародительскую вотчину"—Кіевъ, но и „царствующій градъ". Царь на это отвѣтилъ іезуиту: „намъ съ вами не сойдетца въ вѣрѣ..., мы В. Г—рь во хрестьянской вѣрѣ родилися и Божіею благодатью дошли есмя совершенного возрасту, пятьдесятъ лѣтъ съ лѣтомъ намъ, ино мнѣ неколи ужъ перемѣнятись и на болшое государство хотѣти" [4]). Эта бесѣда происходила между царемъ и Поссевино 21 февраля 1581 г. [5]); изложенная и самимъ Поссевино, она соотвѣтствуетъ русской записи. За насажденіе „православной и католической вѣры" на Востокѣ Поссевино, по его словамъ, обѣщалъ Іоанну IV слѣдующее: „ты будешь (награжденъ и) вѣнчанъ болѣе славными титулами и регаліями, чѣмъ какими вѣнчался, и вскорѣ послѣ этого провозгласятъ тебя Императоромъ Востока". Іоаннъ IV на это отвѣтилъ: „что касается власти надъ Востокомъ, то *земля Господня* (курсивъ подлинника), которую Онъ дастъ, кому Ему угодно будетъ" [6]).

---

[1]) Тамъ же, 104.

[2]) Тамъ же, 129.

[3]) Тамъ же, 174.

[4]) Тамъ же, 300 и слѣд.

[5]) Тамъ же, 281.

[6]) Supplem. ad hist. rus. mon. pag. 102, изд. Археограф. ком.

Изъ бесѣды съ Іоанномъ IV Поссевино вынесъ убѣжденіе, что царь и не думалъ о полученіи какого либо титула отъ папы. „Что касается Королевскихъ или Цесарскихъ титуловъ", говоритъ Поссевино, „то онъ (Іоаннъ IV), уже присвоившій ихъ себѣ, вовсе не ищетъ ихъ у Апостольскаго Престола; Цесаря же онъ довелъ до того, что тотъ въ грамотахъ своихъ пишетъ его братомъ своимъ, Царемъ, т. е., или Королемъ Казани и Астрахани, или Императоромъ. Такъ какъ верховный Первосвященникъ ему такихъ титуловъ не усвояетъ, то и онъ его Святѣйшество называетъ только Пастыремъ и Учителемъ Римской Церкви, и хотя я ему относительно этого сдѣлалъ нѣкоторыя представленія, однако онъ не измѣнилъ такого титулованія, впрочемъ, публично назвалъ его (Святѣйшество) почтеннѣйшими титулами: верховнымъ Первосвященникомъ, намѣстникомъ Христа и нѣкоторыми другими подобными титулами. Самъ же онъ съ большимъ неудовольствіемъ переноситъ, что его Святѣйшество называетъ его только знатнымъ и Великимъ Княземъ Московіи. Но, быть можетъ, его Святѣйшество обсудитъ, нельзя ли прибавить что либо (къ его титуламъ) въ виду обширности областей его, а также въ виду надежды привлечь его къ лучшему, чтобы только перо потрясенное не сломилось. Пусть ему пишутъ такъ, чтобы онъ назывался Господиномъ не всея Руси, но только Руси, и не наслѣдникомъ Ливоніи, или что либо подобное, чѣмъ нарушились бы права другого" [1]).

Признать папу главою церкви Іоаннъ IV не желалъ и не былъ намѣренъ отвернуться отъ Запада, увлекаясь мыслію объ имперіи на Востокѣ Европы. Римъ сильно заблуждался, надѣясь на успѣхъ миссіи Поссевино [2]). Обѣщаемые папою титулы не плѣняли Іоанна IV, въ чемъ убѣдился и Поссевино. Нѣкогда Герберштейнъ выразился объ отцѣ Іоанна IV, что тотъ „самъ сдѣлалъ себя царемъ и императоромъ" [3]), но не искалъ царскаго достоинства ни у папы,

---

[1]) Supplem. ad. hist. rus. mon. pag. 31.

[2]) Мысль о насажденіи католицизма на Востокѣ при содѣйствіи царя, считавшагося наслѣдникомъ правъ на византійскую имперію и титулы ея императоровъ, развита была Поссевино въ докладныхъ запискахъ, поданныхъ имъ въ Венеціи сенаторамъ еще на пути его въ Москву (Pierling, La Russie ect., II, 37, 2).

[3]) Перев. Анонимова, 32.

ни у императора [1]); тоже примѣнимо и къ Іоанну IV: онъ требовалъ только признанія того титула, который изрѣдка усвоялъ себѣ его дѣдъ, чаще его отецъ, и который всегда усвоялъ себѣ онъ послѣ вѣнчанія на царство, но подобно отцу своему, не желалъ принимать какіе либо титулы отъ власти земной.

При посредничествѣ Поссевино перемиріе было заключено съ Баторіемъ, и Іоаннъ IV, вѣрный высказанному имъ въ грамотѣ къ папѣ желанію заключить миръ съ Польшею, дабы вступить въ борьбу противъ мусульманскаго міра, отпуская Поссевино, отправилъ съ нимъ въ Римъ своего посланника Якова Молвянинова. Царь писалъ папѣ, что готовъ вступить въ переговоры съ христіанскими государями для заключенія союза съ ними, и что Поссевино получилъ отвѣтъ на всѣ сдѣланныя имъ предложенія. Называя себя въ грамотѣ къ папѣ царемъ, Іоаннъ IV не высказываетъ ему неудовольствія на то, что тотъ его не титулуетъ такъ, и не требуетъ признанія за нимъ царскаго титула [2]). Царь видѣлъ, что папа не былъ намѣренъ признать его титулъ, но готовъ дать ему титулы подъ условіемъ церковной уніи.

Въ царствованіе Іоанна IV начались сношенія московскаго государства съ Англіей [3]). Англійское правительство, заботясь о торговыхъ интересахъ своихъ подданныхъ, старалось находиться въ дружественныхъ отношеніяхъ къ московскимъ государямъ, вслѣдствіе чего готово было, не жертвуя своими интересами, устранять все, что могло возбудить неудовольствіе московскихъ государей. Благодаря этому московскимъ государямъ не приходилось спорить съ англійскимъ правительствомъ изъ за признанія усвояемаго ими себѣ титула.

---

[1]) Тамъ же, 30 и слѣд.

[2]) „Пам. дипл. сн.“ X, 351 и слѣд. Статейный списокъ Якова Молвянинова въ „Пам. дипл. сн.“ I, 881 и слѣд.

[3]) О сношеніяхъ московскаго государства съ Англіей въ изслѣдованіяхъ академика Гамеля: „Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ“, 2 статьи въ приложеніяхъ къ VIII и XV томамъ „Записокъ Имп. Ак. Н.“; Ю. Толстаго: „Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіею и Англіею“, Спб. 1875 г.; проф. Замысловскаго: „Очеркъ сношеній Россіи съ Англіею въ царствованіе Ивана Грознаго“ въ „Древн. и Нов. Россіи“, 1876 г. т. II, стр. 160; проф. Мартенса: „Россія и Англія въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ“ въ „Русской Мысли“, 1891 г. кн. 1, стр. 38 и кн. II, стр. 1.

Въ грамотѣ короля Филиппа и королевы Маріи англійскихъ, написанной въ 1557 г., царь назывался Imperator [1]). На надписи предшествующей по времени грамоты отъ короля Филиппа и королевы Маріи Іоаннъ IV названъ Emperour [2]); также названъ Іоаннъ IV въ переведенной на англійскій языкъ грамотѣ его къ королю Англіи Эдуарду въ 1554 г. [3]). Названіе императоръ было обычнымъ титуломъ, который усвоялся королевою англійскою Елизаветою Іоанну IV [4]).

Преемникъ Іоанна IV, подобно ему, требовалъ признанія за нимъ царскаго титула въ тѣхъ случаяхъ, когда ему не усвояли этого титула.

Къ германскому императору такихъ требованій не приходилось предъявлять: во всѣхъ грамотахъ къ Θедору Іоанновичу императоръ называлъ его царемъ [5]). Иначе дѣло обстояло со стороны Польши. Унаслѣдовавъ отъ отца своего царскій титулъ, Θедоръ Іоанновичъ вмѣстѣ съ тѣмъ унаслѣдовалъ и споры изъ за него съ польскимъ королемъ.

Въ 1590 г. въ Москву пріѣхали королевскіе послы для заключенія мира [6]). Боярамъ велѣно было „поговорити съ послы о

---

[1]) Ю. Толстой, назв. изслѣд. № 4, стр. 13 и 15; царь ошибочно названъ Василіемъ.

[2]) Тамъ же, № 3, стр. 9.

[3]) Тамъ же, № 2, стр. 7.

[4]) Тамъ же, № 6, стр. 22; № 8, стр. 28; № 16, стр. 49; № 25, стр. 90—92; № 26, стр. 96—97. Въ русскомъ переводѣ грамотъ Елизаветы къ Іоанну IV названіе „императоръ“ передавалось словомъ „царь“ (С. И. Р. И. Об. т. 38, стр. 1, 8, 47), какъ называлъ себя Іоаннъ IV въ грамотахъ къ Елизаветѣ (въ передачѣ англійской: „Czar“, см. Ю. Толстаго назв. трудъ №№ 18 и 19, стр. 67; № 32, стр. 124; № 35, стр. 147; № 36, стр. 153; № 41, стр. 189). Въ англійскомъ переводѣ рѣчей московскихъ пословъ, отправленныхъ къ Елизаветѣ въ 1582 г., названію „царь“ соовѣтствуетъ слово „king“ (тамъ же, № 42, стр. 190—193). Также и въ переводѣ грамоты царя Θедора Іоанновича къ королевѣ Елизаветѣ слово „царь“ передано чрезъ „king“ (тамъ же, № 57, стр. 253 и 261), а „цесарь“—чрезъ „emperor“ (тамъ же, стр. 259 и 267).

[5]) „Пам. дипл. снош.“ I, 929, 936, 944—948, 975, 1098 и т. д.; II, 1—652.

[6]) Описаніе Книгъ польскаго двора, излагающихъ сношенія Θедора Іоанновича съ Польшею со времени воцаренія его, у Бантышъ-Каменскаго въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р.“ за 1861 г. кн. I, стр. 1 и слѣд.

царьскомъ имени и о смоленскомъ титлѣ, чтобъ послы написали въ перемирной грамотѣ въ королевѣ словѣ государево имя сполна съ царьскимъ именованьемъ"... [1]). Бояре убѣждали пословъ, „чтобъ въ перемирную грамоту въ королевѣ словѣ написали послы государя царя и великого князя съ полнымъ царьскимъ именованьемъ, какъ описують его государя всѣ великіе государи: папа римской и салтанъ турской и цесарь хрестьянской и король ишпанской и иные великіе государи". Послы отвѣтили боярамъ: „намъ о томъ отъ государя нашего отъ Жигимонта короля наказу нѣтъ, что государя вашего писати царемъ и смоленскимъ, а дана намъ наука писати въ перемирныхъ грамотахъ государя вашего имя и титло во всемъ по прежнему; вы въ своей грамотѣ государя своего пишете, какъ хотите, а намъ писати по прежнему". На упорныя требованія бояръ написать въ перемирной прамотѣ имя Ѳедора Іоанновича съ царскимъ титуломъ послы не менѣе упорно отвѣчали отказомъ, ссылаясь на неимѣніе полномочій, и предлагали, чтобы московскій государь отправилъ своихъ пословъ къ королю для переговоровъ о признаніи его царскаго титула [2]). Пришлось уступить посламъ, но Ѳедоръ Іоанновичъ не отказался отъ мысли склонить короля къ признанію за нимъ царскаго титула.

Въ 1591 г. московскіе послы, отправленные къ королю для подтвержденія заключеннаго въ Москвѣ перемирія, получили наказъ требовать отъ короля признанія царскаго титула Ѳедора Іоанновича. Московскіе послы должны были говорить, что Ѳедору Іоанновичу „царьское имя Богъ далъ отъ прародителей его, государя нашего, и всѣ великіе государи: папа римской и цесарь христьянской и король ишпанской и салтанъ турской и иные великіе государи описують государя нашего съ полнымъ царьскимъ именованьемъ по его государеву достоинству, а шахъ перситцкой пишетъ великому государю нашему царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русіи самодержцу съ его государьскимъ съ царьскимъ полнымъ именованьемъ и съ великою честью и съ прошеніемъ, чтобъ великій государь нашъ его принялъ въ любовь и въ братство и въ соединенье; одной стороны государя вашего

---

[1]) Главн. Архивъ М. И. Д. въ Москвѣ, Кн. польскаго двора № 20 л. 468.

[2]) Кн. польскаго двора № 20 лл. 471—472 об.

въ томъ нелюбовь государь нашъ къ себѣ видитъ, что его великого государя нашего государь вашъ царьскимъ именованьемъ не описуетъ... (далѣе слѣдуетъ упрекъ королю за нежеланіе писать Ѳедора Іоанновича государемъ „смоленскимъ“, и изложеніе правъ царя на этотъ титулъ). И государю бы вашему нынѣ въ перемирной грамотѣ для государя нашего любителного сходителства государя нашего имяна писати съ полнымъ царьскимъ именованьемъ и смоленскимъ, какъ государя нашего описуютъ братья его всѣ великіе государи... А государь нашъ противъ того государя вашего Жигимонта короля учнетъ писати братомъ и лиѳлянскимъ и сполна титло описати, а самъ государь лиѳлянскимъ писатись не учнетъ. А безъ царьского именованья и безъ смоленского титла и безъ Ругодива межъ великихъ государей въ томъ доброе дѣло и впередъ совершено статись не можетъ. И послы государя вашего Станиславъ Радиминскій съ товарищи [1]) зъ государя нашего бояры, которые въ отвѣтѣ были, говорили, что имъ о царьскомъ именованьѣ и о смоленскомъ титлѣ отъ государя ихъ Жигимонта короля науки нѣтъ, а дана имъ наука писати въ перемирныхъ грамотахъ государя нашего имя и титло во всемъ по прежнему, а о томъ бы государю нашему приказати къ Жигимонту королю... И нынѣ великій государь нашъ царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ далъ намъ свой государевъ наказъ съ вами паны радами говорити, чтобъ государь вашъ Жигимонтъ король тоѣ грамоту, которую писали послы его на Москвѣ, велѣлъ переписати (съ) списка, каковъ намъ данъ отъ государя нашего, и титло государя нашего великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русіи самодержца велѣлъ написати въ перемирной грамотѣ сполна, съ царьскимъ именованьемъ и смоленскимъ потомужъ, какъ описуютъ государя нашего всѣ великіе государи по его достоинству... А государь нашъ великій государь царь и великій князь противъ того Жигимонту королю также любовь свою учинитъ: лиѳлянскіе всѣ горо-

---

[1]) Станиславъ Радоминскій и Габріель и Матвѣй Войны заключили въ Москвѣ въ 1590 г. перемиріе на 12 лѣтъ (Бантышъ-Каменскій „Переписка между Россіею и Польшею“ въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др.“ 1861 г. кн. I, стр. 26).

ды, которые нынѣ за свѣйскимъ, опричъ одново Ругодива, велитъ описати въ перемирной грамотѣ въ Жигимонтову королеву сторону и въ титлѣ государя вашего велитъ написати въ перемирной и впередъ учнетъ писати лифлянскимъ сполна, а самъ государь нашъ лифлянскимъ писатися не учнетъ. А за такими сходительными любовми межъ великихъ государей и межъ государствъ можетъ статися и вѣчное доконъчанье и соединенье на покой христьянской". Наказъ московскихъ пословъ предвидитъ, что паны могутъ признать „дѣломъ не статочнымъ" переписку перемирной грамоты, на которой царь цѣловалъ крестъ, и будутъ говорить, что „то уже дѣло приговорено и закрѣплено". Въ такомъ случаѣ посламъ наказывалось отвѣтить, что если король согласится написать въ перемирной грамотѣ имя царя такъ, какъ царь желаетъ, то они, послы, напишутъ договорную запись и крестъ поцѣлуютъ на томъ, что царь велитъ написать новую перемирную грамоту, въ которой территоріальный титулъ короля будетъ написанъ согласно ихъ обѣщанію. Если бы паны предложили, чтобы за признаніе царскаго титула королемъ царь велѣлъ написать въ перемирной грамотѣ короля братомъ своимъ и „королевства шветцкого наближшимъ дѣдечемъ и пришлымъ королемъ", послы должны были отвѣтить, что сначала слѣдуетъ приговорить о царскомъ титулѣ Ѳедора Іоанновича, „и какъ о томъ приговорите, и тогды и тѣмъ титломъ свѣйского королевства наблизшимъ дѣдичемъ и пришлымъ королемъ и съ братствомъ государь нашъ почнетъ описывати государя вашего, приговоря о свѣйскомъ о той статьѣ, а не приговоря о свѣйскомъ, тепере говорити нелзя" [1]).

Московскіе послы, какъ видно изъ ихъ статейнаго списка, изложили предъ панами все о царскомъ титулѣ по наказу [2]), но паны потребовали за признаніе царскаго титула московскаго государя не то, что предвидѣлъ наказъ, данный посламъ. Имъ отвѣтили, что титулъ царя будетъ писаться со стороны короля такъ, какъ царь желаетъ, но подъ условіемъ уступки королю того, „что было изстари къ великому княжству литовскому: Новгородъ Великій, Псковъ, Смоленескъ, Луки Великіе, сѣверская земля и иные городы,

[1]) Кн. польскаго двора № 21 лл. 42 об.—48 об.

[2]) Тамъ же, лл. 386—389.

и тобъ все государь вашъ поступился къ корунѣ полской и къ великому княжству литовскому, и государь нашъ тѣми титулы государя вашего учнетъ писати". Обѣщая за уступку требуемыхъ городовъ признаніе царскаго титула, паны московскимъ посламъ замѣтили, что титулъ этотъ наслѣдовалъ Ѳедоръ Іоанновичъ не отъ прородителей своихъ: „а у насъ есть прежніе докончалные грамоты, какъ бывало докончанье Казимеру королю съ прадѣдомъ государя вашего съ великимъ княземъ Иваномъ, и въ тѣхъ въ докончалныхъ грамотахъ писался государь вашъ великимъ княземъ, а не царемъ. А царемъ сталъ писатися отецъ государя вашего блаженные памяти великій государь и великій князь Иванъ Василевичъ всея Русіи. А къ намъ и нынѣ русскіе деньги заходятъ отъ вашихъ торговыхъ людей, которые деньги дѣланы при дѣдѣ государя вашего блаженные памяти при великомъ князѣ Васильѣ, и на тѣхъ деньгахъ печатано: князь великій, а не царь". Московскіе послы панамъ отвѣтили: „мы тово отъ васъ пановъ радъ коруны полскіе и великого княжства литовского и не чаяли, что вамъ такіе безмѣрные слова говорити. Сами вы то можете вѣдать, что государь нашъ великій государь и ни одное деревни не отдастъ изъ того ни изъ которого города, и вамъ было пригоже говорить то, чтобъ государь вашъ Жигимонтъ король государю нашему великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи самодержцу поступился искони вѣчные вотчины государя нашего прородителей: Кіева и Волыни и Подолья и Полотцка и Витепска и смоленскихъ пригородовъ по Березыню..." Требовать отъ царя уступки королю русскихъ земель за признаніе царскаго титула значило, по словамъ московскихъ пословъ, не желать мира съ московскимъ государствомъ для борьбы противъ мусульманскаго міра [1]).

Король подтвердилъ заключенное его послами двѣнадцатилѣтнее перемиріе, но Ѳедора Іоанновича царемъ не призналъ. Эта первая попытка Ѳедора Іоанновича склонить короля къ признанію за нимъ царскаго титула была вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднею.

Англійская королева Елизавета титуловала Ѳедора Іоанновича такъ же, какъ и отца его [2]). Неудовольствій со стороны

---

[1]) Тамъ же, лл. 390—392.

[2]) Ю. Толстой „Россія и Англія", стр. 243 и слѣд.; С. И. Р. И. Об. т. 38, стр. 151 и слѣд., 174.

Өедора Іоанновича на королеву за неполное написаніе титула его не было до 1590 г. Въ этомъ году Елизавета отправила къ царю грамоту, въ которой, между прочимъ, жаловалась на оскорбленія, нанесенныя въ Москвѣ посланнику ея Флетчеру, на нарушенія въ московскомъ государствѣ привилегій англійскихъ купцовъ и т. п. [1]). Въ отвѣтѣ на грамоту королевы царь изъявилъ свое неудовольствіе за умаленіе его титула: „а грамоты твоего вел—ва къ намъ написаны съ умаленіемъ нашего достоинства и почетныхъ титловъ, которые доселѣ въ другихъ твоихъ грамотахъ прописывались сполна. Тѣ твои грамоты были запечатаны твоею малою печатью, которая, какъ сказалъ Ер. Горсей, печать казначейства твоего вел—ва. А къ нашему вел—ву, братъ нашъ Султанъ Турецкій, Цесарь Римскій и иные великіе государи пишутъ наше достоинство и наши титлы сполна и прикладываютъ къ грамотамъ свою великую государственную печать; и мы то же дѣлаемъ для твоего вел—ва и для тѣхъ великихъ государей и пишемъ къ тебѣ грамоты съ полнымъ твоимъ титломъ и прикладываемъ къ нимъ нашу великую печать... Сперва хотѣли мы не принимать твоихъ грамотъ, потому что онѣ были надписаны и запечатаны не по тому обычаю, какъ ты дѣлала прежде при отцѣ нашемъ, славныя памяти Иванѣ Васильевичѣ, В. Г. Ц. и В. К. всея Россіи, и какъ пишутъ къ намъ всѣ другіе великіе государи прописывая титлы наши сполна... Но, по прошенію нашего шурина, конюшаго и ближняго боярина, намѣстника Казанскаго и Астраханскаго Бориса Өедоровича Годунова, мы твои грамоты приняли...“ [2]). О правахъ своихъ на тѣ титулы, которые не были написаны въ грамотѣ королевы, царь не считалъ нужнымъ писать; онъ ограничился только тѣмъ, что сослался на прежнія грамоты королевы, въ которыхъ титулъ его былъ написанъ сполна, и на грамоты тѣхъ государей, которые титула его не умаляли. Королева отвѣтила царю, что не имѣла намѣренія оскорбить его краткимъ написаніемъ титула его и неприложеніемъ къ грамотѣ великой государственной печати, ибо ничто столь не чуждо ей, какъ умаленіе чести, подобающей столь великому и могущественному

[1]) Ю. Толстой „Россія и Англія“, стр. 381—390.

[2]) Тамъ же, 391 и слѣд.

государю, какъ Θедоръ Іоанновичъ, который, по мнѣнію ея, достоинъ бóльшей чести чѣмъ та, которую она въ состояніи ему оказать; королева указывала въ доказательство отсутствія умысла оскорбить царя краткимъ написаніемъ титула его на свой титулъ, который ею пишется сокращенно, и обѣщала впредь всегда писать имя царя такъ, какъ ему угодно [1]). Θедоръ Іоанновичъ отвѣтилъ королевѣ, что она написала ему относительно титула его „достаточно и весьма благожелательно" [2]).

Въ царствованіе Θедора Іоанновича возобновились сношенія съ Римомъ. Въ 1584 г. папою Григоріемъ XIII написаны были два бревэ: къ царю и московскимъ боярамъ. Царю папа писалъ о любви своей къ отцу его, о миссіи Поссевино, выполненной послѣднимъ по желанію Іоанна IV, выраженному въ грамотѣ, отправленной чрезъ Шевригина, высказывалъ сожалѣніе по поводу смерти Іоанна IV; письменное обращеніе къ царю—знакъ расположенія къ нему—папа мотивировалъ предположеніемъ, что Θедору Іоанновичу будетъ пріятно напоминаніе о добромъ расположеніи римскаго престола къ отцу его. Папа писалъ царю, что передачу ему своего бревэ онъ возложилъ на Поссевино, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ ему выяснить, сколь онъ, папа, благожелателенъ по отношенію къ нему. Вслѣдствіе невозможности въ настоящемъ бревэ изложить все желаемое, папа предлагалъ царю вѣрить словамъ Поссевино или, въ случаѣ Поссевино не имѣлъ бы возможности пріѣхать къ нему, письмамъ и посланнымъ отъ него лицамъ. Заканчивается папское бревэ пожеланіями царю всего радостнаго и счастливаго. Титуловалъ папа Θедора Іоанновича „государемъ Россіи, великимъ княземъ новгородскимъ, смоленскимъ, владимірскимъ, государемъ Казани, Астрахани и многихъ другихъ областей великимъ государемъ" [3]).

Въ то время, когда на Поссевино возлагалась эта миссія въ Москву, Стефанъ Баторій строилъ широкіе планы завоеванія Москвы, разгрома турецкой имперіи и утвержденія своего могущества на берегахъ Босфора. Этими планами увлеченъ былъ и

---

[1]) Тамъ же, 413, 415—416.

[2]) Тамъ же, 430.

[3]) Hist. rus. mon. II, № 4.

Поссевино. Въ Москву онъ не поѣхалъ и передалъ папское бревэ царскимъ посламъ, находившимся въ то время въ Польшѣ [1]). Это бревэ, повидимому, осталось безъ отвѣта со стороны царя.

Въ слѣдующемъ 1585 г. папа Сикстъ V, преемникъ Григорія XIII, шлетъ царю бревэ, въ которомъ напоминаетъ о миссіи Поссевино къ отцу его и говоритъ о своемъ желаніи быть полезнымъ московскимъ великимъ князьямъ. Бревэ заканчивается благими пожеланіями царю и народамъ его. Подобно своему предшественнику, Сикстъ V, называетъ Ѳедора Іоанновича „государемъ Россіи, великимъ княземъ Московіи, Новгорода, Смоленска, Владиміра, государемъ Казани, Астрахани и многихъ иныхъ областей великимъ государемъ“ [2]). Доставить царю это бревэ поручено было Поссевино, который употребилъ всѣ усилія, чтобы бревэ это не дошло по назначенію. Съ своей стороны Баторій предлагалъ другой планъ соединенія Москвы съ Римомъ: завоеваніе первой и посаженіе на тронъ Мономаха католическаго государя. Усиліями Поссевино и Баторія рѣшимость Рима вступить въ сношенія съ царемъ въ этотъ разъ была поколеблена, и бревэ не было доставлено царю [3]). Однако успѣхъ Баторія не былъ продолжителенъ Римъ не отказался отъ мысли о дружественныхъ сношеніяхъ съ царями. Уже въ слѣдующемъ 1586 г. Сикстъ V снова пишетъ царю бревэ, на этотъ разъ болѣе пространное: съ того времени, когда дѣдъ Ѳедора Іоанновича, великій князь Василій III, обратился къ папѣ Клименту VII съ просьбою примирить его съ Сигизмундомъ I, королемъ польскимъ, апостольскій престолъ возымѣлъ желаніе не прекращать съ московскими государями

---

[1]) Д. А. Толстой: „Римскій католицизмъ въ Россіи“, I, 73. Болѣе обстоятельно у о. Пирлинга: La Russie et le Saint-Siège, II, 253 sqq. Тоже въ болѣе раннемъ по времени трудѣ о. Пирлинга: Papes et Tsars (1547—1597), 379 sqq., Paris, a. 1890. Впервые о. Пирлингомъ изложены были московско-римскія сношенія въ періодъ времени отъ 1582 г. по 1587 г. въ сочиненіи его: Le Saint-Siège, la Pologne et Moscou, Paris, a. 1885. Высказанный тогда о. Пирлингомъ взглядъ на отношеніе Рима къ завоевательнымъ проектамъ Баторія подвергнутъ былъ критикѣ проф. Ѳ. И. Успенскимъ въ Ж. М. Н. Пр., 1885 г., августъ, стр. 311.

[2]) Hist. rus. mon. II. № 10.

[3]) La Russie ect. II, 289 sqq.

дружбы которая можетъ привести къ религіозному единомыслію [1]). Папа напоминаетъ царю о посредничествѣ Поссевино и о посольствѣ Якова Молвянинова къ Клименту VII, пишетъ о скорби своей по поводу смерти отца Ѳедора Іоанновича и радости по поводу воцаренія его въ той надеждѣ, что онъ не менѣе благосклонно и съ не меньшею любовью, чѣмъ дѣдъ и отецъ его будетъ относиться къ св. престолу. Желая привѣтствовать царя и явить ему полное свое расположеніе, папа посылаетъ къ нему Антонія Поссевино, которому поручаетъ всячески способствовать водворенію мира между царемъ и Баторіемъ, завоевательные планы котораго относительно нѣкоторыхъ русскихъ земель сильно озабочиваютъ его. Бревэ заканчивается пожеланіемъ, чтобы Господь просвѣтилъ разумъ царя и направилъ его къ вѣчному

[1]) Василій III, повидимому, не обращался съ подобною просьбою къ Клименту VII. На предложеніе Климента VII быть въ союзѣ съ христіанскими государями для борьбы противъ невѣрныхъ, Василій III въ 1525 г. отвѣтилъ чрезъ своего посла Дмитрія Герасимова, что онъ и впредь будетъ стоять противъ невѣрныхъ за христіанство, какъ стоялъ донынѣ (Прот. Григоровичъ, „Переписка папъ съ рос. государями", 19; Pierling, La Russie ect. I, 291, sqq. Въ слѣдующемъ 1526 г. Василій III отправилъ къ Клименту VII съ вѣрительною грамотою Трусова и Лодыгина (назв. тр. прот. Григоровича, 25). Прот. Григоровичъ указываетъ, что, по свидѣтельству Карамзина, документы, относящіеся къ посольству Трусова и Лодыгина, утратились (тамъ же стр. 104, прим. 14). Но Трусовъ и Лодыгинъ не были отправлены Василіемъ III къ Клименту VII съ просьбою примирить его съ Сигизмундомъ I. Вѣрительная грамота, данная имъ Василіемъ III, помѣчена декабремъ (см. назв. изд. прот. Григоровича, 26), между тѣмъ въ ноябрѣ 1526 г. Василій III заключилъ съ послами Сигизмунда I шестилѣтнее перемиріе, при чемъ согласился на этотъ срокъ вслѣдствіе убѣжденій пословъ императорскихъ и папскаго, самъ же хотѣлъ трехлѣтняго перемирія (С. И. Р. И. Об. т. 35, № 101, стр. 728 и слѣд.). О миссіи Трусова и Лодыгина говоритъ о. Пирлингъ; они были посланы съ порученіемъ набрать въ Италіи архитекторовъ и ремесленниковъ и доставить ихъ въ Москву (La Russie ect. I, 307). Замѣчаніе прот. Григоровича, что Лодыгинъ возвратился изъ Италіи въ 1528 г., основанное на замѣткѣ въ одной славянской рукописи, означенной его именемъ (назв. трудъ стр. 105, прим. 14) оправдывается показаніемъ о. Пирлинга (La Russie ect. I, 309). Съ Лодыгинымъ выѣхалъ изъ Москвы епископъ Скары Gian Francesco, который посланъ былъ Климентомъ VII для примиренія Василія III съ Сигизмундомъ I послѣ выраженной великимъ княземъ готовности стоять противъ невѣрныхъ, но не по просьбѣ великаго князя (Pierling, La Russie ect. I, 293 sqq.).

блаженству [1]). Сикстъ V, подобно своему предшественнику, титуловалъ царя „государемъ Россіи, великимъ княземъ Московіи, Новгорода, Смоленска, Владиміра, государемъ Казани и Астрахани и многихъ иныхъ областей великимъ государемъ“ [2]). Но и это бревэ не дошло по назначенію. Въ исходѣ 1586 г. скончался Баторій; кончина его измѣнила политическое положеніе дѣлъ на Востокѣ Европы. Поссевино, на котораго снова была возложена знакомая ему роль посредника между царемъ и королемъ, застигнутый въ горахъ Тироля на пути въ Польшу вѣстью о кончинѣ Баторія, возвратился въ Италію [3]).

Попытки Сикста V завязать сношенія съ Москвою не увѣнчались успѣхомъ; одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ его Климентъ VIII, обращаясь къ христіанскимъ государямъ съ призывомъ къ борьбѣ противъ Турокъ, отправилъ къ Ѳеодору Іанновичу аббата Александа ди Комоло, славянина по происхожденію, явившагося

---

[1]) О. Пирлингъ въ этомъ обращеніи папы къ царю видитъ благожелательное отношеніе Рима къ московскому государству. Иной взглядъ высказалъ Ѳ. И. Успенскій; онъ указываетъ, что Римъ принималъ участіе въ завоевательномъ проектѣ Баторія, направленномъ противъ московскаго государства (Ж. М. Н. Пр. 1885 г., августъ, 320). Врядъ ли Римъ относился враждебно къ самому существованію московскаго государства; по отношенію къ Москвѣ Римъ преслѣдовалъ одну цѣль: религіозное съ нимъ единеніе, и пока надежда на достиженіе этой цѣли существовала, Римъ не имѣлъ основанія относиться враждебно къ Москвѣ. Бревэ Сикста V представляется слѣдствіемъ этой надежды. Не стать на сторону проекта Баторія, не противясь въ то же время королю, дабы не возбуждать его противъ себя, въ Римѣ могло быть нѣсколько побужденій: во-первыхъ, надежда достичь своей цѣли въ Москвѣ помимо Баторія, не связывая себя благодарностью къ нему за церковное завоеваніе московскаго государства, которое представлялось Баторію слѣдствіемъ политическаго его завоеванія; во-вторыхъ, осторожность требовала не возбуждать противъ себя Москвы, потому что завоевательныя проекты Баторія могли имѣть и неудачный исходъ; въ-третьихъ, въ Римѣ могли и не желать чрезвычайнаго политическаго усиленія Баторія, потому что, повидимому, не ожидали отъ этого большой выгоды для католической церкви. Такое воззрѣніе отразилось даже на апологетѣ плановъ Баторія, Поссевино, который однажды сказалъ ему: „я боюсь, что слѣдствіемъ вашихъ побѣдъ будетъ проникновеніе аріанизма и атеизма туда, гдѣ прежде была только схизма“ (Pierling, La Russie ect. II, 266).

[2]) Hist. rus. mon. II, № 11.

[3]) La Russie ect. II, 314 sqq.

въ Москву въ 1595 г. [1]). Ди Комоло доставилъ царю бревэ Климента VIII, который, подобно Сиксту V, напоминалъ Θедору Іоанновичу объ услугахъ и объ отношеніи римскаго престола къ дѣду и отцу его, о дружественномъ расположеніи послѣдняго къ римскому престолу и о желаніи Іоанна IV быть въ союзѣ съ христіанскими государями для борьбы противъ Турокъ. Папа выражалъ увѣренность, что Θедоръ Іоанновичъ унаслѣдовалъ отъ отца своего такое же желаніе и убѣждаетъ осуществить его; дабы царь охотнѣе приступилъ къ борьбѣ съ Турками, папа посылаетъ къ нему священника Александра ди Комоло, знающаго русскій языкъ и вслѣдствіе этого имѣющаго возможность подробнѣе изложить то, что поручено ему. Обѣщая царю содѣйствіе другихъ христіанскихъ государей и вѣчную славу борца за христіанство, папа пишетъ ему, что съ своей стороны всячески отблагодаритъ его за участіе въ борьбѣ противъ невѣрныхъ, о чемъ ему подробнѣе изложитъ Александръ ди Комоло. Бревэ помѣчено 1594 г. Подобно Сиксту V, Климентъ VIII титуловалъ царя „государемъ Россіи, великимъ княземъ Московіи, Новгорода, Смоленска, Владиміра, государемъ Казани и Астрахани и многихъ иныхъ областей великимъ государемъ“ [2]). Въ чемъ могла выразиться благодарность папы царю въ случаѣ участія его въ походѣ противъ Турокъ, о которой долженъ былъ подробно говорить ди Комоло, можно видѣть изъ инструкціи, данной послѣднему [3]). Эта инструкція поясняетъ ди Комоло, что „еще при прежнихъ сношеніяхъ заявлялись разныя при-

---

[1]) Pierling, La Russie ect. II, 330 sqq.

[2]) Hist. rus. mon. II, № 26. Русскій переводъ въ изд. прот. Григоровича: „Переписка папъ“ и т. д., стр. 79).

[3]) Переводъ этой инструкціи изданъ былъ въ „Древн. Рос. Вивліоθикѣ“ XII, стр. 449, изд. 2. Итальянскій текстъ этой инструкціи изданъ былъ Д. Толстымъ въ его изслѣдованій „Римскій католицизмъ въ Россіи“, I, 337. Вторично инструкція эта переведена на рус. яз. проф. Θ. И. Успенскимъ, въ изданіи котораго она озаглавлена какъ данная Ангвишіолу, отправляемому папою Климентомъ VIII къ князю Московіи въ 1594 г. Θ. И. Успенскій дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что въ Римѣ сначала было предположено отправить въ Москву Ангвишіолу, на имя котораго была составлена инструкція, но потомъ ему предпочли ди Комоло, какъ знавшаго славянскіе языки („Русская Истор. Библ.“ VIII, № 5, стр. 22 и прим. 1).

тязанія этихъ московскихъ князей на титулы и на почести, какіе они приписываютъ себѣ, производя свою генеалогію отъ древнихъ императоровъ римскихъ". Инструкція велитъ ди Комоло въ случаѣ, если будетъ разговоръ на такую тему, „показать, что такіе титулы и достоинства всегда раздавались святымъ престоломъ; можете привести примѣры, болѣе имъ извѣстные, изъ исторіи царства польскаго, Венгріи и Богеміи, равно какъ изъ исторіи восточной и западной имперіи, пользуясь этимъ случаемъ внѣдрить въ умахъ тѣхъ, съ кѣмъ вамъ придется разсуждать, мысль объ авторитетѣ святого престола, и указать на достоинство, безопасность и честь тѣхъ, которые зависятъ отъ него и живутъ въ союзѣ съ нимъ, какъ милыя дѣти въ нѣдрахъ матери„ [1]). Инструкція предлагаетъ ди Комоло убѣдить царя отправить войско въ Молдавію, „чтобы вести потомъ войну съ Турками во Ѳракіи и занять города на Средиземномъ морѣ, что причинило бы послѣднимъ (Туркамъ) весьма важныя затрудненія". Перечисляя выгоды для московскаго государства отъ такой экспедиціи, ди Комоло долженъ былъ указать и слѣдующее: „...овладѣвъ нѣкоторыми городами на Черномъ морѣ, что̀ не представитъ особенныхъ затрудненій, она (московская нація) могла бы укрѣпиться тамъ и основать надежду на распространеніе славы и власти въ этомъ болѣе мягкомъ и счастливомъ климатѣ и открыть себѣ дорогу къ завоеванію самаго Константинополя, согласно древнимъ притязаніямъ Московитовъ, которые думаютъ, что имъ принадлежитъ эта имперія по наслѣдственному праву. Если будутъ отговариваться отдаленностью, можете сказать: Римъ еще дальше, однако же его святѣйшество рѣшился послать свой отрядъ, равно испанскій король, который живетъ еще дальше; что вѣра Христова и любовь къ религіи обладаетъ силой соединять и отдаленнѣйшія націи противъ тѣхъ, кто покушается попирать вѣру. Съ этою цѣлью имѣете употребить въ дѣло нѣкоторыя побужденія славы. Скажите, что угнетенныя націи говорятъ тѣмъ же или мало отличнымъ отъ Московитовъ языкомъ... Присоедините, что христіане всѣхъ этихъ странъ соблю-

---

[1]) Р. И. Б. VIII, стр. 34; „Др. Рос. Вивл." XII, стр. 457; у Д. Толстаго I, стр. 341.

даютъ греческій обрядъ и имѣютъ такимъ образомъ еще больше правъ на поддержку со стороны ихъ; что Московиты могутъ надѣяться на самый широкій и блистательный успѣхъ..." [1]).

О результатѣ этого посольства ди Комоло изъ русскихъ источниковъ ничего не узнаемъ; полное описаніе пребыванія папскаго посла въ Москвѣ и переговоровъ съ нимъ до насъ не дошло, уцѣлѣлъ только конецъ описанія, въ которомъ изложенъ отпускъ ди Комоло изъ Москвы [2]). Толстой и О. Пирлингъ полагаютъ, что миссія ди Комоло не имѣла никакого успѣха въ Москвѣ [3]). Такою безуспѣшностью этой миссіи можетъ быть объяснено вторичное появленіе ди Комоло въ Москвѣ въ 1597 г. [4]).

---

[1]) Р. И. Б. VIII, 31. Инструкція, данная ди Комоло, приведена была еще Щербатовымъ („Ист. Рос." т. VI, ч. II, стр. 283). Столько понадобилось убѣжденій, чтобы побудить царя предпринять походъ вмѣстѣ съ другими государями противъ Турокъ, которые по мнѣнію Русскихъ, какъ полагали въ Римѣ, владѣли тѣмъ, что принадлежало царю по праву наслѣдства.

[2]) „Пам. дипл. сн." X, 393—432.

[3]) „Римск. католицизмъ" I, 76; La Russie ect. II, 335 sqq.

[4]) Первое посольство ди Комоло, повидимому, не имѣло никакого вліянія на успѣхъ въ Москвѣ посольства Варкоча, бывшаго тамъ въ исходѣ 1594 г. и въ началѣ 1595 г. Варкочъ, императорскій посолъ, хлопоталъ въ Москвѣ о помощи деньгами императору для борьбы противъ Турокъ. Хлопоты его были успѣшны: царь отправилъ императору мѣха, въ Москвѣ оцѣненные въ 44720 р. и 8 денегъ, за границею же ихъ оцѣнили почти въ десять разъ болѣе („Пам. дипл. снош." II, 237 и 292). Варкочъ выѣхалъ изъ Москвы 9 марта 1595 г. (тамъ же, 183), а 13 апрѣля того же года было отправлено къ императору русское посольство, которое повезло съ собою мѣха (тамъ же, 202). Впослѣдствіи русскіе послы въ Прагѣ, на вопросъ находившагося тамъ папскаго посла, былъ ли у царя папскій легатъ Александръ, отвѣтили, что у царя былъ папскій посолъ Александръ Колеміусъ, при нихъ же отпущенный царемъ (тамъ же, 348). Но это показаніе русскихъ пословъ нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что ди Комоло отпущенъ былъ царемъ изъ Москвы въ бытность ихъ тамъ: 26 апрѣля они уже находились въ Смоленскѣ, несмотря на то, что ѣхали изъ Москвы „мѣшкотно" (тамъ же, 241 и слѣд.), тогда какъ ди Комоло отпущенъ былъ царемъ изъ Москвы 2 мая (тамъ же, 254). Говоря объ отпускѣ царемъ ди Комоло при нихъ, русскіе послы, повидимому, разумѣли, что ди Комоло отпущенъ былъ не въ бытность ихъ въ Москвѣ, но въ то время, когда они еще не выѣхали изъ предѣловъ московскаго государства. Дѣло въ томъ, что и Варкочъ и русское посольство въ Смоленскѣ ждали охранной грамоты польскаго короля для проѣзда чрезъ его владѣнія, и выѣхали изъ Смоленска только 10 іюня (тамъ же, 270 и слѣд.). Сюда же, въ Смо-

По повелѣнію папы въ 1597 г. ди Комоло предпринялъ вторичную поѣздку въ Москву [1]). Еще находясь въ Смоленскѣ, на пути въ Москву, ди Комоло послалъ царю грамоту, въ которой изъяснялъ обстоятельства своего вторичнаго къ нему посольства: по возвращеніи своемъ изъ Москвы въ 1595 г. въ Вильно онъ не могъ ѣхать въ Римъ по болѣзни, ко времени же выздоровленія его полученъ былъ имъ отъ папы приказъ остаться въ Вильно для „укрѣпленія вѣры хрестьянской въ Вилнѣ въ костелахъ"; въ то время, когда онъ занимался этимъ дѣломъ, папа прислалъ ему приказаніе вмѣстѣ съ императорскимъ посломъ ѣхать къ царю и передать ему бревэ. Ди Комоло извѣщалъ царя, что предложилъ папѣ писать въ грамотахъ къ нему титулъ его сполна, какъ то предлагалъ еще Антоній Поссевино папѣ Григорію XIII по отношенію къ отцу царя, но въ то время Григорій XIII не принялъ предложенія

ленскъ, послѣ отпускной аудіенціи царя, пріѣхалъ и ди Комоло, на пути въ Литву. Съ разрѣшенія царя ди Комоло посѣтилъ Варкоча и разспрашивалъ его о подробностяхъ пріема, оказаннаго ему царемъ; объ этомъ онъ могъ спросить Варкоча въ Москвѣ, если бы засталъ его тамъ (тамъ же, 254 и слѣд.). Что ди Комоло прибылъ въ Москву послѣ отъѣзда оттуда Варкоча, т. е. послѣ 9 марта 1595 г., можно заключить и изъ словъ самаго Варкоча. Еще въ Москвѣ 26 января 1595 г. на замѣчаніе Бориса Годунова, что о папскомъ послѣ, который, по словамъ Варкоча, долженъ былъ пріѣхать въ Москву, не было вѣсти, Варкочъ отвѣтилъ, что папскій посолъ долженъ былъ прибыть въ Москву вслѣдъ за нимъ, и что „чаяти его къ Государю вскорѣ" (тамъ же, 129 и слѣд.). Не было папскаго посла въ Москвѣ и тогда, когда 5 февраля того же года на аудіенціи у царя Варкочу было объявлено, что царь шлетъ императору денежную помощь въ мѣхахъ (тамъ же, 139 и 154); это видно изъ словъ Варкоча, тогда же имъ сказанныхъ. Онъ говорилъ, что испанскій и папскій послы должны посѣтить императора, а отъ него уже отправятся въ Москву, когда императоръ будетъ извѣщенъ объ отпускѣ его, Варкоча, и что съѣздъ пословъ испанскаго и папскаго у императора предполагался въ первыхъ числахъ мая 1595 г. (тамъ же, 157). 27 февраля Варкочъ говорилъ боярамъ, что по возвращеніи его къ императору послѣдній отправитъ къ царю своихъ пословъ, а также испанскихъ и папскихъ, и спрашивалъ, куда царь велитъ ѣхать этимъ посламъ: въ Москву или въ какой либо пограничный городъ (тамъ же, 161 и 163). Повидимому, когда папскій посолъ прибылъ въ Москву, Варкоча тамъ уже не было, потому что вопросъ о денежной помощи императору для борьбы противъ Турокъ рѣшонъ былъ въ Москвѣ въ положительномъ смыслѣ.

[1]) О вторичномъ пріѣздѣ въ Россію ди Комоло см. „Пам. дипл. снош.", X, 433 и слѣд.

Поссевино, теперь же предложеніе его, ди Комоло, принято папою: „а меня въ томъ дѣлѣ навышшей Папа послушалъ, и грамоты ко мнѣ прислалъ къ Вашему Цар. Вел-ву съ полными титлами: и толко бы про тѣ грамоты провѣдали Поляки и Литва“, писалъ папскій посолъ царю, „и онѣ бы меня съ тѣми грамотами никакъ не пропустили къ Вашему Цар. Вел-ву,—король бы и воеводы всѣ на меня кручинилися, а мнѣ ихъ гнѣвъ ни во што, потому что навышшей Папа воленъ въ титлахъ во всѣхъ, кому хочетъ, тому дастъ“ [1]). Папское бревэ, которое ди Комоло долженъ былъ передать царю, помѣченное апрѣлемъ 1596 г., напоминаетъ о первой миссіи ди Комоло. Климентъ VIII убѣждаетъ царя воспользоваться силою, ему отъ Бога данною, и вступить въ борьбу противъ Турокъ въ союзѣ съ императоромъ; въ награду за защиту христіанъ отъ Турокъ царь стяжаетъ славу. Папа пишетъ, что о всѣхъ дѣлахъ, которыя упомянуты въ бревэ, обстоятельно будетъ говорить ди Комоло, къ словамъ котораго царь долженъ имѣть полную вѣру. Бревэ заканчивается названіемъ дара къ царю и изъясненіемъ значенія его. Ѳедоръ Іоанновичъ титулуется: Czar, Dominus Russiae, Magnus Dux Moscoviae etc. [2]). Царемъ же названъ Ѳедоръ Іоанновичъ въ двухъ бревэ папы Климента VIII къ Борису Годунову. Оба эти бревэ написаны были одновременно съ бревэ къ царю. Папа просилъ Годунова благосклонно выслушать его посла, знавшаго русскій языкъ, и оказать ему содѣйствіе, гдѣ оно потребуется [3]).

Къ сожалѣнію, описаніе вторичного посольства ди Комоло не сохранилось въ полномъ видѣ: оно обрывается на самомъ интересномъ мѣстѣ—на изложеніи пребыванія папскаго посла въ Москвѣ [4]). Мы не знаемъ, какое впечатлѣніе въ Москвѣ произвело признаніе папою царскаго титула Ѳедора Іоанновича [5]). Подобно своему отцу,

[1]) Тамъ же, 454—456.

[2]) Hist. rus. mon. II, № 27.

[3]) Ibid. №№ 28 и 29.

[4]) „Пам. дипл. сн.“ X, 501.

[5]) Толстой говоритъ, что второе посольство ди Комоло кончилось точно такъ же, какъ и первое, т. е. ничѣмъ, несмотря на то, что посолъ былъ принятъ очень хорошо государемъ („Римскій католицизмъ“, I, 77). Къ сожалѣнію, Толстой не указалъ данныхъ, на основаніи которыхъ онъ заключилъ, будто

Θедоръ Іоанновичъ не требовалъ отъ папы признанія царскаго титула. Въ Москвѣ понимали, что римскій престолъ не былъ намѣренъ признать, но готовъ былъ дать царю титулы на условіяхъ, о которыхъ тамъ не желали и говорить [1]).

Старая династія московскихъ государей, пресѣкшаяся смертью второго царя, словно завѣщала преемникамъ своимъ блюсти, чтобы титулъ московскаго государя не умалялся тѣми государями, которыми онъ былъ уже признанъ, и требовать признанія царскаго титула со стороны тѣхъ государствъ, которыми титулъ этотъ еще не былъ признанъ. Преемники старой династіи, унаслѣдовавъ отъ нея титулы ея, унаслѣдовали вмѣстѣ съ тѣмъ и доказательства правъ на нихъ.

Вскорѣ послѣ избранія своего на престолъ Борисъ Годуновъ отправилъ посланникомъ дьяка Афанасья Власьева къ германскому императору Рудольфу II [2]). Власьевъ, получивъ отвѣтную грамоту императора, замѣтилъ, что въ ней „Царское имя писано не съ полнымъ Царскимъ имянованьемъ: Самодержца и титлъ не написано", вслѣдствіе чего потребовалъ, чтобы имя царя было написано „съ

ди Комоло былъ оказанъ въ Москвѣ хорошій пріемъ. Извѣстно, что изъ Смоленска, на пути въ Москву, папскій посолъ писалъ царю: „пощади, милостивый Царь, вели корму прибавити, не вели съ голоду уморить" („Пам. дипл. сн." X, 456), описаніе же пріема его въ Москвѣ не сохранилось. Иной взглядъ былъ высказанъ о. Пирлингомъ, который полагаетъ, что ди Комоло въ кремлѣ былъ оказанъ ледяной пріемъ (La Russie ect. II, 366 sqq. О цѣляхъ миссіи ди Комоло тамъ же, 363 sqq.).

[1]) Въ царствованіе Θедора Іоанновича въ 1589 г. явился въ Москву посолъ бухарскаго хана. Привезенная посломъ грамота хана къ царю была написана безъ царскаго титула, вслѣдствіе чего Борисъ Годуновъ написалъ хану письмо, въ которомъ упрекалъ его за написаніе имени царя безъ царскаго титула и указывалъ на другихъ государей, которые въ грамотахъ къ царю писали имя его съ царскимъ титуломъ („Сборникъ князя Хилкова, Хронологическое обозрѣніе политическихъ сношеній Россіи съ Бухаріею", стр. 446, и Прилож. на стр. 487).

[2]) Описаніе посольства Власьева не сохранилось въ полномъ видѣ; судя по концу отвѣтной грамоты императора, выражавшаго радость по поводу воцаренія Бориса Годунова, можно думать, что Власьевъ былъ отправленъ новымъ царемъ къ императору съ извѣщеніемъ о вступленіи его на московскій престолъ („Пам. дипл. сн." II, 653).

полнымъ Царскимъ имянованьемъ и съ титлы“ [1]). Требованіе московскаго посланника было исполнено. Кромѣ этого раза московскимъ дипломатамъ не приходилось требовать, чтобы имя Бориса Годунова писалось въ грамотахъ къ нему отъ императора „съ полнымъ царскимъ имянованьемъ и съ титлы“: императоръ избѣгалъ всякихъ столкновеній на этой почвѣ съ московскимъ правительствомъ [2]).

Попытки достичь признанія царскаго титула со стороны Польши возобновились въ царствованіе Бориса Годунова.

Борисъ Годуновъ отправилъ къ польскому королю посланника Михаила Татищева съ дьякомъ Иваномъ Максимовымъ, извѣщая короля о своемъ воцареніи. Посольству этому было поручено требовать, чтобы король въ грамотахъ къ царю писалъ полный его титулъ. Статейный списокъ московскаго посольства не сохранился, но что оно пыталось исполнить возложенное на него порученіе, знаемъ изъ упоминанія объ этомъ впослѣдствіи съ московской стороны [3]). Такъ какъ посольство Татищева не имѣло успѣха, Борисъ Годуновъ, пользуясь пребываніемъ королевскаго посольства въ Москвѣ въ 1600 г., возобновилъ требованіе признанія за нимъ царскаго титула; королевскіе послы [4]) явились въ Москву съ предложеніемъ заключить вѣчный миръ и союзъ для борьбы противъ Турокъ и Татаръ. Посламъ поставлено было однимъ изъ условій заключенія мира между Москвою и польско-литовскимъ государствомъ признаніе царскаго титула со стороны короля, но послы заявили боярамъ, что не имѣютъ съ собою наказа для переговоровъ о титулѣ.

---

[1]) Тамъ же, 715.

[2]) Тамъ же, 778 и слѣд.

[3]) „И съ ними (Татищевымъ и Максимовымъ) къ Жигимонту королю приказывалъ (царь), чтобъ Жигимонтъ король писалъ къ великому государю нашему къ его царскому величеству съ полнымъ царскимъ именованьемъ“... (Главн. Архивъ М. И. Д. въ М., Кн. польскаго двора № 24, л. 85 об. У Бантышъ-Каменскаго въ его „Переинскѣ между Россіею и Польшею“ невѣрно указанъ л. 25 об. („Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн. Р.“ за 1861 г., кн. I, стр. 39, прим. 1).

[4]) Канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга, Станиславъ Варшицкій и писарь литовскій Пелгримовскій (Бантышъ-Каменскій, „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р.“ за 1861 г., кн. I, стр. 40).

Вслѣдствіе того, что послы не приняли условій, предложенныхъ боярами, рѣшено было заключить перемиріе [1]). Для подтвержденія этого перемирія царемъ отправлено было въ 1601 г. къ королю посольство, состоявшее изъ боярина Михаила Салтыкова-Морозова, дворянина Плещеева и думнаго дьяка Власьева [2]). Московскіе послы потребовали, какъ видно изъ статейнаго ихъ списка, чтобы въ перемирной и другихъ грамотахъ отъ короля имя государя писалось съ полнымъ царскимъ титуломъ. Имъ отвѣтили, что титулъ государя будетъ написанъ такъ, какъ прежніе польскіе короли писали его въ грамотахъ къ московскимъ государямъ. Тогда послы заявили, что вслѣдствіе нежеланія прежнихъ польскихъ королей признать царскій титулъ московскихъ государей „по се время межъ великихъ государей нашихъ нелюбье и крови многіе за то лились. И впередъ толко король великого государя нашего не учнетъ описывать царемъ и самодержцомъ и титлы сполна, и за то межъ великихъ государей нашихъ любви совершенные и вѣчного миру въпередъ не будетъ, и будетъ похочетъ король съ царскимъ величествомъ быти въ совершенной дружбѣ и въ любви, и король бы великого государя нашего описывалъ съ полнымъ царскимъ именованьемъ царемъ и самодержцомъ всеа Русіи по его царскому достоинству; а та превысочайшая царская степень величества великому государю нашему царю и великому князю Борису Ѳедоровичу всеа Русіи самодержцу дана отъ Бога отъ прародителей великихъ государей нашихъ царей россійскихъ, поченъ отъ великого государя царя и великого князя Владимера Манамаха, отъ Грекъ высокодостойнѣйшую честь восприимшаго, и вѣнчанъ царскимъ вѣнцемъ и діадимою отъ великихъ государей отъ костянтинополскихъ царей совѣтомъ святѣйшихъ вселенскихъ четырехъ патріархъ и всего вселенскаго собора, и именованъ царь и великій князь Владимеръ Манамахъ дажъ и до великого государя царя и великого князя Ивана Василевича всеа Русіи самодержца и сына его хваламъ достойного ве-

---

[1]) Изложеніе переговоровъ бояръ съ послами не сохранилось, но о требованіи признанія царскаго титула узнаемъ со словъ московскихъ пословъ, бывшихъ въ Польшѣ въ 1601 г. (Кн. польскаго двора № 24; л. 71 и слѣд.).

[2]) Бантышъ-Каменскій, назв. тр., въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р." за 1861 г., кн. I, стр. 41.

ликого государя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи самодержца, мстителей неправды и закоснелнымъ прародителскимъ землямъ обрѣтателей и многихъ мусулманскихъ царствъ побѣдителей и обладателей; потомъ Божіимъ праведнымъ судомъ та превысочайшая царская степень величества дойде до великого государя нашего царя и великого князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи самодержца; не токмо что россійского государства царское именованье великому государю нашему Богъ подаровалъ и мусолманскихъ государствъ царства казанского и астараханского и сибирского, и многіе крестьянскіе и мусулманскіе цари на своихъ царствахъ великому государю нашему его царскому величеству послушны учинилися и нынѣ великому государю нашему служать. и прославлена превысочайшая его царская степень величества славою и честію во всей вселенней отъ всѣхъ великихъ государей, и всѣ великіе государи: цесарь римской и король ишпанской и всѣ крестьянскіе государи и короли и навышшій папа римскій и мусулманскіе государи всѣ описують великого государя нашего его царское имя съ полнымъ царскимъ именованьемъ царемъ и самодержцомъ и титла сполна по его царскому достоянью; а какъ зъ Божьею помощью великій государь нашъ царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи самодержецъ учинился на своихъ преславныхъ великихъ государствахъ россійского царствія царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи самодержцомъ и вѣнчался царскимъ вѣнцемъ и діадимою по древнему обычаю, и великій государь нашъ его царское величество посылалъ къ Жигимонту королю государство свое обѣстити посланника своего и дворянина думного и ясельничего и намѣсника можайскаго Михаила Игнатевича Татищева да діака Ивана Максимова и съ ними къ Жигимонту королю приказывалъ, чтобъ Жигимонтъ король писалъ къ великому государю нашему къ его царскому величеству съ полнымъ царскимъ именованьемъ, чтобъ межъ ими великими государи за то нелюбье не водвизалось; и Жигимонтъ король и нынѣ великому государю нашему нелюбье свое оказуетъ, его царское величество описуетъ не съ полнымъ царскимъ именованьемъ царемъ и самодержцомъ, и титлъ его царскихъ сполна не описуетъ, и послы государя вашего Жигимонта короля ты, Левъ Сопѣга, съ товарыщи царского

величества бояромъ въ отвѣтѣ на перемирьѣ королевского наказу о царскомъ именованьѣ у себя не сказалъ, перемѣня прежніе свои рѣчи, что прежъ того великого государя нашего о царскомъ именованьѣ наказъ королевской у себя на доконачаньѣ сказывалъ, и царскому величеству на перемирье и дѣлати было непригоже за несходителствомъ государя вашего, что его царского именованья и титлъ сполна не описуетъ. Да государь нашъ, истинный милосердый государь, по своему царскому милосердому обычаю жалѣя о кроворозлитьѣ христіянскомъ, чтобъ кровь христіянская литися престала, во всемъ на себя поступая, отставя всѣ мѣры, безъ чего было и дѣлать непригоже, и хотячи видѣть во христіянствѣ покой тишину, велѣлъ здѣлати на перемирье. И государю вашему Жигимонту королю и вамъ, паномъ радамъ, царскаго величества любовь и сходителство къ покою христіянскому пригоже знать и великого государя нашего его царского именованья и титла писать сполна по его царскому достоинству, что ему великому государю Богъ далъ, а безъ того впередъ дружба и любовь не крѣпка. А какъ будетъ межъ великихъ государей нашихъ дружба и любовь, и тогды зъ Божіею помочью могутъ противъ всѣхъ своихъ недруговъ стояти и своею царскою любовью, прося у Бога милости, могутъ православное христіянство изъ рукъ бесерменскихъ свободить; а то вамъ самимъ вѣдомо, какъ были великіе государства греческое и серпское и угорское и иные крестіянскіе государства, и тѣ всѣ великіе государства за незгодою и за несходителствомъ крестіянскихъ государей посѣли мусолманскіе государи..." [1]). Рѣчь московскихъ пословъ передана была королю. На другой день посламъ данъ былъ отвѣтъ: король радъ, что московскій государь желаетъ быть въ союзѣ съ нимъ и съ другими христіанскими государями, но „на перемирьѣ царского титула написати нынѣ не мочно, напередъ надобетъ съ государемъ нашимъ сойтися искреннею прямою любовью и говорити о доконачаньѣ и о соединеньѣ, чтобъ межъ государей нашихъ утвердилась истинная сердечная братцкая любовь и дружба, и межъ ихъ государствъ вѣчный покой; а какъ

[1]) Книга польскаго двора № 24 лл. 83—87. Эта рѣчь опущена въ изданномъ въ IV т. „Древн. Рос. Вивл." статейномъ спискѣ посольства боярина М. Г. Салтыкова-Морозова (стр. 14—120).

вѣчное доконачанье и соединенье межъ великого государя нашего и великого государя вашего, и межъ ихъ великихъ государствъ учинитца по тѣмъ статьямъ, которые статьи подали государя нашего Жигимонта короля мы, послы, на Москвѣ государя вашего бояромъ, тогды и о царскомъ титулѣ приговоримъ, и писати тѣми титулы государя будемъ“ [1]). Московскіе послы возразили панамъ: царь хочетъ быть въ мирѣ съ королемъ, но пусть король обнаружитъ свое къ нему расположеніе—велитъ написать его царемъ въ перемирной грамотѣ. Паны обѣщали московскимъ посламъ признаніе царскаго титула со стороны короля въ случаѣ заключенія мира между Польшею и Москвою, но послы требовали прежде всего признанія королемъ царскаго титула московскимъ государей и безъ такого признанія не желали и говорить о мирѣ. Свое требованіе московскіе послы основывали на томъ, что другіе государи пишутъ и писали московскихъ государей царями, и предложили показать подлинныя грамоты иностранныхъ государей къ царямъ, при чемъ впервые указали на извѣстную грамоту императора Максимиліана I къ Василію III, въ которой московскій государь названъ былъ цесаремъ, и на которую впослѣдствіи ссылался Петръ В. въ доказательство правъ своихъ на императорскій титулъ [2]). „Мы вамъ“, говорили послы панамъ, „тому и грамоты подлинные покажемъ, какъ всѣ великіе христьянскіе государи и мусулманскіе государи къ великимъ государемъ нашимъ царемъ писывали прежъ сего и нынѣ пишутъ съ полнымъ царскимъ именованьемъ: цари всеа Русіи и самодержцы, по ихъ царскому достоинству. Преже сего къ великому государю блаженные памяти къ царю и великому князю Василію Ивановичу всея Русіи самодержцу цесарь Максимиліянъ Первой писалъ великимъ государемъ кеса-

---

[1]) „Древн. Рос. Вивл.“ IV, стр. 63.

[2]) Подлинность этой грамоты была заподозрѣна на Западѣ Европы („Пам. дипл. сн.“ II, 1443). Упоминаніе о ней при Борисѣ Годуновѣ является однимъ изъ доказательствъ подлинности ея. Устами своихъ дипломатовъ Годуновъ ссылался на грамоту Максимиліана къ Василію III не потому, что искалъ императорскаго титула, но царскаго, грамотъ же императорскихъ къ московскимъ государямъ съ царскимъ титуломъ послѣднихъ былъ цѣлый рядъ, такъ что Годунову не было нужды указывать на грамоту или подложную или сомнительной подлинности.

ремъ и великимъ княземъ всеа Русіи, и въ докончалныхъ грамотахъ о томъ писано; также къ великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи самодержцу цесарь Максимиліянъ Второй и къ великому государю царю и великому князю Өедору Ивановичу всеа Русіи самодержцу Руделфъ цесарь писалъ великими государи цари всеа Русіи самодержцы [1]), да и всѣ великіе государи крестьянскіе: король ишпанской и францовской и датцкой и аглинская королева, также и наивышшій папа римской, прежъ сего писали и нынѣ къ великому государю нашему царю и великому князю Борису Өедоровичу всеа Русіи самодержцу пишутъ съ полнымъ царскимъ именованьемъ царемъ всеа Русіи и самодержцомъ, толко съ одной зъ государя вашего стороны сходителства нѣтъ" [2]). Если только, грозили послы, король не велитъ написать въ перемирной грамотѣ имя государя съ царскимъ титуломъ, то государь перестанетъ титуловать Сигизмунда III королемъ, „и то какая честь", говорили послы панамъ, „государю вашему? а вѣдь всѣ великіе государи славою и честію прославлены отъ Бога, и свое царское имя описуютъ цари по царскому вѣнчанью, а король по коруношанью: почтитъ государь вашъ Жигимонтъ король великого государя нашего, и царское величество противъ учнетъ его чтить; а не почтитъ король, и великій государь нашъ противъ не учнетъ чтить; и тутъ какому миру и дружбѣ и любви быть?" [3]). Въ доказательство того, что московскихъ государей другіе государи называютъ царями, послы показали грамоты отъ этихъ государей. Паны

[1]) Такъ въ Книгѣ польскаго двора (№ 24 л. 107) отъ словъ: „прежъ сего къ в. г. блаж. пам. къ ц. и в. к. Василю Ив..." У Новикова: „преже сего къ Великому Государю блаженные памяти къ Царю и В. К. Василью Ивановичу, всея Руссіи Самодержцу, Цесарь Максимиліянъ первой писалъ В—имъ Г—ремъ Кесаремъ и В. К. всея Руссіи; и въ докончальныхъ грамотахъ о томъ писалъ такъ же къ В. Г. Ц. и В. К. Ивану Васильевичу, всея Руссіи Самодержцу, Цесарь Максимиліянъ второй; и къ В. Г. Ц. и В. К. Өеодору Ивановичу, всея Руссіи Самодержцу, Рудольфъ Цесарь писалъ В—ими Г—ари Цари, всея Руссіи Самодержцы..." („Др. Р. Вивл." IV, 64). Приведенный отрывокъ рѣчи московскаго посольства, напечатанной у Новикова, не отличается ясностью, тогда какъ смыслъ этой рѣчи, записанной въ Книгѣ польскаго двора, вполнѣ ясенъ.

[2]) „Древн. Рос. Вивл." IV, стр. 64.

[3]) Тамъ же, стр. 65.

грамоты посмотрѣли и дали отвѣтъ московскимъ посламъ на ихъ рѣчи, объяснивъ, почему короли ихъ не признавали за московскими государями царскаго титула: „цесарь римской и иншіи короли и наивышшій папа римскій прежъ сего писали и нынѣ пишутъ къ великимъ государемъ вашимъ и великимъ княземъ съ царскимъ титуломъ по любви, для того, что межъ ихъ розни и брани никакіе не бывало, государства дальные ничѣмъ съ государствы государя вашего не сошлись; а межь государей нашихъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, и великихъ государей вашихъ и великихъ князей многіе войны бывали, и крови многіе лились, и земли зашли за государей вашихъ; и нынѣ государю нашему на перемирьѣ какъ царской титулъ государю вашему писать? напередъ надобе [1]), чтобъ всѣ прежніе незгоды исправить и сойтись искреннею сердечнею прямою любовью, и учинить межъ собою вѣчный покой: потомъ будетъ и царской титулъ, а на перемирье царского титула не писывать“ [2]). Паны не оспаривали правъ московскаго государя на царскій титулъ [3]); признаніе этого титула другими государями они объясняли тѣмъ, что у нихъ съ московскими государями не было „розни и брани“, только вслѣдствіе которыхъ польско-литовскіе государи не называли московскихъ царями, но не потому, что сомнѣвались въ правахъ московскихъ государей на усвояемый ими себѣ титулъ.

Такимъ образомъ, польско-литовское правительство смотрѣло на признаніе царскаго титула московскаго государя какъ на слѣдствіе установленія мирныхъ отношеній со стороны послѣдняго и полагало, что перспектива такого признанія со стороны короля сдѣлаетъ московскаго государя болѣе уступчивымъ при заключеніи

---

[1]) Такъ въ Книгѣ польскаго двора (№ 24 л. 109), у Новикова: „...Г—рю в—му писать напередъ; надобѣ...“ (IV, 65).

[2]) „Древн. Р. Вивл.“ IV, стр. 65 и слѣд.

[3]) „...Слышели есьмя вашп рѣчи и разумѣли“, говорили паны московскимъ посламъ, „и тѣ грамоты, которые есте намъ казали (къ московскимъ государямъ съ царскимъ титуломъ отъ другихъ государей) и чли, и вамъ объявляемъ, что государь нашъ Жигимонтъ король, и мы паны рада, того не отставливаемъ, и пригоже государю вашему титулъ царской писать; только то будетъ впередъ, какъ межь государей искренняя сердечная любовь и вѣчное докончанье совершится...“ („Древн. Рос. Вивл.“ IV, 67).

мира. Послѣднее было прямо заявлено московскимъ посламъ: „...коли нынѣ царской титулъ дать, и впередъ на кончанье не учнете дѣлать...“ [1]).

Такой взглядъ польско-литовскаго правительства оспаривался московскими послами: признаніе царскаго титула московскаго государя со стороны польско-литовскихъ государей не можетъ быть слѣдствіемъ установленія мирныхъ отношеній между Москвою и Польшею, потому что непризнаніе этого титула было и будетъ причиною враждебныхъ отношеній Москвы къ Польшѣ: „...и вы и сами вѣдаете“, говорили послы панамъ, „что межь государей нашихъ крови лились за царское именованье, что государи ваши короли польскіе и великіе князи литовскіе по своему безмѣрью великихъ государей нашихъ царей россійскихъ царского именованья и титлъ сполна не писывали; и нынѣ только государь вашъ Жигимонтъ король не велитъ написать великого государя нашего царя и великого князя Бориса Ѳеодоровича, всея Русіи самодержца, царскаго именованья и титлъ сполна, и за то межь великихъ государей нашихъ любви совершенные и вѣчного миру впередъ не будетъ, и кровѣмъ литися“ [2]). Послы указывали, что враждебныя отношенія московскаго государства къ сосѣдямъ не препятствовали послѣднимъ признать царскій титулъ государей московскихъ: „а иныхъ государей и земли сошлися съ государя нашего землею, и войны прежъ сего бывали, и тѣ всѣ описуютъ государя нашего съ полнымъ царскимъ именованьемъ“ [3]): московскому государю, говорили послы, нечего возвращать Сигизмунду III, напротивъ, пусть послѣдній возвратитъ царю русскія земли: „а что говорите, что многіе земли государей вашихъ позашли за государей нашихъ, и вамъ и самимъ вѣдомо, что многіе государя нашего земли зашли за государей вашихъ, и государю вашему Жигимонту королю пригоже то исправить, а царскому величеству не въ чемъ исправливать, и своей царской чести не выкупать стать; и вамъ бы паномъ радамъ о томъ порадѣть, чтобъ великого государя нашего

---

[1]) Книга польскаго двора № 24 л. 113; слова: „...впередъ на кончанье не учнете дѣлать...“ пропущены у Новикова („Др. Рос. Вивл.“ IV, 69).

[2]) „Др. Рос. Вивл.“ IV, стр. 66.

[3]) Тамъ же.

царское именованье въ перемирную грамоту велѣлъ написать по томужъ, какъ всѣ великіе государи царское именованье описуютъ сполна; сами есте видѣли и чли всѣхъ государей грамоты: какая въ томъ прибыль или повышенье государю вашему, что царского именованья не описывать? и какое уничиженье, или убытокъ, что описывать государя нашего царское именованье?“ [1]).

Тщетно московскіе послы настаивали на написаніи царскаго титула своего государя въ перемирной грамотѣ со стороны короля, паны имъ отвѣтили: „отказываемъ вамъ нынѣ короткими словы, что на перемирьѣ царской титулъ нынѣ и впередъ не можетъ быти...“. Послы на это замѣтили: „...царского именованья и чести, что великому государю нашему Богъ далъ, у государя вашего не выкупать стать...“ [2]), но не утратили надежды склонить короля къ исполненію ихъ требованія относительно царскаго титула.

При обсужденіи условій перемирія московскіе послы снова завели рѣчь о царскомъ титулѣ: если приговорите съ нами, сказали они панамъ, о царскомъ титулѣ, данномъ Богомъ нашему государю, и государя своего склоните къ тому, чтобы онъ велѣлъ государя нашего въ перемирной грамотѣ написать царемъ и впредь бы его такъ титуловалъ, какъ всѣ другіе государи, грамоты которыхъ вы видѣли, тогда будетъ между нашимъ и вашимъ государями дружба и любовь. Паны отвѣтили отказомъ [3]), но московскіе послы, день спустя, снова стали убѣждать ихъ склонить короля къ признанію царскаго титула государя, повторяя прежніе доводы. Посламъ сказали, что договоръ о царскомъ титулѣ состоится только въ томъ случаѣ, если будетъ заключенъ миръ [4]). Тогда послы, „видя то, что о царскомъ именованьѣ паны рада дѣлать не хотятъ, и накрѣпко отказали“, сдѣлали слѣдующее предложеніе: „вы, паны рада, приговорите съ нами, и записи договорные о томъ напишемъ, что государю вашему Жигимонту королю великого государя нашего царя и ве-

[1]) Тамъ же, 66 и слѣд.

[2]) Тамъ же, 69.

[3]) Тамъ же, 71 и слѣд.

[4]) Тамъ же, 74 и 75.

ликого князя Бориса Ѳедоровича всея Руссіи самодержца впередъ писати съ полнымъ царскимъ именованьемъ и съ титлы, какъ его царское величество описуютъ всѣ великіе государи по его царскому достоинству“ [1]). Но и это предложеніе было отвергнуто [2]).

Наканунѣ отпускной аудіенціи у короля, на выраженное канцлеромъ Львомъ Сапѣгою пожеланіе, чтобы между московскимъ и польско-литовскимъ государями заключенъ былъ вѣчный миръ, московскіе послы замѣтили: „а государю вашему пригоже было нынѣ великого государя нашего царя и великого князя Бориса Ѳеодоровича, всеа Руссіи самодержца, видя его къ себѣ царского величества любовь и сходительство, написать въ нынѣшную перемирную грамоту, и впередъ писать его царское имя съ полнымъ царскимъ именованьемъ и съ титлы, что ему великому государю Богъ далъ, то дружбѣ и любви и начало; а только государь вашъ великого государя нашего не учнетъ впередъ писать съ полнымъ царскимъ именованьемъ, и доброму дѣлу впередъ не бывать“. Сапѣга отвѣтилъ посламъ, что по заключеніи мира съ ихъ государемъ король признаетъ царскій его титулъ, при чемъ добавилъ: „и сами вѣдаемъ, что пригоже государю вашему съ царскимъ титуломъ писать, коли ему государю Богъ далъ, кому того не дать, только будетъ впередъ, какъ будете сами сходительны...“ [3]).

Дружественныя отношенія между московскимъ государствомъ и Англіей въ царствованіе Бориса Годунова не омрачались спорами изъ за царскаго титула: англійское правительство, какъ и прежде, титуловало московскаго государя царемъ [4]).

Къ царю Борису Годунову папа Климентъ VIII обращался дважды. Въ первый разъ, въ 1601 г., Климентъ VIII въ своемъ бревэ къ царю писалъ, что питаетъ къ нему такую же благосклонность, какую питали предшественники его къ московскимъ государямъ, и высказывалъ надежду, что и Борисъ также вполнѣ благожелателенъ къ нему и къ апостольскому престолу; папа просилъ

---

[1]) Тамъ же, 76.

[2]) Тамъ же, 77.

[3]) Тамъ же, 102.

[4]) С. И. Р. И. Об. т. 38, стр. 318—323, 326—327, 357, 359—362, 403, 410, 413, 417, 419.

государя оказать помощь и покровительство отправленнымъ имъ двумъ посламъ въ Персію [1]). Во второй разъ, въ 1604 г., Климентъ VIII въ бревэ къ царю, упомянувъ о своемъ къ нему расположеніи, просилъ оказать содѣйствіе и покровительство монахамъ, отправляемымъ чрезъ московское государство въ Персію [2]). Оба бревэ написаны безъ царскаго титула. Въ первомъ Борисъ называется: Dominus Russiae Magnus Dux Moscoviae, Noveguardiae, Smolentiae, Vlodimiriae, Dominus Cassani et Astracani, multorumque aliarum provinciarum Princeps magnus, во второмъ—Princeps Moscoviae et maximarum provinciarum Dominus potentissimus [3]).

Разстрига не удовольствовался титуломъ московскихъ царей. Въ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ онъ титуловалъ себя: Nos serenissimus ac invictissimus Monarcha Demetrius Ioannis, Dei gratia Imperator et Magnus Dux totius Russiae, atque universorum Tartariae regnorum aliorumque plurimorum dominiorum, Monarchiae

---

[1]) Hist. rus. mon. II, № 32. Pierling, La Russie ect. II, 378 sq.

[2]) Hist. rus. mon. II, № 33.

[3]) Отправленнымъ въ 1601 г. къ персидскому шаху московскимъ посламъ данъ былъ наказъ въ случаѣ, если бы ихъ спросили въ Персіи, почему Борисъ Годуновъ называетъ себя царемъ, дать такой отвѣтъ: „въ прежніе лѣта, тому блиско пяти сотъ лѣтъ, великій государь Владимеръ Всеволодичь Манамахъ, иже отъ Грекъ высокодостойнѣйшую честь воспрiимше, ходилъ на Греки, на Царьгородъ, и Корсунскіе городы у Грекъ поималъ и плѣнилъ, а въ тѣ поры былъ во Царѣгороде царь Костянтинъ Манамахъ, и прислалъ къ великому государю Владимеру Манамаху бити человъ митрополита ееѳского Неоѳита, а съ нимъ двu епископовъ и стратигъ своихъ просити мира и любви, а съ нимъ прислалъ греческихъ древнихъ великихъ государей костянтинопольскихъ царей греческихъ всю царьскую утварь и честь свою царскую, и прежнихъ греческихъ царей зъ главы своей венецъ царьскій, иже именуетца Манамахова шапка, и Крестъ животворящаго Древа и діадему, которымъ венцемъ венчались на царство всѣ греческіе цари, и чѣпи златые и многіе царскіе дары. И тѣмъ царскимъ венцемъ и діадимою великій государь Владимеръ Монамахъ венчанъ бысть царемъ всеа Русіи самодержцемъ отъ Неоѳита митрополита еѳескаго. И отъ того времени по ся мѣста государи наши поставляютца на царьство Владимерское и Московское, и на всѣ свои государства тѣмъ царьскимъ саномъ отъ патріарха и митрополитовъ, и отъ епископовъ и ото всего священного собора. И всѣ великіе государи цесарь римскій, салтанъ турской, король ишпанской, папа римской и всѣ великіе государи къ великимъ государемъ нашимъ изначала пишутъ царемъ в. Р. самодержцомъ по ихъ царскому достоянію

Moschoviticae subjectorum, Dominus et Rex [1]); такой же титулъ написанъ въ письмѣ Разстриги къ герцогу Карлу сюдерманландскому [2]). Такъ титуловалъ себя Разстрига и въ письмѣ къ папѣ, только безъ названій Serenissimus ac invictissimus Monarcha" [3]).

Но, ни польскій король, ни папа не признавали его титула. Присланному къ Разстригѣ польскому посланнику Александру Гонсѣвскому, въ отвѣтъ на рѣчи его, было, между прочимъ, сказано (въ августѣ 1605 года), что государь еще ждетъ, въ какія отношенія стать къ королю польскому, ибо король умаляетъ его титулъ [4]). Отправляя въ сентябрѣ 1605 года посла своего Власьева къ польскому королю, Разстрига наказалъ Власьеву требовать признанія за нимъ титула „Цесарь" [5]). Требованіе это не было удовлетворено королемъ, и только возбудило въ Польшѣ неудовольствіе противъ предъявлявшаго ихъ. Юрій Мнишекъ далъ

съ великою честью. А то вамъ и самимъ вѣдомо, каковы были великіе царства Казанское и Асторохонское, и тѣ всѣ великіе государства, зъ Божьею помочью, блаженныя памяти великій Государь ц. и в. кн. Иванъ Васильевичъ в. Р. поималъ и венчался царскою діадимою по древнему обычаю, какъ прежніе ихъ прародители венчалися на свои государства. Также и ныне государь нашъ царское в. венчался царскимъ венцомъ и діадимою и скиѳетръ Російского царствія воспріяхъ. И потому великій государь нашъ ц. и в. кн. Борисъ Ѳеодоровичъ в. Р. самодержецъ по своему царскому достоинству описуетца царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи самодержцемъ" („Памятники диплом. и торгов. сношеній Московской Руси съ Персіей", изд. подъ ред. проф. Н. И. Веселовскаго, т. II, стр. 40. Спб. 1892).

[1]) С. Г. Г. и Д., II, № 108. Такой же титулъ въ грамотѣ Разстриги къ польскому королю, написанной 5 сентября 1605 г., съ тѣмъ только отличіемъ, что въ ней слово Imperator замѣнено словомъ Caesar („Рус. Ист. Библ." т. I, стр. 40). Въ этой же грамотѣ, изданной Ciampi, вмѣсто Caesar—Czar (Esame Critico con documenti inediti della storia di Demetrio di Iwan Wasiliew., стр. 65, № VI).

[2]) Въ этомъ письмѣ Разстрига извѣщалъ герцога о своемъ вѣнчаніи на царство (Hist. rus. mon. II, № 66).

[3]) С. Г. Г. и Д., II, № 107; Pierling, Rome et Démétrius, Pièces justicatives, I, 13, Paris, an. 1878.

[4]) С. Г. Г. и Д., II, № 97. Бантышъ-Каменскій невѣрно относитъ этотъ упрекъ въ неписаніи титула къ шведскому королю, („Переписка между Россіею и Польшею по 1700 г." въ „Чтен. М. Об. Ист. и Др. Р.," 1861 г. кн. I, стр. 61.

[5]) Бантышъ-Каменскій „Переписка между Россіею и Польшею" въ „Чтен. М. Об. Ист. и Др.", 1861 г. кн. I, стр. 59.

совѣтъ въ письмѣ своему будущему зятю (письмо помѣчено 25 дек. 1605 г.) отложить пока требованіе отъ короля признанія титула, ибо король безъ сейма, а сенаторы безъ пословъ ничего не могутъ постановить, при чемъ замѣтилъ, что Власьевъ излишне настойчиво требовалъ, чтобы король призналъ титулъ его государя [1]). О неудовольствіи, вызванномъ въ Польшѣ требованіемъ, которое предъявилъ Власьевъ, писалъ Разстригѣ секретарь его Янъ Бучинскій [2]). Послѣдній извѣщалъ Разстригу, что требованіе признать за нимъ титулъ „непобѣдимый цесарь" вызвало рѣзкое возраженіе со стороны воеводы познанскаго, который указалъ, что ни одинъ христіанскій государь не усвоялъ себѣ такого титула [3]). Отъ имени короля данъ былъ такой отвѣтъ Бучинскому на заявленное имъ требованіе признать цесарскій титулъ Разстриги: „а что Государь его милость у Короля его милости титлы Цесарскіе добіваетца, и Король его милость какъ в—ыныхъ дѣлехъ во всѣхъ радъ указывать любовь и милость братцкую Государю его милости, такъ і в томъ во всемъ пособить хочетъ; толко обычаи есть не токмо в той славной коруне Полской, но і у всѣхъ Королей, Монарховъ, Государей Крестьянскихъ, что безъ посолства і приговору, одинъ у другово старые титлы не отнимаетъ і не прибавливаетъ; а отъ Короля его милости тѣ всѣ титлы сполна Государю его милости пишутъ, которые прежъ сего отъ предковъ его Королевской милости к предкомъ Государя его милости писаны бывали, ничего не отставливая и не убавливая пишетъ. А какъ Государь его милость великихъ пословъ своихъ до Короля его милости пошлетъ,

---

[1]) С. Г. Г. и Д., II, № 112, стр. 243.

[2]) Бучинскій былъ отправленъ въ Польшу въ ноябрѣ 1605 г. (Бантышъ-Каменскій, „Переписка между Россіею и Польшею" въ „Чтен. М. Об. Ист. и Др. Р." 1861 г., I, стр. 63; Pierling, Rome et Démétrius". 102, Paris, an. 1878.

[3]) „...А хочешъ того", передавалъ Бучинскій Разстригѣ слова воеводы познанскаго, „чтобъ тебя писалъ (король) титломъ: *непобедімымъ Цесаремъ*, чево ни единъ на свете Крестьянской Государь такъ не дѣлаетъ. Колибъ де тебя хто іной писалъ *непобедімымъ*, іно бы то было не діво, а то ты самъ себя такъ пишешъ; а такое слово Богу одному подобаетъ, поганцы некрещеные такъ дѣлаютъ, которые незнаютъ всесилности Божіи..., и по твоей де-и той великоі спеси і гордости, подлинно тебя Богъ сопхнетъ с столицы твоей..." (С. Г. Г. и Д., II, № 121, стр. 259.

которыхъ уже помѣтилъ, и Король его милость паномъ радамъ своимъ с великими послы Государя его милости велитъ о томъ говорить“ [1]). О титулѣ писалъ Разстригѣ и папскій нунцій въ Польшѣ Рангони: король польскій очень расположенъ къ нему, Димитрію, но признать за нимъ требуемый имъ титулъ не можетъ безъ согласія вельможъ [2]). Не смотря на увѣренія въ благожелательствѣ короля, Разстрига, въ цѣляхъ скорѣйшаго достиженія признанія за нимъ цесарскаго титула со стороны Польши, прибѣгнулъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Въ маѣ 1606 г. прибыли въ Москву королевскіе послы Николай Олесницкій и Александръ Гонсѣвскій. Разстрига принялъ ихъ 13 мая, но отказался взять отъ нихъ королевскую грамоту, когда узналъ, что въ ней имя его написано безъ царскаго титула. По приказанію его дьякъ Власьевъ, во время аудіенціи, сказалъ польскимъ посламъ, что королевская грамота написана какому то князю всея Россіи, но не цесарю Димитрію Іоанновичу. На замѣчаніе польскаго посла, что королю нанесено оскорбленіе, потому что не принята его грамота, Разстрига отвѣтилъ, что виноватъ въ томъ самъ король, опускающій его титулы, между тѣмъ королю извѣстно, что онъ, Димитрій, не только царь, но и императоръ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. „Самъ Богъ даровалъ намъ сей титулъ“, говорилъ Разстрига польскимъ посламъ, „и мы носимъ его не одними словами, подобно другимъ, но самымъ дѣломъ, по всей справедливости, когда ни Ассирійскіе, ни Мидійскіе монархи, ни самые цесари Римскіе, не имѣли на него болѣе насъ права и преимущества. Мы не можемъ довольствоваться титуломъ княжескимъ или господарскимъ: ибо не только князья и господари, но, Божіею милостію, и короли состоятъ подъ скипетромъ нашимъ и намъ служатъ. Намъ нѣтъ равнаго въ краяхъ полночныхъ: никто нами не управляетъ, кромѣ Бога и насъ самихъ. Къ тому же всѣ признаютъ насъ императоромъ: одинъ король Польскій не соглашается“. Одинъ изъ пословъ возразилъ Разстригѣ, что онъ не-

[1]) С. Г. Г. и Д., II, № 122, стр. 264. Этотъ отвѣтъ данъ былъ въ январѣ 1606 г.

[2]) Тамъ же, № 124, стр. 268; это письмо Рангони писано было 3 февраля 1606 г.

правильно усвояетъ себѣ цесарскій титулъ, потому что предки его никакого цесарства себѣ не покорили, но употребляли тотъ самый титулъ, съ которымъ король пишетъ имя Разстриги. Послѣдній отвѣтилъ, что ему прекрасно извѣстно, какіе титулы имѣли его предки, и эти титулы, написанныя въ грамотахъ, будутъ показаны посламъ, король же польскій, не признавая царскаго его титула, оскорбилъ не только его, Димитрія, но Бога и всѣхъ христіанъ, и ему, Димитрію, надлежитъ теперь опасаться короля болѣе, чѣмъ самаго непріязненнаго изъ невѣрныхъ государей. Посолъ сказалъ Разстригѣ, что ему слѣдовало для признанія со стороны короля цесарскаго его титула отправить пословъ на сеймъ, который одинъ только можетъ рѣшить это дѣло, ибо король не властенъ въ прибавленіи титуловъ, посольство же, представляющееся ему, отправлено было королемъ, но не сеймомъ. Разстрига возразилъ послу, что посольство отправлено было къ нему сеймомъ, и что ему отлично извѣстно, какъ въ Польшѣ нѣкоторые совѣтовали королю не признавать титуловъ его, Димитрія. Споръ окончился принятіемъ Разстригою королевской грамоты, при чемъ посламъ заявлено было, что это сдѣлано ради свадьбы государя съ Мариною Мнишекъ [1]). Аудіенція эта происходила 13 мая; двѣ не-

[1]) „Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ“, II, стр. 150 и слѣд., 3-е изд. Устрялова; сравн. тамъ же, стр. 209 и слѣд. При описаніи „Похода московскаго царя Димитрія въ Москву“ ротмистра Станислава Борши, которое издано въ I т. „Рус. Ист. Библ.“ (польскій текстъ и русскій переводъ на стр. 365 и слѣд.), находится отвѣтъ Разстриги, данный королевскимъ посламъ Николаю Олесницкому и Александру Гопсѣвскому, подъ заглавіемъ: „Отвѣтъ Димитрія, князя Московскаго, данный въ столичномъ городѣ Москвѣ на его свадьбѣ гг. посламъ его королевскаго величества Малогосскому кастеляну Николаю Олесницкому и Велижскому старостѣ Александру Корвину“ (стр. 412). „Отвѣтъ“ этотъ заключаетъ въ себѣ исчисленіе правъ Разстриги на усвояемый имъ себѣ титулъ. „Удивляетъ насъ“, гласитъ „Отвѣтъ“, „что его королевская милость называетъ насъ братомъ и другомъ, и въ то же время поражаетъ насъ какъ бы въ голову, ставя насъ какъ то низко и отнимая у насъ титулъ, который мы имѣемъ отъ самаго Бога, и имѣемъ не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ и съ такимъ правомъ, больше котораго не могли имѣть ни древніе Римляне, ни другіе древніе монархи. И мы имѣемъ это преимущество—называемся императоромъ—по той же причинѣ, по какой назывались такъ и они, потому что не только надъ нами нѣтъ никого выше кромѣ Бога, но мы еще другимъ

дѣли спустя Разстрига былъ убитъ. Ксендзъ Янъ Велевицкій въ своихъ запискахъ передаетъ, что Разстрига за два дня до

раздаемъ права и, что̀ еще больше, мы—государь въ великихъ государствахъ нашихъ, а это и есть быть монархомъ, императоромъ. По милости Божіей, мы имѣемъ такую власть и право повелѣвать, какія имѣли короли Ассирійскіе, Мидійскіе, Персидскіе, имѣемъ также подъ своею властію нѣсколько другихъ царей — Татарскихъ. Поэтому мы не понимаемъ, чѣмъ бы лучше насъ былъ въ настоящія времена великій ханъ, котораго всѣ историки называютъ императоромъ Татаръ (хотя многіе и насъ такъ называютъ)? Почему его милость — христіанскій кесарь и святѣйшій отецъ не стыдятся называть въ своихъ письмахъ насъ или нашихъ предковъ кесарями, каковыя письма имѣетъ при себѣ посолъ нашъ къ королю, придворный нашъ подскарбій Аѳанасій Ивановичъ Власьевъ? Мы хорошо знаемъ, что наши предки не употребляли этого титула и не домогались его, но это намъ нисколько не вредитъ, потому что молчаніе монарховъ о правѣ или неупотребленіе его нисколько не подрываетъ его, точно такъ же, какъ нерадѣніе предковъ ничего не уничтожаетъ у потомковъ. Притомъ, всякое государство начинаетъ свою жизнь въ простотѣ и грубости, а чѣмъ дольше существуетъ, тѣмъ больше развивается въ своихъ законахъ, обычаяхъ, даже въ рѣчи. Такъ мы читаемъ, что въ тѣ простыя времена королей называли пастырями, судьями и другими подлыми именами. Въ подобной простотѣ начинали свою жизнь всѣ государства. Неудивительно поэтому, что тогда нерадѣли о многихъ дѣлахъ—и не только наши предки, но и другіе государи. И польскіе историки, если справедливо то, что они пишутъ, говорятъ о польскихъ короляхъ, что тѣ получили королевскую корону и титулъ отъ кесаря Оттона. Хотя они прежде назывались и были монархами, но отъ равнаго себѣ взяли то, что до того времени имѣли отъ Бога. Въ настоящее время они, конечно, не сдѣлали бы этого. Кромѣ того, всякому государю позволительно называться, какъ кто пожелаетъ. И дѣйствительно, у Римлянъ многіе кесари назывались народными трибунами, консулами, аугурами, точно также многіе изъ нихъ, когда имъ вздумалось, бросали титулъ императора. Тѣ же Римскіе кесари, какъ это извѣстно, назывались князьями. Кесарь Августъ не дозволилъ называть себя государемъ, не смотря на то, что былъ имъ на самомъ дѣлѣ, потому что сами Римляне особымъ закономъ дали ему полную власть управлять, освободивъ его отъ всѣхъ законовъ. Такъ и предки его королевской милости назывались сначала монархами, наконецъ королями. Итакъ, объявляемъ его королевской милости, что мы не только государь, не только царь, но и императоръ и не желаемъ какъ нибудь легко потерять этотъ титулъ для нашихъ государствъ. Если его королевская милость признаетъ насъ своимъ братомъ и другомъ, то почему не признаетъ за нами того, что намъ принадлежитъ. Кто отнимаетъ у меня преимущество и украшеніе моего государства, которыми государи дорожатъ, какъ зеницею ока, то тотъ мнѣ бо̀льшій врагъ, нежели тотъ,

смерти своей говорилъ съ негодованіемъ іезуиту Савицкому, что король польскій не признавалъ подобающаго ему титула [1]).

Также неудачны были попытки Разстриги достичь признанія цесарскаго титула со стороны римскаго престола. Въ папскихъ бревэ къ Разстригѣ читаемъ такой же его титулъ, какой писался царю Борису Годунову: Dominus Russiae, Magnus Dux Moschoviae, Noveguardiae, Smolentiae, Wlodimiriae, Dominus Casani et Astracani, multarumque provinciarum Princeps Magnus [2]). Выразить свое неудовольствіе на это Разстрига поручилъ секретарю своему Бучинскому, который долженъ былъ передать папскому нунцію въ Польшѣ Рангони слѣдующее: государь недоволенъ, что папа не признаетъ его царемъ, но называетъ въ письмахъ къ нему правите-

---

который покушается отнять у меня мою землю. Высшее проявленіе справедливости—воздавать всякому должное, и это больше всего должно быть соблюдаемо между королями, отъ которыхъ другіе должны учиться справедливости. Иное было дѣло, когда наши предки были во враждѣ съ Польскимъ королевствомъ: тогда позволительно было одному унижать другого,—это бывало и теперь бываетъ въ другихъ странахъ; но въ дружбѣ иначе слѣдовало дѣлать, и мы сильно надѣялись было, что его королевская милость, какъ старшій, по братски наставитъ насъ въ томъ, что служитъ ко благу и славѣ намъ и нашимъ государствамъ". „Отвѣтъ" этотъ болѣе обширенъ и обстоятеленъ чѣмъ та рѣчь, которая была произнесена Разстригою Олесницкому и Гонсѣвскому на аудіенціи 13 мая, и которая извѣстна изъ „Дневника Марины и польскихъ пословъ" въ изд. Устрялова. Лицо, записавшее „Отвѣтъ", отмѣчаетъ, что онъ былъ данъ посламъ на свадьбѣ Разстриги. „Отвѣтъ" этотъ почти тождественъ по содержанію съ тѣмъ документомъ, содержащимъ въ себѣ изложеніе правъ на цесарскій титулъ, который былъ найденъ въ бумагахъ папскаго нунція въ Польшѣ Рангони и изданъ о. Пирлингомъ. Объ этомъ документѣ рѣчь будетъ впереди.

[1]) „Записки гетмана Жолкевскаго о московской войнѣ", Приложенія, стр. 174, изд. Муханова, Спб. 1871 г.

[2]) Hist. rus. mon. II, №№ 37, 38, 44, 49; съ прибавкою въ началѣ титула Nobilis vir: №№ 56 и 62; краткій титулъ: № 76. Подъ этимъ нумеромъ помѣщены два папскихъ бревэ къ Разстригѣ; изъ нихъ второе, написанное 10 апр. 1606 г., безъ титула. Въ изданномъ Мухановымъ отрывкѣ изъ рукописи ксендза Яна Велевицкаго, въ переводѣ на русскій языкъ, находится это второе бревэ къ Разстригѣ, которое, по свидѣтельству Велевицкаго, было написано съ царскимъ титуломъ („Записки гетмана Жолкевскаго", изд. 2-е, Приложенія, стр. 150). Соотвѣтствуетъ ли переводъ латинскому тексту? о. Пирлингъ въ этомъ не сомнѣвается (Rome et Démétrius, p. 114).

лемъ или господаремъ, между тѣмъ какъ онъ Божіею милостію не только царь, но даже цесарь или императоръ, и папа, а также императоръ римскій, обыкновенно титуловали предшественниковъ его цесарями. Нунцію предлагалось передать это заявленіе въ Римъ [1]).

Говоря о сношеніяхъ Разстриги съ Римомъ, о. Пирлингъ привелъ интересный документъ на латинскомъ языкѣ, безъ хронологической даты и подписи, найденный въ бумагахъ Рангони. Документъ этотъ, въ которомъ содержатся доказательства правъ государя русскаго на императорскій титулъ, могъ быть составленъ, какъ вѣрно предположилъ о. Пирлингъ, только въ канцеляріи Разстриги [2]). Слѣдуетъ думать, что этотъ документъ былъ представленъ Рангони для Рима, чѣмъ объясняется нахожденіе его среди бумагъ папскаго нунція въ Польшѣ. Изъ содержанія этого документа видно, что онъ не былъ предназначенъ для польскаго короля. „Такъ какъ неприлично безъ основанія домогаться ч. л. даже въ незначительныхъ дѣлахъ", гласитъ приведенный о. Пирлингомъ документъ, „то тѣмъ болѣе это постыдно государю, котораго слова, дѣйствія, рѣшенія требуютъ особеннаго размышленія и должны быть предпринимаемы только въ томъ случаѣ, если внушаются правомъ и справедливостью, поэтому мы повелѣли представить основанія, въ силу которыхъ утверждаемъ, что намъ подобаетъ титулъ императора. Пусть кто нибудь скажетъ мнѣ, по какому праву получилъ этотъ титулъ первый римскій императоръ? Вотъ и мы, по такому же праву, должны будемъ получить это преимущество, именно право называться императоромъ Россіи, ибо мы не видимъ, по какому преимущественному праву римскіе и другіе болѣе древніе монархи могли присвоить себѣ этотъ титулъ. Вѣдь мы не только никого, кромѣ безсмертнаго Бога, надъ собою не знаемъ, но являемся высшимъ законодателемъ и даже самимъ закономъ въ обширнѣйшей нашей имперіи, а это значитъ быть монархомъ или императоромъ. Мы имѣемъ Божіею милостію такую же власть, какую имѣли цари Мидянъ, Ассиріянъ, Персовъ, и не понимаемъ, почему

---

[1]) Pierling, Rome et Démétrius, p. 103 et Piéces jusificat. I, № 9. Бучинскій выѣхалъ въ Польшу въ половинѣ ноября 1605 г. (ibid, p. 102).

[2]) Pierling, op. cit., p. 104 sq.

въ болѣе преимущественномъ положеніи (сравнительно съ нами) въ эти вѣка долженъ находиться великій ханъ, котораго почти всѣ историки называютъ императоромъ Татаръ, хотя знаемъ, что многіе называютъ также и насъ. Поэтому и свѣтлѣйшіе блаженнѣйшіе первосвященники и могущественнѣйшіе римскіе императоры не считали унизительнымъ для себя, обращаясь къ нашимъ предкамъ, титуловать ихъ императорами, подлинные документы чего находятся въ нашемъ архивѣ, сообразно съ чѣмъ и посланнику нашему мы дали нѣчто подобное для свѣтлѣйшаго короля Польши. Мы не отвергаемъ, что предшественники наши никогда не пользовались этимъ титуломъ, и потому ни съ кѣмъ не имѣли спора изъ за него, но это не должно намъ вредить, такъ какъ умолчаніе между монархами о к. л. правѣ или непользованіе имъ не уничтожаетъ его, и небрежность предшественниковъ не можетъ ничего отнять у преемниковъ. Кромѣ того, всякая власть зарождается при обстановкѣ простой и грубой, однако съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе изящества въ нравахъ, законахъ, наконецъ въ рѣчи; вѣдь мы читаемъ, что въ началѣ міра, въ тѣ грубыя времена, цари, пастыри, судьи были называемы и иными низкими именами: извѣстно, что въ тѣ первые вѣка всѣ первоначальныя власти имѣли подобное. Итакъ, неудивительно, если въ колыбели и какъ бы въ дѣтствѣ не могли на все сразу обратить вниманіе не только наши предки, но даже другіе государи: ибо, если вѣрно передано польскими историками о короляхъ Польши, что послѣдніе получили корону и титулъ короля отъ германскаго императора Оттона, то велика была ихъ простота, выразившаяся не только въ томъ, что болѣе достойное названіе они перемѣнили на болѣе простое, между тѣмъ какъ дотолѣ назывались и были монархами, но еще болѣе въ томъ отношеніи, что отъ равнаго себѣ воспріяли то, чѣмъ дотолѣ владѣли какъ полученнымъ отъ самаго Бога; въ наше время они этого не сдѣлали бы. Наконецъ, всегда великіе государи свободно могли мѣнять по желанію названія и титулы, какъ, напр., у Римлянъ многіе императоры называли себя диктаторами, консулами, трибунами, авгурами; они же часто отвергали названіе „Императоръ“ и, когда имъ угодно было, снова принимали его. По единогласному свидѣтельству историковъ римскіе импера-

торы съ самаго начала назывались Principes; даже Августъ цесарь отказывался называть себя господиномъ, хотя на самомъ дѣлѣ былъ таковымъ, потому что римскій народъ царскимъ закономъ освободилъ его отъ подчиненія законамъ. Наконецъ мы знаемъ, что названіе „Императоръ" вначалѣ не было соединено съ понятіемъ о власти монархической или королевской. Но, какъ знаютъ даже мало свѣдующіе въ древностяхъ, императорами въ свободной еще республикѣ провозглашались солдатами тѣ, которые хорошо вели дѣло, и по этой причинѣ послѣдующіе цезари усвояли себѣ этотъ титулъ, какъ впослѣдствіи назывались побѣдителями, тріумфаторами, августами, піями, антонинами. Слѣдовательно, пусть намъ отказываютъ въ томъ, что даже нѣсколько солдатъ возгласомъ своимъ давали людямъ, подчиненнымъ власти другого. Такъ какъ мы имѣемъ этотъ даръ и достоинство (императорскій титулъ) отъ самаго всемогущаго Бога, то намъ кажется, что мы не поступаемъ безрасудно, если усвояемъ себѣ намъ съ полнымъ правомъ принадлежащее" [1]). Этотъ меморандумъ не имѣлъ для Разстриги желаемыхъ послѣдствій. О. Пирлингъ говоритъ, что въ Римѣ могла быть рѣчь только о дарованіи Разстригѣ королевскаго титула, и этотъ титулъ могъ быть данъ ему, какъ принятому въ лоно католической церкви, ибо за отреченіе отъ православія такой титулъ предлагался и прежде московскимъ государямъ, но и въ признаніи королевскаго титула за Разстригою Римъ долженъ былъ считаться съ польскимъ королемъ, который никакихъ новыхъ титуловъ за Разстригою не признавалъ [2]). Такое заключеніе о. Пирлинга под-

[1]) Pierling, op. cit., Pièces justificatives, III, 12. Въ этомъ документѣ упоминается посланникъ къ польскому королю отъ Разстриги, которому даны были, повидимому, грамоты, свидѣтельствовавшія, что папы и германскіе императоры титуловали московскихъ государей императорами. Въ другомъ документѣ, тождественномъ по содержанію съ приведеннымъ выше, который былъ предъявленъ польскимъ посламъ Олесницкому и Гонсѣвскому въ маѣ 1606 г. въ Москвѣ, читаемъ, что грамоты папы и императора къ московскимъ государямъ, написанныя съ цесарскимъ титуломъ послѣднихъ, находились у посланника Разстриги къ королю—Власьева („Рус. Ист. Библ." I, 414). Не былъ ли изданный о. Пирлингомъ документъ предъявленъ Рангони Власьевымъ, отправленнымъ въ Польшу въ сентябрѣ 1605 г.? Власьевъ имѣлъ наказъ требовать отъ короля признанія цесарскаго титула за Разстригою.

[2]) Pierling, op. cit., p. 105 sq.

тверждается письмомъ кардинала Боргезе къ нунцію Рангони. Боргезе писалъ (4 марта 1606 г.) слѣдующее: „если В. С. вѣрите, что посредничество Н. С. можетъ убѣдить Его Величество (короля Польши) удовлетворить Димитрія титуломъ „Царь“, столь имъ желаемымъ, и что Его Величество не станетъ чувствовать ни малѣйшаго неудовольствія по поводу этого, то Его Святѣйшество согласенъ, чтобы Вы взялись за это дѣло, всегда предполагая, что такимъ образомъ можно сдѣлать Великаго Князя болѣе склоннымъ къ помощи королевству (польскому) противъ Татаръ. Что касается того, чтобы дать Димитрію новые титулы, то это дѣло неисполнимое, потому что можетъ не нравиться Его Величеству...“ [1]).

У Разстриги была мысль отправить своего повѣреннаго къ папѣ, приведенная въ исполненіе въ декабрѣ 1605 г. Повѣреннымъ избранъ былъ іезуитъ Андрей Лавицкій, который, между прочимъ, долженъ былъ довести до свѣдѣнія папы, что у московскаго государя происходитъ съ королемъ польскимъ распря изъ за титула императорскаго, отъ котораго государь не откажется легко, ибо имѣетъ на него всѣ права. Лавицкій долженъ былъ освѣдомиться о мнѣніи на этотъ счетъ папы [2]). О результатахъ этой миссіи Лавицкаго узнаемъ изъ записокъ ксендза Яна Велевицкаго. По свидѣтельству Велевицкаго Лавицкій долженъ былъ передать Разстригѣ, что „хотя его святѣйшество рѣшилось прекратить этотъ споръ (между Разстригою и польскимъ королемъ изъ за титула перваго), но оно сдѣлаетъ все, что можетъ послужить къ сохраненію и увеличенію достоинства его свѣтлости“ (Разстриги) [3]). Лавицкій выѣхалъ изъ Рима 11 апрѣля съ папскимъ бревэ къ Разстригѣ, но до Москвы не доѣхалъ [4]).

О. Пирлингъ указываетъ, что мысль о дипломатической миссіи въ Москву существовала въ Римѣ еще во второй половинѣ 1605 г., но вслѣдствіе опасеній, что король польскій взглянетъ на эту миссію неблагосклонно, ее откладывали, поэтому видимъ въ Москвѣ

---

[1]) „Hist. rus. mon.“ II, № 73.

[2]) Pierling, op. cit. p. 110 sqq.

[3]) „Записки гетмана Жолкевскаго“, Приложенія, стр. 145 и слѣд., 2-е изд. Муханова; Pierling, op. cit., p. 114.

[4]) Pierling, ibid.

папскаго посланника графа Александра Рангони только около средины февраля 1606 г. [1]). Отпуская изъ Москвы Рангони, Разстрига поручилъ ему передать польскому королю твердую свою рѣшимость не переставать требовать признанія того титула, который ему подобаетъ [2]). Смерть помѣшала Разстригѣ привести въ исполненіе это намѣреніе.

Царь Василій Шуйскій, подобно своимъ предшественникамъ на московскомъ престолѣ, вскорѣ по воцареніи своемъ потребовалъ отъ польскаго короля признанія царскаго своего титула. Отправляя въ Польшу посланниками князя Григорія Волконскаго и дьяка Андрея Иванова съ объявленіемъ о вступленіи своемъ на престолъ [3]), Шуйскій далъ имъ наказъ въ случаѣ, если король не будетъ титуловать его царемъ, говорить панамъ раднымъ: „къ прежнимъ великимъ государемъ блаженные памяти къ царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи самодержцу и къ сыну его великому государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русіи самодержцу писали въ своихъ грамотахъ всѣ великіе государи по ихъ царскому достоинству съ полнымъ царскимъ именованьемъ: цесарь римской и папа и король ишпанской и ѳранцовской и царь турской и шахъ кизылбашской, а государь вашъ Жигимонтъ король великого государя нашего царского величества имя говорилъ въ рѣчи и въ разговорехъ не съ полнымъ царскимъ именованьемъ и самодержцемъ и его царского титла сполна не именуетъ, а та царская честь и повышенье ихъ царскому имени

---

[1]) Ibid. p. 120 sq.

[2]) С. Г. Г. и Д., II, № 103. Это порученіе къ польскому королю, данное Разстригою Рангони, отнесено въ цитируемомъ изданіи къ ноябрю 1605 г. О. Пирлингъ указываетъ на невѣрнось этой хронологической даты. По его мнѣнію Разстрига далъ Рангони порученіе къ королю въ первой половинѣ марта 1606 г., потому что въ ноябрѣ 1605 г. Рангони не былъ въ Москвѣ (Pierling, Rome et Démétrius, p. 129, 5). Поправка о. Пирлинга подтверждается показаніемъ Велевицкаго, который въ своихъ запискахъ говоритъ, что Марина Мнишекъ на пути своемъ въ Москву въ концѣ марта 1606 г. встрѣтила въ г. Мирѣ графа Рангони, возвращавшагося изъ Москвы („Записки гетмана Жолкевскаго“, Приложенія, стр. 144).

[3]) Бантышъ-Каменскій, „Переписка между Россіею и Польшею“, „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р.“, 1861 г., кн. I, стр. 83.

дана имъ государемъ нашимъ по ихъ царскому достоянью почень отъ великого государя Владимера Манамаха, отъ грекъ высокодостойнѣйшую честь воспріимшаго. И вѣнчанъ царскимъ вѣнцомъ и діадимою отъ великихъ государей отъ костянтинопольскихъ царей совѣтомъ святѣйшихъ вселенскихъ четырехъ патріархъ и всего вселенского собора и именованъ царь и великій князь Владимеръ Манамахъ даже и до великого государя царя и великого князя Ивана Василевича всеа Русіи самодержца и сына его великого государя и великого князя Федора Ивановича всеа Русіи самодержца и многихъ мусулманскихъ государствъ повелителя и обладателя. Потомъ Божіимъ праведнымъ судомъ на той превысочайшей царской степени Величества по степени прародителей ихъ великихъ государей царей россійскихъ учинился государемъ царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи самодержцемъ государь нашъ царь и великій князь Василей Ивановичъ всеа Руси самодержецъ, (и) не токмо что россійского государства царское именованье Богъ ему государю подаровалъ и мусулманскихъ государствъ царства казанского и астараханского и сибирского, и многіе крестьянскіе и мусулманскіе цари на своихъ царствахъ великому государю нашему служатъ, и прославлена великихъ государей нашихъ превысочайшая царская степень величества славою и честію во всей вселенней отъ всѣхъ великихъ государей; и вамъ паномъ радамъ пригожъ о томъ радѣти и государя своего Жигимонта короля на то наводити, чтобъ тѣ прежніе дѣла отставити, а писалъ бы къ великому государю нашему царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи самодержцу по его царскому достоинству съ полнымъ царскимъ именованьемъ, какъ всѣ великіе государи описуютъ; а не учнетъ писати къ великому государю нашему съ полнымъ царскимъ именованьемъ, и Жигимонту королю то будетъ не честь же, что великій государь нашъ царь и великій князь Василій Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ учнетъ къ нему писати безъ королевского именованья“ [1]).

Такъ какъ при королевскомъ дворѣ имя Василія Ивановича произносилось безъ царскаго титула, московскіе посланники заявили протестъ по наказу, на что имъ отвѣтили: „государь нашъ пишетъ

[1]) Г. А. М. И. Д., Книга польскаго двора № 26 л. 130—132 об.

къ государемъ вашимъ по прежнему обычаю, какъ изъ давныхъ лѣтъ ведетца, и прежъ сего о томъ бывали рѣчи, да и нынѣ мы то отставимъ" [1]).

Признанія царскаго титула со стороны польскаго короля Василій Шуйскій не достигъ [2]).

Первый царь изъ новой династіи, Михаилъ Ѳедоровичъ, требовалъ не только отъ польскаго короля признанія царскаго своего титула, но вынужденъ былъ требовать того же и отъ другихъ государей.

Въ 1613 г. Михаилъ Ѳедоровичъ отправилъ къ германскому императору посольство съ грамотою, на которую былъ полученъ отвѣтъ императора, но не на имя царя. Въ этомъ отвѣтѣ императоръ назвалъ Михаила Ѳедоровича только государемъ, а московскихъ царей—великими князьями [3]). Михаилъ Ѳедоровичъ не замедлилъ выразить императору свое неудовольствіе. Въ 1614 г. онъ отправилъ гонца къ императору съ грамотою, въ которой упрекалъ его за присланный отвѣтъ „невѣдомо кому имянемъ" и за опущеніе царскаго титула: „а нашего Царского имяни и титла по нашему Царского Величества достоинству", писалъ царь императору „какъ описывалися предки наши, Великіе Государи, Цари и Великіе Князи Російскіе и какъ ихъ описывали братья ихъ, предки ваши, Великіе Государи Цесари Римскіе и иные всѣ Великіе Государи хрестьянскіе и мусулманскіе, и какъ нынѣ насъ, Великого Государя, всѣ Великіе же Государи хрестьянскіе и мусулманскіе описуютъ по нашего Царского Величества достоянію, что намъ, Великому Государю, отъ предковъ нашихъ Богъ далъ, и какъ мы, Великій Государь, къ Вамъ, брату нашему, Цесарскому Величеству, писали нашего Царского Величества имя и титло въ нашей грамотѣ и какъ посланникомъ нашимъ въ рѣчи наказали есмя вамъ говорити, не описано"... [4]). Въ наказѣ, данномъ гонцу, велѣно было не принимать отвѣтной

[1]) Тамъ же, л. 295 об.—298.

[2]) Описаніе сношеній въ его царствованіе съ Польшею у Бантышъ-Каменскаго: „Переписка между Рос. и Польшею" въ „Чтен. М. Об. Ист. и др. Р.", 1861 г., I, стр. 83 и слѣд.

[3]) „Пам. дипл. сн.", II, 1057.

[4]) Тамъ же, 1097; тоже въ другомъ мѣстѣ той же грамоты на стр. 1102.

грамоты отъ императора, если въ ней не будетъ написанъ царскій титулъ государя. Гонецъ долженъ былъ требовать написанія этого титула на тѣхъ же основаніяхъ, какія изложены были въ царской грамотѣ къ императору [1]). Требованія гонца не были удовлетворены, отвѣтная грамота императора была написана безъ царскаго титула, вслѣдствіе чего гонецъ отказался принять ее [2]). Тогда ему даны были отвѣтные листы, въ которыхъ Михаилъ Ѳедоровичъ названъ былъ только государемъ, а предшественники его на московскомъ престолѣ—великими князьями московскими [3]). Гонецъ снялъ копіи съ этихъ листовъ, послѣ чего возвратилъ ихъ [4]).

Въ 1616 г. Михаилъ Ѳедоровичъ снова отправилъ посольство къ германскому императору. Въ Москвѣ предполагали, что императоръ и въ этотъ разъ откажетъ Михаилу Ѳедоровичу въ царскомъ титулѣ, поэтому посланнику дана была грамота императора Рудольфа къ царю Борису Годунову, которую наказано было предъявить императору, если послѣдній „Государево имя и титлу не похочетъ писати сполна противъ прежнего“ [5]). Но императоръ въ отвѣтной грамотѣ велѣлъ написать имя Михаила Ѳедоровича съ царскимъ титуломъ, и московскому посланнику пришлось только требовать, чтобы былъ написанъ весь территоріальный титулъ царя и названіе „самодержецъ“ [6]).

Первые посланники Михаила Ѳедоровича къ германскому императору, по возвращеніи ихъ въ Москву, за принятіе императорской отвѣтной грамоты къ царю безъ царскаго титула были наказаны послѣ слѣдствія. Изъ слѣдственнаго дѣла видно, что, во-первыхъ, на аудіенціяхъ московскихъ посланниковъ у императора, а также при переговорахъ съ ними, императорскими дипломатами государь московскій назывался царемъ, только имя царя не произносилось, при чемъ и императоръ не назывался по имени; во-вторыхъ, посланниковъ, по приказу императора, допрашивали, подлинно

---

[1]) Тамъ же, 1122.
[2]) Тамъ же, 1180 и слѣд.
[3]) Тамъ же, 1185—1188.
[4]) Тамъ же, 1182.
[5]) Тамъ же, 1253.
[6]) Тамъ же, 1331 и слѣд.

ли Михаилъ Өедоровичъ избранъ государемъ всею землею [1]). На основаніи этого можно заключить, что императоръ не отказывалъ московскому государю въ царскомъ титулѣ, ибо этотъ титулъ давно былъ признанъ предшественниками императора, но что происходившія ранѣе въ московскомъ государствѣ смуты не внушали императору вѣры въ прочность новаго московскаго правительства. Обращаетъ на себя вниманіе инструкція, данная первымъ посланникамъ Михаила Өедоровича къ императору, что̀ отвѣтить, если при дворѣ императора ихъ спросятъ о неудавшейся кандидатурѣ на московскій престолъ императорскаго родственника [2]). Быть можетъ, желаніе императора видѣть кого либо изъ своихъ родственниковъ на московскомъ престолѣ было также причиною непризнанія на первыхъ порахъ Михаила Өедоровича царемъ.

Царскій титулъ Михаила Өедоровича признавался со стороны датскаго короля до 1618 г. Въ этомъ году и въ слѣдующемъ Михаилъ Өедоровичъ получилъ отъ датскаго короля двѣ грамоты, въ которыхъ титулъ его былъ написанъ „не поригожю“, опущены были слова: „царь“ и „московскій“. Вслѣдствіе этого царь въ 1619 г. послалъ королю грамоту, въ которой предлагалъ ему „велѣть описывать въ нашихъ государскихъ титлахъ наше государское имянованье по нашей государской чести и достоинству съ полнымъ царскимъ именованьемъ и съ титлами, какъ мы описуемся въ нашихъ государскихъ титлахъ, и какъ къ намъ описуютъ всѣ великіе государи крестьянскіе и бусурманскіе, и какъ писывали прежніе короли дацкіе и ваше королевское величество къ прежнимъ великимъ государемъ царемъ російскимъ и къ намъ, великому государю, въ прежнихъ своихъ грамотахъ, чтобъ въ такихъ дѣлехъ межъ насъ, великихъ государей, добрая дружба и любовь и соединененье не умалялась, но отъ часу прибавлялась“. Царь грозилъ королю „убавленьемъ королевского титула и имянованія“ въ случаѣ неисполненія его требованія [3]). Король исполнилъ требованіе царя. Въ послѣдующихъ сношеніяхъ съ датскимъ королемъ

---

[1]) Тамъ же, 1065 и 1074.

[2]) Тамъ же, 1004 и слѣд.

[3]) „Рус. Ист. Б.“ XVI, № 106.

Михаилъ Өедоровичъ не изъявлялъ своего неудовольствія на умаленіе его титула, кромѣ одного раза, именно въ 1621 г., когда въ грамотѣ короля было опущено въ царскомъ титулѣ слово „московскій“ [1]).

Въ царствованіе Михаила Өедоровича въ Москву пріѣхалъ первый французскій посланникъ Луи Дегэ де Курмененъ въ 1629 г. Бояре посланнику указали, что въ привезенной имъ царю королевской грамотѣ титулъ царскій не написанъ сполна. Посланникъ отвѣтилъ, что во Франціи существуетъ съ давнихъ временъ обычай, въ силу котораго король въ грамотахъ своихъ ко всѣмъ государямъ не прописываетъ всѣхъ титуловъ ихъ, равно какъ не пишетъ всѣ свои титулы, вводить же новшества въ этой области нельзя. На замѣчаніе бояръ, что Иванъ Кондыревъ, бывшій царскимъ посланникомъ во Франціи въ 1615 г., привезъ царю королевскую грамоту, въ которой царскій титулъ былъ написанъ сполна, де Курмененъ отвѣтилъ, что такъ былъ написанъ титулъ царя по приказанію короля вслѣдствіе просьбы Кондырева, но что въ титулѣ царя такъ много названій разныхъ странъ, что ихъ не упомнить. Когда бояре сказали де Курменену, что подобнаго возраженія никогда не бывало со стороны какого либо посланника, де Курмененъ поспѣшилъ успокоить ихъ: король, сказалъ онъ, прикажетъ впредь прописывать въ грамотахъ къ царю всѣ его титулы, въ чемъ онъ, посланникъ, клянется Богомъ и головою короля [2]). Отпуская де Курменена, царь послалъ королю грамоту, въ которой выражалъ свое неудовольствіе на то, что въ королевской грамотѣ титулъ его не былъ написанъ сполна. Всѣ государи, писалъ царь, султанъ турецкій, шахъ персидскій, императоры татарскій и римскій, короли Англіи и Даніи и многіе другіе великіе государи въ грамотахъ къ нему не опускаютъ ни одного изъ его титуловъ, и король, если желаетъ быть въ дружественныхъ съ нимъ отношеніяхъ, долженъ писать титулы его, Богомъ ему данные, сполна,

---

[1]) Тамъ же, № 110.

[2]) Посольство де Курменена въ „Recueil des instructions don. aux ambas. et. min. de France“, VIII, p. 23 sqq., Paris, 1890. Копія съ грамоты Людовика XIII къ Михаилу Өедоровичу, привезенной Кондыревымъ, въ назв. изданіи, р. 19. О посольствѣ де Курменена см. Соловьева „Исторію Россіи“, IX, 170, изд. 4-е, и П. В. Безобразова „О сношеніяхъ Россіи съ Франціей“, 7 и слѣд.

какъ самъ царь себя описуетъ въ грамотахъ къ королю. Въ свою очередь и царь обѣщалъ королю писать въ грамотахъ къ нему всѣ его титулы [1]).

Желаніе царя, выраженное имъ относительно титуловъ его въ грамотѣ къ французскому королю, было исполнено послѣднимъ. Въ 1631 г. явился къ Михаилу Ѳедоровичу французскій посланникъ Бертранъ Боннефуа, привезшій царю королевскую грамоту, въ которой царскій титулъ написанъ былъ сполна [2]).

Крымскій ханъ титуловалъ Михаила Ѳедоровича царемъ, но не писалъ полнаго его титула [3]), поэтому въ 1635 г. взята была шертная запись съ крымскаго князя Сулешова въ томъ, что въ договорной грамотѣ со стороны хана имя государя будетъ написано съ полнымъ царскимъ титуломъ [4]).

Михаилъ Ѳедоровичъ, подобно своимъ предшественникамъ, требовалъ признанія своего царскаго титула отъ польскаго короля. Но король, опираясь на избраніе королевича Владислава на московскій престолъ, не признавалъ Михаила Ѳедоровича московскимъ государемъ, что исключало всякія разсужденія о правахъ Михаила Ѳедоровича на царскій титулъ [5]).

По предложенію, сдѣланному въ 1615 г. съ польской стороны, отправлены были московскіе послы (князья Иванъ Воротынскій и Алексѣй Сицкій и окольничій Артемій Измайловъ съ товарищами) на съѣздъ съ польскими послами для переговоровъ о мирѣ [6]). Московскимъ посламъ было наказано, по окончаніи переговоровъ о мирѣ, когда рѣчь зайдетъ о томъ, какъ написать въ договорныхъ грамотахъ имя государя, потребовать, чтобы имя его было на-

---

[1]) „Recueil" ect., p. 29.

[2]) Ibid, p. 36; П. В. Безобразова назв. тр., 10.

[3]) „Извѣстія Таврич. уч. арх. ком." № 10 (годъ четвертый, 1890), №№ 33—38, 41.

[4]) Тамъ же, № 42, стр. 42; такая же запись была взята съ князя Сулешова и крымскихъ пословъ въ 1640 г. (тамъ же, № 9, стр. 23).

[5]) Бантышъ-Каменскій: „Переписка между Россіею и Польшею" въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р." за 1862 г., кн. IV, стр. 8 и слѣд.; Соловьевъ, „Исторія Россіи", IX, 39 и слѣд., изд. 4-е.

[6]) Переговоры должны были происходить между Смоленскомъ и Острожками (Назв. труды Бантышъ-Каменскаго, стр. 17, и Соловьева, стр. 45 и слѣд.

писано прежде имени короля [1]). Въ случаѣ, если бы королевскіе послы потребовали территоріальныхъ уступокъ за то, что король велитъ написать въ договорной грамотѣ титулъ Михаила Ѳедоровича такъ, какъ польскіе короли писали титулы московскихъ государей, послы должны были отвѣтить: „панове, великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи самодержецъ чести своея царскіе ни у кого не купилъ, и впередъ еѣ купить не у ково, почтилъ его тѣмъ свыше Богъ Всемогущій, которой всѣми владѣетъ, виситъ и низитъ, отъ престолъ сноситъ до гноище, а на царскій престолъ возводитъ его же хощетъ; царство Божій даръ, его жъ Богъ восхощетъ, того тѣмъ и одаритъ; всѣ великіе государи хрестьянскіе и мусулманскіе великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи его царского величества имя описуютъ по его царскому величества достоинству, какъ при прежнихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ описывали съ полнымъ царскимъ именованьемъ и съ титлы, а у государя вашего великому государю нашему чести своея не выкупливать, Богъ его царское величество почтилъ и безъ государя вашего...“ Московскимъ посламъ наказано было „говорити съ послы гладко и пословно, чтобъ ни за что не розорвати“ [2]).

Переговоры московскихъ пословъ съ королевскими не привели ни къ миру, ни къ перемирію [3]).

Польскій король не призналъ Михаила Ѳедоровича государемъ московскимъ и при заключеніи перемирія въ Деулинѣ; въ перемирной грамотѣ съ польской стороны написано было: „нынѣшній ихъ государь Михаилъ Федоровичъ, которого они нынѣ великимъ государемъ московскимъ у себя менуютъ“ [4]). Царскій титулъ Михаила Ѳедоровича признанъ былъ со стороны польскаго короля только въ 1634 году, когда заключенъ былъ поляновскій договоръ. Отказъ Владислава отъ правъ на московскій престолъ

---

[1]) Г. А. М. И. Д., Кн. польскаго двора № 30 лл. 256 об. и 257.

[2]) Тамъ же, лл. 258 и 259.

[3]) Соловьевъ, „Ист. Р.“, IX, 61 и слѣд., изд. 4.

[4]) Г. А. М. И. Д., реестръ 79, Польскій трактатъ № 58. Соловьевъ, „Ист. Р.“, IX, 134, изд. 4.

былъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаніемъ царскаго титула за Михаиломъ Θедоровичемъ, потому что со стороны Польши царскій титулъ московскихъ государей былъ уже признанъ: Владиславъ, избранный на московскій престолъ, титуловался царемъ. Въ одной изъ статей поляновскаго договора относительно титула Михаила Θедоровича было написано: „великого государя царя и великого князя Михаила Θедоровича всеа Русіи самодержца и его государскихъ дѣтей и внучатъ и впередъ будучихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ великому государю нашему Владиславу королю полскому и великому князю литовскому и впередъ будучимъ государемъ королемъ полскимъ и великимъ княземъ литовскимъ и всей рѣчи посполитой описывати (и) имяновати съ полными титлы, какъ въ сей докончалной грамотѣ написано: великій государъ царь и великій князь Михаилъ Федоровичъ всеа Русіи самодержецъ владимерскій, московскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, царь сибирскій, государь псковскій“ и проч. [1]).

Царскій титулъ московскихъ государей не былъ признанъ еще папою, къ которому было предъявлено требованіе признанія этого титула царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Алексѣй Михайловичъ возобновилъ сношенія московскаго государства съ Римомъ, отправивъ къ папѣ въ 1673 г. посланникомъ Павла Менезіуса съ предложеніемъ оказать вмѣстѣ съ другими христіанскими государями помощь польскому королю въ борьбѣ противъ турецкаго султана. Въ грамотѣ своей къ папѣ, упомянувъ о происхожденіи прародителей своихъ „отъ рода Августа Цесаря, обладающаго всею вселенною“, и великаго князя Владиміра Мономаха, „отъ Грекъ высокодостойнѣйшую украшеніемъ главы честь воспріимшаго“, царь вспоминалъ о сношеніяхъ царя Іоанна IѴ съ папою Григоріемъ XIII „о нѣкоторыхъ государственныхъ и всему христіянству годныхъ дѣлѣхъ“. Царь обращался къ папѣ съ такимъ предложеніемъ, съ какимъ нѣкогда папы обращались къ

[1]) Г. А. М. И. Д. Книга польскаго двора № 43 л. 884. Текстъ поляновскаго договора, данный королевскимъ посламъ московскими, въ „Продолженіи древн. Рос. Вивл.“. Ѵ, 245; постановленіе относительно царскаго титула на стр. 258.

московскимъ государямъ [1]). Менезіусу было наказано требовать отъ „папиныхъ ближнихъ людей", чтобы въ отвѣтной папской „грамотѣ и на подписи В. Г-ря Е. Цар. Вел-ва имянованье и титла написаны были сполна во всемъ противъ Е. Цар. Вел-ва грамоты" [2]).

Менезіусъ, исполняя данный ему наказъ требовать, чтобы папа въ отвѣтной грамотѣ къ царю велѣлъ написать имя его съ царскимъ титуломъ, предъ отпускной аудіенціей у папы попросилъ показать ему папскую грамоту. Такъ какъ въ грамотѣ этой Алексѣй Михайловичъ названъ былъ „любнымъ сыномъ, шляхетнымъ человѣкомъ", Менезіусъ заявилъ іезуиту, показавшему эту грамоту, что папа обнаруживаетъ непріязнь къ государю, потому что не желаетъ титуловать его царемъ, какъ титулуютъ его всѣ государи, имѣющіе съ нимъ сношенія, и что поэтому грамота къ царю безъ царскаго титула не можетъ быть имъ принята. Іезуитъ сказалъ Менезіусу, что папа титулуетъ государя такъ, какъ прежніе папы титуловали московскихъ государей. Менезіусъ отвѣтилъ,

1) „Пам. дипл. снош." IV, 754 и слѣд.; Д. Толстой „Римскій католицизмъ въ Россіи", I, 99.

2) „Пам. дипл. сн." IV, 793. Отправленію Менезіуса къ папѣ съ царскою грамотою предшествовала справка въ посольскомъ приказѣ о сношеніяхъ московскаго государства съ Римомъ. По справкѣ оказалось, что сношеній съ папскимъ престоломъ послѣ Іоанна IV не было (сношенія Разстриги не признавались), и что папа въ грамотѣ къ Іоанну IV не написалъ царскаго титула; возникшій вслѣдствіе этого вопросъ объ отправленіи посланника къ папѣ представленъ былъ на усмотрѣніе царя, для чего составлена была докладная записка, въ которой указана была выгода отъ обращенія царя къ папѣ: „Папа той его, В. Г-ря присылкѣ будетъ радъ и окрестныхъ Государей для помочи противъ Салтана Турского подвигнетъ, а не послушать его окрестнымъ Государемъ будетъ не мочно". Докладывалъ государю объ отправленіи посланника къ папѣ окольничій Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ въ то время, когда „у В. Г-ря было съ бояры сидѣнье". Государь велѣлъ отправить посланника и къ папѣ (Пам. дипл. сн." IV, 852). Повидимому, сношенія съ Римомъ возобновились благодаря Матвѣеву, въ то время управлявшему посольскимъ приказомъ, потому что Алексѣемъ Михайловичемъ приказано было отправить посланниковъ съ грамотами къ императору, королямъ испанскому, французскому, англійскому, датскому, шведскому, курфирстамъ саксонскому и бранденбургскому и въ Голландію, въ посольскомъ же приказѣ возникъ вопросъ объ отправленіи посланника и къ папѣ (тамъ же, 851 и 852; Д. Толстой, назв. трудъ, I, 100).

что папа Григорій XIII прислалъ Іоанну IV грамоту чрезъ Антонія Поссевино съ такимъ же титуломъ, какой написанъ былъ въ грамотѣ къ Алексѣю Михайловичу, но Іоаннъ IV грамоты папской не принялъ, когда же Григорій XIII прислалъ другую грамоту къ Іоанну IV чрезъ Антонія Поссевино, и въ этой грамотѣ назвалъ царя „Государемъ Російскимъ В. княземъ Московскимъ, Новоградцкимъ, Смоленскимъ, Владимерскимъ, Государемъ Казанскимъ и Астараханскимъ и иныхъ многихъ государствъ и земель Княземъ Великимъ", то Іоаннъ IV и этой грамоты не принялъ, потому что въ ней опущено было слово „царь". Іезуитъ Менезіусу на это ничего не возразилъ, Менезіусъ же изложилъ сказанное имъ въ письмѣ и подалъ его ему. Нѣсколько дней спустя, тотъ же іезуитъ спросилъ Менезіуса, не согласится ли онъ принять грамоту къ царю, въ которой титулъ его намѣрены были написать такъ, какъ былъ написанъ титулъ во второй грамотѣ Григорія XIII къ Іоанну IV, но Менезіусъ сказалъ, что возьметъ только такую грамоту, въ которой имя царя будетъ написано съ полнымъ царскимъ титуломъ. Іезуитъ удалился отъ Менезіуса, но въ тотъ же день снова явился съ заявленіемъ, что написать имя Алексѣя Михайловича съ царскимъ титуломъ нельзя, ибо Римъ не измѣняетъ титулы государей. Менезіусъ отвѣтилъ іезуиту, что царь написалъ папѣ „не для какихъ спорныхъ статей, но о союзствѣ всего христіянского покоя. А вѣдомо В. Г-рю нашему Е. Цар. В—ву о томъ, что Папы многимъ потентатомъ ихъ потентанскія имянованія и титлы премѣнно учинили. Папа Иноцентей Четвертой въ году 1246 прислалъ великого посла Облаза съ грамотою до предка нашего В. Г—ря и В. Князя Данила Російского, а въ грамотѣ своей Папежской писалъ: „Данилу Королю Російскому"; да къ нему же, Государю, писалъ Папа Александръ Четвертый въ году 1257, а въ грамотѣ своей писалъ потому жъ: „Данилу Королю Російскому". Папа Григорій Третійнадесять писалъ къ предку нашему [1]) къ В. Г—рю Ц. и В. Кн. Іоанну Васильевичю, всеа Росіи Самодержцу, и въ грамотѣ своей Папежской Е. Цар. Вел—ва имянованіе и титло писалъ въ другой по-

[1]) Тутъ, очевидно, опечатка, незамѣченная издателями, или описка въ рукописи, такъ какъ Менезіусъ говорилъ не отъ имени царя и не могъ, поэтому, сказать, говоря о царѣ Іоаннѣ IV, „предку нашему".

сылкѣ предъ прежнимъ премѣнно съ прибавкою. Папа Александръ Седмой писалъ Цесаря Фердинандуса Третьего къ брату его Леополдусу и имяновалъ въ грамотѣ: „шляхетному человѣку Леополдусу“; и той грамоты онъ, Леополдусъ, не принялъ. И тотъ же Папа писалъ въ другую посылку до него же, а въ грамотѣ своей имяновалъ: „честному брату нашему Леополдусу“. Папа Клементей Девятой началъ писать до Посполиты Рагужской, а пишетъ: „шляхетнымъ людемъ Посполиты Рагужской“. Папа Урбанусъ Осмый началъ писать къ Королю Португалскому: „дражайшему во Христѣ сыну нашему, Королю Португалскому“. А нынѣ В. Г—рю нашему Е. Цар. Вел—ву Папѣ учинить достойно, какъ ему, В. Г—рю, годно, потому что В. Г. нашъ, Е. Ц. Вел—во еще Папѣ честь и любовь свою Цар. Вел—ва явилъ и писалъ до него прежъ; а Папа предъ В. Г—ремъ нашимъ Е. Цар. Вел—вомъ оказуется нелюбовію: Е. Цар. Вел—ва достоинства не исполняетъ“. И на этотъ разъ Менезіусъ подалъ письменное изложеніе сказаннаго имъ въ отвѣтъ іезуиту. Чрезъ нѣсколько дней къ Менезіусу снова явился іезуитъ и объявилъ ему, что папа прибавитъ въ обращеніи къ Алексѣю Михайловичу слово „велеможнѣйшій“, но назвать его царемъ не можетъ потому, что названія „царь“ и „цесарь“ тождественныя, и если папа будетъ титуловать государя царемъ, то возбудить противъ себя неудовольствіе императора и другихъ государей. Менезіусъ іезуиту возразилъ: „къ В. Г—рю нашему къ Е. Цар. Вел—ву В. Г. Е. Цес. Вел—во и иные христіянскіе и бусурманскіе Государи пишутъ во своихъ Государскихъ грамотахъ Е. Цар. Вел—ва имянованіе и титло какъ онъ, В. Г. Е. Цар. Вел—во, самъ себя описуетъ. И папѣ то видимо, какъ до Папы Цар. Вел—во въ грамотѣ своей Цар. Вел—ва писался: Царь Російскій, Царь Казанскій, Царь Астараханскій, Царь Сибирскій, Повелитель Государь Иверскіе земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей, а не Цесарей; и то должно было остерегать Цес. Вел—ву, а не Папѣ, а Папѣ въ томъ ни что не належитъ“. Іезуитъ сказалъ Менезіусу, что папа не знаетъ, какъ другіе государи пишутъ къ московскому государю, тогда Менезіусъ показалъ іезуиту грамоты къ царю отъ императора и другихъ государей. Іезуитъ ничего не возразилъ, но на другой день явился къ

Менезіусу съ вопросомъ, по приказанію папы, что̀ означаетъ слово „царь“. Менезіусъ отвѣтилъ: „что есть имянуется Папа, и Цесарь Римскій, и Салтанъ Турецкій, и Шахъ Персидскій, и Ханъ Крымскій, и Моголъ Индѣйскій, и Претіанъ Абиссинскій, и Зерефъ Арабскій, и Колманъ Булгарскій, и Деспотъ Пелепонейскій, и Калифа Вавилонскій и иные,—тако же имянуется по Словенскому нарѣчію: Царь Російскій. Да и во евангели Словенскомъ имяновано: когда Спасителя нашего Христа Іудеи на распятіе привели, и говорили Пилату: „возми, возми распни Его“. И Пилатъ имъ сказалъ: „Царя ли вашего распну“? И Іудеи ему Пилату отвѣтъ дали: „не имѣемъ мы Царя, токмо Кесаря“. На другой день опять явился къ Менезіусу іезуитъ съ вопросомъ, какъ передать на латинскій языкъ слово „царь“, потому что папы въ грамотахъ своихъ къ государямъ, исключая цесаря, пишутъ титулы ихъ, какъ напр.: султанъ, шахъ и т. п., въ переводѣ на латинскій языкъ. Менезіусъ отвѣтилъ, что папы въ грамотахъ своихъ къ султанамъ, деспотамъ и другимъ государямъ съ подобными титулами не переводятъ титулы на латинскій языкъ, но передаютъ ихъ латинскими буквами, и что слово „царь“ перевести на латинскій языкъ нельзя. Нѣсколько дней спустя къ Менезіусу явился кардиналъ и сказалъ, что Алексѣй Михайловичъ написалъ титулъ папы въ грамотѣ своей не такъ, какъ титулуютъ папъ всѣ христіанскіе государи. Менезіусъ ему отвѣтилъ, что царь въ концѣ грамоты своей къ папѣ написалъ, чтобы папа не удивлялся, если титулъ его невѣрно написанъ, потому что у него съ папою сношеній не было, и титула его онъ не знаетъ. Кардиналъ на это ничего не возразилъ. На другой день къ Менезіусу явился папскій секретарь съ такимъ вопросомъ: если папа отправитъ своего посланника къ государю съ грамотою, въ которой назоветъ его „свѣтлымъ и велеможнѣйшимъ королемъ Російскимъ“, допуститъ его царское величество къ себѣ посланника съ грамотою, зная, что папы сокращенно пишутъ титулы всѣхъ государей? Менезіусъ отвѣтилъ, что не можетъ сказать, допуститъ ли государь къ себѣ посланника съ такою папскою грамотою, въ которой титулъ его будетъ написанъ не такъ, какъ пишется онъ въ царскихъ грамотахъ; папѣ извѣстно, добавилъ онъ, изъ письменнаго заявленія его, Менезіуса, что царь Іоаннъ IV не принялъ

грамоты папы Григорія XIII потому, что въ грамотѣ этой не былъ написанъ царскій его титулъ [1]).

Изъ бесѣдъ съ нѣкоторыми кардиналами Менезіусъ узналъ, что они намѣрены убѣждать папу написать государю грамоту съ царскимъ титуломъ. Нѣсколько времени спустя Менезіуса извѣстили кардиналъ Барберини и другіе старые кардиналы о томъ, что они говорили съ папою о признаніи царскаго титула Алексѣя Михайловича, и что папа имъ высказалъ намѣреніе назначить засѣданіе кардиналовъ для обсужденія вопроса о признаніи этого титула, самъ же онъ готовъ выказать свою любовь къ московскому государю и признать его царскій титулъ. Но тѣ же кардиналы вскорѣ дали знать Менезіусу, что племянникъ папы, также кардиналъ, противится признанію царскаго титула Алексѣя Михайловича папою и не хочетъ допустить обсужденія этого признанія кардиналами. Менезіусъ посѣтилъ кардинала Барберини, который ему передалъ, что если папа не напишетъ государю грамоты съ царскимъ титуломъ, то преемникъ его, избранный изъ старыхъ кардиналовъ, признаетъ этотъ титулъ московскаго государя, и что старые кардиналы отправятъ къ Алексѣю Михайловичу грамоту съ царскимъ его титуломъ, въ которой будутъ просить царя не гнѣваться на непризнаніе его титула папою и объяснять, что папа находится въ рукахъ своего племянника, человѣка гордаго, который не допускаетъ, чтобы кардиналы обсудили вопросъ о признаніи царскаго титула московскаго государя. Чрезъ день послѣ посѣщенія Барберини Менезіусъ былъ принятъ папою въ тайной аудіенціи. На вопросъ папы, почему онъ не желаетъ принять грамоту къ государю своему, Менезіусъ отвѣтилъ, что не принимаетъ потому, что папа не титулуетъ государя царемъ, какъ титулуютъ его всѣ христіанскіе и мусульманскіе государи. Папа сказалъ, что не можетъ титуловать государя царемъ потому, что царскаго титула московскихъ государей не признавали предшественники его, и что кардиналы, съ которыми онъ совѣщался относительно этого признанія, высказались противъ него [2]). Такъ „старые“, по выраженію Менезіуса, кардиналы непризнаніе царскаго титула Алексѣя Михайловича объяснили московскому послан-

---

[1]) „Пам. дипл. снош.“ IV, 1049—1056.

[2]) Тамъ же, 1056 и слѣд.

нику излишнею податливостью папы, находившагося подъ вліяніемъ своего племянника, который не допускалъ, чтобы въ обсужденіи вопроса о признаніи царскаго титула московскаго государя приняли участіе кардиналы, а папа тому же Менезіусу заявилъ, что кардиналы не допустили титуловать Алексѣя Михайловича царемъ.

День спустя послѣ тайной аудіенціи у папы Менезіусъ принялъ папскаго племянника, который заявилъ ему, что папа отправитъ въ Москву посланника для переговоровъ о титулѣ государя [1]).

Ко времени пребыванія Менезіуса въ Римѣ относится интересное разсужденіе аббата Скарлати о правахъ московскихъ государей на царскій титулъ [2]). Въ своемъ разсужденіи Скарлати доказываетъ несостоятельность возраженій, которыя дѣлались московскому посланнику, требовавшему признанія царскаго титула его государя. Такихъ возраженій, говоритъ Скарлати, было два: первое, что папскій престолъ не измѣняетъ титуловъ, однажды принятыхъ по отношенію къ какому либо государю; второе, что слова *царь* и *императоръ* тождественныя, и кромѣ того слово *царь*, какъ иностранное, не можетъ быть переведено на латинскій языкъ. Несостоятельность перваго возраженія Скарлати доказываетъ примѣрами, изъ которыхъ видно, что папы измѣняли ти-

[1]) Тамъ же, 1059.

[2]) Это разсужденіе подъ заглавіемъ: „Мнѣніе аббата Скарлати, чтобы титулъ Царя былъ данъ Государю Московскому“, изданное въ Hist. rus. mon., (II, № 116), невѣрно отнесено въ названномъ изданіи къ 1670 г. Изъ упоминанія въ разсужденіи аббата Скарлати имени царя Алексѣя Михайловича видно, что разсужденіе это было написано въ то время, когда въ Россіи царствовалъ Алексѣй Михайловичъ, указаніе же Скарлати, что онъ будетъ имѣть въ виду тѣ возраженія, которыя дѣлаются московскому посланнику, требующему признанія царскаго титула своего государя, опредѣляетъ болѣе точно время написанія разсужденія: оно вызвано было пребываніемъ въ Римъ Менезіуса, который былъ единственнымъ посланникомъ Алексѣя Михайловича къ папѣ. Возраженія противъ титулованія московскаго государя царемъ, которыя, по словамъ Скарлати, дѣлались московскому посланнику, тѣ же, какія дѣлались Менезіусу, а опроверженія ихъ—въ сущности тѣ, которыя представлялись и устно и письменно Менезіусомъ. На невѣрность хронологической даты, которою издатели помѣтили разсужденіе аббата Скарлати, указалъ еще Толстой („Римскій католицизмъ“, I, стр. 106, прим. 1).

тулованія государей, въ томъ числѣ и русскихъ; документальныя данныя, указываетъ онъ, свидѣтельствуютъ, что папы называли русскихъ князей королями, а московскихъ государей — великими князьми. Отсюда слѣдуетъ, заключаетъ аббатъ, что московскій государь имѣетъ право на королевскій титулъ, какъ потомокъ признанныхъ папами русскихъ королей, въ числѣ ихъ и Даніила галицкаго, получившаго королевскую корону отъ папы. Во власти московскаго государя, говоритъ аббатъ, имѣющаго право на королевскій титулъ, замѣнить его царскимъ титуломъ, и такая замѣна признана была императоромъ, имѣющимъ право давать титулы, и другими государями, въ томъ числѣ и королемъ польскимъ. Что касается второго возраженія, будто слова *царь* и *цесарь* (императоръ) тождественныя, то несостоятельность и этого возраженія, по мнѣнію Скарлати, доказывается тѣмъ, что цесаремъ русскіе и нѣкоторые другіе народы называютъ только императора, но не царя, кромѣ того и самъ императоръ, ревниво оберегающій свой титулъ, не называлъ бы московскаго государя царемъ, если бы названія *царь* и *цесарь* означали одно и тоже. Возраженіе, что слово *царь*, какъ иностранное (barbara), не можетъ быть употреблено въ латинской рѣчи, Скарлати опровергаетъ примѣрами изъ папскихъ бревэ; онъ указываетъ, что даже въ бревэ ученнѣйшаго и образованнѣйшаго папы Льва X писались такія иностранныя названія государей, какъ напримѣръ: султанъ, воевода и проч. По мнѣнію аббата не было основаній отказывать московскому государю въ царскомъ титулѣ, только къ слову *царь* слѣдовало прибавить слово *король*, чтобы второе слово пояснило значеніе перваго [1]).

---

[1]) Приводимъ мнѣніе аббата Скарлати въ переводѣ съ итальянск. яз. „Возраженія, дѣлаемыя съ цѣлью поддерживать отказъ въ титулованіи, которое требуетъ для своего государя господинъ посланникъ изъ Московіи, сводятся главнымъ образомъ къ двумъ пунктамъ. Во-первыхъ, что св. престолъ въ обращеніяхъ къ государямъ не имѣетъ обыкновенія мѣнять титулы, и такъ какъ въ прежнихъ случаяхъ обыкновенно къ московскому государю примѣнялось обращеніе: Dilecto filio nobili viro N. Magno Moscorum Duci (возлюбленному сыну, благородному мужу N., великому князю Московскому), то и теперь должно соблюдаться титулованіе въ этой самой формѣ безъ измѣненія. Во-вторыхъ, если полагать возможнымъ измѣнять титулы, то ни въ какомъ случаѣ нельзя ему (московскому государю) давать титулъ „царь“, такъ какъ это слово означаетъ

Менезіусъ заявлялъ, что не возьметъ папской грамоты къ

императора и есть иностранное, а потому не можетъ быть употреблено папою въ латинскихъ письмахъ. Поэтому Его Святѣйшество въ письмахъ къ Султану и къ Софи называетъ ихъ королями, а не иными названіями, соотвѣтствующими ихъ достоинству. Что касается первой причины, то противъ нея есть возраженіе, что св. престолъ не только имѣетъ обыкновеніе мѣнять титулы въ первосвященническихъ посланіяхъ, сообразно обстоятельствамъ и времени, но всегда дѣлалъ это, какъ общеизвѣстно, преимущественно по отношенію къ московскому государю; оказывается, что многіе папы, именно св. Григорій VII, Иннокентій IV и Александръ IV давали ему титулъ „свѣтлѣйшій“ съ наименованіемъ „король“; а Григорій XIII, обращаясь письменно (къ московскому государю) въ 1581 г., по примѣру бревэ блаженнаго Пія V (которое не было послано по причинамъ, приведеннымъ Спондано въ 1571 г. подъ № XXV), писалъ: Dilecto filio nobili viro Ioanni Basilidi Magno Moscorum Duci. Это письмо было отвергнуто, какъ мало соотвѣтствующее достоинству столь великаго государя, которому ни одинъ государь христіанскій или невѣрный не отказываетъ въ титулѣ король, и къ которому даже самъ императоръ обращается подобнымъ образомъ, вслѣдствіе чего въ слѣдующемъ 1582 г. (св. престолъ) измѣнилъ въ многихъ отношеніяхъ форму перваго титула, прибавивъ почетныя выраженія; но такъ какъ вмѣсто слова „царь“ онъ (св. престолъ) употреблялъ названія: Princeps Magnus и Dominator, то этимъ не удовлетворился Василій (?), и всякіе переговоры были прерваны (Скарлати указываетъ далѣе на разные титулы европейскихъ государей и отмѣчаетъ, что титулы эти признавались папами, хотя не папы давали ихъ, напр., испанскій король самъ себѣ усвоилъ титулъ короля, и этотъ титулъ былъ признанъ папами, а нѣкоторымъ государямъ титулы давались германскимъ императоромъ, и тѣмъ не менѣе титулы эти также признавались со стороны папъ). Отсюда слѣдуетъ, что московскій государь одинъ изъ пользующихся королевскимъ титуломъ—короля Россіи, во 1-хъ, по древнему и спеціальному одобренію папы Григорія VII, и затѣмъ, двѣсти лѣтъ спустя, по спеціальному возобновленію (права на королевскій титулъ) со стороны римскаго двора, благодаря авторитету котораго былъ торжественно помазанъ и коронованъ въ 1256 г. король Даніилъ (галицкій) Опизономъ, легатомъ Иннокентія IV; преемники его (Даніила) во всякомъ случаѣ могли вмѣсто названія „король“ усвоять себѣ названіе „царь“, присущее ихъ достоинству, такъ какъ было (на то) согласіе и одобреніе всѣхъ государей, какъ христіанскихъ, такъ и невѣрныхъ, и самъ императоръ, которому не отказываютъ ни папа, ни другіе во власти давать и прибавлять титулы, подтвердилъ и укрѣпилъ (этотъ титулъ) своимъ собственнымъ примѣромъ, чему предшествовало продолжительное разслѣдованіе и познаніе дѣла въ Прагѣ, какъ передалъ Герберштейнъ и многіе другіе классическіе авторы времени императора Максимиліана I, почти двѣсти лѣтъ тому назадъ. Даже сами Поляки, естественные соперники московскаго государя, не отказываютъ ему въ этомъ преимуществѣ (царскомъ титулѣ), которое сдѣлалось его

царю безъ царскаго титула. Эту угрозу онъ привелъ въ исполне-

---

собственнымъ и неотъемлемымъ. Нельзя отрицать, что хотя императоръ имѣетъ право давать титулы королей, герцоговъ и проч., (однако) не можетъ никоимъ образомъ дать кому либо титулъ императорскій, каковое право принадлежитъ только св. престолу, поэтому Максимиліанъ и всѣ другіе его преемники не могли на законномъ основаніи титуловать „царемъ" короля Россіи (если подъ титуломъ „царь" разумѣть титулъ „императоръ"); тотъ, кто утверждаетъ, что слово это (царь) означаетъ „цесарь", ошибается (по слѣдующимъ причинамъ): прежде всего потому, что на языкахъ русскомъ и иллирійскомъ (слову) „цесарь" соотвѣтствуетъ „Kysara", и такъ называютъ Московиты, Богемцы и другіе императора въ отличіе отъ царя, что означаетъ другое, и монархи Русскіе, которые хвалятся своимъ происхожденіемъ отъ Цезаря, принимаютъ это названіе скорѣе съ цѣлью обозначить происхожденіе и родъ, хотя въ силу общаго употребленія впослѣдствіе это (названіе) стало также названіемъ ихъ достоинства; подобнымъ образомъ государь Арабовъ называется шерифомъ, что означаетъ происходящаго отъ пророка, т. е. Магомета, и даже блаженный Пій V называлъ (государя арабовъ) шерифомъ въ своемъ бревэ 1521 г. ноября мѣсяца. Во 2-хъ, потому что императоръ, относясь ревниво къ своему титулу, не давалъ бы титулъ „царь" московскому государю, если бы титулъ этотъ былъ равенъ его собственному, и дѣйствительно, мы видѣли въ заглавіяхъ подлинныхъ грамотъ, которыя представилъ господинъ посланникъ (московскій), что государь его называется четыре раза „царь", какъ и императоръ именуетъ его, а гдѣ тотъ (московскій государь) называетъ себя Imperator, его цесарское величество именуетъ его Dominator, что не только доказываетъ, что его величество не желаетъ давать ему собственный титулъ, но даже болѣе того, что слово „царь" не одинаково съ словомъ „императоръ" и совершенно отлично отъ него. Въ 3-хъ, наконецъ, потому что государь московскій въ своемъ титулѣ называетъ себя государемъ царей карталинскихъ и др. и пр., и это рѣшительно исключаетъ (мысль), что царь можетъ быть названъ императоромъ, но ясно видно, что ничто иное не можетъ означать въ такомъ смыслѣ, какъ (только) государя (повелителя) по отношенію къ государямъ подчиненнымъ и феодальнымъ. Что слово это (царь) иностранное, нельзя отрицать, но укажу, что папы въ прежнее время не были столь щепетильны, и изъ нихъ Левъ X, ученнѣйшій и образованнѣйшій, владѣвшій перомъ Бембо, одинъ изъ самыхъ выдающихся латинистовъ, писалъ неоднократно въ своихъ бревэ, которыя напечатаны: Воевода, Султанъ и Софи. Въ заключеніе еще можно прибавить, что сдѣлано было посланнику предложеніе палатинскимъ министромъ: принять обыкновенное обозначеніе (слова) „царю", т. е. Supremo Domino Russiae, что не было принято (посланникомъ), или лучше написать Regi Russiae, чѣмъ можно было бы оправдать, что вѣроятно, отличіе отъ титула, взятаго изъ примѣра названныхъ Льва X и блаженнаго Пія V, которые всякій разъ, когда называютъ Софи или Султана или Шерифа, прибавляютъ (слова): королю Персіи или Арабовъ; такимъ образомъ, обращаясь къ

ніе и грамоты не принялъ [1]).

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ 1667 году, отправлено было первое посольство въ Испанію, состоявшее изъ стольника Потемкина и дьяка Румянцева [2]). Отвѣтная грамота испанскаго короля была написана съ царскимъ титуломъ Алексѣя Михайловича [3]) по требованію Потемкина. При переводѣ на испанскій языкъ титуловъ Алексѣя Михайловича непонятными

государю московскому (съ титуломъ): Alexio Michaelidi Czario Russiae Regi, не только слѣдовали бы образцу выше названныхъ первосвященниковъ, но этимъ было бы указано, что слово „царь" не есть названіе достоинства, но происхожденія—онъ (царь) вѣдь хвалится, что происходитъ отъ Цесаря; подобнымъ же образомъ Michaelidi въ дѣйствительности означаетъ ничто иное, какъ сынъ Михаила, и не должно казаться страннымъ, что къ имени отца присоединяется другое имя предка славной памяти, ибо и въ Евангеліи говорится о нашемъ Спасителѣ: сынъ Давида, сынъ Авраама. Давать названіе „царь" королю Русскихъ было бы еще менѣе неподобающимъ чѣмъ, какъ писали другіе папы, давать названія Софи или Шерифъ, которыя означаютъ: первое—покровителя суевѣрной религіи, второе—происхожденіе отъ Магомета. Эти первосвященники, прибавкою слова „король", объясняли смыслъ, ими даваемый названію Султанъ или Софи. Такъ поступилъ тотъ же блаженный Пій V, когда писалъ священнику Іоанну съ титуломъ Rex Regum, каковой титулъ выше всякаго другого преимущества и свойственъ только Господу Богу, присоединяя къ титулу для объясненія: Illustri Aethiopum Regi. Кажется, что присоединеніемъ къ названію „царь" слова „король" придавалось бы подобное значеніе, и можно было бы надѣятся къ бо́льшему его (московскаго государя) удовлетворенію, что обращеніе „царю", т. е. supremo Domino, не означало бы возведенія его въ царское достоинство, но въ сущности было бы тѣмъ же, и вмѣсто того, чтобы создать новый примѣръ, могли бы итти по старому пути св. Апостольскаго Престола". (Hist. rus. mon., II, № 116, pag. 232. Проф. Л. Ю. Шепелевичу, оказавшему мнѣ помощь въ переводѣ разсужденія аббата Скарлати, долгомъ своимъ считаю выразить глубокую свою благодарность).

[1]) Грамота Климента X, не принятая Менезіусомъ, издана Theiner'омъ въ Monuments historiques de Russie, № 49, стр. 78, Rome, an. 1859, и Толстымъ: „Римскій католицизмъ, I, стр. 344, Прил., 2. Въ изданіи Theiner'a эта грамота датирована 4 сентябремъ 1673 г., а въ изданіи Толстаго—15 сентябремъ того же года. Грамота надписана: Dilecto filio nobili viro Alexio Michaeli Magno Moschorum Duci.

[2]) Бантышъ-Каменскій, „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи", I, 162. Статейный списокъ посольства Потемкина въ „Древн. Рос. Вивл." IV, 360, изд. 2.

[3]) „Др. Р. Вивл." IV, 432.

для переводчиковъ оказались слова: „царь“ и „самодержецъ“, вслѣдствіе чего секретарь испанскаго вѣдомства иностранныхъ дѣлъ („посольскихъ дѣлъ секретаріюсъ“) спросилъ московскихъ посланниковъ: „что Царь и Самодержецъ разумѣется?“ Посланники, объясняя испанцу, почему Алексѣй Михайловичъ назывался царемъ, указали два основанія: первое—, что прародитель государя, царь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, воюя съ византійскимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ, дошелъ до Константинополя, и императоръ, смирившійся предъ Владиміромъ Мономахомъ, послалъ ему въ даръ царскія утвари, которыми вѣнчались на царство всѣ византійскіе императоры; съ того времени, при вѣнчаніяхъ на царство, возлагаютъ на себя эти утвари всѣ русскіе цари. Второе—, что еще царь Іоаннъ IV, прадѣдъ Алексѣя Михайловича, покорилъ себѣ астраханское, казанское и сибирское царства, и такъ какъ ими владѣетъ Алексѣй Михайловичъ, то вслѣдствіе этого называется царемъ и самодержцемъ: „и нынѣ Великій Государь нашъ, Е. Ц. В., всѣ тѣ великія Царства, съ Божіею помощію, держитъ подъ своею Царскою высокою рукою; и по тѣмъ великимъ Царствамъ и Государствамъ Великій Государь нашъ, Е. Ц. В., во своихъ Ц. Вел—ва граматахъ Царемъ и Самодержцемъ описуется“ [1]).

Менезіусу, когда онъ былъ въ Римѣ въ качествѣ посланника царя Алексѣя Михайловича, объявлено было, что папа намѣренъ отправить своего посланника въ Москву спеціально для переговоровъ о признаніи царскаго титула московскихъ государей, но это намѣреніе не было приведено въ исполненіе [2]). Въ 1685 году гонецъ императора германскаго Курцъ, послѣ аудіенціи у царей, заявилъ князю В. В. Голицыну, что получилъ отъ императора повелѣніе подать царямъ папскую грамоту. Грамота эта, по словамъ Курца, была написана папою по желанію императора, который просилъ папу признать царскій титулъ московскихъ государей, и папа, исполняя просьбу императора, послалъ царямъ чрезъ него грамоту, въ которой написалъ титулы ихъ такъ, какъ того требовалъ нѣкогда отъ римскаго престола царь Алексѣй

[1]) Тамъ же, 422—424.

[2]) „Пам. дипл. сн.“ VI, 930.

Михайловичъ При этомъ Курцъ заявилъ, что по наказу императора онъ долженъ передать царямъ папскую грамоту только въ томъ случаѣ, если цари дадутъ обѣщаніе писать титулъ папы такъ, какъ писали его византійскіе императоры и великіе князья русскіе въ грамотахъ къ папамъ. Голицынъ отвѣтилъ Курцу, что „начала никакого дѣла истиннаго не слыша", не можетъ передать его рѣчей царямъ и обѣщать ему отъ имени ихъ, что въ царскихъ грамотахъ къ папѣ титулъ его будетъ написанъ такъ, какъ писали его византійскіе императоры. Когда Курцъ подалъ Голицыну копію съ папской грамоты, въ которой титулъ государей въ русскомъ переводѣ былъ написанъ: „Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи, и великихъ государствъ восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ Отчичемъ и Дѣдичемъ и Наслѣдникомъ и Самодержцемъ, Государемъ и Обладателемъ", Голицынъ сказалъ Курцу, что доложитъ государямъ о сдѣланномъ отъ имени папы предложеніи и рѣшеніе ихъ объявитъ ему чрезъ пристава [1]).

Въ грамотѣ своей папа убѣждалъ царей примкнуть къ союзу съ христіанскими государями для борьбы противъ турецкаго султана и выражалъ желаніе, чтобы цари присоединились къ католической церкви [2]).

Въ посольскомъ приказѣ были наведены справки о прежнихъ сношеніяхъ московскихъ государей съ папами [3]), послѣ чего Курцу данъ былъ такой отвѣтъ: титулъ царей написанъ въ папской грамотѣ не такъ, какъ пишутъ себя цари въ грамотахъ своихъ, и какъ титулуютъ ихъ въ грамотахъ къ нимъ императоръ и другіе христіанскіе государи; если папа желаетъ имѣть сношенія съ царями, то долженъ титуловать ихъ такъ, какъ они себя титулуютъ, и какъ титулуютъ ихъ въ грамотахъ къ нимъ императоръ и другіе государи. Курцъ отвѣтилъ, что папа не написалъ полный титулъ государей по незнанію, но впредь будетъ титуловать государей такъ, какъ они сами себя титулуютъ. На вопросъ Голицына, признанія какого титула папа желаетъ со стороны

---

[1]) Тамъ же, 922 и слѣд.

[2]) Тамъ же, 925.

[3]) Тамъ же, 926 и слѣд.

государей, Курцъ сказалъ, что папѣ угоденъ тотъ титулъ, съ которымъ Іоаннъ IV обращался къ Григорію XIII: „наивысшій пастырь“ [1]). Курцу было объяснено, что Іоаннъ IV титуловалъ такъ папу потому, что въ Москвѣ въ то время не было патріарха, но былъ только митрополитъ, когда же „учинилися въ Російскомъ царствіи Патріархи и область въ архіерействѣ и престолъ воспріяли равно вселенскій, и съ того времени отъ В. Г—рей, отъ ихъ Цар. Вел—ва, къ Римскимъ Папамъ въ ихъ государскихъ грамотахъ „верховнѣйшимъ“ или „навышшимъ“ и не писано, и нынѣ того учинить не возможно...“ [2]), „потому что умаленіе отъ того слова будетъ въ архіерействѣ святѣйшиму Московскому Патріарху и въ зазрѣніи отъ святѣйшихъ вселенскихъ Патріарховъ...“ [3]). Цари, сказано было Курцу, находили возможнымъ титуловать папу „честнѣйшимъ избраннѣйшимъ господиномъ, Папою Римскимъ и пастыремъ Римского костела достойнѣйшимъ“ [4]). Курцъ высказалъ увѣренность, что папа будетъ титуловать царей сообразно ихъ желанію и просилъ исходатайствовать для него аудіенцію, чтобы передать государямъ папскую грамоту [5]). Курцу дана была аудіенція, и цари приняли отъ него папскую грамоту [6]), но въ этой грамотѣ не были написаны имена царей и полный титулъ ихъ [7]). Вслѣдствіе этого Курцу было объявлено, что отвѣтная грамота отъ царей къ папѣ не будетъ отправлена по назначенію [8]).

---

[1]) Тамъ же, 941.

[2]) Тамъ же, 942.

[3]) Тамъ же, 943.

[4]) Тамъ же. Такъ былъ титулованъ папа Иннокентій XII въ грамотѣ царя Петра I, отправленной къ нему чрезъ боярина Б. П. Шереметьева въ 1697 г.: Honorandissimus Dominus Innocentius XII, Papa et Doctor Romanae Ecclesiae dignissimus (Theiner, Monum. histor. de Russie, pag. 368, Rome, 1859).

[5]) Тамъ же, 944.

[6]) Тамъ же, 950.

[7]) Предлагая царямъ присоединиться къ союзу христіанскихъ государей противъ турецкаго султана, папа обращался къ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ не называя ихъ по имени: „воспріимите убо высокіе Цари и Князи...“ (тамъ же, 953), и кромѣ того грамота не была подписана папою (тамъ же, 951—954).

[8]) Тамъ же, 954 и слѣд.

Тотъ, кто впервые усвоилъ себѣ титулъ императора, довершилъ дѣло, начатое первымъ московскимъ царемъ: царскій титулъ Петра I признанъ былъ и римскимъ дворомъ, единственнымъ изъ европейскихъ дворовъ, который ко времени Петра I не признавалъ еще за московскимъ государемъ этого титула [1]).

Пересматривая доказательства, которыя представлялись московскими государями въ пользу правъ ихъ на царскій титулъ, не видимъ данныхъ, которыя свидѣтельствовали бы, что государи эти смотрѣли на себя какъ на преемниковъ византійскихъ императоровъ и на этомъ преемствѣ основывали право свое на царскій титулъ. Въ доказательство правъ своихъ на этотъ титулъ московскіе государи ссылались, во-первыхъ, на царскія вѣнчанія Владиміра св. и Владиміра Мономаха, и во-вторыхъ, на обладаніе царствами казанскимъ, астраханскимъ и сибирскимъ, когда же большинство европейскихъ дворовъ признало за московскими государями царскій титулъ, тогда государи эти стали основывать право свое на усвояемый себѣ титулъ и на этомъ признаніи.

---

[1]) Hist. rus. mon. II, № 126. Лакіеръ: „Исторія титула государей Россіи", Ж. М. Н. Пр., ч. 56, стр. 139; М. Капустинъ: „Признаніе титула царей русскихъ западно-европейскими государствами въ концѣ XVII в.", „Москвитянинъ", 1851 г., № 24, кн. 2, стр. 532; его же: „Дипломатическія сношенія Россіи съ западною Европою во второй половинѣ XVII в.", стр. 85 и слѣд., М. 1852.

University of British Columbia Library

DUE DATE

FORM 310

680000

UNIVERSITY OF B.C. LIBRARY

3 9424 01256 0113

12967